

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ

Материалы
Международной научной конференции по юриспруденции
для студентов, курсантов, слушателей и магистрантов
(Минск, 26 ноября 2025 г.)

Научное электронное издание

Минск
Академия МВД
2026

ISBN 978-985-576-522-7

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2026

УДК 34 + 08
ББК 67

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук, доцент *А.О. Мартынов*
(ответственный редактор);

В.Р. Меерсон (секретарь);

А.В. Балиткин, А.В. Иванов, П.А. Кононов, В.В. Серебряков,
Е.И. Стабровский, Е.Г. Терешенко

Актуальные проблемы юридической науки: взгляд молодежи : материалы Междунар. науч. конф. по юриспруденции для студентов, курсантов, слушателей и магистрантов (Минск, 25 нояб. 2025 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А.О. Мартынов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2026. – 624, [1] с. (1 файл : 5.37 МБ)
ISBN 978-985-576-522-7.

Сборник включает в себя тезисы докладов участников международной научной конференции по юриспруденции для студентов, курсантов, слушателей и магистрантов. Материалы конференции являются результатом научно-исследовательской работы обучающихся учреждений высшего образования юридического профиля в различных областях юридической науки.

Предназначен для студентов, курсантов, слушателей и магистрантов учреждений образования юридического профиля.

Системные требования: Браузеры Internet Explorer 7.0 и выше, Firefox 10.0, Chrome, Yandex, Opera, программа для просмотра PDF-файлов.

УДК 34 + 08
ББК 67

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

<i>Алиев А.Б.</i> Объекты, имеющие двойное назначение: международный обзор	14
<i>Альмова Е.Д.</i> Взаимодействие положений англосаксонской, мусульманской и романо-германской правовых семей (на примере права Египта)	17
<i>Амицба Д.Д.</i> Правовое регулирование заработной платы в Республике Беларусь	20
<i>Ароценко М.А.</i> Проблемы правового регулирования виртуального имущества: опыт Российской Федерации	24
<i>Белоцерковец В.И.</i> Правовой статус иностранных лиц и лиц без гражданства как субъектов трудового права	27
<i>Бердик А.Л.</i> Право на фотографические изображения	29
<i>Борисова Е.В.</i> Влияние массовой информации на формирование личности несовершеннолетнего	31
<i>Буданов В.И.</i> Сравнительно-правовой анализ регулирования общественных работ как вида административного взыскания и уголовного наказания	34
<i>Будняк Д.С.</i> Правовые аспекты обращения виртуального образа в Республике Беларусь	38
<i>Бурблис Е.В.</i> Искусственный интеллект в подготовке юристов: новый коллега или умный инструмент	42
<i>Васюкевич К.Ю.</i> Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом	44
<i>Волкова П.А.</i> Использование искусственного интеллекта в современном образовании	46
<i>Гаркавий К.Д.</i> О возможности реализации в Республике Беларусь рекомендательных международных норм в сфере трудовых прав и обязанностей заключенных	51
<i>Горностаева М.А.</i> О некоторых вопросах привлечения родителей к административной ответственности за невыполнение обязанностей по воспитанию детей	54
<i>Гриб И.А.</i> Международное сотрудничество Республики Беларусь как средство обеспечения национальной безопасности	57

<i>Грицкевич С.В.</i> Актуальные аспекты применения неюридических средств правового воздействия в отношении граждан, находящихся в лечебно-трудовых профилакториях	61
<i>Гуськова В.И.</i> Регулирование внешней трудовой миграции в Российской Федерации. Противодействие незаконным миграционным потокам в рамках международного сотрудничества	64
<i>Далидович А.С.</i> Неприкосновенность изображений сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь	69
<i>Дашкевич А.Д.</i> Виды правовых презумпций и их закрепление в законодательстве Республики Беларусь	71
<i>Душин Д.Н.</i> Потенциал использования цифровых технологий при обеспечении исполнения обязательств	74
<i>Душкевич А.В.</i> Служба БХСС/БЭП: история становления и развития	78
<i>Дыев А.А.</i> Звуковые товарные знаки в системе нетрадиционных товарных знаков	81
<i>Жигалкович Е.А.</i> Проблемы процедуры признания лица безвестно отсутствующим	84
<i>Заборова У.Д.</i> Гарантии правовой и социальной защиты сотрудников органов внутренних дел: основные аспекты	87
<i>Зубкова В.В.</i> Проблема охраны общественного порядка придомовых территорий	90
<i>Зыбенко А.А.</i> Административно-правовое регулирование использования питбайков на дорогах общего пользования: проблемы и перспективы	94
<i>Иванцова Е.А.</i> О государственных закупках в Республике Беларусь	96
<i>Ивашкевич Я.В.</i> Взаимоотношения государства и церкви в годы советской власти	99
<i>Исаева М.Э.</i> Влияние уровня правосознания граждан на участие в выборах: проблемы и пути решения	102
<i>Каланцер Д.М.</i> Юридическая ответственность несовершеннолетних в Беларуси: баланс между наказанием и воспитанием	105
<i>Карпук М.М.</i> Соотношение права и морали в современном мире: теоретико-правовой анализ	108
<i>Катиева А.М.</i> Актуальные проблемы правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях сотрудниками правоохранительных органов МВД России в сфере миграции	111
<i>Кашанина А.М.</i> Этика служебного общения: значение и влияние на профессионально-нравственную атмосферу в органах внутренних дел	113
<i>Ковалевский Я.В.</i> Формирование правовой системы в Восточной Европе в IX – начале X в. (на примере политических договоров)	116
<i>Копыцкий А.В.</i> Формирование коммуникативной компетентности у курсантов как условие эффективного взаимодействия с гражданами	119
<i>Король П.В.</i> Особенности защиты персональных данных в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительная характеристика	122
<i>Корольчук И.С.</i> Ограничения правоспособности и дееспособности лиц, отбывающих наказание, в Республике Беларусь	125

<i>Крутолевич М.А., Синдикевич А.А.</i> Роль групповой сплоченности в формировании профессиональной идентичности курсантов	128
<i>Кукушкина А.П., Волчок В.В.</i> Дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы Департамента исполнения наказаний Республики Беларусь	130
<i>Лазарева А.Ю.</i> О признании виртуального игрового имущества объектом гражданских прав	133
<i>Левицкий В.Д.</i> Проблемы противодействия незаконной предпринимательской деятельности в сфере криптовалют в Республике Беларусь	136
<i>Леонов И.А.</i> Правовая культура: понятие и подходы к пониманию	139
<i>Лешко Н.И.</i> Организация труда в уголовно-исполнительной системе Республики Беларусь	141
<i>Лыкова Ю.А.</i> Современные проблемы по делам несовершеннолетних	144
<i>Мартынюк А.Э.</i> Психологические особенности адаптации курсантов к условиям обучения в системе Министерства внутренних дел	147
<i>Маслов В.В.</i> Забастовка как метод разрешения коллективного трудового спора	150
<i>Мельниченко О.А.</i> О возможности признания искусственного интеллекта автором созданного им произведения искусства	152
<i>Нагорный В.С.</i> Проблемы правового регулирования порядка оплаты товаров (работ, услуг) потребителем в Республике Беларусь	155
<i>Нашиванов В.Г.</i> Несовершеннолетнее лицо как субъект административной ответственности сквозь призму времени	158
<i>Немьтьков Е.А.</i> Исторический анализ законодательства, регламентирующего применение и использование оружия сотрудниками органов внутренних дел	161
<i>Обуховский Р.В., Ефимович А.А.</i> Криптовалюта как объект гражданских прав	165
<i>Онопко С.А.</i> Психологические аспекты применения нейросетей в деятельности органов внутренних дел	167
<i>Павлович А.А.</i> Принципы трудового права и их практическое значение	169
<i>Петушков Д.В.</i> Отношения, связанные с трудовыми: их субъектный состав и значение	173
<i>Печенко И.А.</i> Соотношение понятий «принуждение в гражданском праве» и «гражданско-правовое принуждение»	176
<i>Пилиповец З.В.</i> Гражданско-правовая ответственность физических и юридических лиц за киберпреступления	178
<i>Пинчук К.В.</i> Правовые основы организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций	179
<i>Пождаева Д.Д.</i> Причины и предпосылки создания надзорно-профилактической службы органов внутренних дел в начале 1970-х гг.	182
<i>Полищук Д.Ю.</i> Права, свободы и законные интересы граждан: понятие и конституционно-правовые основания ограничения	186
<i>Полозкова П.А.</i> Правовые ценности: понятие и виды	188
<i>Полякович А.В.</i> Принципы гражданского права и их практическое значение	191

<i>Похольчик В.Ю.</i> Международно-правовые и национальные аспекты института экстрадиции в Республике Беларусь	194
<i>Прищук А.С.</i> Сделки, совершенные под влиянием заблуждения	197
<i>Прокопович И.А.</i> Санкционная политика: влияние и пути преодоления	200
<i>Пышьева Е.А.</i> Особенности административного процесса	204
<i>Резько В.А.</i> Депортация иностранных граждан и лиц без гражданства как вид административного взыскания	208
<i>Реут П.Г.</i> Правовой статус музыкальных произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта	210
<i>Романович М.Ю.</i> Гражданско-правовая ответственность за киберпреступления	213
<i>Рыбакович О.П.</i> Договор воздушной перевозки пассажира: правовые аспекты, проблемы реализации и пути совершенствования	214
<i>Савилова А.В.</i> Охрана частной жизни сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь	216
<i>Сальникова П.С.</i> Эффективные методы работы с подростками, склонными к правонарушениям	218
<i>Самовтор Д.Е.</i> Сравнительный анализ административного задержания в Российской Федерации и Республике Беларусь	221
<i>Светлов К.С.</i> Фальсификация истории как фактор денационализации российского общества	224
<i>Соломина А.А.</i> Особенности обеспечения правопорядка в отдельных субъектах Российской Федерации	226
<i>Строкина А.О.</i> Новеллы в законодательстве конвертируемых займов	230
<i>Суранова К.Б.</i> Цифровизация и права молодежи: проблемы и решения в рамках Конституции Кыргызской Республики	233
<i>Толок К.И.</i> Лица, отбывающие наказания, как субъекты трудовых отношений	236
<i>Трахинин Т.Е.</i> Правовые особенности объектов гражданского права, имеющих двойное назначение	238
<i>Умарова С.С.</i> Особенности академической прокрастинации у курсантов Академии МВД Республики Узбекистан	241
<i>Фоминых А.А.</i> Развитие профессиональных навыков сотрудников МВД России в сфере обеспечения безопасности дорожного движения	243
<i>Харкевич К.А.</i> Взыскание алиментов на несовершеннолетних детей	246
<i>Цыганов Д.А.</i> Правовое регулирование труда лиц, отбывающих наказание, в Республике Беларусь	249
<i>Чалевич И.С.</i> Лишение родительских прав как мера юридической ответственности в семейном праве	252
<i>Чупрына И.С.</i> Конституционная реформа в России 2020 г.	255
<i>Шавкун Л.Ф.</i> Проблемы привлечения к гражданско-правовой ответственности создателей дипфейков	257
<i>Шевлик В.В.</i> Отдельные аспекты организации охраны общественного порядка и обеспечения безопасности при проведении массовых мероприятий в современных условиях	259

Шестириков Я.В., Боровой А.О. Роль «мягкого права» в современном мире	262
Яскевич В.А. Понятие и содержание экономической безопасности сквозь призму конституционно-правовых норм	265

Секция 2

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ, РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ардус К.А. Тактические особенности осмотра места происшествия при поступлении сообщения о незаконном пересечении государственной границы	269
Атаманова П.И. Открытия человечества в области генетики	272
Бармин И.С. Должностные преступления: специфика расследования	273
Богаткевич А.А. Роль прокурора в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе Республики Беларусь	277
Волчок В.В. О цифровизации уголовного процесса	280
Воробьева А.В. Особенности криминалистической идентификации личности говорящего	283
Горина А.Д. Сущность и особенности правового регулирования прекращения уголовного дела в связи с прохождением военной службы	286
Грачёв В.С. Полимерные технологии в современных денежных средствах	289
Дмитриева А.А. Криминалистические возможности восстановления прижизненного облика человека	290
Елхов Л.А. Современные информационные технологии и уголовный процесс: современное состояние и зарубежный опыт	293
Ефимович А.А. Упаковка лекарственного средства как объект криминалистического исследования	297
Иванова А.А. Актуальные вопросы использования систем видеоконференцсвязи для получения консультации адвоката	299
Карпова Е.А. Использование возможностей ДНК для идентификации и взаимодействия участников расследования	302
Киселёва В.С. Судебная экспертиза в идентификационно-поисковой деятельности: вопросы назначения, производства и оценки заключения эксперта	304
Климович А.К., Кресова М.С. Коррупция в сфере образования: проблемы в законодательстве и особенности расследования преступлений	305
Климушко Д.А. О проблемах применения меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении	311
Крупник К.В. Исследование замков. Основные положения и актуальные вопросы, возникающие в процессе экспертных исследований	314
Крушной М.С. Процессуальный статус обвиняемого и его особенности в Республике Беларусь	316

<i>Лубышева Д.С.</i> Проблемы применения приостановления операций с денежными средствами в цифровой среде: теория и практика	319
<i>Мамурина К.В.</i> О правовой квалификации побегов в Республике Беларусь	322
<i>Мирзоева А.Ф.</i> Незаконный оборот оружия и уголовно-правовые средства борьбы с ним	325
<i>Оболонский Я.Ю.</i> Применение искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: реальность и перспективы	328
<i>Обуховский Р.В.</i> Перспективы использования 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности	331
<i>Орленко С.С.</i> Криминалистические аспекты измены государству с использованием сферы высоких технологий: обоснование проблемы и пути решения	333
<i>Осипова Н.А.</i> Использование современных технологий в миграционном контроле за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства	336
<i>Понтелеева М.А.</i> Неопровержимое доказательство или хитрая уловка? Феномен цифрового алиби	339
<i>Попова С.Н.</i> Идеи профессора В.Я. Колдина для решения задач криминалистики и судебной экспертизы: прошлое, настоящее и будущее	341
<i>Рожкова А.А., Халимон А.В.</i> Антикоррупционные суды: перспективы создания в Республике Беларусь	343
<i>Синицына В.В.</i> Процессуальные ошибки следователя и пути их предупреждения	346
<i>Скипин Н.М.</i> Предварительное расследование: некоторые особенности влияния права и регламента на процесс назначения и проведения судебных экспертиз	349
<i>Тарасова Л.А.</i> Правовой статус информации, полученной в ходе медиации, при расследовании уголовных дел	350
<i>Усатенко И.В.</i> О некоторых проблемных вопросах реализации принципа презумпции невиновности	353
<i>Халимбеков Х.И.</i> Проблемы допустимости доказательств, полученных с использованием цифровых технологий (мессенджеры, соцсети, геолокация) в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Узбекистан	357
<i>Хомич М.И.</i> Проблемы проведения обыска как следственного действия в Республике Беларусь	360
<i>Шатило В.В.</i> О понятии неотложных следственных действий	363
<i>Шулятицкий И.А.</i> Criminal matter как следующий этап развития уголовной политики	366
<i>Шупилов П.Ю.</i> Об отдельных вопросах применения залога в уголовном процессе Республики Беларусь	369
<i>Якубук В.В.</i> Об основаниях для отказа в возбуждении уголовного дела по фактам безвестного исчезновения граждан	372

Секция 3
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ,
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Азаренко А.О.</i> О толковании объективных признаков в виде незаконного сбыта и приобретения наркотических средств	376
<i>Балбатовский Н.О.</i> Понятие и признаки экстремизма в уголовном праве	379
<i>Богданова К.А.</i> Проблемы и перспективы стимулирования трудоустройства лиц, освобожденных из исправительных учреждений	382
<i>Бойко Ю.О.</i> Применение искусственного интеллекта в процессе получения образования осужденными к лишению свободы в Республике Беларусь	384
<i>Бухтиярова Е.Д.</i> О причинах девиантного поведения у подростков и его профилактике	386
<i>Васильев А.В.</i> Теоретико-правовой аспект этнической преступности	389
<i>Гляцевич К.А.</i> О соотношении понятий «личность преступника» и «субъект преступления»	392
<i>Головин К.Д.</i> Направления совершенствования уголовной ответственности за изнасилование	394
<i>Граевский А.А.</i> О перспективах реформирования системы иных мер уголовной ответственности	397
<i>Джамалудинова А.А.</i> Проблемные аспекты применения условно-досрочного освобождения к осужденным к пожизненному лишению свободы	400
<i>Емельячик Е.Д.</i> Социальные последствия преступности как категория криминологической науки	404
<i>Караченцева У.М.</i> Предупреждение преступлений, совершаемых посредством видеоигр	406
<i>Карпенко В.Е.</i> Компаративистский анализ принципов уголовного права Российской Федерации и Республики Беларусь	409
<i>Кашевар И.Д.</i> Перспективные меры по снижению коррупционных рисков в деятельности Вооруженных Сил	412
<i>Ковалёва А.В.</i> Коррупция в Республике Беларусь и зарубежных странах: анализ опыта противодействия	414
<i>Ковалева Ю.С.</i> Хулиганство: вопросы уголовно-правовой регламентации	418
<i>Корбан А.А.</i> О необходимости совершенствования порядка и условий нахождения граждан в лечебно-трудовых профилакториях	421
<i>Костелетская А.А., Тишурова В.С.</i> Киберсталкинг как инструмент для вовлечения в секс-индустрию	423
<i>Кудрявцев Д.А.</i> Биологические факторы формирования личности преступника и их роль в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений	426
<i>Лебедевич Т.С.</i> О понятии личности преступника в криминологии	429

<i>Лемешев А.М.</i> Нарушение конфиденциальности персональных данных как существенный компонент преступной деятельности в цифровую эпоху	432
<i>Леута А.И.</i> Уголовная ответственность юридических лиц: законодательные перспективы в Российской Федерации и Республике Беларусь	435
<i>Лугин Г.А.</i> Влияние развития социума на формирование личности преступника	439
<i>Магазиницкова М.А.</i> Совершенствование критериев степени исправления осужденных к лишению свободы	441
<i>Маркевич Н.Д.</i> Уголовно-правовая оценка эвтаназии по законодательству Республики Беларусь	445
<i>Молчанова М.В.</i> Анонимные сети и мессенджеры как инструмент наркобизнеса: риски и пути решения	448
<i>Наркевич Л.Е.</i> Возраст как критерий беспомощного состояния в контексте современных тенденций уголовно-правовой политики в сфере противодействия преступлениям против половой свободы или неприкосновенности	451
<i>Немчинская В.В.</i> Проблемы правового и организационного обеспечения исполнения наказания в виде общественных работ	454
<i>Пузако В.Ю.</i> Виртуальная собственность и уголовное право: вызовы современности	456
<i>Романюк М.И.</i> Некоторые вопросы определения малозначительности деяния в уголовном праве	459
<i>Сазановец Я.О.</i> О социальной интеграции лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы на определенный срок	462
<i>Сидорина В.Н.</i> Искусственный интеллект на вооружении правоохранительных органов: риски и пути их решения	464
<i>Скипор Е.Н.</i> Криминологические аспекты имплантации RFID-устройства	467
<i>Старовойтова Е.А.</i> Криминологическая характеристика наркопреступности	470
<i>Старовойтова Е.А., Кавецкая В.О.</i> Детерминанты преступности несовершеннолетних	473
<i>Трофимова У.В.</i> Актуальные вопросы в сфере антидопингового законодательства Российской Федерации	475
<i>Труханович Я.С.</i> Трансформация интернет-мошенничества в Республике Беларусь	478
<i>Узденова А.О.</i> Обман или злоупотребление доверием как способы совершения мошенничества	480
<i>Харламенко У.В.</i> Особенности организации надзора в исправительных учреждениях открытого типа	483
<i>Хомич К.С.</i> Уголовная политика в области охраны общественного порядка и нравственности	487
<i>Чернушевич К.С.</i> Дипфейки и уголовная ответственность	490

<i>Швец А.В., Мельник Е.А.</i> О перспективах социального изучения личности преступника	493
<i>Шкроблик Л.Д.</i> О рецидивной преступности в Республике Беларусь и мерах по ее предупреждению	496
<i>Шустерман К.А.</i> Использование информационных технологий для предупреждения коррупции	500
<i>Янович Н.С.</i> Применение технологии цифрового двойника в системе исполнения наказаний: правовые, организационные и технические аспекты	503
<i>Ярмоленко С.С.</i> О некоторых направлениях повышения эффективности противодействия преступлениям на объектах железнодорожного транспорта	506

Секция 4

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

<i>Алейников В.А.</i> Использование искусственного интеллекта в сфере борьбы с экономическими преступлениями и киберпреступностью	509
<i>Анишкевич И.О.</i> Применение технологий искусственного интеллекта в деятельности оперативных сотрудников	512
<i>Атаев Т.Т.</i> Основы защиты критической информационной инфраструктуры финансового сектора от внешних угроз	516
<i>Афанасенко А.В.</i> Положительные аспекты применения различных технологий в деятельности органов внутренних дел	519
<i>Ахрамович Е.А.</i> Контролируемая поставка	522
<i>Боева Е.П.</i> Угрозы экономической безопасности в условиях становления экономики данных	524
<i>Борисова Е.М.</i> Использование открытых источников информации (OSINT) в оперативно розыскной деятельности	527
<i>Борисюк Е.А.</i> Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности	530
<i>Бородин А.А.</i> Правовые основы деонамизации пользователей мессенджеров	533
<i>Васильев А.И.</i> О перспективных направлениях использования больших языковых моделей в деятельности Министерства внутренних дел Республики Беларусь	536
<i>Васильев А.И., Царенко И.В.</i> Некоторые аспекты интеграции технологий искусственного интеллекта в деятельности подразделений по противодействию торговле людьми	538
<i>Волков И.П.</i> Правовое регулирование поиска из открытых источников (интернет-поиск) в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности	541
<i>Вязов А.С.</i> О целесообразности исследования права на забвение в контексте законодательства о защите персональных данных	544

Горбачёв Е.В. Правовые аспекты информационной безопасности Республики Беларусь	546
Гриб И.А., Ананян Д.Г. Проблемы правового регулирования розыскной работы органов внутренних дел Республики Беларусь	549
Жигарев Ф.Е. Оперативно-розыскная характеристика легализации средств, полученных преступным путем	552
Зарожный П.Г. Сбор и переработка автомобильных аккумуляторов в контексте обеспечения экологической и экономической безопасности	554
Илюшина А.М. Актуальные проблемы проведения судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью и пути их решения	557
Козлов В.А. Об отдельных вопросах организации проведения оперативно-розыскных мероприятий в рамках доследственной проверки	560
Козырев И.В. Особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативное отождествление» с использованием информационных технологий	563
Колесова А.И. Налоговый контроль как необходимый элемент обеспечения экономической безопасности государства	565
Котел Д.Ю. Уголовно-правовая характеристика взяточничества	568
Красовский П.В. Роль оперативного эксперимента в выявлении фактов взяточничества	570
Круглик П.А. Особенности использования сети Интернет в оперативно-розыскной деятельности	572
Кукета А.К., Шарунова А.С. Сталкинг и киберсталкинг в Республике Беларусь: проблемы правового регулирования и пути совершенствования законодательства	575
Кукушкина А.П. Особенности использования электронных платежных систем	578
Кухаренко А.В. Право на приватность в цифровую эпоху	581
Мамурина К.В., Материнко А.Д. О некоторых вопросах обращения цифрового белорусского рубля	583
Маринич С.С. Влияние легализации преступных доходов на экономическую безопасность	585
Материнко А.Д. О некоторых вопросах экономической безопасности в банковской сфере Республики Беларусь	587
Мишина А.А. Направления развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации в целях обеспечения экономической безопасности	589
Немытьков Е.А. О некоторых информационных компетенциях сотрудников правоохранительных органов в сфере противодействия экономическим преступлениям	593
Ницолов А.А. Оперативно-розыскные ситуации при выявлении взяточничества в мясомолочной отрасли	595
Новиков К.С. Оперативно-розыскное мероприятие «наведение справок»: сущность и правовые основы	598

Пальникова В.М. Вопросы законности сбора, анализа больших массивов данных для выявления аномалий и потенциальных угроз экономической безопасности: этические и правовые ограничения	601
Пузанова А.С. Применение технологий виртуальной реальности для реконструкции места преступления: международный опыт	604
Сазановец Я.О., Котел Д.Ю. Социально-экономические причины рецидива экономической преступности	606
Сазонова А.С. Перспективы расширения рынков сбыта как фактор обеспечения экономической безопасности	608
Тараева С.С. Оперативно-розыскная профилактика органов внутренних дел в системе предупреждения вовлечения и потребления несовершеннолетними наркотических средств	611
Тукишев М.А. Коррупция в сфере агропромышленного комплекса как угроза экономической безопасности	614
Фадеенков С.Е. Операторы криптоплатформ в сфере легализации денежных средств, полученных преступным путем	617
Цыва В.С. Влияние организованной преступности на экономическую безопасность в Республике Беларусь	619
Шестириков Я.В. Роль принципа конспирации в оперативно-розыскной деятельности	621

Секция 1

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 347.1

А.Б. Алиев, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ОБЪЕКТЫ, ИМЕЮЩИЕ ДВОЙНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЗОР

Товары, работы, услуги и технологии двойного применения (далее – объекты двойного назначения, ОДН) занимают особое место в системе гражданских прав, поскольку сочетают в себе потенциальное мирное применение и возможность использования в целях создания вооружений, военной техники либо оружия массового поражения. Такая двойственная природа обуславливает необходимость строгого государственного контроля их оборота, который в Республике Беларусь осуществляется в рамках правил ограниченной оборотоспособности и подлежит государственному экспортному контролю, обеспечивающему национальную безопасность и соблюдение международных обязательств (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 11 мая 2026 г. № 363-З «Об экспортном контроле» (далее – Закон № 363-З)).

В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) к объектам гражданских прав относятся вещи (включая денежные средства и ценные бумаги), иное имущество, работы, услуги, а также нераскрытая информация, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также нематериальные блага. Данная норма

задает широкий и всеобъемлющий перечень, в который логично включать объекты двойного назначения как специфическую подкатегорию. И хотя ст. 129 ГК Республики Беларусь регламентирует оборотоспособность этих объектов, предусматривая различный порядок участия их в гражданском обороте, если иное не установлено законом, за исключением объектов с ограниченной оборотоспособностью, правовой режим объектов, к которым относятся ОДН, не определен. При этом подразумевается, что их отчуждение и использование тесно связано с соблюдением специальных процедур, предусматривающих оформление лицензий и согласований, что исключает незаконное использование и способствует контролю. Кроме того, особое значение имеют нормы, регулирующие вещные права, ограничения их реализации, ответственность за нарушение законности при сделках, а также последствия недействительности сделок, противоречащих нормам права (ст. 167 и 169 ГК Республики Беларусь). Эти положения обеспечивают комплексное регулирование и позволяют решать возникающие правовые споры, обеспечивая защиту государственных интересов.

Особый интерес представляет правовой статус ограниченно оборотоспособных объектов. ОДН подчиняются режиму, требующему получения государственных разрешений для отчуждения, передачи в аренду, использования в качестве залога, привлечения в страховые сделки и иных гражданско-правовых операций. Отсутствие таких разрешений дисквалифицирует сделки, делая их либо ничтожными, либо условно исполнимыми, если нарушение связано с непредвиденными обстоятельствами, за которые должник не отвечает. При этом сделки, нарушающие режим экспортного контроля, признаются недействительными на основании ст. 169 ГК Республики Беларусь и иных сопутствующих нормативных актов. Судебная практика требует четкого указания на конкретные нарушенные нормы, что повышает прозрачность правоприменения и снижает риск произвольного толкования. Само нарушение правил контроля за введение в гражданский оборот данного вида объектов может повлечь как административно-уголовные санкции, так и гражданско-правовые последствия, включая обязательства по возмещению убытков, уплату штрафов и применение неустойки. Поэтому в договоры рекомендуется включать специальные комплаенс-положения и формальные оговорки, защищающие стороны от непредвиденных рисков.

В настоящий момент в нашей стране существует определенный механизм, направленный на урегулирование рисков в данной сфере деятельности. Практикой становится внедрение дополнительных гарантийных положений: подтверждение наличия лицензий, проверка ко-

нечных пользователей, уведомление о фактах со стороны заказчика, возможность приостановления исполнения договора при возникновении риска нарушения законодательства. Предусматриваются также положения о соблюдении международных норм и национальных перечней контролируемых товаров. В целом в настоящее время в Республике Беларусь сформирована и действует национальная система экспортного контроля, сориентированная на международные обязательства в сфере нераспространения оружия массового поражения и конвенций по химическим, биологическим и ядерным материалам. Среди ключевых документов – резолюция Совета Безопасности ООН 1540 (2004), Договор о нераспространении ядерного оружия, Конвенция о запрещении химического оружия и биологического оружия. Кроме того, Беларусь учитывает практики многосторонних режимов контроля, таких как Вассенаарские соглашения, Группа ядерных поставщиков, Режим контроля за ракетными технологиями и Австралийская группа. Кроме этого законодательство в нашей стране ориентируется на Регламент (ЕС) 2021/821, который регулирует режим контроля экспорта, брокерской деятельности, технической помощи и трансфера объектов двойного назначения. Данный регламент внедрил расширенные «catch-all»-механизмы, позволяющие контролировать экспорт, если существует риск военного или неправомерного применения, усилены положения по кибербезопасности и защите прав человека. А также использует разработанные на уровне Евразийского экономического союза согласованные подходы к формированию перечней товаров двойного назначения и мерам нетарифного регулирования, что облегчает координацию экспортного контроля между странами-участницами и способствует обмену информацией о лицензиях и условиях их выдачи.

Подводя итог, можно сделать вывод, что правовое регулирование участия в гражданском обороте объектов двойного назначения в Республике Беларусь эффективно интегрирует гражданско-правовые механизмы ограниченной оборотоспособности и элементы публично-правового экспортного контроля. Такая комплексная система, закреплённая Законом № 363-З и иными подзаконными актами, отвечает современным международным стандартам и адаптирована к требованиям евразийской интеграции и глобальных режимов нераспространения. Это позволяет обеспечить баланс между экономическим развитием и национальной безопасностью. В целом при разработке законодательства в данной отрасли возникает необходимость базировать регулирование оборота ОДН на сочетании ограниченной оборотоспособности и государственного экспортного контроля. Такой подход эффективно балансирует ин-

тересы экономики и национальной безопасности, соответствует международным обязательствам Республики Беларусь и способствует развитию прозрачного и понятного правового механизма.

УДК 34

Е.Д. Алымова, курсант факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛОЖЕНИЙ АНГЛОСАКСОНСКОЙ, МУСУЛЬМАНСКОЙ И РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВА ЕГИПТА)

Правовая семья – это совокупность национальных правовых систем, выделенная на основе общности источников, структуры права и исторического пути его формирования. В настоящее время в «чистом» виде затруднительно найти правовую систему. Это невозможно в силу развития международного сотрудничества и интеграции права. Последнее подразумевает взаимопроникновение содержания различных правовых семей с целью формирования структурно упорядоченного целостного единства права конкретного государства. Особый интерес представляет взаимодействие романо-германской и религиозной правовых семей. Отдельные страны, ранее принадлежащие к религиозной системе мусульманского права, в условиях Новейшего времени испытывали влияние европейских стран, в которых превалирует континентальная система права. Такое воздействие было обусловлено требованиями времени и необходимостью развития государств в «одном направлении».

В XXI в. сохранились страны, использующие нормы религии для решения правовых ситуаций, что допускается законодателем. На сохранении теистических характеристик в праве в условиях современности отразились становление и развитие государства. Египет – страна, которая расположена на африканском континенте с богатым культурным и правовым наследием. С XVI в. Египет входил в состав Османской империи, что определило использование норм шариата при разрешении правовых ситуаций. Во второй половине XIX в. усилились позиции европейского права, но это не привело к исключению мусульманского. В период 1882–1914 гг. Египет находился под протекторатом Великобритании. Так, в середине XIX в. в Египте торговые взаимоотношения и разрешение споров осуществлялись на основе норм торгового законодательства Франции и

Османской империи, последней отдавался приоритет. В 1883 г. реформирование судебной системы по европейскому образцу не упразднило традиционные мусульманские суды. Они продолжили функционировать и участвовали в разрешении дел в сфере семейного и наследственного права. В этом государстве особое значение придается мусульманскому праву (шариату), несмотря на то, что значительная часть современного законодательства Египта имеет европейские корни – положения отраслевого законодательства свидетельствуют о рецепции нормативных правовых актов Франции. В ст. 2 Конституции Египта 1971 г. закреплялось положение о том, что основой законодательства страны выступает мусульманское право. Обращаем внимание на то, что аналогичное положение отражено в ст. 2 Конституции Египта 2014 г.

Краткий исторический экскурс позволяет заключить, что в Египте реализован синтез англосаксонской, романо-германской и мусульманской правовых семей, т. е. светского и мусульманского права. Это свидетельствует об уникальности Египта и делает его особенным не только в историческом и культурном планах, но и правовом. Влияние шариата на право Египта прослеживается в регулировании вопросов брака, развода, наследства.

Так, семейные законы Египта от 1920 г. № 25 и от 1929 г. № 25 регулируют брак и развод, допуская полигамию и предусматривая процедуру талака (развода по инициативе мужа), а также закрепляют право женщин на развод через «хуль» (отказ от финансовых прав в обмен на развод). Последнее основано на ханафитском мазхабе. Вопросы наследования в Египте регулируются нормами шариата и Законом о наследстве от 1943 г. № 77. Доли наследников определяются по шариату, например, дочь получает половину доли сына. В уголовном праве Египта нашли отражение отдельные положения о «диях» (компенсации за убийство) и наказаниях за преступления против нравственности (например, супружеская измена). Семейное и наследственное право страны остается в рамках исламской традиции, но с учетом современных реалий. Определим основные проблемы.

Во-первых, идеологический конфликт и различные подходы к праву обусловлены тем, что шариат основывается на религиозных принципах, а европейское право является светским и определяется волей законодателя. Например, в вопросах наследования шариат четко определяет доли наследства для разных членов семьи, делая акцент на разницу между мужчинами и женщинами (мужчина получает в два раза больше, чем женщина, в аналогичной ситуации), а браки между мусульманками и немусульманами ограничены. В свою очередь, в большинстве евро-

пейских стран семейное право и право наследования основаны на принципах равенства и свободы.

Во-вторых, неоднозначность в интерпретации норм мусульманского права. В шариате выделяют несколько правовых школ, в которых отличается подход к нормам, содержащимся в мусульманских религиозных текстах. Это обусловлено развитием общественных отношений. Невозможно разрешить ситуацию в XXI в., опираясь только на норму Корана. Современная действительность требует адаптации положений шариата и унификации его интерпретации.

В-третьих, сохранившееся до настоящего времени ущемление женщин и представителей других вероисповеданий в правах. При планировании масштабных мероприятий приоритет имеют мусульманские праздники. Такая же ситуация наблюдается в строительстве в отношении христианских церквей. Неравное положение женщин относительно мужчин имеет место быть в вопросах развода и определения последующего воспитания совместных детей.

Таким образом, взаимодействие мусульманского и европейского права в Египте – многогранный и сложный процесс, предусматривающий возможности и трудности. Для оптимизации этого взаимодействия необходим комплексный подход. Будущее правовой системы Египта зависит от способности общества и государства достичь баланса между традициями и современными требованиями, путем создания гармоничного правового пространства.

Воздействие романо-германской правовой семьи прослеживается в кодификации права по французскому образцу и существующей структуре законодательства. Так, Гражданский кодекс Египта 1949 г. сочетает принципы исламского фикха и французского Гражданского кодекса. Такое совмещение проявляется в запрете ростовщичества, структуре договорного права, понятии «злоупотребление правом». В гражданском законодательстве Египта заимствованы из романо-германской традиции институты собственности и обязательств. В Уголовном кодексе Египта 1937 г. проведена систематизация преступлений и наказаний, аналогичная европейской модели, где критерием выступают общественная опасность и степень тяжести деяния. Период английского влияния в истории Египта не остался незамеченным для последнего. Его право заимствовало элементы общего права (common law) в коммерческом и процессуальном праве. Закон от 1981 г. № 159 включает в себя элементы английского корпоративного права, что проявляется в существовании гибких правил создания акционерных обществ. При вынесении судебного ре-

шения отдельное внимание уделяется прецедентам по аналогичным делам. Так, Верховный Конституционный Суд Египта ссылается на свои предыдущие решения, формируя прецедентное право.

Таким образом, право Египта включает в себя те характеристики анализируемых правовых семей, которые являются их отличительными чертами. Взаимодействие правовых семей в Египте прослеживается в том, что есть отрасли права, в которых доминирует шариат или романо-германская и англосаксонская правовые семьи. Это связано с тем, что урегулировать все сферы жизни общества в условиях глобализации религиозными нормами невозможно.

Шариат преобладает в семейном праве, тогда как романо-германские кодексы регулируют гражданские, коммерческие и уголовные отношения. При коллизиях Конституционный Суд Египта балансирует между исламскими нормами и светскими законами. Модернизация экономического законодательства реализуется по англосаксонским шаблонам для интеграции в глобальную экономику. Правовая система Египта демонстрирует гибридный характер, где исламские нормы сосуществуют с романо-германской кодификацией и элементами англосаксонской правовой семьи. Это отражает попытку совместить культурно-религиозную идентичность с требованиями современного государства и международного права. Однако такое смешение порождает вызовы, включая противоречия между светскими и религиозными нормами, что требует постоянного поиска баланса.

УДК 349.232

Д.Д. Амичба, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Правовое регулирование вопросов, связанных с заработной платой, является основной задачей трудового права Республики Беларусь. Под заработной платой законодатель понимает определенное вознаграждение за труд, которое наниматель обязан выплатить работнику за выполненную работу (ст. 57 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)), что подразумевает возмездный характер трудовых

отношений. Обычно в структуру заработной платы включают следующие элементы. Так, в основную часть входят: тарифная ставка, тарифный оклад, оклад, должностной оклад. Они являются относительно постоянными и зависят от квалификации работника и сложности труда. В дополнительную (переменную) часть входят компенсирующие выплаты. Это доплаты за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных (ст. 69 и 70 ТК) и стимулирующие выплаты (надбавки, премии, бонусы), устанавливаемые нанимателем (ст. 63 ТК).

Основу правового регулирования заработной платы в Республике Беларусь составляет Конституция Республики Беларусь (ст. 42), основные положения которой получили закрепление в гл. 6 ТК. Кроме этого специальное регулирование заработной платы осуществляется законами Республики Беларусь: от 17 июля 2002 г. № 124-З «Об установлении и порядке повышения минимальной заработной платы» (далее – Закон о МЗП) и от 21 декабря 1990 г. № 476-ХП «Об индексации доходов населения с учетом инфляции» и актами Президента Республики Беларусь (декреты и указы). Это Декрет Президента Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 29 «О дополнительных мерах по совершенствованию трудовых отношений, укреплению трудовой и исполнительской дисциплины» (далее – Декрет № 29), Указ Президента Республики Беларусь от 18 января 2019 г. № 27 «Об оплате труда работников бюджетных организаций» (далее – Указ № 27), Указ Президента Республики Беларусь от 30 августа 1996 г. № 344 «О своевременной выплате заработной платы, пенсий, стипендий и пособий», Указ Президента Республики Беларусь от 28 января 2006 г. № 55 «О нормативе индексации денежных доходов населения с учетом инфляции». На локальном уровне регулирование осуществляется коллективными договорами, соглашениями и локальными правовыми актами (ЛПА) (например, Положением об оплате труда), нормы которых не могут ухудшать положение работников по сравнению с законодательством. Основной задачей данного законодательства является установление системы государственных гарантий по оплате труда, направленных на обеспечение минимальных стандартов и защиту прав работников (ст. 56 ТК). Основной такой гарантией является минимальная заработная плата (МЗП). В соответствии с Законом о МЗП (месячная и часовая) определяется как государственный минимальный социальный стандарт в области оплаты труда, который наниматель обязан применять в качестве низшей границы оплаты труда работников за работу в нормальных условиях в течение нормальной продолжительности рабочего времени при выполнении обязанно-

стей работника (ст. 1 Закона о МЗП). Размер месячной МЗП устанавливается ежегодно Советом Министров Республики Беларусь с 1 января и подлежит индексации в течение года. С 1 января 2025 г. размер месячной МЗП составлял 726 р. (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2024 г. № 935 «Об установлении размера месячной минимальной заработной платы»). Системы оплаты труда работников (кроме бюджетных организаций и государственных служащих) устанавливаются нанимателем на основании коллективного договора, соглашения, ЛПА и трудового договора (ст. 63 ТК). Особое место занимает система оплаты труда работников бюджетных организаций, регулируемая Указом № 27. С 1 января 2020 г. она основана на тарифной системе, включающей базовую ставку (устанавливается Правительством) и 18-разрядную тарифную сетку (устанавливается Правительством). Заработная плата состоит из оклада (рассчитываемого на основе базовой ставки и коэффициента тарифного разряда), стимулирующих и компенсирующих выплат (п. 1 Указа № 27).

Важными гарантиями прав работников являются нормы, регулирующие порядок и сроки выплаты заработной платы. Выплата производится регулярно в дни, определенные в коллективном договоре, соглашении или трудовом договоре, но не реже двух раз в месяц (ст. 73 ТК). Для работников, с которыми заключен контракт на основании Декрета № 29, выплата может производиться не реже одного раза в месяц. Заработная плата выплачивается в денежных единицах Республики Беларусь (ст. 74 ТК), как правило, по месту выполнения работы (ст. 75 ТК). При увольнении работника все причитающиеся ему выплаты производятся не позднее дня увольнения (ст. 77 ТК).

Для обеспечения стабильности и покупательной способности заработной платы, а также для защиты имущественных прав работников законодательство Республики Беларусь предусматривает специальные правовые механизмы. Одним из таких механизмов является индексация денежных доходов, включая заработную плату. Другим механизмом защиты является ограничение размера удержаний из заработной платы. Удержания могут производиться только в случаях, предусмотренных законодательством (ст. 107 ТК). При каждой выплате заработной платы (после удержания налогов и взносов в ФСЗН) общий размер всех удержаний, по общему правилу, не может превышать 20 процентов, а в случаях, предусмотренных законодательством (например, при взыскании по исполнительным документам), – 50 процентов заработной платы, причитающейся к выплате работнику (ст. 108 ТК). При удержании

алиментов на несовершеннолетних детей или расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, за работником должно быть сохранено не менее 30 процентов заработка. Не допускаются удержания из некоторых выплат, например, из выходного пособия и компенсаций (ст. 109 ТК). За нарушение законодательства об оплате труда предусмотрена ответственность нанимателя и его должностных лиц. Ст. 465 ТК предусматривает дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что общественные отношения, возникающие в сфере правового регулирования заработной платы в Республике Беларусь, регулируются комплексом нормативных правовых актов различной юридической силы, образующих иерархическую систему, – от Конституции Республики Беларусь и ТК до ЛПА организаций. Данный комплекс норм направлен на установление порядка определения, выплаты и защиты вознаграждения за труд. Заработная плата, определяемая как вознаграждение за труд, включает в себя основную (оклад, тарифная ставка) и дополнительную (стимулирующие и компенсирующие выплаты) части. Ее структура и системы оплаты дифференцируются в зависимости от сектора экономики, при этом для работников бюджетных организаций установлена особая тарифная система на основе базовой ставки и тарифной сетки. Ключевым элементом социально-защитной функции выступает система государственных гарантий, включающая установление МЗП как нижней границы оплаты труда, а также четкое регламентирование порядка, сроков и формы выплаты заработка. МЗП ежегодно пересматривается и подлежит индексации, что обеспечивает минимальный уровень дохода для низкооплачиваемых категорий работников.

Важную роль в защите заработка играют механизмы индексации. Ограничения размеров удержаний из заработной платы также служат гарантией сохранения определенной части дохода работника. Таким образом, правовое регулирование заработной платы в Республике Беларусь характеризуется наличием развитой системы норм, направленных на обеспечение социальных гарантий и защиту трудовых прав работников в сфере оплаты труда. Установление минимальных стандартов, механизмов компенсации инфляционных потерь и потерь от несвоевременной выплаты, а также мер ответственности подчеркивает социально ориентированный характер трудового законодательства страны.

М.А. Арошенко, студент филиала Российского государственного социального университета в г. Минске

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние десятилетия под воздействием цифровых технологий современный мир и экономики стран стремительно меняются, что привело к формированию новой категории объектов гражданских правоотношений, обладающих имущественной ценностью и социальной значимостью, – виртуального имущества.

Катализатором ускорения развития цифровых технологий и внедрения их в различные сектора экономики выступила пандемия COVID-19, создав острую потребность в переводе в онлайн-формат многих сфер государственного управления и жизнедеятельности общества.

В этих условиях виртуальные объекты, такие как внутриигровые предметы, NFT-токены, цифровые активы и валюта социальных сетей, все чаще становятся предметом сделок и юридических конфликтов.

Несмотря на широкую распространенность таких объектов, их правовой статус в гражданском законодательстве Российской Федерации и стран постсоветского пространства остается неурегулированным, что определяет сложности в правовом регулировании и затрудняет защиту интересов пользователей.

Как показывает анализ юридической литературы, в настоящий период в научной среде отсутствует единообразный или общепринятый подход к определению виртуальной собственности. Так, ученые отмечают, что «...к определению правовой природы виртуального имущества в юридической литературе сложилось два подхода: абсолютно-правовой, согласно которому виртуальное имущество представляет собой объект права собственности, и относительно-правовой, предполагающий разрешение проблемы в сфере обязательственных прав». К виртуальному имуществу относят имущество в социальных сетях, игровое имущество, криптовалюту и аккаунты, посредством которых производятся операции и хранятся цифровые ценности.

Для понимания сущности виртуального имущества необходимо выделить его ключевые признаки:

во-первых, такое имущество не имеет физической формы, что является его ключевым отличием от объектов, перечисленных в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации;

во-вторых, оно обладает возможностью денежной оценки и активно участвует в гражданском обороте.

Дискуссии о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации сводятся к тому, что «...любое имущество, не конкретизированное законодателем, можно отнести к категории „иное“, однако остается ряд проблем, решение которых занимает значительное место».

Формально виртуальные объекты могут быть отнесены к этой категории, но такая квалификация носит декларативный характер и не дает ответа на вопросы об оборотоспособности, защите прав и порядке отчуждения, что указывает на наличие правовых пробелов в действующем законодательстве.

Особую сложность представляет собой определение правовой природы криптовалюты: ее нельзя отнести к вещам, так как она не имеет материального выражения; она не может считаться результатом работ или услуг в силу отсутствия обязательственной составляющей; она не является результатом интеллектуальной деятельности из-за отсутствия творческого характера.

В свою очередь, практика разрешения споров, объектом которых выступает криптовалюта, тем не менее идет по пути признания ее «иным имуществом».

Так, Девятый арбитражный апелляционный суд Москвы указал, что по смыслу ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации криптовалюта не может быть расценена иначе, подчеркнув ее экономическую ценность.

Отсутствие нормативного правового закрепления порождает целый комплекс проблем. Одной из ключевых является конфликт между пользовательскими соглашениями платформ и нормами гражданского права.

Многие платформы закрепляют, что цифровые объекты не являются собственностью пользователя, а предоставляются по лицензии, что противоречит фактическому поведению участников оборота.

Сложности возникают и с защитой интеллектуальной собственности в цифровой среде. Интеллектуальная собственность в глобальной сети Интернет является уязвимой сферой, а существующие правовые нормы часто ориентированы на традиционные формы использования объектов интеллектуальной собственности. Как следствие, широкое распространение получают «пиратство» и незаконное распространение контента.

При этом реакция уполномоченных органов на соответствующие правонарушения в виде закрытия сайтов-нарушителей не является эф-

фективной мерой, так как на месте одного закрытого ресурса практически сразу появляется новый.

В настоящее время судебная практика по данным вопросам только формируется, отсутствует единообразный подход к оценке и разрешению возникающих споров. Мониторинг показывает, что суды при разрешении большинства споров применяют нормы ст. 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации, отказывая истцу в защите своих прав, считая, что сложившиеся отношения относятся или связаны с организацией игр и участием в них, т. е. исключительно к игровому процессу. Однако существует и иной подход, когда суд признавал онлайн-игру программой для ЭВМ и позволял пользователю воспользоваться защитой своих прав как потребителя.

Анализ юридической литературы, отечественного и зарубежного опыта, судебной практики показывает, что для решения существующих проблем необходимо законодательное закрепление статуса виртуального имущества.

Представляется, что эти объекты должны быть включены в перечень объектов гражданских прав и закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации. Далее требуется разработка специальных правовых норм, регулирующих оборот цифровых активов. Возможными путями регулирования могут стать унификация правил оборота, использование технологий для защиты (блокчейн, водяные знаки), адаптация законодательства об интеллектуальной собственности и международное сотрудничество для гармонизации правовых норм, в том числе «... в рамках политических и экономических интегрированных объединений, таких как Содружество Независимых Государств, Союзное государство Беларуси и России, Евразийский экономический союз», БРИКС, странами Европейского союза, США и др.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что виртуальное имущество стало неотъемлемой частью цифрового оборота и обладает реальной экономической значимостью. Однако его правовой статус остается неопределенным, что создает риски для пользователей и в целом препятствует развитию цифровой экономики государства.

Устранение правовых пробелов в рассматриваемой сфере будет способствовать признанию виртуального имущества в качестве самостоятельной категории объектов гражданских прав, разработке специального правового режима и адаптации существующих институтов к новым цифровым реалиям, обеспечит защиту прав и законных интересов всех участников отношений.

В.И. Белоцерковец, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА КАК СУБЪЕКТОВ ТРУДОВОГО ПРАВА

Согласно действующему законодательству иностранные граждане это лица, не являющиеся гражданами Республики Беларусь и имеющие доказательства принадлежности к гражданству иного государства (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (далее – Закон № 150-З). Лица без гражданства – это лица, не имеющие доказательств принадлежности к гражданству какого-либо государства (ст. 1 Закона № 105-З). Поэтому в контексте трудового права – это физические лица, вступающие в трудовые отношения с нанимателями на основании трудового договора (ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)). Анализ действующего законодательства показывает, что как участники трудовых отношений эти лица обладают следующими признаками:

- 1) отсутствие гражданства Республики Беларусь;
- 2) наличие общей правоспособности и дееспособности, признаваемой белорусским законодательством;
- 3) возможность осуществления трудовой деятельности при соблюдении специальных условий (разрешений, заключений, визовых требований);
- 4) подчиненность нормам национального трудового законодательства и международных договоров, ратифицированных Республикой Беларусь.

Согласно п. 7 Инструкции о порядке и условиях выдачи заключений о возможности привлечения иностранных граждан или лиц без гражданства и осуществления трудовой деятельности иностранным гражданином или лицом без гражданства в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 28 июня 2016 г. № 30, для заключения трудового договора временно пребывающим на территории Республики Беларусь иностранцам требуется заключение о возможности осуществления трудовой деятельности, выдаваемое органами по труду. Для постоянно проживающих иностранцев условия максимально приближены к условиям для граждан Республики Беларусь. Возможные квоты и перечни профессий, по которым допускается привлечение иностранной рабочей силы в нашей

стране, регулируется постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 12 декабря 2024 г. № 99. Прием данной категории граждан осуществляется работодателем по предварительной заявке в государственный банк вакансий, где она находится определенный срок (15 рабочих дней для иностранцев, для инвесторов – 7). При этом для отдельных категорий работников (например, высококвалифицированные специалисты) предусмотрено (часть первая ст. 26 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-З «О внешней трудовой миграции» (далее – Закон «О внешней трудовой миграции»)) освобождение от необходимости получения заключения. Иностранцы могут работать в Республике Беларусь только при наличии соответствующего разрешения или заключения, за исключением категорий, освобожденных от этого требования. Работодатель несет ответственность за соблюдение порядка привлечения иностранцев, включая подачу сведений о вакансии и проверку квалификации. Органы по труду могут отказать в выдаче заключения при нарушении условий (например, если работодатель трижды отказал в приеме на работу гражданам Республики Беларусь при наличии подходящей квалификации). Установлены требования к соответствию должности квалификационным справочникам и классификаторам. Нарушение порядка привлечения иностранцев влечет административную ответственность.

При рассмотрении вопросов, связанных с особенностями регулирования труда иностранных работников, кроме Закона «О внешней трудовой миграции», необходимо руководствоваться основными положениями ТК, который дополняет основные положения вышеназванного закона, предусматривающие право иностранных работников на безопасные условия труда, право на оплату труда не ниже минимальной, право на социальное страхование и т. п. (ст. 11 ТК), определяя порядок заключения трудового договора, сроки трудового договора, вопросы заработной платы, порядок предоставления отпусков и т. п. (гл. 2–4, 6, 12 ТК).

Одновременно на иностранных работников, кроме обязанностей, предусмотренных ст. 53 ТК, возлагаются дополнительные требования по соблюдению законодательства Республики Беларусь, включая трудовое, миграционное и налоговое. Это работа только по профессии и в месте, указанном в разрешении или заключении. Требование своевременного продления документов, дающих право на трудовую деятельность.

За нарушение этих требований несут ответственность, установленную законодательными актами Республики Беларусь (ст. 5 Закона «О внешней трудовой миграции»), что свидетельствует о некоторых особенностях трудовых отношений с участием иностранных граждан.

Подводя итог, можно отметить, что правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в трудовом праве Республики Беларусь сочетает в себе гарантии прав и механизм контроля за миграционными потоками. Законодательство в этой сфере динамично и требует адаптации к экономическим и демографическим вызовам. Основная задача правового регулирования данного вопроса – достижение баланса между защитой национального рынка труда и привлечением квалифицированных кадров. Эффективная реализация этих мер позволит Республике Беларусь укрепить позиции на международном рынке труда и обеспечить социальную стабильность.

Считаем целесообразным для устранения существующих проблем, возникающих при заключении трудовых договоров, ввести ускоренную процедуру для специалистов с уникальными компетенциями путем создания отдельного правового режима для высококвалифицированных специалистов, востребованных в экономике Республики Беларусь.

УДК 347.1

А.Л. Бердик, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВО НА ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

Развитие цифровых тенденций современного общества становится все более актуальной темой. Так, например, к этой тематике можно отнести охрану прав на фотографические изображения, что востребовано в контексте цифровизации.

Любые изображения можно оцифровать либо привести их в аналоговый формат, а также передать, распространить на массовую аудиторию и, соответственно, копировать, сфальсифицировать, отредактировать с помощью определенных программ и скомпилировать из нескольких изображений. Все вышеуказанные действия делают задачу по защите прав на фотографические изображения крайне трудозатратной, особенно для законодателя.

Права на фотографические изображения относятся к авторским правам. На территории Беларуси действует Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах», в котором указано, что он направлен на регулирование отношений, «возникающих в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства (авторское право ...)». Также в соответствии с дан-

ным законом изображение (а именно рисунок, эскиз, картина, карта, план, чертеж, кино-, теле-, видео-, фотокадр и др.) является объектом авторского права.

В контексте осуществления сравнительно-правового анализа видится важным обратиться к Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ). В п. 1 ст. 1259 ГК РФ определено, что авторскими правами защищены произведения, связанные с наукой, литературой и искусством, независимо от их качества и назначения, способа их создания и формата, в котором они получили воплощение. Перечень, предоставленный российским законодателем, указывает как на фотографические изображения, так и на произведения, выработанные методами, сходными с фотографией. Стоит также учитывать и тот факт, что автором произведения является гражданин, творческим трудом которого было создано данное произведение (ст. 1257 ГК РФ).

В контексте рассмотрения настоящей проблематики существенным представляется обратить особое внимание на субъектный состав авторского права и поставить ряд вопросов. Например, является ли автором изображения искусственный интеллект? Гражданское законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации в соответствующих нормах содержит положение о том, что автором является физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение. Как же тогда определить правомочия в контексте авторского права в рамках произведений, создаваемых искусственным интеллектом? Представляется, что машинный интеллект, технические устройства не являются субъектами соответствующих правоотношений. Однако в настоящее время, когда программную среду и технологии наделяют собственным «разумом», уже появляется необходимость в пересмотре правового регулирования. Так, в контексте данного вопроса мнения юристов расходятся: одни считают, что искусственный интеллект стоит причислять к субъектам права, другие настаивают на объектном статусе компьютера, установив так называемую третью категорию («генераторы результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности», «генераторы произведений» и т. п.). Безусловно, искусственный интеллект при всей своей самостоятельности, автономности, непредсказуемости пусть и не обладает правосубъектностью, но результаты его деятельности позволяют утверждать о сближении соответствующих результатов с творческим трудом человека в преломлении качественно-эстетических характеристик произведения. Конечно, в современном мире искусственный интеллект способен генерировать редкие фотокадры, изображения, которые также имеют свою ценность, что и позволяет выносить сужде-

ния о правосубъектности такового и установлении конечного правообладателя произведения.

Таким образом, возникает неоднозначность в контексте установления автора произведения, если не наделять искусственный интеллект правосубъектностью. Заслуживающей внимания является позиция, заключающаяся в том, что право авторства на произведение, созданное искусственным интеллектом, переходит к лицу, ответственному за создание и обучение генератора. Соответственно, можно сделать вывод о том, что в настоящее время еще не в полном объеме изучена тема авторского права в контексте деятельности искусственного интеллекта по созданию произведений.

УДК 342.951

Е.В. Борисова, курсант международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

В настоящее время, по статистическим данным, предоставленным Главным информационно-аналитическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации, можно отметить рост преступности среди несовершеннолетних или при их соучастии. Сравнительный анализ предоставленных отчетов позволил выявить следующее: в период с 1 января 2024 г. по 1 августа 2024 г. каждое тридцать восьмое преступление было совершено несовершеннолетними или при их соучастии, в то время как в аналогичный период предшествующего года показывал не намного, но отличающиеся показатели. Исходя из общей статистики преступности за 2023 г., 2,5 % – показатель преступности несовершеннолетних. Данный показатель за год вырос на 0,1 %.

Неутешающие показатели следует расценивать как угрозу увеличения преступности в целом, так как каждый девятый из десяти подростков продолжает свою преступную деятельность после достижения совершеннолетия, что является угрозой ухудшения социально-политической ситуации в государстве.

Стоит разобрать одну из возможных причин увеличения количества преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их со-

участии, – оказываемое влияние средств массовой информации (СМИ) на сознание и мировоззрение подростков.

Законодательство четко определило понятие «средство массовой информации». Ст. 2 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 11 марта 2024 г.) «О средствах массовой информации» описывает данное понятие как периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

Важно отметить, что подросток в период зарождения и формирования у него системы жизненных ценностей очень уязвим и восприимчив, в частности со стороны СМИ. Образы человеческой жизни старших поколений или сверстников, а также их образы поведения, транслируемые во всеми любимыми фильмах или сериалах, несомненно, отражаются в поведении не до конца сформировавшейся психики молодежи.

Какие-то ценности закладываются в окружении семьи, друзей или одноклассников, однако колоссальное влияние оказывается в период самопознания своих предпочтений, а именно в момент, когда есть свободный выбор контента в сети Интернет, поэтому очень важно иметь перед глазами достойный пример законопослушного гражданина. Стоит отметить, что образ порядочного человека, постоянно находившегося рядом, не может стать гарантом формирования сходных привычек у подростка.

Сериал – это многосерийный фильм с несколькими сюжетными линиями. Данный вид кинопроизведений является примером контента, который транслируется в СМИ, являясь распространенным способом времяпровождения не только среди подростков, но и среди взрослых.

Многие психологи считают, что просмотр сериала является компенсацией чувств, которые не испытывает человек. Говоря о том, что сериалы – это убийцы времени, стоит понимать, что для подростка угроза заключается в эмпатии, проявляемой по отношению к героям. Размытые границы между временем и экраном грозят потерей границы между реальной жизнью и жизнью экранного героя.

12 сентября 2023 г. вышел сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте», вызвавший восторг у молодежи и критику за пропаганду опасного поведения. Подростки перенимали манеру общения и стиль героев, что привело к распространению неуважительных выражений и к инцидентам насилия. В декабре 2023 г. Председатель Комитета Государственной Думы по защите семьи Нина Останина и заместитель Комитета по бюджету и налогам обратились в Роскомнадзор для проверки сериала на на-

рушения законодательства. Анализ пяти серий не выявил нарушений, подтвердив соответствие продукции требованиям.

На примере данного сериала можно видеть влияние информации, которая опубликована СМИ, на подавляющее большинство несовершеннолетних, которые под воздействием эмпатии к героям, являющимся их сверстниками, готовы копировать поведение и нарушать российское законодательство.

Как упоминалось ранее, СМИ являются важным институтом социализации в жизни человека, особенно подростков. Из чего следует, что воздействие на сознание несовершеннолетнего может оказываться как с негативной, так и положительной стороны.

В связи с актуальностью проблемы преступности среди несовершеннолетних, а также широкого резонанса стоит обратить внимание на методы борьбы и решения проблемы органами исполнительной власти. Рассмотрев институт СМИ, следует обратить внимание на использование данного ресурса не только с негативной стороны, но и с позитивной.

Основными органами и учреждениями в борьбе с преступностью несовершеннолетних, а также вовлечением их в преступность, согласно ст. 4 Федерального закона Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции). Система Министерства внутренних дел Российской Федерации включает в себя подразделения по делам несовершеннолетних, наделяя их полномочиями осуществлять данную деятельность.

Согласно принципу открытости деятельность Министерства внутренних дел Российской Федерации осуществляется не только за счет ведомственных представителей СМИ, но и др. В настоящее время, на этапе развития современной России, вопросы о взаимодействии органов внутренних дел с институтами гражданского общества становятся особенно важными.

Считаем, что один из способов решения проблем с ростом преступности среди несовершеннолетних – это взаимодействие со СМИ, а именно создание контента, который будет пропагандировать поведение законопослушного гражданина. Это может начинаться с интервью всеми любимых актеров, блогеров, певцов и т. д., а заканчиваться съемками сериала, сюжет которого будет основываться на распространении образа патриота Отечества, готового защищать свою страну, правопорядок и законы.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что взаимодействие сотрудников ПДН с представителями СМИ является актуальным направлением деятельности в борьбе с ростом преступности среди несовершеннолетних и при их соучастии. На примере сериала «Слово пацана. Кровь на асфальте» можно проанализировать влияние, оказываемое со стороны контента, публикуемого в сети Интернет, и при определенной обработке информации и взаимодействии с правоохранительными органами ввести в разработку усовершенствованный метод борьбы с преступностью. Введение такого метода, который будет оказывать влияние на подсознание подростков с положительной стороны, сформирует у них осознание выбора правильного пути, даст надежду на формирование и развитие патриотизма, а также прогрессивное развитие общества.

УДК 342.95

В.И. Буданов, магистрант юридического факультета Белорусского государственного университета

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ КАК ВИДА АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ И УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Общественные работы закреплены в правовой системе Республики Беларусь в качестве меры ответственности. Их внедрение происходило на разных этапах эволюции национального законодательства. В уголовном праве данный вид наказания установлен с принятием Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК). В административно-деликтное законодательство рассматриваемое взыскание введено 1 марта 2021 г. в рамках реформы Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), заменив ранее действовавший институт исправительных работ.

В ст. 48 УК общественные работы расположены на первом месте в системе основных видов наказаний, что подчеркивает их правовую природу как наиболее мягкой меры уголовной ответственности. В ст. 6.2 КоАП общественные работы размещены между штрафом и административным арестом.

Взыскание в виде общественных работ применяется в качестве основного и налагается на физическое лицо исключительно судом при условии выраженного согласия на их применение. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 3 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» разъясняет, что форма выражения подобного согласия может быть любой: отдельное заявление, приобщаемое к материалам дела или непосредственно озвученное в судебном заседании, и т. д.

Согласно ч. 1 ст. 49 УК общественные работы заключаются в выполнении осужденным бесплатных работ в пользу общества, вид которых определяется органами, ведающими применением данного вида наказания. Продолжительность таких работ составляет от 60 до 360 часов (ч. 2 ст. 49 УК).

Для работающих или обучающихся осужденных предусмотрено ограничение – не более четырех часов в день, выполняемых в свободное от учебы или основной работы время. Для остальных лиц допускается выполнение работ свыше четырех, но не более восьми часов в день при их согласии.

В свою очередь, ч. 1 ст. 6.5 КоАП определены общественные работы как выполнение физическим лицом бесплатных работ, направленных на достижение общественно полезных целей в свободное от основной работы, службы или учебы время сроком от 8 до 60 часов и не более четырех часов в день. При совершении лицом двух или более административных правонарушений, образующих совокупность, суд окончательно определяет административное взыскание таким образом, чтобы оно не превышало 120 часов.

Ч. 4 ст. 49 УК установлен исчерпывающий перечень лиц, которым общественные работы не назначаются:

- 1) лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста;
- 2) лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста;
- 3) беременные женщины;
- 4) лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком;
- 5) инвалиды I и II группы;
- 6) военнослужащие;

7) иностранные граждане и не проживающие постоянно в Республике Беларусь лица без гражданства;

8) лица, больные активной формой туберкулеза.

Общественные работы могут назначаться также в качестве основного наказания в порядке ст. 70 УК, а также при замене неотбытой части наказания более мягким наказанием согласно ст. 91 УК.

Категории лиц, к которым общественные работы не применяются согласно ч. 3 ст. 6.5 КоАП, в целом совпадают с перечнем, установленным ст. 49 УК, за исключением лиц в возрасте от 14 до 18 лет и категорий, предусмотренных ст. 4.5 КоАП (лица, на которых распространяется статус военнослужащего, и т. д.).

Д.П. Семенюк указывает, что согласно ч. 4 ст. 49 УК заболевание активной формой туберкулеза является основанием, ограничивающим такой вид наказания. В связи с этим следует согласиться с предложением автора о необходимости дополнения ч. 3 ст. 6.5 КоАП соответствующим пунктом о запрете применения общественных работ к лицам, больным активной формой туберкулеза.

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить общественные работы арестом из расчета один день ареста за двадцать четыре часа общественных работ или ограничением свободы из расчета один день ограничения свободы за двенадцать часов общественных работ.

Ч. 3 ст. 50 УК определено, что в случае невозможности взыскания штрафа при отсутствии признаков злостного уклонения от его уплаты суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, заменяет штраф общественными работами в соответствии со ст. 49 УК. Самостоятельный состав уголовного преступления, предусматривающий ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде общественных работ, из УК исключен.

Иная правовая регламентация предусмотрена КоАП. За уклонение от выполнения общественных работ согласно ст. 25.13 КоАП установлена административная ответственность в виде штрафа в размере от двух до двадцати базовых величин или административного ареста.

Подобный подход представляется спорным и требует проработки. Включение в КоАП названной статьи не выглядит оправданным. Анализируя уголовное законодательство, можно прийти к выводу о более взвешенном подходе законодателя в сходной ситуации – в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ суд вправе заменить их арестом или ограничением свободы (ст. 49 УК).

Согласно проведенному анализу судебных постановлений по ст. 25.13 КоАП в почти 40 % случаев дела об административных правонарушениях прекращались судами за отсутствием состава административного правонарушения. Это свидетельствует о низкой практической значимости данной нормы.

Наказание в виде общественных работ исполняют уголовно-исполнительные инспекции (УИИ) по месту жительства осужденных на объектах, определяемых местными исполнительными и распорядительными органами по согласованию с УИИ (ч. 1 ст. 23 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК)). Одноименное административное взыскание приводится в исполнение местным исполнительным и распорядительным органом базового уровня (в г. Минске – администрацией района в городе) по месту жительства лица, на которое оно наложено (ст. 22.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКИоАП)).

Подобное распределение полномочий, на наш взгляд, не соответствует функциональному назначению указанных органов. В этой связи более обоснованной представляется передача соответствующих функций органам внутренних дел либо принудительного исполнения, обладающим необходимой компетенцией и опытом.

Ст. 25 УИК установлена и минимальная продолжительность выполнения работ в течение недели, она, как правило, не может быть менее 12 часов. Уголовно-исполнительный закон наделяет УИИ правом разрешать осужденному при наличии уважительных причин отработать в течение недели меньшее количество часов.

Подобная норма не содержится в административно-деликтном законодательстве, что является, по нашему мнению, упущением и требует доработки.

Следует отметить, что УИК не приводит даже примерный перечень уважительных причин, позволяющих сократить недельную норму общественных работ. Таким образом, оценка подобных обстоятельств осуществляется по усмотрению уполномоченных должностных лиц, придавая процедуре субъективный характер.

ПКИоАП данный вопрос регулирует иначе. Согласно п. 5 ч. 1 ст. 22.5 лица, выполняющие общественные работы, обязаны уведомлять орган, исполняющий взыскание, о наличии уважительных причин, препятствующих их выполнению. Однако законодатель не конкретизирует, кем и как определяется уважительность таких причин. Ввиду того, что неявка или отказ от выполнения определенного вида общественных работ или их невыполнение без уважительных причин являются нарушением

порядка и условий выполнения административного взыскания, признание причины уважительной или неуважительной предопределяет применение официального предупреждения о возможной административной ответственности за уклонение.

Общественные работы, как мера административной и уголовной ответственности, имеют сходную правовую природу, однако различаются по срокам, порядку исполнения и кругу лиц, к которым они применимы.

Представляется обоснованным унифицировать отдельные положения правового регулирования, в частности дополнить ч. 3 ст. 6.5 КоАП п. 7 следующего содержания: «7) лиц, больных активной формой туберкулеза, а также лиц с заболеваниями, при которых выполнение общественных работ противопоказано по медицинским показаниям».

Нормативное неурегулирование минимальной продолжительности общественных работ в административно-деликтивной сфере создает пробел, подлежащий устранению в целях правовой определенности. Требуется уточнения также механизм оценки уважительности причин невыполнения административного взыскания в виде общественных работ, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики.

УДК 34.096

Д.С. Будняк, студент юридического факультета
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЩЕНИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ОБРАЗА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Цифровая трансформация общества привела к появлению новых объектов правового регулирования, одним из которых является виртуальный образ. Вместе с тем правовой статус виртуальных образов остается неопределенным, что создает риски для прав и законных интересов граждан и организаций.

В гл. 3 проекта Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года подчеркивается, что в современном обществе формируется новый тип личности – «Homo Virtualis», т. е. человек виртуальный с высоким уровнем технологической образованности, для которого «умные» технологии становятся не просто инструментом коммуникации и обучения, а обычными социальными практиками. Это определение отражает трансформацию социальной иден-

тичности, в которой виртуальный образ становится неотъемлемой частью самопрезентации, профессиональной деятельности и гражданского участия.

В контексте данной статьи под виртуальным образом понимается цифровое представление человека, объекта или концепции, существующее в виртуальном пространстве, созданное с использованием компьютерной графики, цифровых фотографий, видео, аудио и других цифровых технологий. Виртуальный образ может быть как точным воспроизведением реального объекта или человека, так и совершенно новым, уникальным творением. В случае точного воспроизведения виртуальный образ стремится максимально точно скопировать существующий реальный объект или человека. Это могут быть 3D-модель здания, цифровое изображение лица, виртуальный двойник человека или голограмма.

Так, законодательство Республики Беларусь дает определение понятия «цифровой двойник». Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» цифровой двойник – виртуальная цифровая модель (прототип) существующего в реальности физического объекта или процесса, моделирующая внутренние процессы, технические характеристики и поведение реального объекта в условиях взаимодействия помех и окружающей среды.

В Республике Беларусь, несмотря на активное внедрение цифровых технологий, отсутствует специализированное законодательство, регулирующее правоотношения, связанные с созданием, использованием и защитой виртуальных образов. Но следует отметить, что в Гражданском кодексе БССР от 1964 г. ст. 509 «Охрана интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства» регулировала использование изображений людей. На данный момент в современном Гражданском кодексе Республики Беларусь отсутствует похожая норма, в связи с этим возникает вопрос о возможности применения общих принципов гражданского права, а также существующих норм гражданского, авторского и смежного права для защиты прав и законных интересов субъектов, связанных с виртуальными образами.

Согласно п. 9 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (далее – Закон о рекламе) не допускается использование образов граждан Республики Беларусь в рекламе без их согласия или согласия их законных представителей, если иное не предусмотрено данным законом или Президентом Республики Беларусь.

Кроме положений, закрепленных в Законе «О рекламе», требования о предварительном получении согласия гражданина на распространение

его изображения через средства массовой информации также предусмотрены Законом Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ). Так, подп. 4.7 п. 4 ст. 34 Закона о СМИ на журналиста возложена обязанность получать согласие физических лиц на проведение аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемок, за исключением их проведения в местах, открытых для массового посещения, на массовых мероприятиях, а также случая, предусмотренного ст. 40 Закона о СМИ.

Ст. 40 Закона о СМИ регламентирует порядок распространения в средствах массовой информации информационных материалов, созданных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки физического лица. Так, согласно данной статье распространение в средствах массовой информации информационных сообщений и (или) материалов, подготовленных с использованием аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки физического лица без его согласия, допускается только при принятии мер против возможной идентификации данного лица посторонними лицами, а также при условии, что распространение этих информационных сообщений и (или) материалов не нарушает конституционных прав и свобод личности и необходимо для защиты общественных интересов, за исключением случаев распространения таких информационных сообщений и (или) материалов по требованию органа уголовного преследования, суда в связи с производством предварительного расследования, судебным разбирательством.

Изображение человека, являясь одновременно персональными данными и информацией о его частной жизни, подпадает под действие законодательства о защите персональных данных. Следовательно, любое использование или распространение изображения должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями, направленными на обеспечение безопасности и конфиденциальности персональной информации. Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» персональные данные – это любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано.

Кроме того, отдельные вопросы, касающиеся также обращения с персональными данными и их защиты, и отдельные моменты, касающиеся оборота информации, в данном случае личной, закреплены в Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон «Об информации, информатизации и защите информации»). Так, согласно ст. 17 За-

кона «Об информации, информатизации и защите информации» персональные данные и сведения о частной жизни физического лица относятся к информации с ограниченным доступом, а ст. 18 данного закона определяет правовой режим обращения с такой информацией, включая условия ее сбора, обработки и распространения.

Вместе с тем виртуальный образ может быть признан объектом авторского права, если он создан в результате творческой деятельности и является оригинальным произведением. В данном случае виртуальный объект подпадает под правовое регулирование Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах». В этом случае автор (или правообладатель) обладает исключительными правами на его использование, воспроизведение, распространение и переработку. Кроме того, при создании виртуального образа могут использоваться объекты смежных прав (например, запись голоса актера, музыкальное сопровождение), что также требует соблюдения прав правообладателей. А в случае если виртуальный образ используется для обозначения товаров или услуг определенного лица и зарегистрирован в качестве товарного знака или знака обслуживания, то он охраняется как средство индивидуализации. Согласно части первой ст. 3 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХП «О товарных знаках и знаках обслуживания» владелец товарного знака имеет исключительное право использовать товарный знак, может распоряжаться этим исключительным правом, а также вправе запрещать использование товарного знака другими лицами.

Однако существующие правовые механизмы не всегда позволяют эффективно защитить права на виртуальные образы. Отсутствие специализированного законодательства, сложность идентификации правонарушителей в виртуальном пространстве, трансграничный характер нарушений и трудности доказывания создают серьезные препятствия для защиты прав.

Таким образом, правовое регулирование виртуальных образов в Республике Беларусь находится на начальной стадии развития. Существующие нормы законодательства и общие принципы права могут быть использованы для регулирования отношений, связанных с виртуальными образами, однако они не обеспечивают комплексной и эффективной защиты прав. Для решения этой проблемы необходимо разработать специальное законодательство, которое учитывало бы особенности виртуальных образов и обеспечивало баланс между свободой самовыражения, защитой прав личности и общественной безопасностью.

Е.В. Бурблис, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ: НОВЫЙ КОЛЛЕГА ИЛИ УМНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Современный юрист, не умеющий работать с искусственным интеллектом (ИИ), рискует проиграть в эффективности тому, кто использует эти технологии. Подготовка в вузе должна это учитывать. Система юридического образования в Беларуси, с ее традиционным упором на догматику и теорию, пока недостаточно интегрирует ИИ в образовательный процесс. А его роль часто недооценена – он может стать цифровым наставником, который берет на себя рутинную работу, чтобы освободить время для глубокого анализа и формирования профессионального мышления, он готовит юристов к реальной практике, моделируя ее сложность, но смягчая последствия ошибок. Это уже не футуристическая концепция, а набор конкретных инструментов, которые трансформируют саму суть юридической работы. Меняется не только то, что нужно знать будущему юристу, но и то, как он применяет эти знания.

ИИ претерпел огромные витки развития, начиная от информационно-го дилетанта до стратегического гуру. Ключевой сдвиг, который привносит ИИ, – это перераспределение времени и интеллектуальных ресурсов. Ручной анализ тысяч страниц судебной практики или многостраничных договоров перестает быть главной задачей. Теперь эту функцию берет на себя алгоритм. Вместо того чтобы неделю собирать и систематизировать судебные решения по конкретному вопросу, юрист с помощью ИИ-сервиса может получить готовый отчет: обобщенную позицию судов, статистику и даже выявленные противоречия в практике. Но проблемой становится не поиск и сбор, а банальное умение задавать правильные вопросы для получения ответов.

В ближайшее десятилетие ИИ станет для юриста таким же привычным инструментом, как компьютер сегодня – он будет встроен в повседневную работу для анализа документов, прогнозирования исходов дел и автоматизации рутинных операций. Это сместит фокус профессии с обработки информации на стратегическое мышление, переговоры и сложную аргументацию, где решающую роль будут играть человеческий опыт и креативность. Поскольку ИИ выступает в роли мощного ка-

тализатора юридического творчества, он не заменяет глубокие профессиональные знания, а служит незаменимым инструментом для мозгового штурма и преодоления всевозможных барьеров.

Столкнувшись со сложным казусом, юрист может запросить у ИИ: «Сгенерируй возможные правовые позиции для защиты по делу с учетом Гражданского кодекса Республики Беларусь и сложившейся практики». Полученные варианты не являются готовым решением, но при правильной постановке перед ИИ вопроса, а также приложением конкретных документов он может выступать в качестве трамплина, позволяющего увидеть неочевидные углы атаки и избежать когнитивных ловушек, в результате чего ИИ заменяет некоего карманного коллегу, готового помочь ответить на множество вопросов.

Одним из самых перспективных направлений является использование ИИ в качестве симулятора реальных профессиональных ситуаций. Это решает извечную проблему разрыва между теорией и практикой. Студент или молодой специалист может провести виртуальную консультацию с ИИ, который задает каверзные вопросы, или отрепетировать судебные прения против «искусственного оппонента», который парирует его аргументы. Это безопасная среда, где можно учиться на ошибках, не рискуя репутацией или интересами реального клиента, это формирует практическую уверенность и оттачивание навыков коммуникации и убеждения до выхода в реальное правовое поле.

Учитывая все преимущества, критически важно понимать фундаментальное ограничение ИИ: он не несет ответственности. Его ответы могут быть неточными, неполными или содержать так называемые галлюцинации – убедительно сформулированные, но вымышленные правовые нормы или судебные акты. Доверяя, но проверяя, юрист обязан критически оценивать любой документ или справку, сгенерированные ИИ. Его экспертиза теперь проявляется не в создании черновика, а в его тщательной правке, углублении и адаптации к уникальным обстоятельствам дела. Роль юриста эволюционирует от «исполнителя» к «архитектору» и «гаранту качества». Ключевым навыком становится не слепое доверие к технологии, а способность к ее критической оценке и интеграции ее выводов в надежную правовую конструкцию.

Таким образом, интеграция ИИ в юридическое образование и практику в Республике Беларусь – это не вопрос выбора, а объективная реальность наступающего будущего. Это не означает замену юристов машинами, но фактически кардинально изменяет суть их деятельности. Будущий успех в профессии будет зависеть от способности работать

в тандеме с ИИ: делегируя ему рутинные задачи, доверяя анализ больших объемов информации, используя его как источник идей и тренажер, но сохраняя за собой окончательное принятие решения и всю полноту профессиональной ответственности.

УДК 347.1

К.Ю. Васькевич, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Стремительное развитие цифровых технологий и глубокая интеграция программ и автономных систем в общественные отношения сделали их неотъемлемой частью нашего общества. Однако правовая наука и законодательство неизбежно отстают от этих темпов, что наиболее остро проявляется в вопросе определения ответственности за вред, который может быть причинен искусственным интеллектом (ИИ). Отсутствие надлежащей правовой квалификации этого вреда служит причиной возникновения пробелов в законодательстве.

В Республике Беларусь технологии машинного обучения и анализа данных уже используются в промышленности, сельском хозяйстве, медицине, логистике. Среди таковых, например, применение ИИ для оптимизации производственных процессов предприятий, прогнозирования поломок оборудования и контроля качества продукции за счет технологий компьютерного зрения.

Еще в недалеком прошлом представление об ИИ было неясным, а вопросы правового регулирования его применения вообще казались абсурдными и ненаучными.

Тем не менее в настоящее время определение понятия «искусственный интеллект» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует, но в зарубежных странах с целью регулирования и устранения возникших пробелов постепенно принимаются программные документы и законы.

В научных трудах ученых-юристов сформулированы десятки определений ИИ. Однако особое внимание необходимо обратить на дефиницию, содержащуюся в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Ука-

зом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», в которой ИИ понимается как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека...».

Отдельного внимания заслуживает Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р), которая является ключевым документом, обозначающим правовые проблемы использования ИИ в гражданском праве. В данной концепции указывается отсутствие единых подходов к регулированию ИИ в мире и описываются проблемные направления, которые возникают перед наукой гражданского права при использовании ИИ, такие как необходимость обеспечения надлежащей охраны персональных данных при использовании ИИ, установление пределов регулирования функционирования ИИ, выявление правового режима объектов, генерируемых ИИ.

В контексте гражданско-правовой ответственности за причиненный действиями ИИ вред верным видится утверждение о возможности констатации претерпевания таковой создателем ИИ, создателем объекта, в рамках которого воплощен ИИ, субъектом, осуществляющим обслуживание объекта, посредством которого воплощен ИИ.

Автором настоящего исследования в целях минимизации рисков причинения вреда при использовании ИИ и обеспечения гарантированности эффективного возмещения ущерба предлагается реализовать следующие меры:

– ввести объективную (безвиновную) ответственность. Необходимо установить режим объективной гражданско-правовой ответственности для собственника или оператора высокорисковой системы ИИ по аналогии с ответственностью за источник повышенной опасности. Это фундаментально упростит процесс доказывания для потерпевших и ускорит компенсацию, исключая необходимость сложного установления вины в условиях непрозрачного алгоритма;

– сделать страхование ответственности обязательным. Требование об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности для операторов, собственников или производителей высокорисковых систем ИИ обеспечит быстрое и полное возмещение вреда пострадавшим, даже при сложностях с юридической квалификацией субъекта вины;

– создать реестр высокорисковых систем ИИ. Необходимо ввести обязательную государственную регистрацию и сертификацию тех си-

стем ИИ (например, в сфере транспорта, медицины), которые отнесены к категории «высокого риска». Интеграция подобных требований в национальные стандарты позволит своевременно выявлять и минимизировать потенциально вредоносные последствия до их наступления;

– необходимо ввести обязательную государственную регистрацию и сертификацию тех систем ИИ (например, в сфере транспорта, медицины), которые отнесены к категории «высокого риска»;

– организовать единый компенсационный фонд. Необходимо учредить специальный компенсационный фонд, формируемый за счет отчислений операторов ИИ. Этот механизм должен использоваться в тех исключительных случаях, когда установить виновное лицо или источник вреда невозможно из-за технологической сложности алгоритма, гарантируя при этом защиту прав потерпевших.

Таким образом, анализируя зарубежный опыт и стремительное развитие ИИ в гражданско-правовых отношениях, реализация предложенных мер в гражданском праве будет способствовать обеспечению баланса между стимулированием технологического прогресса и защитой прав граждан. С одной стороны, она создаст стабильные и безопасные рамки для разработки и использования ИИ, а с другой – укрепит правовые гарантии для всех участников гражданского оборота, что также будет способствовать устойчивому развитию национальной цифровой экономики и неукоснительно обеспечивать приоритет защиты прав и законных интересов личности.

УДК 342.9

П.А. Волкова, курсант факультета подготовки специалистов Госавтоинспекции Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Искусственный интеллект (ИИ) активно проникает в сферу образования, расширяя возможности персонализации и повышая эффективность обучения. Несмотря на то что исследования ИИ в педагогике ведутся давно, популярность систем вроде ChatGPT и DALL-E вызывает новую волну дискуссий.

ИИ воздействует на содержательные, деятельностные, результативные аспекты образовательного процесса и на коммуникацию участников. Эволюция ИИ прошла путь от ранних обучающих систем, дающих обратную связь лишь после финального ответа, к современным интеллектуальным системам обучения (ИСО), способным использовать базы знаний, автоматизировать функции преподавателя, генерировать задания и предоставлять пошаговую обратную связь в реальном времени. Примеры таких ИСО – CodeCombat, где программирование осваивается через интерактивную игру, и Duolingo, использующая обработку естественного языка для практики общения и коррекции ошибок.

Интеллектуальный анализ образовательных данных (EDM) учитывает успеваемость и психологические характеристики обучающихся, а персонализация с ИИ адаптирует обучение под индивидуальные параметры – успеваемость, интересы, состояние здоровья и т. п. Цифровые технологии трансформируют процесс обучения, коммуникацию и работу с информацией, расширяя возможности модернизации образования.

Итак, цель нашего исследования – систематизировать знания об ИИ в образовании, выявить основные тенденции, проблемы и перспективы, включая персонализацию, поддержку преподавателей, оценивание и администрирование.

ИИ открывает широкие возможности персонализированного обучения. Такие системы собирают данные об успеваемости и поведении обучающихся, формируют индивидуальные профили и адаптируют содержание, задачи и рекомендации к уровню знаний, темпу и интересам каждого ученика. Автоматизированная обратная связь и оценка позволяют получать своевременную поддержку.

ИИ учитывает особенности и способности обучающихся, создавая оптимизированные траектории и заранее выявляя трудные темы. Разработан цифровой ассистент, формирующий рекомендации лекций на основе интересов, компетенций и данных об успеваемости, а также анализирующий сильные и слабые стороны студента. Методы анализа образовательных данных позволяют прогнозировать академическую успеваемость, ранее выявлять рискованные группы и повышать информированность образовательной среды.

Особенно успешно ИИ используется в обучении иностранным языкам. По результатам исследования, платформа с обработкой естественного языка и машинным обучением обеспечивает:

- 1) улучшение навыков говорения и письма благодаря «чат-боту-репетитору» с мгновенной коррекцией;

2) существенное сокращение времени подготовки преподавателей и обучающихся за счет автоматического подбора заданий;

3) рост мотивации благодаря прогнозированию успеваемости и адаптивному заданию.

Таким образом, системы персонализированного обучения позволяют учитывать текущий уровень подготовки, подстраиваться под индивидуальный темп, экономить время и снижать стресс, повышая понимание и успеваемость обучающихся.

Внедрение интеллектуальных систем оценивания на основе машинного обучения открывает новые перспективы за счет обеспечения объективности, оперативной обратной связи и масштабируемости при анализе больших массивов учебных работ. В то время как автоматизация проверки заданий с закрытой формой ответа (например, тестов с выбором варианта) достигла высокой степени зрелости, оценка творческих работ – письменных эссе и графических заданий – по-прежнему представляет собой комплексную задачу, сохраняющую вычислительные трудности для ИИ и требующую экспертного суждения человека. Нейронные сети успешно автоматизировали проверку графических ответов обучающихся, иногда превосходя точность человеческой оценки.

Критики отмечают отсутствие человеческого взаимодействия, ограниченную креативность, трудности контекстного понимания, необходимость качественного предварительного ввода и риск логических сбоев. Несмотря на значительный потенциал, требуются дальнейшие исследования для устранения выявленных проблем.

Происходит активная интеграция технологий ИИ в систему административного управления вузов. Ключевыми направлениями внедрения являются автоматизация составления учебных расписаний, аналитическая обработка больших данных для поддержки управленческих решений, а также разработка персонализированных сервисов для студентов и сотрудников. Один из трех преподавателей уже использует ИИ для оптимизации рутинных задач. AI помогает готовить документы для аккредитации, упрощает набор и зачисление студентов, налаживает коммуникацию между администрацией и обучающимися. Например, чат-боты отвечают на вопросы о поступлении, оплате и мероприятиях, ускоряя получение информации и снижая нагрузку персонала.

Интеграция ИИ меняет роль преподавателя: он становится координатором, а не источником знаний. ИИ открывает новые формы взаимодействия, включая иммерсивные технологии и виртуальных персонажей, создающих персональные образовательные среды. Однако челове-

ский контакт остается незаменимым, ИИ не может полностью заменить живое общение и наставничество. Внедрение ИИ должно быть сбалансированным, дополняя, а не заменяя преподавателя.

Для обучающихся растет потребность в ИИ-грамотности: пользователи часто не осознают риск неверных данных и необходимость проверки. Развитие ИИ-компетенций с раннего возраста повышает цифровую культуру, критическое мышление и креативность, а также расширяет профессиональный потенциал через работу с большими данными и IoT.

Внедрение ИИ в образовательный процесс сталкивается с несколькими ключевыми проблемами. Технические ограничения требуют большой вычислительной мощности для персонализированной обработки данных и обратной связи. Сбор и анализ огромных объемов персональных данных обучающихся вызывают вопросы конфиденциальности, необходимы надежные механизмы защиты и четкие правила их использования. Низкий уровень ИИ-грамотности среди педагогов усиливает барьер: в опросе 194 педагогов 36,41 % отметили недостаток знаний, но 48,65 % готовы обучаться и применять технологии.

Для повышения квалификации предлагается комплексный подход, включающий кейс-метод. Кроме того, отсутствуют нормативные акты и методические рекомендации, что усложняет интеграцию ИИ в образовательный процесс. Необходимо переосмыслить педагогические модели, учитывая взаимодействие человека и ИИ, и разработать эффективные стратегии, балансирующие преимущества и риски новых технологий.

Внедрение ИИ в образовательный процесс требует методической обоснованности и критической рефлексии, в противовес стихийной практике, преобладающей в настоящее время. Реализация данного подхода может быть структурирована в рамках двух взаимодополняющих направлений:

1. Методическая подготовка педагогических кадров: разработка и внедрение научно обоснованных образовательных программ, направленных на формирование у педагогов компетенций эффективного и критического использования инструментов ИИ в профессиональной деятельности.

2. Формирование цифровой грамотности обучающихся: развитие у комплексных навыков работы с информацией, включая критическое мышление и способность применять технологии ИИ для решения учебных и практико-ориентированных задач.

В обязанности современного педагога в сфере образования входит компетентное и методически выверенное применение технологий ИИ.

При этом любые предлагаемые ИИ-решения должны подвергаться многократной критической экспертизе и использоваться с учетом педагогической целесообразности. Сегодня с ранних школьных лет необходимо развивать у обучающихся критическое отношение к ИИ-решениям, что обеспечит информационную безопасность и этичность генеративных технологий.

Федеральный проект «Искусственный интеллект» в рамках «Цифровой экономики» направлен на подготовку обучающихся высшей школы и повышение квалификации педагогических работников в сфере ИИ. Важно официально привлекать обучающихся к генеративным технологиям: обучающийся обязан аргументировать выбранное ИИ-решение, детализировать его и объяснить внесенные изменения. Такой подход позволит педагогу эффективно использовать ИИ как вспомогательное средство.

Технологии ИИ быстро входят в систему образования, однако требуется срочное решение методологических, правовых, этических вопросов. Применение генеративных ИИ-технологий в образовательных организациях должно базироваться на критическом анализе текущей практики и возможных последствий «интеллектуализации» образовательного процесса, а также на разработке принципов организации учебного процесса в условиях этих технологий, что станет фундаментом для модернизации содержания и организации обучения.

Таким образом, анализ показывает, что ИИ в сфере образования развивается в нескольких направлениях. Наиболее перспективна персонализация обучения: адаптивные системы учитывают темп и стиль обучающегося. Автоматизация рутинных операций позволяет оптимизировать рабочую нагрузку преподавательского состава, в то время как внедрение систем автоматизированного контроля знаний и мониторинга академических результатов способствует повышению объективности оценивания. Параллельно с интеграцией ИИ в сферу образования формируется устойчивый запрос на развитие соответствующей грамотности среди всех участников образовательного процесса, ключевым элементом которой является способность к критической оценке технологий. Несмотря на очевидный потенциал ИИ в повышении эффективности и инклюзивности обучения, его внедрение требует строгого следования этическим нормам и сохранения центральной роли педагога в образовательном процессе.

К.Д. Гаркавий, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Вопросы обеспечения прав и законных интересов лиц, содержащихся в местах лишения свободы, относятся к числу наиболее важных аспектов правоприменения и являются индикатором исполнения государством своих международных обязательств в сфере реализации прав человека.

Республика Беларусь является участником ряда универсальных международных договоров в области прав человека, например Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Международного пакта о социальных, экономических и культурных правах и др. В связи с этим вопрос о реализации названных и других международных стандартов в национальное законодательство, в том числе отечественную уголовно-исполнительную систему, приобретает первостепенное доктринальное и практическое значение.

В первую очередь результаты имплементации этих стандартов отображены в Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), конкретизированы в актах законодательства.

Так, право на труд гарантировано гражданам Республики Беларусь в соответствии со ст. 41 Конституции: «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда». Как было указано ранее, положения данной нормы во многом конкретизируются в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК).

Между тем вопрос о реализации трудовых прав лиц, осужденных к отбыванию наказания в исправительных учреждениях, носит специальный характер и регулируется прежде всего Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (далее – УИК).

Следует отметить, что в УИК вопрос о труде осужденных рассматривается скорее не с позиции реализации их субъективного права на труд, а с позиции законодательно установленной обязанности как меры в рам-

ках их исправления. Например, применительно к лицам, осужденным к отбыванию наказания в виде лишения свободы, ст. 98 УИК устанавливает следующее: «Каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений».

При анализе указанной нормы может возникнуть логическое противоречие с нормами о запрете принудительного труда, содержащимися в ст. 41 Конституции и ст. 13 ТК. Однако данными нормами предусмотрены исключения:

«Принудительный труд запрещается, кроме работы или службы на основании судебного постановления либо в соответствии с законами о чрезвычайном и военном положениях»;

«Не считается принудительным трудом:

1) работа, выполняемая вследствие вступившего в законную силу судебного постановления;

2) работа, выполнение которой обусловлено законодательством о военной службе, об альтернативной службе либо чрезвычайными обстоятельствами».

Примеры аналогичных исключений в международно-правовых нормах приводит Ю.Н. Дятлов: «Согласно ч. 3 ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16 декабря 1966 г. (ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII), никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду (п. 3а). Однако в качестве исключения предусмотрена возможность исполнения каторжных работ по приговору компетентного суда (п. 3б). Также в ст. 8 пакта уточняется, что содержание понятия „принудительный или обязательный труд“ не включает какую-либо работу или службу, которую, как правило, обязано выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда. Аналогичная норма встречается в п. 2 ст. 2 Конвенции Международной организации труда № 29, принятой еще в 1930 г.».

Далее указанный автор выделяет из положений, упомянутых им международных договоров, следующие признаки, при которых труд не считается принудительным:

1) наличие приговора, вынесенного решением компетентного суда;

2) лицо, привлеченное к труду, должно находиться в заключении на основании законного распоряжения судебного органа.

Исходя из этого, нельзя не согласиться с мнением о несостоятельности суждений в части недопустимости обязательного труда осужденных в местах лишения свободы.

Более того, как указывает И.И. Лапцевич, привлечение к труду является одним из действенных средств исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. В своем труде «Труд несовершеннолетних осужденных как исправительная основа наказания в виде общественных работ» данный автор утверждает, что привлечение осужденного к общественно полезному труду является одним из основных средств достижения целей уголовной ответственности, что прямо предусмотрено ч. 3 ст. 7 УИК. Также в соответствии со ст. 116 и 187¹ УИК отношение осужденного к труду выступает одним из критериев, позволяющих определить степень его исправления для последующего решения вопроса об условно-досрочном освобождении от наказания либо замены неотбытой части наказания более мягким наказанием.

Возвращаясь к особенностям, отраженным в международных нормах, регулирующих различные аспекты труда осужденных, считаем важным рассмотреть вопрос о возможности применения их диспозитивных особенностей. Как утверждает Ю.Н. Дятлов, были пересмотрены с некоторыми изменениями (Правила Нельсона Манделы 2015 г.) п. 71–76 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (1955 г.): «В частности, была смягчена норма обязательности труда заключенных, которая в новом содержании формулируется следующим образом: «Осужденные заключенные должны иметь возможность работать... при условии установления врачом или другими квалифицированными медицинскими специалистами их физической и психической пригодности» (правило 96.1)».

В других своих трудах ученый приводит примеры зарубежного опыта интерпретации и реализации данной нормы: «...например, в Германии трудовая деятельность заключенных является обязательной, однако за отказ от ее осуществления к осужденным не применяются меры дисциплинарного воздействия... В пенитенциарной системе Швеции трудовая адаптация заключенных является составной частью программ их социальной реабилитации и связана в первую очередь с приобретением к современному производству. Правила содержания осужденных в тюрьмах Норвегии предусматривают их право на труд и обязанность трудиться... В тюрьмах Финляндии заключенные должны участвовать в определенных видах деятельности, ориентированных на развитие навыков законопослушного поведения, в том числе осваивать программы профессионального обучения или работать...».

В условиях действия отечественной уголовно-исполнительной системы, по нашему мнению, должна сохраниться обязанность осужденного на труд в качестве одного из основных средств достижения целей

уголовной ответственности. Вместе с тем видится перспективной возможность добавления определенных элементов диспозитивности к этой императивной норме. В частности, введение ряда условий, которые дополнительно будут стимулировать трудовую деятельность осужденных, позволит повысить эффективность последней в рамках ресоциализации и исправления осужденных. Наряду с поддержанием достойной оплаты труда и дальнейшим привлечением осужденных к наиболее востребованным производственным сферам в качестве примера рассмотреть вопрос о позволении осужденным в нормативно установленных рамках направлять часть заработанных денежных средств не только на текущее потребление и сбережение, но и на материальную помощь семьям, если осужденный ходатайствует об этом.

УДК 342.951

М.А. Горностаева, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ

Республика Беларусь как социальное и правовое государство признает человека и обеспечение реализации его прав и свобод высшей ценностью общества. В этой связи на государство возложена ответственность по созданию всех условий свободного и всестороннего развития личности.

Одним из основных направлений государственной политики Республики Беларусь является защита института семьи как естественной и основной ячейки общества. В частности, демографическое развитие и рост потенциала семьи и детства обеспечивается путем повышения престижа семейного образа жизни и пропаганды позитивных примеров ответственного родительства. Кроме того, укрепление институтов семьи и брака на основе традиционных семейных ценностей выступает в качестве одного из приоритетных направлений социально-экономической политики Республики Беларусь. В этой связи государство принимает и успешно реализует меры, направленные на поощрение института родительства для дальнейшего создания крепких семейных дружественных отношений и повышения роли воспитательной функции каждого родителя.

В то же время Республика Беларусь при осуществлении семейной политики в области охраны детства исходит из принципа преимущественной ответственности родителей за выполнение своих родительских обязанностей.

Так, надлежащее воспитание детей, забота об их здоровье, создание необходимых условий для их всестороннего обучения и полноценного развития возлагается на родителей. Однако в случаях уклонения от выполнения либо вовсе невыполнения подобных обязанностей родители или лица, их заменяющие (далее – родители), подлежат ответственности, предусмотренной законодательством. Одним из видов такой ответственности является привлечение родителей к административной ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 10.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) состав административного правонарушения образуют деяния, выражающиеся в «невыполнении родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, повлекшее совершение несовершеннолетним деяния, содержащего признаки административного правонарушения либо преступления, но не достигшим ко времени совершения такого деяния возраста, с которого наступает административная или уголовная ответственность за совершенное деяние».

Исходя из анализа диспозиции ч. 1 ст. 10.3 КоАП, обязательному доказыванию подлежат факт совершения ребенком противоправного деяния, но не достигшего возраста юридической ответственности, факт виновного бездействия родителей (невыполнение ими своих обязанностей по воспитанию детей) и наличие причинной связи между деянием, совершенным ребенком, и виновным поведением родителей.

Таким образом, в тех случаях, если родители несовершеннолетнего правонарушителя принимали все необходимые меры по его должному воспитанию, однако в виду ряда обстоятельств они не принесли желаемого результата, состав правонарушения отсутствует.

Однако в тех случаях, когда несовершеннолетние выступают в качестве годного субъекта административного правонарушения или преступления, основания для привлечения их родителей к административной ответственности по ч. 1 ст. 10.3 КоАП отсутствуют.

Полагаем, что в целях всестороннего и полного предупредительного воздействия на поведение родителей необходимо предусмотреть их административную ответственность и за виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей, а также по созданию условий для полноценного развития

и обучения несовершеннолетних. Примерами противоправных деяний родителей могут выступать: аморальное поведение, оказывающее вредное воздействие на детей; злоупотребление своими правами; установление фактов жестокого обращения с детьми; невыполнение санитарно-гигиенических норм (влекущих, например, заболевания кожного покрова, и т. п.); невыполнение рекомендаций учреждения здравоохранения по лечению ребенка и иные. При этом факт наступления вредных последствий, в том числе в виде причинения ребенку физического вреда, не имеет значения.

Стоит также отметить, что ребенок обладает правом на проживание в семье и на заботу со стороны своих родителей. В то же время родители, независимо от их совместного либо раздельного проживания, имеют равные права на общение с ребенком и на участие в его воспитании. При этом порядок такого участия определяется по соглашению между родителями (с отражением в Брачном договоре, Соглашении об уплате алиментов либо Соглашении о детях), а в случае его отсутствия – в судебном порядке. В случае если один (оба) из родителей нарушают Соглашение о детях или судебное решение, суд вправе ограничить его (их) в общении с ребенком на тот либо иной срок с учетом интересов ребенка.

Однако, как показывает правоприменительная практика, не единичны случаи, когда родитель, несмотря на примененные в отношении его ограничения, по-прежнему нарушает порядок общения с ребенком (не соблюдает установленные график и время встреч с ребенком, в том числе препятствует подобным встречам и иное), и за подобные деяния виновного лица административная ответственность не установлена.

Таким образом, сегодня Республикой Беларусь принимается ряд прогрессивных мер, направленных на охрану институтов семьи и детства. В целях обеспечения безопасных условий жизни и воспитания детей, реализации ими своих интересов на законодательном уровне предусмотрен ряд административно-правовых мер, направленных на защиту прав детей, в частности привлечение родителей к административной ответственности за невыполнение своих обязанностей по воспитанию детей.

Для дальнейшего совершенствования законодательства в ст. 10.3 КоАП, полагаем, необходимо внести изменения и дополнения. В этой связи целесообразно:

1) ч. 1 перед словами «невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, [...]» дополнить фразой «невыполнение либо ненадлежащее выполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних, а равно»;

2) дополнить ст. 10.3 КоАП ч. 3 следующего содержания: «Деяния, связанные с нарушением родителями или лицами, их заменяющими, условий Брачного договора, либо Соглашения об уплате алиментов, либо Соглашения о детях, либо судебного постановления об участии отдельно проживающего родителя в воспитании ребенка (детей) в части вопросов воспитания и содержания ребенка (детей), совершенные в период действия судебного решения об ограничении общения с ребенком (детьми), – влекут наложение штрафа в размере до десяти базовых величин».

УДК 341

И.А. Гриб, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сегодня Республика Беларусь, как полноправный участник международных отношений, сталкивается с определенными рисками, вызовами и угрозами национальной безопасности. Так, согласно гл. 1 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, принятой решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция), «Современный мир находится в состоянии глобальной геополитической напряженности, обусловленной процессами разрушения сложившегося мирового порядка», «В целом ситуация в мире и перспективы ее развития характеризуются высоким уровнем опасностей, неопределенностью, труднопрогнозируемыми последствиями».

Для преодоления обозначенных и ряда иных угроз в Концепции были определены задачи, которые стоят перед нашей страной, среди которых можно выделить следующие:

- 1) сосредоточение основных усилий на нейтрализации внутренних источников угроз и защите от внешних угроз национальной безопасности;
- 2) модернизация механизмов реализации национальных интересов и устойчивого развития Республики Беларусь;
- 3) совершенствование условий для эффективного функционирования системы обеспечения национальной безопасности.

Для достижения данных задач необходимо взаимодействие с иными субъектами международного права, к которым относятся страны-участницы различных международных договоров и организаций, членом которых является Республика Беларусь. На стыке веков, времени технологического скачка, научного прогресса и сближения экономик

разных стран, глобализация стала определяющим фактором эволюции современной цивилизации. Этот масштабный процесс, подразумевающий возрастающую взаимосвязанность и зависимость между государствами, затронул практически все аспекты жизни общества: экономику, политику, социальную сферу, культуру и, к сожалению, криминал.

Наряду с перемещением товаров, инвестиций и данных трансграничный характер приобрела и преступная активность, распространившись на региональный и глобальный уровни. Речь идет о таких явлениях, как торговля наркотиками, эксплуатация людей, терроризм и другие транснациональные угрозы безопасности. Для нейтрализации этих вызовов необходимо не только делиться информацией и передовым опытом, но и гармонизировать законодательство, проводить совместные операции и согласовывать действия на всех уровнях. В этой связи одним из приоритетных векторов сотрудничества Республики Беларусь с мировым сообществом является взаимодействие сотрудников правоохранительных органов.

Потребность в консолидации усилий государств для противодействия злоумышленникам, чьи деяния нередко затрагивают несколько стран, привела к укреплению роли Международной организации по борьбе с преступностью (далее – Интерпола), играющей ключевую роль в координации работы правоохранительных структур разных государств при решении вопросов международной преступности. Цели Интерпола четко определены в ст. 2 его устава: обеспечение широкого взаимодействия и сотрудничества всех органов уголовной полиции в рамках существующего законодательства государств и в духе Всеобщей декларации прав человека; создание и развитие учреждений, которые могут успешно способствовать предупреждению уголовной преступности и борьбе с ней.

Однако эффективности этого сотрудничества, как свидетельствует многолетний опыт взаимодействия правоохранительных органов, препятствуют три основных фактора.

Во-первых, различия в организационно-структурном построении правоохранительных взаимодействующих органов.

Во-вторых, сказывается наличие языковых барьеров, затрудняющих оперативный обмен информацией и координацию действий.

В-третьих, возникают проблемы в связи с существованием значительных расхождений в законодательстве и юридической практике входящих в Интерпол государств.

С целью устранения подобных сложностей правительства стран – членов Интерпола учреждают на своей территории постоянные поли-

цейские бюро – национальные центральные бюро (НЦБ), которые служат связующим звеном между национальными правоохранительными органами и Генеральным секретариатом Интерпола. НЦБ отвечают за сбор и распространение информации, координацию запросов о международной полицейской помощи и обеспечение взаимодействия с другими НЦБ. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 ноября 1993 г. № 774 было создано Национальное бюро Интерпола при Министерстве внутренних дел (МВД) Республики Беларусь. Данный шаг был необходим Республике Беларусь как стране – участнице Интерпола. В рамках деятельности данной организации проводится ряд операций, направленных на точечное противодействие преступности: «Черный Посейдон»; INFRA-RED-2012 и иные.

Основными актами, которые приняты белорусским государством в данной сфере, являются Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г., Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. и иные.

Если оценивать участие Республики Беларусь в деятельности Интерпола, то следует обратить внимание на Всемирный полицейский саммит, который проходил в Дубае с 13 по 15 мая 2025 г. В рамках данного саммита Министр внутренних дел Республики Беларусь генерал-лейтенант милиции И.В. Кубраков провел рабочую встречу с Президентом Интерпола Ахмедом Насером Аль Раиси. В ходе беседы И.В. Кубраков поблагодарил Президента Интерпола за поддержку Беларуси и в целом за развитие полицейского сообщества, несмотря на то, что рядом стран этот процесс тормозится. В свою очередь, Президент Интерпола подчеркнул: «У меня очень хорошие связи с вашей страной. Каждое ее посещение приносит незабываемые впечатления. Особенно ценно, что ваши сотрудники, даже несмотря на определенные политические моменты, неизменно продолжают работать по нашему направлению».

Еще одним из направлений деятельности МВД Республики Беларусь является участие в региональных, межгосударственных конференциях. Например, делегация во главе с заместителем Министра – начальником криминальной милиции генерал-майором милиции Г.А. Казакевичем участвовала в совещании руководителей подразделений криминального блока министерств внутренних дел государств–участников СНГ в Астане.

В мае 2025 г. завершилась 28-я Объединенная коллегия министерств внутренних дел Союзного государства, по итогам которой был совершен

обмен информацией о результатах проведенной аналитической работы и состоянии оперативной обстановки в сфере противодействия киберпреступности, прогнозируемых угрозах и способах их нейтрализации.

Помимо участия в международных организациях, органы внутренних дел Республики Беларусь взаимодействуют с самостоятельными государствами в различных сферах, например, в рамках противодействия торговле людьми. В августе 2025 г. была проведена третья совместная операция МВД Республики Беларусь и полиции Израиля, в ходе которой пресечена деятельность преступной группы, занимавшейся организацией сексуальной эксплуатации на территории Израиля гражданок нашей страны и других постсоветских государств.

В сентябре 2025 г. был окончен также основной этап субрегиональной антинаркотической операции «Канал – Западная Двина». В ходе операции 23 тыс. правоохранителей из стран Организации Договора о коллективной безопасности совместными усилиями выявляли каналы поставки запрещенных веществ, привлекали к ответственности участников преступных групп, обнаруживали нарколаборатории.

Одним из приоритетных направлений в контексте международного сотрудничества на сегодня является противодействие преступности в сети Интернет. Это связано с резким возрастанием количества преступлений в данной сфере по всему миру, а также с определенными трудностями в привлечении виновных лиц к ответственности. Последнее обусловлено следующими обстоятельствами:

- пребывание виновных лиц на территории иного государства, с которым нет соглашений в сфере совместного противодействия преступности в данной сфере, неоказание содействия полицейскими органами иного государства по политическим причинам;
- использование правонарушителями механизмов зашифровки данных;
- использование различных путей движения украденных денежных средств и данных;
- использование ботов, а также искусственного интеллекта в преступной деятельности.

На основании изложенного необходимо подытожить, что крайне важно поддерживать международные партнерские отношения в сфере противодействия преступности для всех стран мира. Только в таком формате можно обеспечивать национальную безопасность каждой страны, создавать надежные барьеры на пути распространения трансграничной преступности.

Борьба с преступностью – одна из основополагающих задач МВД Республики Беларусь. Множество успешных международных опера-

ций проведено МВД, показан высокий уровень подготовки сотрудников. В связи с чем Указом Президента Республики Беларусь от 9 сентября 2025 г. № 326 было дано право МВД от своего имени подписать Конвенцию Организации Объединенных Наций против киберпреступности.

Таким образом, Республика Беларусь последовательно поддерживает мировые инициативы, связанные с оказанием содействия иностранным государствам в борьбе с преступностью, демонстрирует открытость и нацеленность на плодотворное взаимодействие в вопросах противодействия мировым угрозам безопасности. Однако на сегодня еще не разрешены до конца проблемы, связанные с языковыми барьерами между государствами. Помимо этого, часто контрпродуктивно выступает отсутствие правовой регламентации порядка оперативного взаимодействия между органами полиции. Общие процедуры работы в рамках Интерпол занимают определенное время, которое может быть использовано преступниками для причинения куда большего вреда и ухода от ответственности. Полагаем целесообразным создание механизмов оперативного взаимодействия органов полиции между собой, например, путем создания международных отделов полиции в каждой стране, чьей основной задачей будут выступать получение и быстрая обработка, реагирование на информацию о преступлениях и лицах, их совершивших, в сжатые сроки.

УДК 340.232

С.В. Грицкевич, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЮРИДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАН, НАХОДЯЩИХСЯ В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫХ ПРОФИЛАКТОРИЯХ

В настоящее время в Республике Беларусь достаточно острой социально неблагоприятной проблемой являются негативные последствия алкоголизации населения. К таковым в первую очередь относится совершение преступлений и административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения. В Республике Беларусь реализуется ряд мер, направленных на искоренение обозначенной проблемы и ми-

нимизацию ее неблагоприятных последствий. Одним из наиболее радикальных средств борьбы с алкоголизмом является направление граждан, злоупотребляющих спиртными напитками и совершающих правонарушения в состоянии алкогольного опьянения, в лечебно-трудовые профилактории (ЛТП).

Сегодня весьма актуальным остается вопрос эффективности оказания правового воздействия в отношении граждан, находящихся в ЛТП. Само понятие «правовое воздействие» в науке общей теории государства и права трактуется исследователями не всегда единообразно.

Например, Л.Н. Берг рассматривает правовое воздействие как динамический, изменяющийся во времени и пространстве процесс влияния социально-нормативных регуляторов, в результате которого возникают упорядоченные связи между коллективными и индивидуальными субъектами, т. е. процесс влияния на сознание субъектов через потоки правовой информации.

В то же время Е.А. Лукашева трактует правовое воздействие как воплощение установленной или санкционированной государством системы правовых норм в конкретные общественные отношения с помощью специально юридических или неюридических средств в целях создания стабильного динамичного правопорядка.

В свою очередь, осуществление правового воздействия в отношении граждан, находящихся в ЛТП, предполагает применение соответствующих средств. При оказании правового воздействия в отношении данной категории лиц необходимо выделить наличие как юридических, так и неюридических средств, которые оказывают упорядочивающее воздействие на общественные отношения, возникающие в процессе прохождения гражданами медико-социальной реадаптации.

В связи с вышеизложенным рассмотрим наиболее значимые, на наш взгляд, средства неюридического правового воздействия на институциональном уровне, которые непосредственно направлены на установление и стимулирование правомерного поведения граждан, находящихся в ЛТП.

Первым институтом в структуре неюридических средств правового воздействия следует выделить средства массовой информации (СМИ). Непосредственно с их помощью осуществляется диалог государства с обществом в целом и с отдельным гражданином в частности.

К СМИ относятся печатные издания (газеты, журналы), радиовещание, телевидение, сеть Интернет и др. Ключевой составляющей современного информационного пространства в аспекте доступа к информации, различным документам и новостям является сеть Интернет. Полагаем, что в настоящее время не в полной мере реализуется

использование СМИ в деятельности ЛТП, а именно у граждан отсутствует возможность получения информации посредством сети Интернет, также не во всех учреждениях имеются средства радиовещания. Важно отметить, что посредством СМИ транслируется правовая идеология государства, отражающая как правовые, так и национальные патриотические ценности, что является неотъемлемой составляющей в формировании правомерного поведения граждан. В связи с этим предлагается рассмотреть вопрос использования гражданами, находящимися в ЛТП, сети Интернет для получения информации, а также во всех учреждениях в местах их массового нахождения (столовая, клуб и др.) установить системы радиовещания.

Следующим неюридическим средством правового воздействия на граждан, находящихся в ЛТП, являются религиозные нормы. В настоящее время весомый вклад в оказании правового воздействия в отношении вышеуказанных лиц вносят религиозные институты. На протяжении всей истории человечества религия объединяла людей, являлась средством воспитания как взрослых, так и подрастающего поколения. Она не только формирует религиозные чувства и убеждения человека, его взаимоотношение с религиозными организациями, но и оказывает положительное влияние на структуру его личных ценностей и убеждений. В связи с этим предлагаем развивать участие данного института в формировании правомерного поведения граждан, находящихся в ЛТП.

Еще одним из немаловажных институтов оказания правового воздействия выступают учреждения культуры. Правовые ценности прививаются посредством трансляции правовой идеологии в кинокартинах, театральных постановках, музеях, при чтении художественной литературы. Особую роль в данном перечне играет кинематограф, так как любая кинокартина формирует определенные модели как правового, так и неправового поведения. Посредством прочтения литературных источников художественной и научной направленности прослеживается становление и развитие правовых систем современности. Важно отметить, что воздействие оказывается с учетом того, как сам автор произведения воспринимает правовые явления и правовую действительность на конкретном этапе развития государства. В связи с этим предлагаем развивать участие учреждений культуры при оказании правового воздействия в отношении граждан, находящихся в ЛТП, а именно рассмотреть вопрос массового посещения гражданами в выходные дни театров, музеев и других учреждений культуры.

Вышеизложенное предопределяет вывод о том, что неюридические средства правового воздействия оказывают значительное влия-

ние на формирование правомерного поведения граждан, находящихся в ЛТП, посредством воздействия на структуру их личных ценностей и убеждений. В связи с этим предлагаем, во-первых, развивать участие религиозных институтов, учреждений культуры, СМИ в оказании правового воздействия в отношении вышеуказанных лиц; во-вторых, рассмотреть вопрос использования гражданами, находящимися в ЛТП, сети Интернет для получения актуальной информации идеологической направленности; в-третьих, во всех ЛТП в местах массового нахождения граждан (столовая, клуб и др.) установить системы радиовещания; в-четвертых, проанализировать возможность посещения рассматриваемой категорией граждан в выходные дни театров, музеев и других учреждений культуры.

УДК 342

В.И. Гуськова, курсант международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННЫМ МИГРАЦИОННЫМ ПОТОКАМ
В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Российская Федерация (далее – Россия, РФ), проводя эффективную политику по обеспечению национальной безопасности и защите интересов своих граждан, все больше внимания уделяет противодействию незаконной трудовой миграции, усилению контроля за миграционными потоками и, как следствие, проводит ужесточение миграционного законодательства.

Основная масса иностранных граждан, прибывающих в Россию, – это представители среднеазиатских республик бывшего СССР. Наши народы все еще продолжают оставаться носителями одной интернациональной культуры, объединяющим фактором которой является русский язык. Но со сменой поколений, а также дерусификацией во многих республиках интернациональный способ общения стал исчезать, а следовательно, и ожидаемая интеграция. На смену ей приходит национальная обособленность, возникают многочисленные очаги межэтнической напряженности, что усугубляется криминальной направленностью элементов, не имеющих законных оснований пребывания на террито-

рии РФ. Потоки трудовых мигрантов возрастают и за счет увеличения количества членов семей, приезжающих совместно с трудоспособными мужчинами, ранее ориентированными на временную работу и возвращение в свою страну. В последнее время наблюдаются изменения в миграционных процессах – временная трудовая миграция из стран Средней Азии приобретает долгосрочный характер и выражается в росте числа мигрантов, которых сопровождают их семьи, как правило многодетные, настроенные на постоянное проживание в России и получение гражданства. Можно отметить, что на протяжении двух последних десятилетий 80 % трудовых мигрантов являются выходцами из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Они составляют подавляющее большинство вступивших в российское гражданство, и в трети случаев основанием приобретения гражданства являлось воссоединение семей.

Изучение новой миграционной тенденции крайне актуально в настоящий момент, поскольку этот процесс необходимо оценивать и регулировать в первую очередь с точки зрения интересов российского общества, государства и его коренного населения.

Иностранец, приезжающий в Россию с целью работы, имеет право переехать совместно со своей семьей, что гарантировано миграционным правом РФ. Миграционное право содержит механизмы для легализации иностранцев и осуществления ими трудовой деятельности. В случае прибытия мигранта из безвизовой страны Евразийского экономического союза (Беларусь, Казахстан, Армения, Кыргызстан) его семья может законно находиться в России вместе с ним без оформления дополнительных разрешительных документов, поскольку таковыми для них является договор с работодателем или патент. При этом к членам семьи иностранного гражданина, которые могут находиться в России легально на основании работы самого иностранца, относятся дети и неработающие супруги. Несмотря на это, в миграционном законодательстве РФ предусмотрены документы, обязательные для оформления всем иностранцам, в том числе и членам их семей: полис добровольного медицинского страхования; постановка на миграционный учет; медицинская комиссия сроком на 1 год; зеленая карта, действующая в течение 10 лет. Указанные процедуры не касаются граждан Республики Беларусь, детей до 6 лет и иностранцев с разрешением временного проживания (РВП) или видом на жительство (ВНЖ). Сотрудники дипломатических консульств с семьями также не оформляют «зеленую карту». Отказавшиеся от прохождения в установленные сроки процедур иностранцы заносятся в реестр контролируемых лиц, после чего движение средств на их банковских счетах замораживается. Можно отметить, что в отноше-

ниях между РФ и Республикой Беларусь создано фактически единое миграционное пространство, обеспечиваются условия взаимных поездок по внутренним национальным документам без прохождения таможенного и пограничного контроля. Граждане двух стран имеют взаимную возможность нахождения на территории братского государства без регистрации и постановки на миграционный учет в течение 90 суток. Этому способствует также двустороннее Соглашение о сотрудничестве правоохранительных органов приграничных районов, практика принятия программ по противодействию незаконной миграции из третьих стран.

В большинстве своем прибывающие в РФ трудовые мигранты рассчитывают на получение российского гражданства, они стремятся к получению полного социального пакета от принимающей страны, а также снятию ограничений по перемещению как внутри государства, так и за его пределы. Отдельные категории могут получить гражданство без предварительного РВП и ВНЖ, остальные желающие длительно проживать и трудиться в России должны получить эти необходимые промежуточные статусы, узаконив свое пребывание в РФ.

Отметим тот факт, что не каждый трудовой мигрант платит полностью налоги и не все работодатели честно проводят социальные отчисления за трудящихся. При этом действующее миграционное законодательство дает супругам и детям мигрантов возможность находиться в стране на основании статуса работающего члена семьи. Они пользуются инфраструктурой и социальным обеспечением, не внося в экономику России прямого финансового вклада. Расходы на неработающие семьи трудовых мигрантов ложатся дополнительным бременем на бюджет. Получив возможность обучения в российских школах, все чаще дети трудовых мигрантов стали попадать в криминальные сводки новостей. Особо тяжкие деяния подростков увеличились более чем вдвое. Исходя из складывающейся ситуации, решение этой проблемы будет найдено тогда, когда будут созданы ограничения приезда семей и родственников мигрантов, будет достигнута нормализация процесса трудовой миграции с учетом интересов РФ. С 5 февраля 2025 г. вступили в силу поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которым решение об административном выдворении иностранцев смогут принимать не только суды, но и должностные лица органов внутренних дел. Во исполнение принятых законодательством норм Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД) подготовило и утвердило приказ, согласно которому иностранные граждане, чьих детей признают нежелательно пребывающими на территории РФ, будут получать такой же статус с применением в от-

ношении семьи режима высылки. Нежелательным пребыванием могут признать МВД, Федеральная служба безопасности, Министерство иностранных дел, Служба внешней разведки, Росфинмониторинг, Федеративная служба исполнения наказаний и Министерство обороны. Такое решение будет принято в случае реальной угрозы со стороны мигранта в отношении безопасности государства, общественного порядка, конституционного строя, здоровья, прав и свобод граждан России. Под нежелательность пребывания также попадают нарушения въезда в РФ, сроков пребывания, транспортного проезда, а также утрата либо отсутствие подтверждающих документов на право находиться в России. Мигранты, в отношении которых принято решение о нежелательности пребывания, обязаны выехать из страны в отведенный им срок, в ином случае принимается решение о депортации. Согласно нововведению иностранные граждане, являющиеся членами семьи иностранного гражданина, подлежащего административному выдворению за пределы РФ или депортации, подлежат административному выдворению или депортации совместно с ним, с запретом на въезд в РФ от 3 до 10 лет (обжалованию подлежат решения о выдворении и депортации при наличии у членов семьи, особенно у несовершеннолетних детей, гражданства РФ и невозможности проживать в стране гражданства по причине преследования).

Региональные и муниципальные органы образования с 2025 г. обязаны передавать в МВД сведения о детях трудовых мигрантов: результаты тестирования на владение русским языком, информацию о приеме и отчислении из школ. Эти меры позволят выявлять не посещающих школу детей, тем самым предотвращать вовлечение их в противоправную деятельность, привлекать к ответственности родителей за невыполнение ими своих обязанностей по воспитанию детей. Ведь часто именно старшие подают пример нежелания подчиняться законам и уважать культуру принимающей их страны, их нового дома, куда они так настойчиво стремятся. Рассматривая административные правонарушения, самым массовым протестом трудовых мигрантов против порядка является повсеместный безбилетный проезд на общественном транспорте. Учитывая численность прибывших специалистов, а также сопровождающих их членов семьи, можно уверенно говорить о колоссальной нагрузке на бюджет страны, который ежедневно теряет огромные суммы. Но при этом обеспечивает все социальные гарантии тем же безбилетникам, официально находящимся в России. На данный момент решается вопрос организации совместных выездов сотрудников МВД и кондукторов на систематической основе для оперативного пресечения нарушений на транспорте, включая безбилетный проезд и несоблюдение

правил миграционного законодательства. Отметим также и россиян, которые, желая улучшить свое материальное положение, не просто сдают жилые помещения иностранным специалистам, но и оформляют им временную, а то и постоянную регистрацию на своей жилплощади, тем самым организовывают так называемые резиновые квартиры. В настоящее время в Государственной Думе на рассмотрении находится вопрос о запрете регистрации иностранцев, если площадь жилого помещения по нормативу этого не позволяет. В Москве и Подмосковье также запущен эксперимент, предусматривающий мониторинг геолокации устройств через специальное приложение. Так власти намерены снизить уровень нелегальной миграции. Все эти меры направлены на повышение социальной ответственности трудовых мигрантов, обеспечение их интеграции с российским обществом через профилактику правонарушений для обеспечения законности и порядка в условиях сложной социально-экономической и политической ситуации. Иностранцам крайне важно знать и соблюдать законы РФ, поскольку в противном случае мечта о российском гражданстве или просто возможность прожить и трудиться, в том числе на основании ВНЖ, не воплотится в жизнь.

Федеральный закон регулирует основание для отказа в выдаче или аннулирования ВНЖ. Одним из таких оснований является привлечение иностранного гражданина к административной ответственности. Согласно закону ВНЖ не выдается или аннулируется, а также запрещается въезд в РФ, если иностранный гражданин неоднократно в течение одного года привлекался к административной ответственности. Речь идет о любых административных правонарушениях, а не только о тех, что связаны с общественным порядком, миграционным режимом или трудовой деятельностью. Наличие решения о неразрешении въезда в Россию является отдельным основанием для отказа о выдаче или аннулировании ранее выданного ВНЖ.

Помимо этого, наличие административных правонарушений, особенно тех, которые привели к вынесению решений о запрете на въезд, может стать основанием для отклонения заявления на получение гражданства РФ, что предусмотрено Федеральным законом РФ от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Безусловно, все усилия, применяемые Правительством РФ, по контролю за миграционными потоками направлены на обеспечение безопасности, но часто одни лишь уголовно-правовые меры неэффективны. Необходимо создание качественного отбора иностранных специалистов, именно тех, в ком нуждается экономика, с учетом запроса конкретного числа лиц от регионов и субъектов РФ. Только примене-

ние совокупных мер жесткого миграционного контроля и регулирования масштабов спроса на рабочую силу позволит избежать предела миграционной нагрузки на российское общество, нарушения социальной стабильности и безопасности. И как отметил в своих статьях член-корреспондент РАН, профессор, доктор экономических наук, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН С.В. Рязанцев: «Иммиграция при разумной миграционной политике может стать стимулирующим фактором социально-экономического развития России».

УДК 347.1

А.С. Далидович, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ИЗОБРАЖЕНИЙ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вопрос неприкосновенности изображений сотрудников органов внутренних дел (ОВД) в последнее время приобретает все большее значение в связи с развитием цифровых технологий, массовым распространением социальных сетей и ростом интереса общества к деятельности правоохранительных органов. Изображение сотрудника ОВД становится не только элементом его личной идентичности, но и объектом гражданско-правовой охраны, которые тесно связаны с институтами чести, достоинства и деловой репутации. В условиях, когда визуальная информация может быть использована для дискредитации, угроз или давления на сотрудника, проблема правовой защиты изображения приобретает особую социальную и юридическую значимость.

В доктринальной среде отмечается, что изображение гражданина в правовом смысле представляет собой нематериальное благо, включенное в систему объектов гражданских прав, и охраняется как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь.

Специфика личности сотрудника ОВД заключается в том, что он одновременно выступает и как отдельное лицо, и как представитель власти. Это двойственное положение требует особого подхода к регулированию использования его изображения. С одной стороны, действует принцип публичности их служебной деятельности, с другой – сохраняется право на защиту личной жизни и деловой репутации.

Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 июня 2017 г. № 478 «О мерах по защите деловой репутации» (далее – постановление № 478) закрепляет правовые механизмы, позволяющие гражданам и организациям требовать опровержения недостоверных сведений, удаления материалов и компенсации морального вреда. Эти положения применимы и к случаям неправомерного использования изображений сотрудников ОВД, особенно если публикация сопровождается ложными комментариями, которые могут вызвать подрыв доверия к их профессиональной деятельности. Таким образом, защита изображения тесно переплетается с защитой деловой репутации.

Охрана изображения сотрудников ОВД обеспечивается и Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК). В соответствии со ст. 151 ГК гражданин вправе требовать опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство и деловую репутацию, а также защиты изображения, распространенного без согласия. Это положение охватывает случаи, когда фотография или видеозапись сотрудника ОВД используется вне служебного контекста, либо сопровождается комментариями, способными нанести вред его профессиональному статусу. Таким образом, изображение рассматривается как элемент личных неимущественных прав, охраняемых в гражданско-правовом порядке, что усиливает аргументацию в пользу его неприкосновенности и дает основания для судебной защиты при нарушении.

Научные публикации подчеркивают, что социокультурные реалии вносят коррективы в воззрения на имидж сотрудников ОВД, существенную роль при формировании которого играет и изображение такового. Неправомерное использование изображений в негативном контексте способно существенно повлиять на общественное восприятие ОВД, что в конечном счете отражается на уровне доверия к государственным институтам. В этой связи неприкосновенность изображения приобретает не только индивидуальное, но и общественное измерение.

Особое внимание следует уделить проблеме цифровых технологий. Современные методы обработки изображений, включая технологии deepfake, создают новые риски для сотрудников ОВД. Подмена изображения или его использование в ложном контексте могут не только повредить репутации, но и создать угрозу личной безопасности. В этой связи необходимы дополнительные правовые механизмы, позволяющие оперативно реагировать на подобные нарушения. В научной литературе предлагается расширить процессуальные возможности для быстрого удаления противоправного контента и усилить ответственность интернет-сайтов за распространение изображений, нарушающих права граждан.

Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь показывает, что в обеих странах изображение охраняется как объект гражданских прав, однако белорусская модель отличается большей формализованностью и опорой на подзаконные акты. Российская практика более гибкая и ориентирована на баланс интересов, что подтверждается многочисленными решениями судов. В то же время обе системы сталкиваются с проблемой недостаточной детализации критериев допустимости использования изображений сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, неприкосновенность изображений сотрудников ОВД следует рассматривать как комплексный правовой институт, включающий элементы защиты личных нематериальных благ, деловой репутации и общественной безопасности. Постановление № 478, диссертационные исследования и научные публикации подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования в этой сфере. Перспективными направлениями являются: разработка специальных процессуальных норм для оперативного удаления противоправных изображений, расширение обязанностей интернет-платформ, а также формирование единых критериев допустимости использования изображений сотрудников ОВД в публичном пространстве.

УДК 340.1

А.Д. Дашкевич, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ВИДЫ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ И ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Особое место в системе правового регулирования занимают юридические средства, основанные на предположениях. Одним из таких средств являются правовые презумпции, существующие для придания определенности правовому регулированию общественных отношений в различных отраслях права.

Сущность и содержание правовых презумпций является одним из наиболее дискуссионных вопросов в юридической науке, в связи с тем, что данная проблема имеет междисциплинарный характер. Правовые презумпции подвергаются осмыслению и с точки зрения философии, и с позиции логики, и в рамках юридической природы. В связи с этим существует большое многообразие научных исследований, которые в

совокупности образуют обширную проблематику вокруг вопроса определения понятия, сущности и видов правовых презумпций, что в конечном итоге не привело к выработанному единообразному подходу к пониманию указанных проблем.

Обобщая труды ученых, посвященные рассматриваемой проблематике, можно выделить относительно общие критерии классификации правовых презумпций.

По способу закрепления выделяют прямые и косвенные презумпции. Прямое закрепление презумпции происходит через непосредственное ее отображение в правовых нормах. Примером таковой, в контексте административного права, выступает презумпция невиновности, закрепленная в ст. 2.4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З.

По мнению некоторых исследователей, презумпции являются косвенно закрепленными, когда они не имеют непосредственного отображения в законах, но могут быть выявлены в процессе толкования или умозаключений.

Полагаем, что рассмотрение прямого и косвенного закрепления презумпций стоит проводить несколько иначе. На наш взгляд, прямое закрепление презумпции в законе выражается через использование в тексте правовой нормы термина «презумпция», как, например, презумпция отсутствия психического расстройства (заболевания), закрепленная в ст. 6 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 349-З «Об оказании психиатрической помощи».

К косвенному закреплению правовых презумпций, на наш взгляд, можно относить те, которые прямо не определяются в законодательстве как «презумпции», но выражены в тексте правовой нормы словами через конструкции «пока не доказано иное», «если не установлено обратное» и т. п., из чего необходимо делать логическое заключение о наличии презумпции. Примером такой презумпции может служить п. 11 Указа Президента Республики Беларусь от 6 мая 2010 г. № 240 «Об осуществлении общественного контроля профессиональными союзами», в соответствии с которым контролируемый субъект признается добросовестно исполняющим требования законодательства, пока не доказано иное.

По возможности опровержения правовые презумпции в науке делят на опровержимые (условные) и неопровержимые (безусловные) презумпции.

Опровержимые презумпции – это такие презумпции, возможность опровержения которых закреплена в правовых нормах, и предполагает под собой доказывание определенных фактов.

Неопровержимые презумпции – это презумпции, являющиеся аксиоматическими, возможность опровержения которых правовыми нормами не предусмотрена.

Полагаем, что опровержимость презумпции выступает в качестве ее существенного признака, так как презумпция по своему семантическому смыслу является лишь предположением, из чего объективно следует возможность установления обратного факта, нежели изначально презюмируемый. В связи с этим при рассмотрении административно-правовых презумпций стоит исходить из их правовой закреплённости и опровержимости как обязательных признаков, указывающих на их наличие в законодательстве.

По сфере правового регулирования выделяют общеправовые, межотраслевые и отраслевые презумпции.

Общеправовые презумпции – это презумпции, которые применяются ко всем отраслям права (презумпция легальности государственного правового акта). Межотраслевые презумпции универсальны для применения к нескольким отраслям права (презумпция вины, презумпция невиновности). Отраслевые презумпции ограничены к применению в определенной отрасли права (презумпция добросовестности субъекта хозяйствования).

Однако, как представляется, подобное деление носит условный характер, особенно в отношении административно-правовых презумпций, ввиду того, что административно-правовое регулирование тесно переплетается со всеми иными отраслями права, а следовательно, выделить сугубо административно-правовые презумпции, не имеющие межотраслевого характера, весьма затруднительно.

Исходя из изложенного понимания юридических презумпций, представляется возможным выделить следующие группы презумпций, закреплённых в административном законодательстве, в зависимости от их содержания.

1. Презумпции виновности либо невиновности, определяющие позицию правоприменителя относительно вины субъекта правоотношений в рамках рассмотрения конкретного дела.

Примером может выступать презумпция невиновности, закреплённая в ст. 26 Конституции Республики Беларусь от 24 ноября 1996 г.: «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Презумпция виновности в законодательстве может быть представлена примером Закона Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 405-3 «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг», а в соответствии со ст. 20 указанного

закона в случае нарушения прав потребителя исполнитель возмещает причиненные убытки, вред и уплачивает неустойку, предусмотренную законодательством о защите прав потребителей и (или) договором, если не докажет, что нарушение прав потребителя произошло не по его вине.

2. Презумпции добросовестности либо недобросовестности (опасности). Эти правовые презумпции, как правило, регулируют позицию правоприменителя в отношении деятельности субъектов хозяйствования и устанавливают его обязанность при рассмотрении правовых споров считать такую деятельность либо добросовестной, либо наоборот, например, в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХП «Об охране окружающей среды» закреплена презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности.

3. Презумпции достоверности либо нелегальности устанавливают порядок признания законными правовые акты либо решения субъектов правоотношений. Например, ст. 24 Закона Республики Беларусь от 5 января 2004 г. № 262-З «О техническом нормировании и стандартизации» закрепляет презумпцию соответствия техническому регламенту Республики Беларусь технических кодексов установившейся практики и (или) государственных стандартов.

4. Презумпции наличия юридического факта либо его отсутствия устанавливают обязанность признания юридического факта наличным без установления фактических обстоятельств. Примером может служить п. 5 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2008 г. № 972 «О некоторых вопросах автомобильных перевозок пассажиров», которым закреплено следующее: «выдача пассажиру багажа без претензий со стороны пассажира предполагает (если не доказано обратное), что багаж был выдан полностью и в неповрежденном состоянии».

УДК 347.4

Д.Н. Душин, курсант юридического факультета Самарского юридического института ФСИН России

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В условиях прогрессивной правовой политики России и Республики Беларусь в части активного внедрения цифровых технологий пристальное внимание уделяется вопросу цифровизации гражданского за-

конодательства как самой объемной сферы общественных отношений. Основываясь на этом, особо актуальным в исследуемой сфере права становится вопрос о достаточной защите субъектов частных правоотношений, а следовательно, обеспечении соблюдения прав и исполнения обязательств каждого. На волне активного оборота цифровых объектов особое место занимают смарт-контракты. При этом, полагаем, что проблемой регулирования правоотношений, складывающихся в области применения смарт-контрактов, является невозможность его последующего изменения. Например, контрагент может передать по договору «битый» цифровой актив (т. е., не способный к расшифровке), что приведет к ненадлежащему исполнению обязательства. В связи с этим необходимо грамотно взвесить все риски и определить возможное поле использования названной технологии.

На сегодня в юридической науке ведутся споры о том, что именно из себя представляет смарт-контракт – новую форму договора или способ обеспечения исполнения обязательств. Например, И.А. Савельев определяет смарт-контракт как новую конструкцию договора в форме программного кода, реализуемого на платформе «блокчейн». Ученый считает, что в данном случае не само цифровое соглашение, а система блокчейн выступает обеспечительным способом, который имманентно присущ только такой форме соглашения. Иначе говоря, смарт-контракт – это классическое соглашение, предусмотренное ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), заключаемое в цифровой среде, а «блокчейн» – имманентно заложенный в цифровое соглашение способ обеспечения исполнения, предающий ему автономность и самоисполнимость в части соблюдения прав кредитора в случае наступления обусловленных обстоятельств. Той же позиции придерживается Е.Е. Богданова. По ее мнению, с одной стороны, «умный контракт» можно квалифицировать как условную сделку, но только когда речь идет о предмете передачи (обмена) цифровых активов посредством технических средств. При этом, с другой стороны, она считает, что, если договор первоначально был заключен в материальном мире или он был заключен в виртуальном мире, однако исполнение его обязательств предусмотрено в реальном мире, как, например, путем передачи вещи, оказания услуги или выполнения работ. Иными словами, смарт-контракт в зависимости от пространства заключения основного соглашения можно использовать либо в качестве основного гражданско-правового договора, либо как элемент такого договора и специального способа обеспечения его исполнения.

Другой позиции придерживаются М.Ю. Юрасов и Д.А. Поздняков. Они полагают, что это смарт-контракт относится к неименованному

способу обеспечения исполнения обязательства, ссылаясь на конструкцию нормы п. 1 ст. 329 ГК РФ – договор и другие обязательства могут обеспечиваться не только способами, прямо именованными в гражданском законе. Их мнение основывается на том, что, если в предмет договора входит благо в виде оцифрованного актива, который возможно материализовать (конвертировать) в реальном мире, тем более, если это определенная работа или услуга, а непосредственное осуществление обязательства будет иметь ценность только в реальном мире, то смарт-контракт будет своего рода обеспечением основного обязательства как доказательство, подтверждающее действительные намерения сторон, согласно абз. 2 ст. 431 ГК РФ.

Мы же, в свою очередь, склоняемся к тому, что смарт-контракт – это способ обеспечения цифровой сделки (обусловленного волеизъявления двух сторон), в которой определенные условия соглашения автоматически либо посредством специальной программы для электронно-вычислительной машины записываются (обеспечиваются) в качестве фрагмента кода, запрограммированного на достижение определенных задач (результата сделки или юридически значимых последствий) в случае наступления (выполнения) некоего предопределенного условия.

В качестве мер защиты участников гражданских правоотношений при исполнении цифрового соглашения могут признаваться классические судебные и внесудебные способы. К специализированному обеспечительному способу исполнения обязательств цифровой сделки мы бы отнесли смарт-контракт.

Кроме того, полагаем, что потенциалом в обеспечении прав участников сделки также обладает цифровой рубль, базирующийся на родовой системе блокчейн. Считаем, что их совместное применение позволило бы обезопасить цифровую сделку, создав доступные гарантии для беспрепятственного исполнения цифровых обязательств с обеих сторон. Допускаемая нами возможность синергии двух рассматриваемых технологий обуславливается и природой их возникновения, и схожестью механизма действия, позволяя быть взаимодополняющими и подходящими друг к другу по вопросу упорядочивания и защиты в современных развитых частных отношениях. Нельзя отрицать того, что концепция развития двух этих институтов в национальном масштабе требует значительных материально-технических и финансовых вложений государства в части не столько правового регулирования, сколько технической реализации. Кроме того, требуется создание кредита доверия у участников правоотношений. Однако, с нашей точки зрения, такой комплексный подход к использованию двух систем возможен в рамках

гражданско-правовых конструкций, а также особо применимо было бы, на наш взгляд, в реализации государственно-частных правоотношений и при выполнении бюджетных обязательств.

Таким образом, соблюдая логику законодательного изложения путем квалифицированного применения юридической техники в целях обеспечения безопасного применения цифрового потенциала смарт-контракта и цифрового рубля, предлагаем внести соответствующие изменения в гражданское законодательство. Во-первых, предусмотреть в ч. 1 ст. 329 ГК РФ в качестве основного способа обеспечения исполнения обязательств при реализации операций по виртуальным сделкам – смарт-контракт. При условии дополнения соответствующей дефиницией гражданское законодательство.

Во-вторых, в качестве дополнительной нормы предлагаем внести в абз. 2 ст. 309 ГК РФ изменения: «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение возникающих из нее обязательств без участия сторон, но на основании заранее выраженного ими автоматизированного согласия с использованием децентрализованной и (или) централизованной распределительной информационной системы, предусматривающей автоматизированное исполнение обязательств путем идентификации доступа оператором информационной системы». Это позволит повысить доступность применения смарт-контракта как дополнительного способа обеспечения исполнения обязательства. Соответствующие технические понятия предполагается применять в рамках Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

В-третьих, исходя из обусловленной надежности применяемых инновационных обеспечительных способов, предлагаем предусмотреть применение смарт-контракта во взаимосвязи с цифровым рублем (расчетным средством) при организации контрактной системы для обеспечения государственных и муниципальных нужд: ввести новую норму в качестве абз. 2 ч. 4 ст. 34 Федерального закона Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: «Обязательным условием обеспечения исполнения обязательств по контракту является использование децентрализованной распределительной информационной системы, предусматривающей автоматизированное исполнение обязательств, с осуществлением безналичных расчетов на платформе цифрового рубля».

Таким образом, применение новых способов обеспечения исполнения обязательств по сделкам, объектом которых выступают цифровые объекты, предоставит гарантии государственной защиты в рассматриваемой

сделке при отсутствии со стороны участника соблюдения условий ее исполнения, возникновении технических ошибок, при ненадлежащем исполнении сторонами обязательств по цифровой сделке в виде действий в реальном мире и т. п. Полагаем, что соответствующие изменения возможны также в законодательстве Республики Беларусь, безусловно, с учетом ее правовых особенностей гражданского законодательства.

УДК 351.749

А.В. Душкевич, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

СЛУЖБА БХСС/БЭП: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Служба по борьбе с экономическими преступлениями (БЭП) является оперативным подразделением в системе криминальной милиции Министерства внутренних дел (МВД) Республики Беларусь и занимает особое место в системе обеспечения экономической безопасности государства.

История возникновения и развития службы показывает эволюцию организационной деятельности, направленной на защиту финансового сектора, охрану национального экономического суверенитета и предупреждение экономических преступлений. Проводимое государством совершенствование деятельности подразделений БЭП (ранее – подразделений по борьбе с хищениями социалистической собственности – БХСС) отражает оптимизацию правового регулирования, внедрение современных технологий, а также повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников.

Актуальность исследования связана с тем, что выделение ключевых этапов становления службы БХСС/БЭП, анализ ее основных функций и задач позволяют определить их влияние на состояние экономической безопасности государства и обеспечение его экономических интересов.

После Октябрьской революции, свершившейся в 1917 г., была установлена советская власть, перед которой стояла необходимость обеспечения нового правопорядка. В задачи рабоче-крестьянской милиции входила защита экономических интересов государства. Во время Гражданской войны рабоче-крестьянская милиция осуществляла свою деятельность совместно с Всероссийской чрезвычайной комиссией, которая позднее была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ). В составе ГПУ было создано экономическое управление, которое осуществляло борьбу с хищениями и взяточничеством.

После завершения Гражданской войны на рабоче-крестьянскую милицию была возложена важная функция по защите экономических ресурсов республики. С 10 августа 1920 г. началось создание промышленной милиции, в чьи обязанности входила охрана всей национализированной собственности, за исключением объектов железнодорожного и речного транспорта. Анализ архивных документов, который провел Ю.В. Курьянович, дает основания полагать, что данное подразделение стало первой штатной службой в системе рабоче-крестьянской милиции и впоследствии стало прототипом службы по борьбе с экономическими преступлениями. В декабре 1920 г. произошло объединение отдела промышленной милиции с отделом районно-городской милиции.

К середине 1930-х гг. экономика Советского Союза демонстрировала существенный прогресс. Промышленно-хозяйственный комплекс, во многом разрушенный в период Первой мировой и Гражданской войн, был не только полностью восстановлен, но и модернизирован, что привело к росту материального благосостояния граждан. Однако эти позитивные изменения создали условия для роста хищений социалистической собственности, принадлежащей государству, коллективным хозяйствам.

Придание социалистической собственности статуса экономического фундамента СССР в Конституции 1936 г. потребовало разработки ряда правовых и организационных мер для ее защиты. В результате данной инициативы приказом НКВД СССР от 16 марта 1937 г. в структуре Главного управления милиции было создано специальное подразделение – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (ОБХСС). Соответствующие отделы были сформированы в Белорусской ССР на республиканском и областном уровнях.

На ОБХСС и их региональные подразделения возложили ключевые функции: координировать деятельность местной милиции в борьбе с хищениями и спекуляцией, а также организовывать оперативную работу по предотвращению и расследованию таких преступлений. Сфера их ответственности распространялась на широкий спектр организаций, включая государственную торговлю, заготовительные конторы и сберкассы.

С момента своего создания аппараты БХСС, укомплектованные специалистами с опытом работы в экономических и секретно-политических подразделениях ОГПУ-НКВД, а также в уголовном розыске, немедленно приступили к выявлению и пресечению хищений, спекуляций, взяточничества и фальшивомонетничества. Их структура включала отделы, отделения и группы в республиканских, областных управлениях и управлениях крупных городов.

Создание ОБХСС стало показателем того, что экономическая преступность представляет собой системную угрозу, требующую отдельного, точечного противодействия. К середине 1930-х гг. хищения стали трактоваться как преступления против основ государственного строя.

В период Великой Отечественной войны перед службой БХСС помимо борьбы с преступностью встал ряд новых ответственных задач. Сотрудники боролись с дезертирством, мародерством, хищениями военного имущества и распространением провокационных слухов. Важнейшей функцией стало обеспечение тыла: помогали в эвакуации населения и промышленности, налаживали снабжение фронта и оборонных заводов. Они также вели напряженную борьбу со спекуляцией и хищениями продовольственных карточек, обеспечивая их строгий учет и справедливое распределение.

В послевоенный период острая нехватка продовольствия, особенно мяса и молока, привела к всплеску краж скота. Активные действия правоохранительных органов позволили переломить ситуацию: уже в 1949 г. количество таких преступлений пошло на убыль, а вскоре они были полностью искоренены.

На рубеже 1950-х и 1960-х гг. продолжилось совершенствование законодательной базы, направленной на противодействие преступлениям в экономической сфере. В этот период был принят ряд ключевых партийных и правительственных постановлений, включая документы «Об участии трудящихся в охране общественного порядка» (2 марта 1959 г.), «Об усилении борьбы со взяточничеством и разворовыванием народного добра» (29 марта 1962 г.), «О мерах по улучшению деятельности советской милиции» (11 августа 1962 г.) и «О мерах по усилению борьбы с преступностью» (23 июля 1966 г.). В 1983 г. утверждено новое Положение о подразделениях БХСС, которое закрепило ключевые направления их работы: противодействие хищениям, взяточничеству, незаконным валютным операциям и спекуляции.

С обретением Республикой Беларусь государственного суверенитета в начале 1990-х гг. перед органами милиции встали серьезные задачи по поддержанию правопорядка. Правовой основой их деятельности стал Закон Республики Беларусь «О милиции», принятый 26 февраля 1991 г., который определил ключевые функции, структуру и правовой статус подразделений милиции, а также предусмотрел социальные гарантии для его сотрудников. В рамках реорганизации согласно приказу Министерства внутренних дел (МВД) Республики Беларусь от 25 июня 1991 г. управление БХСС преобразовано в управление БЭП. Впоследствии оно вошло в состав главного управления криминальной милиции

МВД Республики Беларусь, и сегодня известно как главное управление по борьбе с экономическими преступлениями.

В числе первоочередных законодательных инициатив в области противодействия экономической преступности стал Закон Республики Беларусь «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией», принятый Верховным Советом Республики Беларусь 15 июня 1993 г.

В начале 2000-х гг. в системе МВД Республики Беларусь проведены изменения и в структуре службы БЭП. Так, на республиканском уровне было создано профильное подразделение в центральном аппарате МВД Республики Беларусь, которое было преобразовано в самостоятельное управление по раскрытию тяжких экономических преступлений в приоритетных отраслях экономики, фокусировавшееся на расследовании особо тяжких преступлений. Его задачами стали изучение, обобщение и внедрение передового опыта, а также подготовка информационно-аналитических материалов и выработка предложений по совершенствованию работы государственных органов.

На региональном уровне были сформированы практические отделы в управлениях БЭП, а также межрайонные отделы, что позволило оптимизировать работу на местах.

Таким образом, служба БХСС-БЭП прошла долгий путь становления и развития. История подразделений демонстрирует их значимость как ключевого инструмента обеспечения экономической безопасности государства. Несмотря на смену исторических условий, политического строя и экономических моделей, их основная функция – защита экономики от преступных посягательств – остается неизменной.

УДК 347.77

А.А. Дыев, студент юридического факультета
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой

ЗВУКОВЫЕ ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ В СИСТЕМЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

В доктрине права интеллектуальной собственности существует условное деление товарных знаков на так называемые традиционные и нетрадиционные. В настоящее время наблюдается тенденция к увеличению разнообразия видов товарных знаков. К нетрадиционным товарным знакам, среди прочих, правоведа относят звуковые обозначения.

На международно-правовом уровне данные обозначения были признаны Сингапурским договором о законах по товарным знакам 2006 г., который был ратифицирован Республикой Беларусь 10 декабря 2012 г. Законом № 1-3 «О присоединении Республики Беларусь к Сингапурскому договору о законах по товарным знакам».

Основываясь на анализе доктринальных источников, а также принимая во внимание положения действующего законодательства о товарных знаках, представляется возможным предложить авторское понимание понятия «звуковой товарный знак» и обозначить его характеристику. Звуковой товарный знак представляет собой имеющее различительную способность звуковое обозначение, способствующее отличию товаров, работ, услуг одного лица от однородных товаров, работ, услуг других лиц. Звуковой товарный знак может быть музыкальным или немзыкальным. Звуковой товарный знак может иметь также вокальную составляющую. Помимо наличия различительной способности, звуковому товарному знаку для регистрации в качестве такового необходима оригинальность звукосочетания и слов (при их наличии).

Звуковой товарный знак, на наш взгляд, можно рассматривать как элемент сенсорного маркетинга. Сенсорный маркетинг – тип маркетинга, основной задачей которого является воздействие на чувства покупателей, на их эмоциональное состояние. Установлено, что если процесс приобретения продукта сопровождается приятным звуком, то количество продаж возрастает на 65 %. Например, Intel постоянно использует звук для того, чтобы внедрить свой бренд в сознание потребителей, тем самым выделить свои товары в гражданском обороте. Российское законодательство позволяет регистрировать нетрадиционные, в том числе звуковые товарные знаки. Практика свидетельствует о том, что звуковые товарные знаки предоставляются в патентное ведомство в виде нотной записи или детального описания звука, а во избежание неоднозначности идентификации и различий в воспроизведении звукового обозначения к заявке приобщают соответствующий носитель звукового сигнала. В открытых реестрах Федерального института промышленной собственности содержится информация о зарегистрированных в Российской Федерации товарных знаках, в том числе звуковых. Примеры звуковых товарных знаков: № 519355, № 389027, № 484953, № 262372, № 428463, № 783597, № 966134, № 964572, № 213564, № 473405, № 742097, № 142023, № 302608. Регистрация товарного знака предотвращает нечестную конкуренцию, защищая субъектов хозяйствования и сводя к минимуму финансовые потери как субъекта хозяйствования, так и потребителей, что в конечном счете оказывает поддержку экономике. Учи-

тывая вышеназванные факторы, считаем необходимым рассмотреть вопрос о законодательном признании в Республике Беларусь нетрадиционных звуковых товарных знаков.

На данный момент в Республике Беларусь звуковые товарные знаки не охраняются законодательством. Перечень обозначений, разрешенных для регистрации в качестве товарного знака, является исчерпывающим (к слову, необходимо отметить, что ранее данный перечень не был исчерпывающим). Наряду с этим Республикой Беларусь, как утверждалось ранее, ратифицирован Сингапурский договор о законах по товарным знакам (далее – Договор). Среди положений Договора предусматривается возможность регистрации звукового товарного знака (п. 9, правило 3 Инструкции к Договору). Стоит отметить, в Республике Беларусь была попытка регистрации звукового товарного знака в виде позывных сигналов радиостанции, но она не увенчалась успехом. Национальный центр интеллектуальной собственности счел невозможным существование в Беларуси звуковых обозначений, хотя названный немногим выше перечень обозначений, разрешенных для регистрации в качестве товарного знака, был на тот момент неисчерпывающим.

В части вокальной составляющей звукового товарного знака интересным видится вопрос о правовой защите голоса в контексте его использования для озвучивания звуковых товарных знаков. В теории, исходя из уникальности, непосредственной врожденной связи с человеком и следующей из этого неотчуждаемости, голос человека может быть признан нематериальным благом. Исходя из тенденции к коммерциализации нематериальных благ, считаем необходимым предложить разработку нормативного регулирования в части использования нематериальных благ для коммерческого использования, применения для объектов интеллектуальной собственности, в том числе с возможным использованием искусственного интеллекта. С другой стороны, голос может быть рассмотрен как инструмент для создания объектов интеллектуальной собственности, объектов смежных прав. Существует возможность полагать о защите не самого голоса исполнителя, а исполнения конкретным голосом. Данный вопрос, на наш взгляд, имеет перспективы для дискуссий в среде правоведов.

Таким образом, звуковой товарный знак – имеющее различительную способность звуковое обозначение, способствующее отличию товаров, работ, услуг одного лица от однородных товаров, работ, услуг других лиц. Звуковой товарный знак правоведы условно относят к нетрадиционным невизуальным (невизуализируемым) торговым знакам. Звуковой товарный знак может быть музыкальным или немзыкальным, а также может иметь вокальную составляющую. Помимо наличия различитель-

ной способности, звуковому товарному знаку для регистрации в качестве такового необходима оригинальность звукосочетания и слов (при их наличии). Звуковой товарный знак как элемент сенсорного маркетинга имеет положительный экономический смысл как для субъектов хозяйствования, так и для потребителей. Практика использования звуковых обозначений в качестве средств индивидуализации получает все более широкое распространение. Во многих государствах (США, Франция, Великобритания и др.) звуковые обозначения разрешены к регистрации в качестве товарных знаков. В частности, в данном исследовании была рассмотрена практика по указанному вопросу в Российской Федерации, где разрешено регистрировать звуковые товарные знаки. В Республике Беларусь, на данный момент, невозможно зарегистрировать звуковое обозначение в качестве товарного знака. На наш взгляд, законодателю следует рассмотреть вопрос об обеспечении возможности регистрации звуковых товарных знаков в патентном органе Республики Беларусь – Национальном центре интеллектуальной собственности. Дискуссионным вопросом видится вопрос о правовой защите голоса в контексте его использования для озвучивания звуковых товарных знаков.

УДК 347.1

Е.А. Жигалкович, студент факультета права
Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕДУРЫ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ

Признание лица безвестно отсутствующим – институт гражданского права, направленный на разрешение правовой неопределенности при длительном отсутствии человека и защите интересов его семьи, кредиторов и государства. В государствах Содружества Независимых Государств (СНГ) этот институт развивался под влиянием общих историко-правовых традиций и одновременных национальных трансформаций, что привело к сочетанию сходных принципов и существенных процедурных и материальных отличий. Сравнительный анализ правового регулирования признания безвестно отсутствующим в странах СНГ позволяет выявить закономерности правовой трансформации, оценить эффективность механизмов защиты частных и публичных интересов и предложить рекомендации по гармонизации и совершенствованию нормативных решений.

Институт правовой реакции на длительное отсутствие лиц зародился из практической потребности управлять имуществом и семейными отношениями в условиях, когда возвращение человека было маловероятно. Ранние правовые системы формировали процедуры восстановления управления имуществом отсутствующего и защиты интересов зависимых лиц, опираясь на местные обычаи, моральные представления о сохранении рода и необходимость поддержания хозяйственной деятельности общин.

Развитие римского права дало правовой технике понятия фикции, сроков и процедур, которые позднее были адаптированы в европейских кодексах. Континентальная модель ввела четкие процессуальные формы для объявления лица отсутствующим и определила правовые последствия такого объявления в отношении наследства, брака и обязанностей по содержанию.

В советское время институт получил системное законодательное оформление: были установлены унифицированные сроки, процессуальные требования и государственные механизмы контроля за распоряжением имуществом отсутствующих. Социально-экономические реалии XX в. – войны, депортации, массовая миграция – обусловили расширение нормативных решений и усиление роли суда и органов опеки в признании отсутствия и обеспечении интересов семьи и кредиторов.

Распад СССР породил одновременно потребность сохранить отлаженные правовые механизмы и стимул для национальных трансформаций. Новые государства СНГ переняли базовую советскую технологию регулирования, но стали вносить поправки с учетом собственных правовых традиций, международных обязательств и современных рисков: трансграничной миграции, вооруженных конфликтов, роста урбанизации. Это привело к сохранению общего функционального назначения института при разнообразии критериев сроков, процессуальных гарантий и социальных последствий признания.

А.О. Милашевская и Е.В. Силина отмечают, что институт признания лица безвестно отсутствующим выполняет двойную функцию: с одной стороны, он обеспечивает юридическую определенность и возможность надлежащего распоряжения имуществом, с другой – сохраняет правовую перспективу возвращения гражданина, потому надежность процедур и постепенное наращивание процессуальных гарантий должны сочетаться с оперативностью принятия решений в интересах семьи и кредиторов.

Процедура признания лица безвестно отсутствующим в Республике Беларусь формализована в гражданском законодательстве, но на практике сталкивается с рядом системных и процессуальных затруднений,

влияющих на защиту прав заинтересованных лиц и эффективность судопроизводства:

- неоднородность критериев и неопределенность фактов отсутствия. Судебная практика показывает трудности с установлением фактического основания для признания отсутствия: различается оценка длительности отсутствия, характера попыток розыска и возможностей связи с лицом, что приводит к непредсказуемости решений судов и разночтениям в применении норм;

- проблемы с доказательствами и расследованием обстоятельств. Часто недостаточно официальных данных о месте нахождения отсутствующего, а обязанности и возможности органов милиции и иных инстанций по розыску и предоставлению сведений суду остаются неурегулированными на практике, что затрудняет обоснование исков о признании безвестно отсутствующим;

- риск злоупотреблений и конфликт интересов при распоряжении имуществом. При признании лица безвестно отсутствующим возникает риск преждевременного или неправомерного обращения и распоряжения имуществом, особенно при несложившейся судебной практике и отсутствии прозрачных механизмов надзора со стороны органов опеки и суда;

- коллизии материальных последствий (наследство, брак, трудовые отношения). Правовые последствия признания – вступление в наследство, прекращение семейных или трудовых обязательств – создают сложные коллизии, особенно если статус лица впоследствии изменяется; схемы восстановления прав и ответственности за неправомерные действия недостаточно унифицированы.

В России сходная ситуация. Процедура формально регулируется процессуальными нормами и сопряжена с материальными последствиями, но на практике сопровождается системными проблемами, которые нарушают баланс между оперативностью защиты интересов заинтересованных лиц и соблюдением прав самого отсутствующего:

- процессуальная неопределенность и доказательная сложность. Неравномерное применение критериев длительности отсутствия и достаточности розыскных мероприятий приводит к разнотипным решениям судов; формальные «порождающие» доказательства по-разному оцениваются в разных регионах;

- частые споры по объему и форме доказательств: протоколы розыскных действий, сведения правоохранительных органов и органы местного самоуправления предоставляют неполные или противоречивые данные, что затрудняет вынесение обоснованного судебного акта;

– отсутствие стандартизированных каналов обмена информацией и процедур ускоренного уведомления государственных реестров приводит к тому, что суды принимают решение без полной картины рисков для интересов третьих лиц;

– риск злоупотреблений при распоряжении имуществом отсутствующего. Практика передачи управления имуществом отсутствующего иногда используется для обхода имущественных процедур: продажа, отчуждение или нецелевое использование активов случается при недостаточном надзоре со стороны опеки и суда.

Таким образом, недостаточная регламентация надзора за распорядителями имущества при признании лица безвестно отсутствующим создает реальную угрозу неправомерного отчуждения и нецелевого использования активов, что влечет за собой длительные реституционные споры и нарушение прав найденного лица; устранение этих рисков требует сочетания процедурной прозрачности, строгого судебного контроля и усиленных мер ответственности распорядителей.

УДК 351.74

У.Д. Заборова, курсант факультета милиции
Могилевского института МВД Республики
Беларусь

ГАРАНТИИ ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ

Эффективность деятельности системы органов внутренних дел (ОВД) находится в прямой зависимости от уровня социальной и правовой защищенности ее сотрудников. Сотрудники ОВД ежедневно сталкиваются с задачами, сопряженными с повышенным риском для жизни и здоровья.

Преимущественно такая деятельность организуется на основе положений гл. 7 «Гарантии правовой и социальной защиты сотрудников органов внутренних дел» Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД). При этом можно утверждать, что статьи данной главы условно систематизированы в зависимости от объекта защиты на две группы – гарантии правовой защиты и гарантии социальной защиты сотрудников ОВД.

Так, в соответствии со ст. 35 Закона об ОВД сотрудник ОВД при исполнении служебных обязанностей является представителем власти и

находится под особой защитой государства. Эта норма формирует фундамент специального правового статуса, обусловленного выполнением ключевых государственных функций – борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Однако законодатель вводит существенное ограничение, распространяя данный режим защиты исключительно на период исполнения служебных обязанностей. На практике это порождает правовую коллизию: специфика оперативно-служебной деятельности часто стирает четкую грань между служебным и личным временем, что создает правовую неопределенность в вопросах защиты прав сотрудника и делает оценочным сам момент возникновения и прекращения государственной защиты.

Ст. 36 Закона об ОВД является фундаментальной гарантией, обеспечивающей принцип независимости и подчинения только закону при осуществлении служебной деятельности. Норма устанавливает императивный принцип подчинения только непосредственному и прямому начальнику. Это не только организационный принцип, но и гарантия против «множественности командования», которая могла бы привести к противоречивым указаниям и дезорганизации деятельности. Данное положение защищает сотрудника от обязанности выполнять непрофессиональные или неправомерные распоряжения лиц, не входящих в его служебную иерархию.

Регламентируя право сотрудника ОВД на обоснованный профессиональный риск, ст. 37 Закона об ОВД устанавливает, что причинение сотрудником ОВД вреда при обозначенных обстоятельствах для достижения общественно полезной цели не является правонарушением. Таким образом, статья выполняет стимулирующую функцию, поощряя инициативу и решительность сотрудников, и одновременно охранную функцию, создавая правовой иммунитет при соблюдении ряда строгих условий. Однако, несмотря на прогрессивный характер данной гарантии, ее правоприменительная практика сталкивается с возможными коллизиями, создающими зоны правовой неопределенности. Буквальное толкование статьи позволяет распространить ее на любые правонарушения, включая дисциплинарные проступки и причинение материального ущерба.

Ст. 38 Закона об ОВД закрепляет важную социально-организационную гарантию, направленную на обеспечение мобильности и эффективности служебной деятельности. Предоставление прав на внеочередное приобретение билетов и размещение в гостинице является не льготой или привилегией, а выступает инструментом оперативного выполнения задач. Эта норма позволяет минимизировать временные потери, связанные с организацией служебных поездок, и обеспечивает сотрудни-

ку возможность быстрого прибытия к месту назначения и восстановления сил для выполнения своих функций, что в конечном итоге служит достижению общественно полезных целей.

Ст. 39 Закона об ОВД закрепляет важную социально-экономическую гарантию, направленную на компенсацию личных материальных затрат сотрудника, возникающих при использовании им частной собственности для выполнения государственных задач. Данная норма имеет компенсационный, стимулирующий характер, призвана защитить личный бюджет сотрудника от износа его имущества и дополнительных расходов, которые по справедливости должна нести служба. Таким образом, законодатель признает, что оперативные нужды могут требовать привлечения личных ресурсов, но государство берет на себя обязательство по их возмещению, что способствует соблюдению принципа социальной справедливости в отношении сотрудников ОВД.

Ст. 40 Закона об ОВД является ключевым элементом системы социальной защиты сотрудников, представляя собой комплексный механизм обязательного государственного страхования. Его основная цель – компенсировать последствия рисков, неразрывно связанных со службой в ОВД, и обеспечить материальную поддержку как самому сотруднику в случае утраты здоровья, так и его семье в случае гибели. Данная гарантия имеет публично-правовой характер, а также подчеркивает ответственность государства за безопасность тех, кто защищает его интересы. Статья предусматривает четкую шкалу выплат, дифференцированную в зависимости от тяжести последствий. Это позволяет соразмерить материальную компенсацию с перенесенным ущербом.

Ст. 41 Закона об ОВД является базовой, рамочной нормой, закрепляющей принцип социальной защиты как системообразующее начало всего комплекса гарантий для сотрудников и их семей. В отличие от предыдущих статей, носящих конкретный характер, данная норма имеет декларативно-программный характер, определяя ключевые направления государственной поддержки: материальное обеспечение, жилье, медицинское обслуживание, образование детей и пенсионное обеспечение. Ее значение заключается в создании правового фундамента, на основе которого формируется вся социальная политика в отношении личного состава ОВД.

Ст. 42 Закона об ОВД закрепляет принцип продолжающейся социальной защиты, которая распространяется на период после завершения службы. Эта норма имеет принципиально важное значение, так как признает, что последствия службы, связанные с риском для здоровья и психофизическими перегрузками, могут проявляться и после увольне-

ния. Тем самым государство подтверждает свою ответственность перед теми, кто выполнял особые обязанности, и членами их семей, формируя основу для социальной стабильности и уверенности в будущем для всего личного состава ОВД.

Таким образом, проведенный анализ положений гл. 7 Закона об ОВД позволяет констатировать, что в национальном законодательстве сформирована целостная и многоуровневая система гарантий правовой и социальной защиты сотрудников ОВД. Данная система выступает неотъемлемым условием обеспечения эффективности их служебной деятельности, создавая необходимый правовой и социальный фундамент для выполнения ответственных государственных задач.

УДК 342.9

В.В. Зубкова, курсант факультета подготовки специалистов Госавтоинспекции Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ПРИДОМОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Обеспечение охраны общественного порядка на придомовых территориях представляет собой одну из наиболее актуальных и социально значимых задач в контексте развития урбанизированной среды. Высокая концентрация населения, конфликтность интересов различных групп (жильцов, автомобилистов, предпринимателей), а также правовая неопределенность в разграничении ответственности между органами власти, правоохранительными структурами и собственниками создают комплексную проблему, непосредственно влияющую на качество жизни граждан и уровень общественной безопасности.

В первую очередь считаем необходимым дать определение понятию «придомовая территория». Примечательно, что в федеральных законах отсутствует данное определение. На наш взгляд, весьма точно определяет исследуемое понятие в своем исследовании Е.С. Болтанова. По ее мнению, «это территория, прилегающая к конкретному многоквартирному дому (в том числе вокруг здания). На такой территории размещаются тротуары, детские, спортивные площадки и иные подобные объекты, используемые для обслуживания, эксплуатации и благоустройства этого дома».

В свою очередь, понятие общественного порядка многогранно. Общественный порядок создает комфортные условия для жизнедеятельности людей, обеспечения и протекции прав и законных интересов граждан, а также осуществления хозяйственной деятельности. Ввиду этого любое государство заинтересовано в обеспечении правопорядка в общественных местах, без которого невозможно социально-экономическое развитие и благополучие. Государство вовлекает в механизм административно-правовой охраны общественного порядка различные органы государственной власти, среди которых особое место занимают правоохранительные.

На наш взгляд, охрана правового порядка должна включать в себя не только те принципы, основы и нормы, которые заложены в нормативно-правовых актах, но и защиту добропорядочных граждан от противоправных действий граждан, которые предвзято относятся к правовым и социальным нормам, нормам морали, принципам нравственности и порядочности.

Охрана общественного порядка является главной задачей всех служб и подразделений государственного аппарата, именно поэтому мы считаем, что необходимо согласиться с Н.А. Ореховой, которая полагает, что сотрудники полиции, должны не только обладать правовыми знаниями, но и владеть точным пониманием при квалификации правонарушений в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. В добавок к этому считаем необходимым наличие у сотрудников полиции не только желания оказывать помощь гражданам в различных ситуациях, но и чувства сострадания.

Так, если гражданин знает, что при обращении к сотрудникам правоохранительных органов его насущная проблема, связанная с его личной безопасностью, будет решена, то доверие граждан к органам внутренних дел (ОВД) будет на наивысшем уровне. Помимо всего прочего, важно, чтобы и нормативно-правовые акты имели соответствующие нормы, которые гарантируют и позволяют защищать того или иного гражданина, обратившегося за помощью, даже в простых бытовых ситуациях. Каждый член общества будет знать, что если когда-то им за их мелкие нарушения ничего не было, то посредством совершенствования правовых норм и организации деятельности сотрудников ОВД они станут более осмотрительно относиться к соблюдению норм общественного порядка. Только так, по нашему мнению, можно добиться общественного порядка и общественной безопасности.

Согласно статистическим данным о состоянии преступности за четыре года: в 2021 г. количество зарегистрированных преступлений со-

ставляет 2 004 404, в 2022 г. – 1 966 795, в 2023 г. – 1 947 161, в 2024 г. – 1 911 258, а за 8 месяцев 2025 г. статистика свидетельствует о снижении количества зарегистрированных преступлений – 1291,1 тыс., что на 4,5 % меньше АППГ. Исходя из приведенных данных, можем констатировать определенное снижение количества зарегистрированных преступлений. Однако их количество все-таки весьма велико, что побуждает задуматься о средствах, влияющих на предотвращение преступности.

Выделение данной проблемы вполне обоснованно, так как в обществе назрело много недопонимания и нерешенных проблем, с которыми сталкиваются граждане: распитие спиртных напитков во дворах и придомовых территориях; проституция; наркомания; агрессивное поведение асоциальных граждан и нахождение шумных компаний в ночное время суток во дворах и придомовых территориях; парковки на тротуарах и др.

Существующий правовой механизм, включающий нормы и санкции, на практике не работает в полной мере по причине пассивности сотрудников ОВД. Низкая эффективность их реализации связана с пассивной позицией сотрудников правоохранительных органов, которые либо не реагируют на возникающие проблемы, либо ограничиваются формальными действиями. При этом игнорируется криминогенный потенциал мелких правонарушений, которые могут являться индикатором или начальной стадией тяжких преступлений. Например, распитие алкоголя может привести к драке с применением ножа, разбитой бутылки или иных предметов, вследствие чего человек может получить серьезное увечье, а в некоторых случаях такие ситуации приводят к убийству, и даже к многочисленным жертвам. Все это нужно искоренять. На практике таких случаев огромное количество. В Ярославской области во дворе дома пьяный мужчина ударил ножом сотрудника ОВД. В Курске в компании молодежи вспыхнула ссора. Один из участников, 17-летний подросток, достал нож и нанес своему знакомому смертельное ранение в грудную клетку, от которого тот скончался. В Уфе зарезали молодого парня в ходе пьяной ссоры во дворе, в Шилово пьяный рецидивист во время спонтанного застолья во дворе зарезал знакомого.

Бесспорно, что сотрудникам часто не хватает времени для регулирования всех вопросов, с которыми граждане к ним обращаются. Рассмотрим такие случаи, когда во дворах в темное время суток компании подростков или асоциальных граждан распивают алкогольные напитки, кричат, выражаются нецензурно, слушают громко музыку, а граждане, обратившись в отделение полиции, видят, как сотрудники приезжают спустя длительное время, проводят беседу и уезжают. А ситуация, требующая разреше-

ния, остается и порой перерастает в большую проблему, например драку, убийство и т. д. Граждане, видя такое отношение сотрудников, которые обязаны соблюдать закон, реагировать, чувствуют себя незащищенными, теряют доверие и впоследствии не желают обращаться за помощью, которую должны оказывать сотрудники правоохранительных органов.

Однако здесь важно отметить проблему, выделенную Министром внутренних дел Российской Федерации Владимиром Колокольцевым, о некомплекте личного состава. По его словам, ситуация сложная, дефицит составляет более 170 тыс. человек. Так, анализ данных за последние пять лет свидетельствует о сокращении на четверть количества выставляемых ежедневно нарядов. Одновременно с этим, за шестилетний промежуток была зафиксирована практически стопроцентная смена личного состава участковых уполномоченных. «Только за минувший год уволился каждый второй опытный сотрудник с выслугой в этом подразделении от десяти лет и более», – отметил глава МВД. В свою очередь, некомплект полицейских порождает фактор несвоевременного прибытия на место происшествия и множество других проблем.

Мы с полной уверенностью считаем, что необходимо возрождать активное патрулирование сотрудниками ППСИ именно дворов и придомовых территорий совместно с добровольными народными дружинами.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о создании вытрезвителей. Примечательно, что с 1 января 2021 г. в России вступил в силу закон, позволяющий региональным властям создавать вытрезвители, однако не все регионы претворяют в жизнь решение о создании вытрезвителей. Полагаем, необходимо принудительно каждому региону дать распоряжение об устройстве вытрезвителей. Это существенно снизит преступность в состоянии алкогольного опьянения. Однако, как мы отметили ранее, целесообразно также и ежедневное патрулирование улиц.

В заключение резюмируем следующее: как показывает практика, сотрудники ОВД реализовывают довольно огромный диапазон мер, направленных на поддержание законности, обеспечение общественного порядка и безопасности в обществе. Констатируем, что служба в ОВД требует высокой квалификации, ответственности и самоотверженности, поскольку от эффективности действий полицейских зависят спокойствие и благополучие каждого гражданина Российской Федерации. Соответственно, как сотрудники ОВД участвуют в обеспечении возложенных задач, так и население воспринимает сотрудников правоохранительных органов. Повышение доверия к ОВД, а также внедрение новейших правил, методов и возможностей для сотрудников ОВД способствует искоренению части нарушений и приведет к гарантированному снижению негативных статистических показателей.

А.А. Зыбенко, курсант факультета обеспечения безопасности на транспорте Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПИТБАЙКОВ НА ДОРОГАХ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Развитие транспортной инфраструктуры в России сопровождается ростом количества новых видов техники, которая изначально не предназначалась для эксплуатации на дорогах общего пользования. К числу таких средств относится питбайк. Это разновидность кроссового мотоцикла, предназначенного для спортивных трасс, однако на практике все чаще используется на дорогах общего пользования. Такое применение создает правовые и социальные проблемы, требующие законодательно урегулирования.

Питбайк конструктивно обладает всеми признаками механического транспортного средства: он оснащен двигателем внутреннего сгорания рабочим объемом от 50 до 125 куб. см, способен развивать скорость выше 50 км/ч, имеет полноценную подвеску и элементы управления, сходные с мотоциклами. Тем не менее производители часто позиционируют его как спортивный инвентарь, аналогичный штанге, лыжам или другому снаряжению для тренировок. Конструктивно питбайк имеет признаки механического транспортного средства, но юридически не включен в их перечень. Для устранения неопределенности следует внести изменения в ст. 2 и 25 Федерального закона Российской Федерации от 10 декабря № 196-ФЗ, закрепив питбайк как механическое транспортное средство и установив обязательную регистрацию.

Особую остроту ситуация приобретает в связи с нарушением общественного порядка и «закона тишины». Большинство моделей оснащены прямоточными выхлопными системами, уровень шума которых превышает 100–115 децибел (дБ). Для сравнения: санитарные нормы для жилых районов ограничивают уровень шума в дневное время до 55 дБ, а в ночное время – до 45 дБ. Таким образом, использование питбайков в городской среде объективно нарушает права жителей на благоприятную акустическую среду, создает стрессовые факторы и может квалифицироваться как административное правонарушение, связанное с несоблюдением норм санитарно-эпидемиологического благополучия. Решением

проблемы могло бы стать дополнение ст. 6.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) положением, предусматривающим ответственность за эксплуатацию питбайка с прямой выхлопной системой, создающей шум выше санитарных норм. В федеральном законодательстве можно также закрепить отдельную статью, аналогичную действующим региональным законам о тишине, прямо устанавливающую ответственность за использование шумных транспортных средств в ночное время в жилых районах.

Анализ судебной практики по делам, связанным с эксплуатацией питбайков, подтверждает наличие разнонаправленных подходов. Так, в ряде случаев суды прямо исходят из того, что питбайк не является транспортным средством, предназначенным для движения по дорогам общего пользования, и поэтому лица, управляющие им, не могут быть привлечены к ответственности по нормам гл. 12 КоАП РФ. Однако существуют и противоположные решения, в которых питбайк приравнивается к механическому транспортному средству, а его водитель признается участником дорожного движения со всеми вытекающими обязанностями и мерами ответственности. Такая неоднородность судебной практики указывает на правовую неопределенность, которая затрудняет работу сотрудников ГИБДД и препятствует формированию единообразного правоприменения. Именно поэтому возникает необходимость в четком нормативном закреплении статуса питбайка и установлении однозначных правил его эксплуатации.

Проблема усугубляется и социальным фактором. Основной сегмент покупателей питбайков – подростки и молодежь. Это подтверждается новыми случаями. Так, 28 сентября 2025 г. в Курске 15-летний питбайкер, подняв переднее колесо, сбил двух пешеходов на нерегулируемом переходе. Пострадали мужчина 45 лет и 17-летний подросток; полиция подчеркнула недопустимость покупки мототехники детям. Еще один трагический эпизод произошел 27 сентября 2025 г. в Подмосковье, где 16-летний школьник решил «прокатить» подругу на питбайке. Увидев машину ДПС, он попытался скрыться и на высокой скорости столкнулся с автомобилем. Оба подростка погибли. Эти случаи демонстрируют, что отсутствие возрастных ограничений и правового контроля приводит к трагическим последствиям. В сентябре 2025 г. в Михайловске Ставропольского края подростки на питбайках столкнулись с бетоновозом, в результате чего двое погибли. Проверка показала: несовершеннолетние управляли техникой, не признанной транспортным средством, что подчеркивает необходимость законодательного регулирования ее статуса и введения возрастных ограничений. 18 сентября 2025 г. в Набереж-

ных Челнах несовершеннолетний водитель питбайка на высокой скорости столкнулся с автомобилем и получил тяжелые травмы.

По данным Научного центра безопасности дорожного движения МВД России, за первое полугодие 2025 г. в ДТП на питбайках погибли 10 детей, 235 получили травмы, что на 30 % больше, чем в 2024 г. Необходимо закрепить в законодательстве обязанность регистрации питбайков, ввести ответственность за их эксплуатацию без прав и несовершеннолетними. Вторым направлением выступает разработка специальных норм, регулирующих уровень шума транспортных средств. С учетом социальной значимости проблемы нарушения тишины можно рассмотреть возможность внесения в КоАП РФ отдельной статьи, предусматривающей ответственность за эксплуатацию питбайка с прямоточной выхлопной системой в населенных пунктах. Подобные нормы успешно применяются в ряде европейских стран, где штрафы за превышение уровня шума составляют до нескольких тысяч евро и сочетаются с конфискацией транспортного средства при повторных нарушениях.

На перспективу можно рассмотреть создание отдельной категории водительских прав для управления легкой мототехникой, включающей питбайки, с минимальным возрастом получения 16 лет и прохождением обязательного обучения. Это позволит не только повысить уровень дисциплины среди подростков, но и создаст правовые механизмы контроля за использованием данной техники.

Таким образом, проблема эксплуатации питбайков требует законодательного закрепления их статуса, обязательной регистрации и усиления ответственности. Комплексный подход обеспечит безопасность движения и защиту прав граждан.

УКД 347

Е.А. Иванцова, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Государственные закупки представляют собой ключевой элемент экономической структуры Республики Беларусь, играя значимую роль в управлении бюджетными средствами и формировании конкурентной среды. В условиях глобальных экономических изменений и возрастающих требований к прозрачности и эффективности государственного управления система государственных закупок функционирует не толь-

ко как инструмент расходования средств, но и как важный механизм для стимулирования экономического роста и инновационного развития.

В настоящее время основным нормативным актом, регулирующим государственные закупки товаров, работ и услуг, является Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон № 419-З). Закон № 419-З устанавливает правоотношения, возникающие в процессе осуществления государственных закупок на территории Республики Беларусь, включая процедуры выбора поставщика (подрядчика, исполнителя) и заключения с ним договора. В тех случаях, когда международные договоры Республики Беларусь устанавливают иные правила, чем те, что предусмотрены Законом № 419-З, применяются нормы международного договора.

Законодательство о государственных закупках дополнительно включает в себя акты Президента Республики Беларусь и нормативные правовые акты, принятые на основании и в соответствии с их положениями, а также международные договоры, к которым Республика Беларусь присоединилась. В частности, к основным документам, регламентирующим эту сферу, относятся Указ Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 590 «О некоторых вопросах государственных закупок товаров (работ, услуг)», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств» и Закон № 419-З.

Согласно ст. 1 Закона № 419-З государственные закупки представляют собой приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств, а также отношения, связанные с исполнением договора государственной закупки, в том числе договора жизненного цикла в случае его заключения.

В контексте рассматриваемого вопроса важно отметить различие между бюджетными и внебюджетными средствами. Бюджетные средства представляют собой финансовые ресурсы, выделяемые из государственного бюджета, который формируется на основе налоговых поступлений, сборов и других доходов. Эти средства подлежат строгому контролю и распределению в соответствии с установленными нормативами и процедурами. Использование бюджетных средств должно быть направлено на удовлетворение общественных нужд и потребностей, что подразумевает высокий уровень прозрачности и отчетности. Внебюджетные средства, в свою очередь, представляют собой ресурсы, которые аккумулируются в рамках государственных внебюджетных фондов. Эти

фонды могут формироваться из различных источников, таких как страховые взносы, целевые сборы и другие поступления, предназначенные для конкретных целей. Управление внебюджетными средствами, хотя и менее регламентировано, все же требует соблюдения определенных норм, чтобы обеспечить целевое использование средств.

При этом необходимо учитывать, что закупка может быть смешанной, т. е. финансироваться как из бюджетных, так и из внебюджетных средств. Это требует особого внимания, поскольку при разукрупнении товарно-материальных ценностей следует учитывать источники финансирования. Например, если часть закупки осуществляется за счет бюджета, а другая часть – из внебюджета, необходимо обеспечить правильное распределение и учет этих средств, чтобы избежать нарушений в процессе исполнения договора.

Финансирование закупок может осуществляться как полностью из государственного бюджета, так и частично, что позволяет оптимально распределять финансовые ресурсы. Закупки, финансируемые за счет бюджетных средств, должны строго соответствовать установленным нормам и процедурам, что обеспечивает контроль за целевым использованием бюджетных средств и минимизацию рисков коррупции.

Средства государственных внебюджетных фондов представляют собой финансовые ресурсы, собранные государственными учреждениями для выполнения специфических задач, таких как социальные фонды или фонды здравоохранения. Их использование также регулируется законодательством, что добавляет уровень контроля и прозрачности в процессы закупок.

Отношения, связанные с исполнением договора государственной закупки, охватывают не только процесс заключения договора, но и его исполнение, включая контроль за выполнением условий контракта. Это важно для обеспечения качества предоставляемых товаров и услуг и защиты интересов государства и граждан. Включение понятия договора жизненного цикла в Закон № 419-З подчеркивает значимость учета всех этапов, связанных с товаром или услугой, что позволяет рассматривать не только начальную стоимость, но и эксплуатационные расходы, обслуживание и утилизацию товара. Такой подход способствует более эффективному использованию ресурсов и снижению затрат на долгосрочной основе.

Необходимо также отметить, что существующий стандарт выбора победителя на основе ценового критерия не всегда является эффективным. Он может приводить к тому, что в конкурсе побеждает организация, предлагающая наименьшую стоимость, что не всегда соответствует качеству и результативности предоставляемых услуг или товаров.

В этой связи целесообразно рассмотреть возможность разделения договоров по значимости результата и компетенции контрагентов на рынке. Это позволит обеспечить более взвешенный и комплексный подход к выбору поставщиков, основанный не только на ценовых показателях, но и на оценке качества и опыта исполнителей, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности государственных закупок.

Основной целью государственных закупок является удовлетворение потребностей государства и общества в разнообразных товарах, работах и услугах. Это включает не только закупку материальных товаров, таких как оборудование и стройматериалы, но и выполнение работ в строительстве, а также предоставление услуг, например, консультационных или образовательных. Таким образом, государственные закупки становятся важнейшим инструментом для реализации государственных программ и эффективного функционирования государственных учреждений.

УДК 342.2

Я.В. Ивашкевич, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В современном мире продолжается поиск оптимальной модели взаимоотношений между государством и религиозными объединениями. История показывает, что этот баланс постоянно меняется, что вызывает непрекращающиеся дискуссии в обществе и правовой науке. Актуальность подтверждается и активным обсуждением этих вопросов в практике международных судов. История развития светского государства на территории Беларуси неразрывно связана с социально-политическими трансформациями XX ст. и изменением правового регулирования взаимоотношений государства и религиозных институтов.

Одной из центральных проблем в реализации модели светского государства является неоднозначность толкования самого понятия «светскость».

По мнению А.Ш. Будаговой, «светское государство – это конституционная характеристика государства, означающая отсутствие официальной, обязательной для всех религий, отрицание признания религиозных установлений и правил в качестве источников права и их влияния на деятельность государственных органов, отделение церкви от госу-

дарства и школы от церкви, отсутствие распространяющих свою юрисдикцию на всех граждан религиозных судов...».

Современная теоретико-правовая наука выработала следующие признаки светского государства: во-первых, право каждого гражданина свободно выбирать вероисповедание, право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, не противоречащие законодательству, и действовать в соответствии с ними; во-вторых, запрет на установление государственной или обязательной религии; в-третьих, отделение религиозных объединений от государства; в-четвертых, равенство религиозных объединений перед законом; в-пятых, отделение светского и религиозного образования; в-шестых, запрещение религиозным объединениям заниматься политической деятельностью. Существенным признаком светского государства в настоящее время является отделение религиозных объединений от государства.

Обращение к генезису формирования белорусской государственности начала XX ст. показывает, что начало процессу формирования нового общественно-правового порядка положил Декрет Совета Народных Комиссаров от 2 февраля 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который закрепил принципиально новое положение: церковь перестала быть государственной структурой, а религия получила статус частного дела каждого гражданина. Данный декрет провозглашал свободу совести, запрет на предоставление религиозным организациям государственных функций и исключение религиозных обрядов из деятельности органов власти и школы.

В советский период формирование светскости как признака государства сопровождалось введением уголовно-правовых норм, направленных на пресечение злоупотреблений религиозной деятельностью. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. в ст. 227 предусматривал ответственность за посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов. Организация или руководство группой, деятельность которой наносила вред здоровью или вовлекала несовершеннолетних, влекли наказание до пяти лет лишения свободы. Эта норма демонстрировала жесткий контроль государства над религиозными объединениями.

Активная форма проявления атеизма является крайней, пример – «воинствующий» атеизм 20–30-х гг. XX в. в СССР, сопровождавшийся активным участием государства в подавлении любых форм религиозного проявления, вытеснении религии из всех сфер жизни.

В Уголовном кодексе БССР от 23 сентября 1928 г. аналогичная норма содержалась в ст. 139 «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви». За нарушение этого принципа устанавливалась уголовная ответственность вплоть до трех лет лишения свободы. Что подчеркивало приоритет идеи светского государства, где религия не могла оказывать прямого влияния на государственные институты и образование.

На этапе становления и развития Республики Беларусь как суверенного государства акценты изменились. Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХП «О свободе совести и религиозных организациях» установил равенство религий перед законом, отмечая особую роль православия в становлении традиций белорусского народа, а также значимость католицизма, лютеранства, иудаизма и ислама. В нем подчеркивается светский характер системы образования и равный доступ к ней независимо от религиозной принадлежности. В ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь устанавливается ответственность за воспрепятствование совершению религиозных обрядов, если они не нарушают общественный порядок. Ст. 130 указанного кодекса предусматривает наказание за разжигание религиозной розни, а ст. 190 – за нарушение равноправия граждан в зависимости от их отношения к религии. Эти положения направлены на защиту свободы совести и межконфессионального мира.

Особое значение для правового регулирования взаимоотношения религии и государства имеет Конституция Республики Беларусь. Ст. 16 Основного Закона закрепляет равенство религий и вероисповеданий перед законом и запрещает деятельность религиозных организаций против суверенитета и конституционного строя. Ст. 31 гарантирует право каждого свободно определять свое отношение к религии, а ст. 4 исключает возможность установления обязательной религиозной идеологии. Эти конституционные положения обеспечивают основу для светского характера государства.

Из вышеизложенного следует, что разделение сфер компетенции светской и духовной власти стало основой для последующего формирования светской государственности, реализация принципов светского государства зависит от религиозных, национальных, культурных, правовых и исторических особенностей страны.

Таким образом, начиная с 1917 г. и до настоящего времени прослеживается последовательность формирования системы правового регулирования общественных отношений в сфере отправления культа, исключающей вмешательство церкви в деятельность государства и обес-

печивающей равноправие граждан независимо от их религиозных убеждений. Этот процесс демонстрирует преемственность правовых традиций и адаптацию идей светскости к современным условиям. Развитие государственности на территории белорусских земель наглядно демонстрирует прохождение сложного пути от жесткой модели отделения религии от государства в советский период до современной формы, в которой сочетаются свобода совести и вероисповедания, равноправие религиозных объединений и гарантии защиты конституционного строя. Принцип светскости продолжает оставаться важнейшей основой правового и политического устройства Беларуси, обеспечивая баланс между интересами государства и духовными потребностями общества. Он служит гарантом стабильности, гражданского мира и уважения к правам и свободам человека.

УДК 340(12)

М.Э. Исаева, курсант Академии МВД Кыргызской Республики

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Право избирать и быть избранным является одним из главных конституционных, политических прав граждан Кыргызской Республики (далее – Кыргызстан, КР). Именно посредством свободных и открытых выборов в Кыргызстане реализуются демократические принципы устройства власти и государства. Использование этого права дает возможность участвовать в процессе управления государством, непосредственно влиять на формирование органов власти.

На развитие государства напрямую влияют правосознание и правовая грамотность граждан. Правосознание – это совокупность правовых представлений, идей и взглядов, а также чувств, эмоций, выражающих отношение людей к действующему праву. А под правовой грамотностью понимается общее знакомство граждан с правовыми основами государства, видами права и нормами, регулирующими отношения людей на основе закона.

В настоящее время ключевой проблемой избирательного процесса Кыргызстана является низкая правовая грамотность и правосознание граждан, которая выражается в нежелании граждан участвовать на выборах и референдумах. Конечно, отказ от выбора – это тоже выбор, но

при этом политический выбор за них сделают другие – те, кто пришел и проголосовал.

На формирование правосознания в Кыргызстане значительное влияние оказывает менталитет народа, т. е. исторически сложившиеся традиции, мировоззрение и социальные установки. Для кыргызского общества традиционно важную роль играют родственные и региональные связи, а также уважение к авторитетам. Эти черты, с одной стороны, отражают сплоченность и коллективизм, но с другой – часто мешают развитию правового мышления в духе личной ответственности и равенства всех перед законом. В электоральной культуре это проявляется в том, что многие граждане голосуют по совету старших, родственников или местных лидеров, а не исходя из личного анализа программ кандидатов. Одним из самых разрушительных факторов, подрывающих правосознание граждан, является также подкуп избирателей. Когда выборы превращаются в обмен голоса на материальные выгоды (деньги, продукты, подарки или обещания), происходит подмена самого смысла избирательного права, подрывается вера в справедливость и честность избирательного процесса, укрепляется убеждение, что «все решено заранее» и «без денег ничего не бывает». Ведь на парламентских выборах в 2020 г., по данным Генеральной прокуратуры, по статье «Подкуп голосов избирателей» всего было возбуждено 82 уголовных дела и зарегистрировано 46 проступков. И это только те, что официально выявили.

Серьезным вызовом для избирательной системы Кыргызстана остается низкая информированность населения, особенно в отдаленных и горных регионах страны. Многие граждане не обладают достаточными знаниями:

- о процедуре регистрации избирателей;
- порядке голосования и правах наблюдателей;
- кандидатах и их программах;
- роли и значении выборов для развития государства.

Этому способствует недостаточная работа органов местного самоуправления, средств массовой информации и общественных организаций в сфере правового просвещения. В результате граждане в регионах нередко голосуют неосознанно, а во многих случаях и вовсе не голосуют. Наряду с низким правосознанием граждан стоят также абсентеизм, низкая электоральная грамотность молодежи. Молодое поколение не имеет должного уровня осведомленности о процедуре выборов, о политической ситуации в своей стране, и в целом не знает, кто участвует на выборах и за кого голосовать.

В этом смысле показательны результаты прошедшего 11 апреля 2021 г. референдума по принятию новой Конституции Кыргызской Республики, где согласно протоколу о результатах референдума:

– общее число граждан, включенных в списки участников референдума составило 3 606 201;

– число участников референдума, принявших участие в голосовании, – 1 322 124;

– число участников референдума, ответивших «за» на вынесенный вопрос, – 1 048 660;

– число участников референдума, ответивших «против» на вынесенный вопрос, – 181 3704.

Иными словами, из 3,6 млн избирателей на референдуме проголосовали только 1,3 млн человек. В процентном соотношении явка на референдум составила 36,66 %. Получается, что только благодаря голосам 1 048 660 избирателей была принята новая Конституция страны. Можно ли в таком случае говорить о том, что результаты данного референдума выражают позицию большинства граждан Кыргызстана в этом вопросе? Надо полагать, ответ очевиден.

Конечно, здесь впору вспомнить предложение некоторых наших парламентариев, инициировавших введение штрафных санкций за неучастие в выборах. Но данное предложение в корне противоречит Конституции Кыргызской Республики, где четко прописано, что «выборы и референдумы проводятся на основе свободного, всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании и запрещается влиять на свободу выбора избирателей, используя запрещенные законом финансовые, административные и иные ресурсы».

Для решения данного вопроса можно предложить следующие меры.

1. Повышение правовой культуры населения, уровня правосознания и формирование позитивного отношения к закону путем правового просвещения граждан – проведение различных семинаров, формирование положительного отношения к праву, в том числе и избирательному, в средствах массовой информации, так как нередко во многих изданиях выборы и их результаты преподносятся в негативном ключе, что отрицательно влияет на правовое сознание населения.

2. Активная работа с молодежью, правовое воспитание молодого поколения, заключающееся в проведении конкурсов, мероприятий, конференций, внедрение информационных технологий.

По нашему мнению, нужно ходить на выборы: голосовать «за» или голосовать «против», но голосовать. В этом смысле все еще актуаль-

ны высказывания Уинстона Черчилля и Отто фон Бисмарка про то, что «плохую власть выбирают хорошие люди, которые не ходят на выборы» и «каждый народ получает то правительство, которое он заслуживает».

УДК 340.132.1

Д.М. Каланцер, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В БЕЛАРУСИ: БАЛАНС МЕЖДУ НАКАЗАНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ

Актуальность темы достижения баланса наказания и воспитания в процессе привлечения к юридической ответственности несовершеннолетних в Республике Беларусь обусловлена необходимостью защиты общества от результатов противоправных деяний и сохранения будущего молодых правонарушителей. Психика подростков требует особого подхода, где слишком жесткие меры могут оказать негативное влияние на жизнь молодого человека, а излишняя мягкость – подорвать правопорядок. Поэтому поиск оптимального баланса между карательными и воспитательными мерами остается востребованным как для правовой системы, так и для общества в целом.

Полагаем, стоит уточнить, что же понимается под юридической ответственностью. В общей теории государства и права под юридической ответственностью принято понимать как предусмотренную правовыми нормами обязанность субъекта права претерпевать неблагоприятные для него последствия правонарушения, так и меру государственного принуждения за совершенное правонарушение, связанную с претерпением виновным лишения личного (организационного) или имущественного характера.

В контексте правового поля Республики Беларусь данное исследование фокусируется на анализе двух видов юридической ответственности несовершеннолетних – административной и уголовной. Выбор определен их особой социальной значимостью и характером воздействия на подростковую среду. Каждая из вышеуказанных видов юридической ответственности обладает специфическими характеристиками и правовыми последствиями. Несомненно, уголовная ответственность представляет наиболее строгую меру государственного принуждения. Тем не менее административная также несет в себе негативные последствия для правонарушителя.

Первый вид юридической ответственности – административная. Административная ответственность на территории Республики Беларусь регламентируется нормами Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, который выступает системообразующим нормативным правовым актом, регулирующим данную сферу правоотношений.

Административная ответственность несовершеннолетних имеет выраженную воспитательную направленность и учитывает возрастные особенности. По общему правилу, к административной ответственности привлекаются лица с 16 лет. Однако за некоторые правонарушения ответственность может наступать с 14 лет. Законодатель включает в этот перечень ряд противоправных деяний, среди которых умышленное причинение телесных повреждений, оскорбление личности, мелкое хищение, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, жестокое обращение с животными, а также мелкое хулиганство. Данный перечень является исчерпывающим и отражает необходимость раннего профилактического воздействия на проявление агрессии, вандализма, а также неуважения к социальным нормам.

При рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних действует особый правовой режим. Закон прямо запрещает применение к ним таких мер, как административный арест и общественные работы. Подавляющая часть административных правонарушений наказывается штрафом. В этой связи следует согласиться с суждением И.И. Ахметова о том, что данная мера является часто нелогичной, так как у большинства несовершеннолетних отсутствуют источники дохода.

Однако если у несовершеннолетнего правонарушителя отсутствует доход, а санкция статьи предусматривает только штраф, суд или комиссия по делам несовершеннолетних обязаны применить к нему меры воспитательного воздействия вместо штрафа.

Следует отметить, если подросток систематически нарушает закон (например, многократно в течение года совершает мелкое хулиганство, умышленно повреждает имущество или распивает алкоголь), к нему могут применить более строгую меру – помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение.

Ключевая особенность административной ответственности заключается в том, что существует обязательный учет индивидуальных обстоятельств жизни самого подростка. Правоприменитель обязан изучить условия его жизни и воспитания, уровень психического и интеллектуального развития, влияние на его поведение родителей, а также получить характеристику с места учебы или работы, если таковая имеется.

Немаловажным инструментом воспитания является возможность освобождения от административной ответственности, но с применением специальных мер. К ним относятся: разъяснение законодательства, обязанность принести извинения потерпевшему, загладить причиненный вред, ограничение досуга. Эти меры могут применяться как по отдельности, так и в сочетании друг с другом, что дает возможность индивидуально подходить к исправлению каждого несовершеннолетнего правонарушителя.

Следующим видом юридической ответственности является уголовная. Анализируя уголовное законодательство Республики Беларусь, следует отметить, что общим основанием для привлечения к уголовной ответственности выступает достижение лицом 16 лет на момент совершения преступления. Однако из этого правила тоже существует исключение.

Законодатель устанавливает перечень деяний, за которые ответственность наступает уже с 14 лет. Этот список включает преступления против жизни и здоровья (убийство и умышленное причинение тяжких телесных повреждений), половой неприкосновенности (изнасилование), собственности (кража, грабеж, разбой), а также общественной безопасности и порядка (хулиганство, заведомо ложное сообщение об опасности, хищение оружия или наркотических средств). Данные составы свидетельствуют о том, что такой подход законодателя отражает отношение общества и государства к способности несовершеннолетнего с определенного возраста сознавать общественную опасность этих конкретных деяний.

Особого внимания заслуживает норма, освобождающая от уголовной ответственности несовершеннолетних, которые вследствие отставания в психическом развитии не могли сознавать характер своих действий. Данное положение демонстрирует индивидуальный подход к каждому такому преступнику.

Главный смысл ретерпевания уголовного наказания – это исправление и перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей. Однако никто не может с точностью сказать, изберет ли он правильный путь в дальнейшем. Но попытаться все же стоит.

Белорусское законодательство предусматривает для несовершеннолетних преступников целый ряд наказаний – от относительно мягких, таких как штраф или общественные работы, до строгих, вплоть до лишения свободы. Такой комплекс мер позволяет суду выбирать наказание, учитывая тяжесть преступления и особенности самого подростка, сочетая воспитание с необходимыми ограничениями.

Таким образом, проведенный анализ позволяет установить, что система юридической ответственности несовершеннолетних в Республике Беларусь представляет собой сложный механизм, который направлен на достижение баланса между карательными и воспитательными подходами. Административное и уголовное законодательство демонстрирует стремление законодателя учесть возрастные особенности несовершеннолетних правонарушителей, предоставляя судам и правоохранительным органам широкий выбор мер воздействия – от строгих санкций до воспитательных мер.

В настоящее время основные усилия правоохранительных органов во взаимодействии с учреждениями образования Республики Беларусь направлены на профилактику и исправление подростков, чтобы не допустить их дальнейшего погружения в криминальную среду. Правоприменительная практика вышеуказанных субъектов ориентирована прежде всего не на наказание несовершеннолетнего правонарушителя, а в первую очередь на его исправление, используя меры воспитания с учетом индивидуальных особенностей каждого правонарушителя.

УДК 340

М.М. Карпук, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И МОРАЛИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Проблема взаимосвязи и взаимообусловленности права и морали, оставаясь во все времена центральной для философии и теории права, в условиях современного глобализирующегося общества приобретает новые измерения. Исчезновение идеологических монополий, утверждение плюрализма ценностей и возникновение новых технологических вызовов актуализируют поиск баланса между правовыми нормами и моральными императивами. Как верно отмечал В.С. Нерсисянц, «право и мораль – это взаимодополняющие инструменты социальной регуляции, обладающие как общими родовыми чертами, так и специфическими отличиями». Целью данного исследования является анализ диалектического единства и противоречий права и морали на основе классических и современных подходов, представленных в отечественной и зарубежной литературе.

Теоретическое основание единства права и морали заключается в фундаментальной связи правового и морального сознания, которое раскрывается через их общее предназначение, заключающееся в упорядочении социальных отношений и утверждении справедливости, а также в общности ценностных оснований.

С.С. Алексеев, рассматривая право как сложный феномен, подчеркивает, что его глубинной основой выступают не только формальные предписания, но и «правовые идеи, начала, ценности», которые тесно переплетены с моральными устоями общества. Именно такие категории, как справедливость, долг, равенство, неявно присутствуют в правовых системах, придавая им легитимность. Е.А. Лукашева развивает эту мысль, утверждая, что «право, мораль, личность» находятся в неразрывной связи, где мораль выступает внутренним гарантом соблюдения правовых норм, а право – внешним оплотом морального выбора личности.

Сущность и социальное предназначение рассматриваемых социальных регуляторов проявляется и в их историко-культурном синтезе. Глубокий исторический анализ Г.Дж. Бермана демонстрирует, что западная традиция права сформировалась именно в результате синтеза философских (моральных) идей античности, догматики римского права и этических заповедей христианства. Этот исторический экскурс доказывает, что изначально право не мыслилось как сугубо позитивное, оторванное от нравственности установление. В.Г. Графский во «Всеобщей истории права и государства» также отмечает, что на различных этапах исторического развития моральные принципы (например, «золотого правила» нравственности) непосредственно включались в правовые кодексы.

Несмотря на единство цели, право и мораль остаются автономными системами регулирования общественных отношений. Их методологическое разграничение является ключом к пониманию природы возникающих между ними конфликтов. Формальной определенности права противопоставима идея внутреннего императива морали. Как справедливо указывал П.А. Сорокин, право характеризуется формальной определенностью, официальной фиксацией и обеспечением государственной санкцией. Мораль же, по его мнению, существует в сфере внутренних убеждений и общественного мнения. Также В.А. Четвернин в своей методологии разграничения акцентирует внимание на том, что право оперирует категориями правомочий и обязанностей, в то время как мораль – категориями добра и зла, что ведет к различным механизмам их воздействия на индивида.

Следующим не менее актуальным вопросом является проблема «несправедливого закона». Наиболее острое противоречие возника-

ет в ситуации, когда позитивная правовая норма вступает в конфликт с универсальными моральными принципами. Рональд Дворкин в работе «О правах всерьез» предлагает различать правовые правила и правовые принципы, последние из которых имеют моральную природу. С этой точки зрения закон, грубо попирающий принципы справедливости и человеческого достоинства, может быть оспорен с моральных позиций, что порождает феномен гражданского неповиновения. Д.А. Керимов, анализируя философские основания права, также отмечал, что правотворчество, игнорирующее нравственные ориентиры, обречено на кризис легитимности.

В XXI в. взаимосвязь права и морали усложняется под влиянием новых факторов и современных вызовов, обуславливающих необходимость поиска перспективных векторов взаимодействия рассматриваемых социальных регуляторов, их развития в контексте плюрализма ценностных систем. Так, в глобальном мире сталкиваются различные, порой несовместимые, моральные парадигмы. То, что в одной культуре является правовой защитой моральной нормы (например, законы о защите чувств верующих), в другой может расцениваться как посягательство на свободу совести и слова. Это требует от современного права, как отмечал В.С. Нерсесянц, способности к диалогу и поиску «пересекающегося консенсуса» в области базовых прав человека.

Следующим фактором, оказывающим непосредственное влияние на взаимодействие права и морали, являются технологические и биоэтические дилеммы. Стремительное развитие технологий (биотехнологии, искусственного интеллекта) создает «правовой вакуум», когда моральное сознание общества уже сталкивается с новыми вызовами (эвтаназия, редактирование генома, «право на забвение»), а право не успевает их «адекватно» регулировать. В этой ситуации, как следует из работ Е.А. Лукашевой о личности, право вынуждено не просто следовать за моралью, а вступать с ней в активный диалог, формируя новые эτικο-правовые стандарты.

Проведенный анализ позволяет заключить, что соотношение права и морали в современном мире носит характер динамичного и диалектического взаимодействия. Они не растворяются друг в друге, но и не существуют в изоляции. Право, утратившее связь с моральными основаниями, рискует выродиться в голый формализм, лишенный авторитета в глазах гражданского общества. Мораль, не находящая поддержки в правовых институтах, не способна эффективно регулировать сложные отношения в глобальном масштабе.

Таким образом, продуктивное развитие правовых систем сегодня зависит от их способности к рефлексии и интеграции развивающихся моральных стандартов, при одновременном сохранении формальной определенности и стабильности. Перспектива видится не в устранении различий, а в построении гибких механизмов их взаимодействия и взаимодополнения, что является залогом устойчивого и справедливого миропорядка.

УДК 342

А.М. Катиева, курсант международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Миграционная политика Российской Федерации (РФ) находится в состоянии постоянного развития и адаптации к новым вызовам, что находит отражение в новом изменении законодательства. В этих условиях на правоохранительные органы, и в первую очередь на подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), ложится ответственная задача по обеспечению соблюдения миграционного законодательства. Эффективность противодействия незаконной миграции напрямую детерминирована уровнем единообразия правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях в данной сфере. Однако, как показывает анализ, эта практика сталкивается с рядом системных проблем, снижающих ее результативность. Целью настоящего исследования является выявление и комплексный анализ наиболее актуальных из этих проблем и формулирование путей их возможного решения.

1. Проблемы квалификации административных правонарушений в сфере миграции.

Одной из наиболее острых проблем является квалификация составов административных правонарушений. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) сосредоточено 59 составов правонарушений, посягающих на миграционно-правовые отношения. Многие из них имеют бланкетные диспозиции, отсылаю-

щие правоприменителя к нормам федерального законодательства (например, к Федеральным законам РФ № 115-ФЗ и № 109-ФЗ), которые часто подвергаются изменениям.

Сложность разграничения смежных составов. На практике сотрудники полиции часто сталкиваются с трудностями при разграничении, например, нарушения правил пребывания (ст. 18.8 КоАП РФ) и нарушения правил осуществления трудовой деятельности (ст. 18.10 КоАП РФ) иностранным гражданином. Отсутствие четких, формализованных критериев для такого разграничения приводит к ошибкам в протоколах и последующему прекращению дел судьями.

Существенным дефектом современного административного производства является недостаточное внимание к установлению субъективной стороны правонарушения и индивидуально-определенных смягчающих обстоятельств. Это приводит к тому, что в протоколах не находит отражения анализ формы вины, а также не учитываются такие значимые факторы, как наличие у иностранного гражданина документа, предоставляющего право на пребывание (работу), срок действия которого истек вследствие объективных причин.

2. Проблемы процессуального характера на стадии возбуждения дела и обеспечения производства.

Процессуальные нарушения являются одной из основных причин отмены постановлений по делам миграционной направленности.

Существенной проблемой административного производства является несовершенство процессуальных документов, которое выражается в отсутствии исчерпывающих сведений о событии правонарушения, неконкретизированности сопутствующих обстоятельств и наличии неточностей в установлении личности нарушителя. Данные недостатки, обусловленные низким уровнем процессуальной подготовки должностных лиц, подрывают основания для принятия законного и обоснованного решения по делу.

Сложности в применении мер обеспечения производства. К таким мерам относится, в частности, задержание иностранного гражданина в целях составления протокола (ст. 27.3 КоАП РФ). На практике часто нарушаются процессуальные сроки задержания, а также не всегда соблюдается принцип соразмерности применяемой меры характеру совершенного правонарушения.

3. Проблемы межведомственного и внутриорганизационного взаимодействия.

Несмотря на то что Федеральная миграционная служба была интегрирована в структуру МВД России, вопросы эффективного взаимодействия остаются актуальными.

Взаимодействие полиции с иными подразделениями. Как показывают исследования, даже после интеграции сохраняются проблемы обмена оперативной информацией между территориальными органами МВД России и подразделениями по вопросам миграции, что снижает оперативность реагирования на нарушения. Сюда относится также координация с иными контролирующими органами. Остается не на должном уровне взаимодействие с органами Федеральной службы безопасности, Роспотребнадзора и налоговыми органами в части выявления схем организованной незаконной миграции и фиктивной постановки на миграционный учет. Отсутствие единых межведомственных регламентов затрудняет проведение скоординированных мероприятий.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии комплекса некоторых актуальных проблем, препятствующих эффективному применению административного законодательства в миграционной сфере сотрудниками правоохранительных органов МВД России. Эти проблемы носят как материально-правовой, так и процессуальный и организационный характер.

УДК 342.98

А.М. Кашанина, курсант института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭТИКА СЛУЖЕБНОГО ОБЩЕНИЯ: ЗНАЧЕНИЕ И ВЛИЯНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННУЮ АТМОСФЕРУ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В условиях современного общества, где правоохранительные органы играют ключевую роль в обеспечении общественной безопасности и правопорядка, вопросы профессиональной этики становятся особенно актуальными. Служебное общение сотрудников органов внутренних дел (ОВД) не только отражает их личные качества, но и формирует общее восприятие правоохранительных структур в глазах общества.

Применение профессиональной этики в ОВД требует от сотрудников строгого соблюдения норм, прописанных в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, который был утвержден приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. Этот документ служит основой для формирования публично-

го имиджа правоохранительных органов. Данный кодекс охватывает не только нормы общения и внешний вид сотрудников, но и правила обращения с информацией, что имеет критическое значение в условиях современной информационной прозрачности и требований общества.

Эффективное служебное общение является значимым инструментом для формирования высокой нравственной среды. Обучение сотрудников навыкам общения, основанным на уважении и понимании, может значительно повысить качество взаимодействия как внутри коллектива, так и с гражданами. Установленные стандарты служебной этики создают атмосферу взаимного уважения и поддержки, что важно для формирования крепких связей между сотрудниками, а также для их взаимодействия с обществом, которое должно воспринимать органы правопорядка как достойные и надежные.

Согласно Кодексу профессиональной этики соблюдение нравственных норм служит основой для установления взаимоуважительных отношений в трудовом коллективе и поддерживает атмосферу ответственности и уважения. Следует отметить, что моральные качества сотрудников ОВД непосредственно влияют на рейтинг доверия, который сопровождает их деятельность. Этические нормы труда формируют важный аспект профессиональной идентичности сотрудников. Они не просто обеспечивают правила поведения, но и представляют собой моральный компас для принятия решений в неоднозначных ситуациях. Так, соблюдение основ профессиональной морали подразумевает принятие ответственности за действия и их последствия, что напрямую соотносится с уровнями доверия и репутацией ведомства.

Служебная этика правоохранителей имеет свои особенности, так как требует учитывать специфику взаимодействия с различными социальными группами. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации представляет собой важный документ, регламентирующий морально-этические аспекты работы правоохранительных органов. Этот кодекс, разработанный на основе Конституции Российской Федерации и Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, охватывает широкий спектр требований как для рядовых сотрудников, так и для руководителей.

Значение указанного кодекса заключается в том, что он устанавливает единые стандарты служебного поведения, что способствует формированию эффективной и гармоничной работы сотрудников. Как указано в приказе, документ первым делом определяет общие положения, включая основные и дополнительные этические требования, которые долж-

ны соблюдаться для поддержания профессионального уровня и доверия к органам внутренней безопасности.

Базовыми принципами эффективного служебного общения являются уважение, открытость и поддержка, которые способствуют формированию позитивного имиджа ОВД в обществе. Отметим, что каждая такая коммуникация не проходит даром: она формирует представления граждан об органах власти, что непосредственно отражается на уровне доверия и готовности к сотрудничеству с правоохранительными органами.

Этика служебного общения в ОВД России имеет особое значение для формирования общественного мнения о деятельности правоохранительных структур. Профессиональная этика сотрудников ОВД охватывает как нормы общения внутри органов, так и их взаимодействие с гражданами. Исследования показывают, что утрата подробного Кодекса профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел в 2013 г. оставила пробелы в регламентации требований к служебной деятельности. Это подчеркивает важность наличия четких стандартов поведения, которые способствовали бы улучшению морального климата внутри коллектива и укреплению доверия общества.

Для повышения моральных ценностей и стандартов работы необходимо учитывать влияние профессионального взаимодействия друг с другом и с гражданами. Каждый сотрудник должен понимать, что он представляет собой лицо власти, а его действия непосредственно отражаются на работе всей структуры. Последствия неэтичного поведения могут быть губительными, как для имиджа ОВД, так и для общения с гражданами, что подчеркивает необходимость постоянной работы над улучшением культуры общения.

В итоге этика служебного общения в ОВД представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует постоянного внимания и совершенствования. Соблюдение этических норм и стандартов, развитие профессиональной этики и служебного достоинства, а также обучение сотрудников эффективному общению являются необходимыми условиями для повышения качества работы правоохранительных органов и формирования их положительного имиджа в обществе.

Таким образом, профессиональная этика в ОВД не только способствует улучшению внутренней атмосферы, но и играет ключевую роль в укреплении доверия граждан к правоохранительным структурам, что является важным аспектом для обеспечения правопорядка и безопасности в стране.

УДК 340(15)

Я.В. Ковалевский, курсант факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
В IX – НАЧАЛЕ X в.
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ)**

В формировании государственности в восточноевропейском регионе значительную роль играла эволюция правовой системы. На протяжении всего изучаемого исторического периода народы, проживавшие в рассматриваемом регионе, оказывали существенное влияние друг на друга и были движителями эволюции как государства, так и права. Нами рассматривается период с середины IX по начало XI в. Ключевое внимание мы уделяем формированию договорной системы в зарождающихся восточнославянских государствах. Отметим, что регион был подвержен серьезно скандинавскому влиянию. Под Восточной Европой нами понимается регион от Карелии до Северного Черноморского побережья и от Западного Буга до Волги. В указанном регионе проживали славяне, балты, кочевники (хазары, венгры, печенег и т. д.), финно-угры, оказывали влияние на эти земли и Византия, и регионы Скандинавии и Центральной Европы.

Наиболее яркими документами региона, рассматриваемого нами хронологического периода, в которых фигурирует правовой аспект, являются договоры древнерусских князей с Византией. В качестве первоисточника нами используется «Повесть временных лет» по Лаврентьевской летописи.

По своей сути, это одни из первых международных документов восточных славян. Более того, это один из тех «кирпичей», которые являются фундаментом в формировании правовой системы современной Республики Беларусь.

Скандинавские страны известны своей достаточно устойчивой и архаичной правовой системой. В ее основу входило традиционное право, в котором присутствовало и право поединка, и право выкупа (вира/вергельд), и каноническое право (клятва). При этом отмечается стремление к верховенству закона. Все это нашло отражение в изучаемых нами законодательных актах.

При изучении договоров нами обращалось внимание на отсылки к будущим белорусским землям, форме заключения договоров (как и их объектов), а также наличие в них скандинавского элемента.

Начнем с 862 г., когда славяне пригласили править у себя Рюрика (он же Хрѣрик Фрисландский) в Новгороде (Новгород), Синеуса в Белозере и Трувора в Изборске. Тут и берет свое начало скандинавское влияние на территории Восточной Европы в русле государствообразования, так как данные имена имеют именно скандинавское происхождение. То положение, которое занимали данные лица в обществе, уже наталкивает нас на ряд интересных фактов. Норманны пришли в качестве воинского контингента, вероятно в виде экипажей из не менее чем трех судов (не менее 50 человек). Повод призвания скандинавов – организация руководства: «... земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Придите и владейте нами...». Следовательно – у славян уже сложилось четкое представление о государственном устройстве, однако имела место быть борьба местных элит за власть. Следовательно, Рюрик со своей дружиной представлял стороннюю силу, третьейского судью, не имеющего непосредственной (в первую очередь родственной) связи с местными вождями. Более того, это были профессиональные воины, которые «кормились» со своего меча и они имели достаточно тесные связи с торговыми партнерами с Западного побережья Балтики, что уже само по себе предопределяло выгодность данного союза.

Следующая рассматриваемая нами дата – 907 г., это время правления Олега (скандинавское – Хельг). Он был регентом при малолетнем князе Игоре Рюриковиче. Олег вел активную завоевательную внешнюю политику, в том числе и против Византийской империи. Под указанным годом мы находим запись: «... Иде Олег на Греки. Игоря оставя в Киеве, позва множество Варяг и Словень и Чуди и Словене и Кривичи и Мерю и Деревляны и Радимичи и Поляны и Северян и Вятичи и Хорваты и Дулебы и Тиверцы... все звались у Греков Великая Скифь». Тут мы можем видеть еще деление на союзы племен и народов, среди обилия которых присутствуют скандинавы и союзы славянских племен, в том числе проживавших на территории современной Беларуси (радимичи, кривичи).

После осады Царьграда (Константинополя) Олег отправил своих послов для амирения. «Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида...». Как видим, все вышеперечисленные имена имеют скандинавское происхождение. В условиях договора присутствовала скандинавская правовая традиция. Отметим также и выплату дани греками для «русских городов», а именно: «Киева, Чернигова, Переяслава, Полоцка, Ростова, Любеча и прочие». В указанных городах правили князья, подвласт-

ные Олегу. Интересно то, что Полоцк фигурирует как «русский» город, в то время как Новгород – нет.

Кроме того, внимание привлекает скрепление договора. Оно осуществлялось не подписью и печатью, а клятвой. Греки целовали крест, а дружина Олега клялась на оружии и «... Перуном, богом своим и Волосом (Велесом – наше) скотгым богом и утвердиша мир». Также присутствует разделение в договоре «Руси» и «славян», так как для обеих категорий воинов греками были изготовлены паруса из дорогих тканей.

Через пять лет, в 912 г., Олег направил своих людей для заключения очередного договора между «Греками» (Византия) и Русью. «Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид». Заглянув в условия того договора, можно увидеть большую схожесть со скандинавским правом. В данном договоре было прописано, что за убийство наказание предусматривалось лишь одно – смерть, а если убийца смог скрыться, то его имущество передавалось близким родственникам погибшего. Если же пострадавшим будет пойман вор, то он может убить его и не будет осужден за это. Данные условия с точностью копируют законы, которые на тот момент действовали у скандинавов. В целом договор содержит условия торговли, описывает режим содержания торговцев, послов и выходцев из Руси на территории Византийской империи. Также в договоре затронуты вопросы берегового права (распоряжение выброшенным на морской берег имуществом), поиск беглых рабов/слуг, обращение с пленными и рабами, равно как и торговля ими.

Олег умер в 912 г., как считается (одна из версий), от укуса змеи. Этот факт внес необходимость серьезных изменений в законодательной и договорной системе в рассматриваемом нами регионе.

На основании изложенного мы можем констатировать следующее:

1. В первых письменных источниках, затрагивающих вопрос зарождения государственности у восточных славян, на прямую связан со скандинавским влиянием. Уже зародившееся государство возглавил иноземец, не имеющий родственных связей среди местной элиты. Тем самым он обеспечивал беспристрастное руководство и суд.

2. Договора с иными государствами (в первую очередь с Византией) заключались с отсылкой к скандинавской судебно-договорной традиции (клятва на оружии, клятва богами). Кроме того, ведение судебных процессов совмещало в себе традицию талиона (око за око).

3. В орбиту влияния как Рюрика, так и Олега входило население современных белорусских земель (радимичи и кривичи). Однако криви-

чи – это достаточно многочисленный племенной союз, проживавший на Полотчине, Смоленщине и Псковщине. Конкретно упоминается город Полоцк, как «русский город», т. е. со скандинавской династией, либо входящий в орбиту Рюриковичей. Как известно, несколько позднее там будет проживать династия Рогволодовичей. Она обретет непосредственную связь с Рюриковичами.

4. Именослов представителей дружины Олега содержит исключительно германоязычные имена, характерные для Скандинавии.

5. В договорах Олега с Византией присутствует четкое разделение дружины на «русь» и «славян». Данный факт также подтверждает наличие значительного количества скандинавов, и в первую очередь в ее командном составе (не говоря уже о руководителях дружин: Рюрик, Синус, Трувор и Олег).

УДК 316.77

А.В. Копыцкий, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У КУРСАНТОВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГРАЖДАНАМИ

Профессиональная деятельность сотрудников органов внутренних дел (ОВД) предполагает постоянное взаимодействие с различными категориями граждан, включая лиц с выраженными формами девиантного поведения – агрессией, социальной дезадаптацией, эмоциональной нестабильностью и демонстративным отторжением властных структур. В таких условиях коммуникативная компетентность становится не факультативным качеством, а функциональной необходимостью, напрямую влияющей на результативность оперативной и процессуальной деятельности.

Как отмечает С.А. Стульба, центральное место в профессиональной деятельности сотрудников ОВД занимает взаимодействие с людьми, которое осуществляется в системе «человек – человек» и требует умения грамотно выстраивать общение. Эффективное взаимодействие возможно лишь при наличии устойчивой системы знаний, практических умений и личностных ресурсов, обеспечивающих способность к осмысленному и регулируемому общению. Важным элементом является способ-

ность к управлению коммуникативным пространством: расширению или ограничению круга контактов, выбору уровня откровенности, точному восприятию и передаче смыслов.

А.К. Маркова определяет коммуникативную компетентность как стабильное интегративное психологическое образование, включающее личностный и технологический потенциал, направленное на продуктивное общение и реализацию гибких коммуникативных стратегий. В этом контексте коммуникативность представляет собой способность индивида сознательно управлять процессом контактирования, используя экспрессию, голос, паузы и другие средства.

Коммуникация как процесс – это не просто обмен информацией, а механизм социального сопряжения, через который реализуется профессиональная функция. Каждый акт взаимодействия формирует или трансформирует служебные отношения, а уровень коммуникативной культуры отражает качество этих связей. С.В. Венедиктов подчеркивает, что формирование коммуникативной компетентности в учреждениях МВД осуществляется через актуализацию гуманитарных знаний, освоение риторических основ, изучение функционально-ролевой и публичной коммуникации, а также через овладение методами бесконфликтного речевого поведения. А.В. Кириченко указывает, что более верным представляется обогащение коммуникативного потенциала сотрудника, если он проходит специальное профессиональное обучение по формированию и развитию «технологической» базы осуществления конкретных коммуникативных действий, особенно в конфликтных ситуациях.

Для определения уровня коммуникативной компетентности курсантов Академии МВД было проведено эмпирическое исследование с использованием опросника Д. Бурместера, направленного на диагностику пяти ключевых компонентов: инициации отношений, негативного самовыражения, степени открытости, контроля конфликтов и способности к эмоциональной поддержке. В исследовании приняли участие 24 курсанта первого курса факультета милиции общественной безопасности.

Анализ полученных данных показал, что 50 % курсантов продемонстрировали средний и высокий уровни готовности к установлению контакта, однако при этом отмечают застенчивость и дискомфорт на начальном этапе общения, вероятно обусловленные возрастом и адаптацией к новым условиям. У 60 % респондентов выявлена склонность к выражению отрицательных эмоций в адрес собеседника, что свидетельствует о недостаточной сформированности навыков самоконтроля и рефлексии. По критерию «степень открытости» 40 % курсантов готовы

делиться личными мыслями, что может указывать на ограниченность доверительного общения. При этом 70 % считают себя способными к управлению конфликтными ситуациями, хотя данная самооценка требует объективной проверки в реальных условиях. Наиболее выраженным компонентом оказалась способность к эмоциональной поддержке: 80 % курсантов демонстрируют готовность к ее оказанию, что свидетельствует о наличии эмпатических установок.

Таким образом, результаты исследования показывают, что на раннем этапе обучения у курсантов частично сформированы отдельные компоненты коммуникативной компетентности, особенно связанные с эмоциональной поддержкой и конфликтным взаимодействием. Вместе с тем наблюдается дефицит навыков саморегуляции и открытого общения, что затрудняет эффективное взаимодействие с гражданами в условиях служебной деятельности. Уровень инициации контакта ограничен ситуационной застенчивостью, что требует педагогической и психологической коррекции. Коммуникативная компетентность курсантов находится на стадии формирования и требует целенаправленного развития через доступные формы учебной и внеучебной активности.

Исходя из выявленных затруднений, считаем возможным реализацию ряда мероприятий, направленных на развитие коммуникативной компетентности. В частности, целесообразно проводить регулярные тренировки речевого самоконтроля, включающие анализ собственных высказываний, фиксацию эмоциональных реакций и отработку формулировок, направленных на деэскалацию напряжения. Полезным представляется также организация мини-дискуссий в учебной группе, в ходе которых можно отрабатывать навыки инициации контакта, поддержания диалога и аргументированного выражения позиции. Дополнительным ресурсом может стать ведение личного дневника наблюдений за коммуникативными ситуациями, возникающими в учебной среде, что способствует формированию рефлексивной позиции. Участие во внеучебных мероприятиях с публичным компонентом – дебатах, круглых столах, волонтерских акциях – позволяет расширить коммуникативный опыт и развить навыки адаптации к различным уровням доверительности. Наконец, считаем полезным самостоятельное изучение речевых стратегий бесконфликтного поведения, включая анализ речевых формул, интонационных моделей и способов реагирования на провокации.

Реализация указанных мероприятий позволит повысить уровень коммуникативной готовности и снизить риски затруднений во взаимодействии с гражданами в условиях служебной деятельности.

П.В. Король, студент факультета государственного управления и права Академии управления при Президенте Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Под влиянием стремительного развития цифровых технологий и глобализации значительно возрастает угроза утечки личной информации, что повышает риски ее неправомерного использования и злоупотреблений, создавая серьезные вызовы для безопасности и конфиденциальности данных в современном обществе. Кроме того, распространение социальных сетей и онлайн-сервисов увеличивает доступность персональных данных, делая их уязвимыми для противоправных действий. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 87-З «О защите персональных данных» (далее – Закон) к персональным данным относится любая информация, связанная с идентифицированным физическим лицом или физическим лицом, которое может быть идентифицировано. Защита персональных данных в Республике Беларусь является необходимостью для сохранения конфиденциальности и защиты прав граждан. Нарушение правил обработки информации приводит к рискам утечек, мошенничества и дискриминации. Закон устанавливает четкие требования к получению согласия и защите персональных данных, что служит основой для укрепления доверительных отношений с государственными и коммерческими структурами в эпоху цифровизации. Под защитой персональных данных понимается комплексный системный подход, направленный на поддержание приватности, конфиденциальности и целевого использования личной информации физических лиц, предотвращая несанкционированный доступ, снижая вероятность утечек и исключая злоупотребления на всех этапах обработки личной информации. Исследование ставит своей целью выявление ключевых положений законодательства, оценку их влияния на практику обращения с персональной информацией. В рамках поставленной цели сформулированы задачи, включающие анализ нормативной правовой базы, анализ существующих механизмов контроля и идентификация проблемных аспектов.

В Республике Беларусь для обеспечения защиты персональных данных был принят Закон, который устанавливает требования к обработке

персональных данных, согласно которым оператор обязан принимать правовые, организационные и технические меры по их безопасности, предотвращая несанкционированный доступ, изменения или удаления, а также обеспечивать информирование субъектов данных и их права на контроль, назначать ответственных за внутренний контроль и обеспечивать обучение работников, участвующих в обработке персональной информации.

Государственный надзор осуществляет уполномоченный государственный орган – Национальный центр защиты персональных данных, который контролирует обработку персональных данных операторами, рассматривает жалобы субъектов данных, требует устранения нарушений, выдает разрешения на трансграничную передачу данных и обеспечивает разъяснительную работу по вопросам законодательства. Кроме того, операторы обязаны назначать ответственных лиц для внутреннего контроля за обработкой персональных данных и обеспечивать их обучение в соответствии с законодательством.

Закон является первым комплексным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы защиты персональной информации в стране, что создает единую правовую основу в данной сфере. Он ориентирован на современную нормативно-правовую базу для защиты персональных данных, демонстрирует высокий уровень адаптации к требованиям современной цифровой эпохи, что гарантирует его эффективность в условиях быстро меняющихся технологий и растущих информационных угроз, направлен на гармонизацию государственных, законодательных и технических инструментов информационной безопасности в Республике Беларусь. Основными особенностями являются требования прозрачности процедур обработки данных и обязательное получение информированного согласия от субъектов данных, с ограничением объема и целей использования информации, что способствует минимизации потенциальных рисков злоупотреблений. В законодательстве установлен институт ограничения доступа к персональным данным как альтернатива их удалению при технической невозможности, что способствует усилению соблюдения правовых норм и повышению уровня защиты личной информации. Эти особенности отражают уровень развития технологической инфраструктуры и нормативной правовой базы, способствует укреплению цифровой сферы при одновременном обеспечении всесторонней защиты прав и свобод личности в условиях цифровой трансформации общества.

Сходную ситуацию можно отметить в законодательстве Российской Федерации. Закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» был принят с целью установления правовых

гарантий защиты прав и свобод субъектов персональных данных в процессе их обработки. Осуществление обработки персональных данных, как и Республике Беларусь, допускается исключительно при наличии согласия субъекта данных. Главным отличием является обязательная регистрация в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), а также по предотвращению утечек и несанкционированного доступа.

Надзор за исполнением закона реализуется указанной службой, которая обеспечивает контроль за соблюдением установленных предписаний, проводит процессуальные действия по рассмотрению жалоб граждан и применяет меры ответственности в случае нарушений.

Вторым отличием является усиленная защита особых категорий данных, в частности, биометрических и медицинских. Третьим отличием является локализация баз данных на территории Российской Федерации, что повышает информационную безопасность и государственный контроль над персональной информацией.

Таким образом, анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере защиты персональных данных показывает наличие как общих основополагающих принципов, так и существенных отличий, обуславливающих специфику правового регулирования в каждой из стран. Сходство в охвате всех основных этапов обработки персональных данных – от сбора до уничтожения – можно отметить в каждой из стран. В обеих странах обработка базируется также на принципе получения добровольного, информированного согласия субъектов, а также предусматривает установление ответственности за нарушения, а также надзор со стороны уполномоченных государственных органов (Национальный центр защиты персональных данных в Республике Беларусь и Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в Российской Федерации). Помимо этого, в Республике Беларусь акцентируется внимание на обязанности операторов уведомлять о нарушениях целостности систем защиты данных и проведение специализированного обучения сотрудников. Законодательство Российской Федерации в данной сфере характеризуется меньшей детализацией, однако предусматривает более существенные штрафные санкции и строгие административные меры за несоблюдение закона, служащие мощным стимулом для соблюдения требований.

Анализ законодательных актов показывает, что, несмотря на общность основополагающих принципов и сходство в формулировании задач, белорусское правовое поле в сфере персональных данных характеризуется повышенной эластичностью и степенью имплементации

международных стандартов. Российское законодательство, напротив, демонстрирует повышенный контроль и выраженную национальную специфику, в особенности в контексте локализации данных и определения правовой ответственности. Указанные различия свидетельствуют о расхождении в приоритетах и методологических подходах к регламентации защиты персональных данных в рассматриваемых государствах.

УДК 343.8:347.155

И.С. Корольчук, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОСПОСОБНОСТИ И ДЕЕСПОСОБНОСТИ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Уголовное наказание, как наиболее острая форма государственного принуждения, неизбежно трансформирует правовой статус лица, признанного виновным в совершении преступления. Эта трансформация проявляется не только в лишении или ограничении фундаментальных свобод, но и в модификации его гражданской правосубъектности – категорий правоспособности и дееспособности. Несмотря на то что данные ограничения являются имманентным атрибутом карательной функции государства и необходимы для достижения целей наказания, их глубина, продолжительность и механизм реализации должны быть строго соразмерны, юридически безупречны и ориентированы не только на изоляцию, но и на сохранение фундаментального человеческого достоинства и создание предпосылок для последующей успешной ресоциализации осужденного.

Исследованием проблемы ограничений правоспособности и дееспособности лиц, отбывающих наказание, в Республике Беларусь занимались такие ученые, как: И.И. Башков, Н.А. Баранов, А.В. Шидловский, С.В. Анашко, Е.В. Бурый, О.И. Чуприс (в контексте прав человека и конституционных основ статуса личности), В.М. Хомич (в рамках изучения личности преступника и целей наказания) и др. В Российской Федерации данную проблему, включая вопросы правового статуса осужденных и его трансформации, исследовали А.И. Зубков, В.И. Селиверстов, М.П. Мелентьев, С.Х. Шамсунов, П.В. Тепляшин, А.Я. Гришко, В.А. Уткин и др.

Согласно действующему законодательству (ст. 17 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)) гражданская правоспособ-

ность, понимаемая как абстрактная способность лица иметь гражданские права и нести обязанности, признается за всеми гражданами Республики Беларусь в равной мере с момента рождения и до смерти. Она является неотъемлемым свойством личности в правовой системе. Дееспособность же, как способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, в полном объеме возникает с достижением совершеннолетия (ст. 20 ГК) и может быть ограничена или прекращена лишь в установленных законом случаях и порядке, как правило, по причинам, связанным с психическим состоянием или определенными формами асоциального поведения. Однако, когда речь заходит о лицах, отбывающих уголовное наказание, особенно связанное с лишением свободы, мы сталкиваемся с уникальной ситуацией, где не происходит формального судебного ограничения дееспособности в цивилистическом смысле (как, например, для лица, страдающего психическим расстройством), но фактический объем реализуемых прав и совершаемых действий кардинально сужается. Это своего рода «функциональное» или «ситуационное» ограничение право- и дееспособности, обусловленное самим режимом отбывания наказания. Наиболее существенные изменения правового статуса происходят при отбывании наказания в виде лишения свободы, так как физическая изоляция от общества в исправительных учреждениях различных типов (колонии, тюрьмы) автоматически влечет за собой невозможность или существенное затруднение реализации целого спектра прав, составляющих суть право- и дееспособности (право на свободу передвижения, выбор места жительства и т. п.) Это, в свою очередь, приводит к значительной трансформации и иных прав, в том числе и в сфере трудовых отношений. Например, трудовая дееспособность осужденного значительно ограничивается. Так, свобода выбора профессии и места работы, закрепленная в общем трудовом законодательстве, уступает место обязанности трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения. Личная жизнь и социальные связи осужденных подвергаются строгой регламентации. Дееспособность в сфере семейных и иных межличностных отношений реализуется через строго дозированные и контролируемые каналы: свидания (краткосрочные, длительные), телефонные разговоры, переписка, получение посылок и передач. Количество и периодичность этих контактов лимитированы Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Осуществление сложных гражданско-правовых сделок с имуществом, находящимся за пределами исправительного учреждения (например, продажа квартиры, принятие наследства), требует либо участия доверенных

лиц, оформление доверенности на которых само по себе может быть процедурно сложным в условиях изоляции, либо специальных разрешений и содействия администрации.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) предусматривает такой вид дополнительного, а иногда и основного наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 51 УК). Это прямое ограничение специальной правоспособности, запрещающее лицу на установленный судом срок работать на государственной службе, в органах местного управления или заниматься определенными видами профессиональной деятельности (например, педагогической, врачебной, связанной с управлением финансами или материальными ценностями). Данное ограничение может действовать и после отбытия основного наказания, например, лишения свободы, существенно влияя на возможности трудоустройства и реинтеграции. При ограничении свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа на осужденного могут быть возложены обязанности не менять место жительства без согласия контролирующего органа, не посещать определенные места, являться для регистрации. При исправительных работах из заработка осужденного производятся удержания в доход государства. Все это вызывает необходимость поиска баланса между карательным воздействием и сохранением человеческого достоинства, а также созданием условий для ресоциализации.

В целом анализ белорусского законодательства и практики его применения показывает, что система ограничений правоспособности и дееспособности лиц, отбывающих наказание, является многоуровневой и всеобъемлющей. Она охватывает практически все сферы жизни осужденного: от фундаментальных личных прав до специфических профессиональных и политических свобод. Эти ограничения имеют под собой законодательную основу и мотивированы целями уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Юридически осужденный остается гражданином, но его правовая связь с обществом становится крайне разреженной, а способность самостоятельно функционировать в нем после освобождения может быть значительно подорвана. Возникает риск формирования «юридического фантома» – лица, формально обладающего правоспособностью, но фактически лишённого большинства инструментов для ее полноценной реализации как в период отбывания наказания, так и непосредственно после освобождения. Поэтому для повышения эффективности системы исполнения наказаний и минимизации негативных последствий ограничений право- и дееспособности необходимо осуществлять дифференциацию и инди-

видуализацию ограничений, при применении которых объем правоограничений в большей степени зависел бы не только от вида наказания, но и от личности осужденного, его поведения, степени исправления и характера совершенного преступления.

УДК 378.634:316.45

М.А. Крутолевич, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь;

А.А. Синдикевич, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

РОЛЬ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ

Формирование профессиональной идентичности курсантов учреждений высшего образования, осуществляющих подготовку кадров для правоохранительных органов, представляет собой сложный процесс, включающий когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Одним из ключевых факторов, влияющих на этот процесс, является групповая сплоченность – совокупность межличностных связей, общих целей, ценностей и норм, объединяющих членов коллектива.

Психологические исследования показывают, что осознание человеком своей принадлежности к социальной группе оказывает значительное влияние на его поведение, самооценку и мотивацию. В условиях образовательной среды учреждений высшего образования, подведомственных правоохранительным органам, межличностное общение курсантов приобретает системообразующее значение. Оно определяет морально-психологический климат коллектива, способствует формированию устойчивых профессиональных установок и влияет на успешность адаптации. Как подчеркивает А.В. Созонник, в процессе военно-профессиональной социализации у курсантов формируется новая система представлений о себе, влияющая на поведение и взаимодействие, а также происходит постепенное осознание своей социальной идентичности как принадлежности к профессиональному сообществу.

С целью эмпирического анализа влияния групповой сплоченности на формирование профессиональной идентичности было проведено исследование в учебной группе первого курса факультета милиции

общественной безопасности. В качестве диагностического инструмента использовалась адаптированная модель групповой идентификации, включающая компоненты, отражающие когнитивные и эмоциональные аспекты принадлежности к группе: самостереотипизацию, гомогенность, сплоченность, удовлетворенность членством и выраженность идентификации.

В исследовании приняли участие курсанты (21). Полученные результаты отражают следующие показатели: уровень сплоченности – 65 % от максимально возможного значения, личный вклад – 71 %, самоопределение – 52 %, выраженность идентификации – 64 %.

Анализ данных позволяет сделать вывод о наличии устойчивых межличностных связей внутри учебной группы, а также о сформированной мотивационной готовности к взаимодействию и участию в коллективной деятельности. Высокий уровень личного вклада свидетельствует о том, что большинство курсантов воспринимают свое участие в жизни группы как значимое, проявляют инициативу, стремятся к выполнению общих задач и ощущают ответственность за результат. Это может быть интерпретировано как индикатор сформированной внутренней установки на профессиональное сотрудничество и коллективную дисциплину.

Средний уровень сплоченности указывает на то, что эмоциональная интеграция в группе находится в стадии формирования. Курсанты демонстрируют готовность к взаимодействию, однако еще не достигнут уровень глубокой эмоциональной привязанности и взаимной поддержки, характерный для зрелых профессиональных коллективов. Это открывает возможности для целенаправленного педагогического воздействия, направленного на развитие доверия, взаимопонимания и чувства единства.

Наиболее низкий показатель – самоопределение – отражает ограниченную степень осознания себя как типичного представителя профессиональной группы. Это может быть связано с тем, что курсанты находятся на раннем этапе профессиональной социализации, еще не полностью усвоили нормы и ценности правоохранительного сообщества, а также не идентифицировали себя с его представителями. Данный результат требует дополнительного внимания со стороны преподавателей и командиров, поскольку осознание профессиональной принадлежности является ключевым элементом формирования устойчивой идентичности.

Для повышения уровня групповой сплоченности и профессиональной идентичности курсантов целесообразно внедрение комплекса мероприятий, направленных на развитие устойчивых межличностных связей и осознание профессиональной роли. Рекомендуется проведение тренингов по развитию самостереотипизации, использование ситуаци-

онного моделирования, организация совместных учебных и внеучебных мероприятий, направленных на развитие взаимозависимости и ответственности, а также внедрение элементов наставничества, при которых старшие курсанты сопровождают младших, способствуя формированию идентичности через включение в профессиональную культуру. Регулярный мониторинг динамики идентификации позволит отслеживать эффективность реализуемых мероприятий и своевременно корректировать образовательную стратегию.

Таким образом, групповая сплоченность представляет собой значимый фактор формирования профессиональной идентичности курсантов учреждений высшего образования, подведомственных правоохранительным органам. Эмпирические данные подтверждают наличие позитивных тенденций, но также выявляют зоны для развития, особенно в аспекте самоопределения. Внедрение мероприятий, направленных на укрепление межличностных связей и осознание профессиональной роли, позволит повысить эффективность образовательного процесса и подготовку будущих сотрудников правоохранительных органов.

УДК 343.83:349.2

А.П. Кукушкина, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь;

В.В. Волчок, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДЕПАРТАМЕНТА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Согласно ст. 2 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Республики Беларусь и текста Присяги лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2003 г. № 218, служебная дисциплина в органах внутренних дел (ОВД) есть строгое выполнение сотрудниками ОВД своих служебных обязанностей, установленных актами законодательства, в том числе настоящим Уставом, Присягой, Правилами профессиональной этики, а также условий, заключенных с ними контрактов о службе в ОВД и приказов начальников. Основой дисциплины является внутреннее убеждение каждого со-

трудника ОВД в необходимости добросовестного исполнения своего служебного долга, сознание личной ответственности за защиту граждан и территории Республики Беларусь от преступных посягательств. Особенно важен этот вопрос для сотрудников уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, которые в своей деятельности руководствуются кроме Дисциплинарного устава Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее – ТК).

Служебная дисциплина в ОВД является разновидностью государственной дисциплины и необходимым элементом ее организации. Понятие служебной дисциплины сотрудников ОВД может быть рассмотрено в двух ее аспектах: в объективном – как совокупность правовых норм, устанавливающих служебные права, обязанности по реализации полномочий, в субъективном – как практическое выполнение и соблюдение ими этих правил (фактическое их поведение при выполнении служебных полномочий). В правоохранительных органах понятие дисциплинарной ответственности нераздельно связано с понятием служебной дисциплины. Последняя, по мнению С.П. Матвеева, – одно из непеременимых условий успешного выполнения задач, стоящих перед ОВД, и выступает организующим началом служебной деятельности сотрудников милиции. В свою очередь, сознательное пренебрежение требованиями дисциплины безопасности, сформулированными в уставах, наставлениях и инструкциях, часто приводит к трагическим последствиям. Для государственных служащих в вопросах привлечения к дисциплинарной ответственности в первую очередь должен учитываться публичный государственный интерес. В связи с этим нормативная база о дисциплинарной ответственности служащих отличается детальной регламентацией процедуры привлечения к ответственности, расширенным перечнем дисциплинарных взысканий и применением более строгих взысканий к сотрудникам, дифференциацией полномочий руководителей по их применению. Вина работника в совершении противоправного деяния может выражаться как в форме умысла, так и неосторожности, при этом противоправным признается такое поведение (действие или бездействие) сотрудника, при котором он не исполняет или недолжным образом исполняет возложенные на него трудовые обязанности.

Стоит отметить, что в соответствии с частью третьей ст. 199 ТК за каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание. Если после применения дисциплинарного взыскания сотрудник продолжает виновное противоправное поведение (например, без уважительных причин снова отказывается от выполнения порученной работы), наниматель вправе вновь привлечь его

к дисциплинарной ответственности. Меры дисциплинарного взыскания к сотрудникам уголовно-исполнительной системы могут применяться вышестоящим начальством, на основании предписания прокурора или жалобы осужденного. Необходимо также отметить, что для сотрудников ОВД согласно Дисциплинарному уставу ОВД установлен срок привлечения к дисциплинарной ответственности – два года с момента совершения проступка.

Процедура вынесения дисциплинарных мер определена Уставом и предусматривает: определение мотивов и деталей совершенного проступка; организацию служебной экспертизы; получение письменного объяснения от работника и другие действия. Датой обнаружения нарушения является момент, когда о нем стало известно руководству. Если была проведена служебная проверка, начато уголовное производство или рассматривается дело об административном правонарушении, то дисциплинарное наказание должно быть применено не позже месяца после утверждения результатов служебной экспертизы, завершения досудебного следствия по уголовному делу либо прекращения уголовного преследования или рассмотрения дела об административном нарушении. Работник признается привлеченным к ответственности с момента издания распоряжения о наложении меры воздействия, а при устном объявлении – со дня получения информации из заключения проверки, решения комиссии или публичного уведомления. О приказах о дисциплинарном воздействии, содержащих основания для его применения, сотруднику сообщается письменно под подпись в течение десяти дней. Если сотрудник не был своевременно ознакомлен с приказом установленным образом, он считается таковым, что дисциплинарные санкции к нему не применялись. Отказ сотрудника ОВД от ознакомления с приказом оформляется актом, подписанным присутствующими при этом двумя свидетелями. Указанные особенности правового регулирования отношений в сфере служебной дисциплины и дисциплинарной ответственности свидетельствуют о том, что ОВД способны выполнять возложенные на них задачи по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности только являясь цельным, сплоченным коллективом, каждый член которого ставит интересы этого коллектива, т. е. ОВД, выше личных. В случае несогласия с решением о наложении дисциплинарного взыскания сотрудник вправе обжаловать это решение вышестоящему начальнику в течение одного месяца со дня ознакомления его с приказом о наложении дисциплинарного взыскания, а в случае несогласия с решением вышестоящего начальника – обратиться в суд. Сотрудник может обжаловать дис-

циплинарное взыскание вышестоящему руководству и в суде. Порядок снятия взыскания регулируется ст. 20 Устава. Так, оно может быть снято автоматически через один год, если не было новых нарушений либо досрочно – по решению руководства за добросовестную службу.

Таким образом, законодательство Республики Беларусь регулирует не только общие положения дисциплинарной ответственности гражданских работников, но и служащих Департамента исполнений наказаний. Департамент, в свою очередь, для рассмотрения вопросов о наложении дисциплинарной ответственности руководствуется не только ТК, но и Уставом ОВД, локальными правовыми актами.

УДК 347

А.Ю. Лазарева, курсант факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

О ПРИЗНАНИИ ВИРТУАЛЬНОГО ИГРОВОГО ИМУЩЕСТВА ОБЪЕКТОМ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Информационные технологии в XXI в. стремительно развиваются и совершенствуются. На современном этапе развития общества информационные технологии становятся незаменимым источником всех сфер жизнедеятельности. Такой прогресс не обошел и досуг для людей, а именно развитие многопользовательских онлайн-игр. Увеличение доступности к сети Интернет, а также повсеместное развитие виртуального онлайн-пространства увеличило количество пользователей – в настоящее время компьютерные игры в реальном режиме времени стали не только развлечением, но и видом спорта, а также рабочей деятельностью. В 2025 г. был проведен аналитический проект T-Data, в результате которого выяснилось, что более 61 % россиян играют в онлайн-игры на регулярной основе. Для более комфортного и эффективного игрового процесса пользователям необходимо приобретать виртуальное игровое имущество, и по количеству всех опрошенных лиц выяснилось, что около 57 % респондентов уже оплачивали покупки в играх. Таким образом, создается параллельная реальность, в которой пользователи выступают в качестве субъектов гражданских правоотношений по обороту нематериальных вещей, имеющих ценность в эквиваленте реальных средств. Возникает вопрос о возможности отнесения виртуального игрового имущества к объектам гражданских прав и их правовом регулировании.

Проблема признания виртуального игрового имущества в качестве объекта гражданских прав находит свое место и в уголовном судопроизводстве, так как его хищение должно квалифицироваться по всем установленным нормам. Впервые такое хищение было зафиксировано в 2016 г., когда у 24-летнего жителя Нижегородской области похитили танк ИС-4 из знаменитой игры World of Tanks. Стоимость похищенного имущества составляла 70 тыс. р. и была оценена как значительный ущерб, причиненный потерпевшему. При поимке виновного лица была найдена информация о еще двух кражах из онлайн-игр, а также о двух фактах мошенничества. Еще тогда сотрудник МВД России отметил о возможном росте подобных краж.

В 2020 г., когда гражданин обратился с похожей ситуацией в правоохранительные органы, а именно с заявлением о хищении персонажа в онлайн-игре Lineage 2, потерпевший потребовал возратить свой персонаж, так как он оценивал его в денежную сумму в размере пяти тысяч рублей, которые он потратил на «прокачивание» данного персонажа. После рассмотрения сообщения о преступлении возбудили уголовное дело и подозреваемого спустя год удалось найти. После проведения всех необходимых мер вернули персонажа потерпевшему.

Кроме того, пользователи сталкиваются с проблемами не только присущими уголовному судопроизводству, но и гражданскому в том числе. Например, истец в 2013 г. обратился в мировой суд с иском о взыскании 1 млн р. с ответчика, а именно правообладателя игры, в связи с тем, что учетная запись истца была заблокирована за нарушение правил игры. Аккаунт пользователя можно было восстановить, заплатив виртуальные деньги, которые исчисляются реальными (1 р. = 1 золотая монета). После начисления средств доступ к игре у пользователя был восстановлен, однако он столкнулся еще несколько раз с блокировкой и требованием об оплате для восстановления. Тогда истец обратился в суд с иском, в котором он утверждал, что нарушаются его права как потребителя, данные ему в соответствии с Законом «О защите прав потребителей». Суд рассчитал, что игра предоставляется бесплатно, а тратить денежные средства пользователи могут только по своему желанию, поэтому данный иск не имеет нарушения прав потребителей. В удовлетворении иска было отказано. Также в соответствии со ст. 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) онлайн-игры с принятием пользовательских соглашений не подлежат судебной защите, за исключением случаев обмана, насилия или угрозы. В 2019 г. суд апелляционной инстанции повторно рассмотрел данный иск по апелляционной жалобе и оставил ее без удовлетво-

рения в связи с пропуском истцом срока исковой давности. Также было отмечено, что никаких нарушений законодательства мировой суд не совершил, жалоба осталась без удовлетворения в соответствии с законом.

Подобные ситуации на период вплоть до 2025 г. увеличиваются с неимоверной скоростью и создают препятствия в правильном правовом оформлении таких дел. Потеря виртуального игрового имущества в настоящее время возбуждается по нескольким статьям, например, ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ), хищение чужих игровых интерфейсов определяется как кража. Если пользователи теряли свое виртуальное имущество путем ложной информации, исходящей от их партнера по игре (ст. 159 УК РФ). Встречаются также случаи возбуждения уголовных дел по ст. 159.6 УК РФ, а именно мошенничество в сфере компьютерной информации. Хотя многие дела являются противоречивыми, так как всех признаков мошенничества в онлайн-играх не определялось. Такие противоречия можно обосновать отсутствием законодательного закрепления определения «виртуальное игровое имущество», а также его места в сфере объектов гражданского права, так как уголовные дела возбуждаются лишь по факту потраченных материальных средств за данное имущество, а не по хищению самой собственности.

Возникает вопрос, к каким нормативным источникам обращаться за определением виртуального игрового имущества. Существуют мнения о причислении имущества в онлайн-играх к праву собственности в гражданском праве по аналогии.

В зарубежной практике часто встречается такая аналогия, например, Верховный Суд Нидерландов посчитал по одному из дел о краже виртуальное игровое имущество наравне с материальным.

Существует также мнение, что виртуальное игровое имущество следует причислять к уже имеющимся объектам гражданского права, а именно к программам для ЭВМ. Однако данная позиция критикуется, так как нормы, закрепленные в ГК РФ, не могут распространяться на предоставление виртуального имущества для облегчения игрового процесса на виртуальной основе.

Следует отметить, что существует еще одна точка зрения. Она касается внесения изменений в ст. 128 ГК РФ, а именно дополнения в перечень объектов гражданских прав виртуального игрового имущества, также определения понятия «виртуальное игровое имущество» в ГК РФ, так как в соответствии со ст. 1236 ГК РФ пользователи, принимая лицензионные соглашения в игре, обладают правом только на имущество, приобретенное на реальные деньги, и могут им распоряжаться

на основании неисключительной лицензии, т. е. на внутри игровые ценности и сам аккаунт данные права пользователя не распространяются.

Изучая и анализируя данную проблематику, мы придерживаемся мнения о необходимости закрепления понятия в гражданском законодательстве виртуального игрового имущества и причислении его к объектам гражданских прав, что значительно облегчит вопросы как гражданского, так и уголовного законодательства, кроме того необходимо внесение в УК РФ норм, касающихся кражи виртуального игрового имущества, не связанного с мошенничеством.

Таким образом, мы видим необходимость закрепления понятия виртуального игрового имущества в ГК РФ и отражения его характерных черт, таких как нематериальность и неразрывность гражданских правоотношений вне игрового поля. Также имеется необходимость внесения в перечень объектов гражданских прав, что обеспечит защиту и охрану виртуальной собственности пользователей и их право на судебную защиту. Кроме того, внесение изменений в законодательство обеспечит уменьшение противоречий о квалификации в уголовном судопроизводстве по делам о хищении в виртуальном игровом пространстве.

УДК 342.9

В.Д. Левицкий, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ КРИПТОВАЛЮТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В условиях формирования новой цифровой экономической парадигмы наблюдается рост числа моделей генерирования доходов, которые, несмотря на существующий значительный правозащитный механизм государства, продолжают развиваться в плоскости противоправной деятельности.

С точки зрения законодательной доктрины, ключевым отличием легального бизнеса является его легитимный статус, который имеет своей основой автономию воли и действий как физических, так и юридических лиц. Данная деятельность инициируется и реализуется ими под персональной ответственностью, непосильно связана с полным принятием имущественных рисков и ориентирована на достижение основной цели – систематического извлечения прибыли.

Нормативное определение предпринимательства раскрывается в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Согласно ему под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная и рискованная деятельность, осуществляемая субъектами в гражданском обороте от собственного имени. Ее целевым ориентиром в первую очередь выступает регулярное получение прибыли от эксплуатации активов, реализации произведенной или приобретенной продукции, а также от оказания услуг или выполнения работ, предназначенных для последующей реализации третьим лицам и не используемых для собственного потребления.

В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» на территории нашего государства создана комплексная правовая база для регулирования отношений в сфере цифровых активов.

Противодействие теневому бизнесу выступает ключевым элементом в обеспечении принципов честной конкуренции, а также гарантии прав потребителей и формирования доходной части государственного бюджета.

В настоящее время ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность в сфере криптовалют закреплена в ст. 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП). Для привлечения лица к такому виду юридической ответственности следует грамотно квалифицировать деяния и определить состав правонарушения.

Так, объектом посягательства могут выступать как имущество, так и денежные средства.

Объективная сторона заключается в реализации запрещенной предпринимательской активности. Как правило, основными формами нарушений выступают посреднические услуги, т. е. выполнение действий по купле-продаже криптовалюты в интересах или за счет третьих лиц; использование нелегальных платформ, таких как совершение сделок на зарубежных биржах, не являющихся резидентами Парка высоких технологий, с последующей продажей активов, в том числе на белорусских площадках; систематичность и коммерческая направленность.

Субъект проступка – это физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, либо индивидуальный предприниматель. Субъективная сторона предполагает умышленную форму вины, так как лицо сознает запретный характер своих действий и целенаправленно стремится к извлечению дохода.

Анализ позволяет выделить направления, где риск блокировки счетов за нелегальный бизнес максимален. Такими рисками можно рассмотреть операции с криптовалютой, так как это наиболее регламентированная и проблемная зона. Законодательство Республики Беларусь

разрешает физическим лицам совершать операции с криптовалютой исключительно самостоятельно, в личных целях и только через резидентов Парка высоких технологий.

Следует отметить, что криптовалютные операции могут осуществляться резидентами Парка высоких технологий и в настоящее время предусмотрен специальный правовой режим для его участников парка, который включает покупку и продажу токенов, обмен криптовалютой, майнинг и стейкинг, разработку криптоплатформ.

Типичными случаями блокировок являются совершение операций по купле-продаже цифровых активов по поручению или за счет третьих лиц за вознаграждение, использование незарегистрированных зарубежных площадок, привлечение банковских платежных карточек третьих лиц для проведения операций.

Примером систематического посредничества можно привести следующее: так, гражданка С. из Бреста получала от неустановленного лица денежные средства на свои банковские карты, приобретала на них криптовалюту на платформе-резиденте Парка высоких технологий и переводила ее на указанный кошелек, получая вознаграждение. За короткий период ею было совершено 11 успешных сделок. Суд квалифицировал ее действия по ч. 3 ст. 13.3 КоАП, назначив штраф в 840 р. с конфискацией 50 % незаконного дохода (3 552,40 р.).

Приведем пример, который может быть наиболее распространенным фактом. Например, когда существует крупный оборот с привлечением другого лица: гражданин Б. из Гомеля осуществлял куплю-продажу криптовалюты, используя банковские карты своей супруги. Это было расценено как привлечение иного лица. Суд установил доход в размере 251 870,36 р. и назначил наказание по ч. 2 ст. 13.3 КоАП в виде штрафа в 10 базовых величин и конфискации 10 %.

Известно, что блокировка банковской карты – это лишь начальная стадия, за которой следуют более серьезные последствия.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод: для привлечения виновного лица к ответственности необходимо четко определить грань между обменом криптовалютой в личных целях и незаконной предпринимательской деятельностью. Несмотря на законность осуществления физическими лицами различных операций с криптовалютой, их совершение для других лиц (в том числе для друзей, родственников, знакомых) влечет административную ответственность. Белорусское законодательство предоставляет достаточный набор легальных инструментов для осуществления деятельности с криптовалютами, делая незаконные методы обхода закона экономически нецелесообразными и юридически рискованными.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА: ПОНЯТИЕ И ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Современное правовое государство базируется на принципах верховенства права, незыблемости прав и свобод человека, ценности правопорядка. Правовая культура, выступая индикатором правосознания общества, обеспечивает его функционирование. Актуальной научной проблемой является определение понятия правовой культуры, решению которой способствует исследование методологических подходов к пониманию правовой культуры.

Как отмечает И.А. Демидова, «в качестве базовой методологической установки в исследовании правовой культуры выступает методологический плюрализм как характерная черта современных научных изысканий». Исходя из этимологии понятия, правовую культуру можно считать частью общей культуры, что признает за ней фундаментальные основания в контексте развития человечества в целом. Право – неотъемлемый элемент современной культуры, который на разных этапах развития общества значительно влиял как на культуру, так и на общество. Данный тезис обосновывает культурологический подход, который рассматривает объект исследования как культурный феномен. Он позволяет сосредоточить внимание на духовных и общекультурных основаниях правовой культуры.

Существование культуры и общества невозможно без человеческой деятельности как средства достижения целей. Значит право и правовую культуру можно рассматривать с точки зрения деятельностного подхода. Стоит отметить, что понятие деятельности имеет обобщенный характер и охватывает всю глубину теоретического и практического опыта человечества. Такая позиция определяет правовую культуру как выражение государственно-правового опыта конкретных социальных общностей.

С точки зрения философского осмысления понятия права и правовой культуры можно истолковать как ценность. Правопорядок и регламентация жизни общества посредством права являются ценностями. К ценностным вопросам права и правовой культуры обращаются многие мыслители. Так, например, в диалоге «Государство» Платона обосновывается стремление к созданию идеального государства. В дальнейшем философы продолжили осмысление проблемы отношений человека, государства и права. Немецкий философ-классик И. Кант, обосновывая проблему свободы челове-

ка, создал категорический императив, где следование морали и правовым предписаниям есть свойство свободного человека, а следовательно – благо. Таким образом, правовую культуру сквозь призму ценностей, как предметных (регулирующих отношения с социальным миром), так и субъективных (регулирующих деятельность личности), рассматривает аксиологический подход. Ценности представлены в различных классификациях. По критерию сферы деятельности (эстетические, научные, религиозные) в том числе выделяют и юридические ценности. Так, в рамках естественно-правовой концепции право рассматривается как нравственное явление, и, таким образом, исходно признается абсолютной ценностью. С этих позиций все остальные ценности в правовой сфере считаются производными от него. В позитивистском правопонимании право отождествляется с законом, что обуславливает свою иерархию юридических ценностей, в основу которой положена значимость Основного Закона государства. В либертарно-юридической теории права в качестве основополагающих правовых ценностей определяются справедливость, равенство, свобода.

Следует отметить, что современная юридическая наука также выделяет следующие подходы к пониманию правовой культуры:

- антропологический (Г.Х. Ефремова, В.И. Каминская, С.А. Комаров);
- социологический (В.П. Казимирчук, В.В. Лазарев, Е.А. Певцова);
- генетический (А.М. Михайлов);
- исторический (В.Н. Карташов, М.Г. Баумова);
- информационно-семиотический (Е.В. Клейменова, К.А. Моралева);
- этический (В.Н. Карташов, М.Г. Баумова).

Использование различных подходов к пониманию правовой культуры позволяет мыслителям сформулировать ее определение. Авторский коллектив В.Н. Карташова и М.Г. Баумовой описывает понятие правовой культуры как «разновидность духовно-материальной культуры, которая представляет собой совокупность юридических ценностей, отражает качественное состояние правовой системы (степень совершенства и эффективности права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (ее идей, убеждений, знаний, установок, умений, навыков, действий и т. п.), обеспечивает юридическую коммуникативность, упорядоченность и управляемость общественных отношений (экономических, политических и др.), законность и правопорядок, прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества, отдельных индивидов, их коллективов, организаций, всего населения».

Как отмечает Г.М. Лановая, правовая культура (в широком смысле) представляет собой «качественное состояние правовой жизни общества на определенном этапе его исторического развития, характеристикой которого является достигнутый уровень развития действующего права, право-

отношений и правовых учреждений, а также особенности общественного правосознания». При этом правовая культура (в узком смысле) – это «уровень знания права и отношение к нему, выступающие результатом правового развития личности и определяющие характер ее правовой активности».

Представленные определения охватывают широкий круг аспектов правовой культуры, выявляют общие закономерности и признаки данного понятия.

Обобщая изложенное, мы приходим к выводу, что исследование и осмысление правовой культуры, границ ее понятия, подходов к рассмотрению – значимая проблема правовой науки по причине многокомпонентности и сложности. В настоящее время вопрос понимания правовой культуры не решен: ученые не пришли к единому мнению относительно определения данного понятия.

Анализ приведенных источников позволяет выделить девять подходов к пониманию правовой культуры: культурологический, деятельностный, аксиологический, антропологический, социологический, генетический, исторический, информационно-семиотический, этический. Культурологический подход, по нашему мнению, представляется наиболее продуктивным для понимания правовой культуры, так как он объединяет в себе элементы других подходов и широко раскрывает данное понятие.

Исследование основных определений позволяет заключить, что правовая культура представляет собой совокупность юридических ценностей, качественное состояние правовой системы, а также уровень правового развития индивидов, их коллективов и общества.

Правовая культура представляет собой многогранное и комплексное явление, которое требует анализа ее структурных элементов, системы и типологии, что выступает перспективными направлениями дальнейших правовых исследований.

УДК 349.2

Н.И. Лешко, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Труд представляет собой осознанную деятельность людей, нацеленную на производство как материальных, так и духовных ценностей. Данный процесс подразумевает мобилизацию физических и интеллекту-

альных ресурсов индивида для реализации конкретных задач. В рамках уголовно-исполнительной системы (УИС) Республики Беларусь данная деятельность приобретает многогранное функциональное значение.

Администрация исправительного учреждения обязана привлекать осужденных к общественно полезному труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности. Осужденные привлекаются к труду в исправительных учреждениях, в том числе к работам по хозяйственному обслуживанию, и в производственных мастерских внебюджетных подразделений исправительных учреждений или на предприятиях УИС, а также на иных предприятиях независимо от форм собственности, при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных. При привлечении осужденных к труду трудовой договор с ними не заключается. Эта правовая особенность проистекает из их специального статуса, находящегося под уголовно-исполнительным надзором, который коренным образом отличает их положение от свободных наемных работников. Таким образом, в пенитенциарных учреждениях трудовая активность выступает прежде всего формой исполнения уголовного наказания, а не частью стандартных правоотношений в сфере труда.

Основной организационной единицей в УИС является отряд – группа осужденных, для которой в учреждении определено относительно обособленное жизненное пространство (жилищно-бытовой комплекс с прилегающей территорией). Руководство каждым отрядом осуществляет специально выделенный для этого сотрудник учреждения УИС (начальник отряда), что обуславливает единство подходов в управлении данной группой осужденных, объединенных общей повседневной деятельностью, которая состоит в ежедневном выполнении требований установленного порядка отбывания наказания, участии в трудовой и иной общественно полезной деятельности, конструктивном проведении досуга.

Социальная и исправительная значимость труда в местах лишения свободы раскрывается через ряд ключевых аспектов, каждый из которых вносит вклад в процесс отбывания наказания и последующей реинтеграции.

Во-первых, труд служит мощным инструментом социальной адаптации, позволяя лицам, лишенным свободы, приобретать профессиональные компетенции, востребованные на рынке труда после освобождения. Систематическая занятость также позитивно влияет на поведенческие модели, способствуя переосмыслению жизненных ценностей и рефлексии относительно последствий противоправных действий.

Во-вторых, организация трудовой деятельности является важнейшим фактором поддержания внутреннего распорядка и дисциплины.

Она структурирует день осужденных, снижая риски возникновения конфликтов и правонарушений, а также выполняет психологическую функцию, отвлекая от деструктивных мыслей и способствуя формированию более стабильной обстановки.

В-третьих, труд предоставляет осужденным возможность заработка, который может быть направлен на личные нужды или поддержку семей. Законодательно гарантируется, что размер оплаты труда осужденных, отработавших месячную норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму выработки, не может быть ниже установленного законодательством размера оплаты труда за выполнение соответствующих работ. Это создает основу для финансовой самостоятельности и снижает уровень иждивенческих настроений.

В-четвертых, производственная деятельность в пенитенциарных учреждениях открывает доступ к получению новых знаний и квалификаций, что повышает конкурентоспособность на бирже труда после освобождения. Интеграция элементов профессионального обучения в трудовой процесс напрямую способствует их будущей карьерной траектории. Кроме того, результаты труда осужденных могут быть направлены на модернизацию инфраструктуры и обеспечение бесперебойного функционирования исправительных колоний.

В целях модернизации системы в Республике Беларусь предлагаются инновационные подходы, нацеленные на повышение значимости, продуктивности и индивидуальной ориентированности трудовой деятельности осужденных для их успешной ресоциализации.

1. Персонализированные программы трудовой реабилитации с использованием искусственного интеллекта.

Суть: создание индивидуальных траекторий трудовой реабилитации для каждого осужденного с применением технологий искусственного интеллекта.

Механизм реализации: специализированная система на основе ИИ проводит анализ массива данных, включающего информацию об образовании, профессиональных навыках, интересах, психологических особенностях и потребностях осужденного, а также актуальные запросы рынка труда. На основе этого анализа формируется персональный план обучения, переквалификации и трудоустройства. В динамике система отслеживает прогресс, корректирует программу и предоставляет персонализированную обратную связь.

Ожидаемый эффект: рост мотивации осужденных за счет учета их индивидуальных склонностей, формирование актуальных профессиональных навыков и повышение вероятности трудоустройства после освобождения.

Таким образом, организация трудовой деятельности в УИС Республики Беларусь является важным элементом ресоциализации осужденных, однако существует потенциал для ее дальнейшего развития. Несмотря на существующие программы и усилия, часто наблюдается недостаточная ориентированность на индивидуальные потребности осужденных, ограниченный выбор трудовых занятий и не всегда эффективные механизмы мотивации. Для повышения результативности необходимо внедрение инновационных подходов, таких как персонализированные программы трудовой реабилитации с использованием искусственного интеллекта, VR-тренинги для развития навыков, блокчейн-платформы для подтверждения компетенций и привлечение общественности через краудсорсинг. Только комплексный подход, ориентированный на развитие полезных навыков, повышение мотивации и создание благоприятной среды, позволит эффективно использовать трудовую деятельность как инструмент ресоциализации и снижения рецидива в Республике Беларусь.

УДК 342.98

Ю.А. Лыкова, курсант Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Анализ деятельности подразделений по делам несовершеннолетних

Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел обладают определенными полномочиями, направленными на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. Важной частью их работы является выявление и анализ причин и условий совершения преступлений и правонарушений детьми и подростками, что требует комплексного подхода и взаимодействия с другими правоохранительными органами и субъектами профилактики. Инспектор по делам несовершеннолетних (ПДН) часто выступает в роли связующего звена между государством и семьями, нуждающимися в помощи и поддержке.

Ключевым аспектом работы подразделений по делам несовершеннолетних является проведение индивидуальной профилактической работы и контроль за поведением несовершеннолетних, имеющих про-

блемы с законом или находящимися в группе риска. Инспектор ПНД обязан вести учет преступлений, правонарушений и антиобщественных действий, совершенных несовершеннолетними, что позволяет не только анализировать и прогнозировать свою деятельность, но и реагировать на изменения социально-экономической обстановки в обществе, что необходимо при планировании работы с подростком.

Важной функцией подразделений по делам несовершеннолетних является работа с неблагополучными семьями и семьями, в которых находятся несовершеннолетние правонарушители. Поддержка и консультации с их стороны помогают родителям справиться с возникшими трудностями и выработать подходы к улучшению семейного климата. Подобные меры считаются эффективными как для предотвращения повторных правонарушений, так и для социальной адаптации подростков.

К сожалению, есть ряд сложностей, с которыми в своей деятельности сталкиваются подразделения по делам несовершеннолетних, – ограниченные ресурсы, недостаток кадров и нехватка времени. Указанное часто существенно влияет на качество выполнения задач. Современные технологии, такие как Интернет и социальные сети, порождают новые формы нарушений закона со стороны молодежи, что ставит перед подразделениями по делам несовершеннолетних дополнительные задачи по информированию подростков и их семей безопасному поведению в цифровом пространстве.

Работа подразделений по делам несовершеннолетних должна ориентироваться на принципы защиты и реабилитации, а не мер наказания. Основной акцент необходимо делать на восстановление социальной справедливости и поддержку семьи. Формирование благоприятной социальной среды, где несовершеннолетние чувствуют себя защищенными и поддержку, может оказать положительное влияние на их поведение и признание ответственности за свои поступки. Необходимо понимать, что нарушение закона несовершеннолетними может быть предотвращено лишь путем взаимодействия всех заинтересованных в этом органов.

Таким образом, успех работы подразделений по делам несовершеннолетних зависит не только от законодательных и административных полномочий, но и от их способности интегрировать усилия всех заинтересованных сторон для создания безопасной и поддерживающей среды для подрастающего поколения. Важно не просто выявлять и наказывать правонарушителей, а осознанно работать над изменением социального поведения и последствий, вызывающих рискованные ситуации для детей и подростков.

Основные проблемы и трудности работы инспектора по делам несовершеннолетних

В своей служебной деятельности инспектор ПДН сталкивается с многими проблемами и трудностями, такими как взаимодействие с несовершеннолетними и их родителями (законными представителями), и другими институтами общества. Важной проблемой является недостаточная подготовка специалистов. Многие сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних не имеют необходимого образования или опыта работы в сфере детской психологии. Это затрудняет их взаимодействие с несовершеннолетними и приводит к тому, что они не всегда способны распознать поводы для вмешательства или оказать необходимую помощь.

Второй аспект – высокие служебные нагрузки, возложенные на сотрудника. Инспектор ПДН вынужден работать с большим количеством дел одновременно, что негативно влияет на качество выполнения его обязанностей. А ведь профилактика правонарушений требует индивидуального подхода и тщательного анализа каждой ситуации, однако при высокой загруженности инспектор не может уделить достаточное внимание каждому ребенку. Это приводит к тому, что проблемы остаются нерешенными, и ситуация с правонарушениями среди несовершеннолетних лишь усугубляется.

Третий аспект – недостаточное взаимодействие и координация работы разных служб, призванных заниматься вопросами профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Это может приводить к утрате важной информации, что, в свою очередь, затрудняет проведение срочных необходимых мер.

Нельзя упускать из виду то, что работа с несовершеннолетними правонарушителями требует от сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних большого эмоционального напряжения. Инспектор ПДН часто сталкивается с трудными жизненными ситуациями в семьях, в которых находятся дети, начиная от неблагополучия до психологических проблем. Со временем происходит так называемое профессиональное выгорание, если сотрудник не получает достаточной поддержки и ресурсов для работы со своим эмоциональным состоянием, что оказывает большое значение на качество выполнения служебных обязанностей. Вдобавок ко всему инспекторы ПДН, как представители правоохранительных органов, часто оказываются объектом критики и негатива со стороны родителей (законных представителей) несовершеннолетних. Это приводит к стрессу и влияет на уровень профессиональной устойчивости. Служебная деятельность инспектора ПДН требует от него не только знаний норм закона, но и психологической гибкости. Стандарт-

ные приемы невозможно применить к каждому случаю, так как несовершеннолетние, оказавшиеся в сложной ситуации, могут вести себя по-разному, как агрессивно, так и замкнуто. Если у инспектора ПДН не хватает навыков коммуникации, это может привести к отрицательному результату: вместо того чтобы наладить контакт и помочь несовершеннолетнему, сотрудник лишь усугубит его психоэмоциональное состояние.

Проблемы, с которыми сталкиваются в своей служебной деятельности сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, разнообразны и требуют обращения к различным аспектам работы. Необходимо проводить анализ, на основе которого следует разрабатывать практические рекомендации и внедрять инновационные подходы к работе с детьми. Повышение квалификации инспекторов ПДН и улучшение качества коммуникации играют важную роль в создании более благоприятной среды для профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и помощи детям.

УДК 378.634:159.9

А.Э. Мартынюк, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Служебная деятельность в органах внутренних дел Республики Беларусь требует от сотрудников не только высокого уровня профессиональной подготовки, но и наличия устойчивых личностных качеств, психологической устойчивости и физической выносливости. В связи с этим адаптация курсантов к условиям обучения в ведомственных вузах приобретает особую значимость. Целью настоящего исследования стало изучение степени адаптированности первокурсников к учебно-служебной деятельности в первые два месяца их пребывания в Академии МВД.

Адаптация курсантов в условиях системы МВД представляет собой многоуровневый процесс, включающий в себя перестройку психических процессов, изменение поведенческих стратегий, формирование новых установок и освоение специфических навыков. Адаптивность как характеристика личности отражает ее способность к восприятию и интеграции новых условий, что является ключевым фактором успешного прохождения адаптационного этапа.

По мнению Е.М. Земцовой, сложность адаптационного процесса в вузах МВД обусловлена одновременным воздействием на личность курсантов нескольких форм адаптации:

социально-психологической, связанной с включением в коллектив;
психофизиологической, отражающей реакцию организма на новые нагрузки;

профессиональной, связанной с освоением специфики будущей службы.

Н.Н. Ивашко рассматривает адаптацию как результат взаимодействия личности с образовательной средой, в ходе которого происходит интериоризация норм, правил и ожиданий, а также переход от актуального уровня развития к потенциальному, что можно рассматривать как микроэтап личностного роста.

П.Ю. Аксёнова трактует адаптацию курсантов как процесс установления активного и гармоничного взаимодействия с образовательной средой, включающий когнитивные, эмоциональные, мотивационные и поведенческие компоненты. При этом адаптивность выступает как интегративное качество, обеспечивающее успешность адаптационного процесса.

М.А. Шелепова определяет адаптацию курсантов в вузе МВД как формирование моделей поведения и взаимодействия, соответствующих новым условиям, в которых оказывается личность.

В научной литературе представлены различные уровни адаптации. Так, Н.Н. Ивашко выделяет три основных уровня:

дезадаптация – выраженные трудности в освоении новых условий;

удовлетворительная адаптация – частичное принятие требований среды;

успешная адаптация – полное включение в учебно-служебную деятельность.

П.Ю. Аксёнова предлагает типологию адаптивности курсантов:

оптимальный уровень – высокая степень включенности;

потенциальный уровень – наличие предпосылок к успешной адаптации;

репродуктивный уровень – адаптация за счет повторения внешних моделей;

дезадаптивный уровень – отсутствие продуктивного взаимодействия с окружающей средой.

Системный подход, предложенный М.А. Шелеповой, позволяет выделить две группы факторов, влияющих на адаптацию:

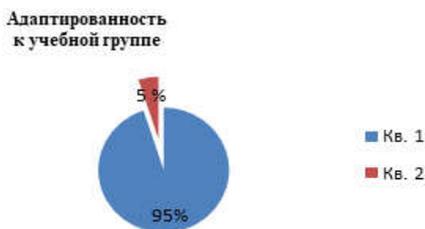
субъективные – индивидуальные особенности личности;

объективные – внешние условия, включая организацию учебного процесса, содержание дисциплин, стиль преподавания и межличностные отношения.

На начальном этапе исследования была проведена диагностика социально-психологической и учебной адаптации курсантов первого курса факультета милиции общественной безопасности Академии МВД. Использовалась методика Т.Д. Дубовицкой «Адаптированность студентов в вузе», охватившая 20 человек. Методика направлена на выявление обучающихся, испытывающих трудности в адаптации к учебной группе и образовательной деятельности.

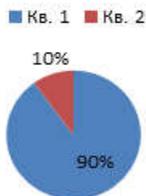
Результаты тестирования показали, что 95 % курсантов продемонстрировали высокий уровень адаптированности к учебной группе. Это свидетельствует о том, что большинство первокурсников чувствуют себя комфортно в коллективе, легко устанавливают контакт с однокурсниками, следуют установленным нормам и правилам.

Оставшиеся 5 % показали низкий уровень адаптации, что указывает на наличие трудностей в межличностном взаимодействии. Такие курсанты, как правило, демонстрируют замкнутость, избегают активного участия в жизни группы, проявляют сдержанность в общении.

Анализ адаптированности к учебной деятельности показал, что 90 % курсантов успешно осваивают учебные дисциплины, своевременно выполняют задания и проявляют активность на занятиях. У 10 % выявлены затруднения в освоении учебного материала, сложности при выполнении заданий и выступлениях перед аудиторией.

Адаптированность к учебной деятельности

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о высоком уровне адаптации курсантов к началу учебного года. Это объясняется тем, что большинство из них заранее осознали выбор профессии, ознакоми-

лись с ее особенностями, приняли ее требования и мотивированы на успешное обучение.

Для повышения уровня адаптированности курсантов, испытывающих трудности, целесообразно усилить контроль за качеством самостоятельной подготовки, активизировать индивидуальное консультирование, а также рассмотреть результаты диагностики на заседаниях коллегияльных органов факультета. Необходимы корректирующие меры, направленные на развитие социально-психологической адаптации, особенно в части межличностного взаимодействия.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение профессиональной адаптации курсантов, включая анализ их включенности в служебную деятельность, освоение профессиональных ролей и формирование профессиональной идентичности.

УДК 349.2:331.109.3

В.В. Маслов, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ЗАБАСТОВКА КАК МЕТОД РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ТРУДОВОГО СПОРА

Согласно действующему законодательству (ст. 388 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)) под забастовкой понимается временный добровольный отказ работников от выполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора. В Республике Беларусь право на забастовку имеет конституционную основу, однако его реализация сопряжена с рядом законодательных ограничений и практических сложностей.

Так, ст. 41 Конституции Республики Беларусь гарантирует право на защиту своих экономических и социальных интересов, а сам порядок разрешения коллективных трудовых споров реализуется с помощью Закона Республики Беларусь от 14 декабря 2000 г. № 419-З «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» (далее – Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров»), который определяет, какие разногласия считаются коллективными трудовыми спорами и указывает на то, кто может быть стороной спора: работники (через представителей) и работодатели (наниматели). При этом Закон Республики Беларусь от 30 декабря 1997 г. № 144-З «О массовых мероприятиях» определяет, кто может быть организатором, какие требования предъявляются к уведомлению (или разрешению) на проведение мероприятия,

сроки подачи уведомления и перечень необходимых документов. Эти законы являются основными нормативными правовыми актами, регулирующими порядок организации и проведения забастовок.

Так, Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» регулирует порядок организации и проведения забастовок. Он определяет понятия «коллективный трудовой спор», «забастовка», устанавливает требования к процедуре выдвижения требований, проведения примирительных процедур, принятия решения о забастовке и ее проведения.

Вопросы конкретного правового обеспечения разрешения коллективных трудовых споров регулируется нормами гл. 36 ТК, в которой, несмотря на то, что забастовка является крайней мерой разрешения коллективного трудового спора, который не был разрешен путем примирительных процедур, устанавливается определенная процедура организации и прохождения забастовок.

Так, согласно ст. 379 ТК требования работников должны быть сформулированы в письменной форме и переданы работодателю. При этом до принятия решения о забастовке необходимо выполнить определенные процедуры, включая рассмотрение спора примирительной комиссией и (или) посредником (ст. 380 ТК). Решение о проведении забастовки принимается на собрании (конференции) работников тайным голосованием и считается принятым, если за него проголосовало не менее половины работников (делегатов конференции). О предстоящей забастовке работодатель должен быть предупрежден в письменной форме не позднее, чем за две недели. Законом предусмотрено, что в период забастовки должен быть обеспечен минимум необходимых работ (услуг), обеспечивающих безопасность жизни и здоровья людей, а также функционирование жизненно важных объектов. Одновременно законодатель устанавливает ограничения на проведение забастовок для отдельных категорий работников.

Так, согласно Закону «О порядке разрешения коллективных трудовых споров» работникам транспорта, связи, энергетики, здравоохранения забастовки запрещены, если они создают угрозу национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения. Забастовка может быть признана судом незаконной в случае нарушения установленного порядка ее проведения.

Если рассматривать ограничения забастовок в уголовно-исполнительной системе, то в соответствии со ст. 98 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь, предусматривающей, что в обязанности осужденных входит обязанность трудиться в соответствии с установленным порядком, отказ от работы может быть квалифицирован как злостное нарушение установленного порядка, а в сфере правоохранительной деятельности (ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г.

№ 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь») предусмотрено, что в отношении лиц, выполняющих общественные работы, а именно в случае их уклонения от общественных работ или совершенных иных правонарушений в процессе их выполнения, могут быть привлечены к уголовной ответственности, так как согласно ст. 415 Уголовного кодекса Республики Беларусь эти действия рассматриваются как злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что существование несколько сложной и забюрократизированной процедуры организации и проведения забастовки создает препятствия для реализации права работников на проведение забастовок, так как имеется широкий перечень ограничений и запретов на проведение забастовок, что несколько ограничивает возможности работников по защите своих трудовых прав. Также присутствует недостаточная информированность работников о своих правах и порядке проведения забастовок. В целом право на забастовку является важным элементом системы защиты трудовых прав работников. И хотя для некоторых категорий работников они разрешены законом, а для некоторых вообще не предусмотрены (лица, отбывающие наказания), ощущается потребность дальнейшего совершенствования действующего законодательства и практики его применения для обеспечения эффективной защиты трудовых прав работников.

Подводя итог, можно отметить, что институт забастовки в Республике Беларусь имеет потенциал стать эффективным инструментом защиты коллектива работников, однако для реализации требуется дальнейшая либерализация и гуманизация трудового законодательства, повышения уровня развития гражданского общества. Только при условии реального функционирования механизма забастовки как крайней меры разрешения трудовых споров можно полностью рассчитывать на защиту интересов работников и гармонизацию трудовых отношений в стране.

УДК 347.78

О.А. Мельниченко, курсант следственного факультета Омской академии МВД России

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА АВТОРОМ СОЗДАННОГО ИМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА

Мир постоянно меняется, реальность не перестает нас удивлять изобретениями, а конкретнее – современными технологиями, которые используются нами повсеместно для выполнения повседневных задач.

В настоящее время люди в своей жизнедеятельности все больше используют достижения современной науки, а конкретнее – современные технологии, для выполнения самых простых задач, например, от связи на расстоянии с необходимым человеком и поиском информации о погоде на будущую неделю до определения тенденций на рынке и многого другого, что нужно в конкретный момент. И можно с уверенностью сказать, что, даже достигнув нынешних высот, современные технологии или же люди, которые способствуют их созданию, не собираются останавливаться и постоянно совершенствуются. Возможно, вскоре у человека не будет необходимости использовать свои интеллектуальные способности, кроме как в попытке создать наиболее точный запрос для особого помощника, способного применить все имеющиеся в информационной среде знания для разрешения любой возникшей проблемы, – искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект – инновационная технология, моделирующая деятельность человеческого мозга, способная писать стихи, создавать рисунки, писать программы и т. д. Данная технология может применяться повсеместно при наличии необходимого технологического и технического оборудования. Следовательно, чтобы искусственный интеллект мог быть частью человеческой деятельности, нужно создание правового регулирования общественных отношений, связанных с искусственным интеллектом, и определение его роли и положения в этих общественных отношениях. Последнее положение становится все более актуальной проблемой в правовом регулировании вопросов, связанных с искусственным интеллектом.

Правовым регулированием самого существования искусственного интеллекта на настоящий момент занимается лишь некоторые страны. Различные государства принимают свои стратегии правового регулирования, в то же время все они имеют общие подходы и принципы применения. Основными государствами и территориями, где стабильно развивается правовое поле в области искусственного интеллекта, стали Европейский союз, Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика. Хотя подход к правовому регулированию довольно сильно различается и находится на разной стадии развития, можно сделать вывод, что каждая из перечисленных выше стран тяготеет к закреплению и защите прав человека во взаимоотношении с искусственным интеллектом, главенстве человека над искусственным интеллектом.

Учитывая появление связанных с искусственным интеллектом вопросов, например, об авторском праве на произведения искусства, созданные искусственным интеллектом, рассмотрим вопрос о расширении

круга субъектов гражданского права, адаптации действующего законодательства к цифровой реальности.

Субъект гражданского права – это лицо, участвующее в регламентированных законодательством гражданских правоотношениях, имеющее в рамках данных отношений права и обязанности, реализующие юридически значимые интересы и несущие юридическую ответственность.

Для совершенствования законодательства, применяемого в отношении искусственного интеллекта, отдельными авторами предлагается использовать термин «электронное лицо». Ими рассматривается возможность наделения искусственного интеллекта полной правосубъектностью при введении термина «электронное лицо».

Стоит отметить, что искусственный интеллект обладает свойствами, ведущими к проявлению правового поведения, и, как следствие, возможности быть носителем правосубъектности, такими как:

- способность распознать и оценить окружающую среду, квалифицировать обстоятельства окружающей среды;
- способность принимать решения, выбирать вариант поведения;
- адаптивность, самообучение и самоорганизация;
- способность совершать юридически значимые действия.

Вместе с тем в науке гражданского права отмечается, что искусственный интеллект способен лишь к имитации человеческих качеств, вследствие чего его правосубъектность не может выделяться по критериям, которые лежат в правосубъектности физических лиц.

Данная позиция нам видится верной, поскольку искусственный интеллект, по крайней мере на современном этапе своего развития, не обладает всеми признаками, необходимыми для полноценного субъекта гражданских правоотношений. В частности, искусственный интеллект способен к созданию оригинальных произведений, но не обладает деликтоспособностью, поскольку одним из элементов юридической ответственности лица является психическое отношение субъекта к совершенному деянию (вина), которую искусственный интеллект не может испытывать.

Ввиду этого считаем, что искусственный интеллект может признаваться автором произведений искусства, но не может нести гражданско-правовую ответственность в случае причинения вреда, например, при нарушении авторских прав.

Однако следует отметить, что лицо, эксплуатирующее искусственный интеллект, может быть также невиновным в нарушении авторских прав, допущенных искусственным интеллектом. Для решения обозначенной проблемы считаем необходимым рассматривать искусственный интеллект в качестве источника повышенной опасности. Данный под-

ход может найти обоснование в связи с тем, что искусственный интеллект не поддается полному контролю со стороны человека, и, как следствие, поэтому велика вероятность причинения вреда.

Вследствие чего для нас представляется возможность заключить, что искусственный интеллект можно считать источником повышенной опасности. Таким образом, человек, владеющий искусственным интеллектом, будет нести юридическую ответственность за результат деятельности искусственного интеллекта как источника повышенной опасности.

Таким образом, можем подытожить, что для целей совершенствования законодательства, в частности права интеллектуальной собственности, следует рассмотреть вопрос о введении в гражданское законодательство термина «электронное лицо», которое будет признаваться автором (соавтором) созданных им произведений искусства, но ответственность за вред, причиненный им, как источником повышенной опасности, будет нести лицо, владеющее данным искусственным интеллектом.

УДК 366.542

В.С. Нагорный, студент факультета экономики и права Гомельского филиала Международного университета «МИТСО»

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ОПЛАТЫ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) ПОТРЕБИТЕЛЕМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Оплата товаров (работ, услуг) в Республике Беларусь является важной составляющей гражданско-правового оборота, обеспечивающей защиту интересов как продавцов (исполнителей), так и потребителей. В современных условиях развития экономики и цифровизации платежных систем особое значение приобретает четкое законодательное закрепление порядка расчетов, позволяющее избежать споров, повысить прозрачность и эффективность хозяйственных отношений.

Одним из ключевых аспектов такого регулирования является установление форм оплаты, которые в Республике Беларусь могут осуществляться в двух основных формах – наличной и безналичной.

Законодательство Республики Беларусь определяет за потребителем право выбора формы оплаты товаров (работ, услуг), что является важным принципом, направленным на защиту его интересов и создание условий для свободного волеизъявления при совершении сделок.

В частности, в соответствии с частью второй ст. 9¹ Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП) продавец обязан предоставить потребителю право выбора формы оплаты товаров.

В последнее время в Республике Беларусь отмечается постепенный рост использования безналичных расчетов, чему способствуют развитие банковской инфраструктуры и популяризация электронных платежей.

По данным Национального банка Республики Беларусь, объем безналичных платежей в Беларуси в 2024 г. увеличился почти вдвое по сравнению с 2023 г. и составил 2 трлн р. Только 4,3 % всех операций с картами были связаны с наличными деньгами. С 2020 г. доля таких операций уменьшилась в два раза. При этом в денежном выражении доля наличных все же остается значительной – чуть менее 29 %. В связи с этим можно отметить все больший рост интереса государственных органов в сторону безналичного способа оплаты. Например, Министерством антимонопольного регулирования и торговли был разработан проект Закона Республики Беларусь «Об изменении Закона Республики Беларусь „О защите прав потребителей“», который с 31 октября по 10 ноября 2023 г. был вынесен на общественное обсуждение.

По результатам обсуждения поступило порядка 107 замечаний и предложений, большинство из которых касались форм расчетов и определением места приобретения товаров при интернет-торговле, осуществлением расчетов с потребителем при возврате им продавцу товара ненадлежащего качества. Это показывает, что общество не готово к полному переходу к безналичным расчетам при оплате товаров (работ, услуг) в глобальной компьютерной сети Интернет.

Действующая редакция части второй ст. 9¹ Закона о ЗПП содержит оговорку о случаях, когда законодательство либо позволяет продавцу не принимать безналичные платежи, либо обязывает его принимать только наличные. Данная раздвоенность создает неясность и потенциально допускает чрезмерное ограничение права потребителя на выбор формы оплаты.

Ввиду этого может возникнуть ситуация, когда потребитель вынужден соглашаться на наличный расчет, даже если он предпочитает безналичный, из-за отсутствия альтернатив. Это приводит к неравенству сторон, ограничивает свободу выбора и создает условия для уклонения от налогообложения.

Следует обратиться к опыту Российской Федерации, регулирующей формы и порядок оплаты товаров (работ, услуг). В отличие от диспозиции ст. 9 Закона о ЗПП, Российская Федерация демонстрирует более гибкий подход, при котором допускается регулирование технических

условий и инфраструктурных ограничений без прямого ограничения права потребителя на выбор формы оплаты.

Согласно ч. 3 п. 1 ст. 16.1 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», если место оплаты товаров (работ, услуг) находится в месте, где не предоставляются услуги доступа к подвижной радиотелефонной связи и (или) средствам коллективного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, продавец (исполнитель) освобождается от обязанности обеспечить в этом месте возможность оплаты товаров (работ, услуг) с использованием национальных платежных инструментов.

Опираясь на это, предлагается исключить из части второй ст. 9¹ Закона о ЗПП положение, обязывающее продавца принимать расчеты исключительно в наличной или безналичной форме, и заменить их более универсальной формулировкой, отражающей возможность законодательного регулирования технических и организационных условий проведения расчетов без ограничения права потребителя на выбор формы оплаты.

В связи с этим следует изложить часть вторую ст. 9¹ Закона о ЗПП в следующей редакции:

«2. Продавец (исполнитель) обязан предоставить потребителю право выбора формы оплаты товаров (работ, услуг). Законодательство Республики Беларусь устанавливает порядок и технические условия проведения расчетов за товары (работы, услуги), учитывая особенности места и способа приобретения, при этом не ограничивая право потребителя самостоятельно выбирать форму оплаты – наличную или безналичную – в пределах, обеспечивающих удобство, безопасность и доступность расчетов для всех участников сделки».

В то же время нельзя не указать на то, что в законодательстве не установлена обязанность продавца предоставлять потребителю возможность оплачивать приобретенный товар с использованием смешанной формы оплаты, т. е. частично наличными денежными средствами, а частично – банковской платежной карточкой. Исходя из этого, отказ продавца принимать оплату в такой форме признается законным.

Тогда возникает вопрос. Что следует предпринять потребителю в случае недостаточности денежных средств на банковской платежной карточке для полной оплаты приобретаемого товара, учитывая несогласие продавца принимать смешанную форму оплаты? Поэтому наступает необходимость законодательного закрепления смешанной формы оплаты товаров (работ, услуг), при которой часть стоимости оплачивается наличными денежными средствами, а часть – с использованием банковской платежной карточки, представляет собой актуальную и обоснован-

ную меру, направленную на повышение гибкости и удобства расчетов для потребителей.

С технической точки зрения, возможность реализации смешанной формы оплаты напрямую связана с функционалом платежных терминалов. Оборудование может не поддерживать проведение одной операции с несколькими способами оплаты. В таких случаях возможны следующие варианты реализации: разделение платежа на две последовательные операции (одна – наличными, вторая – безналичным платежом) с выдачей двух чеков, где на первом указывается способ расчета «предоплата», а на втором – «полный расчет» за вычетом внесенной предоплаты. Либо проведение оплаты в смешанном формате в рамках одного чека при наличии соответствующего программного обеспечения и аппаратных возможностей.

Тем самым видится целесообразным внести изменения в часть первую ст. 9¹ Закона о ЗПП, а именно дополнить ее положением о возможности смешанной оплаты в следующем содержании:

«1. Расчеты по оплате товаров (работ, услуг) осуществляются в наличной или безналичной, либо в смешанной форме».

Резюмируя вышеупомянутое, можно констатировать, что современное законодательство Республики Беларусь в сфере оплаты товаров потребителем нуждается в совершенствовании для устранения существующих противоречий и неопределенностей, обеспечивающих равные и гибкие условия расчетов.

УДК 342.9

В.Г. Нашиванов, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЕ ЛИЦО КАК СУБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Становление и развитие административной ответственности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, неразрывно связано с развитием института административной ответственности на территории современной Беларуси.

В науке административного права становление административной ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответ-

ственности связывают с принятием в 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судами (далее – Устав о наказаниях). Несмотря на тот факт, что в правовых актах того времени еще не существовало разграничения уголовной и административной ответственности как таковых, первым нормативным правовым актом, регулирующим ответственность лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, на территории современной Беларуси стал Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. (далее – Статут ВКЛ). Артикул 11 Статута ВКЛ предусматривал, что лица, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, не подлежат какому-либо виду ответственности, но в случаях неоднократных совершенных правонарушений могут быть подвергнуты наказаниям. Положения Статута ВКЛ на территории белорусских земель применялись даже после их вхождения в состав Российской империи вплоть до 1840 г.

После принятия в 1864 г. Устава о наказаниях возрастной порог, по достижению которого лицо могло быть привлечено к административной ответственности, был существенно снижен: к административной ответственности привлекались лица, которые на момент совершения противоправного деяния достигли 10-летнего возраста. Однако законодательством предусматривалась возможность освобождения Мировым судьей лица, не достигшего 14 лет, от наказания с передачей его опекунам, родителям либо родственникам «для домашнего исправления». Были также изменены и правила определения размера назначаемого наказания на несовершеннолетних лиц. Согласно п. 11 Устава о наказаниях лицам в возрасте от 10 до 17 лет наказание назначалось лишь в половинном размере, предусмотренном Уставом о наказаниях.

Таким образом, с 1864 г. возрастной порог привлечения к административной ответственности был снижен до 10 лет, что, безусловно, свидетельствует о повышении строгости деликтного законодательства того времени. Вместе с тем закреплялся дифференцированный подход к назначению наказания в зависимости от возраста правонарушителя с возможностью освобождения малолетнего лица от наказания.

Следующие изменения правового статуса несовершеннолетнего, как субъекта административной ответственности, связаны с принятием Декрета СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» (далее – Декрет), который предусматривал создание специальных комиссий для рассмотрения всех дел, связанных с совершением несовершеннолетними противоправных деяний.

Основная идея Декрета заключалась в исправлении лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, мерами воспитательного воздей-

ствия. Изначально под действие комиссии попадали лица, совершившие противоправные деяния в возрасте до 17 лет, но после принятия 4 марта 1920 г. Декрета СНК РСФСР «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях», возраст был повышен до семнадцати лет. Следует отметить, что повышения минимального возрастного порога для привлечения к административной ответственности не произошло. Чуть позже, в 1920 г., была разработана «Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних», содержащая перечень мер медико-педагогического характера, которые могли применяться к несовершеннолетним правонарушителям в целях их перевоспитания.

Следующие изменения правового регулирования ответственности несовершеннолетних произошли в 1984 г. и связаны с принятием Кодекса Белорусской ССР об административных правонарушениях (КоАП БССР). В качестве основных изменений следует отметить поднятие минимального возраста, по достижению которого наступает административная ответственность до 16 лет, и изменения порядка привлечения к административной ответственности и размера наказания, налагаемого на несовершеннолетнего правонарушителя. По общим правилам, к несовершеннолетним правонарушителям должны были применяться меры, предусмотренные Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденным Президиумом Верховного Совета Республики Беларусь. Однако в ч. 2, 3 ст. 13 КоАП БССР предусматривались случаи, когда несовершеннолетние подлежали ответственности на общих основаниях, а наказание налагалось в полном объеме.

В этот период законодательно была закреплена обязанность при рассмотрении дела об административном правонарушении и назначении наказания учитывать личность несовершеннолетнего правонарушителя и характер совершенного им правонарушения. В то время как сам факт совершения несовершеннолетним лицом административного правонарушения был отнесен к обстоятельствам, смягчающим административную ответственность.

После принятия в 2003 г. КоАП Республики Беларусь произошли незначительные изменения относительно возраста, по достижении которого лицо могло быть привлечено к административной ответственности: за отдельные правонарушения административная ответственность наступала с 14 лет.

На современном этапе в административном законодательстве Республики Беларусь установлен перечень мер воспитательного воздействия, направленных на воспитание несовершеннолетнего лица, совершившего административное правонарушение. Следует отметить, что подобные

меры являются современной адаптацией и развитием ранее применяемых в отношении несовершеннолетних мер воздействия.

Таким образом, становится очевидным, что на протяжении всего периода развития института административной ответственности наблюдается постоянно нарастающая тенденция к учету индивидуальных возрастных особенностей личности при установлении ответственности, внедрению в законодательство и правоприменительную практику идей для перевоспитания несовершеннолетнего правонарушителя, «возвращения его в общество» при непосредственной помощи и поддержке общественных институтов.

УДК 34.096

Е.А. Немытьков, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Актуальным вопросом в сфере регулирования применения и использования оружия является разграничение этих двух понятий в контексте ст. 29 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД). Содержательное отличие между использованием, направленным на воздействие на предметы или животных, и применением, предполагающим причинение вреда человеку, имеет важное значение с точки зрения юридических последствий. Однако представляет интерес и ретроспективный анализ законодательства о применении оружия, который, возможно, позволит под иным углом взглянуть на рассматриваемую проблему. Полагаем целесообразным установить логику отступления от традиции употребления в нормативных правовых актах определения «применение оружия» и дальнейшем движении в сторону разделения категорий «применение оружия» и «использование оружия».

Исторически истоки правового регулирования применения оружия сотрудниками органов внутренних дел на белорусских землях в составе Российской империи уходят во вторую половину XIX в., когда в Российской империи полицейских начали вооружать огнестрельным оружием.

Это обусловило принятие 10 октября 1879 г. Положения «О правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия». Примечательно, что в правовом акте юридические конструкции «применение оружия» и «использование оружия» не использовались. Вместо них законодатель оперировал юридической конструкцией «употребление в дело оружия». Положение регламентировало порядок употребления полицейскими в дело оружия при отправлении служебных обязанностей при следующих обстоятельствах:

- 1) для отражения всякого вооруженного нападения;
- 2) для отражения нападения хотя бы и невооруженного, но сделанного несколькими лицами или даже одним лицом, но при таких обстоятельствах или условиях, когда никакое иное средство защиты не было возможно;
- 3) для обороны других лиц от застигнутого полицейским или жандармским чином нападения, угрожающего жизни, здоровью или неприкосновенности других лиц;
- 4) при задержании преступника, когда он будет препятствовать этому указанными выше насильственными действиями (п. 1 и 2), или когда невозможно будет преследовать или настичь убегающего;
- 5) при преследовании арестанта, бежавшего из тюрьмы или из-под стражи, когда невозможно настичь его или когда он противится задержанию предусмотренными выше насильственными действиями.

Установленный порядок употребления в дело оружия без существенных изменений просуществовал вплоть до 1917 г. В условиях продолжающегося строительства белорусской государственности был введен запрет на ссылки в приговорах и решениях на «законы свергнутых правительств». В условиях создавшегося правового вакуума органы власти, дознания и следствия на местах были вынуждены сами регламентировать свою правоохранительную деятельность. Примером такого акта может служить Инструкция, утвержденная Президиумом Рогачевского уездного исполнительного комитета. В ней содержались нормы, регламентирующие употребление оружия милиционерами Рогачевского уезда, в частности:

- 1) для отражения всякого вооруженного на него нападения;
- 2) для отражения нападения хотя бы и невооруженного, но сделанного лицами или даже лицом, но при обстоятельствах, когда никакое другое средство защиты не было возможно;
- 3) для обороны других лиц, когда никакое иное средство защиты не было возможно.

С 1930 г. в законодательстве БССР начинает использоваться термин «применение оружия» (впервые – в Положении «О рабоче-крестьянской милиции»). Командами милиции и уголовного розыска, а также их частями и отдельными служебными лицами милиции и уголовного розыска оружие применялось в следующих случаях:

1) для необходимой самообороны и отражения вооруженного нападения и невооруженного, которое угрожает жизни или здоровью тех, кто обороняется;

2) для рассеивания лиц, которые не подчиняются, когда они пробуют использовать оружие или делают против команды, части или отдельного служебного лица милиции и уголовного розыска какие-нибудь насильственные действия;

3) для отражения нападения хоть и невооруженного, но совершенно в целях отбить арестованных, которые конвоируются, или отобрать у команды или служебного лица милиции и уголовного розыска, которое находится по делам службы, имущество, деньги, документы или оружие и когда это нападение совершено несколькими лицами, или даже одним лицом, но при таких обстоятельствах и условиях, когда никакие другие средства обороны недостаточны;

4) для прекращения насильственного посягательства на государственную, общественную или частную собственность, когда остановить это посягательство другими средствами невозможно;

5) для задержания преступника, который убегает или сбежал из-под стражи из мест заключения и когда задержать его или догнать по-другому невозможно;

6) для преодоления вооруженного сопротивления исполнению законных требований органов Советской власти.

Кроме того, в данном положении указывалось, что начало использования оружия милицейской командой или ее частью могло устанавливаться только по команде начальника подразделения и оружие использовалось в случае невозможности применения других способов.

Важно понимать, что конкретные условия применения оружия излагались в служебных уставах. Так, Положения «О советской милиции» 1962 и 1973 гг. систематизировали основания применения оружия:

а) для защиты граждан от нападения, угрожающего их жизни или здоровью, если иными способами и средствами их защитить невозможно;

б) для отражения нападения на особо важные или другие важные объекты, а также для отражения вооруженного нападения на охраняемые объекты;

в) для отражения нападения на работника милиции, когда его жизнь подвергается непосредственной опасности, а также при нападении на конвой милиции, если оно не может быть отражено иными мерами;

г) для задержания преступника, оказывающего вооруженное сопротивление либо застигнутого при совершении особо опасного преступления, или преступника (за исключением женщин и несовершеннолетних), совершающего побег из-под стражи, когда другими способами и средствами задержать этих преступников невозможно.

Существенный шаг в сторону разграничения понятий «применение оружия» и «использование оружия» был сделан в Законе СССР от 6 марта 1991 г. «О милиции». Здесь впервые появляется деление на «применение» и «использование» оружия. «Использование» трактуется как воздействие на объекты, а не на людей, например:

1) для остановки транспортных средств путем их повреждения, если водитель ставит под реальную угрозу жизнь и здоровье граждан и не подчиняется неоднократным требованиям работников милиции остановиться;

2) для обезвреживания животного, угрожающего жизни и здоровью граждан;

3) для подачи сигнала тревоги или вызова помощи.

Эти нормы практически без изменений были зафиксированы в законодательстве суверенной Беларуси. Так, Закон Республики Беларусь от 26 февраля 1991 г. «О милиции» воспроизвел советские положения и добавил право применять оружие для освобождения заложников.

Окончательное нормативное разделение понятий произошло с принятием Закона об ОВД. Согласно ст. 29 применение оружия допускается против лиц, а использование – в целях, не связанных с причинением физического вреда человеку.

Таким образом, историческое развитие правового регулирования применения оружия показывает эволюцию от недифференцированного подхода к более точному и содержательному разграничению понятий. Первоначально термин «применение оружия» охватывал все случаи его задействования, однако с усложнением служебной деятельности и усилением внимания к правам граждан возникла необходимость выделения случаев, не связанных с причинением вреда. Это нашло отражение в советском законодательстве конца XX в. и было закреплено в Законе об ОВД. Таким образом, современное правовое регулирование продолжает дифференцировать понятия «применение оружия» и «использование оружия», что способствует как повышению юридической ясности, так и обеспечению баланса между эффективностью служебной деятельности и защитой прав граждан.

Р.В. Обуховский, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь;

А.А. Ефимович, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Современный мир не стоит на месте и предлагает человечеству все больше и больше инноваций во всех сферах человеческой деятельности и быта. Особенно данная тематика затрагивает молодое поколение, так как именно они более восприимчивы и заинтересованы в новинках и внедрении новых технологий в повседневную жизнь. Важно отметить процесс цифровизации во всех сферах жизнедеятельности. Именно цифровизация, развитие сфер экономики и внедрение новых технологий способствуют внедрению в хозяйственный оборот новых объектов. Появление новых объектов гражданского права приводит к новому порядку деятельности гражданско-правовых сделок и оборота денежных средств. Появление новых объектов подразумевает под собой также и появление новых юридических фактов как основания возникновения, изменения и прекращения гражданско-правовых отношений. А значит данная сфера и связанные с ними объекты обязаны подлежать правовому регулированию.

Гражданское право, как одна из важнейших отраслей права, должно развиваться и регулировать гражданские правоотношения на современном эффективном уровне.

Сегодня мы рассмотрим тему проблемы законодательного закрепления криптовалюты как объекта гражданских прав. Существует ряд проблем, связанных с определением правовой природы электронных денежных средств, рассматриваемых в работах Е.Н. Абрамовой, Л.Ю. Василевской, А.Я. Курбатова, Е.А. Суханова, А.В. Турбанова, А.Ю. Чурилова и др. Огромное количество исследований в рамках цифровых денежных средств уже проведено. И множество вопросов еще стоит исследовать.

Для рассмотрения темы необходимо рассмотреть определения терминов «цифровая валюта» и «криптовалюта». Цифровая валюта – совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсут-

ствуется лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных. Криптовалюта – вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра. Рассматривая российское законодательство, а именно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно увидеть законодательное закрепление цифровых прав, безналичных денежных средств, в том числе цифровых рублей, как объектов гражданских прав. Формулировка цифровых прав, безналичных денежных средств не является исчерпывающей и предполагает отнесение к себе также и криптовалюты. Но отнесение данного вида цифровых прав как криптовалюта в общий смысл объектов цифровых прав не позволяет законодательству полностью раскрыть весь смысл криптовалюты как объекта гражданских прав, что в последующем приводит к несовершенному уровню правового регулирования. Но регулирование криптовалюты в Российской Федерации приводится в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) регулируются отношения, касающиеся создания условий для внедрения в экономику Республики Беларусь технологий реестра блоков транзакций (блокчейн), иных технологий, основанных на принципах распределенности, децентрализации и безопасности совершаемых с их использованием операций. В Декрете № 8 также указано, что ранее данные объекты не регулировались законодательством. В гражданском законодательстве Республики Беларусь нет прямого указания на криптовалюту как объект гражданских прав, но правоотношения, касающиеся данного объекта, раскрываются в Декрете № 8. Так, в контексте правоприменительной практики интерес представляет постановление Верховного Суда Республики Беларусь от 13 июля 2023 г. по делу № 151АП23221/Жн, в котором индивидуальный предприниматель Х. обратился в Верховный Суд Республики Беларусь с обжалованием постановления экономического суда по Брестской области от 6 июня 2023 г. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. В данном постановлении есть указание на нарушение требований подп. 2.6 п. 2 Декрета № 8.

Таким образом, в гражданском законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации нет прямого указания на криптовалюту как объект гражданских прав. Представляется, что существует в законодательном закреплении криптовалюты в качестве объекта гражданских прав.

С.А. Оношко, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Стремительная цифровизация всех сфер жизни и внедрение современных технологий не обошли стороной и органы внутренних дел (ОВД) Республики Беларусь. То, что вчера выглядело фантастикой, сегодня на практике применяется в правоохранительной деятельности: искусственный интеллект (ИИ) и нейросетевые системы для анализа данных, распознавания лиц и прогнозирования преступлений, нейросети для создания фотороботов, интеллектуальные системы видеонаблюдения.

Нейросети в настоящее время являются новой и многообещающей технологией. Но фокус обсуждения их эффективности часто ограничивается техническими и юридическими аспектами, оставляя без должного внимания комплекс психологических изменений, возникающих на стыке «человек – машина». А ведь психологическая составляющая этой коллаборации является критически важной, поскольку именно от человеческого фактора – профессионального опыта, интуиции, эмоционального состояния и когнитивных особенностей сотрудника ОВД – зависит конечная эффективность и этичность применения нейротехнологий. При взаимодействии интеллектуальных платформ (естественной и искусственной) возникают новые феномены: происходит смещение акцента на алгоритмику, некритичное принятие машинных рекомендаций и, что особо важно – психологический дискомфорт от необходимости постоянно проверять работу «непогрешимой», на первый взгляд, системы. Поэтому целью данной статьи является систематизация и анализ ключевых психологических аспектов применения ИИ в деятельности ОВД, включая их влияние на служебную деятельность.

Перепоручение человеком части своих полномочий машинному интеллекту несет не только операционные преимущества, но и значительные изменения в психике сотрудников ОВД. И основной фокус этих тезисов – психологические риски, связанные с влиянием нейросетей на когнитивные и эмоциональные процессы. К ним в первую очередь относятся такие, как снижение критического мышления, эмоциональное выгорание и формирование зависимости от алгоритмов. В условиях повышенной служебной нагрузки автоматизация процесса также может по-

требовать от сотрудника дополнительных усилий и привести к стрессу, десоциализации и потере профессиональной идентичности.

Нейросети, представляющие собой математические модели, имитирующие структуру человеческого мозга для обработки больших объемов данных, классификации и предсказания, сегодня успешно применяются в системах видеонаблюдения («Безопасный город»), биометрическом распознавании через мобильные комплексы. Применяются они также для анализа рисков преступности, что, по данным национальных программ развития ИИ, позволяет снизить время на рутинные задачи в среднем на 40–60 %.

Однако переход от ручного анализа к машинному алгоритмическому прогнозу может вызвать у сотрудника ОВД когнитивный диссонанс: состояние, при котором теряется ощущение контроля над процессом. Это состояние может проявляться в форме «технологического стресса», т. е. состояния тревоги, вызванного неопределенностью в интерпретации «черного ящика» нейросетей, где алгоритмы непрозрачны для пользователя. Регулярное использование систем распознавания лиц при патрулировании нарядами ОВД может вызвать также неуверенность сотрудников в принятии решений, вызванную выработанной привычкой безоговорочно полагаться на автоматизированные системы. Все это может усилить эмоциональную и стрессовую нагрузку на психическую систему правоохранителя, а порой и привести к «когнитивной лени», т. е. снижению способности к самостоятельному анализу на 25–30 % после 6 месяцев работы.

Какими бы совершенными ни казались нам нейросети, но полагаться на них безоговорочно нельзя. Машинный интеллект, лишенный возможности импровизировать и «действовать по обстановке», может упустить нюансы, не учтенные математической моделью (такие, например, как предвзятость). Это может вызвать фрустрацию и синдром «выученной беспомощности», представляющий собой ощущение человеком своего бессилия перед ИИ. Поэтому человек в подобных ситуациях имеет явное преимущество перед машиной, поскольку он от природы наделен эмоциональным и психологическим контуром личности.

Риску развития психологических травм особенно подвержены молодые сотрудники ОВД без практического опыта, так как зависимость от ИИ тормозит развитие их интуиции – одного из ключевых психологических механизмов в оперативной работе. Автоматизируя рутинные процессы, нейросети при этом парадоксально усиливают эмоциональное напряжение, заставляя молодых сотрудников сталкиваться с «эмоциональным вакуумом» – потерей смысла в работе, когда алгоритм берет на себя «человеческий» элемент взаимодействия (например, в допросах с использованием ИИ-анализа мимики). В результате этого сотруд-

ники могут испытывать повышенную тревогу из-за ряда этических дилемм: например, кто несет ответственность за ошибку, человек или ИИ? Это может привести к хроническому стрессу с симптомами бессонницы, раздражительности и снижению эмпатии к окружающим.

Одним из наиболее эффективных решений вышеописанных проблем, на наш взгляд, является проведение на регулярной основе обучения личного состава ОВД выработке «гибридного мышления», сочетающего человеческую нешаблонность и алгоритмическую точность ИИ.

Так, например, видится целесообразным разработать в рамках повышения квалификации в Академии МВД учебный модуль «Киберпсихология», ориентированный на повышение квалификации сотрудников ОВД в цифровом пространстве. В рамках модуля предполагается обучение сотрудников ОВД основам цифровой гигиены, виртуальной самоидентификации, правилам безопасного поведения в цифровом пространстве. Обязательными к изучению видятся такие разделы модуля, как информационно-коммуникативное присутствие в цифровом мире и кризисная киберпсихология. Отдельным блоком следует выделить тему «Психология ИИ».

Таким образом, психологические риски применения нейросетей в деятельности ОВД – это не неизбежность, а современный вызов, требующий осознанного подхода. На наш взгляд, ведущим звеном в симбиозе «человек – машина» является не машинный алгоритм, а человеческая интуиция, способность к проявлению эмпатии, этическому суждению и психологическому самосовершенствованию. Дальнейшее внедрение ИИ в правоохранительную деятельность должно сопровождаться стратегией «технология – это инструмент, а не хозяин», и тогда мы сохраним психологическое здоровье сотрудников ОВД, превратив потенциальные риски в возможности для профессионального роста. Это позволит не только минимизировать стресс и улучшить эффективность служебной деятельности, но и укрепить доверие общества к профессионализму системы ОВД в целом.

УДК 349.2

А.А. Павлович, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПРИНЦИПЫ ТРУДОВОГО ПРАВА И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Трудовое право, как и все другие отрасли белорусского права, построено на основных началах (принципах), которые являются основопола-

гающими правилами и положениями, отражающими суть отрасли, определяют ее содержание, направленность, служат для единообразного применения норм трудового законодательства, отражают суть действующего трудового законодательства и имеют свое практическое значение.

К основным или общим принципам трудового права относятся такие принципы, как: принцип всеобщей свободы труда, принцип справедливости, принцип демократизма, принцип равноправия, запрет дискриминации и принудительного труда, обеспечение права на справедливые условия труда и отдых, принцип единства юридических прав и обязанностей, принцип ответственности за вину, принцип законности и др. О принципах в трудовом праве говорили А.А. Греченков, К.Л. Томашевский и др. Согласно А.А. Греченкову, трудовое право Республики Беларусь в отличие, например, от трудового права Российской Федерации и большинства других стран – участников Содружества Независимых Государств относится к числу тех отраслей, принципы которых в законе (Трудовом кодексе) текстуально не зафиксированы. В результате в белорусской юридической литературе встречаются различные трактовки и разное количество принципов трудового права. Между тем, очевидно, что наличие легальных формулировок принципов права свидетельствует о высоком уровне систематизации и качества действующего законодательства. Общеизвестно, что основные принципы правового регулирования труда следует выводить из содержания Конституции, актов международного права, Трудового кодекса и иных важнейших актов законодательства о труде. По мнению большинства авторов, в современных условиях принципы трудового права охватывают регулирующим воздействием всех субъектов трудового права. При этом каждый принцип отражает определенное право или обязанность работников, нанимателей либо других субъектов трудового права, а также гарантии этого права или обязанности. В принципах трудового права заложены основные идеи, которые отражают экономические законы общества и специфику правового регулирования общественных отношений, возникающих при реализации гражданами закрепленного в ст. 41 Конституции Республики Беларусь права на труд. Все принципы трудового права получили официальное закрепление в нормативных правовых актах о труде, что вносит устойчивость и стабильность в правовое регулирование трудовых отношений и гарантирует их строгое соблюдение. Такое закрепление принципов в нормативно-правовых актах, которые регулируют трудовые отношения, способствует правильной реализации этих норм при осуществлении субъектами трудовых отношений своих прав, помогает их защите, что придает им стабильность, устойчивость и законность.

Рассматривая вопросы классификации принципов трудового права, можно выделить четыре основные группы принципов:

- общие (принципы системы права в целом);
- межотраслевые (принципы нескольких отраслей);
- отраслевые (принципы отдельной отрасли);
- принципы институтов права (внутриотраслевые).

Общие принципы права – это основные начала, которые определяют наиболее существенные черты права в целом, его содержание и особенности как регулятора всей совокупности общественных отношений. Они распространяются на все правовые нормы всех отраслей права независимо от характера и специфики регулируемых ими общественных отношений. К общим принципам права относятся следующие принципы: принцип всеобщей свободы, принцип справедливости, принцип демократизма, принцип равноправия, принцип единства юридических прав и обязанностей, принцип ответственности за вину, принцип законности и др.

Межотраслевые принципы права – это закреплённые в праве руководящие начала и положения, которые выражают существенные свойства норм, регулирующих общественные отношения, которые составляют предмет нескольких отраслей права. Например, принцип свободы труда характерен не только для трудового и гражданского права, но и в некоторой степени для административного – в сфере применения труда.

Принцип состязательности – для гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права, а также института индивидуальных трудовых споров в рамках отрасли трудового права.

Отраслевые принципы права отражают наиболее существенные черты норм конкретной отрасли права. К ним относятся принцип государственного нормирования рабочего времени и обеспечения права на отдых, принцип обеспечения права на справедливое вознаграждение за труд, принцип социального партнерства и другие, которые присущи только трудовому праву.

В целом принципы трудового права характеризуют группу норм, которые регулируют внутриотраслевые принципы права, закрепляют равноправие сторон; уважение и учет интересов сторон; заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях и др. Перечисленные принципы правовой системы Республики Беларусь и являются отправными для межотраслевых и отраслевых принципов трудового права, которые регулируют основные трудовые отношения в Республике Беларусь.

В Республике Беларусь также действуют международные принципы. Это основные международные правовые нормы, которые регулируют

ют трудовые и трудовые процессуально-процедурные отношения, и те идеи, которые в них заложены. Так, из анализа Устава Международной организации труда (МОТ) и трех действующих деклараций МОТ можно выделить следующие общепризнанные (основополагающие) принципы международного трудового права: 1) принцип социальной справедливости, включающий предоставление возможностей для всех участвовать в справедливом распределении плодов прогресса в области оплаты труда, рабочего времени и прочих условий труда, а также прожиточного минимума заработной платы для всех, кто трудится и нуждается в такой защите; 2) принцип равной оплаты за равный труд; 3) принцип свободы слова и свободы объединения работников и нанимателей как необходимое условие постоянного прогресса; 4) принцип человечности (гуманизма) в сфере труда, включающий предоставление трудящимся человеческих условий труда, признание нищеты угрозой для общего благосостояния и признание права всех людей на осуществление своего материального благосостояния и духовного развития в условиях свободы и достоинства, экономической устойчивости и равных возможностей; 5) труд свободен и не является товаром; 6) принцип социального партнерства, включающий равноправие и сотрудничество представителей трудящихся, предпринимателей и правительств.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что принципы трудового права выступают и как принципы правового регулирования трудовых отношений, и как принципы организации и осуществления защиты трудовых прав и свобод работников. В принципах трудового права заложены основные идеи, которые отражают экономические законы общества и специфику правового регулирования общественных отношений, возникающих при реализации гражданами закрепленного в ст. 41 Конституции Республики Беларусь права на труд. Принципы трудового права получают официальное закрепление в нормативных правовых актах о труде, что вносит устойчивость и стабильность в правовое регулирование трудовых отношений и гарантирует их строгое соблюдение. Такое закрепление принципов в нормативно-правовых актах, которые регулируют трудовые отношения, способствует правильной реализации этих норм при осуществлении субъектами трудовых отношений своих прав, помогает их защите, что придает им стабильность, устойчивость и законность. Значение принципов трудового права заключается в том, что они отражают суть трудового законодательства в его взаимосвязи с экономической и политической жизнью общества, помогают уяснить смысл конкретных норм действующего законодательства, определяют

тенденции развития трудового законодательства, являются одним из оснований объединения отдельных норм права в отрасли и институты права, способствуют правоприменительным органам в решении вопросов, недостаточно урегулированных конкретными нормами права. Руководствуясь принципами, государство обеспечивает реализацию экономических, политических и личных прав и свобод своих граждан. В целях усиления регулятивной роли норм трудового права, по нашему мнению, целесообразно официально закрепить в специальной статье Трудового кодекса Республики Беларусь основные принципы трудового права Республики Беларусь.

Таким образом, принципы трудового права являются конструкцией, вокруг которой формируются все нормы правового характера, они способствуют объединению отдельно взятых норм трудового законодательства в стройную систему данной отрасли права и определяют положение субъектов трудового права, их права и обязанности.

УДК 349.22

Д.В. Петушков, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ОТНОШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ТРУДОВЫМИ: ИХ СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ И ЗНАЧЕНИЕ

Согласно определению, данному А.А. Греченковым, под трудовым правом понимается система юридических норм, регулирующих трудовые и связанные с ними общественные отношения на основе единства и дифференциации, сочетания централизованной, локальной и договорной регламентации условий труда, а также принципов равенства, свободы труда, социального партнерства и иных основополагающих правовых начал. При этом согласно исследованиям К.Л. Томашевского предметом трудового права являются две группы отношений: трудовые отношения и отношения, тесно связанные с трудовыми. К отношениям, связанным с трудовыми, согласно ст. 4 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) относятся отношения, связанные: с профессиональной подготовкой работников на производстве; деятельностью профессиональных союзов (далее – профсоюзов) и объединений нанимателей; ведение коллективных переговоров; взаимоотношениями между

работниками (их представителями) и нанимателями; обеспечением занятости; надзором за соблюдением законодательства о труде; государственным социальным страхованием; рассмотрением трудовых споров. Особенностью этих отношений является то, что они возникают либо до начала трудовых (например, при трудоустройстве), либо параллельно с ними, и даже могут существовать после их прекращения. Их главной целью является создание правовых условий для возникновения, реализации и защиты трудовых прав как работника, так и нанимателя. Характерной чертой данных отношений является то, что субъектный состав здесь значительно шире, чем в классических трудовых отношениях (где только работник и наниматель). Так, в отношениях, связанных с трудовыми, участвуют работники (или кандидаты на трудоустройство). При этом работник осуществляет правоотношения, активно действуя – заключая договор, реализуя права, исполняя обязанности и защищая свои интересы через предусмотренные ТК механизмы. Профсоюзы (и их органы), представляя интересы работников перед работодателем, участвуют в заключении коллективных договоров, контролируют соблюдение трудового законодательства и защищают права работников (включая разрешение споров и согласование ключевых решений, увольнений). Кроме этого профсоюзы и их объединения осуществляют общественный контроль (ст. 463 ТК). Органы государственного управления, к которым относятся прокуратура, Департамент государственной инспекции труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь и его территориальные органы, органы энергетического, санитарно-эпидемиологического, пожарного надзора и другие службы надзора, осуществляют надзор за соблюдением законодательства о труде в соответствии со ст. 462 ТК. Органы по разрешению трудовых споров, участвуя в урегулировании трудовых споров, осуществляют свою деятельность в соответствии со ст. 233 ТК. При этом комиссии по трудовым спорам занимаются разрешением индивидуальных трудовых споров между работником и работодателем, возникающих из-за разногласий по применению законодательства о труде, коллективных договоров и соглашений, а также локальных нормативных актов компании. Органы государственного социального страхования, деятельность которых осуществляется на основе Закона Республики Беларусь от 31 января 1995 г. № 3563-ХІІ «Об основах государственного социального страхования» и представляет собой систему пенсий, пособий и других выплат гражданам за счет средств государственных внебюджетных фондов. Органы государственной службы занятости также являются участниками

отношений по содействию занятости и трудоустройству. Субъектами отношений по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации работников непосредственно у нанимателя обычно являются наниматель, работник (ученик), иногда учебное заведение. Значение данного вида отношений заключается в обеспечении нанимателя квалифицированными кадрами, а также в профессиональном развитии работника. Отношения по надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства регулируются органами государственного надзора и контроля (например, Департамент государственной инспекции труда), профсоюзы (через свою техническую и правовую инспекцию), нанимателем. Их цель – обеспечение соблюдения прав работников, профилактика нарушений трудового законодательства, привлечение виновных к ответственности. В отношении по обязательному социальному страхованию вступают работник, наниматель, Фонд социальной защиты населения (ФСЗН). Наниматель обязан уплачивать за работника обязательные страховые взносы. В случае наступления страхового случая (болезнь, травма, беременность и роды, старость) работник получает обеспечение из ФСЗН (пособия, пенсии). Эти отношения сопутствуют трудовым и являются формой социальной защиты.

Исследования данного вопроса позволяет сделать вывод о том, что существование кроме трудовых отношений отношений, связанных с трудовыми, способствует созданию комплексного правового поля, так как ТК регулирует не только «чистые» отношения «работа – заработная плата», но и весь комплекс связей, который их окружает, от поиска работы до защиты пенсионных прав. Многие из этих отношений (например, через профсоюзы или государственный надзор) служат дополнительными гарантиями соблюдения прав работников, предупреждению и разрешению конфликтов. Отношения по контролю и разрешению споров носят превентивный и восстановительный характер и способствуют реализации социальной политики государства. Через отношения по занятости и социальному страхованию государство реализует функцию по обеспечению занятости и социальной поддержки населения. При этом само понятие «отношения, связанные с ними» значительно расширяет сферу действия трудового права, включая в нее широкий круг субъектов и правоотношений, которые обеспечивают возникновение, стабильное функционирование, защиту и социальное обеспечение классических трудовых отношений между работником и нанимателем.

И.А. Печенко, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРИНУЖДЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ» И «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ»

В современном правовом обществе значение и место принуждения в праве трудно переоценить. Принуждение выступает инструментом обеспечения соблюдения норм права и защиты субъективных прав граждан и юридических лиц, связующим элементом между нормой закона и ее исполнением. Без механизмов принуждения нормы права лишаются эффективности, так как у правонарушителя появляется возможность не соблюдать требования законодательства. Из указанного можно сделать вывод о прямой необходимости такого института и причислению его к основным признакам права, что и произошло в конце XX–XXI вв., когда практически все исследователи признали принудительный характер права, который объясняется наличием государственного воздействия на процессы реализации норм права.

Следовательно, каждая отрасль права имеет свои меры принуждения, которые часто реализуются правоохранительными органами. Наибольший интерес в изучении принуждения предоставляет отрасль гражданского права, которому присущ особый метод правового регулирования гражданских правоотношений, обладающий многими специфическими чертами.

Как правило, исследователи не разграничивают такие понятия, как «принуждение в гражданском праве» и «гражданско-правовое принуждение», а используют их как синонимичные категории.

Однако данные правовые категории неверно рассматривать как одно целое. Конечной целью принуждения в праве является восстановление нарушенного права путем воздействия на поведение правонарушителя. При этом, поскольку любая мера принуждения обеспечивается государством, то оно должно быть правомерным, т. е. иметь пределы действия и реализовываться специально уполномоченными субъектами.

Говоря о принуждении в гражданском праве, можно отметить, что меры принуждения, применяемые к участникам гражданских правоотношений, наиболее широки. Принуждение в гражданском праве обеспечивается применением мер административного, уголовного и гражданско-

правового воздействия на нарушителя субъективных гражданских прав, т. е. имеет межотраслевой характер. Например, это прослеживается также в уголовно-исполнительном законодательстве, где в соответствии с ч. 4 ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь осужденные, не возместившие ущерб, причиненный преступлением, ежемесячно могут расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости денежные средства лишь на сумму до двух базовых величин. Стоит отметить, что в настоящее время такое ограничение очень эффективно влияет на возмещение причиненного ущерба и побуждает осужденного принимать все возможные меры к погашению удовлетворенных исковых требований. В качестве субъекта, реализующего меру принуждения, в приведенном примере является исправительное учреждение.

Межотраслевой характер принуждения в гражданском праве может подтвердить наличие в гражданском законодательстве такой меры, как конфискация, на что справедливо указывают Е.М. Ефременко и Р.Ю. Березнев. При этом такая же мера применяется в уголовном и в административном производстве, о чем прямо указывается в ст. 244 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). А исходя из ст. 18.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях исполняется данная мера органами принудительного исполнения и в определенных случаях органами внутренних дел.

Вышеуказанное подтверждает, что принуждение в гражданском праве выходит за рамки гражданско-правового регулирования и представляет собой широкий комплекс правовых средств, обеспечивающих реализацию и защиту прав участников гражданских правоотношений с участием различных субъектов.

В свою очередь, гражданско-правовое принуждение характеризуется более узким кругом субъектов, его реализующих. Анализ ст. 11 ГК показывает, что меры гражданско-правового принуждения применяются преимущественно самими участниками гражданских правоотношений либо через суд, обеспечивающий восстановление нарушенных прав. Принудительное воздействие здесь носит имущественный и компенсационный характер, что отличает его от мер государственного принуждения.

Принуждение в гражданском праве включает в себя совокупность всех правовых средств, обеспечивающих реализацию и защиту гражданских прав, в том числе мер, закрепленных в иных отраслях права. Такое принуждение носит межотраслевой характер и может осуществляться государственными органами, органами принудительного исполнения, учреждениями исполнения наказаний и другими субъектами.

Гражданско-правовое принуждение, напротив, представляет собой отраслевой институт, присущий гражданскому праву. Его сущность состоит в применении к нарушителю мер гражданско-правового характера, направленных на восстановление имущественного положения потерпевшего, обеспечение надлежащего исполнения обязательств или пресечение неправомерных действий. К таким мерам, в частности, относятся указанные в ст. 11 ГК способы защиты гражданских прав.

Следовательно, принуждение в гражданском праве выступает родовой категорией, тогда как гражданско-правовое принуждение представляет собой видовое понятие.

УДК 347.5

З.В. Пилиповец, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящее время в Республике Беларусь все чаще совершаются преступления в сфере цифровых технологий. Данные преступления оказывают значительное влияние на нашу страну, нанося серьезный ущерб экономике, создавая угрозу критической инфраструктуре, вызывая социальную напряженность, а также наносят вред субъектам правоотношений. На данный момент в юридической науке отсутствует единообразие в вопросах определения пределов допустимости нормативно-правового регулирования правоотношений в цифровой среде, вследствие чего это является актуальной проблемой.

Для того чтобы эффективно справляться с последствиями киберпреступлений, которые вызывают ущерб гражданско-правовым отношениям, следует четко определить гражданско-правовую ответственность за преступления в цифровом пространстве.

Установим содержание термина «правоотношение». Р.В. Шагиева в своей публикации «Правоотношения и их роль в реализации права» формулирует такое определение: «правоотношение – это возникающая на основе правовых норм индивидуализированная, волевая связь физических и юридических лиц, взаимные субъективные права и обязанности которых охраняются и защищаются принудительной силой государства».

Проанализировав вышеперечисленное, можно сделать вывод, что гражданско-правовые отношения – это общественные отношения, регулируемые нормами гражданского права, которые возникают по поводу

материальных и нематериальных благ, а также результатов интеллектуальной деятельности.

Гражданско-правовые отношения в сети Интернет возникают на основании норм Гражданского кодекса Республики Беларусь и других актов законодательства, а также юридических фактов, таких как договоры, в том числе заключенные дистанционно, и иные правомерные действия, которые порождают права и обязанности сторон. Для возникновения указанных отношений требуется наличие таких субъектов, как физические и юридические лица, таких объектов, как, например, имущество, услуги, и содержания: права и обязанности сторон.

А что же тогда значит гражданско-правовая ответственность? В своей статье «Гражданско-правовая ответственность» С.В. Шпилева рассматривает гражданско-правовую ответственность как правоотношение, выражающееся в виде неблагоприятных последствий имущественного характера на стороне правонарушителя, обеспеченных государственным принуждением и сопровождающихся осуждением правонарушения и его субъекта. Особенностью гражданско-правовой ответственности является то, что она выполняет не только защитную, превентивную и стимулирующую функции, но и компенсационную, восстанавливая нарушенные права.

Проблема привлечения лиц к гражданско-правовой ответственности за киберпреступления заключается в том, что отсутствуют отдельные нормы, которые затрагивают деяния в сети Интернет.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданско-правовая ответственность за киберпреступления заключается в возмещении вреда. Но эту ответственность определить в полной мере затруднительно, так как в гражданском законодательстве отсутствуют нормы, которые затрагивают цифровую среду.

УДК 343.8

К.В. Пинчук, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

В настоящее время в условиях гуманизации наказаний, тенденции, направленной на корректировку уголовного и уголовно-исполнительного наказания, декриминализации отдельных составов статей Уголовно-

го кодекса Республики Беларусь (далее – УК) за злостное уклонение от назначенного наказания и введения нового механизма замены неотбытой части наказания более строгим наказанием посредством направления уголовно-исполнительной инспекцией (УИИ) представления в суд, расширения перечня альтернативных (более мягких) видов наказания, не связанных с изоляцией осужденного от общества, создание дополнительных условий для сохранения социально полезных связей осужденного, перед органами внутренних дел (ОВД), в лице УИИ, в целях поиска наиболее эффективных способов решения задач, по исполнению наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, и иных мер уголовной ответственности, организации осуществления профилактического наблюдения и превентивного надзора за лицами, имеющими судимость, существует необходимость изучения нормативно-правовой базы, регламентирующей организацию деятельности УИИ.

В соответствии с п. 2 Инструкции об организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций органов внутренних дел, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 9 января 2012 г. № 5, правовую основу деятельности УИИ составляют Конституция Республики Беларусь, УК, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и иные акты законодательства, а также правовые акты Министерства внутренних дел (МВД).

К правовым актам МВД относятся Инструкция о порядке деятельности территориальных органов внутренних дел по исполнению наказаний и иных мер уголовной ответственности, утвержденная постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 января 2014 г. № 13 (далее – Инструкция № 13). Инструкция № 13 помимо определения порядка деятельности управлений, отделов внутренних дел городских, районных исполнительных комитетов (местных администраций) по исполнению наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, и иных мер уголовной ответственности в отношении осужденных, состоящих на учете в УИИ ОВД, она также выступает ключевым регулятором в повседневной работе УИИ, задавая «каркас» внутренней организации деятельности УИИ и организации взаимодействия с иными подразделениями ОВД.

Приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 21 сентября 2011 г. № 313 утверждена Инструкция об организации работы органов внутренних дел по осуществлению превентивного надзора и профилактического наблюдения, в том числе за лицами, за которыми превентивный надзор может быть установлен.

Настоящая Инструкция определяет порядок организации работы учреждений уголовно-исполнительной системы МВД, управлений, отделов внутренних дел городских, районных исполнительных комитетов (местных администраций) по осуществлению превентивного надзора и профилактического наблюдения, в том числе за лицами, за которыми превентивный надзор может быть установлен, подготовке и предоставлении документов по установлению, продлению, приостановлению, прекращению превентивного надзора, изменению требований превентивного надзора за лицами, освобожденными из исправительных учреждений, указанными в ст. 80 УК, а также возложению обязанностей при профилактическом наблюдении на лиц, указанных в ст. 81 УК, а также определяет порядок взаимодействия с подразделениями криминальной милиции по организации проведения поисковых мероприятий.

Порядок взаимодействия подразделений территориальных ОВД при осуществлении контроля и профилактического наблюдения за осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, и иных мер уголовной ответственности, условно освобожденными на основании амнистии или помилования, осужденными несовершеннолетними с применением принудительных мер воспитательного характера, а также периодичность контроля по месту жительства и месту работы определяется Инструкцией о взаимодействии подразделений территориальных органов внутренних дел при осуществлении контроля и профилактического наблюдения за осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и иным мерам уголовной ответственности, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 31 октября 2014 г. № 375 (далее – Инструкция № 375).

Важным нововведением, внесенным в Инструкцию № 375 приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 26 ноября 2024 г. № 384, стало внедрение в практику «Листов контроля», в которых отражается краткий результат проведенной проверки лица по месту жительства. Теперь сотрудники ОВД докладывают рапортом на имя начальника ОВД о результатах посещения осужденного по месту жительства только в случаях его первого посещения по месту жительства, выявления факта нарушения порядка и условий отбывания наказания, профилактического наблюдения, проведения специальных комплексных мероприятий и планов, а также получения иной значимой информации, требующей реагирования со стороны ОВД или иных государственных органов.

Инструкцией о порядке формирования и ведения банка данных о лицах, состоящих на учетах в уголовно-исполнительной инспекции, утверж-

денной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 10 июня 2015 г. № 215, определяется порядок формирования, заполнения и ведения электронных дел лиц, состоящих на учетах в УИИ.

К актам законодательства относится постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 2011 г. № 497 «Об утверждении положения о порядке проведения освидетельствования физических лиц на предмет выявления состояния алкогольного опьянения и (или) состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ» (далее – Положение № 497). Так, в соответствии с п. 81 Инструкции № 13 при организации воспитательных мероприятий сотрудник УИИ может проводить освидетельствование в случаях и порядке, установленных Положением № 497, не доставляя осужденного в государственную организацию здравоохранения для проведения медицинского освидетельствования.

В связи с нарастающей практикой при назначении наказаний судом выбора альтернативы наказания лишения свободы в пользу наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, существует необходимость поиска (выработки) эффективного механизма использования и применения нормативно-правовой базы по организации воспитательной и профилактической работы лиц, состоящих на учете в УИИ, оптимизации механизма взаимодействия с иными подразделениями ОВД при решении задач, относящихся к их компетенции, по организации работы с лицами, осужденными или имеющими судимость.

В этой связи углубленное изучение правовых основ организации деятельности УИИ позволит выработать наиболее эффективные методы и способы решения задач, стоящих перед УИИ.

УДК 94(47) 351/354

Д.Д. Пожидаева, курсант факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ НАДЗОРНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В НАЧАЛЕ 1970-х гг.

В современной России в связи с меняющейся структурой преступности, появлением ее новых разновидностей все более актуальным ста-

новится вопрос о реализации профилактической функции правоохранительными органами (совокупность мер, направленных на выявление и дальнейшую ликвидацию причин и условий совершения преступлений).

В Российской Федерации данная функция, включающая в себя предупреждение, выявление, мониторинг и устранение преступности, возложена на Министерство внутренних дел (МВД). Согласно нормативной документации ведомства профилактические задачи должны решать практически все службы и подразделения, тем или иным образом связанные с работой с населением. Отдельной самостоятельной структуры в МВД и его территориальных органах не существует.

Складывающаяся криминальная обстановка в стране и на ее границах требует изменения подходов к сложившейся профилактической работе, что актуализирует новое обращение к ранее накопленному органами внутренних дел опыту по профилактике преступности, с целью выявления действенных мер, которые могут быть адаптированы и применены в профилактической системе сегодня.

До середины 1960-х гг. профилактика правонарушений в СССР занимала позицию одного из наиболее перспективного, важного, но не основного вида деятельности государственных органов и общественных организаций, ведущих борьбу с преступностью. Это было обусловлено, в частности, неправильным пониманием сущности профилактики, ее основных направлений, целей, форм и методов. Все предупредительные меры сводились к представлениям паспортистов, участковых, сотрудников Государственной автомобильной инспекции, следователей и др., которые они направляли по тому или иному конкретному делу, по административному нарушению либо изобличению преступника, назначению и исполнению в его отношении наказания. Взаимодействия в профилактической работе между различными ведомствами и между подразделениями внутри какой-либо определенной службы не существовало.

Принципиально новая ситуация стала складываться с принятием Коммунистической партией курса на скорейшее построение коммунистического общества. Новый курс, а также происшедший ряд социально-политических изменений в стране привели МВД СССР к принятию решения о создании самостоятельной службы профилактики правонарушений. Взятый советским обществом курс на построение коммунизма предполагал усиление воспитательной, профилактической функции государства, нацеленной не на наказание, а на перевоспитание, предотвращение преступности. Новая задача решалась по двум направлениям: путем широкого вовлечения в эту работу общественных организаций и посредством проведения структурной трансформации ряда подразделе-

ний милиции. Поиск оптимальных решений проводился как в кабинетах, так и на конференциях. Так, в 1968 г. была проведена Всесоюзная научно-практическая конференция по проблемам борьбы с преступностью несовершеннолетних, а уже в 1969 г. – Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная вопросам борьбы с рецидивной преступностью. На этих конференциях особое внимание было обращено на необходимость организации аналитической работы, прогнозирования и планирования, изучения передового опыта и дальнейшего внедрения его в деятельность территориальных подразделений.

Первым шагом в осуществлении намеченного стало создание специальных отделов в составе организационно-инспекторского управления МВД СССР, задачами которых стали: научная разработка проблем организации предупреждения преступности и профилактики правонарушений; определение главных направлений и организация управления процессами борьбы с преступностью; прогнозирование и перспективное планирование; подготовка проектов соответствующих нормативных актов, методических документов; организационное обеспечение работы по созданию профилактической службы.

В 1970 г. в соответствии с решением коллегии МВД СССР развернулась активная работа по внедрению в практику территориальных органов внутренних дел административного надзора, охранной сигнализации, специальных комендатур для надзора за условно осужденными и условно освобожденными из исправительно-трудовых учреждений. В медицинских вытрезвителях были введены должности инспекторов профилактики. Под эгидой МВД было организовано профилактическое лечение граждан, больных алкоголизмом. В ведомстве были учреждены специальные лечебно-трудовые профилактории для лечения больных, перевоспитания и последующей социализации. Принимались широкие меры по обязательному трудоустройству лиц, «ведущих паразитический образ жизни», по глубокому изучению причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

Систематизация опыта профилактической работы обеспечила принятие МВД СССР решения о создании специальной службы профилактики. Так, 15 марта 1974 г. был издан приказ МВД СССР № 260 «Об утверждении Положения о профилактической службе Управления уголовного розыска МВД СССР», в котором перечислялись и основные задачи новой службы: изучение детерминантов, условий и обстоятельств, способствующих совершению правонарушений; информирование о них администрации предприятий и организаций; выявление лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, и проведение с ними конкретной профилактической работы.

Учитывая, что «подавляющее количество преступлений регистрировалось по линии уголовного розыска, было признано целесообразным в первую очередь усилить профилактическую деятельность именно этой службы». Главная задача состояла в превращении аморфной профилактической работы в конкретную специализированную деятельность сотрудников уголовного розыска и участковых инспекторов. Для этого в составе отделов уголовного розыска «организовали три профилактических отдела (отделения, группы): общей профилактики; индивидуальной профилактики и руководства участковыми инспекторами милиции; профилактики правонарушений несовершеннолетних».

Соответственно названиям отделов свое название получили и методы профилактики:

1. Общей профилактики, предусматривавший сбор документов, содержащих информацию о причинах преступлений, условиях их совершения и их систематизацию, анализ собранных данных, выработку комплекса мероприятий по устранению соответствующих причин, условий, обстоятельств преступлений.

2. Индивидуальной профилактики, подразумевавший деятельность по работе с конкретными категориями граждан, склонными к совершению преступлений, в целях их предупреждения, а также принятия меры к обеспечению воспитательного профилактического воздействия.

3. Специальной профилактики, предполагавший проведение работы с несовершеннолетними.

Третий отдел, он же и метод, вскоре трансформировался в отдельное подразделение. До 1977 г. в милиции это направление работы выполняли детские комнаты милиции, а с появлением профилактической службы они были трансформированы в инспекции по делам несовершеннолетних, в качестве подразделения уголовного розыска, которые взаимодействовали с образовательными и социально обеспечивающими учреждениями.

Данное разделение помогало проводить более качественную профилактическую деятельность, специализированную и узконаправленную на определенный круг лиц, что способствовало детальной проработке и устранению детерминантов преступности.

Представленный краткий исторический обзор показал, что создание отдельного профилактического подразделения органов внутренних дел, обусловленное как политической, так и социальной ситуацией в стране, стало эффективным решением по централизации всего профилактического контроля в системе МВД. Его последующее исчезновение было связано исключительно с субъективными, личностными причинами,

никак не отражавшими реалий службы профилактики. Ее возрождение на новом этапе – дело ближайшего будущего, так как в современном информационном обществе справиться с быстро мимикрирующей и видоизменяющейся преступностью без подобной службы уже невозможно.

УДК 342.7

Д.Ю. Полищук, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВА, СВОБОДЫ И ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ГРАЖДАН: ПОНЯТИЕ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ

Существующий в современном обществе кризис характеризуется обострением множества социальных проблем, порожденных реформированием экономик, крушением системы ценностей, а также падением нравственности. Разрушение высших, надличностных гуманистических ценностей, определяющих стратегические цели развития, идеалы и смысл как личностного, так и общественного бытия, закономерно приводит к резкому снижению ценности человеческой жизни, личности как таковой, пренебрежению ее честью и достоинством.

Однако неизбежно происходит постепенная, медленная, фундаментальная переоценка целей современной цивилизации, переосмысление традиционных ценностей. Высшей ценностью общества официально провозглашается человек – человек вне зависимости от его материального достатка, способности к труду, состояния здоровья, образования, интеллектуальных способностей, семейного положения, пола и возраста, расы и национальности, взглядов и убеждений и т. д. Это нашло закрепление во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, являющихся не только общепризнанными международными документами ООН, но и составной частью белорусской правовой системы. Одновременно данный принцип является одним из важнейших конституционно-правовых принципов. Он прослеживается в целом ряде статей Конституции Республики Беларусь, которая в ст. 2 провозглашает человека, его права и свободы, высшей ценностью и целью государства и общества. В соответствии с данным принципом государство берет на себя главную ответственность за благополучие каждого человека и гражданина, предостав-

ляя ему определенные права и декларируя их осуществление (разд. II «Личность, общество, государство» Конституции Республики Беларусь). Права человека – это нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав обычно называют свободами) или получать определенные блага (это – собственно права).

Существует множество различных теорий и взглядов, незакрепленных на законодательном уровне, касающихся элементов правового положения граждан, которые включают в себя совокупность прав, свобод и законных интересов. Неоднозначная трактовка терминов создает проблематику точной формулировки понятий и «свободной» интерпретации законов, что, в свою очередь, порождает необходимость проработки механизма закрепления, реализации и защиты конституционных терминов.

Основываясь на том, что Республика Беларусь является унитарным демократическим социальным правовым государством, как отмечается в ст. 1 Конституции Республики Беларусь, можно говорить о характерном для такого общества подходе о правах человека, где права – гарантированные государством возможности иметь какие-либо блага, либо возможности совершать какие-либо действия по собственной воле и в личных интересах человека.

Свободы – это более широкие возможности для самоопределения человека, не подразумевающие прямого участия другой стороны, которая предвставляет собой способность и возможность сознательно-волевого выбора. В свою очередь, право – это частичное ограничение свободы личности, необходимое для совместного сосуществования граждан.

Законные интересы – это правовая дозволенность и стремление к определенным благам, хотя и не всегда обеспеченные обязанностями других сторон, что делает их «усеченными» правами.

Конституционно-правовые основания ограничений прав и свобод граждан предусмотрены ст. 23 Конституции Республики Беларусь в интересах порядка, защиты нравственности, здоровья населения и др.

Права и свободы человека делятся на личные (гражданские), политические и социально-экономические, культурные, а также включают в себя право на защиту. Личные права связаны с жизнью человека как биосоциального существа (на жизнь, свободу, достоинство), политические – с участием в управлении государством (свобода слова, собраний), а социально-экономические и культурные – с материальными и духовными потребностями (право на труд, образование, отдых, творчество).

Таким образом, конституционное право личности (человека и гражданина) представляет собой установленные нормами Конституции Республики Беларусь вид и меру возможного поведения личности (челове-

ка и гражданина). Права и свободы образуют основу правового статуса. Законные интересы человека – это защищенные законом стремления и потребности, вытекающие из прав и свобод.

УДК 340.1

П.А. Полозкова, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Современный этап развития права характеризуется активным поиском новых векторов законодательной политики. В этом процессе ведущую роль играют правовые ценности, которые выступают в качестве фундамента и стратегического ориентира для совершенствования текущего законодательства. Для определения сущности правовых ценностей представляется необходимым предварительное обращение к универсальной философской интерпретации понятия «ценность». Такой подход позволяет выстроить логический переход от общего к частному, где правовые ценности рассматриваются как специфическая подсистема учения о ценностях – аксиологии.

В современной доктрине отсутствует общепризнанное определение данного понятия. Так, профессор В.Г. Графский в статье «Право и социальные ценности в исторической ретроспективе» отметил, что «ценность представляет собой моральное и технико-организованное обоснование, служащее резонансом для правил и принципов правового общения». По мнению О.В. Мартышина, изложенному в учебнике «Теория государства и права», «ценность представляет собой цель, к которой люди стремятся и связана с удовлетворением потребностей людей». Другие исследователи (А.В. Краснов, А.В. Скоробогатов, учебное пособие «Теория государства и права» (2016)) утверждают, что «ценность – это такое специфическое определение объектов окружающего мира, которое выявляет их положительное или отрицательное значение для человека и общества». Обобщая данную информацию, полученную при изучении и анализе указанной темы, можно сделать вывод, что ценность – это социально-культурное представление о положительной или отрицательной значимости идеи, цели или образа жизни для человека и общества, регулирующее деятельность и поведение индивида через сознание.

Когда эти представления становятся основой для создания законов, механизмом разрешения социальных конфликтов и главной целью, ради которой функционирует вся правовая система, они приобретают особый

статус и трансформируются в правовые ценности. Стоит отметить, что понятие «правовые ценности» не является унитарным и по-разному интерпретируется различными исследователями. Например, для Д.О. Винниченко в своей статье «Правовые традиции и ценности как предмет конституционно-правового исследования» указывает, что «правовые ценности – это в первую очередь принципы, идеалы и убеждения, которые формируют правовую систему и образуют цели, направления и приоритеты государства». Близкую, но с акцентом на практическое назначение, позицию находим в учебнике «Теория государства и права» (2009) В.И. Червонюка – это «гарант, предоставляющий возможность нормальной деятельности индивидов и организаций, препятствующий незаконным вмешательствам в сферу их правомерной деятельности».

Вышеизложенное приводит нас к заключению о том, что правовые ценности – это основополагающие принципы в обществе, которые, осуществляясь в правовых институтах, таких как правовое государство, правовой закон, служат гарантом для правотворческой политики, правомерного поведения субъектов права, обеспечивая стабильность правопорядка и реализацию справедливости в обществе.

По мнению А.В. Полякова, изложенному в «Общей теории права», правовые ценности можно классифицировать на эйдетические и социокультурные. «Эйдетические правовые ценности – это ценности самого права, неразрывно с ним связанные, вытекающие из его идеи и непосредственно в нем усматриваемые, независимо от его конкретно-исторического воплощения, от целей самого законодателя». «Социокультурные правовые ценности – это те ценности, содержание которых отражает особенности социокультурного развития конкретного общества». Ученый в своих исследованиях приходит к выводу о существовании нескольких видов эдейтических правовых ценностей, например, субъективные права, порядок, безопасность, свобода, ответственность, равенство и справедливость. Рассмотрим каждую из них:

1. Субъективные права – основная правовая ценность. Правовые обязанности обретают юридический смысл лишь в качестве средства реализации субъективного права, тем самым опосредуя удовлетворение как частных интересов управомоченного лица, так и публичных интересов общества.

2. Порядок – это результат действия любого права. Право по своей сути не может быть хаотичным или произвольным, поскольку оно основано на целенаправленном взаимодействии субъектов.

3. Безопасность обусловлена самой идеей права: от права ожидают, что оно гарантирует безопасность; под безопасностью понимается такое положение вещей, когда можно предвидеть решение юридических

ситуаций и рассчитывать на то, что оно будет реализовано при помощи средств принуждения, гарантирующих осуществление прав.

4. Суть свободы – в самостоятельности и самодеятельности. Это способность выбирать, как действовать в обществе, и через этот выбор формировать поведение других людей, проявляя собственную власть.

5. Ответственность – это сознательная ориентация человека на выполнение долга. С правовой точки зрения, она представляет собой сформированную обществом установку на соблюдение предъявляемых ему норм и правил.

6. Равенство означает, что все люди имеют равный правовой статус, все они являются носителями прав и обязанностей, признаются субъектами права. Закон применяется одинаково ко всем лицам, независимо от их социального, экономического, имущественного положения, расы, пола, религии и т. д.

7. Справедливость – это соответствие должному. По большому счету это разумное распределение благ и обязанностей между всеми гражданами одной страны.

Анализируя приведенные формулировки, можно заключить, что каждое из этих понятий делает акцент на обеспечении и защите прав индивида. Правовые ценности являются инструментом для формирования правосознания граждан. Они воспитывают людей уважать и соблюдать законы, понимать свои обязанности и границы дозволенного. Благодаря большому значению правовых ценностей, народ воспринимает государственную власть как нечто правомерное и гарантирующее, заслуживающее поддержки большинства. Если брать масштабно, то эти принципы крайне важны для всей правовой системы и законодательства. Они помогают конструктивно оценивать действующие законы и способствуют созданию новых, ориентируясь на мнение граждан, обладающим избирательным правом.

Итак, основные выводы, которые, полагаем, следует отметить в нашей статье. Сформулируем их следующим образом.

Правовые ценности лежат в основе концепции современного правового государства. Они не только определяют содержание и вектор развития текущего законодательства, но и формируют осознанность действий индивидов и понимания последствий их правонарушений. Правовые ценности выполняют функцию легитимации государственной власти через добровольное признание обществом ее справедливости, а также способствуют формированию правовой культуры, тем самым связывая в единое целое право, государство и общество вследствие их стремления к созданию и развитию устойчивого и безопасного государства.

А.В. Полякович, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Гражданское право является одной из основных отраслей права, которая регулирует отношения между физическими и юридическими лицами, основанные на равноправии и свободе воли сторон. Целью гражданского права является обеспечение справедливости и защита интересов граждан в обществе. Оно направлено на создание правового режима, который позволяет людям свободно заключать договоры и осуществлять свои гражданские права и исполнять обязанности, а также иметь правовую защиту своих прав и обязанностей. Гражданское право также регулирует отношения собственности, наследования, обязательств и иных гражданско-правовых институтов. Значение гражданского права в обществе заключается в создании стабильной и прогрессивной среды для экономического развития и социального благополучия. Гражданское право также способствует урегулированию споров и разрешению конфликтов, что способствует поддержанию мирных отношений в обществе, через основные принципы гражданского права, позволяющие людям жить и взаимодействовать друг с другом в мире и гармонии.

Принципы гражданского права впервые были закреплены в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК) с приданием им статуса основных начал гражданского законодательства. Это следует оценивать как начало нового этапа развития гражданского законодательства Республики Беларусь. Как справедливо отмечает в научной работе «Принципы гражданского права Республики Беларусь, их реализация в нормотворческой и правоприменительной деятельности» Н.Л. Бондаренко, принципы права – это исторические категории, которые формировались на протяжении длительного периода развития права, причем не произвольно, а в соответствии с объективными закономерностями, которые отражались в их содержании.

Основными принципами гражданского права являются: принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности, принцип приоритета общественных интересов, принцип равенства участников гражданских отношений, принцип неприкосновенности собственности, принцип свободы договора, принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений, принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, принцип бес-

препятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты и др.

Так, принцип свободы договора является одним из фундаментальных принципов гражданского права, заключается в том, что граждане имеют право свободно заключать договоры и определять их содержание по своему усмотрению, при условии, что они не противоречат закону и не нарушают права и интересы других сторон. Суть принципа свободы договора состоит в уважении автономии личности и ее права на свободу воли в сфере заключения договорных отношений. Принцип свободы договора способствует развитию экономической активности и регулированию отношений между гражданами. Он позволяет сторонам в договоре находить оптимальные условия для достижения своих целей, формировать отношения на основе взаимного доверия и оговаривать взаимные права и обязанности. Он также способствует экономическому развитию, поскольку стимулирует предпринимательство, инвестиции и сотрудничество между различными субъектами экономики, что способствует эффективному распределению ресурсов и стимулирует инновации.

Принцип равенства сторон является основополагающим принципом гражданского права и заключается в том, что все стороны в гражданско-правовых отношениях должны быть равноправными и иметь равные возможности для защиты своих интересов. Он гарантирует, что ни одна из сторон не будет преимущественно обладать властью или позицией, которая могла бы негативно влиять на другую сторону. При этом в случаях, когда стороны гражданско-правовых отношений являются неравноправными по своим возможностям, знаниям или ресурсам, принцип равенства сторон помогает сбалансировать отношения и предотвратить возможные злоупотребления. Применение этого принципа может проявляться через обеспечение доступа к суду и правосудию; защиту от неравных условий договора; защиту от давления, обмана или неравных условий договора, что помогает уравновесить отношения между сторонами и предотвратить возможные недобросовестные практики.

Кроме этого, принципы гражданского права применяются в различных областях иных отраслей права и учитываются при регулировании сходных отношений. Так, в трудовом праве принцип равенства сторон применяется при заключении трудовых договоров и регулирует отношения между работодателем и работником. Он гарантирует, что работники имеют равные возможности при заключении и исполнении трудового договора, а также право на справедливые условия труда. В земельном праве применяется при определении характера отношений между землевладельцами и арендаторами или пользователями земли, обеспечивая равное распределение прав и обязанностей между сторонами, а также

защищая интересы арендаторов или пользователей земли. Тем самым способствуя справедливости и сбалансированности в этих отношениях через защиту интересов всех сторон и обеспечение уравновешенного развития общества.

Стоит отметить также, что принцип права собственности так же, как и вышеупомянутые, является одним из фундаментальных принципов гражданского права и заключается в том, что каждый человек имеет право на свою собственность. Собственность представляет собой право владеть, пользоваться и распоряжаться материальными и нематериальными благами, а также участвовать в их преобразовании и распределении. Принцип собственности подразумевает, что юридические физические лица имеют право на защиту своей собственности от незаконных посягательств, таких как кража, мошенничество или незаконное отчуждение. Он признает значимость собственности для индивидуальной свободы, экономического развития и общественного благосостояния. При этом необходимо иметь в виду, что право собственности, несмотря на свою важность, не является безусловным и может быть ограничено или регулировано в определенных случаях, с целью защиты интересов общества и других людей.

При применении принципов гражданского права возникают различные трудности и вопросы, которые требуют особого внимания и анализа. Так, при интерпретации принципов необходимо иметь в виду, что каждый принцип гражданского права подразумевает определенное значение, и его интерпретация может быть различной в разных юрисдикциях или в рамках разных судебных практик. Вопрос заключается в том, как точно определить и интерпретировать принципы, чтобы обеспечить единообразное применение в гражданских делах. Поэтому при взаимодействии принципов необходимо учитывать, что в некоторых случаях различные принципы гражданского права могут конкурировать друг с другом, и возникает необходимость в их балансировке. Например, принцип собственности может столкнуться с принципом справедливости в случае обращения собственности в пользу общественных интересов. Решение этих конфликтов требует внимательного анализа и обоснования. Особенно актуальной эта проблема становится в связи с развитием новых технологий и появлением специфических сфер в жизнедеятельности общества, что приводит к возникновению новых ситуаций, требующих применения общих принципов гражданского права. Примером может служить применение права на конфиденциальность в контексте цифровой сферы. Вопрос заключается в том, как адаптировать существующие принципы к новым реалиям и сохранить их актуальность и значимость.

Таким образом, содержание и способы применения принципов гражданского права являются неотъемлемой частью действующей правовой

системы, так как они представляют собой основные нормативные элементы, которые определяют основные принципы урегулирования гражданских правоотношений. Поэтому их применение на практике осуществляется через законы, гражданско-правовые договоры и судебные решения. Соблюдение принципов гражданского права играет ключевую роль в обеспечении справедливости и понятности правовых отношений. Принципы позволяют создать равновесие между правами и интересами сторон, а также предоставить устойчивые и прогнозируемые правовые рамки для разрешения споров и конфликтов. Принципы гражданского права также способствуют достижению достойного уровня защиты прав и свобод граждан. Они обеспечивают рамки, в которых граждане могут устанавливать контракты, вести коммерческую деятельность, обладать и передавать собственность и вступать в правовые отношения с другими лицами.

В целом принципы гражданского права имеют огромное значение для современной правовой системы, так как помогают обеспечить единообразие и справедливость в разрешении споров, способствуя развитию гражданско-правовой доктрины и формированию общепринятых гражданско-правовых стандартов. Принципы также служат основой для инноваций в правовой сфере, поэтому в связи с развитием технологий и появлением новых видов деятельности принципы гражданского права должны адаптироваться к новым ситуациям и вызовам. Соблюдение принципов обеспечивает справедливость, понятность и стабильность в правовых отношениях, а также способствует развитию гражданско-правовой доктрины в соответствии с изменяющимися вызовами и требованиями современного общества.

УДК 341.4

В.Ю. Похольчик, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ЭКСТРАДИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В последние годы все бóльший научный интерес возникает к рассмотрению экстрадиции в Республике Беларусь как одного из важных направлений международного сотрудничества в борьбе с преступно-

стью. Суверенная юрисдикция государств, территориальная определенность, институт гражданства как атрибуты государства вызывают значительное препятствие в механизме привлечения лиц к уголовной ответственности. В связи с вышеизложенным для реализации принципа неотвратимости уголовного наказания необходимо эффективное международное сотрудничество по данному вопросу. Под экстрадицией понимают выдачу государством лица для реализации задач уголовного преследования. Существует множество определений экстрадиции, однако единого понимания в этом вопросе нет, так как институт экстрадиции довольно сложен для краткой характеристики. Используемые дефиниции выдачи, передачи, доставки лица чаще всего определяют ее через самих себя.

Поэтому мы имеем право считать, что термин «экстрадиция» является наиболее емким и отражающим содержание, так как включает в себя не только «выдачу», но и процесс оформления запроса на экстрадицию, меры по установлению местонахождения лица, избрание мер процессуального принуждения. Вместе с тем стоит отметить, что Римский статут Международного уголовного суда, принятый 17 июля 1998 г. (вступил в силу 1 июля 2002 г.), разделяет выдачу лица другому государству и передачу лица Международному уголовному суду или иному международному судебному учреждению (далее – Римский статут 1998 г.). Согласно ст. 102 Римского статута 1998 г. «выдача» означает доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора, конвенции или национального законодательства. В связи с вышеизложенным позиция разработчиков Римского статута 1998 г. отвечает современному пониманию дефиниции данного института, так как «выдача» позволяет разграничить национальную юрисдикцию в отношении привлекаемых к уголовной ответственности лиц.

По своему содержанию институт экстрадиции основан на абсолютном праве государства выдавать или не выдавать другому государству физическое лицо, находящееся на его территории. Однако взятые на себя государством международно-правовые обязательства ограничивают данное абсолютное право, если это не противоречит национальному законодательству. Соответственно, в отношении отдельного взятого лица решение вопроса об экстрадиции учитывает целый ряд обстоятельств. В текущий момент научная доктрина различает следующие виды экстрадиции:

– выдачу лица для реализации целей уголовного преследования (в государство, где совершено уголовно наказуемое деяние);

- выдачу для исполнения приговора (в государство гражданства);
- выдачу на время лиц, содержащихся под стражей или отбывающих уголовное наказание (для уголовного преследования или производства процессуальных действий по уголовным делам).

Правовой основой указанных видов экстрадиции являются нормы международного и национального права, на которых должно быть основано принимаемое процессуальное решение об экстрадиции. Таким образом, наиболее важным приоритетом в развитии данного направления международно-правового сотрудничества мы видим имплементацию норм международного законодательства, касающихся регулирования вопроса экстрадиции, а также соблюдение принципов, закрепленных Конституцией Республики Беларусь (от 15 марта 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). Примечательным является тот факт, что в ст. 472 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (принятого 16 июля 1999 г. № 295-3 с изменениями и дополнениями от 21 февраля 2025 г., 3 марта 2025 г. и 21 мая 2025 г.) не содержится нормы, предусматривающей возможность передачи иностранному государству на время лица, содержащегося под стражей, для производства процессуальных действий с его участием в качестве свидетеля или потерпевшего. Отсутствие данной нормы в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь позволяет выявить несогласованность национального законодательства с признанными Республикой Беларусь положениями ст. 106 Конвенции ООН о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (принятой 7 октября 2002 г. в г. Кишиневе) и ст. 78¹ Конвенции ООН о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (принятой 22 января 1993 г. в г. Минске), предусматривающими передачу на время лица, находящегося под стражей или отбывающего наказание в виде лишения свободы, для производства процессуальных действий с его участием в качестве свидетеля или потерпевшего. В целях приведения законодательства к действующим международным стандартам считаем целесообразным дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь положениями, касающимися возможности передачи иностранному государству на время лица, содержащегося под стражей, для производства процессуальных действий с его участием.

При учете всех положительных тенденций развития института экстрадиции в рамках международного сообщества в настоящее время многие государства, в том числе и Республика Беларусь, идут по пути упрощения процедуры экстрадиции, в контексте предоставления компе-

тенции в принятии решения о заключении под стражу с целью последующей передачи прокуратуре или иным государственным органам. Такой подход имеет как преимущества в виде упрощения и удешевления процесса, так и недостатки в виде невозможности полноценно судить об общественной опасности заключаемого под стражу с целью выдачи лица. В Республике Беларусь заключение под стражу происходит на основании санкционированного прокурором постановления. В свою очередь, юридическая доктрина считает, что суд, призванный рассматривать дело по существу, примет во внимание мнение сторон обвинения и защиты о целесообразности заключения лица под стражу с целью выдачи. Принимая во внимание положение ст. 60 Конституции Республики Беларусь («каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом...»), считаем целесообразным усилить полномочия суда в контексте установления возможности применения к лицу меры пресечения в виде заключения лица под стражу с целью последующей выдачи на основании судебного решения. Данная правовая конструкция позволит прагматично оценить общественную опасность лица, не только строго руководствуясь положениями уголовно-процессуального законодательства.

УДК 347.1

А.С. Прищик, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

СДЕЛКИ, СОВЕРШЕННЫЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Институт недействительности сделок, совершенных под влиянием существенного заблуждения, закрепленный в ст. 179 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), призван защищать волю участника гражданского оборота, чье волеизъявление было искажено в результате неверного представления о ключевых обстоятельствах сделки. Однако правоприменительная практика демонстрирует, что реализация такого механизма защиты сопряжена с серьезными процессуальными трудностями, центральной из которых является проблема доказывания существенного характера самого заблуждения. Эта проблема носит комплексный характер и проистекает из самой юридической природы данного основания недействительности.

Неопределенность критериев существенного заблуждения создает риск как для лица, ошибочно выразившего свою волю, так и для его

контрагента, поскольку нарушается принцип стабильности гражданского оборота и предсказуемости правового регулирования. В условиях необходимости защиты как интересов добросовестных сторон, так и лиц, введенных в заблуждение, изучение данной проблемы сохраняет высокую актуальность.

В юридической доктрине заблуждение определяется как ложное представление участника сделки о фактических или юридических обстоятельствах, существовавших в момент ее совершения. Это субъективная категория, отражающая внутреннее восприятие действительности.

В ст. 179 ГК Республики Беларусь закреплено, что «существенным признается заблуждение относительно природы сделки, предмета либо таких качеств предмета, которые значительно снижают возможность его использования по назначению». Гипотетически критерии, сформированные в диспозиции указанной правовой нормы, требуют от суда и сторон реконструкции событий, которые не произошли, что изначально носит спекулятивный характер. Истцу приходится доказывать не только собственное субъективное заблуждение, но и то, как в аналогичной ситуации повел бы себя абстрактный «разумный и объективный» участник гражданского оборота. На практике это означает, что простых утверждений истца оказывается недостаточно. Требуется представление объективных доказательств, таких как заключения экспертов о реальной стоимости или качествах предмета сделки, сравнительный анализ рыночных цен или свидетельства о техническом состоянии объекта, которые могли бы убедить суд в фундаментальности ошибки для сделки такого типа.

Не менее сложной является проблема разграничения существенно-го заблуждения и заблуждения в мотивах. В п. 2 ст. 179 ГК Республики Беларусь прямо исключается мотив из числа значимых обстоятельств, что на практике приводит к сложнейшей задаче квалификации. Истцу необходимо доказать, что его заблуждение относилось непосредственно к юридически значимым характеристикам предмета или природы сделки, например, к подлинности произведения искусства, техническим характеристикам оборудования или правовому статусу недвижимости, а не к тем причинам, которые побудили его к совершению сделки, таким как расчет на будущий доход или намерение использовать актив в определенном бизнесе.

Ключевым элементом доказывания является установление причинно-следственной связи. Истец должен продемонстрировать суду, что именно это конкретное заблуждение, а не какие-либо иные соображения, стало определяющим фактором для его волеизъявления. Если ответчику удастся доказать, что истец знал о спорных обстоятельствах, либо что

они не оказали решающего влияния на его решение, иск не будет удовлетворен. Наконец, значительные сложности вызывает применение на практике оценочного критерия «значительного снижения возможностей использования предмета по назначению».

Отсутствие формализованных пороговых значений, например, в виде процентного соотношения стоимости или утраты функциональности, приводит к тому, что в сходных ситуациях разные суды могут принимать противоположные решения, основываясь на собственном внутреннем убеждении.

Для устранения существующей правовой неопределенности и повышения эффективности судебной защиты прав сторон, совершивших сделку под влиянием заблуждения, необходим комплексный и системный подход. Первостепенной мерой видится внесение изменений в ГК Республики Беларусь с целью формулирования уточненного определения существенного заблуждения, которое включало бы в себя более четкие, применимые на практике критерии, такие как принципиальная невозможность выявления ошибки при проявлении стороной обычной осмотрительности.

Одновременно с этим критически важным являются разработка и принятие специализированного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащего развернутые разъяснения по вопросам установления достаточного уровня осмотрительности, а также допустимых и эффективных способов доказывания существенности заблуждения в суде.

Наконец, фундаментальной основой для применения всех этих мер должны стать активное развитие и последовательное внедрение в судебную практику доктрины добросовестности, которая должна служить универсальным критерием для оценки фактического поведения сторон как на стадии заключения, так и при оспаривании оспоримой сделки. Реализация указанных шагов в совокупности позволит сформировать более предсказуемую и справедливую правовую среду для участников гражданского оборота.

Таким образом, проблема доказывания существенного заблуждения как основания для недействительности сделки представляет собой системный вызов гражданскому праву и процессу Республики Беларусь. Ее корень лежит в фундаментальном противоречии между субъективной природой самого заблуждения – внутреннего психологического состояния стороны – и объективными требованиями гражданского судопроизводства, требующего доказывания обстоятельств надлежащими и достоверными доказательствами.

Сложившаяся правоприменительная практика демонстрирует, что оценочность и гипотетический характер легальных критериев ст. 179 ГК Республики Беларусь («разумная и объективная оценка», «значительное снижение возможностей использования») создают широкий простор для судейского усмотрения, что, в свою очередь, ведет к правовой неопределенности и непредсказуемости судебных решений. Ключевые трудности – необходимость реконструкции «гипотетической воли» стороны, практически невозможная без привлечения косвенных и объективных доказательств, и сложность разграничения заблуждения в существенных качествах предмета от юридически безразличного заблуждения в мотиве – часто становятся непреодолимым барьером для добросовестной, но неосмотрительной стороны.

Преодоление указанных проблем видится не в упрощении института, а в его последовательной конкретизации. Это требует комплексных мер: от совершенствования законодательства через введение более четких критериев существенности до формирования единообразной судебной практики, основанной на активном использовании цифровых доказательств и последовательном применении принципа добросовестности как универсального ориентира для оценки поведения сторон. Только такой подход позволит сохранить баланс между стабильностью гражданского оборота и защитой прав участников, чья воля была искажена в результате существенного заблуждения.

УДК 341.018

И.А. Прокопович, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

САНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ВЛИЯНИЕ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Современное медиапространство при освещении международно-политических событий часто применяет термин «санкции», который в преподносимом контексте не имеет ничего общего с санкциями, понимаемыми как меры принуждения в доктрине международного права. Такие «санкции» представляют собой односторонние принудительные меры государств-акторов и являются серьезным инструментом воздействия на государства-объекты для достижения определенных собственных выгодных целей.

Как пишет В.О. Серебряков в публикации «Санкционная политика как инструмент воздействия на суверенные государства», нынеш-

няя цивилизация вступила в эпоху переустройства глобального мира. Главными реконструкторами этого глобального переустройства являются США и их сателлиты, которые борются за сохранение однополярного мироустройства, которые готовы использовать весь возможный арсенал политико-дипломатического, торгово-экономического, а также силового давления на суверенные государства.

Необходимо подчеркнуть, что экономическая составляющая санкций является одним из основных рычагов воздействия, применяемого в целях оказания необходимого влияния. Как верно утверждают в своей статье «Экономическая безопасность и устойчивое развитие государства в условиях санкций. Что может помочь?» Н. Мирончик и Е. Щерба, что в условиях глобальной нестабильности, политических и социально-экономических сложностей, а также многочисленных внешних вызовов и ухудшения геополитической обстановки в регионе из-за военного конфликта между Россией и Украиной Республика Беларусь все равно добивается успехов по достижению целей устойчивого развития, что является определенным ориентиром для прогресса и процветания не только отдельных граждан, но и общества в целом.

Санкции в отношении Республики Беларусь впервые были введены Европейским союзом (ЕС) 15 сентября 1997 г. Введение санкций стало ответной реакцией на референдум, проведенный 24 ноября 1996 г. ЕС тогда официально ограничил формат «отношений с Минском до уровня ниже министерского» по причине наличия мнимого нарушения прав человека и нарушениями на выборах. В 2011 г. ЕС принял решение о заморозке активов некоторых белорусских компаний. В 2021 г. ЕС впервые ввел экономические секторальные санкции против Республики Беларусь. Эти санкции касались:

- поставки разного оборудования, технологий и программного обеспечения для мониторинга и перехвата телефонных разговоров и идентификации пользователей в интернете;
- поставки товаров двойного назначения и технологий (продукты питания, электротовары, мебель, текстильные изделия, культурно-бытовые товары и т. д.);
- ввоза нефтепродуктов и продуктов с содержанием калия из Республики Беларусь в страны ЕС;
- доступа к финансовым рынкам ЕС для государственно-финансовых и иных органов Республики Беларусь;
- приостановления финансирования Европейским инвестиционным банком проектов в государственном секторе;
- участия банков стран ЕС в государственных проектах.

На сегодня в отношении Республики Беларусь введены санкции не только со стороны ЕС, но и США, Канады, Великобритании, Швейцарии, Японии, Австралии и Тайваня. Если рассматривать меры санкционного давления, введенные недружественными странами в отношении Республики Беларусь, то можно выделить основные направления их влияния:

- прямой запрет на экспорт отдельных категорий товаров, а также ужесточение мер экспортного контроля в отношении Республики Беларусь: введен запрет на хлорид калия, минеральные продукты, продукцию деревообработки, металлы и сталь, цемент, резину, установлен запрет на поставки в Республику Беларусь высокотехнологичного оборудования, товаров двойного назначения, а также технической и финансовой помощи, иных услуг в отношении таких товаров для использования в Республике Беларусь или любым лицам из Республики Беларусь;

- запрет на предоставление государственного финансирования или финансовой помощи для торговли с Беларусью или инвестиций в Республику Беларусь;

- запрет белорусским предприятиям автомобильного транспорта с 16 апреля 2022 г. на перевозку грузов автомобильным транспортом по территории ЕС, в том числе транзитом;

- отмена «режима наибольшего благоприятствования» с Республикой Беларусь, что позволяет введение заградительных пошлин на товары, поставляемые из Республики Беларусь.

Следует отметить, что единственным законным средством принуждения государств в международном праве являются санкции, одобренные Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). Решения СБ ООН обладают наивысшей легитимностью в рамках международного права и основываются на нормативных положениях Устава ООН, в том числе решения, связанные с введением санкций. Согласно п. 7 ст. 2 Устава ООН Организации запрещается вмешиваться в вопросы, входящие в исключительную внутреннюю компетенцию другого государства. При этом п. 7 ст. 2 Устава ООН допускает определенные исключения, что предоставляет Организации возможность вмешиваться во внутренние конфликты, если они представляют реальную угрозу международной безопасности. В таких случаях СБ ООН вправе использовать положения гл. VII Устава ООН и применять принудительные меры.

Когда речь идет о применении односторонних санкций, ключевым фактором становится наличие либо отсутствие разрешения СБ ООН. Однако на практике подобные меры, принимаемые крупными государствами или международными субъектами, такими как США и ЕС, которые сопоставимы по политическому и экономическому воздействию с санкциями, утвержденными СБ ООН. Это означает, что в случае, если

односторонние санкции вводятся без одобрения СБ ООН или превышают его установленные ограничения, это может подрывать усилия ООН по поддержанию глобального мира и безопасности. Односторонние санкции могут оказывать негативное влияние не только на страну-объект, но и на третьи государства, которые ведут с ней легальное сотрудничество. Инициаторы санкций могут расценивать такие взаимодействия как нарушение запрета, что создает риски для партнерства и может привести к его прекращению.

В своей статье «Экономическая безопасность и устойчивое развитие государства в условиях санкций. Что может помочь?» Н. Мирончик, Е. Щерба приводят тезис о том, что реальные эффекты экономических шоков по причине введения санкций по своим последствиям сходны с последствиями войн и стихийных бедствий. Однако негативное влияние санкций распространяется также на население государства, в определенной степени снижая продолжительность и качество жизни. В общих чертах это может происходить по следующим причинам:

1. Ограничения на импорт, которые влекут за собой ограничения на поставку конечных потребительских товаров и материалов для производства, в том числе предназначенных для медицинского использования, таких как лекарства, машины скорой помощи, медицинское оборудование, наносят значительный ущерб инфраструктуре здравоохранения целевых стран. Неблагоприятные последствия для инфраструктуры здравоохранения могут иметь место, даже если товары медицинского назначения исключены из санкционного списка. Косвенный эффект проявляется за счет увеличения общего уровня закупочных цен на товары и материалы для отрасли здравоохранения.

2. Проблема государственных расходов на здравоохранение. Поскольку государственные расходы основаны на налоговых поступлениях, снижение последних, а также общего дохода экономики ограничивает финансовые возможности государства и вынуждает правительство сокращать расходы на услуги общественного здравоохранения.

3. Увеличение себестоимости и цен частных медицинских услуг. Более высокие цены приводят к ограничению доступа части населения к частной медицинской помощи. Это, как правило, более уязвимые члены общества – малообеспеченные, женщины, дети и пожилые люди.

4. Более низкий доход создает стимулы к выполнению работ с тяжелыми или небезопасными условиями труда.

Таким образом, белорусская экономика, несмотря на беспрецедентное санкционное давление, демонстрирует устойчивость и продолжает развиваться, укрепляя свои позиции. Особую эффективность и положительные результаты в виде роста производительности труда и фи-

нансовой стабильности показывают те предприятия, которые сумели своевременно адаптироваться к изменяющимся рыночным условиям, скорректировать стратегии и извлечь выгоду из внешней конъюнктуры. Беларусь остается открытой для равноправного сотрудничества как с другими государствами, так и с международными организациями, видя основу современной дипломатии в построении уважительного межгосударственного диалога.

УДК 347

Е.А. Пышьева, курсант юридического факультета Воронежского института ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

В настоящее время сущность и содержание понятия «система» в административном законодательстве не раскрываются. В то же время в правовых исследованиях административной направленности ученые и специалисты исследуют данное понятие и характеризуют его с различных сторон.

Вместе с тем можно выделить признаки системы административных наказаний (САН): 1) наличие общей логики системообразующих звеньев, т. е. непосредственно самих административных наказаний; 2) структурно-иерархическое единство, свидетельствующее о двухуровневой системе: первый уровень – коллективный смысл и конструкционное строение категории административного наказания, второй уровень – сами, различные, административные наказания в своей индивидуальности; 3) относительная самостоятельность системы, которую, в определенной степени, формируют функциональность и индивидуальность административных наказаний; 4) относительная устойчивость системы: количество внесенных в нее изменений и дополнений – достаточно невелико.

По мнению В.А. Тарабрина, изложенному в статье «Система административных наказаний», система по сути своей – перечень административных наказаний. На самом деле, это не система, а классификация (в которой и представлены элементы системы – иерархичность, организованность, стройность и др.).

Е.А. Первышов и А.Н. Выскребенцев в первую очередь констатируют, что административные наказания являются ведущими конструкционными элементами не системы (как Общего), а системы санкций (как Особенного). Далее авторы приводят классификации построения

САН: 1) первая: отрицает наличие самой системы (аргументы: использование вместо понятия «система» понятий «перечень» и «виды»); 2) вторая: система наличествует, но она конструкционно несовершенна (предлагается выстроить ее по аналогии с системой уголовных наказаний). Вместе с тем авторы считают, что систему образует совокупность административных наказаний. В связи с этим система представляет собой исключительно высокоорганизованный, сложный, разносторонний, своего рода механизм, в котором множество элементов связано между собой и порождает организационное единство, а не просто перечень наказаний.

По мнению И.В. Гунькина, под САН необходимо понимать совокупность элементов и компонентов, объединенных единой целью негативного воздействия на правонарушителя и единым функционалом привлечения такового к административной ответственности. Совершенно непонятен смысл данного определения, отсутствуют разъяснения по поводу того, что представляют собой «элементы» и «компоненты», само воздействие носит не негативный, а скорее нейтральный (превентивный, предупредительный, предотвращающий) характер, также представляется непонятным, за что в отношении правонарушителя применяется «функционал» привлечения к административной ответственности.

В научном сообществе до сих пор нет единства в понимании разницы между административным процессом и судопроизводством. Термины «процесс» и «судопроизводство» часто используются как взаимозаменяемые, хотя такой подход может быть ошибочным. Существуют разные трактовки этих понятий, в том числе узкое и широкое определения, а также судебное и интегративное.

Этот процесс осуществляется без участия судебных органов. Регулирование таких действий происходит на основе законодательных и нормативных актов. Целью административного процесса является обеспечение слаженной работы органов власти и своевременное реагирование на обращения и нужды граждан.

Административная деятельность включает в себя рассмотрение индивидуальных случаев органами исполнительной власти, изучение всех деталей, вынесение заключений и контроль за их исполнением. Такая деятельность ключевая для воплощения государственных стратегий и защиты общественных интересов. В то время как административное судопроизводство относится к рассмотрению судами споров, которые возникают в связи с административными и другими публичными отношениями, и представляет собой судебное измерение административной работы в более широком смысле.

В узком понимании административный процесс представляет собой взаимодействие трех сторон, главная задача которого – разрешение административно-правового конфликта. В такой модели судебная инстанция является нейтральной стороной, обязанностью которой является установление справедливости в споре.

Такой перспективе на судебное разбирательство в административной практике долгое время не уделялось внимания в научных трудах, хотя она существует уже много лет.

О.В. Панкова в своей публикации «Административное правосудие и административная юстиция в контексте соотношения с правосудием по делам об административных правонарушениях и административной юрисдикцией» отмечает, что «административный процесс отождествляется с процессуальной формой административной юстиции, правосудием по административным делам, деятельностью суда, при этом ставится знак равенства между административным процессом и административным судопроизводством».

По мнению Д.Н. Бахраха, изложенному в статье «Юридический процесс и административное судопроизводство», «новая, сложившаяся концепция административного процесса не имеет оснований для существования. В том числе потому, что административно-процессуальное право, находящееся в совместном ведении, относит не к процессуальной форме функционирования судебной власти, а считает его процессуальной формой деятельности публичной исполнительной власти (администрации)».

Административный процесс представляет собой процедуры, осуществляемые судебными органами, исполнительной властью и другими инстанциями, имеющими соответствующие полномочия, в соответствии с установленными правилами административно-процессуального законодательства. Эти процедуры нацелены на урегулирование случаев и конфликтов, которые возникают в рамках публично-правовых отношений, включая административные взаимосвязи.

Судебные органы и исполнительная власть действуют в рамках четких процедур, гарантирующих соблюдение закона, необходимую объективность и результативность при рассмотрении административных дел. Однако в академических исследованиях эта сфера пока не освещена должным образом. Существует потребность в более глубоком изучении административного судопроизводства, что повлечет за собой улучшение нормативной базы и практики применения законов в этой области.

«Административный процесс рассматривается как урегулированная нормами процессуального права и структурно формализованная

деятельность органов публичной власти, которая связана с принятием административно-правовых актов, их исполнением либо разрешением споров, возникающих по поводу неправомерности этих актов и/или нарушения ими субъективных публичных прав частных лиц», – отмечают ученые в учебнике и практикуме для вузов «Судебное административно-процессуальное право России» (2024).

«Взаимосвязанная внесудебная и судебная правоприменительная деятельность по разрешению административных дел, осуществляемая в процессуально-правовых формах административного производства и административного судопроизводства и регулируемая специальной отраслью права – административно-процессуальным правом», – утверждают А.Б. Зеленцов, П.И. Кононов, А.И. Стахов в своей публикации «Административный процесс как вид юридического процесса: современные проблемы понимания и нормативно-правовой регламентации».

Стадийность является ключевым принципом административного процесса, в том числе и в рамках разбирательства по административным делам. Каждая стадия процесса обладает определенной степенью автономии и определяется своими задачами, участниками и способом документирования итогов. В юридической науке об административном праве принято выделять несколько таких стадий, которые одинаково применимы как к оперативно-управленческим, так и к юрисдикционным действиям.

Следует обратить внимание, что «традиционно под «стадией» понимается часть процесса и равно входящего в него производства; «стадия» – это период, определенная ступень развития; «процессуальная стадия» в юридическом смысле – совокупность процессуальных действий и решений, объединенных общей задачей и завершаемых выводами по делу, принимаемыми компетентными органами».

Как и любая разновидность юридического процесса, производство по делам об административных правонарушениях развивается во времени как последовательный ряд сменяющих друг друга фаз развития (стадий).

«Каждая стадия имеет самостоятельную, но подчиненную общей цели процессуальную задачу, которая обуславливает, с одной стороны, принадлежность стадии к общей системе процесса, а с другой – качественные особенности стадии как в известной степени самостоятельно явления. Наличие общей цели и позволяет вести речь о включении в понятие производства всех процессуальных действий, осуществляемых на каждой стадии», – обосновывает свою точку зрения А.А. Андреев в «Административно-процессуальном праве» (2023).

ДЕПОРТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

В настоящее время с учетом складывающейся миграционной политики нашего государства важное значение имеет правильное применение такого административного взыскания, как депортация, так как ежегодно наблюдается увеличение потока иностранцев, прибывающих на территорию Республики Беларусь для осуществления трудовой деятельности, с целью гостевых поездок к родственникам, а также отдыха и туризма.

С целью недопущения совершения правонарушений, а также профилактики совершения новых правонарушений существует миграционный контроль, который осуществляется подразделениями органов внутренних дел, основываясь на принципах, закрепленных в общем порядке в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП). Таким основополагающим началом, как известно, выступают законность, защита прав и свобод как граждан Республики Беларусь, так и иностранных граждан, лиц без гражданства. В целом же органы внутренних дел используют силы и средства комплексно, взаимодействуя с заинтересованными республиканскими органами государственного управления и иными лицами.

Нарушение требований законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь нормативно закреплено в ст. 24.35 КоАП. Одним из видов административного взыскания выступает депортация.

Так, при наложении такого вида административного взыскания необходимо руководствоваться единой правоприменительной практикой исполнения указанной меры, так как в сущности своей может возникнуть множество пробелов.

Так, понятие депортации легально закреплено в ст. 6.8 КоАП и представляет собою меру государственного принуждения в форме принудительного выдворения иностранного субъекта за пределы государственной территории.

Следует акцентировать внимание на том, что белорусское законодательство дифференцирует данный институт на две процессуальные формы: депортацию, осуществляемую в добровольном порядке, и депортацию, производимую в принудительном порядке.

Невозможность применения административного взыскания в виде добровольной депортации возникает при наличии обоснованных оснований, что иностранный гражданин или лицо без гражданства могут уклониться от исполнения вынесенного в отношении их решения.

В целях оптимизации регулирования процедуры выдворения и минимизации рисков уклонения от добровольного исполнения постановления о депортации предусмотрен комплекс обеспечительных мер. Данный комплекс включает в себя задержание для гарантии реализации постановления о депортации с последующим помещением в специализированные учреждения – Центр временного содержания, Центр изоляции правонарушителей.

Сотрудники компетентного органа, исполняющего постановление о депортации, конвоируют депортируемого иностранца, в отношении которого приняты меры по задержанию, до государственной границы и прекращают его конвоирование после ее пересечения иностранцем, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь либо постановлением о депортации. В постановлении о депортации проставляется отметка о выезде депортируемого иностранца за пределы Республики Беларусь или производится запись должностного лица данного компетентного органа об исполнении постановления о депортации, месте и времени пересечения иностранцем государственной границы.

Ключевым моментом на финальной стадии при процедуре исполнения постановления о депортации является то, что должностное лицо уполномоченного органа предупреждает иностранца об уголовной ответственности за незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь и нарушение им срока запрета въезда на территорию Республики Беларусь. В данном случае в обязательном порядке производится соответствующая запись в постановлении о депортации. Важностью момента необходимо отметить именно факт разъяснения лицу последующих более строгих мер и применении к нему другого вида юридической ответственности. В целом такой акцент направлен для доказательственной базы в случае непослушания иностранным гражданином или лицом без гражданства и порядка передвижения в будущем с учетом срока запрета въезда в Республику Беларусь.

Следует отметить, что срок запрета въезда в Республику Беларусь иностранного гражданина или лица без гражданства составляет от шести месяцев до пяти лет, однако в широком смысле он устанавливается с учетом обстоятельств, послуживших основанием для принятия такого решения о депортации и вынесении соответствующего документа, а также общих сведений, характеризующих его личность в целом. Более

того, компетентному органу необходимо учесть и период пребывания лица на территории белорусского государства.

В течение трех дней после определения даты исполнения постановления о депортации компетентный орган вручает либо направляет заказным письмом депортируемому иностранцу или ходатайствовавшему лицу уведомление об оплате расходов, связанных с депортацией, и их предварительный расчет.

Таким образом, депортация как один из видов административного взыскания применяется только к незаконно находящимся на территории белорусского государства иностранным гражданам и лицам без гражданства. При этом его применение должно быть аргументировано и учтено с законными интересами лица, общества и государства в целом. Такая реализация сформированного метода регулирования направлено на упорядочивание передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь и разделение миграционного потока, а также определяет порядок выдворения за пределы Республики Беларусь и своей сущностью исполняет превентивную функцию, дисциплинирует других лиц для соблюдения ими законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства.

УДК 347.78

П.Г. Репт, студент юридического факультета
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой

ПРАВОВОЙ СТАТУС МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАНЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием технологий генеративного искусственного интеллекта (ИИ), которое порождает методологический кризис в традиционной системе авторского права. Сложившаяся доктрина (И.А. Иванов, Е.М. Косьяненко, О.В. Сушкова, Н.Д. Шмелев, В. Штенников), основанная на обязательном участии человека в творческом процессе, оказывается недостаточной для регулирования отношений в новой цифровой среде. Законодательные пробелы в определении правовой природы ИИ-генерированного музыкального контента приводят к правовой неопределенности и доминированию частноправового регулирования, когда ключевые аспекты использования произведений определяются не законом, а пользовательскими соглашениями цифровых платформ.

Центральная проблема заключается в отсутствии единого международного и национального подхода к охраноспособности произведений, созданных с помощью ИИ. Это порождает системные риски для всех участников цифровой экосистемы: для правообладателей существует угроза несанкционированного использования их произведений для обучения ИИ-моделей; для пользователей характерна неопределенность в объеме прав на созданный с помощью ИИ контент; для разработчиков сохраняется риск ответственности за нарушение исключительных прав при отсутствии четких правил легализации их деятельности.

Ключевые выводы проведенного исследования сводятся к следующему. Во-первых, сравнительно-правовой анализ выявил поляризацию международных подходов. В США судебная практика (дело *Thaler против Perlmutter*) движется в сторону отказа в охраноспособности произведений, созданных без «существенного человеческого участия». В то же время в Китае наметилась тенденция к признанию автором пользователя ИИ как лица, реализующего творческий замысел (дело *Ли Юнкай против Лю Юаньчун*). Во-вторых, в условиях законодательного вакуума де-факто сложилась модель доминирования частноправового регулирования.

Правовой режим ИИ-музыки устанавливается пользовательскими соглашениями платформ (*SUNO, Stable Audio, Soundful*), которые применяют дифференцированную модель лицензирования в зависимости от тарифного плана пользователя, часто оставляя исходные права на контент за самой платформой.

В-третьих, в качестве ключевого критерия охраноспособности ИИ-произведения в доктрине и на практике начинает утверждаться творческий вклад человека. Он проявляется на всех этапах работы с ИИ, но наиболее значим в составлении промта (текстового задания), который рассматривается как форма выражения творческого замысла инициатора создания произведения.

В-четвертых, отдельную сложную проблему представляет голосовое клонирование. Голос как объект правовой защиты находится на стыке различных правовых режимов: смежных прав, права на имидж и защиты биометрических данных.

Анализ показал, что существующие в законодательстве Республики Беларусь институты (нематериальные блага, смежные права, персональные данные) не обеспечивают комплексной и эффективной защиты от цифрового клонирования голоса, поскольку ИИ-синтез создает новый объект, имитирующий голос на алгоритмическом уровне, а не манипулирует конкретной записью.

На основании выявленных проблем и пробелов предлагается комплекс мер по совершенствованию законодательства Республики Беларусь. Для этого целесообразно дополнить ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» двадцать восьмым абзацем следующего содержания: «Музыкальное произведение, созданное искусственным интеллектом (ИИ-произведение) – аудиовизуальный или звуковой контент, сгенерированный полностью или преимущественно алгоритмами машинного обучения без существенного творческого вклада человека, за исключением выбора базовых параметров генерации».

Кроме того, требуется легализация процесса обучения ИИ. В законодательство следует ввести положение, допускающее использование охраняемых произведений для обучения ИИ-моделей в научных, исследовательских и коммерческих целях, при соблюдении ряда условий: правомерности источников обучающих данных, обеспечения непрямого копирования охраняемых элементов и соблюдения условий лицензионных соглашений.

В целях обеспечения информационной прозрачности необходимо введение обязательной маркировки ИИ-генерированного контента обозначением «Сгенерировано ИИ» при его публикации или коммерческом использовании.

В-пятых, для повышения ответственности разработчиков предлагается создать систему сертификации коммерческих ИИ-платформ. Это подразумевает их обязательную регистрацию с требованием раскрытия источников обучающих данных и подтверждения их правомерности, внедрения механизмов идентификации контента (цифровые водяные знаки, метаданные), а также предоставления пользователям четкой информации о пределах их прав на созданные произведения.

В заключение следует отметить, что предложенная комплексная концепция правового регулирования направлена на системное устранение выявленных пробелов. Ее реализация позволит защитить интересы авторов и правообладателей, создать предсказуемые и стабильные правовые условия для развития инноваций в стране и предотвратить потенциальные правовые конфликты.

Таким образом, разработанная модель регулирования нацелена на эффективную защиту национальной культурной сферы и гармонизацию взаимодействия традиционного творчества и передовых технологий искусственного интеллекта в Республике Беларусь.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ

В условиях стремительного развития цифровых технологий правовая система сталкивается с новыми проблемами, связанными с киберпреступлениями. Нарушения в сети Интернет наносят реальный имущественный и моральный вред. Гражданско-правовая ответственность становится важным инструментом компенсации ущерба и восстановления справедливости.

Исторически защита прав в сфере информации начала формироваться еще в конце XX в., когда появились первые электронные системы обработки данных. Первоначально законодательство касалось в основном вопросов авторского права и охраны конфиденциальной информации. Уже тогда юристы отмечали необходимость выработки особых мер ответственности за неправомерное вмешательство в цифровые процессы. Г.Ф. Шершеневичем подчеркивалось, что «право должно идти в ногу с жизнью, иначе оно теряет свою регулирующую силу». Эти предпосылки стали основой для формирования современного института гражданско-правовой ответственности в сфере кибербезопасности.

В советский период понятие киберпреступлений, естественно, отсутствовало, однако регулирование вопросов, связанных с охраной государственной и личной информации, уже существовало. Именно поэтому советское законодательство, ориентированное на защиту государственной тайны, заложило основы для будущего правового регулирования цифровой информации, пусть и в ином историческом контексте.

Стороны в киберправонарушении это, как правило, пострадавший субъект (физическое или юридическое лицо) и нарушитель, действующий умышленно или по неосторожности. Пострадавший имеет право на возмещение имущественного и морального вреда, а нарушитель обязан компенсировать ущерб. В свою очередь, лица, использующие информационные ресурсы, обязаны соблюдать нормы законодательства, обеспечивающие безопасность информации и предотвращающие несанкционированный доступ.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь напрямую нормы о киберпреступлениях отсутствуют, однако применяются общие положения о причинении вреда (ст. 969, 970), а также нормы о защите нематериальных благ (ст. 151, 152). Например, ст. 933 гласит: «лицо, причинившее

вред другому лицу, обязано возместить его в полном объеме». Это положение может быть применено к случаям киберпреступлений, если доказан факт причинения вреда.

В Российской Федерации аналогичные нормы содержатся в ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме». Кроме того, действует Федеральный закон Российской Федерации № 152-ФЗ «О персональных данных», который устанавливает гражданскую ответственность за утечку и неправомерную обработку данных.

В России уже действует практика компенсации цифрового вреда, включая судебные решения по делам о неправомерной обработке персональных данных, что может служить ориентиром для Республики Беларусь.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность за киберпреступления представляет собой неотъемлемую часть современной правовой системы, обеспечивающую защиту прав личности и собственности в цифровом пространстве. Это не только способ защиты интересов пострадавших, но и важный элемент формирования цифровой правовой культуры. Ее развитие требует комплексного подхода, межотраслевого взаимодействия и адаптации законодательства к реалиям XXI в.

УДК 347.763.2

О.П. Рыбакович, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ДОГОВОР ВОЗДУШНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В настоящее время воздушный транспорт лидирует в сфере международных пассажирских перевозок, регулирование которых находится в постоянном процессе развития и совершенствования. Вместе с тем следует согласиться с мнением эксперта в области авиаперевозок «о недостаточном правовом обеспечении в современных условиях качественного и своевременного исполнения договоров воздушной перевозки, защиты прав главного участника договора воздушных перевозок – пассажира авиалайнера».

В соответствии с положениями ст. 95 Воздушного кодекса Республики Беларусь по договору воздушной перевозки пассажира, перевозчик

обязуется доставить пассажира в пункт назначения, предоставив ему место на воздушном судне, выполняющем рейс, указанный в билете. В случае перевозки багажа перевозчик также обязуется доставить его в пункт назначения и передать пассажиру или уполномоченному лицу. Пассажир, в свою очередь, обязуется оплатить перевозку, а при наличии багажа сверх нормы бесплатного провоза, установленной перевозчиком, – оплатить и его провоз.

Договор воздушной перевозки представляет собой публичный договор, который заключается по принципу присоединения. Пассажир обязан принять условия, предложенные конкретным перевозчиком, для заключения договора. В связи с этим можно отметить, что пассажир является слабой стороной в данном договоре.

Пассажир должен иметь возможность ознакомиться с правилами перевозки, которые предоставляет перевозчик.

В настоящее время билеты, багажные квитанции и другие документы, связанные с авиаперевозками пассажиров, могут быть оформлены в электронном виде и внесены в автоматизированную информационную систему оформления воздушных перевозок.

В.В. Машин в своей научной работе «Договор воздушной перевозки пассажира» излагает следующую точку зрения по поводу того, что оформление пассажиром договора воздушной перевозки в виде электронного билета влечет за собой возникновение составного обязательства. По его мнению, сначала происходит заключение договора и оплата перевозки, при этом информация о пассажире вносится в электронную базу данных авиаперевозчика, а затем при регистрации пассажир своими конклюдентными действиями (представляет паспорт) подтверждает заключение договора воздушной перевозки.

По мнению автора, договор воздушной перевозки пассажира не следует рассматривать как составное обязательство, поскольку он не влечет за собой дополнительных прав и обязанностей для участников, которые могли бы способствовать главной цели договора – перевозке пассажира. Юридическим подтверждением заключения договора воздушной перевозки служит регистрация пассажира в аэропорту или онлайн.

На наш взгляд, в Республике Беларусь существует ряд проблем в регулировании отношений в сфере воздушных перевозок пассажиров. К ним можно отнести сложность подачи претензий, так как пассажирам трудно доказать факт нарушения, особенно при международных рейсах, где действуют разные юрисдикции. Отдельно следует выделить проблему овербукинга, так как отсутствует четкий механизм компенсации при отказе в посадке по причине продажи большого количества билетов, в расчете на то, что не все клиенты воспользуются услугой. Существует также пробле-

ма низкой правовой осведомленности – пассажиры часто не знают своих прав и порядка действий при нарушении условий договора.

Несмотря на наличие проблем в недостаточной защите прав пассажиров, существуют проблемы и в недостаточно развитой компенсационной системе. Одна из них – низкие размеры компенсаций, даже при доказанном нарушении компенсации могут быть символическими и не покрывать реальный ущерб. Вторая компенсационная проблема – крайне редкое применение компенсации морального вреда.

Предлагаем пути решения проблем в области воздушной перевозки пассажира. Во-первых, следует присоединиться к Монреальской конвенции 2003 г., которая призвана заменить Варшавскую конвенцию 1929 г. и дополняющие ее протоколы, к которой присоединилось более 100 государств, в том числе и Российская Федерация. Монреальская конвенция 2003 г. призвана обеспечить защиту интересов потребителей при международных воздушных перевозках и необходимость справедливой компенсации на основе принципа наиболее полного возмещения. Во-вторых, следует упростить процедуру подачи претензий: создать онлайн-сервис для подачи жалоб. В-третьих, нужно повышать правовую грамотность пассажиров. В-четвертых, необходимо ужесточить ответственность перевозчиков за систематические нарушения.

Таким образом, целесообразно сделать вывод, исходя из вышеизложенного: в Республике Беларусь договор воздушной перевозки пассажира регулируется развитой нормативной базой, которая учитывает современные тенденции, такие как электронные билеты и автоматизированные системы. Однако существует ключевая проблема – недостаточная защита прав пассажиров и слабая компенсационная система. Для повышения эффективности правового регулирования необходимо гармонизировать законодательство с международными стандартами и усилить механизмы защиты интересов пассажиров как основных участников договора.

УДК 347.1

А.В. Савилова, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ОХРАНА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Для сотрудников органов внутренних дел (ОВД) реализация права на неприкосновенность частной жизни происходит в условиях специфического правового режима, обусловленного характером их служеб-

ной деятельности. С одной стороны, они являются носителями конституционных прав и свобод, а с другой – на них распространяется ряд правовых ограничений, связанных с необходимостью обеспечения национальной безопасности, поддержания авторитета государственной службы и доверия к ней со стороны общества.

Согласно ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) под частной жизнью понимаются личные неимущественные и другие нематериальные блага, принадлежащие человеку от рождения или в силу акта законодательства, которые неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Из данной статьи мы можем выделить также, что каждый имеет право на защиту частной жизни, однако на сотрудника ОВД распространяется специальный правовой режим, установленный Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь». Это формирует специальный гражданско-правовой статус сотрудника, в котором общие гражданские права, включая право на неприкосновенность частной жизни, сочетаются с установленными законом ограничениями, носящими публично-правовой характер.

Гражданско-правовая охрана частной жизни сотрудника ОВД реализуется через систему способов защиты, предусмотренных гл. 8 ГК Республики Беларусь. Мы можем взять в пример п. 1 ст. 153 ГК Республики Беларусь, где указано, что «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности». Ключевым способом защиты в данной сфере выступает компенсация морального вреда, предусмотренная ст. 152 ГК Республики Беларусь. Это указывает на то, что сотрудник, чье право на частную жизнь было нарушено (например, в результате разглашения порочащих его сведений, не связанных со службой), вправе требовать денежную компенсацию причиненных нравственных страданий.

Проведем сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации для того, чтобы выявить не только общие подходы к регулированию, но и определенные различия. Законодательство Российской Федерации в области охраны частной жизни сотрудника ОВД демонстрирует более высокую степень детализации процедур по защите прав сотрудников. В пример приведем статью из Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), а именно ст. 152.2, где указывается легальное определение и состав частной жизни гражданина. Данная норма демонстрирует прогрессивный подход к регулированию соответствующих отношений, но и имеет свои отличия. Например, в п. 2 ст. 152.2 ГК РФ

законодатель строго ограничивает случаи, когда вмешательство в частную жизнь допустимо без согласия гражданина.

С целью решения данной проблемы автором настоящего исследования предлагается установить судебный контроль за наиболее серьезными вмешательствами в частную жизнь сотрудников ОВД. Предлагается закрепить в законодательстве, что некоторые меры, затрагивающие частную жизнь (например, скрытое наблюдение за сотрудником во внеслужебное время, контроль личной переписки в интернете), могут осуществляться только на основании судебного решения, вынесенного при предоставлении достаточных доказательств необходимости таких мер.

Таким образом, охрана частной жизни сотрудника ОВД в Республике Беларусь представляет собой комплексную правовую проблему, находящуюся на стыке частных и публичных интересов. Действующее законодательство закрепляет общие гарантии защиты, но одновременно устанавливает для сотрудников обоснованные ограничения, обусловленные спецификой их служебной деятельности. Перспективным направлением совершенствования правового механизма является добавление в гражданское законодательство Республики Беларусь отдельной нормы, аналогичной ст. 152.2 ГК РФ, которая закрепила бы презумпцию необходимости согласия на сбор сведений о частной жизни и перечень законных оснований для вмешательства в частную жизнь сотрудников ОВД.

УДК 342.98

П.С. Сальникова, курсант Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ РАБОТЫ С ПОДРОСТКАМИ, СКЛОННЫМИ К ПРАВОНАРУШЕНИЯМ

Настоящее время характеризуется серьезными преобразованиями в социальной, экономической и культурной сферах, что оказало значительное влияние на поведение молодежи. Подростки, находясь на этапе формирования личности, часто сталкиваются с разными стрессовыми факторами, включая давление со стороны сверстников, семейные проблемы, стремление к самовыражению и поиск идентичности. Все это может стать причиной правонарушений, которые не только наносят вред самим подросткам, но и отрицательно сказываются на обществе

в целом. В этой статье мы рассмотрим эффективные методы работы с подростками, склонными к правонарушениям, акцентируя внимание на комплексном подходе к их реабилитации и социализации.

Для того чтобы эффективно работать с подростками, совершившими правонарушения, необходимо понять, что лежит в основе их поведения. Причины могут быть разнообразными и многоуровневыми.

Социальные факторы тесно связаны с процессом формирования поведения подростка, поскольку социальная среда, в которой он растет, оказывает значительное влияние на его личность. Семейные условия, наличие поддержки со стороны родителей и воспитателей, а также воздействие сверстников могут стать как положительными, так и отрицательными стимулами. Например, подростки, выросшие в неблагополучных семьях, часто сталкиваются с насилием, пренебрежением или недостатком общения, что нередко подталкивает их к правонарушениям. Кроме того, на развитие девиантного поведения влияют и психологические факторы. Эмоциональные расстройства, такие как депрессия или тревожность, могут усиливать склонность подростков к агрессии или замкнутости. Часто юные люди не умеют правильно выражать свои чувства, что побуждает их использовать противоправные действия как способ самоутверждения или защиты от внутренней боли. Помимо этого, значительное воздействие оказывают и отношения со сверстниками. Желание быть принятым в группе или стремление выделиться становятся причинами участия в незаконных поступках. Тяга к признанию и уважению среди ровесников может подталкивать к девиантным проявлениям. Следует отметить и образовательные факторы, которые также существенно влияют на формирование личности подростка и его поведение. Недостаточная вовлеченность в образовательный процесс, отсутствие интереса к учебе, неудовлетворительная успеваемость и конфликты с преподавателями часто становятся катализаторами отклоняющихся поступков.

Понимание причин нарушений является отправной точкой для выбора эффективных методов работы с подростками, совершившими правонарушения. Разработка и реализация программ, охватывающих различные аспекты жизни подростка, позволяет создать надежную систему поддержки.

Одним из самых эффективных методов является комплексный подход, который включает в себя работу с подростком, его семьей и образовательным учреждением. Важно создать систему, поддерживающую подростка не только на уровне индивидуальной терапии, но и на уровне социальной группы, в которую он входит. Роль семьи в этой системе трудно переоценить. Специалисты должны активно вовлекать родите-

лей в процесс реабилитации, помогая им осознать их влияние на поведение ребенка и обучая их конструктивным методам общения.

Индивидуальная работа с психологом может помочь подростку разобраться в своих внутренних переживаниях и наладить эмоциональное состояние. Психологическое консультирование создает безопасную среду, в которой подросток может открыто говорить о своих проблемах и получить поддержку. Через такие встречи подросток может развивать навыки управления эмоциями, учиться справляться со стрессом и находить альтернативные способы решения конфликтов.

Арт-терапия оказалась эффективным средством работы с подростками, склонными к правонарушениям. Использование художественных методов – рисование, музыка, театр – помогает подросткам выразить свои ощущения и мысли, доступа к которым они не могут получить словами. Творческие занятия могут снять эмоциональное напряжение и развить у подростка способности к самовыражению, что делает их более открытыми к общению и взаимодействию.

Групповые занятия, в которых подростки могут общаться с ровесниками, также имеют большое значение. Группы поддержки или тренинговые курсы помогают подросткам обмениваться опытом, находить поддержку среди сверстников и учиться социальным навыкам. Важно, чтобы такие группы управлялись опытными модераторами, которые могут направлять обсуждение и обеспечивать безопасное пространство для участников.

Эффективность работы с подростками, склонными к правонарушениям, во многом зависит от того, насколько рано начинается работа по их профилактике. Программы, направленные на формирование у подростков навыков критического мышления и повышения их самосознания, могут стать мощным инструментом в предотвращении правонарушений. Это может быть обучение навыкам решения конфликтов, развитие эмпатии, а также программы, способствующие формированию высоких моральных ценностей.

Предоставление подросткам возможностей для занятости в позитивных видах досуга – спорте, музыке, искусстве или волонтерских программах – может значительно снизить вероятность правонарушений. Занятия спортом помогают развить навыки командной работы, а также создают возможности для социализации и укрепления личной дисциплины.

Следует не только работать с подростками напрямую, но и активно взаимодействовать с учителями и образовательными учреждениями. Специалисты могут провести тренинги для педагогов, чтобы помочь им лучше понять молодежь, научить их методам конструктивного общения и вовлечения подростков в позитивный образовательный процесс. Со-

здание адаптивного учебного плана, который учитывает индивидуальные потребности подростков, также может способствовать снижению уровня правонарушений.

Важным аспектом работы с современными подростками является использование технологий. Программы обучения через интернет, онлайн-тренинги или приложения для саморазвития могут стать актуальными инструментами, позволяющими достичь целей воспитания и узнать подростков в их привычной среде. Такие новшества в подходах к реабилитации могут облегчить доступ к нужным ресурсам, повысить мотивацию и привлекать подростков к обучению.

Работа с подростками, склонными к правонарушениям, требует комплексного, терпеливого и многостороннего подхода. Необходимо учитывать множество факторов, влияющих на их поведение, и предоставлять разнообразные формы поддержки. Методы, включающие психологическое сопровождение, творческое самовыражение, групповую динамику и полное вовлечение в позитивные виды активности, могут значительно улучшить шансы на реабилитацию и социализацию подростков. Такой подход не только помогает преодолеть текущие трудности, но и способствует формированию более безопасного и гармоничного общества, в котором каждое молодое поколение может развиваться и реализовывать свой потенциал без страха перед правонарушениями. Только совместными усилиями общества и индивидуумов мы можем создать среду, где молодежь найдет позитивные альтернативы, научится строить гармоничные отношения и, как следствие, снизит уровень правонарушений.

УДК 342.9

Д.Е. Самовтор, курсант факультета подготовки следователей Уральского юридического института МВД России

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАДЕРЖАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Административное задержание представляет собой одну из мер государственного принуждения, напрямую затрагивающую ключевые конституционные права человека – личную свободу и свободу передвижения. Данный анализ посвящен сравнению правового регулирования этой меры в рамках административного производства и процесса в Российской Федерации (Кодекса Российской Федерации об административ-

ных правонарушений (КоАП РФ)) и Республике Беларусь (Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП Республики Беларусь)).

Согласно ст. 27.3 КоАП РФ административное задержание определяется как кратковременное ограничение свободы физического лица. Его применение допускается в исключительных ситуациях, когда это требуется для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении или для исполнения вынесенного по нему постановления.

Административное задержание по ст. 8.2 ПИКоАП Республики Беларусь представляет собой детально регламентированную процедуру, суть которой заключается в кратковременном ограничении свободы лица. Этот процесс включает в себя не только непосредственное задержание, но и доставку человека в установленное законом место, например, в орган внутренних дел, с последующим его содержанием там. Ее применение строго обусловлено конкретными целями, закрепленными в законодательстве Беларуси.

К таким целям относятся:

- пресечение противоправного деяния;
- необходимость составления протокола об административном правонарушении, если это невозможно сделать на месте;
- установление личности нарушителя;
- обеспечение явки лица в суд;
- предотвращение возможного сокрытия или уничтожения доказательств;
- исполнение вынесенного постановления о депортации или административном аресте.

В обеих странах существует категория лиц, в отношении которых применение административного задержания ограничено или запрещено. Однако в белорусском законодательстве этот перечень является исчерпывающим и сосредоточен в одной статье, тогда как в российском соответствующие нормы рассредоточены по различным федеральным нормативным актам.

Так, ч. 7 ст. 8.2 ПИКоАП Республики Беларусь прямо запрещает административное задержание в отношении:

- 1) высших государственных должностных лиц и лиц, включенных в кадровый реестр Главы государства;
- 2) членов Совета Республики, депутатов Палаты представителей и местных Советов депутатов;
- 3) судей;
- 4) народных заседателей в период исполнения ими своих обязанностей.

Прямого запрета на применение мер обеспечения, включая административное задержание, к уязвимым категориям граждан в КоАП РФ не содержится.

Общее правило, закрепленное в ст. 27.5 КоАП РФ, устанавливает максимальный срок задержания в три часа. Однако из этого правила есть ряд исключений, когда срок может быть продлен до 48 часов:

1) при нарушениях режима государственной границы, таможенных правил и в других специфических случаях (например, в исключительной экономической зоне), если это необходимо для установления личности или выяснения обстоятельств правонарушения;

2) по административным делам, где в качестве административно-го наказания предусмотрены административный арест или выдворение из страны;

3) административное задержание исчисляется с момента доставления, а для лиц в состоянии опьянения – с момента вытрезвления, при этом общий период не может превышать 48 часов.

Согласно ст. 8.4 ПИКоАП Республики Беларусь стандартный срок задержания также составляет три часа. Вместе с тем законодательство Беларуси предусматривает более широкий перечень оснований для продления срока:

1) до 72 часов – для лиц, в отношении которых предполагается наказание в виде ареста или депортации;

2) до вытрезвления – для лиц, находящихся в общественном месте в оскорбляющем человеческое достоинство состоянии опьянения;

3) до передачи компетентным органам – для военнослужащих срочной службы или лиц с выраженными психическими расстройствами, представляющими опасность;

4) до передачи его в организацию здравоохранения – для лиц, имеющих признаки выраженного психического расстройства;

5) до установления личности – для нарушителей пограничного режима.

Срок исчисляется с момента фактического задержания.

Белорусское законодательство содержит специальные нормы, защищающие отдельные группы лиц от административного задержания (свыше трех часов). Эта мера не применяется:

1) к несовершеннолетним (кроме случаев, связанных с депортацией);

2) к беременным женщинам, инвалидам I и II группы, лицам, имеющим на иждивении несовершеннолетних детей или инвалидов I группы, а также осуществляющим уход за престарелыми старше 80 лет (за исключением депортации или задержания по особым основаниям, таким как состояние опьянения или психическое расстройство).

Подобных прямых ограничений на применение задержания к уязвимым категориям в КоАП РФ не установлено.

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на общую правовую природу административного задержания, подходы к его регулированию в России и Беларуси имеют существенные различия. Законодательство Республики Беларусь характеризуется более детализированным и структурированным подходом: оно содержит исчерпывающие перечни целей задержания и лиц, обладающих иммунитетом, предусматривает более длительные сроки по широкому кругу оснований, а также устанавливает специальные гарантии для социально уязвимых групп. Российское законодательство, в свою очередь, оставляет ряд аспектов на регулирование иными нормативными актами и в меньшей степени формализует некоторые процедурные вопросы.

УДК 94

К.С. Светлов, курсант факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ КАК ФАКТОР ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Владимир Путин отметил: «Попытки ряда государств переписать, перелицевать мировую историю становятся все агрессивнее и, по большому счету, имеют очевидную цель в отношении нашего общества: как минимум – разобщить, лишить нас ориентиров, в конечном счете – ослабить Россию и повлиять на ее суверенитет».

Фальсификация истории на сегодня является достаточно серьезной проблемой. Поскольку попытка «переписать» историю сводится лишь к одному – это отсутствие желания знать настоящую историческую правду, которая не имеет выгоды для той или иной страны. История существует вне зависимости от того, хотят ли этого политические организации, государства и другие участники мирового сообщества.

Актуальность данной темы обусловлена современными вызовами не только информационной безопасности, но и сохранения национальной идентичности. Россия является одной из богатейших стран с историческим наследием, подобные процессы могут негативно сказаться на формировании единого гражданского общества и культурной идентичности российского народа. Защита исторической действительности и формирование целостного контекста истории нашего государства является одной из задач, закрепленных в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Если мы обратимся к самому понятию «фальсификация» (от лат. falsifico – подделываю или итал. falsificare – подделывать) истории – это осознанный и целенаправленный процесс представлений об исторических событиях и процессах в интересах индивидов, социальных групп, социальных институтов.

С какой целью происходит фальсификация истории? Фальсификаторы ставят перед собой множество целей, но одними из главных у них стоят: насильственное изменение государственного и конституционного строя Российской Федерации, а также осуществление посягательств на общественную безопасность граждан нашей страны, что довольно тесно связано с целями экстремистской деятельности.

Последствия, которые выделяют после фальсификации истории нашего государства:

- 1) подмена общего прошлого, биографии народов с целью денационализации граждан;
- 2) ослабление страны, разобщение российского общества и введение граждан в заблуждение;
- 3) дискредитация России в глазах мирового сообщества и рассмотрение в нашем государстве «образа врага».

Как пишет А.Н. Лушин в своей публикации «Фальсификация исторических источников и конструирование этнографических мифов», фальсификация истории пагубно воздействует на историческую память, способствует ее утрате либо искажению, что в конечном счете приводит к потере молодого поколения.

В современном мире подростки совершают акты вандализма над памятниками исторической культуры. Для защиты истории и исторических ценностей в России существует нормативно-правовая база для противодействия фальсификации истории России.

Ее основу составляет ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой уголовная ответственность может наступить в случае:

- отрицания фактов, установленных приговором Международного военного трибунала, для суда и наказания главных военных преступников европейских стран;
- одобрения преступлений, установленных указанным приговором;
- распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенных публично.

Вместе с этим настоящая статья устанавливает уголовную ответственность за унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично.

Помимо уголовной ответственности за фальсификацию истории установлена и административная ответственность. Так, ст. 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях содержит ч. 4 и 4.1, в которой установлена ответственность юридических лиц за публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, либо публичное осквернение символов воинской славы России, в том числе совершенные с применением средств массовой информации.

Необходимо подчеркнуть важность осознания и противодействия искажениям исторической правды в современном информационном пространстве. Фальсификация истории становится не только инструментом политической манипуляции, но и фактором, способствующим ослаблению национальной идентичности и культурной самобытности российского общества. Искажение ключевых событий, героев, дат и процессов ведет к формированию искаженного восприятия прошлого, что негативно сказывается на формировании гражданской ответственности, патриотизма и межнациональной гармонии.

Особое значение имеет деятельность государственных и общественных институтов в обеспечении объективности исторической науки и популяризации истинных знаний о прошлом. В современную эпоху информационных технологий распространение дезинформации происходит быстро, что требует активных мер по просвещению населения, развитию критического мышления и укреплению национальной памяти. Важным аспектом является также формирование устойчивых ценностных ориентиров, основанных на исторической правде, что способствует укреплению гражданской идентичности и сопротивлению дезинформационным атакам.

УДК 004:342.951

А.А. Соломина, курсант Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В ОТДЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В свете динамичного изменения российского общества под влиянием информационной войны, особенностей урегулирования миграционной политики, а также исходя из условий многонациональности в Рос-

сийской Федерации происходят на законодательном уровне изменения, в том числе в сфере предупреждения, пресечения и выявления административных правонарушений, а также привлечения лиц к ответственности за их совершение.

Среди ученых-правоведов можно выделить Т.О. Доренскую, которая посвятила труд «Проблемы привлечения к административной ответственности за правонарушения в области общественного порядка и общественной безопасности» характеристике административных правонарушений в области общественного порядка и общественной безопасности, а также Д.И. Беляеву и Л.А. Давлетшину, представивших в «копилку» научного сообщества публикацию «Оценка числа дел об административных правонарушениях в регионах России». Анализируя данные работы, представляется возможным указать следующие специфические «региональные» детерминанты, увеличивающие численность совершения административных правонарушений на территории России: изменение общественно-политической обстановки; закрепление в законе новых деяний, подпадающих под признаки административных правонарушений; социальные факторы; экономическое развитие региона.

Рассуждая над сущностью первой причины увеличения роста административных правонарушений на территории отдельных регионов России, необходимо сделать акцент на процесс увеличения протестовой активности населения, а также ужесточения мер контроля и фиксации нарушений в области проведения митингов, собраний, шествий и пр. Например, в период с 2020 по 2021 г. наблюдался рост количества административных правонарушений, совершенных в сфере организации публичных мероприятий.

Вторая причина обусловлена федеральным и региональным укреплением правонарушений. Например, за период с 2024 по 2025 г. в КоАП РФ появились следующие статьи: ст. 11.4, предусматривающая ответственность за нарушение правил полетов дрона; ст. 14.5, регулирующая отношения в сфере бизнеса (отсутствие маркировки), и др. В рамках регионального административного законодательства были введены новые положения: в КоАП РФ (Москва) была дополнена гл. 10 ст. 10.13, предусматривающей ответственность за несоблюдение порядка внесения платы за проезд транспортного средства по платным автомобильным дорогам; изменения в области организации перевозок пассажиров и багажа в легковом такси (ст. 41.1); в Законе «Об административных правонарушениях в Вологодской области» введена ст. 1.21 (склонение к искусственному порыванию беременности), а также ч. 4 ст. 3.1.1 (непроведение мероприятий по предотвращению распространения борщевика Сосновского) и др.

Третий аспект является спорным, так как основывается на культурных, моральных, традиционных и иных аспектах народов, проживающих на территории субъекта РФ. Однако есть перечень социальных проблем, оказывающих влияние на рост административных правонарушений, среди которых: негативное влияние окружения (семья, иные родственники, друзья), разрушение традиционных стереотипов поведения, отсутствие гарантий трудоустройства и занятости молодежи и т. д.

Четвертая причина роста количества административных правонарушений на территории субъекта РФ выражается в прямой закономерности с экономическим развитием. Под особенностями экономического развития могут пониматься: нестабильная экономическая обстановка (например, влияние санкций); снижение уровня жизни населения; рост безработицы и др.

Благодаря анализу рассмотрения дел об административных правонарушениях можно составить механизм (алгоритм) борьбы с тенденцией роста административных правонарушений, в целях обеспечения общественной безопасности и охраны правопорядка. Общими методами превенции административных правонарушений и охраны правопорядка можно считать:

1. Внедрение цифровых систем в процессы обнаружения и рассмотрения дел об административных правонарушениях, что обеспечит оперативность реагирования сотрудников правоохранительных органов на противоправные действия, а также облегчит введение баз данных (например, иностранных лиц, пребывающих на территории РФ).

На федеральном уровне реализуется проект «Цифровой профиль мигранта», который представляет собой совокупность сведений в электронном виде, включая биометрические данные, сведения о трудовом патенте, месте пребывания и передвижении. Это позволяет создать единую информационную платформу – «Госуслуги RuID» – для межведомственного взаимодействия и прогнозирования миграционных потоков. На региональном уровне, в частности в Москве, указанная система детализируется через специальное мобильное приложение «Амина», обязательное для установки иностранными гражданами. Данное приложение интегрировано с городской инфраструктурой и позволяет мигранту не только получать актуальную правовую информацию и уведомления от Главного управления по вопросам миграции МВД России, но и обеспечивает его постоянную идентификацию и соблюдение миграционного законодательства.

2. Контроль за соблюдением правил в общественных местах (при проведении массовых мероприятий или правил благоустройства территорий).

3. Привлечение населения в программы по предупреждению административных правонарушений, в том числе проведение классных ча-

сов в школе, занятий в дошкольных учреждениях, практические занятия с молодежью о значимости соблюдения законов и подзаконных актов РФ и ее субъектов.

4. Разработка и реализация программ по сокращению численности административных правонарушений (работа с населением, анализ сведений о правонарушениях, их характере и объеме, прогнозирование и др.). Например, взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере миграционных процессов. В рамках данной деятельности 2022 г. была принята Совместная декларация о углублении сотрудничества в сфере миграции, которая предусматривает упрощение процедур для трудовых мигрантов, усиление контроля за нелегальным перемещением лиц и создание совместных информационных систем.

Благодаря исследованиям можно выявить следующие эффективные методы борьбы с совершениями административных деликтов в данных регионах. В соответствии со ст. 8 Закона г. Москвы от 19 марта 2008 г. № 14 «О системе профилактики правонарушений в городе Москве»: своевременное выявление и устранение условий, порождающих правонарушения или облегчающих их совершение, повышение правовой грамотности и правосознания, оказание социально-экономической помощи лицам, находящимся в социально опасном положении, привлечение к занятиям в художественных и спортивных кружках и др.

На территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области введены меры предупреждения, преимущественно распространяющиеся на защиту цифровой среды, а также нарушений в области благоустройства. Например, по актуальным данным, а Санкт-Петербурге заработал «цифровой иммунитет» – это комплексная защита городских IT-активов, включающая в себя технические решения, организационные меры и обучение персонала. Как отмечает Председатель Комитета по информатизации и связи Санкт-Петербурга, благодаря комплексной модернизации систем хранения и серверов, замены оборудования на более производительное, обновления межсетевых экранов (фаерволов) до актуальных требований кибербезопасности. Благодаря инновационному подходу к защите информации и каналов связи удалось за последние два года предотвратить серьезные утечки данных и сократить количество киберпреступлений и административных правонарушений на 20 % по сравнению с 2023 г.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о существенной региональной дифференциации в структуре и динамике административных правонарушений, что обусловлено комплексом социально-экономических, политических и культурных факторов. Перспективным направлением совершенствования деятельности по обеспечению пра-

вопорядка является разработка и реализация целевых региональных программ, сочетающих меры правового воздействия, социально-экономической поддержки населения и активное использование информационных технологий. Оптимизация взаимодействия между правоохранительными органами, органами государственной власти и институтами гражданского общества будет способствовать созданию единой системы профилактики административных правонарушений, адаптированной к особенностям каждого региона.

УДК 347

А.О. Строкина, курсант факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

НОВЕЛЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КОНВЕРТИРУЕМЫХ ЗАЙМОВ

До недавнего времени российское законодательство не содержало специальной регламентации договора конвертируемого займа. В 2021 г. в Федеральный закон Российской Федерации от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» была введена ст. 32.3 (договор конвертируемого займа).

Потребность в легализации конвертируемых займов назрела давно. Тем не менее в законодательстве долго отсутствовали специальные нормы, регламентирующие исследуемые отношения. В результате на практике инвесторы и стартапы прибегали к альтернативным юридическим конструкциям для достижения эффекта, аналогичного конвертируемому займу. Наиболее распространенной схемой было заключение двух связанных договоров: обычного договора займа между инвестором и компанией, а также квазикорпоративного соглашения (корпоративного договора) между инвестором и участниками (акционерами) этой компании.

Подобная конструкция позволила использовать конвертируемые займы до их легализации, но имела серьезные недостатки.

Во-первых, реализация конвертации зависела от добросовестности и согласия самих участников/акционеров заемщика: без их решения инвестор не мог получить долю. Если совладельцы отказывались исполнить договоренность, инвестору приходилось добиваться передачи доли через суд.

Во-вторых, отсутствовал автоматизм – превращение долга в капитал не происходило автоматически, что создавало правовую неопределенность для сторон и риски затяжных споров.

Все это усложняло структуру сделки, увеличивало время и издержки на ее подготовку. Таким образом, к 2020 г. в деловом обороте сложилась потребность в специальном правовом инструменте, упрощающем и обеспечивающем «автоматическую» конвертацию займа в долю.

Научное сообщество уже тогда активно обсуждало проблему. И.Н. Соколов в 2018 г. указывал на отсутствие должного правового регулирования альтернативных форм финансирования инновационных проектов, включая конвертируемые займы, что препятствует эффективному привлечению инвестиций.

Другие исследователи анализировали зарубежный опыт и предлагали внедрить подобный институт в российское право. Как отмечает И.С. Шиткина в «Научно-практическом комментарии к Федеральному закону „Об обществах с ограниченной ответственностью“», первая попытка законодательно закрепить конвертируемый заем в Российской Федерации была предпринята еще в 2018 г., однако соответствующий законопроект получил отрицательные заключения Правительства Российской Федерации и Совета по кодификации гражданского законодательства.

Данный законопроект не был принят, и лишь спустя три года законодатель вернулся к идее, представив новую редакцию, основанную во многом на тех же принципах.

Появление конвертируемого займа породило дискуссию о его юридической квалификации. Многие ученые отмечают смешанную природу данной конструкции, совмещающей черты обязательственно-правового договора займа и корпоративного соглашения об участии в капитале. Так, в диссертационном исследовании «Договор конвертируемого займа по российскому гражданскому праву» Р.В. Ананьев указывает, что договор конвертируемого займа сочетает элементы классического займа (в части передачи денежных средств и обязанности возврата) с элементами корпоративного обязательства общества по размещению долей или акций для инвестора.

Результат такой сделки не определен на момент заключения: возврат инвестиций зависит от развития проекта и выбора инвестора – либо он получит фиксированный процент, либо претендует на долю в бизнесе. В этом проявляется сродство конвертируемого займа с механизмом опциона или условного обязательства. С другой стороны, некоторые авторы подчеркивают, что все ключевые параметры (срок, условия конвертации, цена доли) стороны согласуют заранее, а потому квалифицировать такой договор следует именно как разновидность займа с особым порядком исполнения, а не как незаконченный или условный договор. Р.М. Ян-

ковский еще до принятия закона рассматривал модель конвертируемого займа и указывал в своей публикации «Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования» на ее нестандартность для классической теории обязательств, что требовало специального законодательного решения.

В целом в научной среде сложился консенсус, что конвертируемый займ – самостоятельная договорная конструкция, введенная законом в ответ на запрос практики, хотя и опирающаяся на уже известные правовые инструменты (альтернативное обязательство, опцион, корпоративный договор).

Кроме того, появление специальных норм о конвертируемом займе встретило в доктрине смешанную реакцию: отмечались как преимущества этого механизма, так и возможные риски и пробелы регулирования. Вместе с тем законодательные предпосылки для введения института были сформированы, и в 2021 г. долгожданная реформа состоялась.

Закон определяет договор конвертируемого займа как договор займа, в котором предусмотрено право займодавца вместо возврата займа и процентов потребовать от заемщика увеличения уставного капитала и предоставления ему акций определенной категории (типа).

Иначе говоря, по наступлении оговоренного срока или события инвестор вправе по своему выбору либо получить назад денежные средства (с процентами), либо приобрести участие в капитале компании-заемщика. При реализации права на конвертацию обязательство по возврату займа прекращается, уступая место корпоративным отношениям инвестора и непубличного общества.

Таким образом, законодатель закрепил механизм трансформации долга в акции, приближенный к мировым стандартам венчурного финансирования.

В связи с этим конвертируемый займ ориентирован прежде всего на финансирование стартапов и технологических компаний в форме частных обществ, что соответствует его экономической природе.

Таким образом, введение конструкции конвертируемого займа в российское законодательство в 2021 г. стало значимой новеллой, направленной на стимулирование инвестиций в инновационный сектор. Эволюция правового регулирования прошла путь от полного отсутствия норм – через практические схемы с использованием корпоративных договоров – к подробной законодательной регламентации специализированного договора. Принятые изменения легализовали распространенный в мире механизм, дав инвесторам и компаниям понятный инструмент конверсии долга в капитал.

К.Б. Суранова, студент Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. Алиева

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРАВА МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ В РАМКАХ КОНСТИТУЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Процесс цифровизации существенно трансформирует все сферы общественной жизни – от образования и здравоохранения до экономики и системы правопорядка. Молодежь, являясь одной из наиболее активно вовлеченных в использование цифровых технологий групп, сталкивается как с новыми возможностями, так и с рядом вызовов. В связи с быстрым развитием цифровых технологий важно учитывать, как Конституция Кыргызской Республики защищает права молодежи в условиях цифровизации, и как законы могут быть адаптированы для защиты этих прав в онлайн-пространстве.

Цифровизация представляет собой процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной деятельности. Нельзя не согласиться с мнением Ю.А. Гаврилиной, Д.А. Гаврилина и Н.А. Калашниковой о том, что в самом общем виде цифровизация – это максимально предельная, как правило, в социально полезном направлении оптимизация работы человека с информацией. Молодое поколение активно применяет цифровые технологии для обучения, развития профессиональных навыков и поддержания коммуникации. Важно отметить, что Конституция Кыргызской Республики гарантирует каждому гражданину право на свободу информации, а именно, ст. 33 гарантирует каждому свободно искать, получать, хранить, использовать и распространять информацию. Этот принцип служит основой для свободы в интернете и защиты прав молодежи на доступ к образовательным ресурсам и возможность самовыражения в цифровом пространстве.

Одним из позитивных аспектов цифровизации является улучшенный доступ к знаниям, возможность развивать новые навыки и использовать онлайн-платформы для образования. Это соответствует положению ст. 46 Конституции Кыргызской Республики, которая гарантирует гражданам право на образование. Однако важно помнить, что, несмотря на эти возможности, цифровизация также приносит новые риски, которые требуют особого внимания со стороны законодательства, основанного на принципах Конституции.

Одной из таких угроз является нарушение прав на конфиденциальность. Ст. 63 Конституции Кыргызской Республики гарантирует каждому правовую защиту личных данных. В условиях цифровизации важно обеспечить, чтобы право молодежи на защиту своих персональных данных было должным образом защищено. Молодые люди активно используют социальные сети, мессенджеры и другие онлайн-сервисы, не всегда понимая важность защиты своих данных. Здесь отводится главная роль законодательству, регулирующему защиту персональных данных, как, например, Закон Кыргызской Республики от 14 апреля 2008 г. № 58 «Об информации персонального характера», направленный на правовое регулирование работы с персональными данными на основе общепринятых международных принципов и норм в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики и законами государства в целях обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, связанных со сбором, обработкой и использованием персональных данных, который должен соответствовать международным стандартам и конституционным гарантиям.

Осознавая ключевую роль цифровизации в социально-экономическом развитии страны, а также необходимость правового регулирования возникающих в этой связи рисков, законодательный орган Кыргызской Республики принял Закон «О введении Цифрового кодекса Кыргызской Республики», который направлен на защиту конституционных прав и свобод граждан в цифровой среде, основан на положениях Конституции Кыргызской Республики, принят в целях их практической реализации.

Кроме того, кибербуллинг (интернет-агрессия) представляет собой серьезную угрозу для молодежи, что нарушает их право на личную неприкосновенность и психическое здоровье. Кибербуллинг (cyberbullying), электронная травля (electronic bully-ing), социальная жестокость онлайн (online social cruelty) – это отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя защитить. Ст. 59 Конституции Кыргызской Республики гарантирует каждому право на личную неприкосновенность и защиту от насилия. Вопрос защиты молодежи от кибербуллинга в условиях цифровизации требует развития законодательства, которое бы обеспечивало не только профилактику, но и механизмы правовой защиты жертв.

Необходимо отметить, что Конституция Кыргызской Республики также устанавливает обязательство государства создавать условия для развития и безопасности молодежи. В этом контексте важно создать системы

цифровой грамотности, направленные на повышение осведомленности молодежи о правах и рисках в интернете. Для этого гарантия Конституции Кыргызской Республики на получение образования должна включать в себя образовательные программы по цифровой безопасности.

Стоит также обратить внимание на цифровое неравенство, которое существует в Кыргызстане, особенно в сельских районах и среди малообеспеченных слоев населения. Например, Зардалы считается одним из самых труднодоступных сел страны. Оно расположено в высокогорной местности и до сих пор остается без эфирного сигнала из-за отсутствия электроэнергии. Для обеспечения жителей доступом к телевидению специалисты Республиканского производственного объединения радиорелейных магистралей, телевидения и радиовещания в сентябре 2025 г. построили современную станцию, установили солнечные панели и оборудование для приема и передачи цифрового сигнала. Конституция Кыргызской Республики гарантирует равенство прав и возможностей для всех граждан, что включает и доступ к современным образовательным и информационным технологиям. Для практической реализации данных принципов Конституции Президент Кыргызской Республики издал Указ «О мерах по дальнейшему совершенствованию цифровой трансформации в сфере государственного управления». Важно отметить, что данный указ издан на основе ст. 66, 70, 71 Конституции Кыргызской Республики в целях организации эффективного управления, создания условий для дальнейшего совершенствования цифровой трансформации с учетом постоянных технологических изменений, в том числе внедрения технологии искусственного интеллекта, преобразования действующей системы цифрового государственного управления, предоставляющего возможность максимального использования потенциала цифровых технологий во благо народа.

Задача государства, согласно Конституции Кыргызской Республики, заключается в обеспечении справедливости, равенства и защиты прав граждан, включая молодежь, в цифровой среде. Важно, чтобы законодательство обеспечивало защиту молодежи от злоупотреблений со стороны крупных интернет-компаний и платформ, регулируя их деятельность в рамках соблюдения прав и свобод граждан.

Ст. 32 Конституции Кыргызской Республики гарантирует свободу мысли и слова, что включает в себя право молодежи свободно выражать свои мнения в интернете, однако это право не должно нарушать права других граждан. В этом контексте необходимо разработать законы, которые сбалансируют свободу выражения с защитой от таких явлений, как кибербуллинг и манипуляция информацией.

Наконец, международные стандарты и соглашения также должны быть частью правовой системы Кыргызстана. Ст. 6 Конституция Кыргызской Республики закреплено, что международные договоры, ратифицированные Кыргызстаном, являются частью национальной правовой системы. Важно использовать международный опыт для совершенствования законодательства в области цифровых прав, включая участие Кыргызстана в международных соглашениях, таких как Общий регламент защиты данных (GDPR), который мог бы стать моделью для кыргызского законодательства.

Таким образом, защита прав молодежи в условиях цифровизации требует комплексного подхода, основанного на принципах Конституции Кыргызской Республики. Это включает в себя не только законодательные инициативы, но и развитие программ цифровой грамотности, создание механизмов защиты прав в цифровом пространстве, а также международное сотрудничество для защиты прав молодежи в глобальном масштабе.

УДК 343.8:349.2

К.И. Толук, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ЛИЦА, ОТБЫВАЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ, КАК СУБЪЕКТЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В настоящее время перед уголовно-исполнительной системой Республики Беларусь стоит важная цель исправления осужденных и подготовки их к жизни в качестве правопослушных членов общества, результатом реализации которой выступают снижение количества повторных преступлений и ресоциализация осужденных. В данном контексте на протяжении длительного времени труд рассматривался государством как исключительно эффективное средство исправления. Однако в связи с тем, что правовое регулирование труда осужденных имеет комплексный характер, выявляются проблемы его эффективного обеспечения, законодательные пробелы и противоречия. Нельзя не отметить также недостаточную степень освещенности данного вопроса в научной литературе, а также однобокость их рассмотрения в качестве исключительно уголовно-исполнительной проблемы, в то время как организация труда осужденных затрагивает также и отдельные вопросы трудового и гражданского законодательства. Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, несмотря на ограничение ряда прав и свобод, не лишаются

полностью статуса субъекта трудовых отношений. Их участие в трудовой деятельности является одним из ключевых элементов исправительного процесса и ресоциализации, но имеет существенные особенности, закрепленные в законодательстве Республики Беларусь.

В нашей стране правовой основой регулирования трудовых отношений для лиц, отбывающих наказание, являются следующие нормативные акты: Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларуси (далее – УИК), Трудовой кодекс Республики Беларуси (далее – ТК). Так согласно ст. 98 УИК осужденные к лишению свободы обязаны трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений, при наличии рабочих мест и с учетом их состояния здоровья и трудоспособности. Это является ключевым отличием от обычных трудовых отношений, основанных на принципе добровольности. При этом трудовые отношения с осужденными возникают не на основании трудового договора (контракта), а на основании акта администрации исправительного учреждения (приказа, распоряжения) о привлечении к труду (ст. 98 УИК). Режим рабочего времени, отдыха, оплата труда, правила охраны труда регулируются УИК с учетом специфики режима содержания и безопасности. При этом гарантируются санитарно-гигиенические нормы и правила техники безопасности. Труд осужденных оплачивается в соответствии с его количеством и качеством, но с обязательными удержаниями (за питание, одежду, коммунально-бытовые услуги, возмещение ущерба, алименты и т. д.), что существенно снижает размер получаемых «на руки» средств. Помимо общих требований к трудовой дисциплине, устанавливаемых ТК, к осужденным применяются меры взыскания, предусмотренные ст. 101, 102 УИК, за нарушения трудовой дисциплины. Осужденные не пользуются правом на забастовку, правом на выбор представительного органа, ограничено право на отпуск (предоставляется в соответствии с УИК, часто без выезда).

Что касается прав и обязанностей осужденных в сфере труда, можно выделить следующие. Так, лица, содержащиеся под стражей, обязаны соблюдать трудовую дисциплину, добросовестно относиться к труду, выполнять установленные нормы выработки, бережно относиться к имуществу предприятия, соблюдать правила охраны труда и техники безопасности (ст. 53 ТК). При этом они имеют право на безопасные условия труда, право на вознаграждение за труд (с учетом удержаний); право на отдых; право на профессиональное обучение и получение специальности; право на пенсионное обеспечение (в части отчислений в ФСЗН); право на обжалование незаконных действий администрации в установленном порядке (ст. 11 ТК). Такие особенности в трудоустройстве осужденных способствуют: во-первых, исправлению и ресоциализации, так как труд является важнейшим средством формирования у осужденных

трудо­вых на­вы­ков, доб­ро­со­вест­но­го от­но­ше­ния к ра­бо­те, дис­ци­пли­но­ван­но­сти и от­вет­ствен­но­сти, что спо­соб­ствует их ус­пеш­ной а­дап­та­ции по­сле ос­во­бо­жде­ния; во-вто­рых, труд осуж­ден­ных по­зво­ляет им воз­мещать при­чи­нен­ный уш­е­рб по­тер­пев­шим, а так­же по­кры­вать рас­хо­ды на свое со­дер­жа­ние. Ра­бо­та по­мо­гает осуж­ден­ным не ут­ра­тить про­фес­си­ональ­ные на­вы­ки и зна­ния, а так­же при­об­рести но­вые, вост­ре­бо­ван­ные на рын­ке тру­да. Кро­ме это­го про­из­вод­ствен­ная де­я­тель­ность ис­правитель­ных уч­ре­жде­ний име­ет важ­ную э­ко­но­ми­че­скую со­став­ля­ю­щую, так как при­но­сит до­ход, ко­то­рый мо­жет быть на­прав­лен на раз­ви­тие си­сте­мы, улу­чше­ние ус­ло­вий со­дер­жа­ния и тру­да осуж­ден­ных. Вме­сте с тем в прак­ти­ке тру­да осуж­ден­ных су­щес­т­вуют и не­ко­то­рые про­бле­мы: низ­кая мо­ти­ва­ция к тру­ду, она обу­слов­лена обя­затель­ным ха­рак­те­ром, низ­кой оп­ла­той тру­да; труд­но­сти с тру­до­ус­трой­ством по­сле ос­во­бо­жде­ния. Слож­но­сти с тру­до­ус­трой­ством свя­заны с со­циаль­ными и нрав­ствен­ными фак­то­рами: да­леко не каж­дый ра­бо­то­да­тель за­хо­чет брать на ра­бо­ту че­ло­ве­ка по­сле ос­во­бо­жде­ния из мест ли­ше­ния сво­бо­ды. По­ла­га­ем, что здесь не­об­хо­димо уч­и­ты­вать то, за со­вер­ше­ние ка­ко­го пре­ступ­ле­ния он был осуж­ден. Если че­ло­век был осуж­ден за пре­вы­ше­ние мер са­мо­об­оро­ны, к нему лю­ди бу­дут бо­лее по­зи­тив­но рас­по­ло­жены, чем к че­ло­ве­ку, со­вер­шив­ше­му уби­й­ство с осо­бой же­сто­ко­стью.

В за­клю­че­ние ре­зю­ми­руем сле­ду­ю­щий вы­вод: ли­ца, от­бы­ва­ю­щие на­ка­за­ние, яв­ля­ются спе­ци­фичес­кими субъ­ек­тами тру­довых от­но­ше­ний в Рес­пуб­ли­ке Бе­ла­русь. Их пра­во­вой ста­тус оп­ре­де­ляется ком­плек­сным вза­им­дей­ствием норм у­го­лов­но-ис­пол­нитель­ного и тру­до­вого за­ко­но­датель­ства. Тру­д осуж­ден­ных иг­ра­ет клю­че­вую роль в их ис­прав­ле­нии и под­го­тов­ке к жи­зни на сво­бо­де, од­на­ко тре­бует по­сто­ян­ного со­вер­шен­ствования пра­во­вого ре­гу­ли­рова­ния и прак­ти­че­ской ор­га­ни­зации с уч­е­том со­вре­мен­ных со­циаль­но-э­ко­но­ми­че­ских ус­ло­вий и прин­ци­пов со­блю­де­ния пра­в че­ло­ве­ка.

УДК 347.1

Т.Е. Тра­хи­нин, курсант у­го­лов­но-ис­пол­нитель­ного фа­куль­те­та Ака­де­мии МВД Рес­пуб­ли­ки Бе­ла­русь

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА, ИМЕЮЩИХ ДВОЙНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Сог­лас­но дей­ст­вую­ще­му за­ко­но­датель­ству (ст. 128 Граж­дан­ско­го ко­дек­са Рес­пуб­ли­ки Бе­ла­русь) к объ­ек­там граж­дан­ско­го пра­ва от­но­сятся: ве­щи, вклю­чая де­нь­ги и цен­ные бу­ма­ги, иное иму­ще­ство, в том чис­ле

имущественные права, работы и услуги, нераскрытая информация, объекты интеллектуальной собственности и права на них, нематериальные блага. Ст. 129 этого кодекса предусмотрено, что по оборотоспособности они подразделяются на изъятые из оборота, не ограничены в обороте и объекты, которые могут свободно отчуждаться. Кроме этого их свойства могут проявляться и в иных ключевых аспектах. Так, выделяют материальные и нематериальные объекты. С точки зрения существующих критериев субъективных и объективных аспектов объекты гражданского права могут рассматриваться как конкретные вещи или блага, а также как права и обязанности сторон. Иными словами, объекты могут служить предметом правовых отношений, а также являться носителями правовых последствий. Все эти особенности учитываются при регулировании различных видов гражданских правоотношений. Анализ правового регулирования оборота этих объектов показывает, что их введение и участие в гражданском обороте имеет целый ряд особенностей, что позволяет сделать вывод о наличии у них двойственного характера.

Особенностью данных объектов, имеющих двойное назначение, является то, что некоторые товары или технологии могут использоваться как в гражданских, так и иных (военных) целях, поэтому данный вопрос представляет собой важную тему в гражданском праве, что требует отдельного правового обеспечения.

Анализ международного опыта в этой области позволяет выделить следующие особенности объектов двойного назначения. Так, они могут включать: оборудование и технологии, которые могут быть использованы как для гражданских, так и для военных нужд (например, аэрокосмические технологии, химические вещества); данные и программное обеспечение, которые могут быть использованы для разработки как мирных, так и военных приложений, и т. п.

Анализ законодательства показывает, что каждая страна имеет свои подходы к регулированию вопросов использования объектов двойного назначения. Так, в США система экспортного контроля включает в себя EAR (Export Administration Regulations) и ITAR (International Traffic in Arms Regulations), которые определяют, какие товары и технологии подлежат контролю. В Европейском союзе имеется единый режим контроля за экспортом товаров двойного назначения, который регулирует экспорт на основе списка контролируемых товаров. Россия также имеет свои законы и правила, касающиеся контроля за экспортом объектов двойного назначения.

В нашей стране вопросам правового обеспечения режима объектов, имеющих двойное назначение, уделяется достаточное внимание. Так,

Закон Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле» предусматривает осуществление экспортного контроля в отношении объектов (работ, услуг): товаров, технологий и услуг, предусмотренных международными договорами и обязательствами Республики Беларусь, касающихся международной и национальной безопасности; химических субстанций (токсичных), микроорганизмов (вирусов, бактерий), устройств, технологий и услуг, которые могут быть использованы для создания и производства химического и бактериологического (биологического) оружия; товаров, технологий и услуг, связанных с ядерным топливным циклом и производством ядерных материалов, которые могут быть использованы для создания ядерного оружия и ядерных взрывных устройств; товаров, технологий и услуг, которые могут быть использованы при создании средств доставки оружия массового поражения и средств его доставки, а также продукции военного назначения, товаров и технологий двойного применения, шифровальных средств (работ, услуг), включая шифровальную технику, а также специальных технических изделий, предназначенных для негласного получения информации. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 марта 2022 г. № 161 (в ред. от 5 декабря 2024 г.) «О Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности» в гл. 3 «Национальные интересы и стратегические направления в области обеспечения биологической безопасности» предусматривается противодействие диверсиям с использованием БА и авариям, преднамеренному (биотерроризму) и непреднамеренному (биотехнологии двойного назначения) созданию и распространению ПБА на опасных и потенциально опасных биологических объектах.

Проведенные исследования показывают, что определение объекта двойного назначения на сегодня является довольно-таки сложным, что вызывает разногласия и неопределенность в их классификации. Кроме того, быстрое развитие технологий усложняет контроль за объектами двойного назначения, так как новые технологии могут быстро перейти из одной категории в другую. Все это требует внесения дополнений и изменений в действующее гражданское законодательство для улучшения процесса управления объектами двойного назначения.

В целом можно сделать вывод, что действующее гражданское законодательство охватывает широкий спектр гражданских правоотношений, включая обязательственное право, право собственности, наследственное право и др., и характеризуется наличием четкой системы норм, регулирующих различные виды обязательств, но некоторые нормы могут быть устаревшими и не соответствовать современным экономиче-

ским реалиям. Они являются недостаточно гибкими в регулировании новых форм бизнеса и технологий, таких как электронная коммерция и стартап, что вызывает необходимость усиления контроля за соблюдением прав потребителей и применения более жестких санкций за их нарушение, а также разработки специальных норм, регулирующих электронные сделки и обеспечивающих защиту данных и права сторон в сфере электронной коммерции. Несмотря на то что гражданское законодательство Республики Беларусь имеет свои сильные стороны, однако требуется обновление и адаптация к современным условиям. Предложения по улучшению законодательства должны быть направлены на упрощение процедур, усиление защиты прав потребителей и внедрение новых технологий в правовую практику. Это позволит создать более благоприятную правовую среду для бизнеса и граждан.

УДК 347

С.С. Умарова, курсант Академии МВД Республики Узбекистан

ОСОБЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОКРАСТИНАЦИИ У КУРСАНТОВ АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Современная система подготовки кадров для органов внутренних дел требует не только высокого уровня профессиональных знаний, но и развитых личностных качеств – ответственности, самоорганизации и устойчивой мотивации к учебе. Однако в последние годы среди курсантов наблюдается рост явления академической прокрастинации – сознательного откладывания выполнения учебных заданий, подготовки к экзаменам или написания научных работ. Это негативно влияет на успеваемость, психологическое состояние и формирование профессиональной компетентности будущих сотрудников органов внутренних дел.

Термин «прокрастинация» (от лат. *procrastinatio* – откладывание на завтра) в психологической литературе рассматривается как поведенческая стратегия избегания деятельности, требующей усилий и ответственности. Академическая прокрастинация, в свою очередь, относится к сфере учебной деятельности и проявляется в затягивании выполнения учебных обязанностей при наличии осознания необходимости их выполнения.

Согласно исследованиям, основными причинами прокрастинации являются низкий уровень саморегуляции, страх неудачи, перфекционизм, эмоциональное выгорание и отсутствие четкой учебной мотивации.

Прокрастинация как форма откладывания деятельности все чаще рассматривается не только как поведенческая привычка, но и как психологически обусловленный феномен, влияющий на эффективность профессиональной и академической подготовки. Особенно остро эта проблема встает в условиях дисциплинарно организованной среды, к числу которой относится система МВД. Академическая прокрастинация курсантов может приводить к срывам образовательного процесса, росту тревожности и снижению профессиональной мотивации.

В контексте эмпирического исследования курсантов Академии МВД Республики Узбекистан интерес представляет анализ прокрастинации как универсального и одновременно культурно-специфичного явления.

По данным PASS, у курсантов зафиксированы средние уровни выраженности академической прокрастинации, подтверждающие, что откладывание выполнения учебных заданий является устойчивой формой поведения вне зависимости от особенностей учебной программы.

Методика SACS позволила установить, у курсантов из Узбекистана более высокий уровень импульсивных и избегающих реакций, что может свидетельствовать о культурных различиях в подходах к стрессу.

По шкале ШАМ установлено, что у курсантов выше показатели по шкале достижения, но также выше и уровень учебной мотивации, результаты свидетельствуют о разной глубине включенности в учебную деятельность.

Академическая прокрастинация представляет собой сложный психолого-поведенческий феномен, обусловленный не только индивидуальными, но и культурно-средовыми особенностями. Полученные результаты подтверждают необходимость комплексного подхода к профилактике прокрастинации: через развитие самоконтроля, внедрение тренингов по саморегуляции, усиление внутренних мотивационных механизмов. Рекомендуется учитывать различия в копинг-стилях и мотивационных профилях курсантов при организации учебного процесса и построении программ психологической поддержки.

Проведенный анализ проблемы академической прокрастинации у курсантов Академии МВД Республики Узбекистан позволяет сделать вывод о том, что данное явление представляет собой сложный психолого-педагогический феномен, оказывающий существенное влияние на эффективность учебно-профессиональной деятельности будущих сотрудников органов внутренних дел.

Академическая прокрастинация у курсантов обусловлена сочетанием личностных, организационных и социально-психологических факторов. Среди ключевых причин можно выделить недостаточную сформированность

рованность навыков саморегуляции и тайм-менеджмента, высокий уровень учебной и дисциплинарной нагрузки, эмоциональное выгорание, а также неустойчивость мотивации к обучению. В условиях строгой регламентации служебного и учебного времени курсанты нередко сталкиваются с трудностями в планировании собственной деятельности, что способствует проявлению прокрастинационного поведения.

Особенностью академической прокрастинации у курсантов силового вуза является ее скрытый характер и тесная связь с психологическим напряжением, вызванным необходимостью одновременно соблюдать дисциплинарные нормы и демонстрировать высокий уровень учебных достижений. Это требует от курсантов значительных волевых усилий и постоянного контроля эмоционального состояния.

Результаты исследования подтверждают необходимость комплексного подхода к профилактике академической прокрастинации. Эффективными направлениями коррекционной работы могут стать развитие навыков саморегуляции и самоорганизации, формирование устойчивой учебной мотивации, а также внедрение психолого-педагогических программ, направленных на снижение уровня тревожности и эмоционального выгорания.

Таким образом, решение проблемы академической прокрастинации у курсантов Академии МВД Республики Узбекистан возможно лишь при системном взаимодействии педагогов, психологов и командного состава. Целенаправленная работа в данном направлении будет способствовать повышению эффективности учебного процесса, укреплению дисциплины и формированию у курсантов качеств, необходимых для успешного выполнения профессиональных обязанностей в сфере правоохранительной деятельности.

УДК 378.046

А.А. Фоминых, слушатель юридического факультета филиала Казанского юридического института МВД России (г. Набережные Челны)

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ СОТРУДНИКОВ МВД РОССИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из ключевых задач государства, так как напрямую связано с сохранением жизни и здоровья граждан, развитием транспортной инфраструктуры

и стабильным функционированием общества. Рост количества транспортных средств, увеличение интенсивности движения, а также сложность дорожной обстановки предъявляют новые требования к профессиональной деятельности сотрудников МВД России, осуществляющих контроль и надзор в указанной сфере.

Согласно данным новостного интернет-портала, бизнес-аналитического портала «РосБизнесКонсалтинг», за последние пять лет в системе органов внутренних дел наблюдается устойчивая тенденция к росту кадрового дефицита. Несмотря на меры по совершенствованию профессиональной подготовки, текучесть кадров остается одной из ключевых проблем, влияющих на эффективность службы. По данным исследований, начиная с 2019 г. ежегодно фиксировалось значительное число увольнений сотрудников, что напрямую отражается на уровне укомплектованности подразделений полиции.

По официальным данным, к концу 2024 г. неуккомплектованность личного состава составляла более 173 тыс. должностей, что эквивалентно почти 19 % от общего числа штатных единиц. Особенно тревожным фактором стало массовое увольнение сотрудников с выслугой более десяти лет: по данным ведомства, каждый второй участковый с таким стажем покинул службу в течение года. Подобная ситуация серьезно осложняет передачу опыта и снижает уровень практической подготовленности молодых сотрудников. Наряду с увольнениями фиксируется недостаточный уровень приема на службу. Несмотря на меры по привлечению новых кадров, количество поступающих в ряды органов внутренних дел не компенсирует масштабы оттока. Наряду с кадровым дефицитом остро стоит вопрос о повышении уровня профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов для выполнения возложенных на полицию задач в современных условиях.

Современная система профессиональной подготовки сотрудников МВД России в сфере обеспечения безопасности дорожного движения строится на сочетании традиционных образовательных форм и новых технологий обучения. Однако исследователи отмечают, что уровень подготовки во многом зависит от качества методического обеспечения, квалификации преподавателей и наличия современных технических средств. Несмотря на наличие нормативной базы, наблюдается несоответствие между требованиями практики и содержанием образовательных программ, что снижает эффективность подготовки специалистов.

Одной из проблем является недостаточная ориентированность на практические аспекты деятельности. Значительное внимание уделяется правовым и теоретическим вопросам, тогда как формирование при-

кладных навыков – умения использовать средства автоматизированного контроля, управлять дорожной ситуацией, быстро реагировать на нештатные обстоятельства – остается в тени. Это создает трудности при непосредственном выполнении служебных обязанностей, особенно в экстремальных и стрессовых условиях.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос использования инновационных технологий обучения. В последние годы отмечается внедрение симуляторов, интерактивных программ, а также дистанционных образовательных платформ, что способствует повышению эффективности учебного процесса. Однако данный процесс носит локальный характер и требует систематического расширения. Кроме того, внедрение цифровых технологий должно сопровождаться соответствующей подготовкой педагогического состава и обновлением образовательных программ.

В целом современное состояние системы профессиональной подготовки сотрудников МВД России можно охарактеризовать как переходный этап, где сохраняются элементы традиционного подхода, но постепенно внедряются инновации. Для достижения высокой эффективности необходимо устранение дисбаланса между теоретической и практической составляющими обучения, расширение применения современных образовательных технологий и ориентация на развитие личностных качеств сотрудников, непосредственно влияющих на безопасность дорожного движения.

Особое внимание следует уделить развитию психологической подготовки сотрудников, так как работа в сфере обеспечения безопасности дорожного движения связана с высокой степенью эмоциональной нагрузки. Исследователи подчеркивают необходимость формирования стрессоустойчивости, умения сохранять самообладание и принимать решения в условиях дефицита времени. Включение психофизиологических тренингов в учебные программы позволит повысить уровень адаптации сотрудников к экстремальным ситуациям.

Еще одним направлением является активное использование цифровых технологий. Онлайн-платформы, электронные учебные курсы и интерактивные модули обеспечивают гибкость обучения, возможность повторного изучения материала и контроль уровня усвоения знаний. Внедрение VR-технологий и программ дополненной реальности открывает новые возможности для моделирования дорожных происшествий и отработки алгоритмов действий в различных сценариях.

Эффективным инструментом является взаимодействие с научными учреждениями и международный обмен опытом. Совместные исследовательские проекты, стажировки и участие в международных конферен-

циях позволяют применять лучшие практики, адаптировать их к российским условиям и повышать уровень профессиональной подготовки сотрудников МВД России.

Проведенный анализ теоретико-правовых основ и современной профессиональной подготовки сотрудников МВД России показал, что эффективность деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения безопасности дорожного движения напрямую зависит от уровня профессиональной компетентности сотрудников.

Практические рекомендации по совершенствованию подготовки охватывают модернизацию учебных планов, регулярное повышение квалификации, развитие личностных и коммуникативных качеств сотрудников, а также внедрение системы оценки эффективности подготовки. Комплексная реализация этих мер обеспечит формирование высокопрофессиональных кадров, способных эффективно реагировать на современные вызовы и обеспечивать безопасность дорожного движения на высоком уровне.

Таким образом, совершенствование профессиональной подготовки сотрудников МВД России является не только необходимым условием повышения качества службы, но и стратегическим направлением обеспечения безопасности общества в целом. Внедрение инновационных подходов и системного контроля подготовки создает предпосылки для устойчивого развития правоохранительной деятельности и повышения доверия граждан к органам внутренних дел.

УДК 347.964.1

К.А. Харкевич, студент факультета экономики и права Московского государственного университета имени А.А. Кулешова

ВЗЫСКАНИЕ АЛИМЕНТОВ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Сегодня дети рассматриваются как приоритет, требующий особой заботы. Родители обязаны обеспечивать своим детям достойные условия жизни, необходимые для их полноценного развития во всех сферах – от физического здоровья до интеллектуальных способностей и личностного роста. Это включает в себя материальную поддержку, позволяющую ребенку реализовать свой потенциал и получить образование, чтобы стать полезным членом общества. В связи с этим вопрос алиментов на содержание детей остается крайне важным.

Согласно законодательству Республики Беларусь родители несут ответственность за содержание не только несовершеннолетних, но и нуждающихся в помощи совершеннолетних детей, если они нетрудоспособны. В случае неисполнения этой обязанности алименты могут быть принудительно взысканы через суд.

В делах о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей допускается урегулирование спора путем мирового или медиативного соглашения. Такое соглашение может включать как денежные выплаты, так и передачу ребенку имущества должника. Родители, уклоняющиеся от выполнения своих обязанностей по содержанию детей, несут ответственность, предусмотренную законодательством.

Ответственность за материальное обеспечение несовершеннолетних детей возлагается на обоих родителей. Возникновение алиментной обязанности обусловлено установлением биологического родства. Данные обязательства не ставятся в зависимость от достижения родителями совершеннолетия, наличия у них полной дееспособности и трудоспособности, а также от наличия у них достаточных денежных средств или имущества. Исполнение алиментных обязанностей каждым родителем в отношении каждого ребенка является безусловным, вне зависимости от степени исполнения обязательств другим родителем и материального положения самих несовершеннолетних.

В Республике Беларусь, при отсутствии Соглашения о детях, Соглашения об уплате алиментов, а также если размер алиментов не определен Брачным договором, взыскание алиментов на несовершеннолетних детей с их родителей осуществляется в следующих долях от заработка и (или) иного дохода родителей в месяц: на одного ребенка – 25 %, на двух – 33 %, на трех и более детей – 50 %.

Белорусским законодателем введена принципиально новая норма, касающаяся минимального размера алиментов. Установлен нижний предел ежемесячного денежного выражения алиментной обязанности, который составляет 50, 75 и 100 % бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения на одного, двух, трех и более детей соответственно. Данный минимальный размер является обязательным и при определении размера алиментов в договорном порядке.

Если нет соглашения о детях или алиментах, а также если Брачный договор не устанавливает их размер, то алименты на детей могут быть взысканы в фиксированной сумме или в размере, привязанном к базовой величине, выплачиваемой ежемесячно. Это происходит в случаях, когда родитель, обязанный платить алименты, имеет нестабильный или переменный доход, получает часть дохода в натуральной форме, или когда взыскание алиментов в обычном порядке невозможно или затруднительно.

Перечень доходов, с которых удерживаются алименты на несовершеннолетних детей, установлен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 августа 2002 г. № 1092 «О видах заработка и (или) иного дохода родителей, подлежащих учету при определении размера алиментов».

Родители, обязанные выплачивать алименты на несовершеннолетних, могут быть привлечены к ответственности за дополнительные расходы, возникшие в исключительных случаях, например, при тяжелой болезни или увечье ребенка. Размер такого участия определяется судом в фиксированной сумме или в привязке к базовым величинам, с учетом материального и семейного положения сторон.

Обязанность по уплате алиментов на детей прекращается по достижении ими совершеннолетия. Однако совершеннолетние дети имеют право на получение содержания от родителей только при одновременном наличии двух условий: они должны быть нетрудоспособными и нуждающимися. Важно отметить, что время наступления нетрудоспособности не имеет значения. Алиментная обязанность в отношении совершеннолетних нетрудоспособных детей не является автоматическим продолжением предыдущих обязательств.

Понятие нуждаемости не является статичным и зависит от множества факторов, включая региональные особенности прожиточного минимума, состояние здоровья нуждающегося и его индивидуальные потребности. Суд при определении нуждаемости исходит из конкретных обстоятельств дела, стремясь обеспечить разумный баланс между интересами нуждающегося и возможностями плательщика.

Процедура установления нуждаемости и определения размера алиментов может быть сложной и требовать представления значительно объема доказательств. Для подтверждения нуждаемости необходимо предоставить документы, подтверждающие доходы и расходы, состояние здоровья, наличие инвалидности (при наличии) и другие обстоятельства, свидетельствующие о недостатке средств для удовлетворения основных жизненных потребностей.

Родители обязаны содержать своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи, независимо от того, состоят ли они в браке или нет. Однако если совершеннолетний ребенок умышленно совершил преступление или ведет аморальный образ жизни, что привело к возникновению нуждаемости, суд может отказать в удовлетворении иска о взыскании алиментов.

Размер алиментов, взыскиваемых с родителей на содержание нетрудоспособных совершеннолетних детей, определяется судом в твердой де-

нежной сумме, подлежащей уплате ежемесячно. При этом учитываются материальное и семейное положение сторон, а также другие обстоятельства, имеющие значение для дела. Размер алиментов должен обеспечивать удовлетворение основных жизненных потребностей нуждающегося, но не должен ставить плательщика в невыносимое финансовое положение.

Семейные отношения, являющиеся первоосновой для возникновения алиментных обязательств, включают в себя родство (кровное происхождение), брак (зарегистрированный или в установленных законом случаях фактический), а также отношения, приравненные к семейным (например, отношения между усыновителями и усыновленными). Важно отметить, что прекращение брака не всегда влечет за собой прекращение алиментных обязательств, особенно если речь идет о содержании нетрудоспособного нуждающегося супруга или о содержании ребенка.

Решение суда, определение о судебном приказе или соглашение сторон об уплате алиментов фиксируют величину алиментных выплат и порядок их осуществления. Судебное решение является результатом рассмотрения дела в исковом порядке, определение о судебном приказе выносится на основании заявления о взыскании алиментов в упрощенном порядке, а соглашение сторон представляет собой добровольное волеизъявление сторон об уплате алиментов, удостоверенное нотариально.

Таким образом, для реализации права на алименты необходимо соблюдение всех элементов фактического состава, установленного законом. Отсутствие хотя бы одного из них препятствует возникновению алиментного обязательства. Данный механизм призван обеспечить защиту прав и интересов членов семьи, нуждающихся в материальной поддержке.

УДК 343.8:349.2

Д.А. Цыганов, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Правовое регулирование труда осужденных в Республике Беларусь основывается на ряде нормативных правовых актов, обеспечивающих комплексный подход к организации и контролю трудовой деятельности в исправительных учреждениях. Конституция Республики Беларусь, как отме-

чает Г.А. Василевич, закрепляет основные права и свободы человека (ст. 21, 22, 23 и др.), включая право на труд и для лиц, отбывающих наказание.

Общие принципы регулирования трудовых отношений осуществляются Трудовым кодексом Республики Беларусь, который с учетом специфики применим и к трудовой деятельности осужденных. Специальные нормы, касающиеся порядка исполнения наказаний и организации труда в местах лишения свободы, содержатся в гл. 13 (труд, профессионально-техническое образование и профессиональная подготовка осужденных к лишению свободы) Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь. Несмотря на то что общественно полезный труд, по мнению О.М. Савастея, является одним из основных средств исправления осужденных, наличие пробелов ведомственного и межведомственного правового регулирования вызывает необходимость всестороннего изучения механизма привлечения к труду лиц, осужденных к лишению свободы, на основе исторического, международного опыта, а также с учетом положений наработанной в настоящее время практики, в целях обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы. Исследованием проблем по вопросам теории и практики управления и организации производственно-хозяйственной деятельности предприятий учреждений, исполняющих наказания, в Республике Беларусь занимались такие ученые, как А.В. Вениосов, В.М. Хомич, В.Б. Шабанов, А.В. Шарков и др. В Российской Федерации данную проблему исследовали К.В. Косарев, О.Ю. Кауров, А.Ю. Нестеров, Э.М. Абдуллин и др.

Трудовые отношения с осужденными регулируются правовыми нормами, адаптированными к специфике исправительных учреждений. А.И. Гладкевич в своем монографическом исследовании «Организация производственно-хозяйственной деятельности предприятий ИУ в современных условиях хозяйствования» (2002) указывает, что в рамках производственно-хозяйственной деятельности исправительных учреждений создаются особые юридические конструкции, позволяющие заключать трудовые договоры с осужденными, устанавливать порядок оплаты и гарантировать условия труда. Важность правового регулирования труда осужденных обусловлена необходимостью соблюдения баланса между ограничениями, связанными с лишением свободы, и сохранением прав человека на труд. Труд для осужденных является не только обязательным элементом исправительного процесса, но и средством социальной реабилитации, возвращения к нормальной жизни после отбытия наказания. Правовое регулирование труда осужденных включает в себя установление правовых норм, регулирующих порядок трудоустройства, права и обязанности сторон трудовых отношений, условия труда и оплаты,

а также меры ответственности в случае нарушений. Важной особенностью является то, что труд осужденных чаще всего организуется в рамках производственных подразделений исправительных учреждений, которые функционируют как особые хозяйственные субъекты. Это требует разработки специальных гражданско-правовых механизмов, учитывающих специфику производства и особенности исправительного режима.

Труд осужденных выполняет несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, это средство исправления личности, развитие трудовых навыков и формирование ответственного отношения к труду. Работа способствует социальной адаптации осужденных, снижению уровня агрессии и улучшению психологического состояния. Во-вторых, труд является важным элементом социальной реабилитации, позволяя осужденным сохранить профессиональные навыки или приобрести новые, что облегчает их последующую интеграцию в общество после освобождения. Это снижает риск повторного совершения преступлений и способствует профилактике рецидива. В-третьих, трудовая деятельность осужденных имеет экономическое значение. Производство товаров и оказание услуг в исправительных учреждениях способствуют обеспечению их хозяйственной самостоятельности и частично компенсируют расходы государства на содержание осужденных. При этом важна организация труда, которая обеспечивает эффективность производства при соблюдении прав осужденных. Однако, как отмечает в своей публикации «О правовом регулировании труда осужденных к лишению свободы: проблемы и перспективы» В.Б. Шабанов, существуют значительные проблемы в правовом регулировании и практике организации труда осужденных. Среди них – недостаточная четкость нормативных актов, ограниченность социальных гарантий, а также сложности с соблюдением прав осужденных в условиях исправительных учреждений.

Как уже изложено выше, одной из главных является недостаточная прозрачность и четкость правовых норм, что затрудняет реализацию прав осужденных и приводит к разночтениям в их применении. Кроме того, значительная часть нормативных актов носит декларативный характер и не всегда сопровождается конкретными механизмами контроля и ответственности за их соблюдение. Это создает условия для произвольного толкования и применения законодательства, что может приводить к нарушениям трудовых прав осужденных, снижению мотивации к труду и ухудшению социальной адаптации после освобождения. Из этого делаем вывод, что для повышения эффективности правового регулирования труда осужденных необходимо совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение прозрачных механизмов контроля и обеспечения соблюдения прав, а также развитие системы профес-

сионального образования и социальной поддержки в исправительных учреждениях. Для преодоления этих проблем необходимо разработать и внедрить комплексные меры по улучшению материального стимулирования, включая более гибкую систему оплаты труда, дополнительные социальные льготы и программы поддержки. Важно также обеспечивать прозрачность и справедливость распределения заработанных средств, а также создавать условия для профессионального обучения и карьерного роста внутри исправительных учреждений. Только комплексный подход к мотивации и социальной защите осужденных сможет повысить их заинтересованность в труде и, как следствие, повысить эффективность исправительных мер и качество производственной деятельности. В перспективе необходимо совершенствование гражданско-правового регулирования, направленное на расширение правовых гарантий осужденных, улучшение условий труда и повышение эффективности использования трудового потенциала. Важным направлением является гармонизация национального законодательства с международными правовыми стандартами, что позволит повысить уровень защиты прав человека в исправительной системе.

УДК 347.634.637

И.С. Чалевич, курсант факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь

ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК МЕРА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Одной из приоритетных задач современного белорусского государства является создание благоприятных условий для всестороннего развития детей, а также защита материнства и детства. Воспитание в семье – наиболее эффективный способ, обеспечивающий становление ребенка как полноценного члена общества. В то же время наличие случаев негативного воздействия родителей на эмоциональное, психическое и физическое развитие детей актуализирует проблему поиска путей предупреждения и устранения таких ситуаций. В системе мер ответственности, применяемых к родителям, с целью защиты прав и законных интересов ребенка в семейном праве особое значение имеет лишение родительских прав.

Целью данной статьи является характеристика лишения родительских прав как исключительной меры юридической ответственности в семейном праве.

В науке семейного права лишение родительских прав рассматривается как дуалистическая категория: с одной стороны – это мера юридической ответственности (С.А. Муратова, Н.Н. Тарусина, Н.А. Иванова и др.), а с другой – мера защиты (Р.Ф. Гарипов, А.А. Левков и др.). В то же время негативный, карательный характер лишения родительских прав дает основание рассматривать данную меру как негативную юридическую ответственность, в функции которой входит и защита от негативного воздействия родителей на ребенка.

С позиций общей теории государства и права для характеристики любого вида юридической ответственности необходимо указать правовые и фактические основания ее наступления, определить круг субъектов, к которым могут применены меры данной ответственности, выделить лиц, наделенных полномочиями привлечения к указанному виду ответственности. Основываясь на вышеназванных критериях, охарактеризуем особенности лишения родительских прав как меры юридической ответственности.

Закрытый перечень правовых оснований для лишения родительских прав установлен в ч. 1 ст. 80 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (в ред. от 12 июля 2025 г. № 86-З) (далее – КоБС):

- 1) уклонение родителей от выполнения своих обязанностей;
- 2) злоупотребление родительскими правами и (или) жестокое обращение с ребенком;
- 3) ведение аморального образа жизни, который оказывает вредное воздействие на ребенка;
- 4) отказ от ребенка и подача письменного заявления о согласии на усыновление при их раздельном проживании с ребенком;
- 5) сохранение причин, послуживших основанием для отобрания у родителей ребенка, в течение шестимесячного срока после отобрания ребенка по решению комиссии по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту нахождения ребенка.

Отметим, что при назначении меры ответственности в виде лишения родительских прав одному из родителей либо двоим родителям в качестве основания для иска может указываться как одно из оснований, установленное в ч. 1 ст. 80 КоБС, так и несколько оснований одновременно. Если родители не могут выполнять свои обязанности по независящим от них причинам либо вследствие наличия у них заболевания, например, слабоумия, душевной болезни и др., то данные лица не могут быть лишены родительских прав. Исключение – наличие у родителей таких хронических заболеваний, как алкоголизм или наркомания.

В качестве фактического основания для привлечения родителей к ответственности в виде лишения родительских прав выступает семейно-правовой деликт, объектом которого являются общественные отношения, связанные с воспитанием ребенка в семье. При этом под ребенком понимается не достигшее восемнадцатилетнего возраста лицо (кроме случаев получения полной дееспособности несовершеннолетними лицами).

Как уже отмечалось ранее, родительских прав может быть лишен один родитель либо оба родителя. В ст. 54 КоБС под родителями понимаются лица, указанные в актовой записи о рождении в качестве таковых.

Лишение родительских прав – исключительная компетенция суда. Лишение родительских прав осуществляется в рамках искового производства с обязательным в судебном разбирательстве участием прокурора и представителя органов опеки и попечительства. При принятии решения о лишении родительских прав суд должен установить, как отражается поведение родителей на воспитании и содержании ребенка, ущемляются ли права и интересы ребенка, находится ли ребенок по вине родителей в социально опасном положении и будет ли лишение их родительских прав мерой по защите прав и охраняемых законом интересов самого ребенка.

Лишение родительских прав прекращает семейные правоотношения между ребенком и родителем (родителями), лишая последних всех прав, основанных на родстве, например, права на содержание от детей, льгот и государственных пособий, установленных для граждан, имеющих детей, права наследования за ребенком и др. При этом обязанности по содержанию ребенка, в том числе и по возмещению расходов, затраченных государством на его содержание, за лишенным родительских прав лицом сохраняются.

Бессрочный характер лишения родительских прав как меры ответственности в семейном праве не исключает возможности в восстановлении в родительских правах.

Подводя итоги, отметим, что лишение родительских прав – принудительное по решению суда прекращение правоотношений между родителем (родителями) и детьми, влекущее утрату родителем всех прав, основанных на факте родства с ребенком, в отношении которого он лишен родительских прав, в том числе права на получение от ребенка содержания, а также право на получение содержания от него, право на пенсионное обеспечение после смерти ребенка и право наследования по закону и др. Лишение родительских прав – это исключительная мера юридической ответственности в семейном праве, применяемая для защиты прав и интересов детей.

И.С. Чуррына, курсант факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ 2020 г.

С момента основания Российского государства основные ценности и традиции были практически неизменны. Социальные изменения в структуре российского общества в последние десятилетия привели не только к их частичному отторжению новыми поколениями, но и стали подстраивать под реалии современности. На протяжении 26 лет в Конституцию Российской Федерации вносились изменения и поправки, в той или иной мере затрагивающие жизнь большей части ее граждан.

По словам Президента Российской Федерации Владимира Путина, «Конституция – является живым организмом». Каждый гражданин с высокой правовой культурой должен понимать, что если меняется внешний мир, то и «организм» под названием «Конституция» должен подстраиваться под него и укреплять свою «иммунную систему», чтобы не стать жертвой болезни, которая в любой момент может его атаковать. При этом любые коррективы не должны кого-либо оскорбить, задеть чувства, честь и достоинство.

Поправки в Конституцию Российской Федерации, которые вступили в силу 4 июля 2020 г., после всероссийского голосования, затронули положения гл. 3–8 и «не ставят под собой изменение каких-либо норм и ценностей личности, ответственности лиц перед народом и т. п., а лишь укрепляют и расширяют полномочия ветвей власти». Проанализируем лишь некоторые из них.

Первое изменение, вызвавшее общественное обсуждение на территориях субъектов Российской Федерации, затрагивало статус русского языка, где исторически он был основным совместно с местным национальным, или навязан, или добровольно принят местным народом как второй, а впоследствии став основным.

Ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации провозгласила «Государственный язык Российской Федерации на всей ее территории – русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

С одной стороны, это положение закрепило историческую, политическую и культурную значимость языка на глобальном уровне и утвердило консолидирующую роль во взаимоотношениях между национальностями в Российском государстве, поскольку, как показывает история,

часто даже язык мог стать поводом для появления межнационального конфликта.

С другой стороны, формулировка «язык государствообразующего народа» неоднозначна. Ч. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации закрепляет право пользования родным языком. Важно понимать, что для разных народностей России родным с детства является далеко не русский язык. Достаточно многочисленными народностями являются татары, чеченцы, башкиры, якуты, адыгейцы, осетины, чувашаи, удмурты, которые имеют свой национальный язык. Неправильным будет толкование ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации как обязанность использовать только русский язык на всей территории Российской Федерации. Поэтому в указанной норме Конституции Российской Федерации делается акцент на равноправие народов независимо от их национальной принадлежности.

Кроме этого внесение данной поправки ограничило использование иностранных слов в публичной сфере. Информация на вывесках, указателях и в рекламе должна быть на русском языке, а иностранные слова допускаются только с обязательным переводом на русский язык.

В связи с этим согласимся с мнением В.И. Борисенко и Е.Н. Чернышевой, изложенным в статье «Поправки в Конституцию Российской Федерации (2020 год)» по поводу того, что «поправки имели под собой вид усовершенствования системы сдержек и противовесов, государственно-управленческого аппарата и закреплением в основном законе государства ценностей и традиций российского социума, как объединяющего народы и этносы Российского государства».

Вторым вопросом, вызвавшим неподдельный интерес и живой отклик в средствах массовой информации, явилась норма, включенная в пункт «ж» ч. 1 ст. 72, констатирующая четкое определение института брака мужчины и женщины. Эта норма отражает традиционный межконфессиональный подход к пониманию брака как фундамента семьи, который на конституционном уровне защищает его от деформаций и нравственных угроз в отношении соответствующих институтов.

В некоторых зарубежных странах брак как союз мужчины и женщины также имеет закрепление на конституционном уровне, что можно увидеть в конституциях Беларуси (ст. 32), Болгарии (ст. 46), Венгрии (ст. 22), Польши (ст. 18), Сербии (ст. 62) и др. Таким образом духовно-нравственный потенциал Конституции Российской Федерации стал очевидным.

Третье изменение, ставшее объектом споров, это ч. 2 ст. 67.1 Основного Закона России – «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

В соответствии со ст. 14 Конституции Российская Федерация является светским государством, где религия отделена от всего, что связано с государственным управлением, субъекты религии несут одинаковую ответственность и одинаковые права с другими гражданами. Все каноны, устои, догмы и иные положения Церквей не могут применяться в качестве обязательных правовых или иных норм или основываться на них в юридической практике. Их использование возможно, например, в этических вопросах. Наряду с этим никакое вероучение и исповедание не может стать обязательным, предпочтительным или основополагающим во взаимодействии с правом.

Подобное изменение также всколыхнуло ряды неверующих. Прямая трактовка исследуемой поправки обязывает всех без исключения граждан в обыденной жизни верить в Бога.

Все противоречия были разрешены коллегией Конституционного Суда Российской Федерации, члены которой определили, что данное положение является лишь критерием учета при осуществлении государственной политики как «исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности».

Таким образом, можно смело констатировать, что поправки в Конституцию Российской Федерации имеют ключевое значение для развития страны, поскольку они изменяют баланс власти, закрепляют социальные гарантии, защищают национальные интересы и историческую память, а также устанавливают новый правовой порядок, укрепляя государственность и суверенитет страны.

УДК 347.5

Л.Ф. Шавкун, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОЗДАТЕЛЕЙ ДИПФЕЙКОВ

Дипфейк (от англ. deep learning – глубокое обучение и fake – фальшивый) – это технология, которая позволяет создавать фальшивые, но очень реалистичные изображения, видео и аудиозаписи с помощью искусственного интеллекта. Для этого используются несколько нейросетей, которые учатся на реальных данных (настоящие фото, видео и пр.). Одна из них создает новое изображение (или звук), пытаясь макси-

мально имитировать оригинал, а другая ищет отличия и проверяет, насколько правдоподобна эта подделка.

Данную технологию в 2014 г. разработал студент Стэнфордского университета. А уже через пару лет появились первые жертвы такого изобретения – известные киноактрисы, чьи лица начали «пересаживать» телам других актрис.

А.И. Овчинников в своей статье «Право и правосознание в условиях цифровизации общества» приводит следующее мнение: «Современный человек, фиксируя свои данные в разнообразных «личных кабинетах», растворяется в цифровой сфере, полностью переходит под контроль разнообразных цифровых платформ...». В обозначенной позиции ученого кроется серьезное опасение, касающееся утраты возможности для человека и гражданина влиять на общественные процессы, не прибегая к интернету. Соответственно, для современного человека необходимо уметь пользоваться смартфоном, компьютером, подписывать бесчисленные пользовательские соглашения на обработку персональных данных, чтобы довольствоваться благами современного цифрового мира. Вполне очевидно, что граждане боятся кражи личных сведений и обращают внимание на несовершенство защиты мобильных устройств и иных гаджетов, располагающих персональной информацией и доступом к банковским приложениям. Уже несколько лет активно применяются системы биометрической защиты, тем не менее пользователи как Android, так и iOS устройств регулярно жалуются на ложные отказы в доступе и ошибочную авторизацию чужаков.

Главной проблемой правового регулирования создания дипфейков является проблема отсутствия специального законодательства. В белорусском законодательстве на сегодня нет прямого запрета на создание или распространение дипфейков как таковых, если только они не подпадают под уже существующие составы правонарушений. Это обусловлено рядом таких проблем, как:

- отсутствие нормативного определения: закон не содержит понятия «дипфейк», «синтетический медиаконтент» или аналогичных;

- отсутствие специальных запретов: нет нормы, которая бы прямо устанавливала, что создание дипфейка без согласия лица является правонарушением;

- «правовой вакуум»: создатели дипфейков действуют в такой зоне, где их действия не являются напрямую незаконными до тех пор, пока не нарушат другие нормы (например, о клевете или нарушении авторских прав);

- сложность доказывания: доказать, что видео, где лицо совершает какие-то действия, является ложным, технически сложно и требует дорогостоящей экспертизы;

– не каждый дипфейк является порочащим. Например, дипфейк, используемый в юмористическом ролике, может и не подпадать под это определение.

Помимо проблем с квалификацией, на практике возникают серьезные процессуальные проблемы: а) проблема доказывания (факт создания и распространения дипфейка, а также его ложная природа должны быть доказаны в суде. Это требует проведения цифровой экспертизы, услуги специалистов в которой могут быть малодоступны и дороги); б) проблема идентификации нарушителя (создатели дипфейков часто действуют анонимно, используя средства для сокрытия своей личности в интернете. Установление личности ответчика и определение юрисдикции белорусского суда над ним может оказаться непреодолимым препятствием); в) определение размера компенсации морального вреда (даже при успешном исходе дела сложно объективно оценить в денежном выражении масштаб моральных страданий, причиненных распространением дипфейка. Суды могут присуждать суммы, несоизмеримые с причиненным вредом).

Таким образом, для решения проблемы требуется комплекс мер, включающий совершенствование законодательной базы путем введения прямых запретов и специальных составов правонарушений, а также развитие экспертного и технического потенциала правоохранительных органов и судов. Без оперативной адаптации правового поля риски злонамеренного использования технологии будут только возрастать, оставляя права граждан без должной защиты.

УДК 343.9

В.В. Шевлик, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Практика деятельности правоохранительных органов по обеспечению общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий в современных реалиях свидетельствует о том, что

оперативная обстановка, складывающаяся в этих условиях, существенно отличается от повседневной. Существенное количество проблемных вопросов могут возникнуть при планировании порядка действий формируемых нарядов, а также управления ими при изменении внешних и внутренних условий службы. При этом организация оперативно-служебной деятельности требует гибкого и эффективного реагирования на быстро изменяющуюся обстановку, решительного и своевременного предупреждения и пресечения действий, как одиночных, так и групп правонарушителей. Накопленный на настоящий момент положительный и негативный опыт деятельности правоохранительных органов подтверждает необходимость научного осмысления и исследования правовых, организационных и тактических основ обеспечения охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий в современных условиях.

Изучение типичных особенностей оперативной обстановки, возникающих в ходе массовых мероприятий, позволяет определить условный комплекс проблемных направлений, обусловленных как объективными факторами (например, динамикой обстановки и поведением участников), так и субъективными (недостатками в планировании, взаимодействии и ресурсном обеспечении). С учетом обозначенных критериев, условно можно выделить определенные направления для совершенствования, а именно: организационное, ресурсное и координационное. Каждое из перечисленных направлений иллюстрирует системные барьеры, препятствующие эффективной деятельности правоохранительных органов, и требует целенаправленных решений для минимизации рисков и повышения качества обеспечения правопорядка.

К организационному направлению, на наш взгляд, следует отнести недооценку комплексных планов задействования сил и средств, отсутствие гибкого реагирования на одиночные и групповые правонарушения, а также недостаточную подготовку руководителей органов внутренних дел к принятию решений, что может привести к принятию неэффективных управленческих решений, нарушениям законности и ущемлению прав граждан. Кроме того, отмечается отсутствие специализированных подразделений, что вынуждает привлекать сотрудников различных служб за счет переработки и выполнения несвойственных функций, а также направлено и избыточно концентрировать силы правоохранительных органов в местах массовых мероприятий, тем самым ослабляя охрану общественного порядка в других районах.

Для решения данных проблем представляется целесообразным:

– внедрить методические рекомендации по повышению эффективности тактики действий правоохранительных органов в период проведе-

ния массовых мероприятий, включая разработку адаптированных типовых алгоритмов реагирования на осложнения оперативной обстановки;

- рассмотреть вопрос о создании специализированных подразделений по охране общественного порядка на массовых мероприятиях, укомплектованных обученными кадрами, с четким разграничением компетенций.

К ресурсному направлению следует отнести необходимость привлечения значительных сил и средств (включая внутренние войска, ОМОН), их нерациональное использование, отсутствие резервов и недостаточную подготовку личного состава. Отсутствие необходимых знаний и навыков у руководителей и сотрудников приводит к угрозам для жизни участников и правоохранителей, а также к возникновению нарушений порядка.

Для решения данных проблем следует:

- оптимизировать расчет и распределение сил и средств путем внедрения автоматизированных систем планирования, интегрирующих данные о масштабе мероприятий и прогнозах обстановки;

- разработать программы повышения квалификации для личного состава, включая симуляционные тренинги по управлению нарядами в различных сценариях, что обеспечит их гибкость и эффективность;

- увеличить использование специального оперативного резерва (например, ОМОН) с предварительным формированием планов на основе анализа предыдущих мероприятий, минимизируя отвлечение ресурсов от повседневных задач.

Одной из ключевых проблем координационного направления является недостаточное взаимодействие правоохранительных органов с органами местного управления, организаторами мероприятий и общественными формированиями. Несогласованность по месту и времени проведения акций, запоздалое информирование и отсутствие нормативов, обязывающих организаторов участвовать в обеспечении порядка, приводят к отвлечению сил правоохранительных органов и снижению эффективности. Кроме того, на наш взгляд, остается недооцененной роль негосударственных формирований при охране общественного порядка на массовых мероприятиях (например – добровольных дружин, стюардов и др.), что затрудняет их эффективное использование.

Для решения указанной проблемы целесообразно экономически стимулировать участие в охране общественного порядка при проведении массовых мероприятий негосударственных формирований. Такое участие может быть реализовано посредством специальных экономических мер

(выплаты, льготы и др.). Данное направление позволит эффективно интегрировать представителей негосударственных формирований в планы совместного патрулирования, проведения досмотров и наблюдения и др.

В заключение можно отметить, что рассмотренный перечень направлений повышения эффективности охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий, на наш взгляд, не является исчерпывающим и подлежит дальнейшему исследованию в рамках практической деятельности правоохранительных органов и теоретических исследований.

УДК 341.1

Я.В. Шестириков, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь;

А.О. Боровой, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

РОЛЬ «МЯГКОГО ПРАВА» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Целью регулирования международных отношений является защита прав и свобод человека, для чего, помимо юридически обязательных норм, используется так называемое мягкое право (Soft Law) – правила, не являющиеся законами, но способствующие развитию международного права, особенно в новых областях, например, в таких, как космическое право.

К 1970-м гг. из-за усложнения международных отношений, роста взаимозависимости и появления новых сфер регулирования (экология, права человека) потребовались гибкие инструменты, обходящие долгие процессы заключения договоров. Развитие международных организаций также способствовало появлению таковых. В связи с чем для обозначения иных инструментов регулирования международных отношений, а также гармонизации законодательства Европейского союза появляется термин «мягкое право». Вместе с тем стоит отметить, что в науке до сих пор нет единого определения данному термину. Одни ученые считают, что это договоры без четких обязательств, другие – что это морально-политические акты, а третьи – объединяют оба подхода. Однако есть и иные точки зрения относительно понимания «мягкого права». Так, И.В. Королева в публикации «Онтологический диссонанс понятия „мягкое право“» называет два подхода к его определению. Согласно первому подходу «мягкое право», во-первых, это вид права, обладающий всеми его признаками, вклю-

чая принуждение, что свойственно позитивному праву («жесткому праву» (Hard Law), а во-вторых, это что-то альтернативное праву, самостоятельное явление. Второй подход упрощает понятие права. Суть в том, что «мягкое право» – это способ воздействия, а не новый вид права.

Несмотря на схожесть «мягкого права» (Soft Law) и «жесткого права» (Hard Law), данные явления кардинально отличаются по своей природе и предназначению, что можно проиллюстрировать на примере следующей таблицы.

Сравнительная характеристика	«Мягкое право» (Soft Law)	«Жесткое право» (Hard Law)
Юридическая сила	Не является юридически обязательным	Юридически обязательно для тех, кому оно адресовано
Последствия нарушения	Отсутствуют юридические санкции за несоблюдение	Предусмотрены юридические санкции за его нарушение
Характер норм	Носит рекомендательный характер	Содержит четкие правила поведения для исполнения
Форма выражения	Резолюции международных организаций, декларации и др.	Законы, кодексы, постановления и др.
Процедура принятия	Более гибкая и упрощенная процедура принятия	Более формализованная и сложная процедура принятия (голосование, ратификация, обнаружение и т. д.)
Источники	Неофициальные источники: заявления, декларации, руководства	Нормативные правовые акты, правовые обычаи, нормативные договоры и др.
Порядок изменения	Легко изменяется и адаптируется к новым условиям	Изменяется сложнее, требует соблюдения установленных процедур
Обязательность для суда	Не является обязательным для суда, но может использоваться для толкования «жесткого права»	Обязательно для суда

Особенностью «мягкого права» является его противоречивость формально-догматическому пониманию права. Вместе с тем для социологии права, где важна реальная жизнь, «мягкое право» фактически (дей-

ствительно) влияет на поведение людей. Если какие-либо социальные нормы, даже не закрепленные в нормативном правовом акте, способны регулировать общественные отношения, то с социологической точки зрения они являются правовыми.

Сторонники «мягкого права» считают, что международное право не должно быть консервативным, а должно быть гибким и строиться на основе добровольности заключения различных международных договоров и соглашений. В международном праве большинство субъектов имеют равноправный статус, что делает нормотворческий процесс на международном уровне крайне сложной задачей, которую «мягкое право» и может помочь решить. Благодаря «мягкому праву» субъекты международных отношений могут решать некоторые возникшие проблемы, чтобы достигнуть консенсуса в разногласиях. В основном оно применяется в тех случаях, когда необходимые международные отношения еще не урегулированы. Так, используя «мягкое право», они могут временно заполнить пробелы в правовом регулировании международных отношений для последующего предотвращения нарушения прав их субъектов. Также оно используется для толкования юридических норм, особенно в области прав человека, конституционном, международном, налоговом и экологическом праве, формируя тем самым общепризнанную и широко распространенную практику.

Важно подчеркнуть, что «мягкое право» вторично по отношению к юридическим нормам. Право имеет безусловный приоритет и «мягкое право» не должно ему противоречить. Считается, что при взаимодействии с обязательными договорами «мягкое право» теряет свою природу и становится частью системы права. Однако «мягкое право» имеет и собственную ценность, независимо от того, дополняет ли оно право или служит его официальным источником.

Проведя анализ вышеизложенного, можно выделить следующие характеристики «мягкого права»:

1. Необязательность: «мягкое право» не порождает юридических обязательств для государств, организаций и государственно-подобных образований. Это свидетельствует о том, что за нарушение норм «мягкого права» не предусмотрена санкция, в отличие от «жесткого права».

2. Рекомендательный характер: «мягкое право» носит рекомендательный характер, предлагая определенные стандарты поведения, либо те, которые были установлены сторонами.

3. Гибкость: «мягкое право» более гибкое и адаптивное, чем «жесткое право», поскольку его легче разрабатывать, изменять и приспосабливать к новым условиям. Исходя из этого, оно не требует сложных процедур ратификации и имплементации.

4. Консенсус: участники международных правоотношений могут прийти к согласию благодаря «мягкому праву». Оно поможет минимизировать шанс появления конфликта среди участников международных правоотношений.

Таким образом, «мягкое право» представляет собой сложное и противоречивое явление, которое играет все более важную роль в современном мире. Оно является гибким инструментом регулирования, позволяющим государствам и другим субъектам международных правоотношений сотрудничать и находить компромиссы в условиях глобализации и быстрых изменений. Несмотря на свою необязательность, «мягкое право» может оказывать значительное влияние на поведение и формирование правовых норм. Однако отсутствие единого подхода к определению и проблематичность его соотношения с традиционным пониманием права требуют дальнейшего изучения и осмысления.

УДК 343.97

В.А. Яскевич, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Экономическая безопасность является краеугольным камнем и материальной основой национальной безопасности любого суверенного государства.

Для Республики Беларусь, страны с открытой экономикой, находящейся в сложном геополитическом контексте, ее роль выходит за рамки экономических категорий, приобретая стратегическое и конституционное значение. Она выступает ключевой гарантией устойчивого развития, сохранения суверенитета, конституционного строя и социальной стабильности, определенных в качестве целей развития в Основном Законе страны.

На сегодня политика Республики Беларусь в области обеспечения стабильности экономической системы и экономической безопасности строится на основе Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) и Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от

25 апреля 2024 г. № 5 (далее – Концепция). Так, Конституция закладывает прочный фундамент для обеспечения всех аспектов безопасности государства. В ст. 1 Беларусь провозглашается социальным правовым государством. Этот статус непосредственно обусловлен состоянием его экономики. Принципы социального государства, закрепленные в Конституции (ст. 2, 21, 47 и др.), реализуемы лишь при наличии мощного экономического базиса, способного обеспечить достойный уровень жизни, доступное здравоохранение и образование, социальную защиту уязвимых слоев населения. Таким образом, экономическая безопасность является предпосылкой выполнения государством своих конституционных обязательств перед народом.

Кроме того, Конституция гарантирует единство экономического пространства, многоукладность экономики и равную защиту всех форм собственности (ст. 13, 44). Это создает правовые условия для устойчивого экономического роста, защиту внутреннего рынка и формирования той самой экономической мощи, которая и составляет суть безопасности. Защита национальной безопасности, включая ее экономическую составляющую, является не только правом, но и высшей обязанностью государства (ст. 1, 79 Конституции). Но необходимо отметить, что и каждый член нашего общества должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в том числе и в экономику страны (ст. 21 Конституции).

Сущность экономической безопасности раскрывается в Концепции, политико-программном документе. Под ней понимается состояние экономики, при котором гарантированно обеспечивается защищенность национальных интересов страны от внутренних и внешних угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию страны. Из определения видно, что цель экономической безопасности – обеспечение защиты интересов государства от внешних и внутренних угроз в сфере экономики, предотвращение действия факторов, дестабилизирующих воспроизводственную динамику устойчивого развития государства. При этом угрозы носят комплексный характер: это зависимость от импорта, уязвимость логистических цепочек, демографические вызовы, а также попытки внешнего давления. Ответом на эти вызовы стала реализация стратегии, сфокусированной на импортозамещении, многовекторности и мобилизации внутренних резервов.

Только при четкой выработке и неукоснительном следовании стратегии экономической безопасности Беларусь может занять подобающее ей место в системе мирового экономического пространства. Будучи частью системы национальной безопасности, экономическая безопасность одно-

временно с этим составляет базу для формирования и функционирования всех других структурных элементов национальной безопасности.

Опыт последних лет подтверждает, что концепция усилий на укреплении экономического суверенитета через углубление кооперации, инновационное развитие и поддержку национального производителя – это не просто экономическая политика, а строгое следование конституционным принципам защиты национальной безопасности. Экономически сильное государство может в полной мере выполнить свои высшие обязанности перед народом, гарантированно обеспечив его безопасность, стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Ключевыми элементами системы экономической безопасности, находящимся в фокусе государственной политики, являются:

Продовольственная безопасность

Будучи традиционной аграрной страной, Беларусь не только полностью обеспечивает себя основными видами продовольствия, но и является крупным экспортером. Этот высокий уровень самообеспеченности, соответствующий конституционной норме о праве на достойный уровень жизни (ст. 21 Конституции), является мощным стабилизирующим фактором.

Энергетическая безопасность

Несмотря на зависимость от импорта энергоносителей, Республика Беларусь проводит последовательную политику по диверсификации источников поставок, развитию атомной энергетики (БелАЭС) и внедрению энергосберегающих технологий, что напрямую влияет на устойчивость всей экономики.

Промышленная и технологическая безопасность

Сохранение и модернизация мощного промышленного комплекса, поддержка отечественных производителей, локализация производств и развитие наукоемких отраслей позволяют минимизировать технологическую зависимость, что является прямой реализацией государственной функции по созданию условий для полной занятости (ст. 41 Конституции).

Финансовая стабильность

Обеспечение стабильности национальной финансовой системы, контроль над инфляцией и устойчивость банковского сектора являются конституционной гарантией защиты сбережений граждан (ст. 44 Конституции) и заслоном от экономических кризисов.

В современных условиях глобальной нестабильности и санкционного давления обеспечение экономической безопасности стало для Беларуси задачей, на которой должны быть сконцентрированы усилия всего государственного аппарата и общества.

Понимая всю сложность, опасность вышеназванных негативных факторов в сфере экономики и необходимость принятия адекватных мер противодействия, в нашей стране на постоянной основе совершенствуется законодательство и практика его применения. Неслучайно решением республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. (в ред. от 4 марта 2022 г.) были внесены изменения и дополнения в Конституцию, в соответствии с которыми ст. 21 была дополнена частью следующего содержания: «Каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства.». Кроме этого, с целью успешного развития страны, потенциала всех отраслей экономики и сфер деятельности в условиях глобальных политических и социально-экономических вызовов 2 апреля 2025 г. вступила в силу Директива Президента Республики Беларусь № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительной дисциплины», направленная на совершенствование работы органов власти и управления, усиление исполнительной дисциплины, социально ответственного отношения каждого к труду. Концепция также направлена на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности страны, в том числе и на обеспечение экономической безопасности.

Таким образом, экономическая безопасность, опирающаяся на нормы Конституции, служит главным буфером, поглощающим внешние угрозы, и основой для реализации всех остальных направлений национальной безопасности страны – оборонной, экологической, социальной. Без сильной, суверенной и устойчивой экономики невозможно содержать боеспособную армию, поддерживать конституционные социальные гарантии и проводить независимую внешнюю политику.

При этом государственные органы обязаны принимать в пределах своей компетенции необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности (ст. 59 Конституции).

Обозначенное предопределяет необходимость постоянного совершенствования правовых и организационных средств в деятельности государственных органов в условиях постоянно изменяющихся и усложняющихся общественных отношений (получение компетенций по взаимодействию с иными субъектами государственного управления и гражданами, реагированию на новые вызовы, риски и угрозы). Все обозначенное в итоге позволит обеспечить качественное выполнение государственным органом своих функций и решение поставленных задач.

Секция 2

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ, РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.985:343.346

К.А. Ардус, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ СООБЩЕНИЯ О НЕЗАКОННОМ ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Осмотр места происшествия – одно из самых важных следственных действий, поскольку позволяет не только обнаружить и зафиксировать материальные следы преступления, но и уяснить обстановку правонарушения, его механизм и масштаб. От того, насколько умело проведено это следственное действие, зависят качество и объем получаемой в ходе его производства информации, что, в свою очередь, обуславливает правильный выбор средств и методов решения задач, стоящих перед начальным этапом расследования. Осмотр места происшествия, производимый по факту незаконного пересечения государственной границы, проводится незамедлительно с целью обеспечения сохранности обстановки на месте совершения преступления.

Основная масса реагирования на незаконные пересечения Государственной границы Республики Беларусь происходит в результате рассмотрения рапортов об обнаружении признаков преступлений, поступивших от должностных лиц органов пограничной службы, непосредственно осуществляющих защиту и охрану государственной границы. В связи с этим правильная организация осмотра места происшествия обеспечивает подтверждение факта пересечения Государственной границы Республики Беларусь, времени и места ее пересечения, способа совершения преступления. Кроме того, могут быть получены сведения в отношении предметов, использовавшихся преступником для совершения преступления.

Основной целью осмотра места происшествия (нарушения границы, маршрута движения, места задержания) является собиране (обнаруже-

ние, фиксация, изъятие и сохранение) следов, предметов и документов, принадлежащих правонарушителю (в том числе задержанному), а также выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела.

Осмотр места происшествия позволяет выяснить следующие обстоятельства:

– в каком месте и в какое время произошло пересечение или попытка пересечения линии государственной границы, характерные особенности местности, в том числе по другую сторону государственной границы (рельеф, наличие скрытых подходов к границе, наличие реки, болота или других препятствий, наличие и расположение дорог, пограничных постов, пограничных знаков, населенных пунктов и т. п.); как двигался нарушитель, по какой местности и где именно проходит маршрут его движения, каковы особенности этого маршрута;

– сколько человек пересекло линию государственной границы, заградительные сооружения или контрольно-следовую полосу; вернулся ли кто-либо из них обратно; каковы объективные данные о поле, возрасте, росте, походке нарушителей, о типе, размерах и индивидуальных особенностях их обуви, а также имеющихся у них предметах одежды;

– какие способы маскировки применялись нарушителями, какие были применены при нарушении государственной границы орудия и средства;

– какие следы и другие вещественные доказательства оставлены нарушителем на местности и на предметах, обнаруженных там; какие следы могли остаться на теле, обуви, одежде нарушителей в процессе незаконного пересечения государственной границы;

– какие обстоятельства способствовали пересечению государственной границы;

– определить возможный круг лиц, которые могли видеть или слышать что-либо, относящееся к нарушению государственной границы.

При поступлении сообщения о незаконном пересечении Государственной границы Республики Беларусь чаще всего осмотру должны подвергаться следующие места:

1) контрольно-следовая полоса и проволочный забор – инженерные сооружения (если они имеются), которые нарушитель преодолел на пути следования к Государственной границе Республики Беларусь;

2) непосредственно линия Государственной границы Республики Беларусь, в том месте, где ее преодолел нарушитель, и прилегающая местность;

3) местность вблизи Государственной границы Республики Беларусь, где нарушитель, возможно, скрытно осуществлял наблюдение за системой организации охраны государственной границы;

4) местность вблизи Государственной границы Республики Беларусь, где нарушитель хранил вещи, необходимые для совершения преступления;

5) транспортные средства, в которых укрывался нарушитель.

Тактика действий лица, производящего дознание, зависит от сложившейся следственной ситуации и особенностей места происшествия. Так, например, при осмотре контрольно-следовой полосы следует обратить внимание:

- на направление движения нарушителя;
- предметы, оставленные им на поверхности земли (чаще всего таковыми являются предметы, с помощью которых преступник преодолел контрольно-следовую полосу);
- места подхода (подъезда) к указанным объектам;
- наличие на проволочном заборе следов грязи, крови, лоскутов одежды и др.

На открытой местности вещественные доказательства в значительно большей степени подвержены различным внешним воздействиям, приводящим к их изменению и утрате. Из этого объективного обстоятельства вытекает необходимость быстроты самого осмотра. Действия, необходимые для фиксации непрочных следов, должны быть выполнены в короткий срок и в первую очередь.

Особенностью участка местности как места происшествия является то, что этот участок местности часто является большим по площади.

Осмотр места незаконного пересечения государственной границы рекомендуется проводить в следующем порядке:

1) сначала осматривается место задержания нарушителя государственной границы в радиусе не менее 100 м. При этом оно может осматриваться с разбивкой по участкам;

2) затем проводится осмотр маршрута движения в полосе также не менее 100 м (ориентировочно по 50 м по обе стороны от маршрута нарушителя государственной границы, т. е. примерно на дальность полета выброшенного предмета). Он может проводиться путем параллельного или зигзагообразного следования участников осмотра по маршруту нарушителя.

По маршруту движения обследуются ямы, заболоченные места, курстарники, заброшенные постройки, стога сена и другие места, в которых нарушитель мог отдыхать, принимать пищу, выжидать момент, удобный для пересечения государственной границы, и наблюдать за действиями пограничников. Нередко в этих местах удается обнаружить следы пребывания нарушителя, его личные вещи, часть оставленного снаряжения, остатки пищи и другие предметы.

Таким образом, своевременно проведенный осмотр места происшествия при расследовании преступлений, связанных с незаконным пересечением государственной границы, позволяет не только зафиксировать следы преступления, но и уяснить обстановку правонарушения, механизм и масштаб совершенного преступления.

УДК 343.98

П.И. Атаманова, курсант Института судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТКРЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ГЕНЕТИКИ

В настоящее время в нашу жизнь активно внедряется наука, связанная с изучением генетики человека. Строится множество научных центров, занимающихся изучением данного вопроса. Гены человека – это участки ДНК, которые содержат информацию для синтеза белков, а также регулируют различные биологические процессы в организме. Каждый ген отвечает за определенные характеристики и функции, такие как цвет глаз, рост. Например, с помощью геномной информации можно выбрать наиболее подходящий вид спорта, в котором человек сможет реализовать себя. Определить предрасположенность человека к различным заболеваниям, передающимся по наследству.

Вся геномная информация, полученная от людей в научных, медицинских или иных целях, хранится в геномных базах данных. Федеральный закон Российской Федерации от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (с изменениями от 1 января 2025 г.) установил список лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации. Данная регистрация проводится в целях идентификации личности человека. В настоящее время в базу данных заносится следующая геномная информация: лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений; неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; лиц, подозреваемых в совершении преступлений, обвиняемых в совершении преступлений; лиц, подвергнутых административному аресту; близких родственников лица, пропавшего без вести.

К сожалению, в наше время в базе находится не очень много людей. В федеральной базе данных содержится информация о 965 315 объектах учета, что составляет 0,6 % от общего населения страны России

(145,9 млн человек) в 2020 г. После вступления в силу Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» база ежегодно пополняется на 1,8 млн лиц за счет категорий, предусмотренных в законе. Необходимо приложить много усилий, чтобы как можно больше граждан были внесены в базу. Ведь с ее помощью полиция легко может установить личность преступника. Если раньше криминалистам приходилось сначала выискивать подозреваемых, а потом сравнивать их ДНК с ДНК, обнаруженной на месте преступления, то теперь никакие подозреваемые не нужны. Криминалист собирает образцы с места преступления, отправляет в лаборатории и проверяет через базы генеалогических сервисов в поисках совпадений. Данные действия значительно упрощают работу криминалиста. У него больше нет необходимости сравнивать образцы вручную в архиве, это делает электронная база.

Генетическая информация используется не только в криминалистике, но и в медицине. Врачи используют геномные тесты для выявления онкологии и подбора оптимального лечения. Курчатовский институт выдвинул гипотезу: в опухоли отмечается резкий скачок определенных клеток, данные превалирующие клетки должны также отмечаться в крови. Это позволило оценить, что можно диагностировать лимфому по образцу крови. На основе этой гипотезы уже разработаны лекарственные препараты, работающие с геномом. Сейчас ведутся работы по созданию онколитических вирусов. Следующий шаг в науке – лечение врожденных заболеваний, таких как слепота, мышечная дистрофия.

Проанализировав деятельность генетиков, мы пришли к выводу: благодаря генетической информации можно узнать многое о себе, поделиться с видом деятельности и овладеть знаниями о предрасположенности к различным заболеваниям.

Эксперты-криминалисты быстро и точно определяют личность оставившего следы на месте преступления, что позволяет им оперативно начать расследование.

УДК 343.985.7

И.С. Бармин, слушатель факультета подготовки сотрудников полиции Омской академии МВД России

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СПЕЦИФИКА РАССЛЕДОВАНИЯ

«Коррупция – это не только нарушение закона, но и разрушение человеческого достоинства», – отметил Владимир Путин.

Эффективное расследование преступлений всегда интересовало правоохранительные органы, поскольку позволяет своевременно восстанавливать нарушенные права и возмещать ущерб, предавать виновного суду. Многие следователи, имеющие большой опыт следственной практики, имеют наработанный план расследования и перечень мероприятий для эффективного расследования разных категорий преступлений. Отдельного внимания заслуживают должностные преступления, потому что могут включать в себя различного рода деяния, совершенные на почве коррупции. По данным прокуратуры, за первый квартал 2025 г. выявлено 15 458 преступлений коррупционной направленности.

Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Должностные преступления характеризуются высокой общественной опасностью, в связи с тем, что отличаются своей скрытностью и наносят большой ущерб государственным интересам.

Должностные преступления (ст. 201, 285, 286, 290, 291, 291.1 и др. Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)) подследственны следователям Следственного комитета Российской Федерации. Расследование таких преступлений требует от следователей опыта, знаний во многих областях и понимания сущности как коррупции в целом, так и совершенного деяния – какие мотивы, цели являлись фактором их совершения. Расследование должностных преступлений имеет характерные особенности на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

А.Ю. Афанасьев и М.Е. Репин в статье «Некоторые особенности расследования коррупционных преступлений на первоначальном этапе» выделяют две характерные тактические ситуации при расследовании должностных преступлений, опираясь на момент их совершения. В первой ситуации факт коррупции еще не произошел, а уголовное дело возбуждено по заявлению о предстоящем преступлении. Во втором случае с момента совершения преступления прошло продолжительное время.

Должностные преступления могут выявляться сотрудниками уголовного розыска посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Сообщения сотрудников оперативных подразделений в последующем становятся поводом для возбуждения уголовного дела. Поводом для

возбуждения уголовного дела могут стать заявления от потерпевших лиц и организаций, а также осведомленных граждан о фактах коррупции. Основанием для возбуждения уголовных дел служит информация, указывающая на признаки коррупции. После возбуждения уголовного дела следует этап предварительного расследования, который характеризуется определенным набором следственных действий и иных мероприятий.

По мнению Э.Д. Нугаева, изложенному в публикации «Особенности проведения тактической операции „задержание с поличным“ при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений», большинство должностных преступлений раскрывается именно по данным граждан, из чего следует, что тщательное планирование тактической операции по задержанию с поличным имеет ключевое значение для получения доказательств и дальнейшего расследования уголовного дела. Задержание наиболее эффективно непосредственно после совершения коррупционного преступления, с последующим изъятием передаваемых денежных средств или иных предметов. В ходе задержания правоохранительными органами решаются сразу несколько задач: пресечение дальнейшей коррупционной деятельности, предотвращение уничтожения следов преступления, изъятие вещественных доказательств.

После задержания дальнейшие мероприятия проводятся с лицами, а также с изъятими в процессе задержания предметами и документами. Умелые следователи непосредственно после задержания проводят допросы задержанных, пользуясь стрессовым состоянием преступников. Применение тактических приемов при допросе после задержания способствует добровольному признанию вины задержанными, выяснению всех элементов состава преступления и других фактов коррупционных деяний. Логическим продолжением задержания следует ходатайство следователя об избрании меры пресечения перед судом. Стоит отметить, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу позволяет исключить возможность виновного препятствовать расследованию уголовного дела, путем сокрытия доказательств, а также воздействия на свидетелей.

Для установления фактов злоупотребления, превышения должностными полномочиями, несоблюдения установленных правил и процедур осуществляется изъятие служебных инструкций, должностных регламентов указанных лиц в ходе обысков или выемок в организациях. Указанные документы позволяют установить обстоятельства совершенного деяния, причастность задержанных лиц, в дальнейшем осматриваются и признаются вещественными доказательствами.

Нередко правоохранительным органам становится известно о должностных преступлениях через продолжительное время после их совер-

шения. В таких случаях процесс сбора доказательств виновности частных лиц усложняется. Для установления всех обстоятельств следователь активно обращается за помощью к другим органам: банкам – для установления движения денежных средств и связи между участниками преступления, государственным реестрам – для установления фактов регистрации имущества и недвижимости, на которые в последующем следователь может наложить арест для обеспечения исполнения приговора.

Допросы свидетелей являются также важным источником для установления всех обстоятельств совершенного преступления. Свидетелями могут являться коллеги на работе, представители других компаний и учреждений, с которыми осуществлялось взаимодействие. Стоит учитывать, что данные лица могут и не знать о прямых фактах коррупционных действий виновных, но могут дать информацию о промежуточных фактах, из которых можно сделать выводы о сведениях, входящих в предмет доказывания, т. е. получить косвенные доказательства.

Судебные экспертизы имеют большое значение для установления факта должностного преступления, а также ущерба, полученного в результате деяния. При расследовании указанных преступлений следователи назначают различные экспертизы: бухгалтерскую, товароведческую, технико-криминалистическую экспертизу документов, строительно-техническую, финансово-аналитическую и др. Проведение исследования способствует точному установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках уголовного дела, даже при попытке их фальсификации или сокрытия.

Таким образом, должностные преступления характеризуются своей сложностью выявления и расследования, которая может намеренно создаваться преступниками для сокрытия фактов совершения преступления. Помимо прочего, указанные преступления совершают должностные лица, которые могут иметь большое влияние и власть в обществе. Пользуясь своими возможностями, виновные могут пытаться влиять на ход расследования уголовного дела. Характерной чертой указанных преступлений является их латентность, в связи с чем выявление факта преступления возможно только при эффективном взаимодействии следственных подразделений с подразделениями уголовного розыска. Дальнейшее расследование также затруднено без взаимодействия с экспертно-криминалистическими центрами и другими государственными учреждениями. Особая роль расследования отводится задержанию преступников, изъятию у них вещественных доказательств и подбору правильной тактики допроса, тем самым формируя фундамент всей доказательственной базы.

А.А. Богаткевич, студент факультета права
Академии МВД Республики Беларусь

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Современные тенденции уголовного процесса в Республике Беларусь направлены на повышение его эффективности и оперативности. Одним из инструментов, способствующих этим целям, стало внедрение института досудебного соглашения о сотрудничестве. В ходатайстве о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) заявляет о признании своей вины в совершении преступления, указывает действия, которые он обязуется совершить в целях оказания содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Центральную роль в заключении такого соглашения играет прокурор, от действий которого зависит не только правовая чистота соглашения, но и соблюдение прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого). Обычно нарушение закона является единственным и обязательным поводом для вмешательства прокурора в какие-либо правовые отношения. Осуществление надзора за законностью досудебного соглашения о сотрудничестве и исполнением законов относится к исключительной компетенции и является одной из основных функций органов прокуратуры Республики Беларусь.

При этом все чаще обозначается проблема недостаточной регламентации полномочий прокурора, что может приводить к затруднению заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

В ст. 468⁷ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) указано, что одним из этапов заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является проверка прокурором на законность соглашения, что подчеркивает его исключительную роль как гаранта законности. Именно он принимает решение о возможности такого заключения соглашения, определяет, соответствует ли сотрудничество интересам правосудия, следит за соблюдением правовых и этических границ при заключении соглашения.

После получения от следователя уголовного дела с постановлением о передаче дела прокурору для направления в суд прокурор обязан про-

верить, выполнены ли обвиняемым обязательства, предусмотренные досудебным соглашением о сотрудничестве. После проверки в постановлении о направлении дела в суд прокурор также указывает: полноту выполнения обвиняемым обязательств по оказанию содействия предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления и т. д., значение оказанного обвиняемым содействия предварительному следствию в расследовании преступления, нормы уголовного закона о назначении наказания, которые могут быть применены в отношении обвиняемого, сведения о преступлениях, обнаруженных в результате оказанного обвиняемым содействия предварительному следствию, или уголовных делах, возбужденных в результате такого содействия.

По результатам рассмотрения прокурор или его заместитель принимают одно из следующих решений:

1) об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, о чем выносят постановление.

На практике возникает проблема, связанная с отсутствием четких критериев и процессуальных алгоритмов действий прокурора при заключении досудебного соглашения. В действующем законодательстве отсутствуют:

– исчерпывающий перечень оснований для отказа в заключении соглашения;

– регламент оценки степени выполнения условий соглашения.

В результате прокурор действует на основе широкой дискреции, что может повлечь за собой избирательный подход к заключению соглашений.

Для повышения эффективности и справедливости применения института досудебного соглашения о сотрудничестве, на наш взгляд, необходимо:

1. Внести изменения в УПК, предусматривающие четкий перечень условий, при которых соглашение может быть заключено, механизм оценки информации, предоставляемой подозреваемым (обвиняемым) (в том числе возможность ее независимой проверки). Одной из существенных проблем является недостаточная осведомленность прокуроров о материалах уголовного дела на момент поступления ходатайства. Это может приводить к необоснованным отказам в его удовлетворении, что, в свою очередь, осложняет реализацию института досудебного соглашения о сотрудничестве. Решение данной проблемы видится в улучшении взаимодействия между органами предварительного расследо-

вания, особенно в части обмена информацией. В частности, повысить качество принимаемых прокурором решений могло бы введение обязательного представления следователем развернутого аналитического заключения. В этом документе должно содержаться описание имеющихся доказательств, подтверждающих как готовность подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству, так и его возможный вклад в раскрытие и расследование преступления.

2. Обозначить основания для отказа в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Предлагаем раскрыть в ч. 2 ст. 468⁷ УПК следующие основания: недостаточная значимость предоставляемой информации, предоставленная информация носит предположительный характер, обвиняемый подает ходатайство на поздней стадии разбирательства, не предпринимая реальных действий по сотрудничеству, обвиняемый отказывается от следственных действий или вводит в заблуждение следствие, информация, полученная от обвиняемого, не представляет интереса для органов предварительного расследования.

3. Разработать методические рекомендации для прокуроров, включающие алгоритм действий при проверке соглашения, шаблоны соглашений с обязательными условиями. Эффективное применение института досудебного соглашения о сотрудничестве требует от прокурора четкого следования определенным алгоритмам, составляющим программу его деятельности. Алгоритмы функционирования обеспечивают регламент работы всей системы, определяя роли и обязанности прокурора, органов предварительного следствия и других участников уголовного процесса. Также они задают порядок реализации прокурором своих полномочий, оформление результатов и использование мер прокурорского реагирования. Алгоритмы выявления нарушений закона позволяют обнаруживать ошибки и нарушения в работе органов предварительного следствия и определять адекватные меры прокурорского реагирования. Алгоритмы обоснования направлены на аргументированную и логически выстроенную позицию прокурора при принятии решений. Все вышеперечисленные алгоритмы могут быть успешно применены в деятельности прокурора при реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве, обеспечивая системность, последовательность и эффективность его действий.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой перспективный инструмент взаимодействия между обвиняемым и государством, способствующий эффективному расследованию и экономии процессуальных ресурсов. Роль прокурора в досудебном соглашении о

сотрудничестве носит комплексный характер, так как не только утверждает соглашение, но и осуществляет надзор за его законностью, обоснованностью. Особое внимание следует уделить процедуре ознакомления прокурора с материалами дела до утверждения досудебного соглашения о сотрудничестве. На этом этапе прокурор обязан убедиться в достоверности и полноте доказательств, которыми подтверждается вина лица, в добровольности заключения соглашения и отсутствии признаков давления со стороны органов предварительного следствия, в реальной полезности сотрудничества для раскрытия или пресечения других преступлений, а не формальном исполнении условий соглашения, в том, что права обвиняемого не нарушены, что напрямую связано с задачами прокурорского надзора. Таким образом, прокурор выступает не просто участником досудебного соглашения о сотрудничестве, а гарантом законности и справедливости в процессе его заключения и реализации.

УДК 343.1

В.В. Волчок, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Развитие юриспруденции в современном быстро развивающемся мире очень сложно представить без интеграции цифровых технологий. Это обусловлено глобальным трендом, направленным на цифровизацию государственного управления. Это обстоятельство актуализирует вопрос цифровизации уголовного процесса в Республике Беларусь.

Как отмечает в научной работе «Цифровые технологии в уголовном процессе: теория и практика» А.Ф. Мательский, переход к электронному документообороту в уголовном процессе является этапом эволюции правовых систем, направленной на повышение эффективности расследования и снижение бюрократической нагрузки. Несмотря на частичное внедрение автоматизированных систем (например, АИС НРПА), уголовные дела продолжают формироваться в бумажном формате, что может при имеющемся научно-техническом прогрессе противоречить процессуальной экономии. Внедрение электронных уголовных дел позволит не только сократить материальные затраты, но и минимизировать риски утраты документов, что особенно актуально для дел, связанных с длительными сроками расследования.

Ключевым препятствием для цифровизации уголовного процесса в Республике Беларусь выступает неадаптированность его норм к со-

временным технологическим реалиям. Мы согласны с утверждением С.В. Зуева и А.И. Зазулина, изложенным в публикации «Электронный уголовный процесс: проблемы и перспективы». Они указывают на то, что законодательная база не обеспечивает четкого регулирования юридического статуса электронных доказательств, включая механизмы их проверки на достоверность, что формирует пробелы в правовом поле. Ярким примером служит Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», который не устанавливает требований к применению криптографических средств при создании электронных дел, что вызывает сомнения в их процессуальной допустимости. Параллельно наблюдаются системные технологические дефициты: отсутствие специализированных защищенных платформ для обмена данными между ведомствами и их архивирования затрудняет формирование целостной цифровой инфраструктуры. В.Н. Ковальчук в своей научной работе «Цифровизация государственного управления: правовые аспекты» акцентирует, что разрозненность стандартов внедрения информационных технологий в деятельность органов предварительного расследования приводит к дублированию усилий и снижению эффективности цифровых проектов.

Конечно, введение в правоприменительную практику электронных уголовных дел сопряжено с рисками утечки конфиденциальной информации, включая персональные данные участников уголовного процесса. Как подчеркивает в научной работе «Кибербезопасность в правоприменительной деятельности» Ю.А. Цветков, даже внедрение продвинутых систем шифрования не гарантирует абсолютной защиты, особенно в условиях роста киберпреступности. Отдельным барьером выступает сопротивление профессионального сообщества. Следователи и судьи, привыкшие к традиционным методам работы, демонстрируют скептицизм в отношении цифровых инструментов, что подтверждается эмпирическими исследованиями адаптации новых технологий в правоохранительных органах. Кроме того, отсутствие специализированных программ переподготовки кадров усугубляет проблему: даже базовые навыки работы с электронными системами остаются недоступными для части сотрудников.

Научные работы белорусских ученых предлагают следующие направления реформ. Во-первых, разработка специализированного законодательства, регулирующего электронный документооборот в уголовном процессе, включая стандарты цифровых подписей и протоколов. Как отмечает А.Ф. Мательский, внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) позволит закрепить статус электронных доказательств и порядок их использования в суде. Во-вторых, создание защищенных государственных платформ для

хранения и обработки данных с использованием блокчейн-технологий, обеспечивающих неизменность доказательств. Подобные системы уже тестируются в рамках пилотных проектов, однако их масштабирование требует значительных инвестиций. В-третьих, внедрение искусственного интеллекта (ИИ) для автоматизации рутинных задач, таких как анализ документов и выявление процессуальных нарушений. Как показывает опыт зарубежных стран, ИИ способен сократить время подготовки обвинительного заключения на 30–40 %. Однако следует также учитывать некоторые особенности ИИ, в том числе тот факт, что некоторые модели имеют различные уязвимости, в том числе совершать некоторые ошибки. В случаях когда процессуальные ошибки совершены должностным лицом, оно понесет личную виновную ответственность в соответствии с законодательством, однако при ошибке в работе ИИ невозможно определить ответственное за нее лицо. Данный вопрос на сегодня никак не урегулирован нормами этики или морали и не находит никакого отражения в законодательстве ни в одной стране мира. Таким образом, может быть допущено нарушение сразу нескольких принципов, закрепленных в законодательстве Республики Беларусь, в частности, в УПК.

Цифровизация уголовного процесса в Республике Беларусь требует многостороннего рассмотрения, сочетающего модернизацию законодательства, инвестиции в ИТ-инфраструктуру и подготовку кадров. Несмотря на существующие правовые и технологические барьеры, потенциал данного направления уголовно-процессуального законодательства подтверждается международным опытом и научными исследованиями. Ключевым условием успеха является синхронизация усилий государства, научного сообщества и ИТ-сектора. Как подчеркивают С.В. Зуев и А.И. Зазулин, переход на электронный формат должен сопровождаться созданием правовых механизмов, гарантирующих защиту прав участников процесса и сохранение состязательности. Цифровизация уголовного процесса затрагивает не только правовые и технические аспекты, но и социально-культурные. Традиционное доверие к бумажному документу как к «материальному носителю истины» остается значимым элементом профессиональной культуры юристов. Как отмечает А.Ф. Мательский, переход на электронные форматы требует пересмотра сложившихся стереотипов, включая восприятие цифровых данных как менее надежных. Это подтверждается исследованиями, проведенными среди белорусских следователей: 68 % респондентов выразили сомнения в возможности обеспечения полной аутентичности электронных доказательств.

Кроме того, цифровизация может усилить социальное неравенство в доступе к правосудию. Например, участники процесса, не обладающие цифровой грамотностью, могут столкнуться с трудностями при работе

с электронными системами. Как подчеркивает В.Н. Ковальчук, внедрение новых технологий должно сопровождаться образовательными программами для граждан, включая консультации по использованию электронных сервисов.

Анализ зарубежных практик (например, Эстонии и Сингапура) демонстрирует, что успешная цифровизация уголовного процесса возможна при условии системного подхода. Например, в Эстонии внедрение платформы X-Road позволило объединить базы данных различных ведомств, что сократило сроки расследования на 25 %. Однако, как отмечает Ю.А. Цветков, прямое копирование зарубежных моделей без учета национальной специфики может привести к дисбалансам. Для Беларуси критически важно адаптировать международный опыт к локальным правовым актам и культурным реалиям.

Таким образом, цифровизация уголовного процесса в Республике Беларусь требует комплексного подхода, сочетающего модернизацию законодательства, инвестиции в ИТ-инфраструктуру и подготовку кадров. Несмотря на существующие правовые и технологические барьеры, потенциал цифровизации подтверждается международным опытом и научными исследованиями. Ключевым условием успеха является синхронизация усилий государства, научного сообщества и ИТ-сектора.

УДК 81.33

А.В. Воробьева, курсант факультета подготовки дознавателей Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО

Лингвистический анализ фонетических признаков речи имеет большое значение для анализа и идентификации голоса на аудиозаписи для установления его подлинности и принадлежности конкретному лицу, т. е. для проведения криминалистической фоноскопии, основной задачей которой является идентификация личности по голосу и звучащей речи.

Криминалистическая идентификация личности говорящего представляет собой выделение «такого устойчивого комплекса признаков, который будет достаточен для установления индивидуально-конкретного тождества между голосом и речью, зафиксированными на фонограмме исходной, и представленным на фонограмме-образце», т. е. это процесс анализа акустических характеристик голоса и речи человека с целью определения его личности.

«Криминалистическая идентификация личности говорящего – это комплексное исследование, включающее лингвистический, аудитивный и инструментальный анализ голоса и речи», – утверждает А.Ш. Каганов в монографическом исследовании «Криминалистическая экспертиза звукозаписей». Этим обусловлена необходимость проводить «исследование звукозаписей русской речи двумя экспертами: экспертом с базовым инженерным образованием (эксперт-акустик) и экспертом с базовым лингвистическим образованием (эксперт-лингвист)». Такого мнения придерживается П.А. Кирьянов, излагая его в своей публикации «Возможности и ограничения экспертных методик идентификации личности по голосу и звучащей речи».

Исследование устной речи представляет собой не только передачу содержания информации, но и описание средств, с помощью которых оформлено высказывание, включая индивидуальные сведения о территориальной, социальной, профессиональной принадлежности говорящего, а также, по мнению Н.Б. Кураченкова, изложенному в статье «К вопросу об идентификации личности по иноязычной звучащей речи», «его эмоциональном состоянии, физиологических, психических и интеллектуальных особенностях». С каждым человеком связаны уникальные особенности произношения звуков, интонаций и ритма речи, которые можно использовать для идентификации.

Одним из основных методов криминалистической идентификации по звучащей речи является голосовой анализ. Специалисты исследуют частоту, амплитуду и длительность звуков, особенности произношения определенных звуков и т. д. Эти данные затем сравниваются с голосовыми характеристиками подозреваемого или жертвы для определения их сходства или различия.

Кроме того, криминалисты могут анализировать и другие аспекты речи, такие как лексика, грамматика, стиль общения и даже акцент. Все эти данные помогают создать уникальный «голосовой портрет» человека, который может быть использован для его идентификации.

«С физической точки зрения устная речь – это акустический сигнал, который образуется в результате сложной анатомо-физиологической деятельности человека, а именно функционирование нервной системы и речевого аппарата». Такой позиции придерживается Н.А. Трифонова в научной статье «Использование в раскрытии и расследовании преступлений специальных знаний в области фоноскопии». В число индивидуальных биологических особенностей, влияющих на звучащую речь, включают: строение тела, анатомические характеристики речевого аппарата, возраст и т. д., которые играют ключевую роль в голосообразовании, симметричность голосового аппарата. Например, возраст как фактор, влияющий на голосовой аппарат и звучащую речь, может влиять на изменение тембра,

высоты, интенсивности голоса. Так, у людей пожилого возраста глухой, слабый, дребезжащий голос. У подростков особенно в период полового созревания изменяется строение гортани, из чего следует, что у юношей голос становится более жестким, басистым, а у девочек наблюдается переход детского дисканта и альта в женское сопрано или контральто.

Отметим, что при овладении навыком звучащей речи немаловажное значение имеют как способы его формирования и развития, так и совокупность факторов, к числу которых относятся биологические (заложенные генетически), внешние (социальная среда, образование, воспитание и т. п.). В результате приобретенные навыки помогают человеку управлять собственным речевым аппаратом.

Условно сведения, содержащиеся в звучащей речи, делятся на смысловые (семантические) и личностные. Смысловая составляющая информации включает уровень образования и воспитания говорящего, его профессиональную принадлежность, умения, знания, взгляды и т. д. Личностное представление о говорящем основано на наличии либо отсутствии диалектных особенностей речи в области звуков, интонации и т. п., а также используемой лексики, позволяющей выделить особенности, характеризующие интеллектуальный, физический, социальный, профессиональный и психологический образ личности. Например, присутствие в речи слов, грамматически показывающих родовую принадлежность, например, «мой/моя», «говорила/говорил», указывают на пол говорящего. Кроме того, женщины чаще употребляют экспрессивно окрашенную лексику, так как их считают более эмоциональными, поэтому в их речи преобладают эмоционально-окрашенные слова типа «шок», «ужас» и т. д. Мужчины чаще всего выражают свои эмоции с помощью грубых и нецензурных слов.

Территориальные и социальные диалекты также помогают определить, к какой группе относится тот или иной человек. Это поможет сузить круг для идентификации личности по звучащей речи. Например, использование в речи жаргонизмов демонстрирует принадлежность говорящего не только к той или иной группе (социальной, профессиональной и т. д.), но и указывает на его возраст, например, «чилить – тусоваться», «ништяк – клево». Присутствие в речи диалектных черт (оканье, аканье, яканье, цоканье, фрикативное произношение буквы «г») может указывать на место проживания, уровень образования и т. п.

Сведения о примерном возрасте человека мы можем узнать не только по особенностям голоса, но и по речевой манере. Так, люди пожилого возраста стремятся давать советы, поучения, используют в речи слова, вышедшие из активного оборота, упоминают события из прошлого. Речь молодого поколения характеризуется категоричностью, использованием сленговых слов и выражений.

Функционально-динамический комплекс навыков звучащей речи является одним из источников криминалистической информации. Поэтому в настоящее время актуальной задачей является создание технологии идентификации и верификации личности говорящего, включающей комплексный анализ речевого материала, который опирается на интегральный подход. Анализ индивидуальных черт звучащей речи способствует расследованию преступлений. Например, востребованным стало использование данного метода при проверке анонимного звонка о готовившемся или совершенном террористическом акте или других противоправных деяний.

Таким образом, выявление индивидуальных особенностей звучащей речи является практической необходимостью для идентификации автора речевого произведения. Комплексный анализ голоса и звучащей речи способствует объективному, тщательному экспертному исследованию.

УДК 343.1

А.Д. Горина, курсант следственного факультета
Омской академии МВД России

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) в 2024 г. были внесены изменения и дополнения, касающиеся оснований прекращения уголовного дела в связи с призывом на военную службу. Важно подчеркнуть, что история законодательного регулирования этого вопроса носит циклический характер. Наряду с нынешними инициативами предпринимались и неудачные попытки, примером чего служит проект Федерального закона Российской Федерации № 329181-8, внесенный депутатами Законодательного собрания Челябинской области¹. Существенным недостатком предложенного законопроекта являлось отсутствие положений о приостановлении производства по уголовному делу до окончания участия лица в специальной военной операции (СВО).

Отправной точкой в создании нормативной базы явился Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об осо-

---

¹ Было предложено внести ст. 25² «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с изменением обстановки» в УПК РФ, позволяющую прекращение досудебного или судебного разбирательства в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, участвующего в проведении специальной военной операции.

бенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который с 23 марта 2024 г. утратил силу. Как подчеркивает в научной статье «Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО. Законодательные вопросы» Л.В. Головкин: «Причины выбора такого регулирования, видимо, связаны со стремлением не перегружать кодексы сугубо техническими и отчасти «ситуативными», связанными с конкретным событием, пусть и исторического масштаба положениями».

При этом В.А. Коновалов в публикации «Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» отмечает, что «положения Федерального закона № 270-ФЗ не направлены на длительное неоднократное применение, в этой ситуации изменение норм Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) было нецелесообразным». Исходя из вышеизложенного, одного нормативного акта, предполагающего его автономное применение, явно недостаточно и в целях закрепления более детальной правовой регламентации были внесены изменения в УК РФ и УПК РФ.

Следующим этапом работы законодателя стало внесение системных изменений в УК РФ и УПК РФ, с целью решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы. Указанные изменения коснулись прежде всего порядка приостановления и прекращения предварительного расследования. В частности, были введены ст. 28.2 в УПК РФ, ст. 78.1 и 80.2 в УК РФ, а также внесены поправки в ст. 27 УПК РФ.

Данные изменения, как следует из пояснительной записки к проекту закона, были направлены на совершенствование правового регулирования освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в отношении лиц, заключивших контракт о прохождении службы в зоне СВО, как на добровольной основе.

Положительно оценивая подход законодателя по оптимизации уголовно-процессуального законодательства в соответствии с внешнеполитическими реалиями и вызовами современности, следует обратить внимание на существенные проблемы, с которыми сталкиваются органы предварительного расследования. Сохраняется правовая неопределенность в вопросах соотношения оснований и условий прекращения уголовного дела; в полной мере не урегулированы вопросы взаимодей-

ствия органов предварительного расследования с командованием воинской части. В частности, неясен правовой статус командования воинской части; неясен порядок контроля за поведением преследуемых лиц до момента их освобождения от ответственности¹; сложности возникают при получении согласия лица на прекращение уголовного дела.

Сущность прекращения уголовного дела в отношении участников СВО определяется несколькими факторами и основаниями, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством. Во-первых, вышеуказанные изменения были внесены для привлечения граждан к службе, а также обеспечения возможности оперативного комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации. Благодаря поступлению на военную службу по контракту, лицо, совершившее преступление, получает возможность не только не отбывать наказание в виде лишения свободы, но и быть освобожденным от уголовной ответственности.

Во-вторых, органы предварительного расследования должны осуществлять деятельность, направленную на защиту общества и личности от реально опасных преступлений. Расследование каждого уголовного дела требует затраты значительных ресурсов, в частности, времени следователей и дознавателей, работы экспертов, затрат на проведение следственных действий, судебные заседания и т. д. Если дело не представляет общественной опасности, то его прекращение освобождает ресурсы для более важных и серьезных преступлений. Таким образом, данный институт предназначен для снижения нагрузки на следственные органы за счет прекращения уголовных дел, не представляющих общественной опасности.

Изменения, касающиеся прекращения уголовного дела в отношении участников СВО, выступают в качестве реализации принципа гуманизма, предусмотренного как ст. 2 Конституции Российской Федерации, так и ст. 7 УПК РФ. Подозреваемому или обвиняемому предоставляется возможность принести пользу государству за счет несения военной службы, а также встать на путь исправления. Таким образом, внесенные поправки в законодательство направлены на гуманизацию, которое предоставляет возможность лицу, совершившему преступление, загладить свою вину перед обществом и внести реальный вклад в защиту национальных интересов, заменив наказание на военную службу. Такой подход не только соответствует принципам гуманизма, но и способствует укреплению обороноспособности страны.

---

¹ Контроль за поведением лиц, указанных в ч. 1 ст. 78.1, осуществляется командованием воинской части (учреждения) (ч. 2 ст. 78.1 УК РФ).

ПОЛИМЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВАХ

В современном мире изделия из пластика стали неотъемлемой частью жизни общества. К таковым изделиям ввиду безопасности, экономической эффективности и относительной экологичности использования на сегодня относят и пластиковые деньги. Все чаще полимерные банкноты (пластиковые деньги) внедряются в денежные системы стран мира, заменяя традиционные бумажные банкноты.

В Республику Беларусь полимерные банкноты начали поступать в качестве расчетных единиц других государств сравнительно недавно, поскольку белорусские денежные билеты традиционно производят из бумажного композита. В то же время в связи с появлением в обороте на территории нашего государства данных банкнот необходимо рассмотреть преимущества их использования и особенности.

Полимерные банкноты, также известные как пластиковые деньги, – это банкноты, изготовленные из полипропилена, прозрачной синтетической смолы. Для придания им уникальности и защиты от подделки на них наносятся краски, гравировка и металлические пленки. Срок жизни полимерных денег превышает век бумажных минимум в три раза. Полимер по своей природе водостойкий, что делает его пригодным для использования во влажном и дождливом климате. Если бумажная купюра выходит из обращения через один–два года, то полимерная может использоваться до пяти лет. Это особенно важно для банкнот с низким номиналом, которые чаще всего передаются из рук в руки. Они не только более устойчивы к механическим повреждениям, воздействию влаги и перепадов температур, но и значительно меньше подвергаются загрязнению, а значит, гораздо более гигиеничны. Несмотря на более высокую стоимость производства, долговечность полимерных купюр позволяет сократить расходы на замену ветхих банкнот. В долгосрочной перспективе центральные банки экономят средства, уменьшая объемы печати и логистики.

Хотя полимер – это пластик, его использование в банкнотах может быть более экологичным: банкноты служат дольше, их нужно меньше; по завершении срока службы они перерабатываются в пластиковые изделия: строительные материалы, мебель, бытовые товары. Таким образом, воздействие на окружающую среду снижается.

Согласно исследованиям Оксфордского университета, на бумажных деньгах живет от 11 тыс. (евро) до 180 тыс. (китайский юань) различных

бактерий, в том числе кишечные и туберкулезные палочки, плесень, стафилококки, вирусы гриппа. И, несмотря на то что ученые считают, что для человека, регулярно моющего руки, живущие на деньгах бактерии неопасны, все же полимерные купюры и в этом смысле «выигрывают» у своих бумажных «коллег».

Помимо тех средств для защиты от подделок, что используются для денежных банкнот из бумаги, полимерные купюры имеют и новые элементы, которые на бумаге применить невозможно. Так, например, полимер позволяет внедрять такие современные защитные технологии, как прозрачные окна со сложной голографией, которые и сами по себе могут служить основой для других защитных элементов. Получается двойной уровень безопасности. Фирма Securency создала около десятка визуальных защитных признаков, которые наносятся на прозрачное окно.

Сегодня более 50 стран мира используют в обращении полимерные банкноты в своих денежных и банковских системах, как для общеупотребительных валют, так и для памятных выпусков, а также в рамках экспериментов. Национальный банк Республики Беларусь также проявляет осторожный интерес к банкнотам, изготовленным на полимерном субстрате. РУП «Криптотех» Гознака провел предварительные экспериментальные работы по печати на двусосно-ориентированном пропилене и показал потенциальную возможность изготовления такой продукции в Республике Беларусь.

Таким образом, вышеизложенное позволяет констатировать факт повсеместного внедрения пластиковых технологий в нашу жизнь и необходимость дальнейшего исследования возможностей использования полимерных денежных билетов в Республике Беларусь.

УДК 343.98

А.А. Дмитриева, слушатель факультета подготовки экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции Волгоградской академии МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРИЖИЗНЕННОГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА

Современный этап технологического развития характеризуется качественным преобразованием методологии научного исследования. В сравнении с периодом десятилетней давности наблюдается переход не только к оптимизации временных затрат, но и к кардинальному повышению качества изысканий благодаря внедрению принципиально но-

вых методов и инструментария. В рамках данной парадигмы научная система Министерства внутренних дел Российской Федерации реализует ряд перспективных проектов, адаптированных к условиям интенсивного технологического прогресса. Целевой функцией этих инициатив является повышение эффективности деятельности оперативных, следственных и экспертно-криминалистических подразделений. Одним из значимых достижений криминалистической техники, обладающим высоким потенциалом интеграции в повседневную практику, выступают технологии трехмерного сканирования и моделирования, открывающие новые возможности в такой сложной области, как восстановление прижизненного облика человека по черепу.

Актуальность применения технологий 3D-сканирования и моделирования подтверждается использованием 3D-сканера Calibri mini в учебно-воспитательном процессе Волгоградской академии МВД России. Одним из наиболее перспективных направлений использования данного оборудования выступает исследование скелетированных останков человека, в частности, черепа. Традиционные методические подходы восстановления прижизненного облика обуславливают трудоемкость и высокую временную затратность подобных исследований. Они требуют привлечения высококвалифицированных специалистов-антропологов и художников. В этой связи представляется целесообразным использование специализированного программного обеспечения для решения отдельных экспертных задач, что позволяет стандартизировать процесс, сократить временные издержки и минимизировать субъективный фактор.

В качестве эффективного инструмента для работы с черепами человека может рассматриваться программа CReality Print 5.1 и иные приложения для работы с трехмерными моделями. Данное программное обеспечение предоставляет эксперту ряд стратегических преимуществ при работе с 3-D-моделью черепа человека. К основным из них относятся: обеспечение безопасности специалиста, сохранность объекта исследования и применение измерительного метода.

Проведение натурных исследований человеческих останков сопряжено с прямым риском для здоровья специалиста вследствие возможного присутствия продуктов посмертного разложения, патогенных микроорганизмов или химических реагентов, использованных при обработке объектов. Работа с 3D-моделью минимизирует данный риск, полностью исключая длительный контакт с биологически опасным объектом на основном этапе исследования. Непосредственное взаимодействие с натурным образцом ограничивается этапами предварительной обработки, очистки и сканирования, что значительно сокращает время потенциально вредного воздействия.

Манипуляции с физическим черепом несут неизбежный риск его механического повреждения (сколов, деформации, отделения хрупких фрагментов, истирания анатомических ориентиров). Любое такое повреждение может привести к безвозвратной утрате криминалистически значимой информации. Программное обеспечение полностью нивелирует эту угрозу, предоставляя возможности неограниченного виртуального вращения модели в пространстве по осям координат (X, Y, Z). Реализовано это может быть следующими способами: интуитивным вводом числовых значений в соответствующем интерфейсе, использованием инструментария стрелок.

Вместе с тем в ходе апробации программного обеспечения для работы с трехмерными моделями был выявлен существенный недостаток программы – отсутствие возможности измерения криволинейных параметров, для чего традиционно применяется гибкая измерительная лента.

Таким образом, применение программы *Creality Print 5.1* в криминалистической практике предоставляет значительные возможности для оптимизации процесса исследования черепа. Ключевые преимущества включают в себя обеспечение биологической безопасности эксперта и физической сохранности уникального объекта.

При последующем рассмотрении криминалистических возможностей восстановления прижизненного облика человека перспективным направлением видится интеграция в такой процесс программного обеспечения с базами данных краниометрических показателей и алгоритмами машинного обучения для автоматизации процесса диагностических исследований. Однако эффективность всей методики в целом обусловлена необходимостью строгого соблюдения технологических требований на этапе сканирования и учетом текущих ограничений программного обеспечения для работы с трехмерными моделями.

Преодоление этих ограничений, в частности внедрение инструментов для измерения криволинейных расстояний и углов, является ключевой задачей для разработчиков программного обеспечения и криминалистов. Дальнейшее совершенствование указанного цифрового инструментария будет способствовать повышению объективности, точности и эффективности криминалистического исследования, направленного на реконструкцию прижизненного облика человека.

В настоящее время с участием сотрудников Волгоградской академии МВД России ведутся перспективные исследования по разработке нейросетевых моделей, способных осуществлять автоматизированный анализ антропологических характеристик по цифровым изображениям черепа. Создаваемая система представляет собой комплекс алгорит-

мов глубокого обучения, тренируемых на обширной базе краниометрических данных. Основной задачей проекта является создание программного обеспечения, способного с высокой долей вероятности определять половую, расовую и возрастную принадлежность индивида по фотографиям черепа в стандартизированных проекциях.

Особый научный интерес представляет разработка нейросетевой архитектуры, направленной на реконструкцию прижизненного облика человека. В отличие от традиционных методов пластической реконструкции, требующих ручного воссоздания мягких тканей, данный подход основан на выявлении скрытых корреляций между костной структурой черепа и антропометрическими параметрами лица. Разрабатываемая нейронная сеть способна генерировать наиболее вероятный внешний облик, минуя субъективные оценки эксперта на отдельных этапах исследования.

Таким образом, применение программы Creality Print 5.1 в криминалистической практике представляет собой важный промежуточный этап на пути к полной цифровизации процесса исследования. Перспективы развития данной области связаны с интеграцией возможностей 3D-моделирования с методами искусственного интеллекта. Разрабатываемые нейросетевые модели открывают возможность создания комплексной автоматизированной системы, способной не только определять основные антропологические параметры, но и предлагать вариант реконструкции лица. Внедрение таких технологий в экспертную практику позволит вывести криминалистическую идентификацию личности на качественно новый уровень, значительно повысив оперативность и объективность исследований.

УДК 343.1

Л.А. Елхов, курсант Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

19 февраля 2020 г. Европейская комиссия по вопросу интеграции цифровой трансформации во все сферы жизни общества сформировала список – индикаторы цифровизации стран Европы. Лидерами по состоянию на 2020–2021 г. стали Нидерланды (1-е место), Финляндия

(2-е место) и Швеция (3-е место). Внизу списка оказались такие страны, как Польша, Греция и Румыния. Высокий уровень заняли также такие страны, не входящие в Европейский союз, как США, Израиль, Швейцария. Если говорить о месте Российской Федерации в данном списке, то наша страна занимает далеко не последнюю строчку рейтинга, однако и не находится вверху списка. Европейская комиссия оценила цифровизацию Российской Федерации в 28 баллов из 100, Нидерландов – 83 балла, а Польши – 11.

Поскольку лидерами цифровизации являются Нидерланды, стоит рассмотреть их опыт внедрения информационных и цифровых технологий в свою правовую систему, в частности в уголовное судопроизводство. Так, в 2018 г. Верховный Суд Нидерландов запустил специализированный онлайн-сервис, позволяющий подавать судебные иски и материалы в цифровом формате. Данный ресурс значительно упростил взаимодействие участников процесса. Адвокатам и представителям прокуратуры предоставили удобный доступ ко всей необходимой судебной документации.

Переход на технологии цифрового судопроизводства в Нидерландах направлен на обеспечение прозрачности судебного разбирательства, соблюдение равноправия сторон и повышение доступности правовой защиты гражданам.

Так, например, по общему правилу судебные заседания по некоторым видам уголовных дел, проходящих при помощи видеоконференцсвязи, ограничены по времени. Их продолжительность не должна составлять более 45 мин. Однако при рассмотрении одного из уголовных дел данного времени было недостаточно. Окружной суд города Гронинген проводил слушания по делу, используя систему видеоконференцсвязи. Подсудимый присутствовал на судебном заседании дистанционно – он находился в исправительном учреждении. Через сорок пять минут аудиовизуальная сессия неожиданно оборвалась, вследствие чего судебный процесс продолжился без участия подсудимого. Вследствие этого подсудимый лишился возможности воспользоваться своим правом выступить с последним словом перед вынесением приговора суда. Данный случай вызвал общественный резонанс. В итоге Окружной суд Северных Нидерландов возобновил судебное разбирательство, время, выделяемое на рассмотрение одного уголовного дела при помощи технологий видеоконференцсвязи было увеличено.

В законодательстве Нидерландов большие изменения в сфере цифровизации произошли во время пандемии коронавируса (COVID-19). Нидерланды приняли специальный законодательный акт под названием

«Закон о борьбе с киберпреступностью III», предусматривающий внесение изменений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Нидерландов (далее – УПК). Согласно новым положениям представители прокуратуры получили полномочия обращаться к операторам телекоммуникационных сетей с требованием заблокировать определенную информацию либо доступ к сетевым ресурсам в целях предотвращения совершения преступлений.

УПК содержит в себе понятийный аппарат, раскрывающий понятия цифровых технологий. Кроме того, УПК позволяет использовать цифровые технологии при производстве следственных действий, в электронной форме принимать соответствующие решения по уголовному делу.

В рамках Содружества Независимых Государств, страной, которая интегрировала в свое законодательство цифровые технологии, является Республика Казахстан. Так, ст. 42-1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан предусматривается ведение уголовного дела в электронном формате. Для обеспечения данной нормы 3 января 2018 г. была утверждена Инструкция о ведении судопроизводства в электронном формате № 16268 (далее – Инструкция). Так, согласно Инструкции должностное лицо самостоятельно определяет формат ведения уголовного дела. При ведении уголовного дела в электронном формате заполняется шаблонная форма, участники уголовного дела проходят регистрацию, после которой получают цифровую подпись в информационной системе Единого реестра досудебных расследований (ИС ЕРДР). Данная система позволяет автоматически уведомлять о принятых решениях участников уголовного дела. После завершения расследования уголовное дело передается в суд в электронной форме через ИС ЕРДР.

Согласно сведениям, представленным Комитетом правовой статистики и специальных учетов Генеральной прокуратуры Казахстана, доля уголовных дел, находящихся в цифровой форме, достигла 40 % в 2020 г. Уже в первой половине 2021-го общее количество расследуемых дел составило 110 тыс. 757 единиц, причем около двух третей из них (62 %, т. е. почти 68,5 тыс. уголовных дел) велись исключительно электронным способом. Этот показатель подтверждает очевидную эффективность перехода к электронному формату ведения уголовного дела.

Хотя российское уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует ведение электронного уголовного дела, но многие современные цифровые технологии сегодня уже не являются новинкой.

Стоит отметить, что цифровизация в российском уголовном процессе не является веянием времени, а стала вынужденным закономерным процессом. По мнению О.А. Зайцева, изложенному в публикации «Осо-

бенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства», научные исследования в области цифровизации права наиболее актуальны сегодня. С позиции С.В. Зуева, которую он обосновывает в статье «Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве», электронные доказательства для уголовного процесса стали привычным видом доказательств. Более того, А.Ю. Афанасьев в научной статье «Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит?» утверждает, что цифровизация уголовного процесса не ставится в противовес следственной деятельности, а наоборот способствует повышению ее эффективности.

Искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения активно внедряются в различные сферы правоохранительной деятельности, например, они используются в автоматизированных поисковых базах данных «Вещь», «Арсенал», «Папилон».

Если говорить о масштабной цифровизации российского уголовного процесса, то помимо изменений в УПК РФ, касающихся хранения и обработки электронных доказательств, особое внимание уделяется внедрению государственных автоматизированных систем (ГАС), таких как ГАС «Правосудие» и ГАС «Правовая статистика».

Первая стадия досудебного рассмотрения материалов поддерживается системой ГАС «Правовая статистика», введенной постановлением Правительства России в декабре 2020 г. Данная база данных служит универсальным хранилищем всех поступающих сообщений о совершенных правонарушениях.

Другим немаловажным аспектом цифровизации является использование цифровых технологий в судебных заседаниях. Так, согласно только отчету Судебного департамента Приморского края «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции» число судебных заседаний с применением видеоконференцсвязи в 2024 г. составило 1 639, а в 2023 г. – 1 768, аудиопроотолирование использовалось в 2024 г. в 2 150 случаях, а в 2023 г. – в 15 977 уголовных делах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование цифровых технологий в уголовном судопроизводстве Российской Федерации находится на достаточно высоком уровне, цифровые технологии активно используются как на стадии досудебного производства, так и на стадии судебного разбирательства.

А.А. Ефимович, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

УПАКОВКА ЛЕКАРСТВЕННОГО СРЕДСТВА КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В современном мире лекарственные средства занимают важное место в жизни граждан любой страны. Здоровье граждан, являясь одним из ключевых аспектов безопасности белорусского государства, в том числе находит свою реализацию в обеспечении безопасности производимого и потребляемого в Республике Беларусь лекарственного обеспечения.

К критериям качества лекарственных средств относятся не только действенность входящих в состав средства химических и растительных веществ, но и защита данного лекарственного средства от возможных подделок. Проблема фальсификации лекарственной продукции существует уже более двух тысяч лет и считается достаточно серьезной, поскольку влечет за собой многочисленные экономические и жизненные последствия.

Высокая общественная опасность данного деяния обуславливает непрерывающиеся попытки противодействия фальсификации лекарственной продукции. К их числу относятся принимаемые, в том числе и в Республике Беларусь, правовые меры противодействия, к которым, например, можно отнести криминализацию действий по производству, ввозу в Республику Беларусь, хранению или сбыту фальсифицированных, некачественных, незарегистрированных лекарственных средств, а также подделке документов качества, маркировки и упаковки путем закрепления ответственности за них в ст. 338¹ и 338² Уголовного кодекса Республики Беларусь.

В то же время наличия только правовых мер реагирования недостаточно для успешного раскрытия и расследования данного правонарушения. Не менее важным является выявление самого факта фальсификации лекарственного средства, которое невозможно без применения соответствующих специальных знаний. Таким образом, в процессе решения различных задач правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений лекарственное средство может стать объектом, например, судебной химической экспертизы (в случае сомнения в подлинности состава самого лекарственного средства), которая позволит определить качественно-количественный состав вещества, или,

если имеются основания полагать, что данное средство может быть наркотическим или психотропным, судебной экспертизы наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров.

На факт фальсификации лекарственного средства указывают не только качественно иной состав лекарства, но и состояние, вид его упаковки, документы качества, маркировка.

Упаковка, являясь внешней оболочкой лекарственного средства и визуализатором его присутствия на рынке, в процессе исследования своей подлинности становится объектом различных экспертиз. В Республике Беларусь к таковым относятся:

- судебная товароведческая экспертиза, позволяющая определить соответствие (несоответствие) фактических характеристик качества товара (артикула, размерных данных, сорта и др.) маркировочным обозначениям, имеющимся на изделии, ярлыке, этикетке, и установить соответствие (несоответствие) упаковки требованиям технических нормативных правовых актов;

- судебная трасологическая экспертиза для исследования следов возможных повреждений на упаковке, которые могли возникнуть в результате определенных действий;

- судебная дактилоскопическая экспертиза для исследования оставленных на упаковке следов поверхностей рук;

- судебная экспертиза материалов и веществ для определения состава материала упаковки и его установления общей родовой (групповой) принадлежности при наличии образцов сравнения; отождествления искомого объекта по следам или частям целого, установления первоначального вида объекта, измененного в результате какого-либо воздействия при наличии образцов сравнения с известными характеристиками, установления факта перекраски (подкраски) объекта, механизма образования следов-наслоений, отнесения покрытия упаковки к заводскому (незаводскому) и др.;

- судебная техническая экспертиза документов и их реквизитов, позволяющих установить способ изготовления, факт и способ технического изменения ее первоначального содержания, давности изготовления, установить факт изготовления предприятием, осуществляющим производство продукции данного вида, типа технического средства (устройства), с помощью которого изготовлена, родовой (видовой) принадлежности материалов печати упаковки.

Таким образом, вышеизложенное акцентирует внимание на важности криминалистического исследования упаковки лекарственных средств в целях научного изучения данного объекта и выработки средств предотвращения ее дальнейшей фальсификации.

А.А. Иванова, курсант факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КОНСУЛЬТАЦИИ АДВОКАТА

Информационные технологии занимают центральное положение в современной действительности, определяя динамику глобализации и становясь неотъемлемым элементом повседневности. Развитие Интернета, коммуникационных технологий и искусственного интеллекта приобрело особое значение в первые десятилетия XXI в., оказывая значительное воздействие на правовые системы. Эти процессы способствуют формированию новых правовых норм и внедрению передовых технологий, направленных на эффективное раскрытие, расследование преступлений и обеспечение процессуальных гарантий в уголовном судопроизводстве.

Федеральным законом Российской Федерации от 8 августа 2024 г. № 267-ФЗ были внесены поправки в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ). Новеллы законодательства предоставляют лицам, находящимся под следствием в учреждениях изоляции, право получать консультации адвоката через средства видеоконференцсвязи (ВКС).

Актуальность темы обусловлена изменениями в законодательстве, цифровизацией и международным сотрудничеством, нацеленными на улучшение судебных процессов и обеспечение равных возможностей для доступа к квалифицированной юридической помощи, вне зависимости от местонахождения сторон разбирательства.

Конечно, нельзя не согласиться с Владимиром Груздевым, председателем правления Ассоциации юристов России, который считает, что такая мера позволит повысить гарантии соблюдения прав на квалифицированную юридическую помощь. Несомненно, эта норма расширяет возможности осуществления эффективной юридической помощи, обеспечивая соблюдение конституционных гарантий права на защиту даже в условиях ограничения свободы передвижения, согласно ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». И использование дистанционной коммуникации позволяет оптимизировать процессы взаимодействия адвокатов и клиентов, повышая качество предварительного следствия и укрепляя гарантии законности и справедливости уголовного процесса.

Согласно ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ свидание предоставляется при соблюдении следующих условий: заявление (ходатайство) подозреваемого (обвиняемого); согласие защитника; наличие технической возможности и соответствующих помещений в следственном изоляторе (СИЗО). Возникают дополнительные исследовательские вопросы относительно эффективности дистанционного консультирования адвокатов, учитывая недостатки организационно-правового плана: низкую инициативу адвокатов по проведению консультаций, отрицательное отношение обвиняемых к технологиям связи из-за психологического дискомфорта или опасений разглашения сведений, нехватку качественного технического оснащения. Не определено также, каким образом обеспечивается защита конфиденциальности дистанционных контактов защитника и клиента.

Действующий закон обязует адвоката встречаться с подзащитным внутри изолированного помещения СИЗО, территориально отделенного от расположения подозреваемого или обвиняемого. Такая процедура допускает взаимодействие на расстоянии, однако требует существенных временных затрат и ресурсов. Рациональнее представляется организация дистанционных встреч посредством ВКС непосредственно на рабочем месте адвоката. Такой подход обеспечит оперативность реакции специалиста, повысит эффективность распределения рабочего времени и снизит нагрузку на сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, освобождая их от необходимости подбора помещений и оборудования. Более того, данное решение выгодно государству, поскольку технологическое оснащение осуществляется самим адвокатом, тем самым минимизирует затраты бюджета.

Следует обратить внимание на то, что действующая нормативно-правовая база вызывает сомнения у юристов касательно достаточности защиты конфиденциальности при проведении рассматриваемой процедуры. Практикующие адвокаты часто выражают оправданные опасения относительно рисков потери конфиденциальности, связанных с применением средств связи. Подтверждением данному тезису служит позиция Нвера Гаспаряна о том, что личный контакт адвоката с клиентом предпочтительнее инновационным методам взаимодействия. Традиционный формат встреч лучше соответствует требованиям процессуального права, защищает юридическую тайну и обеспечивает справедливый судебный процесс. Заявления организаторов о принятии необходимых мер по обеспечению безопасности среды, недостаточны для полного устранения рисков несанкционированного доступа к защищаемой информации.

Проведенный анализ свидетельствует о преобладании консервативных взглядов на практику использования ВКС в процессе консультаций.

Большинство специалистов скептически относятся к новому формату взаимодействий, усматривая значительные угрозы для конфиденциальности переговоров и риска взлома телекоммуникационной инфраструктуры. Они утверждают, что подобные инциденты могут существенно ослабить институт адвокатской тайны, ставя под угрозу соблюдение этических норм профессии и оказания квалифицированной юридической помощи.

Обеспечение полной защиты конфиденциальности требует разработки специальных криптографических инструментов и комплексного подхода к информационной безопасности. Необходимо создать специализированное программное обеспечение, обеспечивающее надежное шифрование передаваемых данных и надежную идентификацию участников видеосвязи, исключая риск несанкционированного доступа и утечек информации. Примером эффективного подхода к решению данной проблемы является деятельность Адвокатской палаты Санкт-Петербурга.

Проанализировав Регламент проведения дистанционных свиданий адвокатов с их подзащитными в режиме видеоконференции, утвержденный Президентом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга И.В. Семеняковым, можно прийти к следующим выводам: запрещается присутствие посторонних лиц; сотрудники учреждения видят встречу, но не слышат ее содержание, обеспечивая конфиденциальность и защищенность переговоров. Указанный регламент предписывает ведение архивных записей, формируя доказательную базу и помогая выстроить стратегию защиты. Контроль над проведением консультаций осуществляется через электронную очередь, повышая организованность и точность назначенных сеансов.

Анализируемый документ позволяет заключить, что предусмотренный в нем регламент обеспечивает защиту основных конституционных прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, создавая правовые предпосылки для повышения степени доступности квалифицированной правовой поддержки и содействуя укреплению гарантий реализации процессуальных прав.

Предоставление свиданий адвоката через ВКС является важным этапом модернизации уголовного процесса, облегчающим доступ к юридической защите для задержанных лиц. Вместе с тем необходимы дальнейшие шаги по совершенствованию законодательства, регулирующие порядок использования таких технологий, с целью предотвращения нарушений конфиденциальности и обеспечения защиты законных прав и интересов граждан. Это предполагает разработку четких критериев и процедур проведения ВКС, строгих стандартов по безопасности информации, а также привлечение профессиональных лиц и сообществ к обсуждению вопросов цифровизации правосудия.

Е.А. Карнова, курсант Института судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДНК ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ РАССЛЕДОВАНИЯ

Современные достижения в области молекулярно-генетических исследований открывают широкие перспективы для криминалистики, особенно в вопросах идентификации личности. Анализ ДНК, основанный на уникальности генетического кода каждого человека, позволяет с высокой степенью достоверности устанавливать причастность лица к преступлению, а также обеспечивает эффективное взаимодействие между участниками следственного процесса. В условиях цифровизации и развития правовой базы использование ДНК-исследований становится важным инструментом в расследовании уголовных дел.

Настоящая статья посвящена рассмотрению возможностей ДНК-анализа в криминалистике, его правовых и практических аспектов, а также значению для координации действий следователей, экспертов и других участников расследования.

Молекулярно-генетическая экспертиза, как отмечает С.Ю. Рывкин в статье «Криминалистические основы применения ДНК-исследований», является одним из наиболее точных методов идентификации личности благодаря уникальности генома. ДНК-исследования позволяют сопоставлять биологические следы, обнаруженные на месте преступления, такие как кровь, слюна или волосы, с генетическим профилем конкретного лица. Точность таких анализов достигает более 99,9 %, что делает их незаменимыми при расследовании тяжких преступлений, включая убийства и изнасилования.

По мнению А.П. Морозова, изложенному в публикации «Актуальные проблемы назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой деятельности», успешное применение ДНК-анализа требует строгого соблюдения процессуальных норм, включая правильное назначение экспертизы и интерпретацию ее результатов. Важным аспектом является предотвращение загрязнения биологических образцов, а также учет возможной деградации материала, что может повлиять на достоверность выводов. Современные технологии, такие как полимеразная цепная реакция и секвенирование

нового поколения, значительно повышают точность анализа, однако требуют высокой квалификации экспертов и стандартизации процедур.

Создание баз данных геномной регистрации, как подчеркивают А.А. Курин и А.А. Сафонов в статье «Перспективы развития криминалистической регистрации в свете принятия закона „О государственной геномной регистрации в Российской Федерации“», открывает новые возможности для криминалистической регистрации. Такие базы позволяют сопоставлять ДНК-профили с уже имеющимися данными, что особенно эффективно при раскрытии серийных преступлений. Например, генетический профиль, полученный с места преступления, может быть сравнен с базой данных, что ускоряет процесс идентификации подозреваемого.

ДНК-исследования играют важную роль в обеспечении взаимодействия между участниками следственного процесса. Как указывает В.А. Авдонин в статье «О теоретическом и практическом значении изучения свойств личности преступника в криминалистике», изучение генетических характеристик личности преступника позволяет не только установить его идентичность, но и прогнозировать возможные поведенческие модели, что помогает в планировании следственных действий. Например, данные ДНК могут указывать на принадлежность подозреваемого к определенной этнической группе или региону, что сужает круг поиска.

Кроме того, ДНК-анализ способствует междисциплинарному сотрудничеству. По мнению А.С. Агафонова, изложенному в статье «Особенности использования специальных знаний при расследовании квартирных краж в сельской местности», использование специальных знаний, включая молекулярно-генетические исследования, требует тесного взаимодействия следователей, экспертов-криминалистов и судебных медиков. Эксперты, проводящие анализ ДНК, предоставляют следователям данные, которые могут быть использованы для построения версии преступления, выдвижения обвинений или исключения невиновных лиц из числа подозреваемых. В свою очередь, следователь должен четко формулировать вопросы для экспертизы, чтобы обеспечить ее максимальную информативность.

Практическое использование ДНК-анализа сталкивается с рядом ограничений, включая высокую стоимость оборудования и необходимость специализированной подготовки экспертов. Как подчеркивает С.Ю. Рывкин, дальнейшее развитие технологий ДНК-исследований требует постоянного совершенствования методик и стандартов. Например, внедрение автоматизированных систем анализа ДНК может ускорить процесс идентификации, что особенно важно для срочных расследований.

Перспективы применения ДНК-анализа связаны с интеграцией новых технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обу-

чение, для обработки больших объемов генетических данных. Это может повысить точность сопоставления ДНК-профилей и сократить время, необходимое для получения результатов. Кроме того, расширение баз данных геномной регистрации, как отмечают А.А. Курин и А.А. Сафонов, позволит более эффективно раскрывать преступления, совершенные в разных регионах.

Молекулярно-генетический анализ ДНК представляет собой мощный инструмент криминалистики, обеспечивающий высокую точность идентификации личности и способствующий эффективному взаимодействию участников расследования. Однако его применение требует строгого соблюдения правовых и этических норм, а также постоянного совершенствования технологий и методик. Дальнейшее развитие ДНК-исследований и нормативной базы позволит повысить эффективность раскрытия преступлений, обеспечивая баланс между интересами правосудия и защитой прав граждан.

УДК 343.9

В.С. Киселёва, курсант Института судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ИДЕНТИФИКАЦИОННО-ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ, ПРОИЗВОДСТВА И ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

В современном уголовном судопроизводстве идентификационно-поисковая деятельность (ИПД) является ключевым инструментом раскрытия и расследования преступлений, эффективность которой напрямую зависит от квалифицированного применения специальных знаний, в частности, посредством назначения и производства судебных экспертиз. Судебная экспертиза, как процессуальное действие, заключается в проведении исследований сведущими лицами – экспертами, обладающими специальными знаниями, и решает задачи по идентификации личности, объектов, установлению механизма образования следов, а также определения свойств объектов.

Значение судебной экспертизы в ИПД заключается в обеспечении объективности, научной обоснованности и, как следствие, высокой доказательственной ценности полученных результатов. Решение о назначении судебной экспертизы принимает следователь или дознаватель при наличии достаточных оснований, учитывая наличие объектов, компе-

тентность эксперта, формулировку вопросов и соблюдение процессуальных гарантий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Производство судебных экспертиз требует проведения сложных комплексных исследований, использования передовых методов, привлечения экспертов из разных областей знаний, обеспечения сохранности объектов и тщательного документирования всего хода и результатов исследований.

Оценка заключения эксперта, проводимая следователем, прокурором и судом, основывается на критериях допустимости, достоверности и достаточности, с учетом квалификации эксперта и отсутствия конфликта интересов. В случае возникновения сомнений может быть назначена дополнительная или повторная экспертиза.

Несмотря на значимость, практика применения специальных знаний в ИПД сталкивается с проблемами, такими как недостаточная квалификация экспертов, отсутствие единых методик исследований, недостаточное финансирование и сложности взаимодействия следователя и эксперта. Решение этих проблем требует совершенствования системы подготовки экспертов, разработки единых стандартизированных методик, увеличения финансирования и повышения уровня знаний следователей.

В заключение отметим, что судебная экспертиза является незаменимым инструментом в руках следователя при осуществлении ИПД, грамотное назначение, производство и оценка которой позволяют обеспечить установление истины, защиту прав и свобод граждан и эффективную борьбу с преступностью.

УДК 343.3

А.К. Климович, студент факультета «Государственное управление и право» Академии управления при Президенте Республики Беларусь;

М.С. Кресова, студент факультета «Государственное управление и право» Академии управления при Президенте Республики Беларусь

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Коррупция в социальной сфере является серьезной проблемой, обусловленной как внешними факторами, так и внутренними слабостями правового регулирования. А.И. Швед справедливо отмечал особую уяз-

вимость этой сферы (https://by.tsargrad.tv/news/genprokuror-belorussii-raskryl-detali-korruptcionnogo-skandala-v-minobrazovanija_962538). В связи с этим, а также учитывая отсутствие общепринятого понимания ключевых понятий даже среди специалистов, представляется необходимым проведение междисциплинарных исследований коррупционных проявлений в социальной сфере и ее отдельных областях с целью выработки эффективных мер противодействия.

Система образования, как системообразующий элемент общества, определяющий траекторию развития других социальных институтов, в последнее время все чаще подвергается негативному воздействию коррупционных факторов. Даже незначительные злоупотребления в этой сфере, казалось бы, безобидные на первый взгляд, способны подорвать основы общественного и национального развития, искажая процессы воспитания и обучения на долгие годы.

Как отмечают Д.В. Алонцева, А.В. Акопян, О.А. Лаврищева в статье «К вопросу о коррупции в системе отечественного образования», коррупция в системе образования «формирует идеологический вакуум в оценке образовательных ценностей». Недаром «незначительность суммы взятки не образует малозначительности преступления», – утверждает И.А. Дамм в статье «Коррупция в сфере образования: понятие, характерные черты, формы и виды».

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция к усилению актуальности исследований, посвященных проблемам и особенностям коррупционных проявлений в системе образования, включая вопросы квалификации соответствующих деяний и методики их расследования. В соответствии со ст. 10 Кодекса Республики Беларусь об образовании под «системой образования» понимается совокупность взаимодействующих компонентов, направленных на достижение целей образования.

В рамках настоящего исследования термины «коррупция» и «коррупционная преступность» рассматриваются как синонимичные и взаимозаменяемые. Несмотря на значительное количество работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных изучению данных феноменов, вопросы извлечения материальной выгоды и злоупотребления властью в личных интересах продолжают оставаться актуальными на протяжении многих столетий и, вероятно, сохранят свою значимость в будущем. Это обусловлено устойчивым стремлением определенной части общества к обладанию властью и временному превосходству над правом и обязанностями, что, в свою очередь, дискредитирует как право, так и саму идею обязанности. Однако, как справедливо отмечает Н.П. Бухарина в статье «Коррупция в образовательных организациях: понятие и

признаки», все же нет «единства мнений по вопросу о терминологическом аппарате противодействия коррупции в сфере, секторе образования». Это, в свою очередь, связано с неоднозначностью понятийно-категориального аппарата самого законодательства об образовании (см., например, публикации В.М. Зуева, А.И. Гретченко «Проблемы высшего образования в свете нового закона», «Об образовании в Российской Федерации»», Н.В. Кутьевой «„Болевые точки“ закона „Об образовании в Российской Федерации“»), что создает дополнительные трудности при квалификации соответствующих деяний в качестве преступлений.

В рамках белорусской уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки понятие «коррупция» интерпретируется как совокупность уголовно-правовых норм, охватывающих широкий спектр преступных деяний.

Например, отечественные уголовно-правовые и уголовно-процессуальные науки под коррупцией понимают сразу несколько составов преступлений, которые образуют совокупность уголовно-правовых норм:

- хищение путем злоупотребления служебными полномочиями;
- легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем (при совершении указанных преступлений должностным лицом с использованием своих служебных полномочий);
- злоупотребление властью или служебными полномочиями (при совершении указанных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности);
- бездействие должностного лица (при совершении указанных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности);
- превышение власти или служебных полномочий (при совершении указанных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности);
- незаконное участие в предпринимательской деятельности (при совершении указанного преступления с использованием своих служебных полномочий);
- получение взятки (при совершении указанного преступления с использованием своих служебных полномочий);
- дача взятки (при совершении указанного преступления с использованием своих служебных полномочий);
- посредничество во взяточничестве (при совершении указанного преступления с использованием своих служебных полномочий);
- злоупотребление властью, бездействие власти либо превышение власти (при совершении указанных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности);
- принятие работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом, для

себя или для близких материальных ценностей, либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых ему за совершенное в пределах его служебных полномочий (трудовых обязанностей) действие (бездействие) в пользу лица, предоставляющего такие материальные ценности либо выгоды имущественного характера, или предоставляемых им лиц либо за выполняемую работу, входящую в круг его служебных (трудовых) обязанностей, помимо предусмотренной законодательством оплаты труда (принятие незаконного вознаграждения), либо предоставление такого вознаграждения.

Перейдем непосредственно к особенностям методики расследования коррупционных преступлений в сфере образования. Сначала необходимо указать на самую важную особенность формирования частной методики расследования коррупционных преступлений (криминалистической характеристики расследования конкретного уголовного дела): оно осуществляется с опорой на материалы судебно-следственной практики по уголовным делам, на мнения, умения и навыки правоприменителей, однако у разработчиков криминалистических методик расследования нет общепризнанной, единственно верной и универсальной программы (проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений, их теорию и практику освещали в своей публикации Ю.П. Гармаев и А.Ф. Лубин). Тому объяснением может быть то, что источниками формирования данных о криминалистической методике расследования латентных коррупционных преступлений в образовательной сфере выступают также материалы доследственных проверок, жалоб граждан в правоохранительные органы, сообщений в средствах массовой информации, сведения, которые сохранились в памяти оперативных работников (Е.В. Гулина, Ю.П. Гармаев «Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений в сфере высшего образования: правила формирования и использования»). Как справедливо можем предположить, такие материалы либо секретны в силу своего процессуального статуса, либо не обладают той степенью достоверности, которая не нуждается в перепроверке.

Таким образом, представляется проблематичным формирование единой методологической основы для расследования коррупционных преступлений в сфере образования, охватывающей как случаи подкупа, направленного на получение преимуществ при переводе с платной формы обучения на бюджетную, так и факты неправомерного привлечения дополнительных финансовых ресурсов от обучающихся или их законных представителей для нужд образовательной организации. Необходимость учета специфики каждого состава преступления обуславлива-

ет потребность в дифференцированном подходе к осуществлению следственных действий.

Первым же и одним из самых главных свойств расследования коррупционных преступлений в образовательной сфере является законодательно установленное ограничение, а именно: органы, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность, не имеют право на производство оперативно-розыскных мероприятий, если они не располагают информацией относительно признаков «подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем либо осведомленном о нем». Такое ограничение всецело распространяется и на случаи, когда целью оперативно-розыскных мероприятий является или будет являться выявление и пресечение коррупционных преступлений в сфере образования. Оно находит закрепление в абзаце третьем части первой ст. 16 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности». Таким образом, инициативная деятельность (не опирающаяся на основания, предусмотренные ст. 7 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»), которая может быть связана с поиском и добычей сведений о лицах, причастных к получению и даче взяток в системе образования, является незаконной, а следовательно, строго запрещенной, что подчеркивает в своей работе «Оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые при расследовании коррупционных преступлений в сфере образования: проблемы законодательного регулирования» Р.А. Халилев.

Для обеспечения эффективности расследований коррупционных преступлений в сфере образования целесообразно использование инструментальных средств диагностики коррупции, к числу которых относятся социологические методы исследования, в частности метод анкетного опроса. Данный метод предполагает проведение опросов среди различных категорий респондентов, имеющих отношение к системе образования, включая обучающихся (школьников, студентов, аспирантов), педагогических работников (учителей, профессорско-преподавательского состава), родителей, работодателей, а также иных субъектов, вовлеченных в сферу образования. Как отмечают исследователи (например, Е.А. Морозова, С.А. Пфетцер, А.В. Сухачева), «те респонденты, которые имеют практику коррупционных действий, более терпимо относятся к коррупции в принципе, чем те, кто никогда не был задействован в коррупционных схемах» (см. статью «Социологические методы изучения коррупции и борьбы с ней в системе образования»).

Указанный подход способствует получению оперативной и иной информации, которая может послужить основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Обеспечение доступа к деятельности образовательной организации позволяет собрать сведения, касающиеся образовательного процесса, административной деятельности и хозяйственной деятельности по обеспечению образовательного процесса, что имеет существенное значение для целей расследования, ведь «субъектами пассивного и активного подкупа в коррупционных отношениях в образовании могут выступать как участники отношений в сфере образования, так и участники образовательных отношений», по мнению Д.В. Алонцева, А.В. Акопяна и О.А. Лаврищева. Например, особыми субъектами на практике признаются представители педагогических работников (например, члены ученого совета или стипендиальных комиссий), которые, имея властные полномочия, способны влиять на принятие тех или иных решений, затрагивающих права обучающихся (на получение стипендий, грантов, льгот и т. п.). По данным исследований Н.П. Бухариной, 9 % опрошенных ею респондентов из числа граждан не юристов и 14,1 % из числа работников правоохранительных органов признают таких вспомогательных работников в качестве субъектов коррупционных преступлений. Выявить взаимосвязь их трудовой функции с фактически исполняемыми обязанностями, чтобы определить уровень и момент превышения полномочий, является одной из первостепенных задач для работников, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия.

В заключение следует констатировать, что коррупционные практики, имеющие место в образовательных учреждениях, демонстрируют тенденцию к воспроизводству в иных сферах общественной жизни, переходя на качественно новый уровень в виде экономической и организованной преступности, что подтверждается криминалистическими и криминологическими исследованиями. В связи с этим представляется актуальной задача обобщения, исследования и анализа всей доступной криминалистической (особенностей методики расследования коррупционных преступлений в сфере образования) и уголовно-правовой (проблем квалификации коррупционных преступлений в образовательной сфере) информации о коррупции в образовательных учреждениях различного уровня с целью проведения комплексной оценки состояния коррупционной и коррупциогенной обстановки в стране, а также эффективности антикоррупционных мер, реализуемых органами государственной власти.

Д.А. Климушко, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ПОДПИСКИ О НЕВЫЕЗДЕ И НАДЛЕЖАЩЕМ ПОВЕДЕНИИ

Подписка о невыезде и надлежащем поведении является одной из мер пресечения, которую орган уголовного преследования или суд в пределах предоставленных им полномочий вправе применить к подозреваемому либо обвиняемому. Подписка о невыезде и надлежащем поведении является самой мягкой мерой пресечения и, по сути, заключается во временном ограничении свободы передвижения подозреваемого либо обвиняемого.

Указанная мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого либо обвиняемого при наличии любого из оснований, предусмотренного ч. 1 ст. 117 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК).

В соответствии со ст. 120 УПК подписка о невыезде и надлежащем поведении состоит во взятии у подозреваемого либо обвиняемого письменного обязательства:

- не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения органа уголовного преследования или суда;
- не препятствовать расследованию уголовного дела и рассмотрению его в суде;
- в назначенный срок являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс.

Все три обязательства должны исполняться лицом одновременно. В случае нарушения подозреваемым или обвиняемым данной им подписки к нему может быть применена более строгая мера пресечения, о чем ему должно быть объявлено при применении рассматриваемой меры пресечения.

Эффективность подписки о невыезде и надлежащем поведении в качестве средства ограничения свободы передвижения подозреваемого или обвиняемого и предупреждения их неявки по вызовам для проведения следственных действий имеет важное значение в контексте обеспечения нормального хода уголовного процесса. Эта мера, ограничивая возможность лица свободно передвигаться, способствует предотвращению его участия в преступной деятельности, особенно если такая

деятельность требует перемещений или контактов с разными людьми в различных местах.

Согласно позиции некоторых ученых в области права, эффективность меры подписки о невыезде и надлежащем поведении значительно возрастает при ее сочетании с отстранением обвиняемого от исполнения профессиональных обязанностей. Такое сочетание мер особенно актуально в ситуациях, когда деяния уголовно преследуемого лица связаны со злоупотреблением его должностными полномочиями. В таких случаях ограничение свободы передвижения этого лица в сочетании с контролем за соответствием его поведения установленным нормам становится инструментом, препятствующим возможности дальнейшего использования служебного положения для совершения преступлений (см. статью М.Б. Кумеховой «Проблемные вопросы избрания и применения подписки о невыезде»).

Обратим внимание и на то, что в постановлении (определении суда) о применении подписки о невыезде и надлежащем поведении не содержатся данные о сроках действия указанной меры пресечения. При оформлении этого документа лишь указывается, на какой период времени избирается подписка о невыезде: «на период предварительного следствия» либо «до окончания судебного разбирательства». Следовательно, если к подозреваемому либо обвиняемому применена рассматриваемая мера пресечения, то ограничения будут действовать на все время, пока длится предварительное расследование и судебное разбирательство, т. е. до вынесения приговора суда. Кроме того, в отличие от таких мер пресечения, как домашний арест и заключение под стражу, подписка о невыезде и надлежащем поведении никак не уменьшает срок уголовного наказания, так как в него не засчитывается. Между тем в судебно-следственной практике подписка о невыезде и надлежащем поведении на сегодня, наравне с заключением под стражу, является одной из наиболее часто применяемой (см., например, статью Э.Х. Надысевой «Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде подписки о невыезде и залога в современном УПК РФ»).

В связи с вышеизложенным подозреваемый либо обвиняемый ограничивается в свободе передвижения на неопределенный срок, что создает определенную «несбалансированность» между реализацией отмеченного конституционного права уголовно преследуемого лица и интересами органа, ведущего уголовный процесс, по выполнению задач, предусмотренных ст. 7 УПК. Еще одной проблемой является то, что в правоприменительной практике имеются определенные «излишества», когда при применении подписки о невыезде и надлежащем

поведении орган, ведущий уголовный процесс, обязывает подозреваемого (обвиняемого) осуществлять явку для отметки. Нам представляется, что каждый вызов данного лица должен быть обоснован эффективной необходимостью его участия в конкретных следственных и иных процессуальных действиях.

С одной стороны, применение подписки о невыезде и надлежащем поведении в достаточной для уголовного процесса степени ограничивает права и свободы подозреваемого либо обвиняемого, с другой – в полной мере не дает возможности контролировать ограничения, которые установлены.

В частности, анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что встречаются случаи, когда подозреваемый либо обвиняемый, находящиеся под подпиской о невыезде и надлежащем поведении, нарушали условия примененной меры пресечения и скрывались. Эти случаи указывают на необходимость более тщательного подхода к вопросу оценки обязательств, связанных с подпиской о невыезде и надлежащем поведении. Подобные ситуации требуют более строгого контроля и пересмотра условий применения такой меры пресечения, чтобы исключить формальное отношение к этому вопросу и усилить эффективность судебной и следственной практики. Возможная неэффективность подписки о невыезде и надлежащем поведении как меры пресечения часто связывается с ее основанием на личном обещании подозреваемого либо обвиняемого, делает ее принудительным психологическим методом воздействия, указывая на то, что суть данной меры заключается в психическом принуждении подозреваемого либо обвиняемого. Эта мера пресечения основывается на предположении о том, что нарушение ее условий приведет к применению более строгих мер пресечения. Это в значительной степени определяет ее сдерживающий потенциал. Однако эффективность указанной меры пресечения может оказаться ограниченной, если не производится должный анализ соответствующих оснований и обстоятельств каждого конкретного случая. Важно, чтобы правоприменитель подходил к выбору и применению подписки о невыезде и надлежащем поведении ответственно, учитывая все факторы и избегая поверхностного или формального подхода.

В заключение предложим следующие пути решения обозначенных выше проблем. Во-первых, в ст. 120 УПК необходимо закрепить срок применения меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и порядок его продления. Полагаем, что для этого следует предусмотреть нормы, аналогичные по содержанию нормам, предусмотренным ст. 127 УПК. Следует также предусмотреть запрет

органам, ведущим уголовный процесс, на необоснованное осуществление вызова лица, в отношении которого применена рассматриваемая мера пресечения, в отсутствие обоснованной необходимости явки указанного лица для производства следственных и иных процессуальных действий. Применению подписки о невыезде и надлежащем поведении должны предшествовать тщательный анализ оснований для ее избрания и рассмотрение вопроса о возможности применения более строгой меры пресечения.

УДК 343.98

К.В. Крупник, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАМКОВ. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССЕ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Любое экспертное исследование понимается как процесс анализа и оценки объектов, явлений или ситуаций с использованием специальных знаний и методов в определенной области. Оно проводится экспертами, которые обладают квалификацией и опытом в своей сфере. Исследование замков направлено на изучение конструкции замка, его механических повреждений и следов взаимодействия с инструментами. Результаты таких исследований помогают в судебных разбирательствах, устанавливая различные факты, и способствуют дальнейшему расследованию преступления. Заключение эксперта может стать ключевым доказательством в уголовных делах, способствуя справедливости и правопорядку.

Проанализировав понятия о замке, которые дают ученые (И.А. Анищенко, В.Н. Смоленчук и др.), мы пришли к выводу, что наиболее всесторонним и обоснованным является следующее, замок – это изделие, служащее для запираения объектов бытового и специального назначения, имеющее сложную комбинацию запирающих устройств, обеспечивающих блокировку.

Рассматривая различные классификации замков, нами установлена классификация, наиболее раскрывающая их криминалистические характеристики и направленности. В ней выделены следующие основания и виды – по назначению – бытовые, специальные; по способу крепления к объектам – постоянные, врезные, накладные, навесные; по системе запирающего механизма – бессувальдные (пружинные), сувальдные, речные,

цилиндрические, кодовые (шифровые), винтовые, электронные; по способу запираения – автоматические, запираемые ключом; по количеству запирающих механизмов – с одним механизмом, с двумя и более механизмами. Следует уточнить, что при наличии в замке двух и более механизмов запираения их системы могут быть одинаковыми или различными. Если механизмы имеют одинаковую конструкцию, то они обладают разной секретностью, т. е. отпираются разными ключами. Данные замки не нужно отождествлять с двусторонними замками, имеющими два цилиндра, что позволяет запираеть двери ключом как изнутри, так и снаружи; по виду воздействия ключа на детали запирающего механизма: с механическим воздействием (подавляющее большинство замков); с электромеханическим воздействием (электромеханические замки); с воздействием магнитного поля (магнитные замки типа «Сюрприз»); с воздействием электромагнитного поля (замок кодовый электронный ЗКЭ-410).

Рассматривая конструкции замков, установлено, что независимо от конструктивного устройства и назначения замки имеют следующие основные части: корпус, ригель, фиксирующее устройство и ключи.

Изучая общие положения судебной трасологической экспертизы в отношении замков, определено, что объектами данной экспертизы являются: замки и их части, ключи, предметы, применяемые для отпираения и (или) взлома замка (отмычки, проворотники и т. п.); другие предметы и материалы, имеющие значение для решения поставленных вопросов.

Выделяют идентификационные и диагностические задачи при проведении экспертизы. Идентификационной является установление предмета, которым был взломан замок. Диагностической – установление факта взлома или отпираения замка; установление условий, способствующих совершению взлома или отпираения, с последующим вынесением представлений профилактического характера; внесение рекомендаций по совершенствованию конструкций отдельных типов замков с целью повышения их надежности.

Существуют требования, предъявляемые к материалам, направляемым на экспертизу. Для экспертного исследования замков необходимо представить сами замки и предметы, которые могли использоваться для их отпираения или взлома, а также ключи, предназначенные для этих замков. До направления на экспертизу категорически запрещается вводить в скважину замка ключи или другие предметы, чтобы не повредить возможные имеющиеся следы и не образовать дополнительные следы (<https://sudexpert.gov.by>).

Установлен примерный перечень вопросов, которые можно ставить при назначении данной экспертизы: исправен ли замок, представлен-

ный на экспертизу, если нет, то какие неисправности он имеет? в закрытом или открытом положении замка произведен его взлом? исправен ли замок и пригоден ли он для запираения? имеются ли на поверхности замка следы воздействия орудия взлома? если имеются, то пригодны ли они для отождествления орудия взлома, его оставившего? оставлены ли следы представленным орудием взлома? (См., например, публикацию А.В. Иванова, Т.А. Столбоушкина «Актуальные вопросы трасологического исследования механических замков».)

Рассматривая актуальные вопросы, возникающие как на теоретическом, так и на практическом уровне при исследовании замков, необходимо отметить следующие: изменение и совершенствование терминологии на современном этапе развития трасологической экспертизы, используемой при криминалистическом описании замков; необходимость постоянного изучения иностранных и цифровых замков, которые активно видоизменяются; создание коллекции замков и ГОСТов, ТУ и иной технической и справочной литературы для правильного и всестороннего описания замков и др.

Подводя итог, следует отметить, что для успешного экспертного исследования замков необходимо владение как общими положениями данного исследования, положениями соответствующей методики их исследования, а также соблюдение определенных требований к материалам, направляемым на экспертизу. Соблюдение всех условий обеспечивает точность и достоверность результатов экспертизы, что критически важно для дальнейшего расследования уголовных дел и избрания виновных.

УДК 343.1

М.С. Крушный, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ОБВИНЯЕМОГО И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Предъявление обвинения – важный этап в отечественном уголовном процессе, поскольку именно предъявленное обвинение определяет пределы последующего судебного разбирательства. В результате вынесения соответствующего постановления появляется обвиняемый, один из ключевых участников уголовного процесса.

Исследования процессуального положения обвиняемого проводились еще в дореволюционный период, велись в период СССР и продолжают в настоящий момент. Целью настоящего исследования стал анализ процессуального статуса обвиняемого, законодательно закрепленного в Республике Беларусь, и его сравнение с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и Республики Казахстан.

Прежде всего стоит рассмотреть основания появления вышеуказанного участника уголовного процесса. В соответствии с ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (далее – УПК Республики Беларусь) лицо может быть привлечено в качестве обвиняемого в таких случаях, как:

- 1) вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого;
- 2) принятие судом заявления о совершении указанным гражданином преступления, относящегося к категории дел частного обвинения.

В ч. 1 ст. 65 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (далее – УПК РК) указаны следующие основания признания лица обвиняемым:

- 1) составление прокурором обвинительного акта;
- 2) утверждение прокурором постановления о применении приказного производства, протокола об уголовном проступке, протокола ускоренного досудебного расследования, протокола обвинения и принятие решения о направлении уголовного дела в суд по соответствующей статье (статьям) уголовного закона;
- 3) окончание досудебного расследования заключением процессуального соглашения.

Согласно ч. 1 ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) обвиняемым признается лицо, в отношении которого приняты следующие процессуальные решения:

- 1) вынесение постановления о привлечении его в качестве обвиняемого;
- 2) вынесение обвинительного акта;
- 3) составление обвинительного постановления.

В Республике Беларусь законодательно предусмотрено лишь два основания привлечения в качестве обвиняемого, что обусловлено особенностями организации правоохранительной системы белорусского государства и распределением процессуальных функций между входящими в нее структурами. В отличие от отечественного уголовного процесса, в законодательстве Республики Казахстан и Российской Федерации закреплено по три сходных основания признания лица обвиняемым, что

обусловлено определенными сходствами и в структурной организации их правоохранительных систем.

Динамика изменения статуса обвиняемого также заслуживает внимания. Отечественный уголовный процесс предусматривает смену статуса обвиняемым лишь на осужденного либо оправданного, в зависимости от содержания постановленного приговора суда. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан и Российской Федерации предусматривает присвоение данному лицу промежуточно-процессуального статуса «подсудимый» с момента назначения судебного разбирательства и до вынесения приговора.

При этом сходство в части совокупности прав и обязанностей обвиняемого можно наблюдать уже между УПК Республики Беларусь и УПК РФ. Соответствующими статьями указанных нормативных правовых актов регламентирована совокупность прав и обязанностей сугубо указанного участника уголовного процесса, при этом некоторые права и обязанности распространяются на него еще с момента присвоения ему статуса подозреваемого. В свою очередь, вышеуказанной статьей УПК РК регламентированы права и обязанности, структурно разделенные на отдельные блоки в зависимости от процессуального статуса лица, на которое они распространяются (обвиняемый, подсудимый, осужденный), а также имеется отсылочная норма на права и обязанности подозреваемого, которые также распространяются на обвиняемого.

Несмотря на все различия, имеются положения, присущие законодательству всех трех рассматриваемых стран. Примером таких положений можно указать следующие:

- обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется, а также получить копию того документа, которым ему присвоен соответствующий процессуальный статус;
- обвиняемый имеет право на защиту и беспрепятственное взаимодействие с защитником;
- обвиняемый вправе ознакомливаться с протоколами следственных действий, в которых он участвовал, и делать замечания, подлежащие внесению в протокол.

Необходимо отдельно отметить различия в перечне судебных заседаний, в которых может принимать участие обвиняемый. В соответствии с п. 17 ч. 2 ст. 43 УПК Республики Беларусь обвиняемый имеет право принимать участие в судебных заседаниях суда первой инстанции, а также, в определенных случаях, в заседаниях судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций и при производстве по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам. Сходную норму содер-

жит УПК РФ, с дополнением в виде участия указанного лица в рассмотрении судом вопроса об избрании в отношении его меры пресечения, что обусловлено иным порядком применения мер пресечения, нежели в отечественном законодательстве. В свою очередь, в УПК РК закреплено право такого участника, как подсудимый, участвовать в судебном разбирательстве дела в суде первой и апелляционной инстанций, а уже осужденный или оправданный имеют право обжаловать приговор, постановление суда или судьи и принимать участие в судебном рассмотрении жалоб, ходатайств прокурора и протестов.

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что, несмотря на территориальную близость и определенное законодательное сходство, уголовно-процессуальное законодательство в части процессуального статуса обвиняемого в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан имеет существенные отличия. Видится возможным продолжение настоящего исследования с целью разработки и рассмотрения вопроса о внесении изменений в отечественное законодательство для более детальной регламентации процессуального статуса обвиняемого.

УДК 347.73

Д.С. Лубышева, курсант факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Динамичная цифровая трансформация экономических отношений, характеризующаяся новыми классами активов и платежных инфраструктур, актуализировала вопрос о применимости классических инструментов уголовно-процессуального регулирования. Институт приостановления операций с денежными средствами, регламентированный ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), столкнулся с вызовами, ставящими под сомнение его эффективность и правовую определенность в цифровом контексте.

Сложившаяся правоприменительная практика демонстрирует попытки адаптации, которые, однако, носят фрагментарный и часто юридически некорректный характер. Механистическое распространение

нормы ст. 115 УПК РФ на криптовалюты и иные цифровые активы не только не обеспечивает достижения целей меры принуждения – сохранения имущества для возможной последующей конфискации или пресечения противоправной деятельности, – но и порождает значительные риски для добросовестных участников оборота, лишенных адекватных механизмов защиты своих прав.

Теоретико-правовой фундамент института приостановления операций по счетам, заложенный в ст. 115 УПК РФ, неразрывно связан с парадигмой централизованной финансовой системы. Норма предполагает наличие четко идентифицируемого и подконтрольного государству финансового посредника – банка или иной кредитной организации, – на которого возлагается обязанность исполнить предписание следователя и который несет ответственность за его неисполнение. Владелец счета, в свою очередь, является стороной договорных отношений с этим посредником, что позволяет его однозначно идентифицировать и применить к нему меру. Однако цифровая среда радикально отвергает эту парадигму. Криптовалюты, такие как Bitcoin или Ethereum, существуют в децентрализованных сетях, не имеющих единого оператора или администратора. Контроль над активами осуществляется владельцем напрямую посредством криптографических ключей (приватного и публичного), а не через посредничество финансового института. Публичный ключ (адрес) выступает псевдонимным идентификатором, не всегда позволяющим установить личность владельца, а сама сеть носит глобальный, трансграничный характер. Уже на этом уровне возникает непреодолимое для классической нормы противоречие: в децентрализованной системе отсутствует субъект, аналогичный банку, который мог бы быть обязанным исполнить постановление о приостановлении операций.

Правоприменительная практика пытается разрешить это противоречие путем поиска суррогатных субъектов исполнения. В их роли чаще всего выступают операторы криптовалютных обменов (эквайринги) или поставщики кошельков, предоставляющие кастодиальные услуги (custodial wallets), т. е. хранящие приватные ключи пользователей. Данный подход порождает несколько взаимосвязанных проблем.

Первая – проблема юрисдикции. Обязан ли зарубежный провайдер, не имеющий юридического представительства в России, исполнять постановление российского следователя? В отсутствие международных договоров такая обязанность носит иллюзорный характер, что создает правовой вакуум и неравенство среди пользователей в зависимости от выбранной платформы.

Вторая – статусная неопределенность. Является ли криптобиржа или провайдер кошелька «иной организацией», упомянутой в ст. 115 УПК РФ. Действующее законодательство, включая Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», не приравнивает таких провайдеров к кредитным организациям, а их обязанность исполнять предписания следователя в указанном порядке прямо не закреплена. Это лишает правовой основы как саму обязанность, так и ответственность за ее неисполнение.

Третья, техническая, заключается в том, что даже при наличии желания провайдер может быть не в состоянии исполнить предписание в его традиционном понимании. «Приостановление операции» в сети blockchain технически невозможно, так как транзакция, будучи однажды подписанной и отправленной в сеть, не может быть отозвана «уполномоченным органом». Провайдер может лишь заблокировать возможность вывода средств с конкретного аккаунта на своей платформе, что не эквивалентно приостановлению операций с самим активом в blockchain, который может быть перемещен с использованием приватного ключа через иной интерфейс.

Особую сложность представляет применение данной меры в контексте децентрализованных финансов (DeFi) и смарт-контрактов. Активы пользователя могут быть заблокированы в смарт-контрактах для предоставления ликвидности, участия в голосовании или получения процентов. В такой ситуации активы не находятся под контролем какого-либо централизованного провайдера, а управляются алгоритмическим кодом, исполняемым децентрализованной сетью. Определить субъекта, которому следует направить постановление, – разработчиков смарт-контракта, часто анонимных и разбросанных по юрисдикциям, или децентрализованную автономную организацию, не имеющую традиционного юридического лица, – представляется задачей, не имеющей решения в рамках действующей процессуальной модели.

Наиболее социально значимым последствием сложившейся правовой неопределенности является проблема возмещения вреда, причиненного незаконным или необоснованным приостановлением операций с цифровыми активами. Если в традиционной финансовой системе ущерб часто сводится к невыполнению обязательств и уплате пеней, то в цифровой среде, характеризующейся исключительной волатильностью, масштабы потенциальных потерь многократно выше. Блокировка средств, даже на короткий срок, может привести к срыву уникальной арбитраж-

ной возможности, невозможности участия в лимитированном первичном размещении токенов или к прямым убыткам вследствие резкого колебания рынка. Ключевая трудность заключается и в доказывании размера упущенной выгоды. Действующее законодательство не содержит специальных методик для оценки подобного вреда в условиях цифровых рынков. Суды, сталкиваясь с необходимостью оценки таких требований, оказываются в методологическом вакууме. Отсутствие устоявшейся судебной практики и понятных финансовых моделей приводит к тому, что требования о взыскании упущенной выгоды либо отклоняются как необоснованные, либо удовлетворяются в ничтожных размерах, не соответствующих реальному экономическому ущербу. Кроме того, крайне сложной является задача доказывания причинно-следственной связи между фактом блокировки и конкретными финансовыми потерями, поскольку на стоимость цифрового актива влияет множество внешних, глобальных факторов, не зависящих от действий сторон.

Таким образом, сложившаяся ситуация диктует необходимость не точечных корректировок, а концептуального пересмотра подхода. Дальнейшее существование правового вакуума не только снижает эффективность борьбы с преступностью в финансовой сфере, но и создает существенные риски для добросовестных владельцев цифровых активов, подрывая доверие к правовой системе в целом. Выходом является принятие специализированного уголовно-процессуального регулирования, которое бы учитывало специфику цифровой среды, определяло круг обязанных лиц, регламентировало процедуру ограничения распоряжения активами и, что крайне важно, устанавливало справедливый и экономически обоснованный механизм компенсации причиняемого вреда. Без такой комплексной модернизации институт процессуального принуждения в финансовой сфере рискует окончательно утратить свою эффективность и легитимность.

УДК 343

К.В. Мамурина, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПОБЕГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Проблематика побегов осужденных из исправительных учреждений в Республике Беларусь традиционно занимает важное место в уголовно-

правовой доктрине и правоприменительной практике. Само понятие «побег» определяется как умышленное, противоправное оставление осужденным исправительного учреждения, арестного дома или места содержания под стражей в целях уклонения от установленного порядка отбывания наказания.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (Закон Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61) закреплена самостоятельная ст. 413, предусматривающая ответственность за побег. Основной состав преступления – самовольное оставление осужденным места лишения свободы, арестного дома или из-под стражи, что соответствует определению термина «побег». Квалифицированные составы связаны с побегом, совершенным группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Следует подчеркнуть, что уголовно-правовая оценка побега должна учитывать не только сам факт самовольного оставления учреждения, но и обстоятельства, характеризующиеся обстановкой совершения побега. Так, представляется логичным классифицировать эти обстоятельства на три группы: объективные, субъективные и специальные.

Субъективные факторы обусловлены индивидуальными морально-психологическими характеристиками и поведением личности.

Объективные факторы не зависят от воли преступника. К ним относятся: природные явления (наводнения, землетрясения, плохая видимость из-за тумана или осадков), помощь извне, географическое расположение учреждения, специфика производственной деятельности.

Специальные факторы связаны с недостатками работы исправительного учреждения и делятся на проблемы финансирования и кадровые проблемы. Недостаток финансирования приводит к недостаточному обеспечению потребностей заключенных и плохому состоянию систем охраны и надзора. Кадровые проблемы приводят к халатному отношению сотрудников к выполнению своих обязанностей, незнанию уловок и методов побега, установлению неслужебных связей с заключенными.

Открытым вопросом остается квалификация случаев оставления исправительных учреждений открытого типа. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (Закон Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61) не содержится нормы, регулирующей побег из исправительного учреждения данного типа. Такие деяния рассматриваются не как побег, а как нарушение порядка отбывания наказания, влекущее дисциплинарную, а не уголовную ответственность.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в Российской Федерации ответственность за побег закреплена в ст. 313 Уголовного кодекса Российской Федерации. Российское законодательство не связывает квалификацию побега с его целями и мотивами, что совпадает с белорусским подходом, при этом законодатель более подробно описывает квалифицирующие признаки, включая использование оружия, транспорта или специальных средств. В Казахстане Уголовный кодекс предусматривает ответственность за побег из мест лишения свободы, арестного дома либо из-под стражи (ст. 427), но в данной норме, в сравнении с российским и белорусским законодательствами, указывается примечание, согласно которому «Лицо, добровольно возвратившееся в семидневный срок с момента совершения побега в место заключения или под стражу, освобождается от уголовной ответственности за побег, если оно не совершило иного нового уголовного правонарушения, и если побег не был сопряжен с действиями, предусмотренными пунктами 2 и 3 части второй настоящей статьи».

В научной литературе побег рассматривается как социально-правовой феномен. Каждый новый случай оставляет «тень» – след в истории, в статистической отчетности, в работе сотрудников исправительных учреждений. Побеговая активность в исправительных учреждениях погружает в «тень» всю уголовно-исполнительную систему, вызывает недоверие со стороны общественности, а также порождает вопросы, касающиеся компетентности сотрудников. В результате теряется смысл деятельности исправительных учреждений, заложенный законодателем и воплощенный в целях уголовно-исполнительного законодательства.

Таким образом, современное понятие побега в Республике Беларусь охватывает широкий спектр ситуаций: от самовольного оставления колонии строгого режима до нарушения правил нахождения в исправительных учреждениях открытого типа. Отличительными признаками белорусского подхода являются минимальный возраст уголовной ответственности с 14 лет (ст. 27 Уголовного кодекса Республики Беларусь), отсутствие необходимости доказывания цели побега, наличие квалифицирующих составов, связанных с насилием и групповой формой, а также проблема разграничения дисциплинарных нарушений и уголовно наказуемого побега. Сравнительный анализ законодательства России и Казахстана позволяет выявить как общие черты (самостоятельная уголовная ответственность за побег), так и различия (детализация квалифицирующих признаков, практика применения).

А.Ф. Мирзоева, курсант факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С НИМ

В современном обществе давно считается, что оборот оружия, взрывчатых веществ и устройств, боеприпасов является одним из опаснейших факторов совершения преступности. Незаконный оборот оружия дестабилизирует безопасность общества и прямо влияет на уровень совершения в стране насилия и тяжесть общественно опасных последствий преступлений. В современных условиях глобализации и развития трансграничных криминальных сетей незаконная торговля огнестрельным оружием и боеприпасами приобретает все более транснациональный характер, что требует координированных международных и национальных ответных мер.

Для начала обратимся к определению понятия «незаконный оборот оружия» – под ним понимаются действия по незаконному производству, приобретению, хранению, перевозке, пересылке, сбыту, ремонту, переделке и другим операциям с оружием, его частями и боеприпасами, совершенные с нарушением уголовного, административного или иных предписаний права. Данный оборот может носить как локальный, например, криминальные рынки внутри государства, так и транснациональный характер, выражается в контрабанде, в организационных поставках в зоны конфликта.

Обратимся к квалификации объекта преступления данного типа, так он определяется в традициях уголовно-правовой науки через указание на три его вида. Родовой, определяемый общественным порядком и общественной безопасностью. Видовой объект как часть родового, собственно общественная безопасность. Непосредственный объект, определяемый содержанием гипотез и диспозиций конкретной статьи как система правил оборота оружия, в основу которых положен Закон об оружии. Криминологическими особенностями незаконного оборота оружием являются: высокий уровень санкционируемой опасности, так использование оружия повышает тяжесть последствий преступлений, экономическая выгода для организованных групп, использование нишевой инфраструктуры – склады, тайники, а также применение современных средств коммуникации и логистики для сокрытия следов и координа-

ции сделок. Проанализировав данные особенности, следует сделать вывод о том, что эффективность борьбы зависит от сочетания оперативно-розыскной деятельности и качественного расследования преступлений и превентивных мер, к которым относятся контроль легального оборота, маркировка оружия и его учет.

В российском уголовном законодательстве составы, направленные на борьбу с незаконным оборотом оружия, закреплены в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, при этом включены статьи, регулирующие незаконные приобретение, хранение, сбыт, изготовление, переделку оружия и боеприпасов. Так, статьи, предусматривающие ответственность, содержат довольно суровые санкции, вплоть до продолжительного лишения свободы и крупных штрафов, также законодателем предусмотрены следующие квалифицирующие признаки: совершение группой, организованной группой, с использованием служебного положения, с использованием интернета, которые позволяют усилить наказание. Правовое регулирование включает в себя не только уголовную, но и административную ответственность, а также предусмотрены иные меры, такие как прохождение лицензирования, системы контроля за легальным оборотом, соблюдение требований по хранению и транспортировке оружия и боеприпасов. В то же время развернутая уголовно-правовая санкция часто не сопровождается достаточной превентивной политикой и эффективными инструментами прослеживаемости происхождения оружия.

Подчеркнем, что право не является совершенным, поэтому в нем существуют проблемы в области уголовно-правовой борьбы. Одной из таких проблем является транснациональность потоков, контрабанда через границы и поставки в конфликтные зоны затрудняют расследование и требуют международной кооперации, также отсутствие или искажение данных об истории оружия усложняет для государства установление источников и каналов поставок. Злоумышленники оттачивают свое мастерство в деле совершения преступлений, они применяют новые технологии. Так, злоупотребление интернет-платформами для сбыта и координации сделок требует адаптации правоприменения. В Уголовном кодексе Российской Федерации уже предусмотрены отягчающие признаки за использование информационно-телекоммуникационных сетей, однако правоохранительным органам не хватает технических и кадровых ресурсов. Важно также учитывать, что могут быть социально-экономические причины такого оборота, люди готовы на нелегальную покупку оружия ради самозащиты, либо же в стране может

преобладать криминальная экономика, и с учетом указанных факторов данный спрос только репрессивными мерами не получится устранить.

Значимым элементом для рассмотрения являются уголовно-правовые средства борьбы с незаконным оборотом оружия и боеприпасов. Законодателем предусмотрена квалификация действий как особо опасных преступлений (с жесткими санкциями), установление квалифицирующих признаков (организованная группа, служебное положение, использование сети Интернет), специальные следственные методы (оперативно-розыскные мероприятия, контрольные закупки) и международное сотрудничество (экстрадиция, взаимопомощь, обмен информацией). Основными являются также меры по пресечению организованных групп и устранению каналов снабжения, а именно пресечение криминальных сетей, аресты, конфискация имущества. Таким образом, эффективность мер зависит от сочетания профилактических мер оперативной работы и судебной практики, а также от международного взаимодействия.

Предлагаем следующие рекомендации по совершенствованию уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере. Необходимо повысить прослеживаемость оружия, стоит ввести контроль за обязательной маркировкой и учетом всего оружия в обороте, внедрить процедуру отслеживания предметов изготовления «от ворот производителя до конечного пользователя». Стоит также уделить внимание ужесточению контроля за легальным оборотом, повысить требования к хранению и транспортировке, общественным кампаниям по снижению спроса на незаконное оружие, а чтобы правоохранительным органам было еще проще выявлять такого рода преступления, следует сформировать специализированные подразделения, подготовить экспертов по баллистической экспертизе, кибerrasледованиям, логистике поставок.

Незаконный оборот оружия остается сложной многоплановой угрозой, сочетающей как криминологические, так технологические и международные элементы. Уголовно-правовые средства борьбы должны быть частью комплексной стратегии, включающей в себя международную кооперацию, превентивные меры. Законодательные санкции важны, однако наиболее эффективный результат возможно достичь только при взаимодействии правоприменения, технического контроля и социальной политики, направленной на сокращение спроса на незаконный оборот оружия и боеприпасов.

Я.Ю. Оболонский, курсант факультета подготовки экспертов-криминалистов и оперативных сотрудников полиции Волгоградской академии МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В условиях трансформации и усложнения общественных отношений, роста объемов данных и соответствующих изменений в структуре современной преступности традиционные методы работы органов внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ) часто оказываются недостаточно эффективными. Это обуславливает необходимость активного внедрения инновационных технологий, в первую очередь искусственного интеллекта (ИИ), открывающих для сотрудников широкие возможности – от автоматизации рутинных операций до прогнозирования преступности.

ИИ представляет собой компьютерные системы, способные выполнять задачи, обычно требующие человеческого интеллекта (понимания речи и текста, узнавания объектов на изображениях, способности учиться на собственном опыте, в том числе принятия основанных на проведенном анализе решений и выполнения прогностических операций). В деятельности ОВД РФ подобные технологии решают такие задачи, как распознавание лиц, анализ видеозаписей, выявление мошеннических схем и общее прогнозирование правонарушений различных видов.

Так, большинство программных комплексов, помимо уже привычной фиксации визуальной информации (например, в сфере безопасности дорожного движения), осуществляют интеллектуальный сбор биометрических данных, позволяющих точнее устанавливать личность объекта наблюдения. Например, в Москве с 2017 г. внедрена система распознавания лиц, к которой на текущий момент подключены несколько сотен тысяч камер уличного видеонаблюдения. В 2020 г. такая программа автоматически определяла граждан, нарушающих установленные санитарно-эпидемиологические ограничения, включая режим обязательной самоизоляции. А по состоянию на 2024 г. система распознавания лиц «Сфера» помогла выявить более 9 тыс. преступников, среди которых около 1,5 тыс. опасных преступников, включая убийц, насильников и грабителей.

Еще одним интенсивно развивающимся направлением в области использования ИИ является внедрение роботехнических комплексов, од-

ной из основных задач которых остается обезвреживание бомб и иных опасных предметов. Современные роботы-саперы, в отличие от своих предшественников из 1970-х, управляются через VR-гарнитуры и работают почти автономно. Их главное преимущество – высокая мобильность. Они способны сами добираться до объекта, преодолевая лестницы и стены, тем самым минимизируя риск для оператора.

Положительным примером применения робототехники служит опыт Волгоградской академии МВД России, внедрившей в деятельность практических органов использование беспилотных летательных аппаратов (БЛА) в целях осмотра места происшествия, обеспечения охраны общественного порядка и розыска лиц. Полиция начала активно применять дроны для повышения уровня безопасности на массовых мероприятиях, контроля движения транспорта, быстрого обнаружения преступников в толпе, а также поиска граждан, пропавших без вести.

Так, волгоградские курсанты под руководством опытных наставников в апреле 2024 г. в Котовском районе Волгоградской области в ходе поисковых мероприятий с использованием подводного дрона и квадрокоптеров обследовали более 15 км² территории. После отработки конкретного участка местности обучающиеся предоставляли полученную информацию в мобильный центр следственно-оперативной группы, где осуществлялись ее изучение и анализ. Все полученные материалы переданы в отдел МВД России по Котовском району Волгоградской области.

В целом можно отметить активный курс Волгоградской академии МВД России на внедрение инновационных технологий в практическую деятельность правоохранительных органов путем подготовки пилотов и инструкторов БЛА для решения разного рода практических задач.

Современной реальностью для ОВД РФ стала также автоматизация процессов анализа доказательств по уголовным делам. Так, давно применяемая в работе полиции АДИС «Папилон» представляет собой «бесчернильный» комплекс для работы с биометрией, который создает и обрабатывает базу отпечатков пальцев рук и ладоней. Это ускоряет и упрощает идентификацию личности как по готовым отпечаткам, так и по следам с мест преступлений путем автоматической сверки данных с базой.

Кроме того, для силовых структур создана система «Арсенал», позволяющая быстро искать и анализировать большие массивы информации. Она объединяет разрозненные источники данных и интегрирована с другими базами, позволяя оперативно находить сведения по биометрическим признакам, отпечаткам, приметам или деталям происшествий, устанавливать связи между фактами и лицами, повышая эффективность оперативной работы и расследований.

Внедрение ИИ в практику ОВД РФ также трансформирует борьбу с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Современные комплексы позволяют решать такие задачи, как выявление телефонных и онлайн-мошенничеств, в том числе банковских, распознавание фишинговых ресурсов, автоматизированный анализ цифровых следов, отслеживание транзакций с криптовалютой, используемых в преступных целях, мониторинг социальных сетей и мессенджеров, теневых форумов и рынков.

Постоянное развитие «умных» компьютерных систем и имеющийся положительный опыт их использования в деятельности ОВД РФ позволяют выделить ряд перспективных направлений.

Одним из них представляется интеграция ИИ в беспилотные авиационные системы, способная открыть правоохранительным органам путь к созданию автономных комплексов. Вероятно, в будущем дроны смогут самостоятельно выстраивать оптимальные «умные» маршруты патрулирования в реальном времени, учитывая данные о криминогенной обстановке, поступающие оперативные ориентировки, плотность потока людей и транспорта, обмениваться между собой информацией и распределять зоны ответственности.

Еще одной возможностью ИИ, пусть и отдаленной, следует назвать детекцию лжи на основе визуального считывания реакций глазодвигательного аппарата. Сегодня технологии, подобные американской «Ай-Детект» (EyeDetect), анализирующие микропризнаки, плохо поддающиеся сознательному контролю (едва заметные движения глаз, изменения тембра голоса), только начинают разрабатываться и тестироваться в реальной жизни. ИИ-детектор лжи потенциально может интегрироваться с другими системами, его результаты можно будет сопоставлять с данными видеонаблюдения (анализ позы, жестов), биометрией из других баз и записями телефонных разговоров (анализ стресса по голосу) для формирования более полной картины. В перспективе такие комплексы смогут в режиме реального времени эффективно анализировать видеопоток с камер в зонах повышенного риска (например, в аэропортах) и выявлять лиц, демонстрирующих признаки сильного стресса или поведенческих аномалий, для рассмотрения вопроса о принятии профилактических мер. Подобные программы уже используются в сфере торговли в ряде стран, включая Россию, для обнаружения потенциальных воров, например, в супермаркетах.

Исходя из таких возможностей, стоит упомянуть и о перспективах прогнозирования преступности и индивидуального преступного поведения с помощью ИИ. Зарубежный опыт использования «умных» про-

грамм, способных предугадывать конкретные тип, дату и место совершения преступлений (PredPol – в США, SKALA – в Германии, ERASOR, J-SOAP-II, YLS/СМI – в Сингапуре, и др.), свидетельствует, что некогда фантастические представления о предсказании развития криминальной обстановки способны воплотиться в практику деятельности ОВД в ближайшие годы. Так, например, в России тестируется программа с предварительным названием «Конъюнктура», в задачи которой войдет прогнозирование чрезвычайных ситуаций, негативных происшествий и моделирование сценариев реагирования на них.

Несмотря на примеры положительного опыта применения ИИ в практике ОВД РФ, этот процесс сопряжен с рядом вызовов юридического, этического и практического характера. Реальное положение дел сегодня демонстрирует противоречивую картину, где прорывные возможности сопряжены с техническими ограничениями и серьезными этическими дилеммами. Для их решения необходимо прежде всего совершенствование нормативно-правовой базы использования ИИ, регулирующей правоприменительные аспекты, связанные с соблюдением прав человека, совершенствование сбора и анализа больших данных, а также методик противодействия преступности в целом.

УДК 343.98

Р.В. Обуховский, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрим такую тему, как перспективы использования 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности. Научно-технический прогресс не стоит на месте и вносит много новых инноваций во все сферы жизни общества. Развитие новых технологий позволяет человечеству достигать невероятных высот и выделяется такими признаками, как точность использования, масштабность внедрения, экономичность производства, всесторонность полученных знаний и высокая скорость внедрения полученных знаний в реальность и др. Судебно-экспертная деятельность также нуждается во внедрении и использовании современных знаний и технологий. Необходимость применения данных технологий существует во всех видах и подвидах экспертиз. Современная работа экспертов требует от них постоянного совершенствования, ро-

ста требования точности, объективности и оперативности исследований, а внедрение современных технологий в судебно-экспертную деятельность позволяет экспертам осуществлять указанные выше показатели. Одним из перспективных направлений, как нам видится, является использование в судебно-экспертной деятельности такого вида технологий, как 3D-технологии. Однако важно не только обозначить перспективные направления, но и выявить проблемы, связанные с их применением, а также адаптировать полученные результаты к использованию в судебных экспертизах.

На основе изучения ряда работ, как в криминалистике, так и в судебной экспертизе, установлено, что суть 3D-технологий заключается в создании цифровых копий объектов с высокой точностью, что, в свою очередь, позволяет открывать новые знания об объектах исследования. Объекты, полученные путем применения 3D-технологий, называются трехмерные модели объектов. Трехмерные модели объектов получают путем сбора данных о форме, внешнем виде и геометрических параметров «оригинала» объекта и дальнейшего их перевода в цифровую форму, которую возможно в последующем распечатать на 3D-принтерах.

В результате дальнейшего, более глубокого анализа ряда работ о применении 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности, а именно: А.В. Полякова «3D-технологии в судебно-экспертной деятельности», В.В. Гулеватого и А.С. Ермакова «Особенности проведения судебной экспертизы с использованием 3D-технологий», А.И. Попова «Обучение курсантов современным технологиям 3D-сканирования и 3D-печати объемных трасологических следов», Т.Б. Новиковой «Метод 3D-моделирования в современной судебно-экспертной деятельности», Д.А. Кудряшовой «Современные возможности и перспективы развития 3D-технологий в судебной экспертизе», А.С. Мазовка «Современные возможности 3D-технологий в судебной экспертизе», М.А. Ковальчука «Применения 3D-технологий в производстве идентификационных трасологических экспертиз», А.А. Ракова «Актуальные направления применения 3D-технологий в судебной экспертизе», А.В. Полякова и Я.А. Мартынова «Проблемы использования 3D-технологий в уголовном судопроизводстве» и др., мы пришли к ряду выводов, которые подтверждают и наши исследования, о том, что у 3D-технологий есть как ряд преимуществ, так и недостатков.

Среди существенных преимуществ, мы бы выделили следующие: оперативность – быстрая скорость обработки материала; мобильность – оборудование достаточно компактное (например, портативные 3D-сканеры); точность – построение модели производится по специальным точкам; легкость создания моделей; возможность проведения

симуляций и экспериментов на виртуальных моделях в ходе решения экспертных задач; возможность произвести обмен информационными данными на дальние расстояния и воссоздать точную копию объекта в считанные минуты.

Таким образом, при помощи 3D-технологий можно производить множество различных трехмерных моделей для повышения качества, удобства и скорости работы в судебно-экспертной деятельности.

Но мы также выделили и следующие недостатки: необходимость подготовки экспертов – для точной и достоверной работы с 3D-технологиями экспертам необходимо овладеть специальными знаниями в использовании данных технологий; высокая стоимость оборудования – для работы экспертов с данными технологиями необходимы сами технологии, на данный момент стоимость 3D-технологий, а именно 3D-сканеров и 3D-принтеров, довольно высока, что существенным образом влияет на внедрение данных технологий; необходимость разработки программного обеспечения – работа экспертов связана с персональными данными и служебной информацией, не предназначенной для широкого круга лиц, что также предопределяет введение особого режима на хранение и передачу цифровой информации, связанной с 3D-технологиями.

Установив как положительные, так и негативные аспекты внедрения таких технологий в судебно-экспертную деятельность, нами предложены дальнейшие направления исследования, такие как: проработка применения перспективных технологий, например 3D-технологий, с учетом большого количества теоретических и эмпирических материалов, проведения значительного количества опытов и экспериментов; разработка методических рекомендаций для экспертов по применению таких технологий; разработка и создание программного обеспечения для использования 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности и др.

УДК 343.98

С.С. Орленко, студент юридического факультета
Белорусского государственного университета

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЫ ГОСУДАРСТВУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СФЕРЫ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Современный этап развития информационного общества сопровождается масштабной цифровизацией всех сфер общественной и государственной жизни. Это, с одной стороны, повышает эффективность го-

сударственного управления и оборонной системы, а с другой – создает новые угрозы национальной безопасности. Одной из таких угроз является измена государству, с использованием возможностей современных высоких технологий. Актуальность изучения данной темы обусловлена ростом числа киберпреступлений, направленных против суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь, а также необходимостью совершенствования методик их расследования.

Согласно ст. 356 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) изменой государству признаются действия гражданина Республики Беларусь, направленные на оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в осуществлении враждебной деятельности против Республики Беларусь. В диспозиции нормы выделяются формы совершения преступления: шпионаж, выдача государственной тайны, переход на сторону противника, иная помощь в ущерб внешней безопасности страны. Объективная сторона измены выражается в конкретных действиях, направленных на подрыв внешней безопасности, а субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и целью оказания содействия противнику. Субъектом преступления может быть только гражданин Республики Беларусь, достигший шестнадцатилетнего возраста.

Эволюция информационного пространства привела к появлению цифровых форм измены: дистанционная передача секретных сведений через зашифрованные каналы связи, использование облачных технологий, а также внедрение вредоносного программного обеспечения с целью получения доступа к данным, составляющим государственную тайну. Эти формы требуют обновления правовых и криминалистических подходов к квалификации и расследованию преступлений против государства.

Криминалистическая характеристика измены государству с использованием сферы высоких технологий включает в себя совокупность типичных способов, следов, субъектов и мотивов преступления. К числу наиболее распространенных способов относятся: несанкционированный доступ к закрытым компьютерным сетям государственных органов, копирование и передача информации посредством защищенных мессенджеров или VPN-соединений, использование внешних носителей и удаленного доступа для извлечения сведений ограниченного распространения. Особую опасность представляют атаки с использованием фишинговых схем и закладок в программном обеспечении, позволяющих иностранным спецслужбам получать данные в обход физического контроля. При расследовании подобных преступлений выявляются следы сетевой активности: журналы логирования, метаданные файлов,

остаточные данные в оперативной памяти, цифровые, сертификаты и криптографические ключи. Эти элементы становятся важнейшими доказательственными источниками, что требует проведения специализированных компьютерно-технических и сетево-технических экспертиз. Как правило, это лица, имеющие допуск к государственной или служебной тайне, а также специалисты в области информационной безопасности, сотрудники предприятий военно-промышленного комплекса, либо хакеры, обладающие высокой квалификацией. Основные мотивы – политические, идеологические, экономические, а также стремление к финансовому вознаграждению или вынужденная деятельность под давлением иностранных структур.

Возбуждение уголовного дела по ст. 356 УК в киберсфере возможно при наличии данных, свидетельствующих о контактах с представителями иностранных государств или попытках передачи сведений, составляющих государственную тайну. Ключевую роль играют оперативно-розыскные мероприятия, проводимые органами государственной безопасности, Комитетом государственной безопасности Республики Беларусь (далее – КГБ). В ходе предварительного расследования применяются методы сбора, фиксации и анализа цифровых данных. Следователь взаимодействует с экспертами по информационной безопасности, что позволяет выявлять следы удаленных подключений, сетевых пакетов, геолокацию устройств и временные метки действий подозреваемого. Осмотр электронных носителей производится с соблюдением требований процессуального законодательства, с обязательной фиксацией состояния системы, подключенных устройств и сетевых соединений. Нарушение целостности цифровых доказательств недопустимо, поскольку это может привести к их признанию недостоверными. Эффективное расследование возможно только при тесном взаимодействии следователя, оперативных работников и экспертов. Практика показывает, что совместные действия позволяют быстрее выявить каналы утечки информации, определить круг причастных лиц и зафиксировать доказательства до их уничтожения. Наиболее сложной задачей остается установление осознания обвиняемым характера передаваемых сведений и их возможного использования против национальных интересов. Для этого анализируются переписка, история сетевых подключений, характер контактов и поведение лица до и после совершения деяния.

Измена государству, совершаемая с использованием современных информационных технологий, является одной из наиболее опасных форм угрозы национальной безопасности. Ее предотвращение и расследование требуют междисциплинарного подхода, включающего в

себя знания в области уголовного права, криминалистики и кибербезопасности. Совершенствование методики расследования должно быть направлено на внедрение новых форм цифровой экспертизы, повышение квалификации следователей и экспертов, а также разработку единых стандартов обращения с цифровыми доказательствами. В перспективе развития цифровой криминалистики в сфере защиты национальной безопасности особое значение приобретает формирование единой государственной системы цифрово-криминалистического мониторинга, интегрированной с базами данных правоохранительных органов, Министерства обороны и КГБ. Такая система позволит не только выявлять факты утечки секретной информации в режиме реального времени, но и прогнозировать потенциальные риски на основе анализа больших данных и искусственного интеллекта. Научная новизна подхода заключается во внедрении элементов предиктивной аналитики и машинного обучения при расследовании преступлений против государства. Это позволит формировать модели поведения потенциальных нарушителей, определять закономерности в их сетевой активности и автоматизировать процесс выявления подозрительных цифровых артефактов.

УДК 343

Н.А. Осипова, выпускница магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МИГРАЦИОННОМ КОНТРОЛЕ ЗА ПРЕБЫВАНИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Обеспечение устойчивого правопорядка и гарантирование общественной безопасности выступают приоритетными функциями любого государства. Согласно постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 23 января 2024 г. № 48, которым утверждена Концепция миграционной политики Республики Беларусь на период 2024–2028 годы, нелегальная миграция рассматривается как серьезная угроза для национальной безопасности страны. Ежегодный рост числа мигрантов, прибывающих в Беларусь или следующих транзитом через ее территорию, явилось следствием введения Указа Президента Республики Беларусь от 9 января 2017 г. № 8 «Об установлении безвизового порядка въезда и вы-

езда иностранных граждан» и вступившего в силу 11 января 2025 г. Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о взаимном признании виз и по иным вопросам, связанным с въездом иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств – участников Договора о создании Союзного государства, целью которых является стремление Республики Беларусь урегулировать порядок пересечения иностранными гражданами и лицами без гражданства Государственной границы Республики Беларусь, а также через неохранный белорусско-российский участок границы.

В настоящее время огромный вклад в борьбе с преступностью вносят современные системы сбора, анализа и обработки данных, основанные на передовых технологиях, они помогают правоохранительным органам быстрее и точнее выявлять, раскрывать и предотвращать преступления.

С целью осуществления дополнительного миграционного контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Республики Беларусь широко используются системы видеонаблюдения – программная платформа «Республиканская система мониторинга общественной безопасности» (РСМОБ), внедренная в служебную деятельность постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2017 г. № 1027 и предусматривающая комплексный мониторинг с использованием камер видеонаблюдения (постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 9 сентября 2022 г. № 234 утвержден регламент функционирования РСМОБ). Данная система представляет собой неотъемлемый элемент системы безопасности, обеспечивающий наблюдение за соблюдением правопорядка в режиме реального времени. Она включает в себя аппаратные и программные средства для получения видеоизображений с помощью видеокамер, передачи видеосигнала по каналам связи, а также обработки и хранения полученной видеоинформации.

Основными задачами РСМОБ являются: мониторинг состояния общественной безопасности для поддержания правопорядка, профилактика, выявление и пресечение правонарушений, содействие в расследовании преступлений, а также предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций.

В рамках служебной деятельности возможности РСМОБ позволяют установить иностранных граждан и лиц без гражданства:

– в отношении которых, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-3 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» и иными законодательными актами, приняты решения о выдворении либо об отказе во въезде в Республику Беларусь и не истек срок запрета въезда в Респуб-

лику Беларусь (в автоматизированной системе пограничного контроля отсутствуют сведения о пересечении Государственной границы Республики Беларусь);

– ранее прибывших на обучение и самовольно покинувших место пребывания и местонахождение которых неизвестно;

– иных лиц по решению подразделений по гражданству и миграции органов внутренних дел (ПГиМ).

В случае идентификации в РСМОБ иностранного гражданина или лица без гражданства в рамках приказа Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 26 февраля 2021 г. № 61 «О взаимодействии подразделений органов внутренних дел при осуществлении миграционного контроля» сотрудниками ПГиМ, с целью привлечения к установленной законодательством ответственности, проводится проверка по предыдущим местам временного пребывания, временного или постоянного проживания, а также других возможных мест пребывания лица.

Что касается использования современных передовых технологий в мировой правоохранительной практике, необходимо отметить введение с 1 сентября 2025 г. в Москве и Московской области эксперимента по усилению контроля за пребыванием иностранных граждан, обязательными условиями которого являются: прохождение иностранными гражданами дактилоскопирования, биометрического фотографирования и регистрации в специальном мобильном приложении. Через данное приложение правоохранительные органы смогут отслеживать местонахождение мигрантов, при попытке уклонения от контроля иностранные граждане будут включены в реестр контролируемых лиц с последующим выдворением за пределы Российской Федерации. Эксперимент продлится до 1 сентября 2029 г. и затронет всех иностранных граждан, въезжающих в Москву и Московскую область, которым не требуется виза для въезда в Российскую Федерацию, за исключением несовершеннолетних, дипломатов и их семей, а также граждан Республики Беларусь.

Помимо вышеизложенного, использование электронных систем регистрации значительно позволяет автоматизировать сбор данных при въезде и выезде иностранных граждан в страну, что упрощает контроль за сроками пребывания. Подобная система въезда-выезда (EES) внедряется с 12 октября 2025 г. в Шенгенской зоне. Она позволяет регистрировать данные «неграждан» Европейского союза в единой базе, а получение QR-кодов с информацией о паспорте и поездке значительно облегчит прохождение пограничного контроля и другие проверки.

Таким образом, использование современных передовых технологий в правоохранительной деятельности позволяет быстро и эффективно выявлять, раскрывать и предотвращать правонарушения и преступле-

ния, совершаемые иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также привлекать виновных лиц к установленной законодательством ответственности.

УДК 341.1

М.А. Понтелева, курсант факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

НЕОПРОВЕРЖИМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ИЛИ ХИТРАЯ УЛОВКА? ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО АЛИБИ

«Быть» значит «быть онлайн»? Если же тебя не было в сети в конкретное время, то это значит, что тебя не было вовсе? Физическое существование человека неразрывно связано с виртуальным. Вызывает парадокс и то, что в цифровую эпоху полное отсутствие следов в сети Интернет теперь также настораживает, как и их переизбыток.

Цифровое алиби – это не просто технический прием. Оно является ярким проявлением нашего времени, своего рода зеркалом, в котором отражаются наша сомнительность, стремление к контролю над ситуацией, желание уединения и непростые взаимоотношения с объективной реальностью.

Цифровой след – это информация о каком-либо факте окружающей действительности, сохраненная, переданная или обработанная с помощью электронно-вычислительной техники, которая, в свою очередь, может быть использована для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Цифровой след, оставляемый электронными устройствами, способен оказать решающее влияние на подтверждение или опровержение алиби лица, проходящего по уголовному делу. В связи с этим возникает новое понятие – «цифровое алиби». Это в первую очередь, как отмечается в юридической литературе, способ защиты, который используется в целях подтверждения присутствия лица в определенном месте, исключающим возможность его пребывания в месте совершенного преступления.

Информация, хранящаяся в личном аккаунте пользователя, защищена политикой конфиденциальности и может быть использована исключительно с согласия владельца. Следует согласиться с позицией В.Б. Вехова и А.Б. Смушкина, обоснованной в научной статье «Клавиатурный почерк, цифровые отпечатки и другие средства проверки цифрового алиби». Так, ученые утверждают, что автомобильные навигацион-

ные системы также обладают функционалом сохранения истории передвижений, известной как треки, при условии активации данной опции. Пользователи могут сохранять конечные точки маршрутов или наиболее часто посещаемые места для большего удобства использования.

Фото- и видеоматериалы, созданные с использованием смартфонов, содержат метаданные о времени и месте создания, что позволяет осуществить их географическую привязку. Указанная информация может оказаться критически значимой для раскрытия и расследования преступлений, предоставляя объективные доказательства нахождения лица в определенной точке на карте в конкретный момент времени. Изучение финансовых операций, включающее регистрацию времени, объемов денежных переводов и геолокационных координат мест осуществления покупок, способствует стимуляции ассоциативной памяти опрашиваемого лица, устанавливая связь его воспоминаний с конкретными фактами и датами.

Казалось бы парадоксальную, но имеющую истинный смысл ситуацию отмечает В.Б. Бузаканов в публикации «К дилемме о „цифровом алиби“ при расследовании преступлений». Таким образом, ученый утверждает, что умная колонка и умный термостат могут сыграть немаловажную роль в создании цифрового алиби благодаря их функциональным способностям фиксировать данные о времени и действиях. Если, например, вы просили колонку включить музыку или рассказать новости в определенное время, то это может послужить доказательством вашего присутствия дома. В том числе управление другими объектами путем умных устройств является подтверждением вашего алиби. Вход в учетную запись и активность в онлайн-игре с конкретного IP-адреса, видеозвонок, использование портативного энцефалографа, записывающего активность мозга во время сна, – все это также является основанием исключения лица из списка возможных преступников.

Однако не стоит умалять случаи противодействия следствию путем фальсификации следов, оставленных в цифровом пространстве. Например, искажение временных отметок, демонстрируемых на устройстве пользователя, использование нестандартных устройств ввода, таких как игровые манипуляторы, активация службы планировщика заданий, представляющей собой программное обеспечение для автоматического запуска задач по заданному расписанию, и др.

Таким образом, необходимость верификации цифрового алиби подчеркивает значимость анализа соответствия зафиксированных операций в интернет-пространстве и применяемых для этого инструментов с имеющейся информацией, подтверждающей эти действия. Наиболее эффективным способом установления истинности цифрового алиби представляется проведение специализированной операции, в рамках которой ключевую роль играют эксперты.

С.Н. Попова, курсант Института судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИДЕИ ПРОФЕССОРА В.Я. КОЛДИНА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕ

Статистические данные подтверждают актуальность обращения к идеям В.Я. Колдина. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2024 г. № 1549 в экспертных учреждениях ежегодно проводится свыше 135 000 судебных экспертиз. При этом В.Я. Колдин отмечал, что проведение экспертизы оправдано только при наличии реальной потребности в специальных знаниях, поскольку необоснованное расширение экспертной практики снижает ее доказательственную значимость. Эту же мысль освещают в своей статье «Проблема избыточного назначения судебных экспертиз на стадии предварительного расследования и пути ее решения» В.А. Попов и А.А. Рудавин, отмечая проблему избыточного назначения экспертиз в 84 регионах Российской Федерации.

К числу наиболее значимых идей, предложенных ученым, относятся следующие:

1. Развитие теории криминалистической (судебной) идентификации.

В.Я. Колдин предложил концептуальную модель данного процесса, определив логическую структуру и алгоритмы его реализации.

2. Оптимизация взаимодействия субъектов идентификационной деятельности.

Ученый рассматривал взаимодействие следователя и эксперта как взаимосвязанный познавательный процесс, где эффективность определяется качеством информационного обмена.

3. Фактические основания криминалистической идентификации.

В.Я. Колдин обращал внимание на информационные основания идентификационной деятельности, связывая ее с процессом формирования и анализа доказательственных данных.

Под редакцией В.Я. Колдина был подготовлен учебник «Криминалистика: информационные технологии доказывания» (2007), где криминалистика представлена как наука об информационно-познавательной деятельности, направленной на раскрытие и расследование преступлений. В данном труде развивается системно-деятельностный и информационный подход к доказыванию, что отражает стремление научного де-

ителя адаптировать криминалистику к современным технологическим реалиям (<https://koldin-msu.ru>).

Особого внимания заслуживает предложенное В.Я. Колдиным понимание предмета криминалистики. Он рассматривал ее не просто как совокупность методов и приемов, а как систему закономерностей, определяющих познавательную деятельность по установлению обстоятельств преступления. Данное определение, предложенное профессором, впоследствии оказало существенное влияние на формирование понятия криминалистики. Позднее предмет науки был уточнен и представлен не просто как совокупность общеизвестных закономерностей и способов действий, а как «структура информационно-познавательной деятельности, направленной на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, а также на обеспечение ее оптимизации с помощью легальных организационных, технических и тактико-методических средств, методов и технологий».

В.Я. Колдин – один из первых в отечественной криминалистике, кто рассмотрел моделирование не просто как вспомогательный прием, а как универсальный метод познания преступного события и доказательной информации. Он писал, что любое криминалистическое исследование, по сути, представляет собой воссоздание (реконструкцию) объекта или события преступления в виде модели, которая позволяет изучить и объяснить факты, недоступные непосредственному наблюдению.

На данный момент современные экспертные методики (например, габитоскопия, почерковедение) продолжают опираться на принципы системности и информативности, сформулированные В.Я. Колдиным. Научные труды В.Я. Колдина включены в современные учебники и курсы по криминалистике, обсуждаются на конференциях и круглых столах для дальнейшего развития криминалистики с помощью его знаний.

Несмотря на то что идеи В.Я. Колдина остаются фундаментом российской криминалистики, их следует развивать и адаптировать к новым реалиям, особенно в цифровую эпоху.

Так, возвращаясь к идее моделирования как мысленному и материальному отражению реальности, считаем целесообразным добавить цифровую форму моделирования, т. е. создание виртуальных копий объектов и событий. Так, например, с помощью 3D-моделирования можно воссоздать копии следов, орудий, траекторий движения.

В.Я. Колдин рассматривал следователя и эксперта как субъекта познания, создающего мысленные модели. В будущем, с учетом ныне существующего искусственного интеллекта, данную концепцию можно развить. Было бы целесообразно применять экспертные системы и помощников, базирующихся на искусственном интеллекте, при моделировании, а также оценке доказательств.

Кроме того, возвращаясь к актуальности данной статьи, используя идеи В.Я. Колдина, количество проведенных судебных экспертиз можно сократить за счет оптимизации потока информации: исключить дублирование исследований, создать единую базу признаков, внедрить автоматическую предварительную обработку материалов (например, фото, видео, отпечатки).

УДК 343.1

А.А. Рожкова, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь;

А.В. Халимон, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ СУДЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Коррупция – одно из наиболее опасных преступных проявлений, создающих угрозу развитию государства и общества. В связи с этим в Республике Беларусь борьбе правоохранительных органов и судебной власти с данным преступным явлением уделяется значительное внимание. В частности, принят и действует Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией». Одним из направлений деятельности прокуратуры Республики Беларусь является также координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и коррупцией, профилактике правонарушений. Несмотря на эффективные меры, принимаемые государством по борьбе с коррупцией, «фактов совершения и выявления указанного вида общественно опасного посягательства не становится меньше». Данное обстоятельство детерминирует необходимость создания новых методов и инструментов, в том числе и организационно-правовых, направленных на устранение проявлений коррупции.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо

иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного.

Коррупция как антиправовое явление охватывает широкий круг правонарушений, в том числе и преступлений. Она проявляется во взяточничестве, незаконном присвоении товаров и услуг, оказании влияния при выработке законов и правил в целях получения личной выгоды, злоупотреблении либо превышении власти либо служебных полномочий из личной выгоды и т. п.

Согласно ст. 5 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей судебная система Республики Беларусь строится на принципах территориальности и специализации. Внешняя специализация построения судебной системы предполагает образование специализированных судов, направленных на рассмотрение конкретной категории дел.

В судебной системе Республики Беларусь специализированными судами являются экономические суды. Вместе с тем, учитывая значимость осуществления борьбы с коррупцией, полагаем, что одним из организационно-правовых инструментов ее реализации является создание в судебной системе антикоррупционных судов. Разрешением уголовных дел коррупционной направленности в настоящее время занимаются районные (городские), областные (г. Минска) суды Республики Беларусь, а также коллегия Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам. Вместе с тем совершение преступлений коррупционной направленности занимает значительную долю среди всех совершаемых преступлений.

Например, в первом полугодии 2024 г. 328 лиц осуждено за совершение преступлений коррупционной направленности – на 4,4 % меньше, чем в первом полугодии 2023 г. (343 лица). Наибольшее количество виновных в первом полугодии 2024 г. осуждено за совершение следующих преступлений: хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) – 185 лиц; получение взятки (ст. 430 УК) – 68 лиц; превышение власти или служебных полномочий (ч. 2, 3 ст. 426 УК) – 39 лиц; злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424 УК) – 18 лиц; дача взятки (ч. 2, 3 ст. 431 УК) – 14 лиц; злоупотребление властью, бездействие власти либо превышение власти (ст. 455 УК) – 3 лица; бездействие должностного лица (ст. 425 УК) – 1 лицо.

В связи с этим мы делаем вывод, что создание антикоррупционных судов является вполне разумным решением. Кроме того, считаем, что в пользу предлагаемого нами изменения в судебную систему Республики Беларусь могут быть приведены следующие аргументы:

- специализация на рассмотрении коррупционных преступлений и правонарушений повысит эффективность отправления правосудия, будет способствовать объективному рассмотрению дел по существу и увеличит вероятность вынесения справедливых решений;

- осуществление транспарентного правосудия судьями антикоррупционных судов Республики Беларусь будет служить повышению доверия граждан к судебной власти и правоохранительной системе государства в целом;

- создание независимых специализированных судов по борьбе с коррупцией будет способствовать нейтрализации таких факторов при осуществлении правосудия, как «кумовство», «бюрократия», «лоббирование чьих-либо интересов»;

- осуществление правосудия в части борьбы с коррупцией специализированными судами будет способствовать ускорению вынесения судебных решений.

Кроме того, в пользу создания в Республике Беларусь антикоррупционных судов также может указывать исследование международного опыта, которое демонстрирует, что в таких странах, как Филиппины, Пакистан, Индонезия, Непал, Кения, Бангладеш, Бурунди, Хорватия, Уганда, Палестина, Камерун, Болгария созданы и действуют антикоррупционные суды, осуществляющие правосудие в части борьбы с коррупцией.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно прийти к выводу о необходимости создания в судебной системе Республики Беларусь антикоррупционных судов. Это может стать важным шагом в борьбе с коррупцией и повышении эффективности правосудия, укреплении прозрачности и справедливости рассмотрения коррупционных дел.

Что касается места антикоррупционных судов в судебной системе Республики Беларусь, полагаем учесть такие факторы, как обеспечение независимости данных судов, а также ограниченное финансирование судебной системы. С учетом данных обстоятельств, а также статистических данных о количестве рассматриваемых в Республике Беларусь преступлений коррупционной направленности, полагаем, что в нашем государстве целесообразно создать Антикоррупционный суд Республики

Беларусь, не входящий в систему судов общей юрисдикции, являющийся отдельным юридическим лицом, обладающий республиканской территориальной юрисдикцией.

УДК 347.7

В.В. Сеницына, курсант факультета правоохранительной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПУТИ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В теории уголовного процесса под следственной ошибкой принято понимать непреднамеренное отклонение должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, от требований уголовно-процессуального закона. Такое отклонение может выражаться в неверной оценке обстоятельств дела, ошибочной оценке доказательств или принятии процессуальных решений, не соответствующих установленным нормам. Важно подчеркнуть, что речь идет именно о ненамеренных нарушениях – они не связаны с умыслом или злоупотреблением полномочиями, но все же способны существенно подорвать объективность расследования, нарушить права участников уголовного процесса и затруднить достижение целей уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Даже следователи с большим опытом работы на практике нередко сталкиваются с ситуациями, в которых допускают ошибки. Это объясняется как объективной сложностью расследуемых дел, так и ограниченностью информации на ранних этапах производства. В научной литературе такие отклонения традиционно рассматриваются не как правонарушения, а как профессиональные ошибки, возникающие в условиях неопределенности, дефицита времени или недостатка опыта. С криминалистической точки зрения, следственная ошибка – это прежде всего сбой в системе профессионального мышления: неверная тактическая оценка ситуации, выбор несоответствующего метода работы или упущение, ведущее к утрате доказательств или искажению картины происшествия.

Следует также учитывать, что законодатель заведомо допускает определенный уровень риска в деятельности следователя. Уголовный процесс не может быть полностью лишен неопределенности – и в этих

условиях ошибка выступает как возможное, хотя и нежелательное, следствие принятого риска. Поэтому ключевым условием минимизации таких ошибок становится строгое ориентирование следователя на цели уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение процессуальных гарантий, особенно при принятии решений в условиях неполной информации.

Классификация следственных ошибок, хотя и не закреплена в законе, активно используется в научных и практических целях. Наиболее обоснованной представляется их дифференциация по функциональным основаниям: технико-криминалистические, технологические, организационно-тактические и управленческие ошибки.

Технико-криминалистические ошибки возникают при недостаточном или неправильном применении специальных средств и методов, предусмотренных для производства следственных действий. Например, при осмотре места происшествия следователь может упустить возможность обнаружить скрытые следы, отказавшись от использования ультрафиолетового или инфракрасного оборудования. Такие решения, даже если они принимаются из соображений экономии времени или ресурсов, ведут к утрате потенциально значимых доказательств.

Технологические ошибки связаны с нарушением методик работы с вещественными доказательствами. Это может быть неполный осмотр объектов, несоблюдение правил отбора образцов для экспертизы или ошибочное определение границ осмотра при расследовании пожаров и взрывов. Подобные просчеты особенно опасны тем, что часто остаются незамеченными до поздних стадий процесса, когда восстановить утраченную информацию уже невозможно.

Организационно-тактические ошибки – одни из самых распространенных. Они проявляются, в частности, при формировании следственно-оперативной группы. Типичный пример – проведение осмотра места происшествия без участия судебно-медицинского эксперта в случае обнаружения трупа или без привлечения участкового уполномоченного, который мог бы предоставить важную оперативную информацию о месте и окружении. Такие упущения свидетельствуют не столько о незнании закона, сколько о недостаточном понимании междисциплинарного характера современного расследования.

Не менее серьезны ошибки управленческого характера. Они выражаются в несвоевременном принятии процессуальных решений, затягивании сроков расследования, отсутствии контроля за действиями оперативных сотрудников и слабой координации между следственными и оперативно-розыскными мероприятиями. В результате теряется

динамика расследования, а вместе с ней – и шансы на установление истины.

Особое внимание заслуживают ошибки, связанные с работой над следственными версиями. На начальном этапе расследования информация, как правило, фрагментарна. В таких условиях следователь обязан выдвигать не одну, а несколько альтернативных версий, основываясь на логике, опыте и практике. Концентрация усилий на единственной гипотезе без достаточных оснований – грубая тактическая ошибка, которая может привести к игнорированию важных доказательств и в конечном счете к нераскрытию преступления. Не менее опасно отсутствие четких планов проверки версий: без них расследование становится стихийным, а его результаты – неполными и ненадежными.

Наконец, к тактическим ошибкам относятся и упущения в ходе конкретных следственных действий: отказ от допроса свидетеля, чьи показания могли бы прояснить ключевые обстоятельства, или проведение следственного эксперимента в условиях, далеких от реальных. Особенно критично это в случаях, когда реконструкция события требует максимальной приближенности к оригиналу – например, при проверке возможности совершения преступления в определенной позе или за определенное время.

В контексте цифровой трансформации правоохранительной сферы особая перспектива видится в использовании технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности для подготовки следователей. Представляется целесообразным создание обучающих симуляторов, моделирующих типовые и нетиповые следственные ситуации – от кражи в квартире до расследования убийства с особой жестокостью. В виртуальной среде будущий следователь может не только отработать навыки осмотра, фиксации и изъятия доказательств, но и научиться принимать тактические решения в условиях стресса и неопределенности, не рискуя реальными доказательствами или правами граждан.

Таким образом, следственные ошибки – это не просто технические погрешности, а системные недостатки, отражающие уровень профессиональной культуры, организационной дисциплины и методологической подготовки следователя. Их минимизация требует комплексного подхода: от совершенствования нормативной базы и повышения качества профессионального образования до внедрения инновационных обучающих технологий. При таком подходе можно обеспечить не только формальное соблюдение закона, но и подлинное установление истины по уголовному делу.

Н.М. Скипин, курсант Института судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ПРАВА И РЕГЛАМЕНТА
НА ПРОЦЕСС НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ**

Судебная экспертиза является одним из наиболее важных и достоверных способов доказывания в уголовном процессе, предусмотренно современным российским законодательством. Если говорить о самом понятии «судебная экспертиза», то его можно рассмотреть сразу в двух аспектах: во-первых, это система определенных научных знаний, которыми не обладает следователь или оперуполномоченный. Во-вторых, это одно из самых «популярных» следственных действий, закрепленное в гл. 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Если рассматривать исторический аспект, то следует отметить, что свое распространение данное следственное действие получило с момента введения действующего УПК РФ, поскольку, например, в УПК РСФСР, согласно ст. 184, судебная экспертиза назначалась лишь тогда, когда следователь счел это необходимым и составил соответствующее постановление. В современном УПК РФ существует ст. 196, согласно которой нужно обязательное назначение экспертизы.

С точки зрения проведения самой судебной экспертизы, она в любом случае должна состоять из нескольких субъектов уголовного судопроизводства, отсюда возникает вывод, что полная независимость эксперта невозможна: во-первых, саму экспертизу назначает следователь соответствующим постановлением с указанием конкретного эксперта или экспертно-криминалистического подразделения. Согласно ч. 8 ст. 11 и ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт не вправе отказаться от проведения судебной экспертизы. Несомненно, существуют некоторые исключения из общих правил: первое такое исключение обусловлено научно-техническим прогрессом, который определяет познавательную функцию той или иной экспертизы. Например, при назначении экспертизы дорожно-транспортного происшествия в постановлении было написано, что необходимо установить скорость, с которой двигался автомобиль в момент, например, столкновения, исходя из тяжести повреждений, которые были получены водителем данного транспортно-

го средства. Скорее всего, эксперт в заключении напишет, что скорость автомобиля установить невозможно ввиду отсутствия необходимой методики проведения экспертизы. Второе исключение уходит корнями в теоретическую часть уголовного права, которая говорит о том, что не бывает одинаковых преступлений, у каждого есть какие-то свои особенности. Именно с этими особенностями иногда связана невозможность проведения судебной экспертизы в конкретном ЭКП, либо же невозможность ее проведения в целом: например, если для проведения судебной экспертизы предоставлено недостаточное количество материала. Да, сейчас такое тоже вполне реально, поскольку вместе с научно-техническим прогрессом на месте не стоит и преступность.

УДК 343.14

Л.А. Тарасова, студент юридического факультета филиала Российского государственного социального университета в г. Минске

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ В ХОДЕ МЕДИАЦИИ, ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В настоящее время в условиях стремительного реформирования правовой системы особое внимание уделяется повышению доступности и качества правосудия, что выражается во внедрении в уголовный процесс определенного рода восстановительных методов. Данные меры воздействия позволяют сместить фокус с карательной функции на восстановление нарушенных прав потерпевших и реабилитацию правонарушителей. Одним из подобных альтернативных способов разрешения споров выступает медиация, которая с течением времени находит все более широкое применение в различных отраслях права. В контексте уголовного процесса ее внедрение является важным шагом на пути гуманизации правосудия и повышения его эффективности.

Республика Беларусь активно интегрирует механизмы медиации в свою правовую систему. Свидетельством этого выступает включение в уголовный процесс института медиации Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», а также стремительный рост количества медиаторов за последние годы, отраженный в соответствующем реестре Министерства юстиции Республики Беларусь. Процедура медиации в уголовном процессе Республики Беларусь регламентируется комплексом

нормативных правовых актов, преимущественно Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон № 58-З), Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь и Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК).

Так, медиация в уголовном процессе чаще всего применяется на стадии досудебного производства или непосредственно в суде в целях достижения соглашения между обвиняемым и потерпевшим. Основная цель процедуры – урегулирование конфликта, возмещение ущерба и достижение примирения сторон. Полагаем, медиация наиболее эффективна в делах, где вред носит преимущественно материальный характер или затрагивает личные интересы (например, при совершении кражи или мошенничества). Успешное примирение и заключение соглашения о медиации могут быть учтены органом, ведущим уголовный процесс, как смягчающее обстоятельство, вплоть до прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям.

Основополагающим принципом медиации, закрепленным в Законе № 58-З, является конфиденциальность. Согласно п. 2 ст. 16 Закона № 58-З «медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без письменного согласия сторон». Следовательно, медиатор не может быть вызван в качестве свидетеля об обстоятельствах, обсуждавшихся в рамках примирения, а также не вправе использовать информацию вне процедуры медиации. Однако существуют ситуации, когда в ходе медиативного процесса одна из сторон раскрывает информацию о готовящемся преступлении. В данном случае прослеживается конфликт между конфиденциальностью и возможной уголовной ответственностью за недонесение о достоверно известном совершенном или готовящемся общественно опасном деянии.

Так, ст. 406 УК предусматривает ответственность за недонесение о достоверно известном готовящемся тяжком или особо тяжком преступлении, о достоверно известном совершенном особо тяжком преступлении либо о достоверно известном лице, совершившем это преступление, или о месте нахождения лица. Исходя из положений указанной нормы, медиатор, не обладая особым профессиональным правовым статусом, узнавший о таком преступлении, обязан сообщить об этом, чтобы избежать потенциальной уголовной ответственности. При этом, в отличие от адвокатов и нотариусов, чей статус как лиц, обязанных хранить профессиональную тайну, детально регламентирован, статус медиатора в этом отношении менее защищен. Положения Закона № 58-З не содержат прямого указания на то, что сохранение конфиденциальности приравнива-

ется к профессиональной тайне, что могло бы обеспечить более высокий уровень защиты от принудительного истребования информации.

В силу вышеизложенного прослеживается конфликт между обязанностью медиатора хранить тайну и требованиями предоставления данной информации правоохранным органам в рамках уголовного процесса. В подобной ситуации медиатор вынужден руководствоваться общими нормами УК, что, в свою очередь, создает правовую неопределенность относительно его обязанности сохранять конфиденциальность информации. Стоит также отметить, что Закон № 58-3 не содержит прямых указаний на то, какие меры ответственности применимы к медиатору за разглашение информации, относящейся к медиации.

Сопутствующим и наиболее сложным аспектом является использование информации, полученной путем медиации, в качестве доказательств в уголовном процессе. В судебной практике отсутствуют такие случаи, так как положения Закона № 58-3 прямо запрещают приводить подобные сведения или ссылаться на них в качестве доказательств в суде или ином органе, разрешающем спор. Однако судебные органы имеют право ссылаться на общие нормы, обязывающие лиц, располагающих сведениями, имеющими значение для дела, выступать в качестве свидетелей. Тем самым медиатор рискует быть привлеченным к административной или даже уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по требованию суда или следствия.

В данном случае также прослеживается коллизия между специальным Законом № 58-3, устанавливающим строгий принцип конфиденциальности информации, и общими нормами процессуального права, выражающимися в обязанности содействовать суду в сборе доказательственной базы. Сложность заключается в толковании исключений и определении момента, когда обязанность предотвратить вред превалирует над обязанностью хранить тайну, что также не отражено в Законе № 58-3.

Таким образом, ввиду сложностей в уголовно-процессуальной и гражданско-правовой сфере и относительно недавнего возникновения института медиации, во избежание коллизий между нормами данных отраслей, законодательство Республики Беларусь в области медиации требует совершенствования. Например, в ст. 16 Закона № 58-3 необходимо внести разъяснения, определяющие, в каких случаях медиатор обязан или имеет право сообщать конфиденциальную информацию, полученную в ходе процедуры, правоохранным органам. Полагаем возможным указать, что обязанность медиатора по сообщению о готовящемся (совершенном) преступлении превалирует над обязанностью сохранения конфиденциальности, а также регламентировать процедуру

освобождения медиатора от ответственности за ее разглашение. В случае если информация становится предметом уголовного дела, необходимо внести в ст. 4 Закона № 58-3 положение о правовом статусе медиатора, устанавливающее запрет на свидетельствование по обстоятельствам, ставшим ему известным в ходе процедуры. Завершающим элементом, требующим законодательного совершенствования, является правовой статус медиативного соглашения. В ст. 15 Закона № 58-3 целесообразно указать, как соглашение, достигнутое в ходе медиации, может быть представлено суду для применения мер освобождения от уголовной ответственности или назначения более мягкого наказания.

Данные комплексные изменения в законодательстве о процедуре медиации будут способствовать увеличению числа успешных примирений на ранних стадиях уголовного процесса, повышению гуманности правосудия путем восстановления справедливости и предотвращению коллизий в нормах уголовного, уголовно-процессуального законодательства и положений Закона № 58-3.

УДК 343.1

И.В. Усатенко, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

«Никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Именно таким образом в Конституции Республики Беларусь закреплён один из основополагающих принципов уголовного процесса – презумпция невиновности.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. (далее – УПК) с изменениями, внесенными Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», в ст. 16 конкретизирует данную норму: лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК порядке и не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Орган уголовного преследова-

ния, суд не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого. Сомнения в обоснованности предъявленного обвинения толкуются в пользу обвиняемого. Приговор суда не может быть основан на предположениях.

Первое, на чем следует заострить внимание, это дискуссионный вопрос, связанный с временными рамками действия рассматриваемого принципа. Исходя из буквальной трактовки нормы, содержащейся в УПК, презумпция невиновности не распространяется на такого участника уголовного процесса, как подозреваемый. Вместе с тем, на наш взгляд, закрепленная в Конституции Республики Беларусь лексема «никто» указывает на необходимость расширительного толкования термина «обвиняемый». И это соответствует самой сути данного принципа, поскольку подозреваемый первым становится объектом подозрений и может подвергаться различным формам давления, что может привести к восприятию его как виновного, несмотря на отсутствие официального обвинения и доказательств его вины. Это создает риск для защиты прав подозреваемого, который в силу своего статуса может сталкиваться с негативными последствиями и общественным осуждением.

Несмотря на то что обвинительным приговором суда презумпция невиновности считается опровергнутой, она фактически продолжает действовать и после вступления приговора в законную силу. Это подтверждается закрепленным в УПК правом осужденного и его защиты на обжалование, а государственного обвинителя на опротестование вступившего в законную силу приговора суда в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам с целью его отмены и пересмотра.

В юридической литературе презумпции невиновности посвящено значительное число научных публикаций. Во-первых, это связано с неоднозначным мнением о необходимости существования данного принципа, поскольку некоторые считают его надуманным и подлежащим исключению из теории и практической деятельности. Так, по мнению С.Г. Олькова, изложенному в научной работе «Уголовно-процессуальные нарушения в российском законодательстве и общая теория социального поведения», презумпция невиновности относится только к «приличным людям», а обвиняемый (подозреваемый) сам должен доказывать свою невиновность. Во-вторых, что является главным, этому способствует множество трудностей и вызовов, возникающих при реализации данного принципа на практике, что значительно понижают его эффективность.

Для обывателя суть презумпции невиновности видится в следующем: лицо, к которому имеются претензии со стороны уголовного закона, должно находиться у себя дома и, образно говоря, лежа на диване ждать, пока уполномоченные должностные лица разберутся в сложившейся ситуации и после принятия решения по существу примут к нему определенные меры. В противном случае, как лицо может считаться виновным и кем?

В реальности все оказывается не так радужно. Предусмотренные законом меры процессуального принуждения, меры пресечения, следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан, – весь этот уголовно-процессуальный инструментарий в той либо иной степени нацелен на подозреваемого (обвиняемого): предупреждение возможного противодействия с его стороны предварительному расследованию, судебному разбирательству, собиране, в том числе, обвинительных доказательств. И действительность такова, что при появлении в уголовном процессе такого участника, как подозреваемый (обвиняемый), следователи, должностные лица органа дознания нацелены на получение доказательств с обвинительным уклоном.

Очевидно, что виновным лицом, обвиняемое в совершении преступления, считается не обществом, не должностными лицами правоохранительных органов, а государством.

И сущность презумпции невиновности, на наш взгляд, состоит в минимизации негативных последствий, которые могут наступить для подозреваемого (обвиняемого) при расследовании уголовного дела, в случае вынесения оправдательного приговора.

Презумпция невиновности является процессуальной защитой, возлагая на государство бремя доказывания всех элементов преступления. И система правосудия должна быть основана на идее о том, что самое большое «зло», которое может совершить суд, это осудить невиновное лицо. Лучше отпустить на свободу десять виновных, чем осудить одного невиновного.

Даже несмотря на гарантированную государством и предусмотренную уголовно-процессуальным законом систему мер по восстановлению нарушенных прав, реабилитацию, компенсацию причиненного вреда оправданному, репутационные потери, издержки, связанные с испытанием моральных притеснений со стороны общественности, трудно возполнить.

В этой связи открытой остается проблема сочетания презумпции невиновности и освещения в средствах массовой информации возбужденных уголовных дел. Порой в средствах массовой информации из-за

стремления сделать криминальные истории сенсационными, лица, задержанные за совершение преступления, представляются виновными до представления каких-либо доказательств. Это может создать преждевременное общественное восприятие вины, а также подорвать справедливость судебного разбирательства.

Сложившаяся ситуация требует более строгого контроля за освещением уголовных дел в средствах массовой информации, совершенствования этических стандартов для журналистов, с целью минимизации рисков предвзятости и осознания ими ответственности за формирование общественного мнения.

К проблемным вопросам, создающим риски эффективной реализации презумпции невиновности, также относятся:

– преждевременное применение меры пресечения в виде заключения под стражу, которая в большей степени в сравнении с другими мерами пресечения ограничивает права и свободы человека. В этой связи полагаем важным не только взвешенно подходить к избранию данной меры пресечения, но и продолжить наметившуюся тенденцию к гуманизации в реализации уголовно-процессуального закона, выраженную в применении альтернативных заключению под стражу мер пресечения;

– досудебное соглашение о сотрудничестве. Порой преследуя цель получить преференции при постановлении приговора обвиняемый вынужденно признает вину. Но следует помнить, что невиновные люди могут быть вынуждены соглашаться на сделки во избежание неоправданно суровых наказаний;

– прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Так, в стремлении снизить нагрузку на судебную систему уголовно-процессуальный закон предусматривает множество оснований для прекращения уголовного преследования на стадиях досудебного производства, которое сопровождается подтверждением виновности лица в совершенном преступлении, что не вполне соответствует сути презумпции невиновности.

Таким образом, для обеспечения соблюдения принципа презумпции невиновности необходимо совершенствование законодательства, повышение профессиональной компетентности правоохранительных органов и судей, а также формирование в обществе уважительного отношения к правам и свободам личности. Только комплексный подход, основанный на строгом соблюдении закона, позволит гарантировать справедливое и гуманное правосудие.

Х.И. Халимбеков, слушатель факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(МЕССЕНДЖЕРЫ, СОЦСЕТИ, ГЕОЛОКАЦИЯ) В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

В условиях стремительного развития цифровых технологий уголовный процесс в различных правовых системах сталкивается с необходимостью адаптации к новым формам доказывания. Особенно остро этот вопрос стоит в отношении доказательств, полученных из мессенджеров, социальных сетей и с использованием данных геолокации. Такие материалы все чаще становятся ключевыми в раскрытии преступлений, однако их допустимость вызывает серьезные правовые и процессуальные споры. Актуальность темы обусловлена не только ростом числа дел с участием цифровых доказательств, но и отсутствием единых подходов к их фиксации, проверке подлинности и оценке в судебной практике. Целью настоящего исследования является сравнительный анализ правового регулирования допустимости цифровых доказательств в Российской Федерации (далее – Россия, РФ) и Республике Узбекистан, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Нормативно-правовая база, регулирующая использование цифровых доказательств в уголовном процессе, в обеих странах основывается на конституционных гарантиях и кодифицированных процессуальных нормах. В России ключевое значение имеют положения ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), согласно которой доказательство считается недопустимым, если оно получено с нарушением требований закона. Особое внимание уделяется ст. 81.1 УПК РФ, введенной в 2021 г., которая устанавливает порядок использования информации, полученной из информационно-телекоммуникационных сетей. Кроме того, важную роль играют постановления Пленума Верховного Суда РФ, в частности от 27 июня 2023 г. № 34, разъясняющего вопросы применения законодательства при рассмотрении дел с использованием цифровых технологий.

В Республике Узбекистан аналогичные вопросы регулируются Уголовно-процессуальным кодексом Республики Узбекистан (УПК РУз),

принятым в новой редакции с 1 апреля 2023 г. Ст. 82–86 УПК РУз определяют виды доказательств, включая электронные документы, а ст. 194 устанавливает обязательность получения санкции прокурора или суда для доступа к персональным данным. Значимы также Указ Президента Республики Узбекистан от 2 февраля 2023 г. № УП-6125, направленный на гуманизацию уголовного судопроизводства, и Закон Республики Узбекистан от 2 июля 1999 г. № 205-1 (в ред. от 15 марта 2024 г.) «Об информации», регулирующий обращение с персональными данными.

Несмотря на наличие законодательной базы, на практике возникает ряд проблем, связанных с допустимостью цифровых доказательств. Во-первых, отсутствуют единые технические и процессуальные стандарты фиксации переписки в мессенджерах или скриншотов из социальных сетей. Следователи и дознаватели часто ограничиваются простым приложением распечатанных сообщений без протокола осмотра или заверения у нотариуса, что ставит под сомнение их подлинность. Во-вторых, существует высокий риск нарушения права на неприкосновенность частной жизни, гарантированного ст. 23 Конституции РФ и ст. 27 Конституции РУз. Получение данных геолокации без соответствующей санкции может быть признано незаконным, однако на практике такие нарушения не всегда влекут исключение доказательства из дела. В-третьих, как в России, так и в Узбекистане наблюдается дефицит квалифицированных экспертов в области цифровой криминалистики, что затрудняет проверку целостности и подлинности электронных данных. Наконец, в обеих странах отсутствует четкое разграничение между публичной и приватной информацией в интернете, что создает правовую неопределенность при использовании материалов из социальных сетей.

В научной литературе проблема допустимости цифровых доказательств получила широкое освещение. Российский исследователь А.В. Гуляев в статье «Проблемы допустимости электронных доказательств в уголовном процессе» подчеркивает, что «цифровое доказательство должно проходить двойную проверку – на законность получения и на достоверность содержания», что требует не только процессуального, но и технического контроля. Сходную позицию, обоснованную в публикации «Цифровые доказательства: процессуальные и криминалистические аспекты», занимает М.А. Колосова, которая настаивает на обязательном участии специалиста при фиксации электронных данных на стадии предварительного расследования. В узбекистанской юридической науке по данной теме активно публикуется профессор Ш.Р. Хакимов (статья «Правовые основы использования электронных доказательств в уголовном процессе Республики Узбекистан»), указываю-

щий на необходимость гармонизации национального законодательства с международными стандартами, в частности с рекомендациями Совета Европы по электронным доказательствам. При этом он отмечает, что в условиях ограниченных ресурсов правоохранительных органов РУз особое значение приобретает упрощенный, но надежный механизм фиксации доказательств через нотариальные действия. Все авторы сходятся во мнении, что без развития института судебной экспертизы и повышения цифровой грамотности следователей эффективное использование цифровых доказательств невозможно.

В качестве возможных путей решения выявленных проблем представляется целесообразным предложить следующие меры. Во-первых, необходимо ввести в УПК РФ и УПК РУз единый порядок фиксации цифровых доказательств, предусматривающий обязательное составление протокола с использованием видеозаписи или заверение данных у нотариуса в досудебной стадии. Во-вторых, следует расширить полномочия судебных экспертов в области цифровой криминалистики и обеспечить их современным программным обеспечением. В-третьих, рекомендуется разработать методические рекомендации для следователей по работе с электронными доказательствами, учитывающие как процессуальные, так и технические аспекты. Мы солидарны с позицией А.В. Гуляева о необходимости двойной проверки цифровых доказательств, поскольку именно такой подход позволяет одновременно обеспечить эффективность расследования и защиту прав личности. В условиях роста киберпреступности и цифровизации общества баланс между этими ценностями становится ключевым условием справедливого правосудия.

Таким образом, использование цифровых доказательств в уголовном процессе представляет собой объективную тенденцию, требующую адекватного правового регулирования. Сравнительный анализ законодательства РФ и РУз показывает, что обе страны находятся на этапе формирования правовых механизмов, способных обеспечить как допустимость, так и достоверность таких доказательств. Несмотря на различия в правовых традициях и уровне технической оснащенности, общими остаются вызовы: защита частной жизни, подлинность данных, квалификация кадров. Дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно идти в русле международных стандартов, с акцентом на прозрачность, проверяемость и уважение к правам участников процесса. Только такой подход позволит интегрировать цифровые технологии в уголовный процесс без ущерба для принципов справедливости и законности.

М.И. Хомич, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОБЫСКА КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы проведения обыска на практике, анализируются недостатки, возникающие при оформлении хода и результатов данного следственного действия. Актуальность настоящей публикации обусловлена частотой проведения обыска как одного из более важных следственных действий, а также организационно-правовыми проблемами, с которыми сталкиваются органы уголовного преследования при его производстве.

Стоит отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) конкретного определения понятию «обыск» не дано, однако исходя из оснований для проведения обыска можно сделать вывод: обыск – это следственное действие, представляющее собой принудительное обследование помещений (в том числе жилища), участков местности, иных законных владений и граждан в целях отыскания орудий и средств совершения преступления, предметов, документов, ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, а также в целях отыскания разыскиваемых лиц и трупов (ст. 208 УПК).

При анализе ст. 208 УПК нужно обратить внимание на то, что законом не установлены положения о том, какие сведения являются достаточными данными для производства рассматриваемого следственного действия. Из этого следует, что все возможные предположения органов уголовного преследования о нахождении каких-либо доказательств по уголовному делу в определенном месте или у конкретного лица могут являться достаточными основаниями для проведения обыска. Стоит отметить, что при подготовке к производству обыска органы уголовного преследования не могут гарантировать нахождение искомого объекта по месту его проведения, однако должны иметь достаточные основания, весомые аргументы для производства данного следственного действия.

В этой связи обыск является очень трудоемкой процедурой, прежде всего из-за определения наличия достаточных фактических данных, оснований для его проведения. Ведь от этого зависит возможность и успешность проведения рассматриваемого следственного действия.

Одним из проблемных вопросов в практике производства обыска является необходимость обследования в ходе этого следственного действия значительных по размерам объектов. Сделать это одному лицу в приемлемые сроки крайне затруднительно или невозможно. Одним из вариантов решения данной проблемы является проведение обыска группой лиц в разных местах, что снизит затрачиваемое время и возможность сокрытия каких-либо доказательств на стадии предварительного расследования.

Сегодня также достаточно распространена практика, когда следователи производство обыска поручают органу дознания в порядке ст. 184 УПК, и в качестве непосредственных исполнителей таких поручений во многих случаях выступают сотрудники оперативных подразделений, проводившие или проводящие по уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Такая практика имеет достаточно серьезные основания для критики. Так, например, результаты (материалы) оперативно-розыскной деятельности могут использоваться в уголовном процессе, и распространенным способом их введения в систему доказательств по уголовному делу является допрос оперативных сотрудников, проводивших оперативно-розыскные мероприятия. Соответственно, будучи допрошенными, они занимают процессуальное положение свидетелей, и одновременно им поручается проведение обыска по этому уголовному делу.

Одной из актуальных проблем является также производство личного обыска при расследовании уголовных дел по факту совершения хищения товарно-материальных ценностей у юридических лиц, осуществляющих розничную торговлю. Как правило, сотрудники службы охраны таких юридических лиц, осуществившие фактическое задержание лица, совершившего хищение из объекта розничной торговли, составляют так называемый акт задержания лица, посягающего на охраняемую собственность, при этом изымают по данному акту предметы преступного посягательства. Однако ни о каких понятых и лицах одного пола с обыскиваемым речь, конечно же, не идет, хотя фактически не уполномоченные на то законом лица производят личный обыск. Сотрудники правоохранительных органов, вызванные по сообщению службы охраны, обычно составляют протокол осмотра места происшествия с примерно следующим содержанием: «местом происшествия является кабинет службы охраны, где находится задержанный, а в результате осмотра обнаружены похищенные товарно-материальные ценности».

Естественно, при личном обыске правомерно возникают вопросы о соблюдении конституционных прав личности, принципа законности

и процедуры обыска, не унижающей человеческое достоинство. Считаем, что реализация данных прав и принципа законности возможна лишь при строгом выполнении действующих норм уголовно-процессуального закона, а именно: производство личного обыска уполномоченным на то должностным лицом, одного пола с обыскиваемым, при наличии достаточных для этого оснований, в присутствии понятых (того же пола). Применение криминалистических приемов и участие специалистов при этом позволят повысить эффективность данного следственного действия.

Одним из насущных недостатков также является то, что привлечение понятых в случае проведения обыска связано с обычным нежеланием граждан участвовать в уголовном процессе в качестве данных участников уголовного процесса. УПК в таком случае позволяет обеспечить привлечение гражданина к участию в уголовном процессе в качестве понятого, указывая, что требования органа уголовного преследования, предъявленные в соответствии с законом, обязательны для исполнения всеми должностными лицами и гражданами (ч. 5 ст. 27 УПК). Однако участие понятого, который эмоционально не желает присутствовать при производстве следственного действия, руководствуясь лишь нормой УПК, будет формальным и вряд ли позволит впоследствии при возникновении соответствующей необходимости получить от него объективную полную информацию о факте производства, ходе и результатах следственного действия. Часто понятыми являются соседи лица, в отношении которого проводится обыск. Поэтому, наличие понятых носит «субъективный» характер, поскольку отношение соседей к обыскиваемому лицу могут предопределить исход их удостоверения следственных действий. При плохих межличностных взаимоотношениях соседей с лицом, в отношении которого проводится обыск, они могут «не заметить» неправомерные действия органа уголовного преследования. В то же время при хороших отношениях – они могут дать ложные показания в ходе их допроса в качестве свидетелей, вследствие чего некоторые доказательства могут утратить свою силу.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что проведение такого следственного действия, как обыск, в правоприменительной практике сталкивается с различными проблемами, что детерминирует актуальность дальнейшего совершенствования порядка его проведения, выработки новых тактических методов его производства.

В.В. Шатило, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

О ПОНЯТИИ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Система следственных действий в Республике Беларусь состоит из 14 процессуальных действий, имеющих как общие правила проведения, так и особенности, присущие каждому из них. Исходя из совокупности особенностей, следственные действия можно разделить на определенные группы, одну из которых формируют неотложные следственные действия.

Перечень неотложных следственных действий содержится в ч. 1 ст. 186 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (далее – УПК) и является исчерпывающим. Данные следственные действия проводятся органами дознания после принятия решения о возбуждении уголовного дела в ходе осуществления предварительного расследования в форме дознания. К ним относятся: осмотр, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, их осмотр и выемка, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, допрос подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, получение образцов для сравнительного исследования, назначение и проведение экспертизы.

Вместе с тем УПК не содержит дефиниции «неотложное следственное действие», в связи с чем, в целях более комплексного понимания его сущности, следует рассмотреть подходы законодателей иных государств, а также ученых-процессуалистов.

Ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ регламентировано, что под неотложными следственными действиями понимаются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. В данном определении фигурируют как процессуальные, так и криминалистические признаки неотложных следственных действий. С учетом увеличивающейся интеграции законодательств Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках Союзного государства, вышеуказанное определение может быть положено в основу соответствующей дефини-

ции, подлежащей вынесению на рассмотрение для дальнейшего законодательного закрепления в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. При этом следует учитывать различия в структурном устройстве органов уголовного преследования наших государств, а также их полномочий, в связи с чем для формулирования понятия, наиболее полно отражающего особенности, присущие отечественному уголовному процессу, требуется изучить мнения, высказанные на этот счет учеными-процессуалистами.

Так, В.И. Куклин в автореферате диссертации «Неотложные следственные действия» отмечал важность рассмотрения неотложных следственных действий как единой системы процессуальных и криминалистических признаков, и считал, что неотложные следственные действия – это правовой институт, предназначенный для установления пределов полномочий органов дознания, а также обязательные, незамедлительные, не терпящие отлагательств следственные действия, промедление с производством которых может затруднить либо вообще исключить возможность предотвращения или пресечения преступления, а равно обнаружения и закрепления следов преступления.

По мнению В.Ю. Стельмаха, изложенному в научной статье «Неотложные следственные действия: процессуальные проблемы назначения и производства», неотложные следственные действия являются процессуальной деятельностью органа дознания, заключающейся в том, что при выявлении признаков преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия, и при невозможности незамедлительного возбуждения дела тем следственным органом, который правомочен производить по нему расследование, орган дознания возбуждает уголовное дело, производит следственные действия, направленные на фиксацию следов преступления, после чего передает уголовное дело следователю.

Анализ вышеизложенного указывает на необходимость формулирования понятия неотложных следственных действий, опираясь на присущие им признаки. Перечень указанных признаков может варьироваться, при этом имеются несколько общепринятых подходов.

Сторонники первого подхода рассматривают неотложные следственные действия как правовой институт, характеризующийся следующими признаками: первостепенность, самостоятельность, регулятивность, процессуальная ограниченность, процессуальное исключение и целенаправленность. Первостепенность подразумевает их проведение прежде всех остальных процессуальных действий. Самостоятельность проявляется в формировании независимого, но при этом неразрывно свя-

занного с другими, отдельного этапа расследования, в рамках которого и осуществляется весь комплекс неотложных следственных действий. Признак регулятивности заключается в обязанности органа дознания, возбудившего уголовное дело, провести все неотложные следственные действия, после чего передать уголовное дело следователю. Процессуальная ограниченность выражается как в том, что перечень неотложных следственных действий исчерпывающий, так и в кратких сроках их проведения. Процессуальное исключение выражается в том, что при проведении неотложных следственных действий допускается отступление от общих правил проведения следственных действий, указанных в ст. 192 УПК. Целенаправленность (ограниченность) проявляется в том, что проведение неотложных следственных действий направлено на установление и закрепление следов преступления.

Сторонники иного подхода определяют неотложность следственных действий как сугубо криминалистическую характеристику, которая подразумевает, что если следственные действия не будут проведены в наиболее краткие сроки, то информация о преступлении может быть безвозвратно утеряна. В данном случае им присущи такие признаки, как быстрота, незаменимость, непрерывность и неповторимость.

Например, позиция, изложенная на этот счет А.Н. Колесниченко в «Общих положениях методики расследования отдельных видов преступлений», выражена в следующем: быстрота – это «важный признак, по которому следственные действия должны быть отнесены к неотложным». Этот признак может быть присущ всем следственным действиям, но при этом, если для них он является факультативным, то для неотложных – обязательным, ведь промедление с их производством может привести к потере важной для предварительного расследования информации. Незаменимость представляет собой нецелесообразность проведения одного неотложного следственного действия вместо другого. Признак непрерывности нашел свое отражение в ч. 2 ст. 192 УПК, исходя из которой следует, что при неотложности проводимого процессуального действия перерыв недопустим, так как может привести к потере информации либо иным негативным образом повлиять на предварительное расследование в целом. Неповторимость (однократность) заключается в единичном характере проведения неотложных следственных действий, поскольку искомые следы и доказательства могут быть безвозвратно утеряны и недоступны при повторном проведении следственного действия.

На первый взгляд вышеуказанные подходы определяют неотложность с различных аспектов, однако следует отметить, что ряд перечис-

ленных признаков перекликаются, в связи с чем большинство авторов сходятся во мнении, что неотложность следственных действий необходимо рассматривать как комплекс вышеперечисленных процессуальных и криминалистических признаков.

Подводя итог вышеизложенному, видится целесообразным рассмотреть вопрос о замене исчерпывающего перечня неотложных следственных действий на совокупность общих условий, обуславливающих неотложность отнесения любого из следственных действий к таковым. По нашему мнению, к неотложным следует отнести следственные действия, осуществляемые органом дознания по возбужденному уголовному делу, проведение которых требуется для незамедлительного обнаружения, закрепления, изъятия и исследования следов преступления и иных доказательств, проведение которых обусловлено риском утраты указанных фактических данных.

УДК 343.232

И.А. Шулятицкий, курсант факультета юриспруденции Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

CRIMINAL MATTER КАК СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Одной из основных проблем современной уголовной политики является установление разграничения между преступлениями и административными правонарушениями, особенно актуальной данная проблема представляется в контексте рассмотрения норм Уголовного кодекса Российской Федерации, предполагающих наличие административной преюдиции. Видится действительно актуальным решение этой проблемы как в рамках доктрины, так и с учетом потребностей правоприменительной практики.

Российское законодательство, содержащее нормы о публичной юридической ответственности, дуалистично. Российская правовая система пошла по пути разграничения преступлений и административных правонарушений.

Настоящее понимание «административного правонарушения» выходит из советской правовой системы, в которой окончательно законодательно оформлялось разделение преступления и административного правонарушения. В этом понимании фактически отождествляются по-

нятия «административная ответственность» и «административное правонарушение», что действительно и произошло в советской правовой системе.

Если обратиться к классическому определению административной ответственности, как ответственности государства перед обществом, которое содержится в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации, то мы приходим к диаметрально противоположному ее пониманию.

Такое понимание административной ответственности невозможно было в советском обществе, поскольку идеология Советского государства исключала какую-либо ответственность государства перед индивидом. В этом и заключается глубочайший доктринальный разрыв между советской и постсоветской правовой системой.

Согласно постсоветским научным представлениям и самой распространенной точке зрения в доктрине административные правонарушения отличаются от преступлений по характеру и степени общественной опасности, однако и это положение в большей степени опровергнуто.

Л.В. Головкин, один из главных теоретиков рассматриваемой нами проблемы, определил отличие административной и уголовной ответственности по следующим критериям: институциональный, политический, природа санкций, характер и степень общественной опасности. В результате критического рассмотрения рассматриваемых понятий на основе данных критериев, мы действительно убеждаемся в отсутствии логики разграничения административной и уголовной ответственности (см. статью «Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву»).

В современной юридической науке одним из способов решения обозначенной нами проблемы рассматривают обращение к зарубежному опыту построения системы публичной юридической ответственности.

Хрестоматийно здесь говорят о французском Уголовном кодексе. Французское уголовное право содержит трехзвенную классификацию преступных деяний, выделяя, наряду с преступлениями, «уголовные проступки» и «уголовные правонарушения». Критерием их разграничения служит наказуемость деяния, непосредственно зависящая от его общественной опасности. В процессуальном аспекте подсудность каждого из деяний различается. Под уголовными правонарушениями понимаются «незначительные» нарушения уголовного закона, наказуемые в основном штрафами, дела об этих правонарушениях рассматривают так называемые полицейские суды, предполагающие упрощенный порядок вынесения решения, некий аналог административной юстиции. Уголов-

ные проступки – уже более серьезные нарушения уголовного закона, предполагающие наказания в виде принудительных работ или лишения свободы сроком до нескольких лет. Дела об этих правонарушениях рассматриваются «исправительными судами». Уголовные преступления – наиболее опасные нарушения уголовного закона, наказаниями за которые являются каторга или длительное лишение свободы.

Мы видим, что французская концепция уголовного права исходит из того, что любое нарушение закона, наказываемое государством, входит в компетенцию именно уголовного права.

Теперь возникает вопрос: «Как быть с огромным количеством «мелких» правонарушений, возникших в связи с колоссальной технологизацией общественной жизни?» Очевидно, что классическая судебная уголовная юстиция не сможет справиться с таким количеством правонарушений.

Рассматриваемая французская уголовная система, построенная на ее подобие бельгийская, и многие другие пошли по пути максимального упрощения производства по делам об «уголовных правонарушениях». Упрощение заключалось в создании возможности разрешения дела на досудебной стадии, при которой нарушитель соглашается с предъявленным ему обвинением и уплачивает соответствующий штраф (как было упомянуто, «уголовные правонарушения» предполагают наказание в виде штрафа). В случае отказа предполагаемого правонарушителя от уплаты штрафа дело будет слушаться в суде со всеми классическими процессуальными гарантиями.

Таким образом, решение проблемы роста числа правонарушений и перегруженности уголовной юстиции остается в чисто процессуальной плоскости.

Здесь мы приходим к давно уже имеющей место в европейском законодательстве и активно продвигаемой Л.В. Головки концепции *criminal matter* (англ.) или *matière pénale* (фр.).

Решающую роль в создании этой концепции сыграл некогда имеющий вес в Российской Федерации Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Создание концепции было вызвано необходимостью установления пределов толкования ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В тексте статьи закреплено, что гражданин должен быть обеспечен всеми процессуальными гарантиями «при предъявлении любого уголовного обвинения». Вопрос в том, входит ли право мелких уголовных правонарушений в рассматриваемое «уголовное обвинение»? Однозначная позиция ЕСПЧ, что любая публичная юридическая ответственность, будь то административная, финансовая,

налоговая и т. д., входит в указанное «уголовное обвинение», поэтому «уголовное обвинение» следует трактовать как «обвинение в уголовной сфере».

Так, Л.В. Головкич выразил значение понятия уголовно-правовой сферы следующим образом: любая форма государственной репрессии независимо от своего наименования и правовой институционализации подпадает под понятие уголовно-правовой сферы или, что одно и то же, уголовного права в широком смысле.

Итак, основываясь на изложенном выше, мы можем говорить о действительной необходимости доктринального и законодательного рассмотрения понятий административной ответственности и ответственности за совершение административных правонарушений (административно-деликтной), основываясь на концепции *criminal matter*. Считаем также необходимым включение понятия «уголовно-правовая сфера» в современную правовую доктрину, рассмотрение возможности развития уголовной политики в России именно в таком дискурсе, подразумевая под этим следующий этап в развитии уголовного законодательства.

УДК 343.1

П.Ю. Шупилов, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАЛОГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одной из основных целей уголовного и уголовно-процессуального законодательства является защита и обеспечение прав потерпевшего, а одним из средств достижения данной цели являются меры пресечения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Большинство мер пресечения согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – УПК) ограничивают человека в свободном перемещении и неприкосновенности личной жизни. Однако только залог выступает исключением, представляющим собой меру материального воздействия на подозреваемого либо обвиняемого.

В соответствии с ч. 9 ст. 124 УПК при постановлении обвинительного приговора сумма залога может быть обращена судом в счет возмещения вреда (ущерба), причиненного преступлением, если залог внесен подозреваемым, обвиняемым или лицами, несущими материальную

ответственность за их действия. Указанная норма детерминирует возможность исполнения приговора суда в части возмещения гражданского иска в уголовном процессе. Вместе с тем на практике возникают определенные сложности, связанные с применением данного способа обеспечения приговора, чем и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Согласно ч. 1 ст. 124 УПК залог заключается во внесении или передаче подозреваемым или обвиняемым либо другим физическим лицом в орган уголовного преследования, в производстве которого находится уголовное дело, а на стадии судебного производства – в суд денежных средств, ценных бумаг, ценностей, ничем не обремененных и не исключенных из гражданского оборота, иного движимого и недвижимого имущества, принадлежащих залогодателю на праве частной собственности, в целях обеспечения явки подозреваемого или обвиняемого по вызовам органа уголовного преследования и суда. При этом стоит обратить внимание, что данная мера пресечения не применяется к лицу, совершившему тяжкое или особо тяжкое насильственное преступление.

Ч. 2 ст. 124 УПК позволяет органам, ведущим уголовный процесс, самостоятельно устанавливать вид и размер залога, при этом принимается во внимание тяжесть инкриминируемого преступления, размер причиненного имущественного вреда, стоимость арестованного имущества, личность подозреваемого или обвиняемого, а также имущественное положение залогодателя.

Полагаем, что в определенных ситуациях применение залога с точки зрения достижения задач уголовного процесса представляется предпочтительнее альтернативных мер, ограничивающих свободу лица, поскольку опасение лишиться значительной денежной суммы или иного имущества часто сильнее, чем перспектива, например, содержания под стражей. Обладая рядом преимуществ по сравнению с другими мерами пресечения, залог позволяет подозреваемому либо обвиняемому оставаться в обществе, избегая значительного эмоционального потрясения, характерного для домашнего ареста либо содержания под стражей. Эта мера куда лучше и практичнее как для самого обвиняемого (или подозреваемого), так и для государства, которому удастся избежать расходов на содержание данных лиц под стражей. Кроме того, только залог в максимальной степени обеспечивает соблюдение прав граждан, закрепленных в разд. II Конституции Республики Беларусь. Также залог имеет определенную экономическую эффективность для Республики Беларусь, так как нарушение данной меры пресечения влечет за собой обращение заложенного имущества в доход государства в порядке ст. 134 УПК. В не-

которой степени эта норма позволяет компенсировать государственные расходы на устранение негативных последствий, возникших в результате нарушения конкретным подозреваемым (обвиняемым) рассматриваемой меры пресечения. В частности, к таким случаям можно отнести расходы на розыск обвиняемого, нарушившего условия залога.

Несмотря на некоторые преимущества залога, в действительности эта мера пресечения применяется достаточно редко. На практике залог применяется лишь в доле случаев применения мер пресечения. Практика показывает, что органы, ведущие уголовный процесс, часто воспринимают эту меру как излишне снисходительную и недостаточно действенную.

На наш взгляд, одной из причин низкой статистики применения залога является следующее. Согласно ч. 2 ст. 124 УПК размер залога по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, не может составлять менее пятидесяти базовых величин, менее тяжких преступлениях – менее ста базовых величин, тяжких преступлениях – менее двухсот пятидесяти базовых величин, особо тяжких преступлениях – менее пятисот базовых величин. В отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых размер залога не может составлять менее десяти базовых величин. Не принимается в качестве залога имущество, на которое в соответствии с Законом Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» не может быть обращено взыскание. Отметим, что, согласно официальным данным, средняя заработная плата в Республике Беларусь по состоянию на сентябрь 2025 г. составляла 2762,7 р. Часто гражданам попросту недоступно внести денежную сумму, эквивалентную минимальному размеру залога, так как многие из них даже не получают вышеуказанной средней заработной платы. Учитывая текущий уровень доходов, такая мера пресечения становится фактически неэффективной. А что касается имущества, то большинство граждан владеют лишь одним жильем – квартирой или домом, которые согласно вышеуказанному закону не могут приниматься в качестве залога. Отметим, что с данной позицией солидарны отдельные ученые.

Кроме того, уголовно-процессуальный закон не регламентирует проверки легальности происхождения денежных средств, используемых в качестве предмета залога. В отличие от недвижимости, ценностей и ценных бумаг, где требуются документальное подтверждение права собственности и отсутствие задолженностей, источник денежных средств остается неустановленным. Это создает риск того, что деньги, полученные незаконным путем, могут быть внесены в качестве залога, а уголов-

но преследуемое лицо в отсутствие эмоциональных переживаний от их потери уклонится от исполнения своих обязательств. Бессмысленным кажется внесение залога третьими лицами – родственниками, друзьями или иными лицами. В таком случае может отсутствовать мотивация для сохранения имущества, что снижает гарантии обеспечения порядка в уголовном процессе. Кроме того, в случае если залогодателем является не подозреваемый либо обвиняемый, важно осуществить проверку его личности, так как это лицо может оказаться неустановленным соучастником совершенного преступления, что делает указанную меру пресечения неэффективной по той причине, что это может повлечь дальнейшее наступление негативных последствий в виде сокрытия подозреваемого либо обвиняемого, а также залогодателя от органов уголовного преследования и суда и т. п.

Обозначенные вопросы имеют важное значение в правоприменительной практике. На наш взгляд, для эффективности применения залога необходимо обратить внимание законодателя на такие аспекты, как установление размера залога исходя из имущественного положения подозреваемого, обвиняемого, иного лица, могущего быть залогодателем; проверку происхождения денежных средств, вносимых в качестве залога, и личности третьего лица, выступающего в качестве залогодателя.

УДК 343.13

В.В. Якубук, магистрант Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь

ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАКТАМ БЕЗВЕСТНОГО ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГРАЖДАН

Вопросы, связанные с проблематикой производства по фактам безвестного исчезновения граждан, затрагивались белорусскими учеными (П.В. Гридюшко, В.М. Логвин и А.И. Гигевич, О.В. Рожко), однако в научной литературе не уделено достаточно внимания основаниям для отказа в возбуждении уголовного дела по таким фактам, что и определило необходимость рассмотрения данного вопроса.

В.М. Логвиным и А.И. Гигевичем в публикации «О совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства при расследовании безвестного исчезновения граждан» в качестве задач «до следственных» проверок по этим фактам указываются установление

местонахождения пропавших и сбор необходимого минимума информации для предполагаемого вывода «о причинах исчезновения лица криминального либо некриминального характера». При этом законодатель вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в таких случаях непосредственно связал с отсутствием оснований для его возбуждения (ч. 1 ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)). В целях проводимого нами исследования необходимо более детально рассмотреть положения п. 2 ст. 167 УПК, определяющие основание к возбуждению уголовного дела в рамках такого производства.

Так, УПК регламентированы два основных элемента рассматриваемого основания: безвестность исчезновения лица и невозможность установления его местонахождения оперативно-розыскными и процессуальными средствами в установленный максимальный срок. Фактически для возбуждения уголовного дела законодателем определяется необходимость одновременного наличия двух указанных условий (безвестность исчезновения и неустановление местонахождения лица). При этом для решения об отказе в возбуждении уголовного дела, по нашему мнению, исходя из правил формальной логики достаточно отсутствия как обоих, так и одного из этих условий, что, в свою очередь, определяет следующие основания для вынесения названного решения:

- опровержение факта безвестности исчезновения гражданина: достоверное установление некриминальных обстоятельств внезапного для окружающих изменения им своего места нахождения (например, подтверждение факта направления лица в командировку с разъездным характером деятельности или его намеренного убытия с места жительства по другим причинам) либо получение фактических данных о его дальнейшем жизненном пути после исчезновения (например, информации от самого разыскиваемого лица) или его гибели (смерти), в том числе при возможном отсутствии сведений о точном месте нахождения лица (его тела) в проверяемый период;

- непосредственное обнаружение пропавшего (его тела) или иное достоверное установление его места пребывания, в том числе при неизвестности обстоятельств его исчезновения.

Исходя из правовой природы рассматриваемого производства, в связи с наличием криминогенных рисков, связанных с исчезновением лиц, по нашему мнению, его целью является получение доказательств о судьбе разыскиваемого лица. Следует отметить, что закон для процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела в рамках этого производства не ограничивает его вынесение отсутствием только осно-

вания, предусмотренного п. 2 ст. 167 УПК. Полагаем, что порядок такого производства определяется общими правилами УПК с учетом некоторых исключений, поэтому в УПК оно специально не выделено в особое производство (например, как производство по уголовным делам частного обвинения). Таким образом, в этом случае необходимо учитывать требования законодателя об оценке наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления (п. 1 ст. 167 УПК), установления как существования взаимосвязи изменения лицом своего местонахождения (его гибели) с преступными деяниями иных лиц, так и фактической маскировки «пропавшим» своим якобы «исчезновением» одновременных собственных преступных деяний (дезертирство, уклонение от содержания других лиц и др.).

В связи с изложенным мы не в полной мере согласны с позицией О.В. Рожко, обоснованной в научной статье «Процессуальные проблемы производства по уголовным делам по фактам безвестного исчезновения граждан». Так, автор утверждает о невозможности разделения п. 1 и 2 ст. 167 УПК на соответственно общую и специальную норму. Так, возможность осуществления специального производства по фактам безвестного исчезновения лиц возникает только в случаях отсутствия фактических данных о преступных деяниях, повлекших такое исчезновение. Получение таких данных должно немедленно завершать это производство, а дальнейшую процессуальную деятельность необходимо осуществлять в общем порядке с учетом возможной специфики других производств. Обстоятельства внезапного изменения лицом своего местонахождения (его гибели) в этом случае будут исследоваться с учетом их действительной необходимости для осуществляемого уголовного преследования. Вместе с тем совершение преступных деяний как самим исчезнувшим лицом, так и другими лицами в его отношении вне связи с исчезновением, по нашему мнению, не является непосредственным препятствием для осуществления рассматриваемого производства, однако при этом необходимо решение вопроса об объединении производств для полноценного выполнения задач уголовного процесса.

О наличии общей и специальной норм в положениях ст. 167 УПК также указывается В.М. Логвиным и А.И. Гигевичем на основе приводимого ими мнения сотрудников правоохранительных органов о возможности дополнения п. 2 ст. 167 УПК признаком криминального исчезновения лица, что считаем нецелесообразным. Такая корректировка уголовно-процессуального закона фактически исключит необходимость наличия п. 2 ст. 167 УПК, сделает это основание частным случаем общей нормы (п. 1 ст. 167 УПК), ограничит процессуальную деятельность

по фактам исчезновения граждан преимущественно действиями и решениями стадии возбуждения уголовного дела, что нивелирует все преимущества введения такого специального производства в уголовный процесс, приведет к возврату к описываемой в статье «О возбуждении уголовных дел по факту безвестного исчезновения лица» П.В. Гридюшко практике неэффективного ведения розыска пропавших до февраля 2003 г. в связи с регламентированной сходной нормой о возбуждении уголовного дела только при наличии данных, что исчезнувший мог стать жертвой преступления.

Таким образом, только достоверное установление судьбы исчезнувшего и отсутствие взаимосвязи его исчезновения с преступными деяниями, по нашему мнению, обеспечат возможность применения при вынесении рассматриваемого решения обстоятельства, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК (отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом), с учетом выработанных наукой условий его применения (например, при несчастном случае вследствие действия сил природы) и позволит обоснованно выполнить требование законодателя об отсутствии в рассматриваемом процессуальном решении ссылки на норму уголовного закона. При наличии доказанной взаимосвязи исчезновения с преступными деяниями в силу требований закона в ходе уголовного процесса необходимо осуществлять их квалификацию и давать им правовую оценку, что влечет обязательность указания в процессуальных решениях нормы уголовного закона.

Подытоживая, отметим, что изложенные выше предложения направлены на исключение возможных нарушений определенного уголовно-процессуальным законом порядка принятия и вынесения рассмотренных процессуальных решений, что создаст действенные гарантии обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Секция 3

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.57

А.О. Азаренко, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

О ТОЛКОВАНИИ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ В ВИДЕ НЕЗАКОННОГО СБЫТА И ПРИОБРЕТЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Квалификация действий, связанных с незаконным сбытом либо приобретением без цели сбыта наркотических средств и психотропных веществ, детерминирована необходимостью доказывания субъективной цели обвиняемого. Поскольку цель сбыта не имеет материальной формы, ее установление осуществляется через оценку совокупности объективных обстоятельств, что формирует обширное поле для дискуссий и ошибок при квалификации.

Развернутое толкование понятий «сбыт» и «приобретение» наркотических средств, психотропных веществ, а также их ключевые особенности детально изложены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – ППВС № 1). При этом в 2025 г. в ППВС № 1 были внесены изменения, уточняющие и конкретизирующие содержание данных понятий. Так, положение ч. 1 п. 7 ППВС № 1 было дополнено следующим содержанием о передаче названных средств, веществ, которая может быть совершена как непосредственно, так и путем сообщения информации о месте их нахождения.

Проанализировав указанное дополнение к термину «сбыт», можно сделать вывод о том, что информирование приобретателя о месте расположения наркотической закладки признается действием по сбыту. Кроме того, в качестве важного дополнения законодателем предусматривается положение, конкретизирующее момент окончания сбыта наркотиков. Исходя из ч. 3 п. 7 ППВС № 1 следует, что незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов необходимо считать оконченным преступлением с момен-

та передачи приобретателю таких средств, веществ или сообщения ему информации о месте их нахождения при реальной возможности приобретателя распорядиться ими по своему усмотрению. Сопоставление вышеуказанных поправок свидетельствует о том, что сам факт сообщения или передачи координат, позволяющих третьему лицу завладеть предметом преступления, считается окончанным преступлением, связанным со сбытом. При этом уточнено, что у приобретателя наркотиков должна быть реальная возможность распорядиться ими по своему усмотрению. Следовательно, при отсутствии таковой имеет место покушение на совершение преступления. И здесь возникает проблемный вопрос: «Что следует понимать под реальной (не потенциальной и не абстрактной) возможностью распорядиться наркотиками или иными запрещенными веществами?».

Уделяя особое внимание существенным корректировкам «незаконно-го сбыта», нельзя обойти стороной тот факт, что практически неизменным осталось положение, которое интерпретирует незаконное приобретение наркотика. Так, в ч. 1 п. 9 ППВС № 1 законодатель перечисляет, какие действия виновного лица подпадают под незаконное приобретение наркотических средств и психотропных веществ (например, получение посредством покупки, принятие в дар, получение в счет долга, займы, в качестве платы за услуги, в результате обмена на другие предметы, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений или частей, содержащих наркотические вещества, а равно остатков неохраняемых посевов наркотикосодержащих растений после завершения их уборки, и т. п.). При этом следует оговорка, что не требуется признавать незаконным приобретением наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов получение их в результате хищения.

Основные трудности в квалификации состоят в том, когда же приобретение наркотических средств, психотропных веществ будет считаться окончанным? И будет ли вообще момент окончания противоправного деяния, связанного с приобретением указанных средств, веществ, напрямую зависеть от избранного приобретателем способа (которые перечислены в п. 9 ППВС № 1)?

Дело в том, что в современных условиях момент оплаты наркотических средств, психотропных веществ и их фактического изъятия из тайника, или так называемой закладки, часто не совпадает во времени. В связи с этим возникает правовая проблема: следует ли тогда считать преступление окончанным в момент полной оплаты и получения через мессенджеры (Viber, WhatsApp, Telegram и др.) координат местонахождения наркотика, т. е. до его фактического завладения?

Так, по приговору суда Московского района г. Минска от 8 июля 2016 г. Л. осужден по ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) за незаконные без цели сбыта приобретение и хранение психотропного вещества. Материалами дела установлено, что Л. договорился со сбытчиком о покупке у него психотропного вещества, оплатил его и получил сообщение с адресом тайника с этим веществом, которое в дальнейшем было изъято из тайника сотрудниками милиции. Поскольку осужденный с момента получения информации о местонахождении психотропного вещества и до его обнаружения сотрудниками милиции имел реальную возможность распоряжаться этим веществом, в том числе не забирая его из тайника, суд обоснованно признал, что Л. совершил оконченное преступление.

Тем не менее в приведенном примере не в полной мере ясно, мог ли обвиняемый реально распоряжаться наркотиком, не завладев им, ведь факт наличия информации о местонахождении наркотика объективно не свидетельствует о том, что он в действительности там находится и лицо его сможет найти.

Представление приобретателю наркотиков сведений об их местонахождении посредством мессенджеров, средств коммуникации и указание их географического местонахождения еще не свидетельствует о том, что лицо их реально сможет приобрести. Исходя из этого, следует вывод, что нельзя приобретение признавать оконченным преступлением с момента получения приобретателем информации о месте хранения данных средств и веществ, ведь лицо может получить такую информацию, не покупая наркотик, сведения ему могут передать иные лица на безвозмездной основе. В этом случае покупки наркотика не было, но имело место лишь получение информации о местонахождении наркотического средства. Следовательно, оценка таких действий не может быть основана на том, что фактическое приобретение имело место (именно как оконченное преступление).

Соответственно, можно прийти к выводу, что подобный подход в квалификации противоправных деяний (описанный в вышеизложенном примере) искусственно расширяет границы оконченного преступления и не оставляет возможности признания в действиях лица таких стадий, как приготовление и покушение на совершение преступления, ведь лицо, оплатившее наркотические средства, может передумать или отказаться от их дальнейшего изъятия по различным мотивам.

Таким образом, на основании проведенного анализа выявлены некоторые проблемные аспекты, связанные с толкованием объективных признаков состава преступления, установленного ст. 328 УК. К таким аспектам в частности относится «размытость» заложенных в диспо-

зиции вышеуказанной статьи понятий сбыта и приобретения, а также определения границ преступного (а равно не преступного) поведения.

С учетом отсутствия в действующей редакции ППВС № 1 разъяснений по поводу момента окончания действий, которые образуют незаконное приобретение в рамках ст. 328 УК, полагаем, что целесообразно данное преступление считать оконченным с момента фактического получения виновным наркотика, независимо от того, была ли у обвиняемого реальная возможность распорядиться наркотиком по своему усмотрению (например, употребить его).

В заключение следует отметить, что проблемы квалификации преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков, не могут ограничиваться только предложенными вариантами возникающих на практике проблем. Данная дискуссия может быть продолжена и в дальнейших исследованиях. Однако нужно обратить внимание на то, что больше всего они встречаются при квалификации преступлений, подпадающих под признаки ст. 328 УК.

УДК 343.28

Н.О. Балбатовский, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ЭКСТРЕМИЗМА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Экстремизм представляет собой одно из наиболее актуальных и противоречивых явлений современного общества, которое оказывает разрушительное влияние на социальные, политические, экономические и культурные основы государства. В условиях глобализации и роста информационных технологий экстремистские идеи распространяются быстрее, чем когда-либо, создавая угрозу национальной безопасности, стабильности государственного строя и правам граждан Республики Беларусь. В целях осмысления данной проблематики с точки зрения научного понимания экстремизма следует отметить, что достаточное внимание исследователей занимают вопросы, связанные с сущностью, содержанием и формами проявления экстремизма. В настоящее время на законодательном уровне не закреплено понятие экстремизма, в связи с чем обратимся к научным исследованиям.

Так, С.А. Челябинский в статье «Концептуальные подходы к понятию экстремизма и экстремистской деятельности» отмечает, что под экс-

тремизмом следует понимать приверженность к целой системе взглядов, концепций, идей или представлений, основанной на политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражде в отношении личности, какой-либо социальной группы, нации или государства, не имеющей внешнего выражения. В свою очередь, экстремизм, по мнению К.М. Махмутовой, – это приверженность к крайним взглядам и действиям, которые идут вразрез с общепринятыми человеческими принципами и правилами, нарушают права человека, общественную безопасность, а также несут реальную угрозу власти и конституционному строю государства (см. статью «Проблемы определения понятия „экстремизм“»).

Полагаем, что определения С.А. Челядинского и К.М. Махмутовой сходны в том, что экстремизм рассматривается ими как системное явление, представленное крайне радикальными взглядами или идеями, выходящими за рамки общепринятых норм. Оба автора отмечают идеологическую направленность экстремизма, проявляющуюся через политическую, национальную, расовую или религиозную нетерпимость, что делает его социально опасной деятельностью, способной дестабилизировать общественные отношения и подрывать стабильность государства. При всем многообразии форм проявления экстремизма можно предположить, что в основу уголовно-правовых форм экстремизма были заложены особенности субъективной стороны преступлений экстремистской направленности.

В настоящее время нормативным правовым актом, непосредственно регулирующим правоотношения, относящиеся к экстремистской деятельности, является Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму». Под экстремизмом (экстремистской деятельностью) в соответствии со ст. 1 настоящего Закона признается деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства (далее, если не указано иное, – граждане) либо политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, в том числе иностранных или международных организаций или их представительств (далее, если не указано иное, – организации), формирований и индивидуальных предпринимателей по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность в различных формах.

Анализ нормы позволяет сделать вывод о том, что законодатель при разработке действующего Закона ориентировался на перечисление уголовно-правовых форм экстремизма. Однако в попытке охватить одним определением содержание «экстремизма» положения статьи не отвеча-

ют на вопросы, в чем именно состоит сущность и признаки экстремизма, что создает проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности.

В теории уголовного права к признакам экстремизма относят:

- 1) осуществление определенной деятельности (простая приверженность к крайним взглядам, мнениям, оценкам и т. п. не может являться экстремизмом);
- 2) противоправность;
- 3) отрицание инакомыслия и нетерпимость к сторонникам иных взглядов (политических, экономических, религиозных и др.);
- 4) идеологическая направленность.

Указанные признаки находятся в тесной взаимозависимости друг с другом, и отсутствие одного из элементов приводит к неполноте раскрытия содержания экстремизма. Например, осуществление определенной деятельности выражается через выстроенную систему: программу действий экстремистов. Этот признак реализуется именно в тот момент, когда взгляды и ценностные ориентиры выстраиваются у участников в полноценную систему и наступает внешняя фаза активных действий. Противоправность, в свою очередь, связана с нарушением действующего уголовного законодательства Республики Беларусь, и реализована она в конкретных составах преступлений экстремистской направленности. Нетерпимость к сторонникам других взглядов указывает на общность в действиях и мышлении экстремистов, а также неготовность участников принимать позиции и мнения иных субъектов гражданского общества, вступая тем самым в конфронтацию с другими представителями и вызывая социальную напряженность в обществе. Идеологическая направленность представлена выстроенной системой взглядов экстремистского сообщества, которая предлагает диаметрально противоположную позицию от принятых норм общества и государства, подвергая скепсису фундаментальные основы жизнедеятельности граждан и в последующем навязывая вражду и ненависть к определенным группам населения, или иным целям, в зависимости от задач, которых желают достичь экстремисты. Исследуя данный признак, можно отметить, что формирование экстремистских взглядов берет свое начало в первую очередь на бытовом уровне восприятия участников экстремистских формирований. Связано данное явление, во-первых, с повседневной деятельностью субъектов, в ходе которой участники вступают во множество правоотношений, непосредственно затрагивающих их конституционные права и интересы. Во-вторых, формирование экстремистских взглядов тесно связано с тем, как реализуются различными института-

ми гражданского общества права и свободы граждан. Так как экстремизм не возникает мгновенно, он, в свою очередь, является результатом множества накопившихся проблем в общественном развитии того или иного государства, создавая запрос на их удовлетворение.

Данная проблематика заставляет экстремистов в последующем создавать или объединяться в социальные группы, которым свойственно формирование коллективного «Я». Так как данные вопросы затрагивают интересы не только отдельно взятого гражданина, но, в принципе, нужды иных членов общества.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что экстремизм является сложным и многоаспектным социальным явлением, представляющим собой системное проявление крайних взглядов и идей, выходящих за рамки общепринятых норм и ценностей общества. Экстремизм характеризуется идеологической направленностью и выражается через политическую, национальную, расовую или религиозную нетерпимость, что делает его социальной угрозой, способной дестабилизировать общественные отношения и подрывать стабильность государства. Научный анализ показывает, что экстремизм включает в себя четыре взаимосвязанных признака: осуществление активной деятельности, противоправность действий, отрицание инакомыслия и идеологическую направленность. Каждый из этих элементов необходим для полного раскрытия содержания экстремизма, а их совокупность позволяет отличить реальную угрозу от простых крайних взглядов или мнений. Вследствие этого разработка точного определения экстремизма становится ключевой задачей для эффективного противодействия экстремизму, охраны прав и свобод граждан и обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

УДК 343.8

К.А. Богданова, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Общепризнанным является факт о ведущей роли труда как основного элемента ресоциализации в Республике Беларусь. Труд для человека является обязательным условием его полноценного функционирования

в социуме, средством самореализации, выступает средством развития человека: в ходе труда человек развивается физически и интеллектуально, приобретает и закрепляет новые знания и умения, у него формируются творческие способности и социально значимые навыки, что в комплексе способствует социализации человека, самовыражению его способностей и талантов.

Ежегодно в Республике Беларусь из мест лишения свободы выходят тысячи человек. Кому-то из них есть куда и зачем вернуться, а кто-то к моменту освобождения утрачивает социально полезные связи, что существенно затрудняет постпенитенциарную адаптацию. Последним помощь оказывают государственные органы и службы, которые содействуют тому, чтобы человек успешно возвратился к жизни в социуме. Объективно, в наше время ресоциализация осужденных является приоритетной задачей для государства в рамках уголовно-исполнительной деятельности.

Каждое лицо, вышедшее на свободу, имеет право на получение поддержки в вопросах трудового и бытового устройства. Исправительными учреждениями налажен обмен информацией с территориальными органами внутренних дел и органами по труду, занятости и социальной защите об освобождающихся, направленный на их благополучное разрешение.

Однако в механизме постпенитенциарной адаптации имеет место ряд проблемных моментов, связанных с трудоустройством освобожденных лиц. Основными проблемами в механизме трудоустройства освобожденных из мест лишения свободы являются недостаточный уровень квалификации для трудоустройства на предпочитаемую освобожденным лицом работу, отсутствие у части таких лиц желания трудиться или обучаться, длительное непосещение органов по труду, занятости и социальной защите и собеседований для трудоустройства в организации, предлагаемые указанными органами.

Социальная стигматизация лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, также является острой проблемой. Нередко по причине судимости лицо подвергается социальной стигматизации («клеймению»), в связи с чем ему отказывают в трудоустройстве, что значительно ставит под угрозу удовлетворение его базовых потребностей. Стоит отметить, что отсутствие у лица работы в значительной степени детерминирует совершение новых преступлений, и именно поэтому такое существенное значение придается трудоустройству осужденных после их освобождения из мест лишения свободы.

Вышеперечисленное является основанием для совершенствования системы стимулов, которые: 1) стимулировали бы осужденных к ско-

рейшему трудоустройству после освобождения; 2) стимулировали бы работодателей к тому, чтобы трудоустроить таких лиц. В качестве предложений по стимулированию осужденных мы выдвигаем идею о налоговой льготе в течение первого года после освобождения лица, в соответствии с которой оно будет освобождено от уплаты подоходного налога, а также, с учетом возможностей нанимателя, будет оказана помощь в решении жилищного вопроса путем поиска общежития и частичного возмещения его найма. В качестве предложений по стимулированию нанимателей мы предлагаем применение налоговой льготы в течение года, путем вычета за каждого принятого на работу освобожденного, начиная со дня принятия такого лица на работу.

Реализация указанных идей позволит снизить риски постпенитенциарного рецидива, детерминированного проблемами решения вопросов бытового и трудового устройства, что поспособствует повышению уровня общественной безопасности.

УДК 343.8

Ю.О. Бойко, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Современные технологии все активнее внедряются в различные сферы жизни, включая систему исполнения наказаний. Одним из перспективных направлений является использование искусственного интеллекта (ИИ) при реализации одного из основных средств исправления осужденных – получения образования. ИИ может стать эффективным инструментом для успешного результата в получении образования, исправлении, а также ресоциализации осужденных. Нормы, определяющие получение образования как средство исправления, а также как право осужденных, закреплены в ст. 7, 9, 110 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (от 11 января 2000 г. № 365-3), а также в ст. 13 Кодекса Республики Беларусь об образовании (от 13 января 2011 г. № 243-3).

В образовании осужденного ИИ может выступать в роли виртуального преподавателя, предлагая задания, объяснения в различных фор-

мах (обучающие видеоматериалы, подбор соответствующей литературы, тестирования, примеры разъяснений заданного материала из различных источников; может анализировать уровень подготовки, восприятия, знаний осужденного, выступающего в роли ученика, на основании чего осуществлять подбор уровня сложности предлагаемых заданий. Виртуальный преподаватель также может осуществлять оценку тестирования, анализировать уровень прогресса ученика.

Кроме того, ИИ способен усиливать мотивацию к саморазвитию благодаря ряду психологических и технологических механизмов. Это связано с тем, что, как упоминалось ранее, ИИ адаптирует содержание под уровень знаний, интересы и темп усвоения индивидуально для каждого ученика. Это создает ощущение успеха и прогресса, что усиливает внутреннюю мотивацию. В случае допущения осужденным ошибок ИИ предлагает помощь в виде дополнительного объяснения и тестирования для лучшего усвоения программы обучения. ИИ помогает также формулировать конкретные цели и отслеживать их достижение. Регулярная обратная связь (оценки, рекомендации, похвала) поддерживает чувство вовлеченности и роста.

Кроме того, системы ИИ часто используют графики, таблицы, баллы, значки достижений – это стимулирует стремление к новым результатам и вызывает положительные эмоции от обучения.

В Республике Беларусь в 2025 г. были разработаны методические рекомендации по использованию технологий ИИ в образовательном процессе, в котором также указан перечень сетевых сервисов, использующих технологии ИИ, согласованных с ГИАЦ Министерства образования Республики Беларусь, включая учреждения с ограниченным доступом к традиционному обучению. Применение ИИ в исправительных учреждениях находится на начальной стадии, однако в мире уже существуют успешные попытки внедрения ИИ в образовательный процесс. В США и Великобритании используются платформы с ИИ для дистанционного обучения осужденных, в Российской Федерации проводятся эксперименты по применению нейросетей для оценки образовательного прогресса осужденных.

Эти примеры могут быть адаптированы с учетом белорусской правовой специфики.

Таким образом, применение ИИ в образовательной работе с осужденными – это шаг к гуманизации пенитенциарной системы и повышению ее эффективности. При грамотной интеграции ИИ может стать мощным инструментом исправления, способствующим снижению рецидива и успешной ресоциализации осужденных после освобождения.

Е.Д. Бухтиярова, курсант факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

О ПРИЧИНАХ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКЕ

Девиантное поведение у подростков является актуальной проблемой современности. На данный момент из-за вызовов, с которыми сталкивается общество во многих сферах, указанная возрастная категория встречается с различными сложностями, оказывающими влияние на устоявшиеся нормы и ценности. Девиантное поведение характеризуется проявлением агрессии, употреблением алкоголя и наркотиков, и другими видами антисоциального поведения. Именно в подростковом возрасте формируются качества личности. В связи с этим важно предупреждать факторы, которые могут спровоцировать антисоциальные деяния.

Современная действительность немыслима без интернета, его отсутствие или труднодоступность вносит определенные коррективы в устоявшийся уклад жизни. Вместе с тем всемирная паутина имеет темную сторону. В ней можно обнаружить материалы, содержащие высокий уровень агрессии и насилия, ознакомление с которым формирует у молодежи искаженное восприятие реальности и провоцирует различные антисоциальные реакции.

Исследования показывают, что агрессивные коммуникации в сети Интернет обусловлены, во многом, особенностями виртуальной среды: доступностью, анонимностью и безнаказанностью, ростом количества пользователей. Опрос показал, что большинство подростков регулярно сталкиваются с негативным, оскорбительным или опасным контентом в сети Интернет. Так, 17,7 % респондентов отметили, что они становились свидетелями кибербуллинга (кибертравли), 13,2 % подростков сталкивались с пропагандой потребления наркотиков, 20,6 % – с предложениями приобретения и рекламой наркотиков, 79,4 % – со взломом электронной почты, аккаунтов в социальных сетях, 2,9 % – с кражей персональных данных с использованием интернета или социальных сетей.

Окружение человека влияет на его поведение. Выражение «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» очень актуально и применимо для анализа действий как взрослого человека, так и подростка. В детстве ребенок воспринимает правила поведения и оценку окружающего мира, ориентируясь на своих родителей, семью. По мере взрос-

ления и наступления подросткового этапа своей жизни на субъекта оказывают большее влияние сверстники. Под воздействием мнения своих ровесников подростки принимают отклоняющиеся от принятых норм решения. Формами проявления такого поведения выступают агрессия, потребление наркотических средств и алкоголя. В данном случае, если окружение будет поддерживать здоровый образ жизни, то это становится фактором, который не будет способствовать формированию девиантного поведения. Неправильные представления о сложившихся социальных нормах становятся причиной формирования девиантного поведения в различных формах, что может представлять угрозу как лично для подростков, так и для общества.

Взаимодействие родителей с детьми может привести как к позитивному, так и к негативному развитию характеристик личности. Девиантное поведение не всегда определяется только уровнем благополучия семьи, но неблагоприятная семейная обстановка может быть одной из причин его возникновения. Именно стили воспитания, такие как игнорирующий и авторитарный, могут привести к возникновению девиантного поведения. Чаще всего в семьях, где присутствует отсутствие внимания к подростку и его потребностям, высок риск девиантного поведения.

Отчуждение как форма девиантного поведения подростков возникает из-за недостаточного внимания родителей, заботы, любви. Это может привести к проблемам с общением в обществе (потеря общения с друзьями или близкими людьми, нарушение различных правил, законов), эмоциональной неустойчивости (низкая самооценка) и даже к суициду. У подростков, для которых характерен высокий уровень отчуждения, чаще наблюдаются эмоциональные расстройства, которые могут усугублять другие появляющиеся проблемы. Таким образом, важно учитывать и иные факторы, влияющие на поведение ребенка, и работать с семьей для разработки индивидуальных мер по профилактике и коррекции девиантного поведения.

Причины формирования девиантного поведения у подростков могут быть различными. Индивидуальные факторы включают в себя психические отклонения, особенности личности, уровень эмоциональной зрелости. К социальным факторам можно отнести влияние семьи, уровень образования.

Профилактика девиантного поведения у подростков является многоаспектной: медицинские, психологические, социальные и др. Первостепенным является диагностика психического развития, что может помочь выявить факторы риска, так как многие отклоняющиеся от нормы действия возникают на фоне неразрешенных психологических потреб-

ностей. Профилактика предусматривает реализацию различных мероприятий для родителей, которые будут направлены на повышение их информированности о факторах возникновения девиантного поведения у подростков. Это поможет сформировать здоровые отношения между родителями и подростками. Проведение профилактики, направленной на индивидуальную работу с молодежью. Важно обеспечить участие подростков в волонтерских проектах, творческих объединениях. Это также может способствовать снижению уровня девиантного поведения, формированию у них чувства ответственности. Образовательные учреждения играют ключевую роль в процессе профилактики. Они могут реализовывать различные программы, которые будут направлены на формирование социальных и жизненных навыков у подростков. Формирование таких программ должно учитываться на всех уровнях образовательного процесса, на всем протяжении обучения в общеобразовательных учреждениях.

Важно объединить усилия всех сторон: семьи, образовательных учреждений для создания безопасной среды, в которой подростки смогут полноценно развиваться и социализироваться. Эффективные программы профилактики отклоняющегося от нормы поведения должны формироваться на основе анализа текущих тенденций. Важно учитывать психологические и социальные факторы, для лучшего выбора мер и форм работы с подростками. Профилактика включает в себя субъектов и мероприятия. Субъектами профилактики выступают государство, образовательные учреждения, общественные организации. Основным участником профилактики девиантного поведения, по нашему мнению, является государство. Именно оно разрабатывает и финансирует различные программы, в которых могут принять участие обучающиеся. Это конкурсы рисунков, фотографий, рассказов, поэзии, техники и компьютерных программ. Участие и эмоциональная атмосфера победы положительно отзовутся в сердце подростка, повысят мотивацию и оценку личности. К реальным призам можем отнести поездки в лагерь «Артек», путешествие на ледоколе на Северный полюс и т. д. Мероприятия по профилактике девиантного поведения: социальная реклама здорового образа жизни, поощрение детей и молодежи за стремление в получении дополнительного образования, тренинги, которые вовлекают не только подростков, но и родителей для снижения рисков возникновения девиантного поведения. Итогами данной работы станут предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, обеспечение защиты их прав и законных интересов.

Профилактика девиантного поведения является многогранной. Одними из наиболее эффективных методов ее реализации выступают за-

нения физической культурой и спортом. Они будут способствовать не только развитию здорового образа жизни, помощи в социализации подростков, но и значительно снизят уровень девиантности. Другими методами профилактики отклоняющегося от нормы поведения могут стать программы, направленные на развитие эмоциональной устойчивости и рост уровня осведомленности подростков о последствиях их действий.

УДК 343.9

А.В. Васильев, курсант факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В России теоретико-правовое осмысление этнической преступности развивается как междисциплинарное направление, находящееся на стыке криминологии, уголовного права и национальной политики. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации содержит положения, направленные на противодействие этнической преступности.

Миграция сопровождает государство с момента его возникновения и является реализацией права человека на свободу передвижения не только внутри страны, но и за ее пределами. Несмотря на то что Россия является многонациональным государством, этническая преступность связана с противоправной деятельностью мигрантов. Наибольшую криминальную активность проявляют граждане ближнего зарубежья.

Министерство внутренних дел Российской Федерации на постоянной основе реализует комплексные системные меры по укреплению правопорядка в сфере миграции, усилению контроля за миграционными потоками, противодействию незаконной миграции и преступности среди мигрантов.

Мигрант – физическое лицо, находящееся на территории Российской Федерации на законных основаниях. Нелегальный мигрант находится на территории государства незаконно. Субъектом преступления может быть как законный, так и незаконный мигрант. Этническая преступность, подпитываемая неконтролируемой миграцией, остается вызовом для России. Несмотря на меры, закрепленные в законодательстве, их эффективность зависит от системной борьбы с коррупцией, социальной интеграции и жесткого контроля за миграционными потоками. Как отметил Владимир Колокольцев, «Что касается преступности, цифра не столь высокая. Преступления, совершенные иностранцами, в общем

массиве составляют 4 %. В то же время поведение мигрантов создает напряженность в обществе. И мы вынуждены реагировать на единичные случаи. Они ведут себя таким образом, что все общество будоражится».

Этническая преступность как следствие миграционных процессов представляет собой комплексную угрозу национальной безопасности России. Это обусловлено несколькими факторами:

1. Взаимосвязь этнической преступности и миграции.

Этническая преступность – это преступная деятельность, организованная по этническому признаку, часто связанная с неконтролируемой миграцией.

Социально-экономические и политические меры заключаются в проведении четкой и последовательной национальной политики, направленной на гармонизацию межэтнических отношений. Ключевое значение имеют программы социально-экономического развития, особенно в проблемных регионах, направленные на повышение качества жизни, занятости и доступности образования.

2. Этническая преступность как угроза национальной безопасности.

Этнические анклавные становятся центрами незаконной деятельности, включая наркоторговлю и религиозный экстремизм. Преступность мигрантов является причиной дестабилизации общества, что проявляется в росте межэтнической напряженности.

Правовое и институциональное развитие предполагает четкое законодательное определение понятия «этническое преступное формирование» и совершенствование правовых механизмов противодействия его созданию и деятельности. Важным направлением является повышение эффективности взаимодействия между различными правоохранительными ведомствами.

3. Реализация миграционного законодательства.

Российское законодательство включает ряд документов, направленных на минимизацию угроз этнической преступности мигрантов:

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы призвана упорядочить миграционные потоки, внедрить биометрический контроль мигрантов.

2. Стратегия противодействия экстремизму до 2025 года обеспечивает проведение борьбы с нелегальной миграцией как фактором дестабилизации международных отношений.

3. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан» ужесточает правила регистрации и депортации нарушителей.

4. Уголовное законодательство. Характеристика субъекта преступления «мигрант» не влияет на уголовно-правовую квалификацию деяния,

но отражается в статистике. В целях противодействия незаконной миграции законодатель ввел следующие положения:

- незаконное нахождение на территории Российской Федерации было признано обстоятельством, отягчающим наказание (п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

- организация незаконной миграции, совершенная организованной группой или в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений отнесена к числу особо тяжких преступлений (ч. 3 ст. 322.1 УК РФ).

Информационно-воспитательная работа предполагает формирование нравственно здорового молодого поколения, воспитание правовой культуры и толерантности. Особую роль играет победа в «информационной войне» – недопущение пропаганды экстремизма в средствах массовой информации и интернете, а также активная просветительская деятельность.

Сегодня в Российской Федерации реализуется политика, направленная на противодействие незаконной миграции.

Государство реализует тестирование иностранных граждан в целях противодействия незаконной миграции и этнической преступности. С 2015 г. мигранты обязаны сдавать экзамены по русскому языку, истории России и законодательству. Ограничение центров выдачи сертификатов по указанным вопросам минимизирует коррупционные проявления. Введение биометрической идентификации позволяет выявлять мигрантов, совершивших преступления на территории Российской Федерации. Несомненным «шагом вперед» в борьбе с преступностью иностранцев стало внедрение государственной геномной регистрации и записи голоса указанных субъектов.

В сфере противодействия миграционной преступности отмечается проблема взаимодействия правоохранительных органов и их должностных лиц: участковых уполномоченных полиции, подразделений по вопросам миграции, дознания и оперативно-розыскной деятельности. В качестве примера можем выделить снижение оперативности обмена информацией, несвоевременную проверку адресов массовой регистрации в целях установления фактов фиктивной постановки на миграционный учет, невозможность установления местонахождения лица, фиктивного поставленного на учет. Упущения по указанным моментам отражаются на сборе доказательственной базы совершенного преступления и приводят к отказу в возбуждении уголовного дела. Вместе с тем правомерные действия сотрудников полиции могут получить негативную оценку должностных лиц государства.

Оптимизации взаимодействия будут способствовать:

1) обеспечение самостоятельного доступа сотрудников полиции к базам данных, содержащих сведения о лицах, поставленных на миграционный учет, местах их регистрации, о работодателе, о правонарушениях, совершаемых мигрантами, и иной информации;

2) дифференцированный подход к миграции: привлечение квалифицированных кадров вместо массового импорта рабочей силы;

3) усиление профилактики преступности через сотрудничество с диаспорами;

4) развитие программ адаптации для снижения маргинализации мигрантов.

Теоретико-правовой аспект этнической преступности в России представляет собой динамичную и актуальную область знания. Исследования направлены не только на осмысление криминального феномена, но и на выработку комплексной стратегии, сочетающей правовые, социальные и профилактические меры для обеспечения национальной безопасности и общественного согласия.

Таким образом, противодействие этнической преступности – это комплексная задача, которая требует взаимных усилий законодателя, правоприменителя, граждан Российской Федерации и мигрантов.

УДК 343.9.01 + 343.22

К.А. Гляцевич, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА» И «СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Личность человека, совершившего преступление, является объектом пристального изучения многих наук криминального цикла. Очевидно, что, несмотря на несовпадение взглядов той или иной науки на преступника, должен быть общий методологический подход к решению проблемы уяснения сущности и четкого разграничения уголовно-правового понятия «субъект преступления» и криминологического – «личность преступника».

Личность преступника – понятие составное. Оно образовано из социологического и философского понятия «личность» и юридического понятия «преступник». Это означает, что личность преступника нель-

зя рассматривать в отрыве от социальной сущности человека, вне связи со всей системой общественных отношений, участником которых он является, поскольку под их воздействием формируется не только социальный облик конкретного лица, но и образующие его нравственно-психологические черты и свойства (например, взгляды, убеждения, ценностные ориентации, интеллектуальные и волевые свойства).

С уголовно-правовой точки зрения «преступник» или «субъект преступления» – это физическое вменяемое лицо, достигшее установленного возраста, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Признаки субъекта преступления характеризуют личность преступника по двум основным критериям: возрасту и вменяемости, которые являются необходимыми ключевыми критериями для привлечения лица к уголовной ответственности, уголовно-правовой квалификации содеянного, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

В свою очередь, личность преступника – это личность лица, совершившего преступление. Если соотнести эти два понятия, становится совершенно очевидным, что понятие «личность преступника» более широкое и представляет собой криминологическую категорию. Объясняется это тем, что в понятии «личность преступника» выражается социальная сущность лица, отнесение человека к определенной осуждаемой обществом группе не только по строго формализованным юридическим критериям, но и по существенным признакам индивида – уровню образования, семейному положению, роду деятельности, участию в общественной жизни, мировоззренческим позициям, проявляющимся в антиобщественных взглядах и убеждениях, отрицательном отношении к нравственным ценностям, выбору общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей и т. д. Следовательно, личность преступника подразумевает наличие характерных черт у лица, совершившего преступление, в котором проявилась его антиобщественная направленность, выражающая совокупность негативных социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на характер преступного поведения.

Таким образом, понятия «субъект преступления» и «личность преступника», с одной стороны, тесно взаимосвязаны, с другой – имеют существенные различия. Личность преступника включает в себя широкий спектр криминологических характеристик, например, нравственно-психологических, которые могут влиять на поведение и мотивы, тогда как субъект преступления определяется узкими юридическими критериями, необходимыми для привлечения виновного к ответственности. По-

нимание этих различий должно способствовать справедливому и более эффективному применению уголовного законодательства при квалификации преступлений, назначении наказания, а также при реализации института освобождения от уголовной ответственности.

УДК 343.54

К.Д. Головин, студент юридического факультета
Белорусского государственного университета

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗНАСИЛОВАНИЕ

Изнасилование является одним из наиболее общественно опасных деяний против половой неприкосновенности или половой свободы, что, в свою очередь, обуславливает внимание к его уголовно-правовой регламентации со стороны отечественных и зарубежных ученых и правоприменителей. В данной статье мы проанализируем ряд перспективных подходов к установлению и реализации уголовной ответственности за изнасилование с учетом российского опыта.

1. Согласно ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. (далее – УК) одним из объективных признаков изнасилования является применение насилия или угрозы его применения как к потерпевшей, так и ее близким. Для разъяснения термина «близкие» мы обращаемся к п. 3 ч. 2 ст. 4 УК: под близкими понимают близких родственников, членов семьи потерпевшей либо иных лиц, которых потерпевшая обоснованно признает своими близкими.

В ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (УК РФ), устанавливающей ответственность за изнасилование, подход иной: насилие или угроза его применения могут быть применены не только к потерпевшей, но и к любым другим лицам. Перечень таких лиц весьма широк: ими могут быть как ее родственники, близкие, так и иные лица, судьба которых ей не безразлична, ради которых женщина вынуждена согласиться на половое сношение, например ученик школы, воспитанник детского сада, опекаемый и др. Однако, несмотря на широкое толкование термина «другие», применение насилия к третьим лицам может включаться в объективную сторону изнасилования только в тех случаях, когда оно имеет цель подавить волю потерпевшей на оказание сопротивления. Ключевой момент – наличие связи между применением насилия к третьим лицам и попыткой подавить со-

противление потерпевшей. Насилие должно быть направлено на создание такого давления, которое приведет к тому, что потерпевшая не будет сопротивляться или будет вынуждена подчиниться преступнику. Если насилие не связано с данной целью, то оно не будет входить в объективную сторону изнасилования.

Оба варианта правовой регламентации имеют свои преимущества и недостатки. Термин «близкие» благодаря своему четкому определению обеспечивает стабильность правоприменения, однако он недостаточно гибкий для учета всех возможных ситуаций, что затрудняет защиту потерпевшего лица. Несмотря на то что термин «другие лица» позволяет более детально учитывать различные практические ситуации, он создает определенные сложности для правоприменителей.

2. На наш взгляд, представляет интерес наличие в п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ квалифицирующего признака, устанавливающего ответственность за совершение изнасилования с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам.

В соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее – ППВС РФ № 16) особая жестокость может выражаться в издевательствах и глумлении над потерпевшим лицом, истязании в процессе изнасилования, в причинении телесных повреждений, в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера в присутствии родных или близких потерпевшего лица, а также в способе подавления сопротивления, вызывающем тяжелые физические либо нравственные мучения и страдания самого потерпевшего лица или других лиц. Особая жестокость может проявиться также по отношению и к другим лицам в таких же действиях, но уже с целью сломить сопротивление потерпевшей путем психологического воздействия на нее. При этом суду при квалификации таких действий по признаку особой жестокости необходимо устанавливать умысел виновного лица на причинение потерпевшим лицам особых мучений и страданий.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что под особой жестокостью понимают умышленное причинение физических или нравственных мучений и страданий потерпевшему или другим лицам как до совершения действий сексуального характера, так и во время их совершения.

Выделение такого квалифицирующего признака связано с тем, что страдания/мучения потерпевшей не обусловлены сущностью совершае-

мого преступления, а носят дополнительный осознанный и волевой характер. В этой связи следует рассмотреть возможность введения данного квалифицирующего признака и в ст. 166 и 167 УК.

3. Ранее мы уже писали о том, что в настоящее время существует спор об исполнителе ст. 166 УК. В ч. 3 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК)» (далее – ППВС № 7) указано, что действия лица женского пола, оказавшего содействие в изнасиловании, выразившееся в применении или угрозе применением насилия, следует квалифицировать как пособничество по п. 6 ст. 16 УК и соответствующей части ст. 166 УК.

Объективная сторона изнасилования имеет сложную структуру, которая включает в себя половой акт, а также применение насилия или угрозы его применения, либо использование беспомощного состояния. Несмотря на то что женщина или мужчина, не обладающий половой функцией, не совершают непосредственно половой акт, они могут фактически выполнить составную часть объективной стороны, связанной с применением насилия, угрозой его применения, приведением потерпевшего лица в беспомощное состояние. Таким образом, они по сути могут являться соучастником в роли соисполнителя.

На практике возможны также ситуации, когда лицо женского пола совершило данное преступление посредством лица, не достигшего возраста уголовной ответственности. В данной ситуации соучастие невозможно, и она должна нести уголовную ответственность как посредственный исполнитель по соответствующим частям ст. 166 и 172 УК. Следовательно, подход к определению лиц женского пола, участвовавших в выполнении объективной стороны изнасилования только в качестве пособников, является бесосновательным и в целом противоречит ч. 3 ст. 16 УК.

В отличие от ППВС № 7, ППВС РФ № 16 не содержит указаний по поводу роли лица женского пола, из чего следует, что ее действия могут быть квалифицированы не только в качестве организатора, подстрекателя, пособника, но и соисполнителя.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Изменение термина «близкие» на «другие лица» заслуживает внимания, однако на данный момент требует дополнительного изучения и обоснования.

2. Отечественный УК не содержит такого квалифицирующего признака изнасилования, как особая жестокость, однако его закрепление

способствовало бы полной защите не только половой свободы и половой неприкосновенности потерпевшего лица, но также чести, достоинства, телесной и психической неприкосновенности.

3. Подход к определению субъекта изнасилования необходимо изменить путем внесения изменений в ППВС № 7:

– ч. 1 п. 10 изложить в следующей редакции: «Действия лица, не применявшего насилие, но непосредственно совершившего половой акт, другие действия сексуального характера с потерпевшей (потерпевшим), используя примененное другим участником преступления насилие, а равно действия лица, содействовавшего совершению преступления путем применения физического или психического насилия или угрозы его применения к потерпевшей (потерпевшему) или ее (его) близкому, а также приведение в беспомощное состояние потерпевшей (потерпевшего), но не совершавшего непосредственно полового акта или иных действий сексуального характера, следует квалифицировать как соисполнительство в групповом изнасиловании, насильственных действиях сексуального характера».

– действующую формулировку ч. 3 п. 10 исключить, вместо нее внести разъяснение в части того, что лицо женского пола может быть единственным исполнителем: «Действия лица женского пола, совершившего преступление, предусмотренное ст. 166 УК, посредством использования другого лица, не подлежащего в силу закона уголовной ответственности или совершившего преступление по неосторожности, должны быть квалифицированы как действия исполнителя по соответствующим частям ст. 166 и 172 УК».

Предложенные нами изменения направлены на усиление правовой охраны половой неприкосновенности или половой свободы и повышение эффективности уголовного права.

УДК 343.2

А.А. Граевский, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

О ПЕРСПЕКТИВАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Актуальным направлением противодействия преступности является выявление эффективности мер уголовно-правового воздействия и определение степени их воздействия на лиц, совершивших обществен-

но опасные деяния. Однако в условиях современного развития права эти процессы приобретают особое значение в контексте гуманизации уголовно-правовой политики. Она выражается в переосмыслении роли и места наказания в борьбе с преступностью, в поиске альтернатив изоляции от общества, в расширении спектра средств уголовно-правового воздействия, а также в укреплении поощрительных и стимулирующих мер. Такой подход отражает стремление современных государств сочетать охранительную функцию уголовного права с задачами ресоциализации личности, минимизировать применение репрессивных мер и повышать эффективность воздействия права через более гибкие и гуманистические инструменты, к которым можно отнести иные меры уголовной ответственности. Совершенствование системы мер уголовно-правового воздействия является самостоятельным направлением развития доктринальной основы уголовно-правовой политики, призванной по-новому отразить механизм уголовно-правового воздействия, установить его компоненты и уровни, а также определить место конкретных уголовно-правовых мер в системе средств борьбы с общественно опасными деяниями. Систему мер уголовно-правового воздействия можно представить как совокупность мер уголовной ответственности (носящих карательный характер (наказание) и альтернативных наказанию мер), принудительных мер безопасности и лечения, превентивных, восстановительных и стимулирующих мер.

Стоит отметить, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) в рамках гл. 11 «Иные меры уголовной ответственности» закреплены следующие меры: отсрочка исполнения наказания, осуждение с условным неприменением наказания и осуждение без назначения наказания.

В настоящее время имеется тенденция сокращения к использованию мер, альтернативных реальному отбыванию наказания в виде лишения свободы. По мнению С.В. Ананич, изложенному в статье «Социальные и правовые основы применения иных мер уголовной ответственности», «в контексте учета судом при применении осуждения с отсрочкой исполнения наказания или осуждения с условным неприменением наказания характера и степени общественной опасности совершенного деяния следует отметить законодательное положение о частом неприменении названных мер в отношении лиц, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление».

Подтверждением слов ученого может послужить судебная практика. Так, статистические данные свидетельствуют об уменьшении применения судами ст. 77 УК. Ведь если удельный вес отсрочки исполнения наказания в 2023 г. составил 14,3 % от общего числа осужденных,

то в 2024-м всего 10 %. Приведенная статистика свидетельствует о том, что суд недостаточно активно использует отсрочку исполнения наказания как меру уголовной ответственности, альтернативную реальному отбыванию назначенного наказания в виде лишения свободы. Возможно, причина заключается в том, что органы правосудия не признают достаточно мотивированным и убедительным приговор, в котором обстоятельства применения отсрочки исполнения наказания изложены в самых общих выражениях, сведены, по существу, к повторению формулировки закона: «учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления и личность виновного». Другой причиной может быть отсутствие законодательно закрепленного определения иных мер уголовной ответственности, которое бы отражало цели их применения, как, например, сконструирована ст. 44, регламентирующая легальное определение уголовной ответственности и ее цели.

Проанализировав научные положения, а также данные статистики, можно сделать ошибочное мнение о том, что теоретико-правовые положения об иных мерах уголовной ответственности не развиваются. Как отмечает в научной статье «Иные меры уголовно-правового воздействия как форма депенализации» Д.В. Шаблинская, сегодня в отечественном уголовном праве прослеживаются основания для переосмысления всей системы уголовно-правового воздействия, включая как саму уголовную ответственность, так и формы ее реализации. Уголовная политика Республики Беларусь, в свою очередь, должна строиться на демократических и гуманистических ценностях, что проявляется прежде всего в ее принципах. Одним из ключевых принципов выступает принцип экономии репрессии, центральным элементом которого является сдержанное применение наказания. В этой связи перспективным направлением депенализации становится замещение традиционных уголовных наказаний иными мерами уголовно-правового воздействия, не связанными с осуждением. Такие меры имеют преимущественно имущественно-восстановительный характер, что позволяет не только смягчить последствия для правонарушителя, но и расширить содержание и объем уголовно-правового воздействия в целом.

Проведенный анализ научных подходов и норм уголовного законодательства и судебной практики позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, совершенствование системы иных мер уголовной ответственности является актуальным направлением развития уголовной политики, ориентированной на демократические и гуманистические ценности. В современном уголовном праве Республики Беларусь прослеживается тенденция к переосмыслению системы мер уголовно-правового воздействия, однако фактическая практика свидетельствует о недостаточно

активном использовании судом мер, альтернативных реальному лишению свободы. Закрепленные в гл. 11 УК институты (отсрочка исполнения наказания, условное неприменение наказания, осуждение без назначения наказания) представляют собой важный инструмент гуманизации уголовной политики, но их потенциал реализуется не в полной мере.

Во-вторых, уменьшение удельного веса применения отсрочки исполнения наказания подтверждает наличие проблем как в мотивации судебных решений, так и в восприятии данных мер органами правосудия.

В-третьих, действующие уголовно-правовые нормы, регламентирующие применение этих мер, являются научно и практически обоснованными, что не исключает, а в некоторых случаях требует потенциальной возможности их совершенствования в части более четкого формулирования условий применения иных мер уголовной ответственности, их законодательно закрепленного определения и целей.

УДК 343.8

А.А. Джамалудинова, курсант факультета правоохранительной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ К ОСУЖДЕННЫМ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Пожизненное лишение свободы является одним из наиболее строгих видов наказания в системе уголовного права Российской Федерации. Оно применяется к лицам, совершившим особо тяжкие преступления, которые несут исключительную общественную опасность, такие как умышленное убийство, терроризм, насильственные преступления в отношении несовершеннолетних и другие деяния, затрагивающие фундаментальные ценности общества и государства.

Однако даже для этой категории осужденных законодатель предусмотрел возможность освобождения условно-досрочно по истечении 25 лет отбывания наказания (ч. 5 ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)). Такая мера вызывает множество дискуссий в области уголовного права, а также противоречий в кругах ученых-правоведов. Прежде всего возникает вопрос о том, насколько реально лицо, по отбытии срока 25 лет в особых условиях содержания, способно к полноценному исправлению и социальной реадaptации.

Проблема применения условно-досрочного освобождения (УДО) к пожизненно осужденным имеет не только нормативный, но и практический характер. Она затрагивает основные цели уголовного наказания – восстановление социальной справедливости, предупреждение новых преступлений и исправление личности осужденного. Решение данного вопроса требует глубокого анализа с точки зрения теории уголовного права.

Согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ лицо, осужденное к пожизненному лишению свободы, может быть освобождено условно-досрочно после 25 лет отбывания наказания. Это положение направлено на реализацию принципа гуманизма в уголовном праве, который подразумевает сохранение надежды на исправление лица, которому назначено наиболее строгое наказание, предусмотренное санкцией статьи Особенной части УК РФ. Однако применение этого механизма требует тщательного анализа всех аспектов реализации, строгой регламентации и объективной оценки рисков, связанных с возможным рецидивом преступлений.

Сама возможность условно-досрочного освобождения (УДО) показывает, что в России система уголовного правосудия направлена не только на изоляцию преступников, но и на их исправление, т. е. речь идет о своего рода воспитательной концепции реализации института наказания. Однако здесь возникает противоречие со стороны законодателя, что, в дальнейшем, и становится одной из причин споров в кругах ученых-правоведов и правоприменителей: пожизненное лишение свободы формально считается бессрочным, но при этом закон допускает выход на свободу спустя 25 лет.

С точки зрения теории уголовного права, наказание должно соответствовать тяжести совершенного деяния и способствовать перевоспитанию осужденного, а также максимально возможному восстановлению социальной справедливости. Однако применение УДО к лицам, отбывающим пожизненное заключение, ставит под сомнение аспект реальности достижения указанных выше целей.

Как отмечают в научной статье «Осужденные к пожизненному лишению свободы: социально-демографическая, медицинская, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика, а также особенности психологического сопровождения» ученые В.И. Екимова, И.В. Кокурина и А.В. Кокурин, только 3–4 % пожизненно осужденных сохраняют устойчивую психику и способность контролировать свое поведение. Большинство же находятся в постоянном напряжении, раздражительности и тревоге. Это делает их потенциально опасными даже после освобождения. Получается, что УДО может применяться формально, без должной оценки реального исправления и риска для общества, поскольку

человек теряет привычные для него навыки социализации, что делает процесс его пребывания вне тюремного заключения дискомфортным и, в некоторых случаях, даже опасным для него самого и общества.

По данным психологов, человек, который провел 25 лет в заключении, после освобождения сталкивается с большими трудностями: он теряет связи с близкими, не имеет профессии, а из-за возраста часто не может найти работу. Государство, общество и социальные нормы за это время сильно изменились, и бывший заключенный может не суметь в него вписаться. По исследованиям В.И. Екимовой, такие люди часто попадают в маргинальные слои общества и могут снова совершить преступление.

Это подтверждается и словами самих заключенных. Например, один из них, Евгений С., написал: «... не могу больше вынести эту жизнь... В голодном состоянии не хочу все это выполнять. Испытываю желание убить и съесть сокамерника, так как очень сильно хочу мяса». Эти строки показывают, как сильно может измениться личность человека после долгих лет одиночного заключения.

Кроме того, решение об УДО часто зависит от характеристики, которую дает администрация тюрьмы. На практике такие документы могут быть субъективными – они зависят от отношения сотрудников к осужденному, а также не исключен вариант того, что характеристики могут быть клешированными, что явно снижает объективность и реальность происходящего на момент их составления. При этом нет четких критериев, по которым определяют, готов ли человек к освобождению. Это снижает объективность всего процесса.

Кроме того, согласно ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) повторное обращение за УДО возможно только через три года после отказа. Этот срок слишком велик и не позволяет оперативно реагировать на изменения в поведении и состоянии осужденного, что противоречит принципу гуманизма и возможности своевременного исправления.

Статистика Минюста РФ свидетельствует о том, что уровень рецидива среди лиц, освобожденных по УДО, составляет около 12 %. Для данной категории осужденных этот показатель может быть выше, поскольку они часто находятся в состоянии хронической агрессии и внутреннего напряжения. Особенно высока вероятность повторных преступлений у тех, кто был осужден за насильственные деяния, поскольку такие лица чаще всего демонстрируют устойчивые признаки антисоциального поведения.

В отличие от других категорий осужденных, пожизненно заключенные практически не участвуют в программах социальной адаптации. Между тем опыт стран Западной Европы показывает, что участие в образовательных, трудовых и психологических программах значительно

снижает уровень рецидива и повышает шансы успешной реинтеграции в общество.

На основании вышеизложенного предлагаются следующие механизмы по урегулированию обозначенных проблемных аспектов.

Для повышения объективности принятия решений предлагается ввести обязательную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу перед подачей ходатайства осужденным об УДО. Данная мера позволит более точно оценивать степень исправления и риски рецидива, а также определить необходимость дополнительной реабилитационной помощи.

Необходимо создать специализированные программы реабилитации и социальной адаптации, включающие профессиональное обучение, психологическую поддержку и сопровождение после освобождения. Такие программы должны быть обязательными для всех осужденных, попадающих под условия ч. 5 ст. 79 УК РФ.

Для постепенной адаптации осужденных к жизни вне тюрьмы предлагается создать специализированные центры длительного наблюдения. Эти учреждения будут выполнять функцию переходного этапа между заключением и свободой, обеспечивая постепенную социальную реинтеграцию.

Срок в три года, установленный ст. 175 УИК РФ, представляется целесообразным сократить до одного года. Это позволит более гибко реагировать на изменения в поведении осужденного и повысит мотивацию к исправлению.

Подводя итог отметим, что применение условно-досрочного освобождения к лицам, отбывающим пожизненное лишение свободы, требует системного подхода и тщательного анализа. Необходимо учитывать не только юридические, но и психологические, социальные и возрастные факторы. Реализация предложенных мер позволит повысить справедливость и эффективность данного механизма, сохранив при этом принцип гуманизма.

Особое значение в этом процессе имеет взаимодействие органов Министерства внутренних дел РФ с другими структурами правоприменительной системы – судами, Федеральной службой исполнения наказаний, экспертными учреждениями и социальными службами. Комплексный подход, основанный на научных данных и теоретическом обосновании, позволит создать действительно эффективную модель применения УДО к пожизненно осужденным.

Е.Д. Емельянич, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ КАК КАТЕГОРИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Криминологи уже давно стремятся определить объем социальных последствий преступности. Эта тема представлена в научной литературе не слишком широко, а соответствующие государственные исследовательские программы практически отсутствуют. Тем не менее данная проблема имеет общенациональное значение. В одном из первых исследований по этой теме, увидевшем свет в начале 1980-х гг., отмечалось, что именно серьезный ущерб, являющийся результатом преступных действий в большинстве случаев, обуславливает необходимость рассматривать преступность как одну из ключевых социальных проблем.

Некоторые специалисты, в числе которых Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Ч. Беккариа, под последствиями преступности понимают вредные и опасные социальные изменения, которые возникают как результат совершения отдельных преступлений, а также существования преступности как массового явления. Другие ученые, например, В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец, трактуют исследуемое как реальный вред, причиняемый преступностью общественным отношениям, выражающийся в совокупности негативных последствий и в результате совершения преступлений, а также в экономических и иных издержках общества, связанных с борьбой с преступностью. Но стоит отметить, что точное определение «социальных последствий преступности» является неполным без детального описания его отличительных черт и характеристик.

Следует согласиться с мнением О.Р. Афанасьевой, изложенном в статье «Социальные последствия преступности: понятие, признаки, показатели», о том, что социальные последствия преступности – это правовое явление, поскольку к их числу относится только та совокупность негативных последствий, которая имеет причинно-следственную связь с совершенным преступлением, т. е. их наступление прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно связано с совершенным общественно опасным деянием, запрещенным Уголовным кодексом под угрозой наказания.

Признаки последствий преступления действительно характеризуются своей неоднородностью и множественностью, выступая как прямое следствие преступной деятельности. Это означает, что последствия

преступности не являются единичным явлением, а представляют собой сложный комплекс негативных изменений, затрагивающих различные сферы жизни общества и личности.

Полагаем, что глубокое осмысление социальных последствий преступности имеет огромное значение как для науки, так и для практики. Важно осознавать, что само существование преступности напрямую тормозит экономический прогресс государства. Отсюда следует вывод: социальные последствия преступности сами по себе становятся причинами для совершения новых преступлений. Это создает «порочный круг», который требует вмешательства. Поэтому государство разрабатывает и внедряет комплекс мер для улучшения ситуации.

Преступность оказывает серьезное влияние не только на отдельных граждан, но и на все общество в целом. Она подрывает устойчивость социальных связей, снижает доверие к государственным институтам и создает атмосферу страха и нестабильности. Одним из наиболее опасных последствий является потеря общественного доверия – как к другим людям, так и к государственным структурам, таким как суды, милиция и органы власти. Граждане начинают чувствовать себя незащищенными, становятся пассивными, перестают верить в справедливость и эффективность закона.

В таких условиях нередко появляются теневые формы «порядка», когда реальную власть начинают брать на себя криминальные элементы – уличные банды, авторитеты и нелегальные группы влияния. Это еще сильнее размывает легитимность государства и ведет к социальной изоляции и агрессии. Хорошую иллюстрацию подобного положения дел можно найти в Мексике, где на протяжении более двадцати лет идет ожесточенное противостояние между наркокартелями и государственными структурами. Во многих регионах преступные группировки фактически заменили собой власть – у них больше ресурсов, больше влияния. Жители таких территорий часто вынуждены либо подчиниться криминалу, либо покинуть свои дома, спасаясь бегством. Это разрушает общины, усиливает миграционные потоки, а особенно страдают молодежь и малоимущие – они чаще всего вовлекаются в преступную деятельность или становятся ее жертвами.

Похожая ситуация складывается и в Южно-Африканской Республике. Там высокий уровень насилия повлиял на то, чтобы значительная часть населения переселилась в охраняемые поселки, полностью изолированные от бедных и неблагополучных районов. Это не только углубляет социальное неравенство, но и порождает отчуждение между слоями общества. Многие граждане больше доверяют частной охране, чем государственным службам, что говорит о серьезном кризисе доверия.

Ярким примером может служить и Колумбия 1980–1990-х гг., когда наркокартели, особенно группировка Пабло Эскобара, фактически контролировали целые города. Убийства судей, журналистов и политиков стали обыденностью, а коррупция пронизала все уровни власти. Население жило в страхе, а вера в справедливость и право была практически уничтожена.

Эти примеры показывают, что преступность – это не только нарушение закона, но и глубокая социальная проблема. Она разрушает ключевые основы общества: безопасность, равенство, доверие и правопорядок. Если государство теряет контроль, преступные структуры могут стать устойчивыми элементами общественной жизни, подменяя собой институты власти и мешая развитию страны.

На этом фоне стоит отметить, что в Республике Беларусь борьбе с преступностью уделяется серьезное внимание. Государство последовательно укрепляет работу правоохранительных органов, активно занимается профилактикой правонарушений и принимает меры по сохранению общественной безопасности. Именно комплексный подход и стабильная работа системы правопорядка позволяют сдерживать рост преступности и обеспечивать безопасность граждан. Этот опыт подчеркивает важность государственной политики в противодействии преступности и защите общественной устойчивости.

УДК 343.9

У.М. Караченцева, курсант факультета подготовки сотрудников полиции и следователей Барнаульского юридического института МВД России

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕОИГР

Виртуальные миры видеоигр уже давно перестали быть просто развлечением. Они превратились в сложные экосистемы со своей экономикой, социальными связями и своей преступностью. Криминальный мир обширен, он простирается от кражи виртуальных активов до использования игровых платформ для вербовки в экстремистские организации и склонению к самоубийству. Спектр преступлений, совершаемых посредством видеоигр, расширяется с пугающей скоростью. Стоит отметить, что эти преступления не ограничиваются виртуальным про-

странством, они все чаще перетекают в реальный мир, нанося ощутимый вред, как отдельным лицам, так и всему обществу в целом.

Растущая популярность видеоигр, особенно среди молодежи, в сочетании с анонимностью и трансграничным характером онлайн-платформ, создает благоприятную среду для совершения различных преступлений. Латентность данных деяний обуславливается размытыми границами между виртуальным и реальным мирами, а отсутствие достаточной правовой базы и специализированных правоохранительных органов, способных эффективно пресекать и расследовать преступления, усугубляют данную ситуацию.

Нужно обратить внимание на стремительный рост популярности видеоигр и киберспорта. Так, к 2023 г. глобальная аудитория увеличилась до 574 млн человек. Из них 283 млн – основные энтузиасты игры. По прогнозам спортивных деятелей, в 2025 г. эта цифра выросла на 8,1 %, до 641,1 млн человек.

Видеоигра – это интерактивное развлечение, в котором игрок управляет действиями виртуального персонажа или других объектов на экране устройства. Сущность видеоигры заключается в создании искусственной реальности, в которой игрок может взаимодействовать с другими пользователями или запрограммированными объектами, достигать определенных целей и получать удовольствие от процесса игры.

По данным ВЦИОМ, почти четверть (23 %) жителей России играют в компьютерные игры. Больше всего видеоиграми увлекаются подростки – в категории от 18 до 24 лет играют 50 %, ежедневно из них играют 20 %, люди от 25 до 34 лет составили 34 % от общего числа игроков.

Мы можем говорить о том, что, с одной стороны, игры, относящиеся к досуговым развлечениям, приносят несовершеннолетним положительные эмоции, освобождают от переживаний, но, с другой стороны, человек постоянно подвергается активной информационной атаке, демонстрации насилия и жестокости, а избыточные положительные эмоции могут создавать у ребенка пагубное влечение к виртуальному миру, а также вызывать преступный умысел.

В рамках данной статьи будет рассмотрена квалификация преступлений, совершаемых в видеоиграх.

1. Хищение виртуального имущества. Индустрия многопользовательских компьютерных игр является бесплатной, но такие игры обладают внутренней экономикой и предполагают наличие собственной валюты, а также оборот виртуального имущества. В связи с этим стоит отметить, что приобретение такого имущества может влиять на появление у лица конкретных обязательств, предусмотренных гражданско-правовым законодательством, поскольку игровое имущество приобретается за ре-

альные деньги и обладает рыночной стоимостью. Одним из ярких примеров признания игрового имущества предметом преступления является практика других стран, в нашем случае – решение Верховного суда Нидерландов от 31 января 2012 г., деяние подсудимого заключалось в совершенном разбойном нападении на потерпевшего с целью получения его игровых аккаунтов. Но даже здесь вопрос является спорным, поскольку суд перед вынесением решения рассмотрел контраргументы по факту признания игрового имущества возможным предметом преступления.

Первым аргументом считалось то, что данное имущество является неощутимым и нематериальным, оно состоит из комбинации кодов в компьютерной системе.

Под второй аргумент попал факт того, что данное имущество является обычной информацией, которую невозможно похитить.

В-третьих, игровое пространство часто создается с целью завладения имуществом другого игрока (например, при гибели персонажа), в связи с чем наказывать за это в реальном мире нет необходимости.

2. Создание, использование и распространение «чит-кодов».

В судебно-следственной практике нашей страны под созданием и распространением вредоносной программы также стоит понимать создание и продажу читов через геймерские онлайн-площадки. Под читами понимается уловка или ухищрение, которую используют игроки, чтобы превзойти своего соперника. Основным потерпевшим являются промоутеры, которым причиняется реальный имущественный ущерб при проведении виртуальных соревнований. Примером может послужить задержание группы разработчиков в Китайской Народной Республике, которая заработала 77 млн долларов с продажи чит-кодов игрокам.

3. Отмывание денег. По данному виду преступления следует отметить, что внутриигровые валюты и активы дают разработчику дополнительный источник дохода, так как игроки покупают имущество за реальные деньги. Такие приобретения называют «микротранзакцией», в некоторых играх сами пользователи имеют право подзаработать, продавая свою валюту и активы другим игрокам.

Опасность возникновения отмывания денег появляется именно тогда, когда игроки обмениваются друг с другом имуществом за реальные денежные средства. FinCEN отнес к реальным денежным средствам и виртуальную валюту, такую как биткоин, что способствует развитию преступности в области отмывания денег.

По существу выделенных преступлений следует отметить, что первая классификация охватывается нормами уголовного права, а именно ст. 158, 159, 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Второй вид в настоящее время не может получить никакой уголовно-правовой оценки, поскольку чит-коды предполагают только обходы виртуальных блоков, там нет потерпевшего, которого можно бы было ввести в заблуждение.

Основными субъектами профилактики, осуществляемой органами внутренних дел РФ, являются участковые уполномоченные полиции и инспекторы по делам несовершеннолетних.

Участковые уполномоченные полиции в ходе своей служебной деятельности осуществляют профилактические мероприятия, направленные на защиту граждан от негативного влияния информации с масс-медиа.

Инспектор по делам несовершеннолетних в своей деятельности проводит профилактические беседы с родителями по вопросу обеспечения надлежащей защиты ребенка от влияния негативной и деструктивной информации на его сознание. Для более эффективной профилактики инспекторам следует сочетать лекции и профилактические материалы, информировать об уголовной ответственности по УК РФ, уделять внимание оказанию методической помощи образовательным организациям.

Предупреждение преступлений, совершаемых непосредственно в видеоиграх и с их помощью, требует многогранного подхода, который затрагивал бы не только участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних, но и разработчиков игр, игроков. Комбинируя технические меры безопасности, образовательные программы, правовые рамки и активное участие родителей, можно создать более безопасную и ответственную игровую среду.

УДК 343.211

В.Е. Карпенко, курсант следственного факультета Омской академии МВД России

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Принципы уголовного права – основные начала, руководящие идеи, которые определяют содержание и направленность уголовного права, закреплены в уголовно-правовых нормах и обязательны для законодателя, правоприменительных органов и граждан в сфере борьбы с преступностью.

Современная система принципов российского уголовного права состоит из двух больших блоков: общеправовые и специально-правовые (отраслевые). Общеправовые принципы закреплены в гл. 1 Уголовного

кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) и включают в себя: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма. Отраслевые принципы законодательно не закреплены и ученые ведут споры об их количестве и содержании, традиционно выделяют принципы: дифференциации уголовной ответственности, неотвратимости уголовной ответственности, экономии мер уголовной репрессии, целесообразности уголовной ответственности и индивидуализации наказания.

Уголовным кодексом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее – УК Республики Беларусь) также закреплен перечень принципов, а именно: законность, равенство граждан перед законом, неотвратимость ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма (ст. 3).

В уголовных законах России и Беларуси много общего, однако имеются и отличия в законодательном закреплении отдельных принципов и их содержании.

В УК РФ отсутствует прямое закрепление такого принципа, как неотвратимость уголовной ответственности. Данный принцип сформулирован доктриной уголовного права, в УК Республики Беларусь этот принцип получил законодательное закрепление.

Российским законодателем установлен принцип вины, в УК Республики Беларусь данный принцип сформулирован иначе – как принцип личной виновной ответственности. Ч. 5 ст. 3 УК Республики Беларусь закреплено положение о том, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им опасные действия и наступившие после опасные для общества последствия, в отношении которых установлена его вина, что почти в точности повторяет толкование принципа вины в УК РФ. Данный принцип корреспондирует ст. 26 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г., предусматривающей признание лица виновным, только если она установлена и доказана приговором суда, вступившим в законную силу.

Принцип справедливости УК Республики Беларусь также похож на соответствующий российский принцип как в законодательном закреплении, так и в содержании. В кодексах данный принцип обязывает учитывать личность виновного, характер и степень общественной опасности преступления и обстоятельства его совершения и запрещает нести уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление.

Принцип равенства граждан перед законом и в УК РФ, и в УК Республики Беларусь одинаков как в формулировке, так и в содержании и закреплен в основных законах данных государств. В Конституции Республики Беларусь данный принцип закреплен в ст. 22 и провозглашает

равенство всех перед законом и судом и право всех на защиту прав и законных интересов. В Конституции РФ 12 декабря 1993 г. этот принцип закреплен в ч. 1 ст. 19, устанавливающей равенство всех перед законом. Конституционное закрепление дает право называть указанный принцип общеправовым.

В закреплении принципа законности имеются определенные различия. Если УК РФ определяет преступность деяния, его наказуемость и другие правовые последствия, то УК Республики Беларусь указывает, помимо норм уголовного закона, их толкование, т. е. допускает использование не только самого УК, но и разъяснений к нему, тогда как постановления Пленума Верховного Суда в России не являются источником уголовного права, служат для разъяснения уголовно-правовых норм и способствуют единообразию в правоприменительной практике. Данный принцип также закреплен в Конституции РФ – в ст. 14, а в Конституции Республики Беларусь – в ст. 7.

Принцип гуманизма закреплен в ч. 7 ст. 3 УК Республики Беларусь. В ней говорится, что УК Республики Беларусь служит для обеспечения безопасности человека, какой бы она ни была: экологической, материальной или физической. Данный принцип также получил закрепление в ст. 25 Конституции Республики Беларусь и устанавливает запрет на обращение, унижающее человеческое достоинство, или подвергаться опытам без согласия самого человека.

При этом стоит отметить, что в ст. 7 УК Республики Беларусь имеется принцип уголовного права, который в российском уголовном праве относится к специально-правовым. Это принцип экономии уголовной репрессии, которая в ст. 7 звучит следующим образом: «Лицу, совершившему преступление, должны быть назначены наказание или иная мера уголовной ответственности, необходимые и достаточные для его исправления». В России этот принцип сформулирован доктриной уголовного права, исходя из толкования и обобщения норм УК РФ. Проявление экономии мер уголовной репрессии зафиксировано в ст. 64 УК РФ, предусматривающей возможность назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено статьей Особенной части УК РФ.

Принцип дифференциации уголовной ответственности в УК Республики Беларусь также имеет место и проявляется в деятельности законодателя в процессе создания норм Особенной части путем установления видов ответственности и их возможных пределов с учетом различных факторов: вина лица, степень общественной опасности совершенного деяния и субъекта преступления.

Принцип индивидуализации наказания в УК Республики Беларусь закреплен в ч. 1 ст. 62, в которой прямо говорится, что суд при назна-

чении наказания исходит из принципа индивидуализации наказания – учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы, цели, характер и размер причиненного вреда, смягчающие и отягчающие обстоятельства, личность виновного и его мнение. УК Республики Беларусь прямо признал и закрепил данный принцип, тогда как в УК РФ он «растворен» в нормах Общей части и наиболее ярко выражен в ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Подводя итог, можно отметить следующее: в УК РФ и в УК Республики Беларусь принципы сходны как в своем объеме, так и в трактовке. Различия в наименовании принципов несущественны и самой их сути не меняют. Но существенное различие в том, что белорусский уголовный закон прямо закрепил в себе как общеправовые принципы, так и принципы специально-правовые (отраслевые), в то время как УК РФ содержит целую главу только общеправовых принципов, для каждого из которых предусмотрена отдельная статья, но при этом не закрепляет напрямую отраслевые принципы, которые «растворены» в нормах как Общей, так и Особенной частей УК РФ.

Официальное закрепление специально-правовых принципов имеет положительное значение, так как таким образом законодатель конкретно указывает тот базис, на котором должен основываться правоприменитель и законодатель в своей деятельности, ведь именно специальные принципы отражают специфику уголовного права и их официальное признание и толкование обеспечивает обязательное и единое их применение на всей территории страны. Полагаем, что на единообразии правоприменительной практики положительно повлияет законодательное закрепление отраслевых принципов уголовного права на уровне кодифицированного акта.

УДК 343.9

И.Д. Каишвар, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕРЫ ПО СНИЖЕНИЮ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

На современном этапе существования Республики Беларусь коррупционная преступность является одним из наиболее требующих к себе внимания социально негативным явлением, так как она может нанести большой удар как по экономике государства, так и по работе органов го-

сударственного управления и иных организаций. В связи с этим, а также с учетом современной геополитической обстановки повышенный уровень значимости имеет предупреждение и профилактика коррупционного поведения в деятельности Вооруженных Сил Республики Беларусь (далее – Вооруженные Силы), для чего требуется эффективный и слаженный механизм.

В Вооруженных Силах уже разработан определенный алгоритм, который включает в себя стратегию борьбы с коррупцией, методические рекомендации по антикоррупционному поведению и порядку предотвращения и урегулирования конфликтов интересов.

На данный момент механизм профилактики и борьбы с коррупцией в Вооруженных Силах основывается на исключении неопределенности и (или) неоднозначности нормативных правовых актов, совершенствовании системы учета, надзоре за соблюдением законодательства в войсках, контроле за распоряжением военным имуществом, повышении правовой культуры военнослужащих и подготовке специалистов в сфере противодействия коррупции.

Как основные меры по борьбе с коррупцией стоит выделить:

- 1) надзор за соблюдением законодательства в войсках;
- 2) повышение уровня подготовки специалистов в сфере противодействия коррупции;
- 3) повышение правовой культуры военнослужащих.

Надзор за соблюдением законодательства в войсках возложен на органы прокуратуры Республики Беларусь. Эффективным способом повышения качества данной меры противодействия коррупции может стать подбор прокурорских работников из числа лиц, ранее проходивших военную службу на должностях юристов либо воссоздание Военной прокуратуры Республики Беларусь не только в военное, но и в мирное время. Это позволит не только осуществлять эффективный надзор за исполнением законодательства в войсках, но и поможет также максимально учесть все возможные риски, которые могут быть не учтены прокурорскими работниками, которые менее знакомы со спецификой службы в Вооруженных Силах.

Касательно специалистов в сфере противодействия коррупции стоит обратить внимание на возможность создания определенного подразделения, основной задачей которого будет являться непосредственно противодействие коррупции. Такое подразделение может быть создано из должностных лиц юридической и идеологической служб Министерства обороны. Профессиональный отбор может осуществляться с привлечением органов внутренних дел, прокуратуры и иных государственных органов. Это поможет повысить эффективность работы по предупреждению

дению коррупционных преступлений, так как будет являться основной задачей военнослужащих данного подразделения и позволит сосредоточиться на ней.

Для повышения правовой культуры военнослужащих проводится большое количество мероприятий специалистами юридической службы Вооруженных Сил с привлечением сотрудников органов внутренних дел, прокуратуры и иных государственных органов. Повысить ее эффективность позволит создание методических рекомендаций для определенных категорий военнослужащих в зависимости от их рода войск, военно-учетных специальностей и занимаемых должностей. Это поможет обозначить определенные моменты и условия создания коррупционных взаимоотношений, которые могут возникать в процессе деятельности войск. Эффективной мерой может стать также внедрение в программу обучения всех военных специальностей учебной дисциплины «Противодействие коррупции» для того, чтобы будущие офицеры с самого начала прохождения воинской службы были подготовлены к возможному возникновению коррупционных рисков.

Подводя итог, можно отметить, что снижение коррупционных рисков в Вооруженных Силах может быть достигнуто за счет более тщательной подготовки и подбора военнослужащих, отвечающих за противодействие коррупции, а также разработки более конкретизированного и профессионально-ориентированного обучающего комплекса, а также разработки нормативных и локальных правовых актов в сфере противодействия коррупции в Вооруженных Силах.

УДК 343

А.В. Ковалёва, студент юридического факультета
Белорусского государственного университета

КОРРУПЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: АНАЛИЗ ОПЫТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Коррупция является негативным социально-правовым явлением, которое подрывает эффективность государственного управления.

В Республике Беларусь для эффективного противодействия коррупции действуют необходимые нормативные правовые нормы и механизмы их выполнения, которые в большей степени учитывают национальный и зарубежный опыт. Антикоррупционная политика белорусского государства включает в себя:

разграничение между государственными органами их функций, полномочий и организацию взаимодействия по противодействию коррупции;

создание и обеспечение деятельности государственных и иных органов, включая специальные подразделения по борьбе с коррупцией;

образование на различных уровнях комиссий, координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией, специальных информационно-аналитических и криминологических центров;

обеспечение научного сопровождения деятельности государственных органов по борьбе с коррупцией;

использование государственных средств массовой информации, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции;

наличие стандартов властного администрирования и т. п.

В Республике Беларусь за получение взятки согласно ч. 1 ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрено наказание в виде ограничения свободы сроком от 3 до 5 лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или лишением свободы на срок до 7 лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Должностные лица, занимающие государственные должности, осужденные за совершение коррупционных преступлений, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания, к ним не применяется замена неотбытой части наказания более мягким наказанием. На основании акта амнистии такие лица могут быть лишь частично освобождены от наказания при условии полного возмещения стоимостного эквивалента предмета взятки.

Индекс восприятия коррупции в Республике Беларусь за 2024 г., согласно данным международной общественной организации Transparency International, составил 33 балла, что соответствует 114 месту среди 180 исследованных стран. Несмотря на снижение на 1,1 % числа осужденных за коррупционные преступления по сравнению с 2023 г., актуальность поиска и оптимизации методов противодействия коррупции и коррупционным проявлениям остается ключевым аспектом совершенствования антикоррупционной политики.

По состоянию на 2024 г. в рейтинг наименее коррумпированных государств входят: Королевство Дания (далее – Дания), Финляндская Республика (далее – Финляндия) и Республика Сингапур (далее – Сингапур).

Антикоррупционная политика Дании и Финляндии составляют скандинавскую модель противодействия коррупции.

В соответствии с УК Дании коррупционные преступления подлежат строгим мерам наказания, включая штраф, размер которого зависит от степени тяжести и уровня преступления. В качестве альтернативных мер могут быть применены лишение свободы на срок до шести лет, а также пожизненное запрещение занимать государственные должности. Примечательно, что законодательство Дании демонстрирует тенденцию к последовательному ужесточению санкционных мер в отношении коррупционных деяний, что подтверждается ежегодным внесением соответствующих изменений в нормативно-правовую базу.

В Дании отсутствует специализированное антикоррупционное ведомство; функции по расследованию коррупционных преступлений возложены на правоохранительные органы. Тем не менее в соответствии с датским законодательством любой гражданин имеет право инициировать официальное обращение в правоохранительные структуры при наличии обоснованных подозрений в коррупционной деятельности. Государство придерживается политики абсолютной нетерпимости к коррупционным проявлениям. При трудоустройстве кандидаты подписывают соглашения, обязывающие их воздерживаться от получения или дачи взятки. В случае нарушения данного обязательства работник подлежит немедленному увольнению без возможности обжалования данного решения. Такая мера направлена на создание превентивных условий, минимизирующих риск коррупционных действий среди государственных служащих и представителей частного сектора.

В Финляндии систему органов, занимающихся противодействием коррупции, составляют Министерство юстиции, Национальное бюро расследований, Генеральная прокуратура.

Уголовное законодательство Финляндии предусматривает применение санкционных мер в отношении государственных должностных лиц, совершивших коррупционные преступления. В соответствии с действующим законодательством наказание может варьироваться от штрафа до двух лет лишения свободы. Кроме того, лица, признанные виновными в коррупционных деяниях, подлежат обязательному освобождению от занимаемой должности. В случае наличия отягчающих обстоятельств могут быть применены дополнительные меры, такие как запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух месяцев до четырех лет. Эти меры направлены на предотвращение рецидивов и восстановление доверия к государственным институтам.

К основным механизмам, обеспечивающим низкий уровень коррупции в государстве, часто относят активное взаимодействие государства

с институтами гражданского общества, политическую, финансовую и кадровую независимость системы правосудия, независимые средства массовой информации, открытость процесса принятия решений должностными лицами, а также эффективность организации административной системы.

В Сингапуре в рамках реализации антикоррупционной политики была проведена работа по пересмотру и упрощению законодательства для того, чтобы:

устранить двусмысленность формулировок, которые могли бы служить основанием для злоупотребления служебным положением представителями исполнительной и судебной ветвей власти;

создать понятную систему законодательства, лишенную внутренних противоречий и обеспечивающую правовую определенность;

упразднить административные процедуры, требующие обязательного согласования с государственными органами.

В соответствии с УК Сингапура коррупционные преступления наказываются санкциями в виде штрафа и лишения свободы на срок от пяти до семи лет, в зависимости от тяжести преступления. В ряде случаев может быть применена совокупность указанных мер воздействия за каждый доказанный эпизод коррупционной деятельности.

Особое внимание следует уделить созданию независимой комиссии по расследованию экономических преступлений, субъектами которых являются высшие должностные лица и политические деятели. Данный институт призван обеспечить объективность и беспристрастность в проведении антикоррупционных расследований, что является важным элементом системы противодействия коррупции на национальном уровне.

Подчеркнем, что во всех вышеперечисленных государствах, помимо репрессивных, особое внимание уделяется превентивным антикоррупционным мерам.

К главным структурным элементам системы антикоррупционных мер относятся социальная (общесоциальная) профилактика и криминологическая (специальная) профилактика.

Н.А. Бабий в учебнике «Противодействие коррупции» включает в криминологическую (специальную) профилактику:

контроль за действиями должностных лиц при осуществлении властных полномочий, организацией доступа и распоряжением материальными ресурсами, полученными доходами, отраженными в соответствующей декларации;

превентивные мероприятия по упрощению и повышению прозрачности бюрократической деятельности;

кадровую, техническую и оперативно-тактическую подготовленность правоохранительных органов к противодействию коррумпированным структурам и схемам всех уровней.

Таким образом, противодействие коррупции является одним из важнейших приоритетов антикоррупционной политики белорусского государства. Анализ зарубежного опыта позволяет констатировать, что использование исключительно репрессивных методов в данной сфере не является оптимальным. Проблема противодействия коррупционным правонарушениям носит многофакторный и многогранный характер, что обуславливает ее перманентную актуальность и необходимость дальнейшего углубленного исследования.

УДК 343.593

Ю.С. Ковалева, курсант факультета милиции
Могилевского института МВД Республики
Беларусь

ХУЛИГАНСТВО: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В числе преступлений против общественного порядка и общественной нравственности хулиганство занимает доминирующее положение. Справедливым будет отметить, что, по данным Верховного Суда Республики Беларусь, в первом полугодии 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года количество лиц, осужденных за это преступление, сократилось более чем на треть. Но противодействие хулиганским действиям, которые нередко являются лишь первым шагом на пути совершения самых тяжких преступлений, по-прежнему остается важным направлением в деятельности правоохранительных органов. Статистика свидетельствует, что в течение двух последних лет в республике осуждено 62 человека за причинение тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений, а 8 человек – за убийство с такой же мотивацией.

Хулиганство по своему содержанию может быть связано с причинением имущественного ущерба либо физического вреда, а также выражаться в циничном поведении по отношению к окружающим. Это делает его сходным с другими преступными деяниями, совершаемыми по хулиганским мотивам. В законодательном определении хулиганства присутствуют оценочные понятия, толкование которых основывается на субъективном мнении правоприменителей. Эти факторы порождают

спорные вопросы, с которыми подчас сталкивается судебнo-следственная практика.

Учитывая данные обстоятельства, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь дал соответствующие разъяснения в постановлении от 24 марта 2005 г. № 1 (в ред. от 25 июня 2025 г. № 5) «О судебной практике по делам о хулиганстве» (далее – постановление), которое и в настоящее время является актуальным. Вместе с тем изменения в общественной жизни, появление инновационных технологий, искусственного интеллекта привели к возникновению новых преступлений, видоизменению существующих преступных деяний, что коснулось и хулиганства. Это и предопределило обновленную редакцию постановления в 2025 г.

Так, в п. 3 постановления указано, что явное неуважение к обществу, касающееся как многих граждан, так и конкретного лица, может демонстрироваться в средствах массовой информации, через сеть Интернет, а также иные сети электросвязи. Возникает вопрос: «Как можно совершить хулиганство в виртуальном пространстве?» Законодательное определение хулиганства в ст. 339 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. Закона Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3) (далее – УК) предусматривает в качестве его признаков насилие или его угрозу, либо уничтожение или повреждение чужого имущества, либо наличие в преступном деянии исключительного цинизма. Сложно увязать первые два признака с информационным пространством. Представляется, что в постановлении имеется в виду размещение информации, которая по своему содержанию, исходя из смысла п. 7 постановления, должна быть исключительно циничной, в частности, так или иначе связанной с издевательством, глумлением над беспомощными людьми, демонстративным проявлением бесстыдства и т. п. Этот признак является оценочным и зависит от конкретных обстоятельств. При этом обязательно наличие хулиганского мотива, стремление нарушить общественный порядок (например, сорвать массовое мероприятие, нарушить нормальную работу организации и т. д.).

На практике имеют место случаи использования в процессе хулиганства животных (например, натравливание собаки на потерпевшего). Можно ли их рассматривать в качестве предмета для причинения телесных повреждений, о чем идет речь в ч. 3 ст. 339 УК? Именно так рассматриваются животные в подобных ситуациях в российской правоприменительной практике. Об этом свидетельствует разъяснение п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 (в ред. от 26 ноября 2024 г.) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершен-

ных из хулиганских побуждений». В Республике Беларусь п. 5 постановления в новой редакции закреплена иной подход, исходя из которого использование животных в процессе хулиганства следует расценивать как применение насилия или угрозу его применения, т. е. как простое хулиганство.

В п.19 постановления законодатель обращает внимание на отграничение хулиганства от других преступных деяний, результатом которых выступает повреждение либо уничтожение имущества. В частности, речь идет о так называемом вандализме (ст. 341 УК). Основными критериями выступают хулиганский мотив и обстоятельства уничтожения или повреждения имущества, позволяющие сделать вывод о наличии грубого нарушения общественного порядка, явного неуважения к обществу.

Касаясь мотива, следует отметить, что нередко таковым при совершении преступных действий, предусмотренных ст. 341 УК, выступают именно хулиганские побуждения. Представляется, что наиболее сложным в разграничении этих преступлений является вопрос наличия либо отсутствия именно грубого нарушения общественного порядка и явного неуважения к обществу. Хотя в п. 3 постановления и даны разъяснения, касающиеся этих признаков уголовно наказуемого хулиганства, они носят общий характер и по существу решение вопроса о наличии или отсутствии указанных признаков зависит от субъективного мнения правоприменителя. Конечно, нельзя предусмотреть в постановлении все варианты грубого нарушения общественного порядка и явного неуважения к окружающим. Вместе с тем, по нашему мнению, можно было бы привести типичные примеры ситуаций, в которых действия нельзя расценивать как хулиганские (например, повреждение имущества незаметно для окружающих либо в их отсутствие, что сознается виновным, и т. п.).

В современных условиях актуальным направлением деятельности правоохранительных органов является предупреждение преступлений экстремистской направленности. В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 292-З) «О противодействии экстремизму» в числе экстремистских указаны и действия, грубо нарушающие общественный порядок. По существу, речь идет о хулиганстве. Но в белорусском законодательстве совершение этого преступления по мотивам политической, идеологической, национальной, религиозной и иной вражды или розни, которые свидетельствуют об экстремистской подоплеке деяния, не отражено. В этой связи представляет интерес законодательная регламентация хулиганства в законодательстве Российской Федерации. Так, в ч. 1

ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ РФ (в ред. от 31 июля 2025 г.) эти мотивы указаны в качестве одного из возможных признаков основного состава хулиганства. Представляется, что сочетание хулиганских и экстремистских мотивов существенно повышает степень общественной опасности подобных деяний. Поэтому, по нашему мнению, было бы оправданным предусмотреть в ч. 2 ст. 339 УК вышеуказанные мотивы в качестве квалифицирующего признака.

Итак, вывод: дальнейшее совершенствование уголовного законодательства, связанного с правовой оценкой хулиганства, на основе анализа и обобщения судебно-следственной практики способствует как интересам общественной безопасности, так и интересам конкретной личности.

УДК 343.8

А.А. Корбан, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРЯДКА И УСЛОВИЙ НАХОЖДЕНИЯ ГРАЖДАН В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫХ ПРОФИЛАКТОРИЯХ

Общественное благополучие является фундаментальной основой любого социального государства. Когда мы говорим об общественном благополучии, подразумеваем состояние общества, при котором каждый из его членов чувствует себя защищенным государством и правом, уверен в верховенстве социальной справедливости и имеет реальные возможности для реализации своих прав, свобод и законных интересов, что обеспечивается деятельностью различных государственных органов. В качестве элемента общественного благополучия вполне разумно мы рассматриваем общественную безопасность, которая обеспечивается сегментом правоохранительных государственных органов, главным образом – органами внутренних дел, в систему которых входят лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), являющиеся организациями для принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду граждан, которые неоднократно проявляют девиантное поведение, детерминированное нахождением в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов,

токсических или других одурманивающих веществ, и у которых впоследствии по результатам медицинского освидетельствования выявлено (подтверждено) заболевание хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией.

Иными словами, деятельность ЛТП занимает важное место в обеспечении общественной безопасности, так как она направлена на принудительную изоляцию и медико-социальную реадaptацию правонарушителей, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, в связи с чем становится возможным предупреждение совершения ими новых правонарушений и проявления иных форм девиантного поведения.

Проводя анализ общественных отношений, возникающих и развивающихся в связи с осуществлением в отношении граждан, находящихся в ЛТП, медико-социальной реадaptации, можно прийти к выводу, что на современном этапе институт ЛТП не использует весь имеющийся потенциал, чтобы достичь еще большего уровня эффективности в своей деятельности, и нуждается в совершенствовании организационно-правовых аспектов медико-социальной реадaptации, а также в решении проблем в области порядка и условий нахождения граждан в ЛТП.

Изучив нормы современного и ранее действовавшего законодательства, связанные с принудительной изоляцией граждан, больных хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, можно определить, что практика принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации граждан, находящихся в ЛТП, сталкивается с рядом проблем, таких как недостаточный уровень правового регулирования оснований для возможного сокращения срока граждан, организационно-правовые пробелы трудоустройства граждан, обязанных возмещать расходы на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении во время нахождения в ЛТП, а также решения вопросов трудоустройства данной категории лиц на этапе перед прекращением их нахождения в ЛТП, эффективность практики применения к гражданам существующих мер взыскания и поощрения, юридическое значение ходатайства родственников граждан о сокращении срока их нахождения в ЛТП и др.

Изложенные проблемы требуют комплексного научного исследования, а разработка изменений в законодательство и практических предложений позволит усовершенствовать порядок и условия нахождения граждан в ЛТП и тем самым повысить уровень эффективности деятельности указанных учреждений в целом.

А.А. Костелетская, студент юридического факультета Белорусского государственного университета;

В.С. Тишурова, студент юридического факультета Белорусского государственного университета

КИБЕРСТАЛКИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ В СЕКС-ИНДУСТРИЮ

Киберсталкинг – насильственное преследование в цифровой среде. Сбор информации о потенциальной жертве осуществляется сталкером из открытых данных – по профилям в социальных сетях, геолокационным данным или фотографиям, путем применения вредоносного программного обеспечения, несанкционированного доступа к веб-камере и использования специальных устройств слежения. Информацию можно получить также из личной переписки или разговора с жертвой.

Развитие интернета, обеспечивающее анонимность и удобство взаимодействия без необходимости личных встреч, создало благоприятные условия для прочной интеграции рынка сексуальных услуг в цифровую среду. С.В. Шлык в публикации «Криминологические, индустриальные и системные аспекты современной секс-индустрии» определяет секс-индустрию как «сложную социальную систему, включающую в себя как легитимные, так и противозаконные коммерческие действия, связанные с оборотом, предложением и потреблением сексуальных товаров и услуг, осуществляемые в пределах границ определенных стран или регионов». Современная действительность такова, что «рекрутеры» могут использовать киберсталкинг в качестве инструмента для достижения определенной цели, а именно – вовлечения в секс-индустрию с последующим извлечением финансовой выгоды.

Криминологический портрет личности потерпевших от сексуальной эксплуатации выглядит следующим образом:

- 1) отсутствие доступа к получению должного уровня образования, профессиональных навыков в какой-либо сфере;
- 2) проживание за чертой бедности (наиболее подвержены вовлечению в секс-индустрию жертвы, которые имеют финансовые проблемы и нуждаются в материальной поддержке);
- 3) невозможность длительное время найти источник заработка;

4) наркотическая или алкогольная зависимость (такие лица наиболее подвержены манипуляциям, часто теряют связь с реальностью и не могут объективно оценивать происходящее с ними);

5) отсутствие волевых качеств (данная особенность проявляется в повышенной внушаемости, психологической инфантильности, доверчивости, легкомыслии, уязвимости к агрессии);

6) наличие психологических травм (чаще всего такие травмы появляются в детстве, они могут быть вызваны насилием, чувством ненужности или отверженности родителями).

В настоящее время отечественными и зарубежными учеными активно исследуется явление онлайн-груминга, которое А.С. Мошарова и Д.А. Карабатова в статье «Проблемы защиты детей от насилия в киберпространстве» определяют, как манипулятивный процесс, подразумевающий собой «обхаживание» ребенка с сексуальными целями. При этом можно проследить сходное поведение киберсталкера в отношении жертв, вовлекаемых в секс-индустрию. Так, после нахождения жертвы сталкер осуществляет взаимодействие, которое включает в себя установление доверительных отношений, их развитие, создание впечатления исключительного характера таких отношений. Получив расположение жертвы, происходит включение в общение тем сексуального содержания, после чего у киберсталкера появляется возможность получить у лица интимные фотографии и видео. Если такие материалы используются грумером с целью навязать ребенку ложное представление о нормальности сексуальной связи со взрослым, чтобы в конечном итоге встретиться с ребенком лично, то киберсталкер сфокусирован на получении компрометирующих материалов для превращения их в инструмент воздействия на жертву. Однако, несмотря на то, что термин «онлайн-груминг» в научной литературе применим только в отношении несовершеннолетних, выявленный механизм может быть использован киберсталкерами, действующими в отношении взрослых, с целью вовлечения их в секс-индустрию, что требует новых форм профилактики и противодействия.

Секс-индустрия в цифровой среде вызывает ряд криминологических последствий: увеличение количества преступлений против половой свободы; завладение персональной информацией; повышенный уровень виктимности девушек, оказывающих секс-услуги в сети Интернет.

Для эффективного противодействия данной проблеме считаем необходимым:

1. Повысить осведомленность граждан о цифровой безопасности. Для обеспечения кибербезопасности значение имеют разработка и внедрение передовых технологий защиты, повышение уровня цифровой

грамотности пользователей, обучение и повышение информированности о новых возможностях и угрозах в сети Интернет. Так, с 26 мая по 4 июня 2025 г. в нашей стране проводилась акция «На страже цифровой безопасности», направленная на повышение осведомленности населения о проблеме киберпреступности. Целевая направленность данной акции заключалась в освещении ряда актуальных преступлений, совершаемых в цифровой среде, преимущественно мошенничества. Считаем, что проведение подобных акций должно быть направлено и на противодействие такой проблеме, как киберсталкинг.

2. Установить четкую правовую базу. В белорусском законодательстве отсутствует отдельная статья, криминализирующая киберсталкинг. Деяния, подпадающие под это понятие, квалифицируются в зависимости от характера действий и наступивших последствий в рамках статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Существенное значение для регламентации ответственности за киберсталкинг с целью вовлечения в секс-индустрию имеют ст. 170 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией», ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией», ст. 181 «Торговля людьми», ст. 203¹ «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных», ст. 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера» УК.

3. Обеспечить жертвам защиту. Необходимо создание и финансирование служб психологической и юридической помощи жертвам, пострадавшим от киберсталкинга и его последствий, включая вовлечение в секс-индустрию.

4. Комплексное взаимодействие. Следует ввести единую уголовно-правовую и криминологическую политику государства, которая объединяла бы деятельность государственных органов, организаций и общественности по выявлению и борьбе с новыми формами вовлечения в секс-индустрию, в том числе и киберсталкингом.

Таким образом, профилактика киберсталкинга приобретает сегодня особое значение, что связано с трудностями его выявления посредством использования стандартных криминологических и криминалистических методов. Сложный характер данной проблемы требует комплексного подхода к ее решению с разработкой ответных мер, включающих в себя криминализацию рассматриваемого явления и его правовое регулирование. Обозначенные особенности киберсталкинга как инструмен-

та для вовлечения в секс-индустрию, социально-психологические механизмы реализации взаимодействия и приемы воздействия на жертву являются необходимым основанием для эффективного решения задач по выявлению, пресечению и профилактике такой формы преступных действий.

УДК 343.9

Д.А. Кудрявцев, слушатель факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ИХ РОЛЬ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ, РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Изучение личности преступника входит в предмет криминологической науки и является непосредственной связью между остальными его элементами (преступность, причины и условия преступности, предупреждение). Для более полного понимания необходимо определить понятие такой личности. На наш взгляд, наиболее точное определение личности преступника приводит А.Н. Игнатов в публикации «Понятие и общая характеристика личности преступника»: «система взаимосвязанных и взаимодействующих биологических, психофизиологических, психологических, социальных и духовных составляющих личности индивида, которая, отражаясь сквозь призму объективных и субъективных факторов, реализуется в конкретной жизненной ситуации в форме преступного поведения». Метод системно-структурного анализа в понимании личности преступника, предложенный данным автором, исходит из того, что личность любого преступника является системой, в котором все элементы неразрывно связаны между собой и биологическая составляющая также играет непосредственную роль при формировании личности преступника.

Изучение биологической составляющей личности преступника важно прежде всего при изучении мотивации поведения человека, поскольку физиология не только определяет потребности и привычки человека, она является определяющей и в выборе способа совершения посягательства и самого объекта преступления. Кроме того, наличие аномалий развития, которые могут выражаться как в психофизиологической неполноценности, так и в наличии каких-либо физиологических недостатков могут

оказывать влияние на социализацию человека, на отношение общества к нему и формированию определенных установок (например, противопоставления себя обществу, желанию доказать свою значимость и т. д.).

Изучению влияния биологических факторов на формирование личности преступника в криминологической науке во все времена уделялось большое внимание. Так, Ч. Ломброзо указывал на особенное влияние определенного строения генов, которые оказывают влияние на формирование личности преступника. Ч. Ломброзо внес большой вклад в развитие биологической теории преступного поведения, определив, что преступники имеют особенности физиологического развития (признаки, которые позволяют отличить преступную личность), он стал основоположником изучения влияния генетики, нейрохимии и физиологических особенностей на поведение человека.

Развитие научного знания в области психофизиологии позволило прийти к выводу о непосредственном влиянии физиологии на формирование личности и поведение человека. Например, З. Фрейд изучал теорию влияния поведения родителей на личность ребенка, а также причинность поведения человека. Фрейд подчеркивал, что удовлетворение первичных потребностей человека напрямую определяет его поведение. З. Фрейд доказал, что невозможность удовлетворения базовых потребностей человека в пище и безопасности может приводить к девиантному поведению такого человека.

Однако, как отмечает в научной статье «Биологические факторы детерминации насильственной преступности» А.Н. Игнатов, в современных исследованиях, посвященных детерминантам формирования личности преступника, исследователи уделяют недостаточно внимания биологическим факторам, что, на наш взгляд, приводит к затруднению профилактики отдельных преступлений (например, направленных против жизни и здоровья, половой свободы или неприкосновенности, и др.). Важность исследования биологических факторов как в научном сообществе, так и в практической деятельности колоссальна, ввиду большого влияния их на поведение человека и восприятие им окружающего мира.

Биологические детерминанты формирования личности преступника, на наш взгляд, следует рассматривать в виде системы, объединяющей в себе врожденные (генетические), внутриутробные и приобретенные характеристики и свойства человека.

Врожденные (генетические) факторы составляют биологические особенности родителей человека, физиологические предрасположенности, генетические мутации, заболевания и др., которые передаются наследственным путем и закладываются в генетический код будущего ребенка. Среди таких можно отметить: наличие у родителей заболеваний

иммунной системы (ВИЧ, СПИД и др.). Кроме того, исследователи отмечают, что по наследству от родителей к ребенку могут передаваться и особенности характера (агрессивность, импульсивность и т. д.). Аномалии, которые возникают в работе головного мозга, ввиду особенностей физиологии родителей, оказывают огромное влияние на уровень самоконтроля, самовосприятие индивида. Уровни нейротрансмиттеров, таких как серотонин и дофамин, также играют значительную роль в управлении агрессией и импульсивностью.

Внутриутробные факторы, которые влияют на формирование плода в утробе матери, ввиду наличия пристрастий к алкоголю, наркотическим веществам, табачной продукции, стресс и тревожность родителей, заражение матери во время беременности болезнями, оказывают влияние на формирование плода в утробе. Указанные факторы могут спровоцировать развитие физиологических аномалий у плода (сексуальные расстройства, ДЦП, психические мутации и отклонения и др.), что впоследствии окажет влияние на социализацию ребенка после рождения, восприятие им действительности, а в отдельных случаях может привести к преступной активности. Например, данный факт может подтверждать особенности сексуального поведения некоторых серийных преступников, которые могли испытывать сексуальное удовлетворение только благодаря совершению насилия в отношении других людей (в контексте психофизиологических патологий, явившихся результатом неполноценного развития плода в утробе).

Приобретенные факторы, которые возникают после рождения ребенка. К ним можно отнести физиологические недостатки, возникающие из различных травм (обезображивание лица и др.), психические травмы, формирующие негативное отношение к обществу и его ценностям, воздействие окружающей среды (солнечная активность и др.), насилие, питание и т. д., которые оказывают влияние на физиологическое развитие ребенка.

На поведение человека, как отмечают ученые, большое влияние оказывает и гормональная составляющая физиологии человека. Определенный набор гормонов, их переизбыток или недостаток могут формировать агрессивность в поведении, что впоследствии приводит к совершению преступления.

Современные исследования о влиянии биологических факторов свидетельствуют о том, что физиологические маркеры (уровень стресса, реакции на стресс и поведение в условия стресса) являются важными предикторами в преступной деятельности. Кроме того, на преступное поведение в момент возникновения стрессовой ситуации указывают и отдельные генетические предрасположенности.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что на поведение человека оказывают следующие факторы: генетика, мозговая активность, структура и особенности развития головного мозга и центральной нервной системы, гормональный баланс и физиологическая полноценность.

Изучение биологических факторов формирования личности преступника, во-первых, позволяет выработать теоретические положения предупреждения формирования личности преступника, что может оказать влияние на возможность установления маркеров личности преступника, кроме того, позволяет более детально изучить мотивацию лица, цели и психофизиологические предпосылки совершения им преступления.

Во-вторых, изучение личности преступника важно для превентивной деятельности, так как позволяет определить причины преступного поведения, выявить мотивацию и цели совершения преступления, позволяет оценить криминальность личности, возможность совершения конкретным человеком преступления. Определить причины выбора того или иного объекта посягательства и способа осуществления преступной деятельности.

В-третьих, в раскрытии и расследовании преступлений, особенно тяжких и особо тяжких, направленных против личности, учет биологических особенностей позволяет подобрать правильную тактику проведения следственных действий и взаимодействия с лицом, совершившим преступление.

Таким образом, изучение биологических факторов формирования личности преступника имеет существенное не только теоретико-познавательное, но практическое значение, позволяет развивать криминологическую доктрину и практику предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

УДК 343.9

Т.С. Лебедевич, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О ПОНЯТИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В КРИМИНОЛОГИИ

Согласно ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как ими самими, так и другими лицами. Данные цели реа-

лизуются путем применения к осужденным различных средств исправления. Однако невозможно оказывать полноценное воздействие без глубокого анализа того, на кого оно направлено. Таким образом, посредством анализа личности преступника, ее индивидуальных особенностей и криминогенных характеристик возможно наиболее эффективно организовать процесс исполнения наказания в отношении конкретного лица.

Представления о понятии личности преступника зарождались в различных науках, научных направлениях и религии. Негативное начало человека, которое толкает его на совершение преступлений, интересовало философов, ученых и религиозных деятелей во все времена.

Современная криминологическая наука рассматривает личность преступника как сложное социологическое понятие, объединяющее в себе философскую категорию «личность» и юридическую категорию «преступник».

Личность – это динамичная, относительно устойчивая целостная система интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, выраженных в индивидуальных особенностях его сознания и деятельности, т. е. это индивидуальная форма бытия общественных отношений. Однако в случае личности преступника эти качества приобретают особую специфику: в качестве ее существенной характеристики выступает совокупность отрицательных черт и свойств, деформирующих привычное отношение к социальной среде. Именно такое сочетание социальных свойств и признаков, а также соотношение социально-положительных и социально-отрицательных элементов позволяет наиболее полно понять, кто совершает преступление, какие факторы обусловили его поведение, и как именно формируется преступный поступок.

Однако стоит обратить внимание и на то, что юридическую категорию преступник определяет совокупность четко определенных признаков. Иными словами, если понимать под составляющей «преступник» субъект уголовного преступления, то это физическое, вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста уголовной ответственности, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Тогда становится очевидным, что ограничиваться лишь узким юридическим пониманием преступника недостаточно. Оно фиксирует сам факт совершения противоправного деяния, но не раскрывает глубинные причины совершения преступления. Более того, необходимо учитывать, что преступное деяние может быть совершено лицом, которое по закону не подлежит уголовной ответственности, например в силу недостижения установленного возраста. В таких ситуациях

юридическое определение «преступник» применить невозможно, однако сама личность лица, совершившего деяние, все же подлежит внимательному изучению.

Все это необходимо для того, чтобы изучать личность преступника во всем ее многообразии, включая социально-демографические, социально-ролевые, уголовно-правовые и нравственно-психологические признаки, а также механизм индивидуального преступного поведения. Иными словами, не только тех преступников, которые признаны таковыми в соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь, но и всеми иными лицами (в том числе теми, от которых стоит ожидать совершения преступления). Личность преступника можно рассматривать не просто как набор статистических признаков или отдельных психологических качеств, а как сложное сочетание социальных условий, жизненных ролей, внутренних установок и индивидуальных особенностей. В совокупности они формируют ту основу, которая определяет отношение человека к нормам общества и права, а также являются детерминантами совершения преступления.

Наиболее часто встречающимся определением личности преступника является определение ее как системы психолого-социологических особенностей и качеств человека, которые как раз и являются основными причинами, следствием которых и имеет место совершение преступления.

Современная криминологическая наука предлагает разные подходы к раскрытию данного понятия. Так, Е.Б. Кургузкина в автореферате «Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений» подчеркивает динамический характер личности преступника, определяя ее как состояние человека, формируемое под воздействием внешних и внутренних, социальных, биологических и психологических факторов. Она выделяет характерные черты, которые отличают такую личность от других: отчуждение от нормальных социальных связей и ценностей, более низкий уровень образования и культуры, сниженная нравственность, выражающаяся в готовности использовать криминальные средства для достижения целей. Указывается также ряд психологических особенностей, нередко свойственных преступнику, таких как гипертрофированная импульсивность, ригидность, повышенная тревожность или склонность к подозрительности и паранояльности.

Познание личности преступника целесообразно начинать с анализа ее структуры, которая охватывает несколько взаимосвязанных компонентов. В первую очередь рассматриваются социально-демографические признаки, такие как пол, возраст, место жительства, семейное положение, национальность, род занятий и иные характеристики, позволяющие

очертить социальный портрет личности. Не менее важны интеллектуальные признаки, отражающие уровень образования, особенности умственного развития и способности к освоению новых знаний.

Существенную роль играют нравственно-психологические признаки, включающие в себя черты характера, систему ценностей и интересов, устойчивые привычки, а также направленность стремлений. В эту систему также входят медико-биологические показатели, касающиеся состояния здоровья, физиологических особенностей и индивидуальных свойств организма.

Особое место занимают уголовно-правовые признаки, среди которых ключевое значение имеет наличие или отсутствие судимости, а также специфика предыдущего преступного опыта. Изучение всех этих признаков по отдельности позволяет установить наиболее точную характеристику общего понятия о личности преступника.

Таким образом, изучение личности преступника имеет большое научно-познавательное и практическое значение для успешного решения всего комплекса задач, связанных как с конкретным эпизодом совершения преступления или становления лица как преступника, так и с общими вопросами, касающимися борьбы с преступностью. Без изучения личности преступника невозможно организовать эффективную деятельность в государстве по предупреждению преступности в целом.

УДК 343.2

А.М. Лемешев, курсант факультета правоохранительной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России

НАРУШЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В Конституции Российской Федерации предусмотрены основные положения, закрепляющие государственную защиту персональных данных, а также меры противодействия бесконтрольному распространению и незаконному использованию:

- 1) «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» (ст. 23);
- 2) «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (ч. 1 ст. 24);

3) «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ч. 4 ст. 29).

В соответствии с этими нормами незаконные сбор, хранение, распространение и хищение информации влекут юридическую ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

Неправомерное использование персональных данных является одной из причин роста преступности. В частности, современных видов преступности, связанных с информационно-телекоммуникационными технологиями. На основе изученной статистики и практических случаев можно говорить о следующих целях получения персональных данных в преступных целях:

1. Благодаря полученным персональным данным можно более точно составить фишинговые рассылки для увеличения вероятности выполнения необходимых для злоумышленника требований (метод социальной инженерии).

2. С помощью персональных данных можно получить доступ к аккаунту пользователя с целью дальнейшего использования его в незаконных целях.

3. Полученные персональные данные могут стать средством шантажа или запугивания лица, что ставит пользователя в беззащитное положение перед злоумышленниками.

В настоящее время основными способами получения конфиденциальной информации злоумышленниками являются:

взлом баз данных крупных компаний;

фишинговые рассылки;

неправомерное распространение персональных данных лицами, допущенными к их обработке.

Крупным распространением персональных данных занимаются специализированные хакерские группировки. Примером одной из них будет хакерская группа, именующая себя Silent Crow. На протяжении длительного времени они взламывают исключительно российские компании и государственные сайты. Так, они начали со взлома Единого государственного реестра недвижимости. Заявляется, что был получен доступ к более чем 2 млрд записей, общим размером около 1 Тб данных. В них содержится: Ф.И.О., адреса электронной почты, телефонные номера, адреса проживания, паспортные данные, дата рождения клиентов и СНИЛС.

Говоря об утечках персональных данных, нельзя не отметить факт о неправомерной передаче персональных данных пользователей сотруд-

никами крупных компаний. Так, в октябре 2024 г. сотрудник, один из операторов сотовой связи, воспользовавшись служебным положением и доступом к базе данных, за денежное вознаграждение копировал и передавал третьим лицам персональные сведения свыше двух десятков абонентов. Он также делился детализацией их телефонных соединений. Эти конфиденциальные данные сбывал через сеть Интернет за материальное вознаграждение. Сотрудник признан виновным по уголовному делу «Неправомерный доступ к компьютерной информации, совершенный из корыстной заинтересованности» ч. 2 ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В России основным регламентирующим законодательным актом, касающимся вопросов конфиденциальной информации, является Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Он регулирует обработку, распространение и хранение персональных данных о гражданах. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет основные термины, разграничивает информацию конфиденциального и общедоступного характера.

Ключевой особенностью персональных данных является факт их использования для совершения других видов преступлений, т. е. персональные данные являются не только объектом, но и составной частью объективной стороны преступления. Именно эта отличительная черта позволяет нам говорить о том, что получение персональных данных не является конечной целью преступного деяния. Получение конфиденциальных сведений о потенциальной жертве преступных посягательств может с большей вероятностью гарантировать осуществление более тяжких видов преступлений. В большинстве случаев злоумышленники заранее получают необходимые сведения о потенциальной жертве (при точечном или массовом преступном посягательстве) для воплощения в действие преступного замысла.

Приводя примеры, можно разобрать метод телефонного мошенничества, в котором злоумышленники заранее получают определенные персональные данные о гражданине и посредством социальной инженерии заставляют его выполнить навязанные ему требования. В некоторых случаях преступники могут представиться уполномоченным лицом, в то время как у гражданина может даже не возникнуть вопрос о неправдивости звонка, так как полученная конфиденциальная информация позволяет убедить человека в обратном.

Таким образом, учитывая факт роста преступлений, совершаемых с помощью незаконного использования персональных данных, существу-

ет необходимость признать усиливающим обстоятельством общественную опасность деяния, т. е. совершение преступления посредством использования персональных данных отягчающим обстоятельством и внести самостоятельным пунктом в ч. 1 ст. 63 «Обстоятельства, отягчающие наказание» Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная мера в полном объеме осуществит возложенные на нее обязанности по ужесточению наказания и выступит регулятором превентивной меры в рассматриваемой проблеме.

УДК 343.2

А.И. Леута, студент юридического факультета филиала Российского государственного социального университета в г. Минске

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время введение уголовной ответственности юридических лиц представляет собой одну из наиболее актуальных и обсуждаемых тем в правоприменительной практике современных государств, благодаря чему ведутся многочисленные дискуссии и в странах постсоветского пространства. Однако Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовный кодекс Республики Беларусь не предусматривают возможности уголовного преследования юридических лиц. Полагаем, рассматриваемый институт необходим в первую очередь для должного регулирования рыночных отношений, связей государства и предпринимательства, защиты прав и интересов граждан. Целесообразность ее введения обусловлена также ростом числа преступлений, совершаемых от имени юридических лиц либо для их выгоды физическими лицами, а именно: лицами, осуществляющими управленческие функции, учредителями юридического лица, а также иными лицами, находящимися в подчинении у вышеуказанных лиц и действующими в пользу юридического лица.

В правовой доктрине по данному вопросу сформировалось несколько основных подходов. Так, одни авторы считают, что юридическое лицо не может нести уголовную ответственность (Н.С. Таганцев, Т.В. Телятицкая), а другие предлагают обоснование и закрепление такой ответственности в уголовном законодательстве (Н.В. Щедрин,

А.И. Бастрыкин). Есть и те, кто моделируют совершенно иной подход, как, например, Б.В. Волженкин, который разделял субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности. К субъекту преступления он относил исключительно физическое лицо, обладающее сознанием и волей, способное совершить общественно опасное деяние. При этом ученый указывал, что к уголовной ответственности могут быть привлечены не только физические, но и юридические лица.

Противники уголовной ответственности юридических лиц полагают, что бороться с противоправной деятельностью таких субъектов необходимо не только уголовно-правовыми мерами, а следует применять механизмы принуждения в рамках экологического, гражданского или административного права. В данном аспекте следует указать на сложности с определением вины, поскольку она является обязательным признаком субъективной стороны. Юридическое лицо не обладает сознанием и волей, не может иметь психического отношения к совершаемому деянию и его последствиям, что отличает его от физического лица. Установить вину юридического лица невозможно без изучения деяний лиц, осуществляющих функции по управлению в данной организации. По этой причине сторонники отрицания уголовной ответственности юридических лиц указывают на возможность нарушения в этом случае принципа личной виновной ответственности.

Оппоненты вышеуказанного подхода полагают, что введение уголовной ответственности юридических лиц позволит ликвидировать организации, занимающиеся отмыванием средств, полученных преступным путем или функционирующих в сферах, запрещенных государством на законодательном уровне (например, незаконный оборот оружием, наркотических средств либо психотропных веществ). Для решения вышеуказанных проблем ученые предлагают более четко определить в законодательстве условия привлечения к ответственности. Например, признавать юридическое лицо виновным, если правонарушение было совершено, санкционировано или одобрено его руководящим органом, либо стало возможным из-за недостаточного контроля со стороны организации, и эти действия принесли ей выгоду.

Полагаем, при принятии решения о возможности введения уголовной ответственности юридических лиц необходимо учитывать положительный опыт зарубежных стран. Такая ответственность предусмотрена во Франции, Испании, Чехии, которые относятся к романо-германской правовой семье, как Россия и Беларусь. Например, в соответствии со ст. 121-2 Уголовного кодекса Франции все действующие в стране юридические лица за совершение уголовно наказуемого деяния несут ответ-

ственность. При этом уголовной ответственности подлежат также органы юридического лица либо их отдельные представители. Аналогичный подход используют законодатели англосаксонской правовой семьи: США, Канады, Австралии, Великобритании и др. Кроме штрафа, к юридическим лицам часто применяются следующие виды уголовно-правового воздействия: специальная конфискация, ограничение их деятельности, закрытие филиалов и подразделений, временное прекращение деятельности, ликвидация юридического лица, а также помещение под надзор, запрет на заключение договоров и заключение государственного контракта. В Китае, который переживает период перехода от социалистических к рыночным экономическим отношениям, также предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц. Соответственно, для России и Беларуси уже существуют готовые модели для адаптации данной практики в национальном законодательстве.

Первоначальным поводом для обсуждения вопроса введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации и Республике Беларусь послужила ратификация этими государствами Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Согласно ст. 26 указанной Конвенции ООН каждое государство-участник принимает такие меры, которые, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, в том числе и уголовной ответственности.

Ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. также определяет, что при условии соблюдения правовых принципов государства-участники устанавливают уголовную, гражданско-правовую или административную ответственность юридических лиц. Позднее, на 40-м пленарном заседании 5 декабря 2008 г. Группа государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) утвердила Сводный доклад по оценке мер, принятых органами власти Российской Федерации, для выполнения рекомендаций ГРЕКО, в том числе о введении уголовной ответственности за коррупционные преступления для юридических лиц. Так, одной из мер является дополнение Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях ст. 19.28 «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», которая предусматривает административную ответственность юридических лиц. При этом за рамками ответственности остались такие коррупционные правонарушения, как посредничество в передаче и получении незаконного вознаграждения, провокация передачи незаконного вознаграждения и др. Таким образом, следует отметить, что принятые Российской Фе-

дерацией и Республикой Беларусь законодательные меры являются неполными и требуют пересмотра законодательными органами, поскольку они лишь отчасти удовлетворяют требования ГРЕКО.

Кроме этого, при разработке действующего Уголовного кодекса Российской Федерации предполагалось закрепить уголовную ответственность для юридического лица в тех случаях, когда оно виновно в неисполнении или же в ненадлежащем исполнении прямого предписания закона; виновно в осуществлении деятельности, не соответствующей учредительному документу либо объявленным целям; если деяние, причинившее вред либо создавшее возможность возникновения угрозы вреда личности, государству или обществу, было совершено в интересах юридического лица или же было допущено, одобрено, санкционировано, использовано лицом или органом, которые осуществляют функции по управлению данным юридическим лицом.

Подводя итог, следует отметить ряд существенных возможных перспектив, которые смогут достигнуть Российская Федерация и Республика Беларусь при введении уголовной ответственности юридических лиц в национальную систему права. Во-первых, это действенное противодействие преступлениям в сфере экологии, экономики, а также общественной безопасности, которые наносят существенный вред определенным общественным отношениям, охраняемым государством. В этих случаях физическое лицо не всегда способно возместить причиненный ущерб. При этом юридические лица в силу своих возможностей причиняют более существенный вред и последствия совершенных ими деяний гораздо серьезнее, чем в случае с физическими лицами. Во-вторых, введение данного института позволит сместить вектор наказания за преступление в сторону неблагоприятных последствий для юридического лица, которое будет нести существенные имущественные, репутационные и иные потери. В-третьих, угроза уголовной ответственности юридических лиц способна стать определенным стимулом ответственно подходить к обеспечению безопасности, будет способствовать принятию ими действенных мер контроля за членами органов управления, а также нанимаемыми работниками. В-четвертых, это позволит эффективно противодействовать использованию в преступной деятельности фиктивных организаций и других корпоративных образований. Осуществление противоправной экономической деятельности способствует переходу наличных денежных средств в теневые секторы, криминализации экономики, что значительно повышает предпринимательские риски, влечет за собой отток капитала из страны. Соответственно, введение уголовной ответственности юридических лиц в Российской Феде-

рации и Республике Беларусь является целесообразным и обусловлено развитием экономических, социальных отношений, что соответствует национальным интересам обеих стран, а также требованиям международных договоров.

УДК 343.92

Г.А. Лугин, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

В современном мире социальные трансформации, происходящие под воздействием глобализации, урбанизации, информационной революции и экономических кризисов, существенно влияют на процессы социализации личности. Эти изменения отражаются не только на уровне общественного сознания, но и на структуре преступности, характере преступных проявлений и типах преступников. В криминологии давно установлено, что преступность – это не только совокупность противоправных деяний, но и социальное явление, тесно связанное с уровнем развития общества, состоянием его моральных и культурных ценностей.

Личность преступника, таким образом, формируется не в изоляции, а в контексте социальных условий, в которых он живет и воспитывается. Социум, его нормы, институты и отношения создают предпосылки для выбора человеком тех или иных моделей поведения. В этом контексте развитие общества напрямую влияет на степень криминогенности среды, на формирование устойчивых криминальных установок, на динамику преступного поведения.

Социокультурная среда выполняет двойственную функцию – с одной стороны, она способствует формированию социально одобряемых норм поведения, а с другой – при деформации моральных ориентиров способна порождать преступное (делинквентное) поведение. Именно социальная среда оказывает фундаментальное влияние на процесс социализации личности, задает систему ценностей, моральных норм и социальных ожиданий, в рамках которых человек формирует свои взгляды, мотивы и установки. При этом, как подчеркивает в своей статье «Социокультурные факторы формирования личности преступника глазами

отечественных исследователей» Ю.О. Гоменко, преступное поведение нередко формируется в результате противоречий между декларируемой обществом нормами и реальными возможностями их соблюдения.

Социальное неравенство, дискриминация, ограниченность социальных лифтов приводят к тому, что часть населения оказывается в маргинальном положении. В таких условиях у человека формируется чувство отчуждения, недоверия к институтам государства, а также искаженное восприятие социальной справедливости. Все это создает благоприятную почву для развития преступных мотивов. Именно в периоды социальных кризисов происходит обострение моральных противоречий в обществе, когда традиционные формы контроля ослабевают, а социальные нормы утрачивают обязательность. Это отражается на структуре личности: ослабляется внутренний контроль, деформируется чувство ответственности, усиливаются агрессивность и индивидуализм.

Культурная среда общества оказывает не меньшее влияние на формирование личности преступника. По мнению Ю.О. Гоменко, именно культура задает стандарты поведения, нормы морали и эстетические ценности, от которых зависит, какие формы поведения человек будет считать допустимыми. В современном социуме наблюдается процесс эрозии моральных ориентиров: стремление к материальному успеху начинает преобладать над нравственными принципами. Массовая культура, реклама, кино и интернет формируют у личности представление о «быстром успехе», который не требует усилий. Это, в свою очередь, приводит к снижению значимости труда, ответственности, честности – тех качеств, которые противостоят преступным мотивам.

Значительное воздействие на формирование личности преступника оказывает и информационная среда. Современные средства массовой информации, интернет и социальные сети стали не только инструментом коммуникации, но и средством трансляции норм и моделей поведения. Подростки, проводящие значительную часть времени в виртуальной среде, более подвержены девиантному поведению, так как не получают адекватного социального контроля. Пропаганда насилия, культы силы и материального успеха снижает критическое восприятие у молодежи и способствует формированию у них искаженного правового сознания (см. статью А.В. Никулина «Влияние социокультурных факторов на личность преступника»). В результате преступления начинают восприниматься не как морально осуждаемое действие, а как один из способов реализации личных целей.

Таким образом, анализ влияния развития социума на формирование личности преступника позволяет сделать вывод, что преступное

поведение не является исключительно индивидуальным выбором. Оно формируется в сложной системе общественных отношений, где экономические, культурные, семейные и информационные факторы взаимосвязаны. Личность преступника – это продукт социальной среды, отражающий противоречия, кризисы и деформации современного общества. Социальная ответственность государства и общества заключается в создании условий, при которых формирование личности происходит в атмосфере нравственных ценностей, правопорядка и справедливости. Только гармоничное развитие социума способно снизить уровень преступности и сформировать устойчивую систему профилактики.

УДК 343.01

М.А. Магазищикова, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ СТЕПЕНИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Стимулирование правопослушного поведения осужденных является одним из основополагающих принципов уголовно-исполнительного законодательства. Благодаря существованию институтов досрочного освобождения от наказания у осужденных имеется должная мотивация вести правопослушный образ жизни в период отбывания наказания, что, несомненно, способствует проявлению ресоциализирующей активности со стороны осужденных и успешно сказывается на их трудовой деятельности, получении ими образования, налаживании и поддержании социально полезных связей и иной общественно полезной деятельности. Закономерно, что пробуждение у осужденного внутренних мотивов к положительному изменению возможно лишь при систематическом появлении у него соответствующих переживаний, характер которых определяется, исходя из особенностей личности осужденного (ее положительных свойств и негативных черт) (см. статью Д.А. Павленко «Воспитательная работа с осужденными как основа их ресоциализации»).

Осознавая возможность не отбывать весь срок наказания за совершенное преступление, осужденный стремится выполнять все предъявляемые к нему требования. При этом применение условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы (УДО) воспри-

нимается осужденным как результат плодотворной работы над собой. Именно работа в проводимых воспитательных мероприятиях по трудовому, правовому, нравственному, эстетическому, санитарно-гигиеническому и антиалкогольному направлениям позволяет осужденным сформировать и закрепить необходимые компетенции, позволяющие вести правопослушный образ жизни после освобождения из мест лишения свободы.

Поэтому применение УДО является неотъемлемым элементом уголовного и уголовно-исполнительного права. Следует отметить, что единообразное и своевременное применение данного института сказывается на эффективности действия уголовно-исполнительного закона.

Критериям, соответствие которым позволяет сделать вывод об исправлении и отсутствии общественной опасности осужденных, уделяется большое внимание. На протяжении длительного времени учеными делаются попытки разработать критерии исправления осужденных. Еще древнегреческий философ Протагор определял наказание как попытку распрямления кривого дерева (см. «Русское уголовное право. Часть общая» Н.С. Таганцева (1902)). По мере развития государства изменяются и взгляды не только на цель наказания, но и на критерии исправления осужденного. Были выделены базовые критерии, свидетельствующие о позитивных изменениях личности осужденного: добросовестное отношение к труду, обучению; соблюдение правил внутреннего распорядка, отсутствие взысканий; общественно полезная активность; забота о своем духовном и физическом развитии; отрицательная оценка совершенного преступления, осуждение своего преступного прошлого, признание справедливым назначенного судом наказания. Был сделан также вывод, что при оценке личности и, в частности, при оценке степени исправления (перевоспитания) осужденного должны быть учтены индивидуальные психологические особенности, оказывающие влияние на поведение.

В Республике Беларусь в качестве критериев исправления осужденных к лишению свободы выступают принятие письменного обязательства о правопослушном поведении, дисциплинарная практика (т. е. наличие взысканий и поощрений), добросовестное отношение к труду или учебе, выполнение работ по коллективному самообслуживанию, уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий и проявление полезной инициативы в иной общественно полезной деятельности.

Администрацией исправительного учреждения в ходе аттестации по определению степени исправления осужденного также учитывается от-

ношение осужденного к совершенному преступлению, устранение им последствий совершенного преступления, признание вины в совершенном преступлении, излагаемые осужденным гарантии правопослушного образа жизни после освобождения, а также другие заслуживающие внимания обстоятельства. Для осужденных к лишению свободы, не погасивших до постановления приговора ущерб, причиненный преступлением, критерием исправления выступает также принятие всех зависящих от него мер по возмещению ущерба, что должно послужить восстановлению социальной справедливости. Важным является не сам факт компенсации, а наличие стремления к этому. Так, если осужденный, работая на предприятии, получая денежные переводы, значительную часть средств направляет на возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, это положительно оценивается при установлении степени исправления.

Несмотря на то что в законодательстве нет четкого указания на полное возмещение ущерба, причиненного преступлением, а речь идет о принятии всех зависящих мер, в практической деятельности, для признания ставшим на путь исправления осужденному требуется возместить ущерб в полном объеме. Возникают ситуации, когда при обеспечении работой в исправительном учреждении и финансовой поддержкой со стороны близких родственников осужденный не в состоянии в полном объеме устранить причиненный вред, при этом своим поведением он показывает, что у него сформирована готовность вести правопослушный образ жизни и имеются четкие представления по трудоустройству и возмещению последствий преступления в условиях свободы. На наш взгляд, формулировка «все зависящие меры» требует конкретизации, так как в различных исправительных учреждениях действует разная практика определения степени исправления по данному критерию. Необходимо на законодательном уровне определить, какие конкретные действия со стороны осужденного будут определять достаточность таких мер, что обеспечит единообразный подход к применению институтов досрочного освобождения.

Осужденный в качестве гарантий правопослушного образа жизни может изложить результаты своей деятельности по приобретению значимых для социальной адаптации компетенций, преодолению негативных черт личности, налаживанию социально полезных связей с родственниками и организациями, которые могут оказать ему помощь в трудоустройстве и бытовом устройстве после освобождения, а также иные доводы и факты. Данное положение носит рекомендательный характер. На наш взгляд, предоставление осужденным ходатайств (пору-

чительств) от близких родственников и гарантийных писем от работодателей является одним из основополагающих критериев определения степени исправления, поэтому данное положение должно носить императивный характер.

Проблема исследования критериев исправления осужденных является междисциплинарной, а также является предметом изучения для юридических, психологических, педагогических, социологических наук.

В настоящее время при трактовании ключевого понятия «исправление» в практическом применении основное внимание сосредоточено на педагогических (например, участие в массовых мероприятиях, поддержание социальных связей, осознание вины, дисциплинарная практика и т. д.), социальных и финансовых (например, принятие мер к погашению ущерба) показателях, в то время как психологической составляющей процесса исправления (изменение личности) уделяется гораздо меньше внимания.

На сегодня нет научно подтвержденных данных, свидетельствующих об уровне значимости того или иного критерия оценки степени исправления осужденных в прогнозировании ведения ими правоупорядоченного образа жизни после освобождения.

В связи с этим актуальной выступает проблема выделения из числа осужденных тех лиц, которые за время отбывания наказания в исправительном учреждении осознали пагубность преступного деяния и более не нуждаются в полном отбытии своего срока наказания, установленного судом, ресоциализация которых в будущем возможна без изоляции от общества, однако не погасивших в полном объеме ущерб либо не поддерживающих связь с близкими родственниками.

Рассматривая понятие психологических критериев исправления осужденных, необходимо отметить следующее. Термин «критерий» в психологии рассматривается как признак, на основании которого производится определение, оценка или классификация каких-либо психологических феноменов. В научной литературе выделяют следующие группы психологических критериев исправления осужденных: 1) поведение в исправительном учреждении; 2) состояние здоровья; 3) наличие социально полезных связей; 4) материально-бытовые условия после освобождения; 5) криминологический портрет осужденного и др.

Указанные группы содержат сходные по своему характеру критерии, которые раскрывают отдельные аспекты определенных психологических и поведенческих проявлений осужденных в условиях исправительного учреждения. Авторами предлагается дополнительно оценивать каждое из представленных качеств по степени выраженности,

применяя трехбалльную систему оценивания от «качество не выражено» до «качество сформировано» с допущением среднего варианта оценивания между двумя полюсами сформированности или несформированности. Вместе с тем подчеркивается, что критерии служат ориентирами, которые задают вектор организации проведения воспитательных, психологических и иных мероприятий, направленных на исправление осужденных, повышая эффективность принятых мер.

Таким образом, следует отметить, что умение правильно оценить степень исправления осужденного в процессе отбывания наказания включает в себя выявление положительной или отрицательной динамики изменения личности. Критерии исправления должны учитывать не только внешнее положительное поведение осужденного, но и оценку конкретных дефектов его общей и правовой социализации, состояния социальных связей личности, нравственного самопроявления личности в межличностных отношениях и другие проявления поведенческих и психологических критериев.

УДК 343.2/.7

Н.Д. Маркевич, студент юридического факультета Белорусского государственного университета

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЭВТАНАЗИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С древнего времени вопросы жизни и смерти были предметом философского и правового осмысления. В переводе с греческого слово «эвтаназия» означает «легкая, безболезненная смерть». Несомненно, проблемы эвтаназии имеют не только юридическую, но и морально-нравственную сторону.

Согласно мнению Ю.А. Чернышевой, «эвтаназия – это акт медицинского вмешательства, производимый по просьбе безнадежно больного пациента с целью избавления его от физических и моральных страданий легким ускорением смерти какими-либо действиями или средствами».

В большинстве зарубежных стран эвтаназия считается преступлением, но его состав относится к привилегированным. По способам применения ее делят на «активную» и «пассивную». В некоторых трудах выделяют также принудительную форму, характерную для времен нацистской Германии.

В настоящее время пассивная эвтаназия законодательно разрешена более чем в 40 государствах: Нидерландах, некоторых штатах США, Бельгии. «Так, верхняя палата французского парламента одобрила закон, разрешающий неизлечимо больным отказываться от дальнейшего лечения. Аналогичный закон о «пассивной» эвтаназии разрабатывается и в Израиле. Отметим, что Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в примечании к ст. 143 оговаривал, что убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается».

В Республике Беларусь эвтаназия запрещена, однако в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) как в нормативном правовом акте, содержащем исчерпывающий перечень преступлений, нет специальной нормы об ответственности за совершение эвтаназии. УК рассматривает эвтаназию как убийство, по ст. 139, что, на наш взгляд, может быть подвергнуто научному анализу и внесению некоторых предложений.

Законодательный опыт ряда зарубежных стран показывает, что некоторые государства привнесли в уголовные кодексы самостоятельные нормы с пониженной ответственностью за совершение акта эвтаназии по мотиву сострадания, что по своей сути является привилегированным составом убийства.

На наш взгляд, это верная законодательная позиция. Совершение преступления по мотиву сострадания действительно снижает уровень общественной опасности преступления, что, несомненно, должно нести за собой и снижение наказания за его совершение.

В настоящий момент медицина в Республике Беларусь и в мире в целом стремительно развивается, некогда неизлечимые заболевания уже давно поддаются лечению. Вместе с тем смена поколений врачей в Республике Беларусь завершится в ближайшие годы. На смену врачам с опытом пришло молодое поколение со своими взглядами на медицину, в том числе и на процедуру эвтаназии. Об этом свидетельствует и проведенный опрос студентов Белорусского государственного медицинского университета, работников здравоохранения, населения.

«В целом 43,7 % опрошенных за легализацию эвтаназии в Беларуси, причем 40,2 % выступили за проведение активной эвтаназии, 27,6 % не приемлют эвтаназию и 28,7 % затрудняются ответить. По результатам анкетирования выявлено, что 56 % врачей считают эвтаназию допустимой, 44 % – недопустимой. Стоит отметить, что большинство студентов БГМУ выразило мнение о допустимости данной процедуры – 71 %» (см. статью М.А. Андалы «Эвтаназия как „открытая“ проблема современного общества»).

Таким образом, мы приходим к логичному выводу, что указанная проблема, несомненно, требует обсуждения и общество готово к этому.

По мнению Ю.А. Чернышевой, изложенному в публикации «Причинение смерти лицу по его просьбе (эвтаназия): уголовно-правовое, уголовно-политическое, криминологическое и социально-правовое исследование», «необходимо провести определенные мероприятия, направленные на легализацию эвтаназии в Российской Федерации». На основе выдвинутых предложений, полагаем, что в Республике Беларусь также следует произвести модернизацию законодательства.

В частности, предлагаем рассмотреть возможность принятия Закона Республики Беларусь «Об эвтаназии», где ключевыми разделами могут являться: «лица, уполномоченные на проведение акта эвтаназии» (несомненно, лица должны быть из числа врачебного персонала); «учреждения здравоохранения, осуществляющие акт эвтаназии»; «права и обязанности неизлечимо больного лица», «права и обязанности медицинского работника, осуществляющего акт эвтаназии», «форма согласия и заявление лица на осуществление эвтаназии». Важным также будет вынести в отдельные разделы вопросы создания комиссий и экспертных советов по осуществлению акта эвтаназии, с целью минимизации рисков врачебной ошибки по поставленному диагнозу. Кроме того, надлежит обозначить ответственность медицинских работников, а также организации здравоохранения за незаконное проведение эвтаназии.

Кроме того, в вышеупомянутом законе должно быть четко обозначено, что основаниями причинения смерти лицу по его просьбе являются:

- 1) неизлечимость заболевания;
- 2) согласие лица на причинение ему смерти.

В случае принятия предложенного закона возникнет необходимость внесения изменений и в УК, в связи с чем предлагаем установить уголовную ответственность за незаконно проведенную эвтаназию.

Таким образом, нам наиболее близка идея о внесении изменений в УК в ключе образования привилегированного состава убийства за совершение акта эвтаназии. Вместе с тем полагаем, что внесение подобных изменений в законодательство возможно лишь в случае готовности общества к данному шагу. Так, разрешение эвтаназии на законодательном уровне может видаться весьма спорным, поскольку медицина несовершенна, могут иметь место врачебные ошибки, присутствует риск злоупотребления правом на эвтаназию врачами, членами семьи неизлечимо больных пациентов по аморальным, корыстным и иным причинам.

М.В. Молчанова, курсант факультета подготовки следователей и судебных экспертов Восточно-Сибирского института МВД России

АНОНИМНЫЕ СЕТИ И МЕССЕНДЖЕРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ НАРКОБИЗНЕСА: РИСКИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В последние десятилетия цифровая трансформация затронула не только легальные сферы деятельности, но и криминальный сектор, существенно изменив механизмы функционирования наркобизнеса. Одним из наиболее значимых факторов, повлиявших на эволюцию наркорынка, стало распространение анонимных сетей и зашифрованных мессенджеров, которые позволяют осуществлять коммуникацию, логистику, рекламу и финансовые операции с высокой степенью конфиденциальности. Технологическая архитектура таких сервисов изначально проектировалась для защиты персональных данных и свободы выражения мнений в условиях цензуры, однако на практике они оказались востребованными и в криминальных целях, в частности в сфере незаконного оборота наркотиков. Особое место в этой структуре занимают анонимные сети, такие как Tor и I2P, предоставляющие пользователям возможность взаимодействия с даркнет-ресурсами, скрытыми от традиционных поисковых систем. Крайне важно понимать, что сегодня наркопреступность модифицируется за счет активного использования цифровых технологий, что отражается и на типологии участников незаконного оборота наркотиков.

Анонимные сети, такие как Tor (The Onion Router), обеспечивают доступ к скрытому сегменту интернета – даркнет (darknet – в переводе с английского означает «скрытая, теневая сеть, «темный интернет») – это часть интернета, скрытая от обычных пользователей, вход в которую осуществляется только через специализированные браузеры, позволяющие сохранять анонимность пользователя даже для спецслужб (фиксируется только время входа и выхода на сайт). Даркнет представляет собой площадку как легальных, так и нелегальных ресурсов. С легальными ресурсами все понятно – содержащаяся там информация имеет законный характер, и, в целом, как таковой угрозы обществу не несет. А вот с противоправными площадками все обстоит значительно интереснее и иначе: на них можно отыскать форумы мошенников, площадки с пиратским контентом, а также онлайн-магазины запрещенных товаров. Среди товаров в даркнете можно отыскать крайне необычные позиции то-

варов, например: оружие, вирусы и бактерии, чужой банковский счет, взломанная учетная запись, поддельные документы, деньги и, естественно, наркотические средства. Именно там располагаются так называемые даркмаркеты (Hydra, Tohka, RAMP и др.), на которых осуществляется торговля наркотиками с использованием криптовалют и систем опосредованной доставки. Взаимодействие между продавцами и покупателями осуществляется с помощью криптовалютных транзакций, защищенных схем маршрутизации и средств цифровой анонимности. Торговля наркотиками в даркнете демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Так, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC, 2024), объем онлайн-продаж наркотиков увеличился более чем на 60 % за последние пять лет, при этом значительная часть операций приходится на закрытые даркмаркеты, функционирующие на основе Tor. По данным МВД России, каждое седьмое киберпреступление связано с производством, сбытом или пересылкой наркотиков.

Наряду с анонимными сетями ключевым инструментом цифрового наркобизнеса стали зашифрованные мессенджеры, такие как Telegram, Signal, Wickr, Threema и др. Они предлагают высокий уровень приватности благодаря сквозному (end-to-end) шифрованию, функции самоуничтожающихся сообщений, отсутствию необходимости верификации личности и возможности создания закрытых каналов. Особенно популярным в постсоветском пространстве стал мессенджер Telegram, сочетающий функциональность социальной сети, системы мгновенного обмена сообщениями и платформы для автоматизации через боты. На его базе формируются теневые наркорынки, в которых задействованы каналы для рекламы продукции, боты для обработки заказов, криптовалютные кошельки для оплаты и «закладчики» – курьеры, обеспечивающие анонимную передачу товара конечному потребителю. Сбыт наркотиков в сети Интернет часто осуществляется группой лиц, в которую входят диспетчер, специалист, вербовщик, курьер, закладчик.

Применение таких платформ в преступной деятельности сопряжено с рядом рисков, оказывающих влияние не только на уровень кибербезопасности, но и на общую криминогенную ситуацию в обществе. Для эффективного противодействия подобным формам трансграничной преступности требуются выработка универсальных подходов к регулированию цифрового пространства, усиление киберразведки и международной правовой кооперации.

Решения данной проблемы могут быть реализованы в нескольких направлениях. Прежде всего необходимо внедрение современных тех-

нологий обработки больших данных и методов машинного обучения в деятельность правоохранительных органов. Применение подобных инструментов позволяет эффективно выявлять подозрительную финансовую активность, проследивать криптовалютные транзакции, а также формировать поведенческие модели лиц, потенциально вовлеченных в противоправную деятельность. Кроме того, особое значение приобретает модернизация правовых механизмов, регулирующих деятельность цифровых платформ, в том числе мессенджеров. Государственным структурам следует предоставить законодательно обоснованные возможности получения доступа к необходимой информации в рамках судебных процедур и международного сотрудничества. При этом крайне важно обеспечить соблюдение принципов соразмерности, исключив чрезмерное вмешательство в личную жизнь законопослушных граждан и сохранив баланс между мерами обеспечения безопасности и защитой фундаментальных прав человека.

Важной составляющей стратегии противодействия цифровому наркобизнесу должна стать превентивная работа – просветительская деятельность, направленная на формирование критического мышления у молодежи, повышение цифровой грамотности и распространение информации о правовых последствиях участия в незаконных схемах. Профилактика, совмещенная с техническими и правовыми инструментами, способна стать эффективным барьером на пути распространения цифровых наркотрафиковых сетей.

Современные структуры наркобизнеса стремятся к максимальной децентрализации, для обеспечения максимальной анонимности, а значит и уменьшению риска оказаться за решеткой. С развитием современных технологий правоохранительным органам все труднее и труднее раскрывать преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

Таким образом, анонимные сети и мессенджеры трансформировали традиционные схемы наркобизнеса, сделав их более гибкими, распределенными и устойчивыми к внешнему воздействию. Противодействие этому феномену требует комплексного, междисциплинарного подхода, сочетающего правовые, технические и социальные инструменты. Только взаимодействие государства, научного сообщества, технологических компаний и гражданского общества способно обеспечить адекватный ответ на вызовы, порожденные цифровой трансформацией криминального мира.

Л.Е. Наркевич, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

**ВОЗРАСТ КАК КРИТЕРИЙ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ИЛИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ**

Одной из тенденций уголовно-правовой политики в сфере охраны половой свободы или неприкосновенности в последние годы являются коррективы в отражении отдельных конститутивных признаков составов преступления, предусмотренных в ст. 166–167 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), что обуславливает изменение в подходах практики правоприменения. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), примерно каждая третья женщина (30 %) в мире на протяжении всей своей жизни подвергается сексуальному насилию со стороны интимного партнера либо сексуальному насилию в той или иной форме со стороны другого лица. Сексуальное насилие может пагубно сказываться на физическом, психическом и сексуальном репродуктивном здоровье женщин, в некоторых случаях связано с повышенным риском инфицирования ВИЧ.

Следует обратить внимание на отдельные аспекты, демонстрирующие давнюю регламентацию уголовной ответственности за изнасилование. Рассматривая, например, Статут Великого княжества Литовского 1588 г. (далее – Статут) как один из наиболее детализированных кодифицированных нормативных актов того времени в Европе. Из содержания указанного памятника права можно сделать вывод, что под изнасилованием понималось совершение полового акта только с применением насилия, т. е. против воли потерпевшей. Что же касается совершения таких действий помимо воли (с использованием беспомощного состояния потерпевшей), то о них в соответствующих артикулах детализации не было. Анализируя Статут, можно выделить следующие элементы рассматриваемого состава преступления: объект – честь, достоинство и неприкосновенность женщины, а также общественный порядок; объективная сторона – насильственные действия сексуального характера, совершенные против воли женщины; субъект – свободный человек, в некоторых случаях только дворянин или человек

определенного сословия (рабы и крепостные могли рассматриваться отдельно); субъективная сторона – прямой умысел.

В современном УК изнасилование относится к преступлениям против половой неприкосновенности или свободы. Составы преступления в ст. 166 УК содержат следующие ключевые элементы: объект – половая неприкосновенность и свобода личности; объективная сторона – половое сношение, совершаемое вопреки либо помимо воли потерпевшей; субъект – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет, мужского пола; субъективная сторона – прямой умысел, т. е. осознание и желание совершить указанные действия. Однако в контексте совершения рассматриваемого преступления, а также преступления, предусмотренного ст. 167 УК, в части использования беспомощного состояния потерпевшей, в 2021 г. была введена определенная законодательная новелла, касающаяся презюмирования возраста такого состояния, что является впервые отраженным в отечественном уголовном законодательстве решением. Ранее возраст потерпевшей являлся значимым применительно к такому преступлению, как изнасилование, сугубо в контексте дифференциации уголовной ответственности (квалифицирующий признак).

Так, ст. 166 УК была дополнена законодателем (Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности») примечанием следующего содержания: «Для целей применения настоящей статьи и статьи 167 настоящего Кодекса малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении его преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии, поскольку в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий». Таким образом, законодателем с использованием дефиниции, содержащейся в ч. 7 ст. 4 УК, было сформулировано определение лица, находящегося в беспомощном состоянии в силу возраста.

В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК Республики Беларусь)» также содержится следующее разъяснение о том, что беспомощное состояние потерпевшей (потерпевшего) – такое состояние лица, при котором оно в силу своего малолетнего возраста, алкогольного или наркотического опьянения, возможного расстройства психической деятельности и других причин не могло понимать характер совершаемых с ним действий, а также оказать сопро-

тивление обвиняемому. Вместе с тем вопрос о том, может ли лицо, не достигшее возраста 12 лет, сознавать характер совершаемых с ним действий сексуального характера, является дискуссионным и требует учета современных особенностей психофизиологического развития несовершеннолетних.

Следует сделать вывод о том, что законодатель, дополнив ст. 166 УК Республики Беларусь примечанием, которое определило двенадцатилетний возраст как возраст, который свидетельствует о беспомощном состоянии потерпевшего, выступает, как указывают отдельные авторы, описывая сходную ситуацию в зарубежном законодательстве, «на стороне жертв, а точнее детей, которые в силу возраста находятся в таком состоянии, учитывая отсутствие знаний и опыта, относительно наступления возможных негативных последствий, и не могут в полной мере понимать характер совершаемых с ними действий». Наряду с этим необходимо признать, что «в двенадцать лет подросток, с учетом его психологического развития, может сознавать характер совершаемых в отношении его действий». Указанные обстоятельства позволяют заключить, что регламентированный в примечании возраст является достаточно спорным критерием для определения беспомощного состояния.

В заключение стоит отметить, что, исходя из положений вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, понятие беспомощного состояния носит оценочный характер и устанавливается в конкретном случае с учетом фактических обстоятельств. Целесообразным видится в контексте установления признака беспомощности дополнить вышеназванное постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь указанием на обязательность проведения соответствующих экспертиз в ситуации недостижения возраста 12 лет потерпевшим и недостижения возраста 16 лет обвиняемым. Так как в указанной ситуации закономерно возникает сомнение в наличии интеллектуального признака вины, а именно осознания лицом общественной опасности совершаемых им действий, что исключает привлечение к уголовной ответственности по рассматриваемой группе преступлений, а также имеется вероятность полного осознания потерпевшим характера совершаемых действий. Наряду с этим представляется необходимым пересмотреть возрастной критерий в сторону уменьшения презюмируемого возраста с учетом спорных моментов, возникающих в следственно-судебной практике.

В.В. Немчинская, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Исполнение наказания в виде общественных работ занимает важное место в системе уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь, поскольку оно направлено на исправление осужденных и их интеграцию в общество. Данный вид наказания позволяет сочетать принудительные меры с возможностью социальной реабилитации осужденных.

Теоретики уголовно-исполнительного законодательства рассматривают общественные работы как меру, сочетающую принудительный и воспитательный характер. Они подчеркивают, что данный вид наказания способствует не только исправлению осужденных, но и укреплению социальной справедливости, поскольку осужденные вносят вклад в развитие и благосостояние общества.

В условиях современного развития уголовно-исполнительной системы обосновывается необходимость анализа теоретико-прикладных аспектов данного вида наказания, а также выявления и решения дискуссионных положений, связанных с его реализацией. Практика исполнения данного вида наказания сталкивается с рядом вопросов, требующих безотлагательного внимания:

1. Недостаточная эффективность исправительного воздействия. Наблюдается отсутствие должной мотивации осужденных к добросовестному выполнению возложенных на них обязанностей, что часто приводит к восприятию общественных работ как формальной процедуры, лишенной реального исправительного содержания. В этой связи согласимся с мнением В.С. Шабала, изложенным в монографическом исследовании «Реализация средств исправления осужденных к лишению свободы», о том, что без обязательного соблюдения порядка и условий отбывания наказания, без занятия общественно полезным трудом сложно выработать у осужденного правомерные модели поведения.

2. Проблемы ресурсного обеспечения. Возникают сложности в обеспечении достаточного количества объектов для организации труда, что выражается в недостаточном числе организаций, готовых предоставлять рабочие места для осужденных, либо в их низкой заинтересованности в привлечении данной категории лиц.

3. Несовершенство системы учета и контроля рабочего времени. Существующая система учета и контроля рабочего времени не всегда обеспечивает точность фиксации отработанных часов, не располагает единой автоматизированной системой учета.

4. Формализм в дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Отсутствует должный уровень дифференциации и индивидуализации исполнения общественных работ, что проявляется в формальном подходе к назначению видов работ, игнорирующем индивидуальные особенности осужденного, его профессиональные навыки и личностные склонности.

5. Слабая межведомственная координация. Наблюдается недостаточная эффективность взаимодействия между ключевыми субъектами системы: уголовно-исполнительными инспекциями, судами, службами занятости и организациями, предоставляющими рабочие места.

6. Проблемы с трудоустройством осужденных после отбытия наказания. Отсутствие системной поддержки осужденных в поиске легальной работы после отбытия наказания, что может способствовать рецидиву преступлений. В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что программы исправления должны охватывать не только период отбывания наказания осужденным, но и постпенитенциарный.

Характерной особенностью наказания в виде общественных работ является обязательное привлечение к труду осужденных, а также строгое выполнение порядка и условий отбывания наказания. Являясь одним из средств исправления, труд позволяет сформировать у осужденного положительные качества и навыки, необходимые ему для ведения правопослушного образа жизни после освобождения от отбывания наказания.

Указанные проблемные аспекты требуют всестороннего теоретического и нормативно-правового осмысления с целью повышения эффективности функционирования системы исполнения наказаний.

Общественные работы как вид наказания обладают значительным, но не в полной мере реализованным потенциалом для исправления и ресоциализации осужденных. Для полного раскрытия данного потенциала необходимо планомерное и системное решение существующих проблем. Комплексный подход, охватывающий законодательные, организационные и практические меры, позволит повысить эффективность исполнения данного вида наказания, способствуя снижению рецидива и укреплению общественной безопасности в Республике Беларусь.

В.Ю. Пузак, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ВИРТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Актуальность исследования виртуальных хищений в уголовном праве обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, переходом значительной части экономических и социальных отношений в виртуальную среду, а также ростом числа преступлений, совершаемых с использованием информационных систем и сетей. Виртуальные активы, электронные деньги, криптовалюта и иные нематериальные объекты становятся реальной экономической ценностью, что требует переосмысления традиционных уголовно-правовых категорий, в частности понятий «имущество» и «предмет хищения». Современное уголовное законодательство, формировавшееся в условиях преобладания материальных форм собственности, не всегда способно адекватно реагировать на новые способы посягательств, совершаемых в цифровом пространстве. Это создает трудности в квалификации деяний, определении объекта и предмета преступления, а также в отграничении общественно опасных деяний от гражданско-правовых споров.

В связи с этим исследование виртуальных хищений представляет собой актуальное направление уголовно-правовой науки, направленное на выработку теоретических подходов и законодательных решений, обеспечивающих эффективную защиту имущественных прав и интересов личности, общества и государства в условиях цифровизации. В науке уголовного права предмет хищения традиционно характеризуется такими обязательными признаками, как физический, экономический и юридический. Физический признак определяет предмет хищения через предмет материального мира. Однако законодатель в некоторых случаях отступает от этих признаков путем признания предметом хищения в форме вымогательства прав на имущество и действий имущественного характера. Кроме того, с развитием технологий появилась возможность использовать не только бумажные, но виртуальные деньги, являющиеся предметом хищения, несмотря на отсутствие физического признака, характерного для предмета хищения. Экономический признак, в свою очередь, обозначает ценность

предмета с точки зрения способности удовлетворить определенную потребность и отражает затраченный на эту вещь труд (меновая стоимость). Юридический признак определяет предмет как чью-то законную собственность, потому хищением признается посягательство на чужое имущество.

В качестве примера приведем криптовалюту, которая представляет собой зашифрованные при помощи технологии блокчейн данные, но в материальном мире выражения не имеет. Правовой статус криптовалюты регулируется Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», где определяются субъекты, имеющие право на владение токенами, операции, которые можно проводить, а также правовой статус деятельности с криптовалютой. Кроме того, криптовалюта может быть предметом вымогательства и разбоя. Так, Генеральной прокуратурой было поддержано государственное обвинение в суде по уголовному делу о разбойном нападении и вымогательстве у жителя г. Минска криптовалюты на общую сумму в эквиваленте свыше одного миллиарда рублей. По итогам судебного разбирательства действия обвиняемого были квалифицированы по ч. 3 ст. 207 и ч. 3 ст. 208 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

К виртуальному имуществу, по нашему мнению, также относятся игровое имущество (предметы, игровая валюта, скины, танки) и NFT (картинки, видео, подарки в мессенджере «Телеграм»). NFT, как и криптовалюта, представляет собой токен, являющийся набором зашифрованных данных при помощи технологии блокчейн, но, в отличие от той же криптовалюты, эти токены являются невзаимозаменяемыми (от англ. non-fungible tokens), потому они могут стать такими же предметами посягательств, как и сама криптовалюта.

Игровое имущество, на наш взгляд, представляет собой самостоятельный предмет посягательства. Под игровым имуществом следует понимать видеоигровой объект, с которым игрок может взаимодействовать в мире игры. Оно может представлять собой графическое изменение видеоигрового объекта (скин), предмет, дающий какое-либо преимущество над другими игроками (артефакт, дающий характеристики), либо же игровую валюту, являющуюся частью игровой экономики. Способы получения данных предметов бывают разными: их можно добыть как внутриигровыми способами (выполнение заданий, гринд), так и купить за реальные деньги, что соответствует экономическому признаку предмета хищения в полной мере.

На основании изложенного полагаем, что на игровое имущество и NFT может быть совершено преступное посягательство. Общемировая практика свидетельствует о том, что игровое имущество повсеместно признается предметом хищения. Так, в Нидерландах два подростка под угрозой насилия отобрали у потерпевшего редкий артефакт в игре Runescape, на который тот потратил большое количество времени и виртуальной валюты. Суд Нидерландов признал это покушением на собственность, обосновывая решение тем, что игровое имущество, хотя не является предметом материального мира, соответствует экономическому признаку. Не исключены также варианты мошеннического завладения в виде умышленной неоплаты за предоставленное игровое имущество или вымогательство игровых предметов. Кроме того, специфическая природа виртуального предмета хищения способствует хищениям при помощи изменения компьютерной информации или внесения заведомо ложной компьютерной информации.

Еще одним примером судебной-следственной практики, показывающим сложности в квалификации таких преступлений, является факт хищения игрового имущества, а именно скинов в компьютерной игре Counter-strike: Global Offensive, совершенный 23-летним жителем Солигорска. Обвиняемый завладел данными электронной почты потерпевшего, после чего получил доступ к steam-аккаунту потерпевшего и продал все скины, суммарная стоимость которых составила 1 019 р. Данные действия были квалифицированы как несанкционированный доступ к компьютерной информации, с чем мы не согласны.

Более подходящей является квалификация по ст. 212 УК, которая представляет собой умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью посредством противоправного изменения компьютерной информации либо внесения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации. Исходя из содержания данных положений, компьютерная информация является орудием совершения преступления, а не его объектом. Предполагаем, что житель Солигорска завладел имуществом путем внесения заведомо ложной компьютерной информации.

На основании изученной информации считаем, что подходы к пониманию предмета хищения следует пересмотреть. Вопросы правовой охраны виртуального имущества должны получить дальнейшее развитие и детализацию в целях обеспечения правильной квалификации преступлений правоохранительными органами.

М.И. Романюк, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Точное определение границ, отделяющих преступное поведение от непроступного, имеет важное юридическое и социальное значение при разработке конкретных уголовно-правовых норм. Актуальность изучения проблемы малозначительности деяния обусловлена тем, что категория малозначительности деяния еще не отражена во всех аспектах в белорусском уголовном законодательстве, а определение правовой сущности малозначительности и формулировка ее ключевых критериев сопряжены с определенными трудностями. Толкование сути этого понятия остается неоднозначным как в уголовно-правовой теории, так и в практике применения норм. Вместе с тем на сегодня судебно-следственная деятельность требует единого и научно обоснованного метода оценки действий, обладающих признаками малозначительности, который бы обеспечивал правильное воплощение принципа социальной справедливости в уголовном праве.

Теоретические и практические вопросы, связанные с данной категорией, имеют противоречивый и дискуссионный характер. Основное противоречие заключается в отсутствии четкого понимания, является ли малозначительное деяние полностью лишенным общественной опасности или же оно обладает ею в минимальной степени, не достигающей порога преступления.

Проблема малозначительности деяния изучается издавна. В правовой теории ей уделялось большое внимание: уголовно-правовые и криминологические аспекты рассматривались советскими, российскими, а также белорусскими учеными. Малозначительность деяния как уголовно-правовая категория освещена в юридической литературе, однако остается одной из наиболее сложных для понимания и применения в практической деятельности органа дознания, следователей, прокуроров и судей. До настоящего времени не выработаны рекомендации по правовой оценке малозначительности деяний, что влечет отсутствие широкой и единообразной практики применения нормы ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь, что впоследствии негативно влияет на соблюдение прав участников уголовного процесса.

Правоприменитель не всегда может четко выявить, присутствует ли в совершенном противоправном деянии общественная опасность, свойственная преступлению. Это влияет на оценку деятельности правоохранительных органов, уровень их престижа и доверия к ним со стороны граждан. Наблюдаемая несогласованность нормы о малозначительности деяния свидетельствует, что и правоприменительная практика, и уголовное законодательство нуждаются в анализе и корректировке.

К нерешенным теоретическим вопросам необходимо отнести следующие: неясность правовой природы анализируемой категории; отсутствие четких критериев для признания деяния малозначительным; разногласия среди ученых-правоведов по поводу места ч. 4 ст. 11 в системе Общей части УК и необходимости декриминализации данной уголовно-правовой нормы. Кроме того, остается спорным вопрос о возможности применения малозначительности при неустановлении лица, совершившего деяния, имеющее признаки преступления.

В теории уголовного права малозначительным понимается формально подпадающее под запрет УК деяние, не обладающее степенью общественной опасности, достаточной для признания его преступлением. Последствия такого деяния фактически не причиняют и потенциально не могут причинить существенного вреда общественным отношениям.

В практической деятельности положения ч. 4 ст. 11 УК применяются в основном для обоснования малозначительности совершенных хищений имущества, в том числе при наличии признаков преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 212 УК. Имеет место принятие соответствующих процессуальных решений по фактам уклонения от уплаты алиментов (ст. 174 УК), незаконного оборота средств платежа и инструментов (ст. 222 УК), хулиганства (ст. 339 УК), осквернения сооружений и порчи имущества (ст. 341 УК), подделки, изготовления, использования либо сбыта поддельных документов (ст. 380 УК), подделки либо уничтожения идентификационного номера транспортного средства (ст. 381 УК).

Следует отметить, что уголовным законом не установлены ограничения на применение ч. 4 ст. 11 УК, не определен круг или категории преступлений, которые могут быть признаны малозначительными. Вместе с тем при изучении материалов о совершенном деянии необходимо принимать во внимание следующее: при фактическом отсутствии в содеянном признаков преступления, к которым относятся общественная опасность, противоправность, виновность и уголовная наказуемость. На оценку деяния в качестве малозначительного не должен оказывать определяющего влияния факт наличия в содеянном квалифицирующих признаков основного состава соответствующего вида преступления,

предусмотренного Особенной частью УК, если такие признаки не влияют на характер или объем причиняемого вреда соответствующим охраняемым интересам.

Исходя из того, что законодателем установлено, что признание деяния малозначительным допустимо при отсутствии возможности причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом отношениям, ч. 4 ст. 11 УК, как правило, не применяется в отношении деяний: посягающих на особо значимые объекты уголовно-правовой охраны (например, предусмотренные гл. 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» УК); объективная сторона которых содержит признаки применения насилия, опасного для жизни и здоровья, или угрозы его применения, издевательства над лицами, находящимися в беспомощном состоянии, которые в силу тех или иных обстоятельств неспособны защитить себя от противоправных посягательств; относящихся к коррупционным преступлениям.

Решение по основанию малозначительности может приниматься как на стадии проведения проверки в порядке ст. 173–174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), так и после возбуждения уголовного дела. Указанное решение принимается в форме соответствующего постановления. Начальник следственного подразделения не наделен правом возврата органу дознания материалов проверок по заявлению или сообщению о преступности, которое в силу малозначительности не обладает общественной опасностью, решение по такому материалу в соответствии со ст. 174 УПК должен принимать орган уголовного преследования, признавший деяние (действие или бездействие) малозначительным.

При производстве по уголовным делам и материалам, когда принимается процессуальное решение по основанию малозначительности, необходимо устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению противоправного деяния, в целях предупреждения совершения в дальнейшем преступлений как лицом, чье деяние признано малозначительным, так и другими лицами, и при наличии оснований вносить представления в порядке ст. 199 УПК либо информационные письма.

Таким образом, малозначительность деяния могут характеризовать лишь те признаки, которые непосредственно проявились в совершенном деянии (способ совершения преступления, его мотив, цель, степень вины). Актуальность проблемы малозначительности деяния обусловлена ее неполным отражением в белорусском уголовном законодательстве, неоднозначностью теоретического толкования и практическими трудностями в квалификации, что приводит к противоречиям в судебной следственной деятельности. Теоретические разногласия касаются пра-

вовой природы категории, критериев ее применения, места ч. 4 ст. 11 УК в системе Общей части, а также возможности декриминализации нормы и ее использования при неустановленном субъекте.

Несмотря на историческую разработку института в отечественной доктрине, практика свидетельствует о фактах необоснованного привлечения к ответственности, подрывающих доверие к правоохранительным органам и требующих корректировки как законодательства, так и процессуальных механизмов. Решения по малозначительности, принимаемые на досудебных стадиях в форме постановлений, должны сопровождаться анализом причин и условий содеянного для профилактики, включая представления по ст. 199 УПК. В целом дальнейшее совершенствование института малозначительности деяния предполагает разработку четких критериев, методических рекомендаций и гармонизацию теории с практикой, что позволит повысить эффективность уголовного правосудия и укрепить принципы законности и справедливости в Республике Беларусь.

УДК 343.9

Я.О. Сазановец, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Реинтеграция ранее осужденных лиц в общество является сложной задачей, усугубляемой стигматизацией и дискриминацией, которые существенно повышают риск рецидива. В условиях Республики Беларусь, как и во многих странах, сохраняется предвзятое отношение к лицам, отбывшим наказание, что препятствует их возвращению к полноценной жизни.

Понятие стигматизации имеет давние исторические корни и в современном социально-психологическом контексте трактуется как закрепление за человеком постыдного статуса. Оно проявляется в навешивании ярлыков и формировании негативных стереотипов, что ведет к социальной изоляции и ограничению возможностей для реабилитации. Дискриминация выражается в прямом или косвенном ограничении прав и свобод на основании наличия судимости и приводит к ограничению доступа к труду, жилью и социальным услугам.

Последствия стигматизации и дискриминации для бывших осужденных носят комплексный характер. Одним из наиболее значимых является ограничение возможностей трудоустройства: многие работодатели избегают принимать на работу лиц с уголовным прошлым, что лишает их стабильного дохода и подталкивает к нелегальным способам существования. Не менее острой является проблема доступа к социальным услугам. Лицам, освободившимся из мест лишения свободы, нередко отказывают в аренде жилья или получении кредита, и даже в случаях, когда жилье удастся найти, оно часто расположено в социально неблагополучных районах. Это повышает риск возвращения к преступному образу жизни.

Социальная изоляция является еще одним последствием стигматизации. Отчуждение со стороны общества, а порой и семьи, приводит к утрате социальных связей и формированию чувства одиночества. Подобная изоляция усиливает психологическое давление, снижает самооценку, подрывает веру в возможность изменения и толкает человека к возвращению в привычные деструктивные практики. В таких условиях негативные стереотипы могут быть интернализированы самим индивидом: человек начинает воспринимать себя как «преступника», неспособного на изменения. Это создает опасность повторного совершения преступлений и закрепляет рецидивное поведение.

Кроме того, предвзятое отношение может проявляться со стороны государственных органов. Недоверие правоохранительных структур к лицам с судимостью формирует у них ощущение несправедливости и бесперспективности честной жизни. Таким образом, дискриминация и стигматизация, действуя как на социальном, так и на психологическом уровне, становятся значимыми факторами, повышающими риск рецидива.

Несмотря на закрепленный в ст. 22 Конституции Республики Беларусь принцип равенства всех граждан перед законом, на практике освобожденные из мест лишения свободы остаются один на один с многочисленными проблемами. Отсутствие поддержки со стороны государства и общества делает их уязвимыми перед обстоятельствами, препятствует ресоциализации и создает предпосылки для повторных преступлений. Поэтому никакая стратегия предупреждения преступности не может быть успешной без решения проблемы социальной адаптации бывших осужденных.

Для преодоления влияния стигматизации и дискриминации необходим комплексный подход. Он должен включать изменение общественного мнения и разрушение стереотипов о лицах, отбывших наказание.

Важнейшую роль в этом процессе играют средства массовой информации, которые способны формировать позитивные образы успешной ресоциализации. Существенное значение имеют программы реабилитации, направленные на получение образования, профессиональных навыков и психологической поддержки. Обеспечение доступа к трудоустройству и жилью следует рассматривать как критически важный элемент успешного возвращения в общество.

Совершенствование законодательства также должно быть направлено на защиту прав ранее судимых. Речь идет не только о формальном запрете дискриминации при приеме на работу или предоставлении социальных услуг, но и о создании реальных механизмов обеспечения равенства. Одним из возможных решений является институт аннулирования судимости после определенного периода успешной ресоциализации, что позволило бы бывшему осужденному избавиться от клейма и окончательно интегрироваться в общество.

Таким образом, стигматизация и дискриминация представляют собой серьезные барьеры для возвращения бывших осужденных к полноценной жизни, препятствуют социальной адаптации и способствуют рецидиву. Для разрыва этого порочного круга необходимы согласованные действия государства, институтов гражданского общества и бизнеса. Только комплекс мер, направленный на формирование инклюзивного общественного пространства, расширение возможностей ресоциализации и защиту от дискриминации, способен снизить уровень рецидивной преступности и создать условия для справедливого и безопасного общества.

УДК 343.1

В.Н. Сидорина, курсант факультета подготовки следователей и судебных экспертов Восточно-Сибирского института МВД России

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ НА ВООРУЖЕНИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: РИСКИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В настоящее время мир меняется очень динамично, преступность приобретает все более цифровой характер: это кибермошенничество, взломы баз данных, вымогательство с использованием вирусов-шифровальщиков, незаконный оборот наркотиков и оружия в даркнете, рас-

пространение экстремистской информации через социальные сети. Согласно статистическим данным МВД России, за 2024 г. из всего числа преступлений 40 % были совершены с использованием ИТ-технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2023 г., в том числе тяжких и особо тяжких составов преступлений – на 7,8 %.росло число киберпреступлений, связанных со средствами мобильной связи, в 2024 г. оно увеличилось на 14,3 % и достигло 346 тыс.

В этих реалиях традиционных методов расследования уже недостаточно, так как правонарушители действуют в виртуальном пространстве, используют анонимные сети, криптовалюты и новые технологические инструменты. В этих условиях искусственный интеллект становится важнейшим инструментом и открывает правоохранительным органам качественно новые возможности:

- анализ больших массивов данных в кратчайшие сроки;
- прогнозирование преступлений и выявление «цифровых следов» правонарушителей;
- распознавание лиц и объектов на видео для поиска подозреваемых;
- мониторинг даркнета и закрытых каналов связи;
- выявление подозрительных финансовых транзакций, связанных с отмыванием денег и финансированием преступных группировок.

Понятие «искусственный интеллект» было дано в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», согласно которому под ним понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности людей.

Основа искусственного интеллекта – это наличие машинного обучения: возможность получения данных, их систематизация и хранение, машины обучаются на их основе. Системы машинного обучения позволяют быстро применять знания, полученные при обучении на больших наборах данных, за счет чего преуспевают в таких задачах, как распознавание лиц, речи, объектов, перевод и многих других. В отличие от программ с закодированными вручную инструкциями для выполнения конкретных задач, машинное обучение дает системе возможность научиться самостоятельно распознавать шаблоны и делать прогнозы.

Однако, несмотря на очевидные преимущества данного инструмента, внедрение искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности сопровождается рядом проблем, такие как, этические риски, правовые вызовы, защита прав человека, технологические барьеры.

Алгоритм этических рисков может воспроизводить предупреждение общества, например, чрезмерно подозревать определенные социаль-

ные группы. Защита прав человека связана с риском вторжения в частную жизнь, тотальной слежкой и ограничением гражданских свобод, ведь использование технологий искусственного интеллекта предполагает сбор больших объемов персональных данных, что вызывает опасения относительно нарушения прав на частную жизнь и конфиденциальность. Многие граждане выражают беспокойство по поводу злоупотребления собранной информацией и риска утечек данных. Избежать данной проблемы возможно путем строгого соблюдения законов о защите персональных данных, внедрения шифрования и анонимизации данных, повышения прозрачности процессов сбора и обработки данных, создания механизмов информированного согласия пользователей.

Правовые вызовы заключаются в отсутствии унифицированных международных норм, что делает применение искусственного интеллекта неоднозначным и иногда спорным с точки зрения законности. Вопросы морали и права являются важными аспектами разработки и внедрения систем предупреждения преступности на основе искусственного интеллекта. Существует необходимость в разработке четких правовых рамок и стандартов, регулирующих использование искусственного интеллекта в правоохранительной сфере как на международном, так и на национальном уровнях. Решению проблемы способствовали бы также создание независимых комиссий по этическим вопросам, разработка нормативных актов и кодексов поведения для разработчиков и пользователей ИИ, сотрудничество государства и частного сектора в создании прозрачных и понятных правил игры.

Кроме того, искусственный интеллект воспринимается многими людьми как нечто непредсказуемое и потенциально опасное. Это недоверие мешает внедрению инновационных решений и снижает эффективность мер профилактики преступлений. Снижению рисков способствовали бы повышение уровня информационной грамотности среди сотрудников полиции и широкой публики, проведение разъяснительной работы, демонстрация преимуществ использования ИИ-технологий в профилактике преступлений, публикация отчетов о результатах внедрения ИИ-решений.

Технологические барьеры работают по принципу «черного ящика», и невозможно объяснить, почему алгоритм сделал тот или иной вывод, так как искусственный интеллект не до конца изучен и требует больше времени на его дальнейшее развитие. Вся суть искусственного интеллекта в его обучаемости, недостоверность данных, их неполнота, неточность могут приводить к ошибочности результатов. Соответственно, ключевым препятствием являются качество и объем данных, использу-

емых для анализа и прогнозирования преступлений. Часто используемые базы данных содержат исторические данные, которые могут содержать систематические ошибки или предрассудки, ведущие к несправедливым результатам и дискриминационным последствиям. Избежать или хотя бы минимизировать данную проблему можно при помощи регулярного обновления и проверки качества данных, использовании методов проверки и снижения предвзятости, обучении ИИ-моделей на репрезентативных выборках населения, включении этического компонента в разработку алгоритмов.

Следует также отметить, что внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел требует не только технических ресурсов, но финансирования и соответствующей подготовки кадров. Многие регионы сталкиваются с недостатком финансовых ресурсов и технической инфраструктуры для полноценного внедрения современных технологий предупреждения преступности. Отсутствие квалифицированных кадров также затрудняет процесс цифровизации системы охраны правопорядка. Решению указанных проблем и рисков способствовали бы государственное финансирование научных исследований и разработок в области ИИ, инвестиции в модернизацию существующих систем мониторинга и реагирования, программы подготовки и переподготовки сотрудников правоохранительных органов, поддержка стартапов и инициатив малых предприятий в сфере ИИ-разработок. Сотрудники должны владеть навыками цифровой грамотности, разбираться в алгоритмах работы ИИ, понимать, как преимущества, так и ограничения этих технологий. Только при таком подходе искусственный интеллект станет надежным помощником в предупреждении преступности, а не инструментом, использование которого сопряжено с рисками ошибок и злоупотреблений.

УДК 343.97

Е.Н. Скупор, студент юридического факультета
Белорусского государственного университета

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМПЛАНТАЦИИ RFID-УСТРОЙСТВА

Сегодня быстрое развитие информационных процессов и влияние искусственного интеллекта создает новую реальность, характеризующуюся активным внедрением передовых технологий во все сферы социальной жизни общества. Развитие науки позволяет создавать сложные медицинские аппараты, разрабатывать уникальные медицин-

ские методики, средства лечения и т. п. Как следствие – все чаще во многих странах поднимается вопрос о возможности или необходимости имплантации в тело человека (подкожно или в мозг) электронного идентифицирующего RFID-устройства с интегральной микросхемой. В свою очередь, подобные инициативы порождают дискуссию о преимуществах и недостатках использования людьми микрочипов. Особое беспокойство данное явление вызывает со стороны юристов, в частности, криминологов.

Криминогенный потенциал чипа заключается не столько в самом его наличии, но скорее в содержании тех данных, которые он собирает, хранит, передает, а также в функциях, позволяющих контролировать электронное устройство извне.

Выполнение мероприятий по установке чипа включает в себя несколько этапов: выявление соответствия штрих-кода с упаковки чипа, введение его в тело человека, проверка и регистрация. Штрих-код, нанесенный как на документ, подтверждающий вживление чипа, так и на саму кожу, может обезличивать и подменять личность и объект учета. Можно предположить, что в дальнейшем это станет предпосылкой для дискриминации или сегрегации по признаку наличия или отсутствия микрочипа. Подобные негативные процессы будут способствовать нарастанию конфликтов и противоречий в обществе, эскалации социального напряжения.

Чип является носителем идентификатора человека. Помимо данных о наличии заболеваний и их контроля, в нем также может содержаться и информация о нейронной активности лица, что напрямую связано с уголовно-правовым пониманием вины и вменяемости. Не стоит забывать и о том, что определение биометрических данных при вживлении чипа в область руки создает как удобства в пользовании устройством, где требуется биометрическая аутентификация, так и риски – в случае завладения имплантом посторонними лицами, существует риск несанкционированного доступа.

Юристы высказывают свои опасения достаточно категорично и предупреждают о возможности тотальной слежки со стороны корпораций и возможной эксплуатации работников, когда функции передачи и местонахождения лица микрочипом будет использоваться как система несанкционированного контроля. И хотя многие сторонники чипирования указывают на положительную сторону такого контроля, например, в случае поиска пропавших людей, не стоит забывать о возможности использования электронного идентифицирующего RFID-устройства для похищения, stalking или шантажа человека.

Указанные обстоятельства вызывают в научных правовых сообществах серьезные дискуссии по этическим вопросам. Внедрение в тело чипа и возможность наблюдения за человеком влечет нарушение неприкосновенности частной жизни и личной автономии. Такое явление стоит рассматривать как социально-негативную девиацию, где лицо, осуществляющее вторжение в пространство жертвы, ставит цель доминирования, получения информации и причинения вреда. Завладение информационным ресурсом используется как средство манипуляции или извлечения выгоды. Субъектом такого противоправного поведения может выступать как лицо, не имеющее отношения к установке данного оборудования, так и наоборот, устанавливающее его, что, в свою очередь, порождает проблемы с доверием к органам или учреждениям, реализующим подобного рода услуги. Побуждением к совершению противоправного посягательства может быть корысть (например, при шантаже или мошенничестве) или личная заинтересованность (сталкинг, моббинг). Криминологические исследования показали, что жертвами такого рода злоупотреблений могут стать лица, характеризующиеся психологической и информационной уязвимостью, либо лица, чья социальная роль и неприкосновенность частной жизни становится объектом повышенного интереса.

Сегодня социальная реальность такова, что криминогенная ситуация формируется благодаря активному развитию технологий, где цифровизация общества облегчает не только сбор, обработку, но и утечку персональной информации. Латентность рассматриваемого социально-негативного явления будет крайне высока, так как после совершения атаки жертва некоторое время не будет знать о факте вторжения, а значит и опасаться вторичной виктимизации, не изменяя данные, содержащиеся в чипе.

Подводя итог, считаем необходимым отметить:

1. Имплантация в тело человека электронного идентифицирующего RFID-устройства с интегральной схемой создает определенно новую криминогенную среду, благоприятную для злоупотреблений в области неприкосновенности частной жизни и личной автономии человека.

2. Наиболее вероятными формами девиации могут выступить такие правонарушения и преступления, как сталкинг, моббинг, мошенничество, шантаж и т. п.

3. Чипирование создает риск возможного контроля.

4. Проблема чипирования – это не только проблема этического порядка, но и правового, требующего разработки уголовно-правовой политики в области предупреждения злоупотреблений, связанных с использованием чипов у людей.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

В настоящее время проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ, их прекурсоров и аналогов, являются многоаспектными и сохраняют высокую актуальность на протяжении длительного периода. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, количество осужденных лиц за преступления, предусмотренные ст. 327–332 Уголовного кодекса Республики Беларусь, в первом полугодии 2025 г. (1 092 осужденных) по отношению к первому полугодию 2024 г. (1 061 осужденный) увеличилось на 3 %, что подтверждает актуальность и значимость рассматриваемой тематики. Отдельно следует отметить высокую латентность рассматриваемой группы преступлений, которая подтверждается статистикой Министерства здравоохранения Республики Беларусь, в соответствии с которой количество лиц, состоящих на наркологическом учете, в период с 1990 г. по 2025 г. увеличилось более чем в 20 раз. Приведенные выше сведения констатируют наличие такого общественно опасного явления, как наркотизм, которое, в свою очередь, порождает существенную угрозу здоровью населения (снижение физического, психического и нравственного здоровья, а также репродуктивных функций) и возникновение социальных проблем (изоляция потребителей наркотических веществ от общества, деградация личности).

Важно отметить, что изучение преступлений, связанных с деятельностью лиц в сфере незаконного оборота наркотических веществ, с криминологической точки зрения имеет ключевое значение, в первую очередь для выявления причин и условий, способствующих совершению анализируемой группы преступлений. Следует учитывать, что причины и условия наркопреступности тесно взаимосвязаны, но, вместе с тем, не являются тождественными понятиями. В качестве «причин» выступает криминогенная мотивация, сопровождающаяся социально-психологическим характером и направленная на противоправное поведение, связанное с незаконным (немедицинским) потреблением наркотических веществ, а также их распространением, сбытом и т. п. В свою очередь, «условия» представляют собой негативные явления, самостоятельно не порождающие преступность, однако способствующие и формирующие действие причин. Стоит отметить, что наиболее значимые из при-

чин и условий, оказывающие существенный криминологический эффект, именуется «факторами» наркопреступности. К криминогенным факторам преступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ часто относятся: безработица, социальные факторы (антисоциальное окружение, пропаганда аморального поведения в СМИ и т. д.), проблемы воспитания несовершеннолетних (в том числе наличие отрицательного примера со стороны законных представителей, нахождение несовершеннолетнего в социально опасном положении), психологические проблемы, а также особенности личности.

Отдельно следует остановиться на личности наркопреступника. Первоначально стоит определить, что под «наркопреступником» понимается лицо, совершившее преступление, предметом которого являются наркотические средства и психотропные вещества, а также их прекурсоры и аналоги. В зависимости от устойчивости криминогенной мотивации выделяют три типа личности наркопреступника: последовательно криминальный тип личности (отмечается наличие лидерских способностей), ситуативно-криминогенный (наряду с негативными признаками проявляются положительные; в случае наличия обстоятельств, препятствующих совершению преступления, могут отказаться от его совершения) и ситуативный тип личности наркопреступника (характеризуется, в большей степени, положительными качествами личности). Наиболее часто преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, совершаются мужчинами в возрасте от 18 до 35 лет, имеющими среднее образование, не работающими, ранее судимыми. Стоит отметить, что существует определенная связь между видом наркотического средства и возрастом лица, совершающим незаконные действия с его использованием. В качестве примеров можно привести следующие данные: незаконный оборот курительных смесей наиболее характерен для подростков и молодежи в возрасте 15–29 лет; амфетамина – 20–29 лет; эфедрона и других производных амфетамина – старше 30 лет; депрессантов – старше 40 лет. Важно отметить, что активное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, заключающихся в наличии у любой категории лиц смартфона, способствует вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, путем бесконтактного взаимодействия в социальных сетях, что повышает уровень латентности рассматриваемой группы преступлений (ввиду наличия сложностей в изобличении), а также создает ряд проблем в процессе применения мер для наиболее эффективной борьбы с наркопреступлениями.

Следует отметить, что важной составляющей криминологической характеристики является подбор соответствующих мер по предупреждению и профилактике конкретного вида преступлений.

Первостепенным методом предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов является усиление пограничного и таможенного контроля. Ввиду того что Республика Беларусь граничит с рядом стран, территория нашего государства используется в качестве транзитного коридора для перевозки наркотических средств, что создает определенные трудности в борьбе с рассматриваемым видом преступлений. В качестве примера можно привести данные Следственного комитета Республики Беларусь, согласно которым в июле 2025 г. было задержано 14 человек и изъято более 1,5 т наркотических средств в процессе поставки из стран Евросоюза в Российскую Федерацию транзитом через границу Республики Беларусь.

Кроме того, важной составляющей в комплексе мер по предупреждению наркопреступлений является проведение профилактической работы с малолетними и несовершеннолетними лицами. Ввиду недостаточной психической сформированности и способности легко попадать под негативное воздействие, вероятны случаи вовлечения обозначенной категории лиц как в потребление наркотических средств, так и в процесс их распространения. Исходя из этого, необходимо формировать у малолетних и несовершеннолетних лиц правильные жизненные установки путем просвещения на всех ступенях образования о вреде потребления наркотических средств, а также о возможных последствиях в случае их распространения.

Помимо вышеприведенных мер, отдельное внимание следует уделять организации и проведению мероприятий, направленных на формирование мотивации к лечению у наркозависимых, повышение эффективности и доступности медико-социальной и духовно-психологической реабилитации, в том числе посредством развития сети реабилитационных учреждений, снижения тяжести медицинских и социальных последствий наркомании.

На основании изложенного можно сделать вывод, что на сегодня уровень наркопреступности характеризуется относительной стабильностью количества зарегистрированных преступлений. Вместе с тем высокая латентность рассматриваемой группы преступлений препятствует разработке эффективных моделей прогнозирования наркопреступности. В свою очередь, высокая латентность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств обусловлена развитием ин-

формационных технологий, создающих условия для бесконтактной торговли наркотическими средствами и психотропными веществами. Свободный, по сути, доступ к торговле наркотиками с использованием информационных технологий создает основу для вовлечения в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ несовершеннолетних, как активных пользователей информационных технологий (социальные сети, мессенджеры и т. д.). Учитывая изложенное, в качестве основы противодействия наркопреступности предлагаем усилить меры, направленные на недопущение вовлечения несовершеннолетних в торговлю наркотиками, используя информационные технологии.

УДК 343.9

Е.А. Старовойтова, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь;

В.О. Кавецкая, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Преступность несовершеннолетних представляет собой сложную многоаспектную социально-правовую проблему, найти единое решение которой не представляется возможным ввиду наличия ряда объективных причин. На основании данных судебной статистики, представленных Верховным Судом Республики Беларусь в первом полугодии 2025 г., можно заключить, что наличие 237 несовершеннолетних осужденных за преступления различных категорий, среди которых преступления, предусмотренные ст. 139, 147, 166, 205, 327–332, 339 и т. д. Уголовного кодекса Республики Беларусь, подтверждает актуальность рассматриваемой тематики.

Прежде всего необходимо определить, что под «преступностью несовершеннолетних» подразумевается совокупность преступлений, а равно лиц, их совершивших в возрасте от 14 до 18 лет, на определенной территории за определенный период времени. Следует отметить, что рассматриваемый вид преступности имеет ряд специфических особенностей, среди которых различия в психическом и нравственном развитии, что обуславливает быструю криминализацию личности несовершеннолетнего, при наличии соответствующих условий.

Анализируя детерминанты, влияющие на совершение преступления несовершеннолетним лицом, в первую очередь необходимо изучить воз-

растные и индивидуальные особенности несовершеннолетнего, а также социальные явления и процессы, происходящие в семье и неформальном окружении, которые отрицательно влияют на социализацию подростка.

Неблагоприятные факторы семейного воспитания, среди которых безразличное отношение родителей к исполнению своих обязанностей, направленных на воспитание подростка, отсутствие должного контроля за несовершеннолетним, жестокость в обращении, а также отрицательный пример со стороны родителей, являются первичными источниками влияния на деформацию личности несовершеннолетнего лица.

Ни для кого не секрет, что недостатки семейного воспитания, в том числе наличие физического или психического насилия, потребление алкогольных и наркотических средств (как родителями самостоятельно, так и с вовлечением несовершеннолетнего), асоциальное поведение членов семьи и т. п., формируют социально опасное положение несовершеннолетнего в семье. Под «социально опасным положением» понимается комплекс условий жизнедеятельности и воспитания, ставящих под угрозу здоровье, развитие или безопасность несовершеннолетнего. Наличие отрицательного примера, в данном случае, вынуждает подростка совершать преступления (ввиду вовлечения в качестве соучастника либо действуя на основании крайней необходимости).

Как считает А.И. Долгова, «...преступное поведение не находится в непосредственной зависимости от самих по себе таких факторов, как образование, квалификация родителей, структурная полноценность семьи. Они приобретают значение в связи с социально-психологической атмосферой семьи, нравственными и правовыми взглядами, установками, ценностными ориентациями, поведением родителей и других членов семьи».

Важно отметить влияние средств массовой информации (СМИ) в качестве одного из детерминантов преступности несовершеннолетних. Ввиду недостаточной зрелости психики рассматриваемая категория лиц особенно восприимчива к деструктивному контенту, который проявляется в активной пропаганде насилия и жестокости, моральной и сексуальной распущенности. Результатом являются личностная деформация, искажение представления о моральных ценностях, а также ведение аморального образа жизни вследствие имитации поведения наблюдаемого в СМИ.

Помимо приведенного выше, отдельное внимание следует уделить недостаткам в организации досуга и образования несовершеннолетних. Во многих случаях подростки проводят свободное время в компаниях антисоциальной направленности, употребляя алкоголь, наркотические средства, психотропные вещества, а также занимаясь вандализмом (в частности, повреждением чужого иму-

щества, хулиганством, осквернением зданий и т. п.). Как результат – у несовершеннолетних прослеживается искажение морально-нравственных качеств, а также пренебрежение к труду.

В заключение необходимо отметить, что преступности несовершеннолетних способствует наличие повышенного уровня латентности, который обусловлен как объективными, так и субъективными причинами. К числу субъективных причин можно отнести нежелание членов семьи или представителей учреждений образования обнародовать факты девиантного поведения, а уж тем более – противоправных деяний несовершеннолетнего. Объективные причины заключаются, в большинстве случаев, в невысоком уровне общественной опасности противоправных деяний, совершаемых несовершеннолетними, а также совершение таких деяний в кругу семьи или компании сверстников.

Подводя итог, можно сделать вывод, что преступность несовершеннолетних обусловлена комплексом факторов, связанных с особенностями возраста, социальным окружением и воздействием негативных внешних факторов. Для эффективного противодействия рассматриваемому виду преступности необходимо применение комплексного подхода, включающего в себя детальное изучение и совершенствование имеющихся общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения преступности, а также разработку новых, направленных на формирование высокого уровня правовой культуры среди несовершеннолетних и формирование мотивации правопослушного и социально приемлемого поведения.

УДК 343.3/.7

У.В. Трофимова, курсант факультета подготовки следователей и судебных экспертов Восточно-Сибирского института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В СФЕРЕ АНТИДОПИНГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

История допинговых обвинений в адрес России длится на протяжении длительного времени. Первые упоминания подобных обвинений берут свое начало в 2008 г., тогда российские атлеты в составе семи человек были отстранены от участия в летних Олимпийских играх в Пекине из-за вопроса по подмене мочи. В октябре 2009 г. Валентину Балахничеву (на данный момент бывший президент Всероссийской федерации по легкой атлетике) поступило письмо от Генерального секретаря

Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF) Пьера Вайс, в котором он утверждает, что образцы крови российских спортсменов свидетельствуют о самых высоких показателях и систематическом злоупотреблении допингом.

Начиная с 2014 г. в адрес Российской Федерации поступают различные обвинения со стороны западных журналистов с подачи Всемирного Антидопингового агентства (ВАДА), а в частности с подачи следователя данного агентства – Джека Робертсона. К слову, было организовано расследование, которое возглавил бывший Президент ВАДА Дик Панд, которое привело к немедленному запрету на участие России в международных соревнованиях по легкой атлетике.

Анализируя исход данных событий, можно сделать вывод, что российское законодательство должно было молниеносно отреагировать на крайние события прошлого десятилетия, чтобы вновь оказаться на арене международного спорта.

Реагирование российского законодательства отразилось в Федеральном законе Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Последняя редакция данного закона была издана 1 сентября 2025 г. В нем понятие допинга трактуется как нарушение антидопингового правила, в том числе использование субстанции или метода, включенных в перечень, запрещенных в спорте. Данный перечень зарегистрирован в приказе Министерства спорта России от 5 ноября 2024 г. № 80471.

В 2016 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации была установлена уголовная ответственность за нарушение антидопингового законодательства. Данный кодекс был дополнен ст. 230.1 «Склонение спортсмена к использованию субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте», а также ст. 230.2 «Использование в отношении спортсмена субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте». Статьи по принципу юридической техники выделены в ряд специальных норм в уголовном праве. Специальные нормы – это те, которые способны охватить отдельно взятый общественный институт, в нашем случае институт спорта. Подобное явление мы можем наблюдать из-за экстренного реагирования законодателя. Он не выделяет для защиты общественные отношения в сфере спорта, как отдельно охраняемую категорию.

Для анализа актуальных вопросов антидопингового законодательства в Российской Федерации обратимся к разделу юридической техники, который определяет структуру правовой нормы. Правовую норму статьи составляют гипотеза, диспозиция, санкция.

Опираясь на учебное пособие С.В. Габеева «Юридическая техника уголовного закона» проведем анализ статей уголовного закона в области допинга. В учебном пособии указывается: «Классической схемой построения статьи в Особенной части УК РФ является схема, согласно которой основной состав преступления излагается в части 1 статьи, а квалифицирующие и особо квалифицирующие составы преступлений излагаются в части 2 и последующих частях статьи. В некоторых случаях составы преступления разнесены в несколько статей». Таким образом, ст. 230 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ограничения по факту склонения граждан к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В последующем ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации выступают специальными нормами, так как их применение будет распространено в области спорта и преступлений, связанных с ним.

Объектом преступления данных статей выступают общественные отношения, охраняемые законом, в сфере спорта.

Объективная сторона представляет собой деяние за склонение спортсмена к допингам и использование в их отношении допинга. Но первым правовым пробелом выступает отсутствие уголовной ответственности в случаях, когда спортсмен сам осознанно потребляет допинговые добавки, запрещенных перечнем Министерства спорта России.

Субъектом преступления анализируемых статей выступают тренер, специалист по спортивной медицине, иной специалист в области физической культуры и спорта. При доработке данных статей рекомендуется внести в перечень субъектов самого спортсмена, потребляющего допинг.

Субъективная сторона: наличие прямого умысла субъектов преступления. В случае если список субъектов будет дополнен самим спортсменом, то его субъективная сторона будет также выражаться в прямом умысле. Мотивы и цели субъектов для квалификации преступления не будут иметь значения.

В учебном пособии С.В. Габеева упоминается значение уровня общественной опасности. Именно по нему будет определяться санкция статьи. Ст. 230 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает санкцию в виде ограничения свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок от трех до пяти лет, в то время как ст. 230.1, 230.2 устанавливают штраф. Таким образом, законодатель выделяет, что общественная опасность от наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов несет больший вред, нежели допинг.

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить, что антидопинговое законодательство на территории Российской Федерации имеет опре-

деленные несовершенства и юридические пробелы. Они выражены в неполном перечне субъектов преступления в сфере допинга. Устанавливают санкции статей на порядок ниже, нежели в санкции статьи по склонению к наркотическим средствам. Следовало бы ужесточить санкции в сфере допинговых добавок, а возможно и выделить их в сферу отдельно охраняемых общественных отношений, так как обвинения в их потреблении наносят непоправимый урон репутации Российской Федерации на международном уровне. С учетом изложенного предлагаем формирование нового законопроекта о внесении главы в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в сфере преступлений против спорта, поскольку основная информация излагается в Федеральном законе Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», но не в Уголовном кодексе Российской Федерации.

УДК 343.72

Я.С. Труханович, курсант факультета милиции Могилевского института МВД Республики Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИЧЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Цифровая трансформация общества, наряду с неоспоримыми преимуществами, породила и новые вызовы, среди которых значимое место занимает киберпреступность. Среди различных видов киберпреступлений превалирует интернет-мошенничество, которое в настоящее время приобретает экспоненциальные масштабы, наносит значительный экономический и социальный ущерб. Анализ современного состояния и динамики данного вида преступлений является актуальной задачей для выработки эффективных мер противодействия.

Следует отметить, что интернет-мошенничество представляет собой противоправное деяние, связанное с использованием интернета для обмана людей с целью хищения их имущества и (или) личных данных. В уголовном законодательстве Республики Беларусь данный вид преступления именуется как хищение путем модификации компьютерной информации.

По официальным данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в 2024 г. киберпреступления составили около четверти от

всех преступлений в Республике Беларусь. Всего с начала года было возбуждено около 17 тыс. уголовных дел, связанных с преступлениями в сети Интернет, а к уголовной ответственности привлечено более 1 700 граждан. Эти данные свидетельствуют о значительном удельном весе исследуемого явления в структуре всей преступности.

В последнее время представителями Министерства внутренних дел Республики Беларусь отмечается качественное изменение характера киберхищений. Если ранее доминировали такие способы, как вишинг и фишинг, направленные на несанкционированный доступ к банковским счетам, то в 2024 г. 60 % составили преступные деяния, выражающиеся в убеждении граждан путем обмана самостоятельно передать денежные средства злоумышленникам. Как подчеркивает начальник управления по противодействию киберпреступности А. Новаш, это указывает на то, что происходит переход преступной деятельности в плоскость, требующую меньших материальных и технических затрат, где действия злоумышленников рассчитаны на беспечность и недостаток цифровой грамотности граждан.

Сегодня можно констатировать, что интернет-мошенничества имеют свои особенности. Значительная часть мошенничеств мигрировала в социальные сети. По словам заместителя начальника главного управления по противодействию киберпреступности Министерства внутренних дел Республики Беларусь А. Рингевича, примерно 40 % мошеннических преступлений в 2024 г. совершено именно в социальных сетях. Кроме того, интернет-мошенничества носят сезонный характер. Как правило, в конце лета – начале осени преобладают преступления в области аренды жилья, в предновогодний период – продажа елок, тематических товаров и подарков. Наиболее распространенной схемой в настоящее время является продажа несуществующего товара, когда злоумышленники склоняют жертв к переводу предоплаты или полной оплаты за мнимый товар.

Необходимо обратить внимание на то, что правоохранители фиксируют рост новых схем интернет-мошенничества. Около 10 % от общего числа составляют преступления, связанные с лжеинвестированием, когда гражданам предлагают вложить средства в сомнительные финансовые продукты, криптовалюту или «развивающиеся» рынки. Особенностью таких преступлений является причинение значительного ущерба, так как жертвы часто вкладывают в свои электронные счета большие суммы денежных средств. Для лжеинвестирования характерен также высокий уровень латентности в связи с несвоевременным обращением в правоохранительные органы. Отметим, что все чаще распространение схема fake boss, которая заключается в поддельном использовании аккаунтов в социальных сетях. А именно, под маской руководи-

лей организаций различных предприятий осуществляется выманивание денежных средств у своих сотрудников.

В ответ на эти вызовы государством принимаются системные меры. Так, сегодня налажен круглосуточный взаимообмен информацией между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и различными финансовыми учреждениями, что позволяет оперативно получать данные о движении денежных средств и приостанавливать операции по «серым счетам», предотвращая вывод денег за пределы страны. Важным шагом стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», который обязывает проводить операции с криптовалютой исключительно через резидентов Парка высоких технологий, что направлено на пресечение отмывания похищенных средств.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что «ландшафт» интернет-мошенничества в Республике Беларусь претерпел значительные изменения. На смену технически сложным схемам, связанным с прямым доступом к банковским счетам, пришли методы социальной инженерии, эксплуатирующие психологические особенности и цифровую неосведомленность граждан. Это требует смещения фокуса профилактической работы в сторону развития мер технической защиты и цифрового просвещения пользователей сети Интернет. Статистические данные наглядно показывают концентрацию преступной активности в социальных сетях, их сезонную специфику и появление новых опасных схем, таких как лжеинвестирование. Противодействие этим угрозам приобретает комплексный характер, требуя от сотрудников правоохранительных органов разрабатывать различные инновационные способы предотвращения мошенничества в сети Интернет.

УДК 343.7

А.О. Узденова, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ОБМАН ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОВЕРИЕМ КАК СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Развитие рыночных отношений, многообразие форм собственности и свободного предпринимательства наряду с улучшением материально-благосостояния общества и интенсификации экономической деятельности сопровождается, к сожалению, активизацией имущественных

преступлений, к числу которых относится мошенничество, одно из самых на сегодня распространенных преступлений против собственности в системе экономического оборота. Ущерб от экономических преступлений и преступлений против собственности в настоящее время огромен. Наиболее динамично разрастаются преступные посягательства на собственность, связанные с мошенническим (обманным) завладением чужим имуществом, ответственность за которые предусмотрена ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Отличительной чертой мошенничества от других корыстных преступлений, связанных с хищением имущества, является внешне добровольная передача потерпевшим имущества или права на имущество мошеннику под влиянием обмана или вследствие злоупотребления доверием со стороны виновного.

Как свидетельствует практика, наиболее распространенным способом совершения мошенничества является обман. По нашему мнению, правильно и развернуто определение обмана применительно к мошенничеству дал в монографическом исследовании «Имущественные преступления» А.Г. Безверхов: «обман – это такая ложь, которая обязательно направлена на склонение другого лица к совершению действия (бездействия), выгодного (значимого) для обманщика; это ложь, которая имеет своей целью возбудить у другого лица желание (решимость) действовать определенным образом». В свою очередь, доктриной уголовного права и правоприменительной практикой были выработаны характерные (типичные) признаки мошеннического обмана. К ним относят: заведомость ложного представления информации; преднамеренность ее представления; действительность ее предоставления при несоответствующей действительности информации или умолчание об истинных фактах; введение другого лица в заблуждение; наличие определенной цели – передачи имущества или права на него потерпевшим или иным лицом виновному.

Таким образом, мошеннический обман представляет собой умышленное преднамеренное искажение истины или умолчание об истине (истинных намерениях), а также совершение указанных действий с использованием компьютерной техники, посредством чего собственник имущества или лицо, владеющее имуществом на основании ограниченного вещного права, вводится в заблуждение, с целью побуждения его к добровольной передаче имущества виновному.

Способом совершения мошенничества, закрепленным в диспозиции ч. 1 ст. 209 УК, является также злоупотребление доверием. В.В. Хилюта считает, что злоупотребление доверием состоит в противоправном умышленном причинении имущественного ущерба собственнику ли-

цом, которое обязано было оградить данные имущественные интересы от притязаний иных лиц и заботиться о них. По мнению Л.Л. Кругликова, изложенному в учебнике «Уголовное право России. Часть особенная», злоупотребление доверием при совершении мошенничества означает прежде всего принятие на себя субъектом до получения имущества или права на него обязательств имущественного свойства, являющихся условием его передачи. Таким образом, злоупотребление доверием как способ мошенничества очень сходен с обманом в намерениях (обещания виновного, которые он не намерен выполнять). Этимология понятия «злоупотребление доверием» заключается в использовании лицом в своих интересах уверенности, убежденности в добросовестности, честности, добропорядочности другого лица – доверителя во вред последнему. Таким образом, злоупотребляя доверием, виновный использует оказанное ему доверие во вред собственнику имущества, не исполняя возложенные на него обязанности, противоправно удовлетворяет свои личные интересы за счет имущества собственника. Таким образом, злоупотребление доверием есть использование основанных на социальных нормах или исходя из фактических отношений доверительного отношения потерпевшего в противоречие с его имущественными интересами.

Как свидетельствует правоприменительная практика, обман обычно сочетается со злоупотреблением доверием, поскольку необходимым признаком (основой) злоупотребления доверием выступают особые отношения доверия между потерпевшим и виновным, который заведомо и преднамеренно обманывает потерпевшего в этом (намерении доверять виновному при отсутствии веских оснований для доверия). Именно доверчивость как свойство человеческого характера выступает основанием отношений доверия. Доверие непосредственно связано с возникновением заблуждения у потерпевшего.

Потерпевший, таким образом, при мошенническом обмане или злоупотреблении доверием передает добровольно имущество виновному на том основании, что он верит сведениям, которые сообщаются последним, а соответственно, и самому виновному лицу. С одной стороны, преступник стремится вначале завоевать доверие лица, избранного в качестве жертвы. Если потерпевший оказывает доверие виновному, то обман со стороны последнего выглядит одновременно как злоупотребление доверием. С другой стороны, преступник может прибегнуть к обману, для того чтобы заручиться доверием потерпевшего, а затем злоупотребить им. Как правильно отмечает в научной статье «Злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества» Д.О. Теплова, при злоупотреблении доверием нет воздействия на психику потерпевшего с целью введения его в заблуждение о любых обстоятельствах,

прошлых или будущих. Действительно, сложно представить ситуацию, когда лицо добровольно передает, например, свою вещь виновному в силу сложившихся доверительных отношений. Учитывая, что, по общему правилу, при мошенничестве умысел на завладение чужим имуществом должен возникнуть заранее, до его получения, значит, в момент получения виновный умалчивает о своих намерениях, что характерно для обмана в пассивной форме. Однако раскрытие понимания мошенничества через альтернативные способы его совершения, а именно обман или злоупотребление доверием приводит к смешению данных категорий и неоднозначности их понимания.

Представляется целесообразным рассматривать злоупотребление доверием как частный случай обмана с более подготовленной почвой. Доверительные отношения, сложившиеся между лицами, укрепляют уверенность лица, что ему вернут его имущество или исполнят обещанное. Однако обман, который все равно в дальнейшем используется для добровольной передачи имущества или права на имущество или для беспрепятственного доступа к ним, имеет решающее значение, поскольку виновный вводит потерпевшего в заблуждение именно при помощи такого способа.

УДК 343.8

У.В. Харламенко, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НАДЗОРА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОТКРЫТОГО ТИПА

Регламентация основной цели уголовной ответственности, достигаемой в процессе исполнения и отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, предусмотрена Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь (далее – УИК). Так, в ч. 1 ст. 7 УИК указано, что применение наказания и иных мер уголовной ответственности предполагает цель – исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. При этом законодателем в ст. 7 УИК определяются основные средства достижения целей уголовной ответственности, к которым относится, среди прочих, установленный порядок исполнения и отбывания наказания. Установленный порядок исполнения и отбывания наказания существенно дифференцируется в зависимости от вида наказа-

ния, назначенного осужденному. Отметим также, что одной из составляющих установленного порядка исполнения и отбывания наказания является надзор.

Рассмотрим особенности организации надзора в отношении осужденных, которым ограничение свободы назначено в условиях исправительного учреждения открытого типа (ИУОТ). Согласно требованиям ч. 3 ст. 47 УИК осужденные к ограничению свободы с направлением в ИУОТ находятся под надзором. В соответствии с положениями Инструкции о порядке осуществления надзора за осужденными к ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 октября 2014 г. № 363, надзор за осужденными – это одно из средств обеспечения установленного порядка отбывания наказания, представляющее собой совокупность мероприятий, осуществляемых сотрудниками ИУОТ во взаимодействии с территориальными органами внутренних дел, направленных на обеспечение контроля за поведением осужденных к наказанию в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, обеспечение безопасности осужденных, сотрудников и гражданского персонала ИУОТ, соответствие поведения осужденных условиям, установленным законодательством.

Как видно из определения надзора, он является одним из средств обеспечения отбывания установленного порядка наказания. Согласимся также с мнением Д.С. Рахимджановой и А.П. Скибы, которое было изложено в публикации «Применение основных средств исправления в отношении осужденных к принудительным работам», о том, что надзор относится к иным средствам обеспечения режима (как установленного порядка исполнения и отбывания наказания) наряду с дисциплинарными и профилактическими мерами.

Организация и проведение надзорных мероприятий требуют определенного времени и ресурсов. Согласно п. 34 упомянутой выше инструкции в целях постоянного наблюдения за поведением осужденных в жилых и иных помещениях, лестничных клетках и коридорах ИУОТ, а также в штрафных изоляторах (если такие оборудованы в ИУОТ) применяются системы видеонаблюдения с выводом изображения на мониторы, установленные в оперативно-дежурной службе ИУОТ. На данный момент используются системы видеонаблюдения, которые осуществляют только видеозапись. Для того чтобы повысить эффективность надзора за поведением осужденных, следует принять меры по совершенствованию используемых систем видеонаблюдения. Внедрение технологии автоматического распознавания определенных действий при видеозапи-

си будет значительно способствовать оперативному выявлению и предупреждению нарушений со стороны осужденных. Распознавание и анализ некоторых триггерных движений, поз и траектории перемещения объектов, реакция на скопление людей в ограниченном пространстве – признаки, которые часто предшествуют конфликту и в основном характерны для ударов, толчков, борьбы между людьми. При распознавании таких триггеров система видеонаблюдения направляет уведомление на мониторы, установленные в оперативно-дежурной службе ИУОТ, что позволяет дежурному помощнику начальника учреждения быстро вмешаться и локализовать конфликт.

Кроме того, при организации надзора за осужденными, отбывающими наказание в ИУОТ, возникает сложность в создании условий, обеспечивающих непрерывное наблюдение за осужденными, как одного из составляющих надзора. Это обстоятельство возникает потому, что осужденные, отбывающие наказание в ИУОТ, находятся в условиях неполной изоляции от общества: проживают в специализированном общежитии, расположенном в пределах границ территории ИУОТ, однако имеют возможность выхода и относительно свободного перемещения на работу, учебу, в учреждения здравоохранения и иное. При нахождении осужденных за пределами установленных границ территории ИУОТ также важно осуществлять постоянный надзор за ними.

В большинстве случаев необходимость нахождения осужденными за пределами установленных границ ИУОТ обусловлена трудоустройством на работу. Для организации надзора за осужденными в местах, где они работают в значительном количестве, сотрудники ИУОТ посещают их не менее трех раз в неделю. А для более качественного наблюдения за ними необходимо тесно сотрудничать с нанимателем организации, в которой трудятся осужденные. Необходимость такого тесного сотрудничества обусловлена тем, что для эффективной организации предупредительной деятельности важно своевременное получение информации о поведении, фактах отсутствия осужденного на рабочем месте, нарушениях трудовой дисциплины. Своевременное поступление такого рода сведений можно обеспечить путем составления графика посещения нанимателей работниками учреждения. Тесное сотрудничество позволяет получать сведения о дисциплине и поведении осужденных, а также фиксировать факты нарушений, что положительно скажется на предупредительной деятельности.

В целях обеспечения непрерывного наблюдения за поведением осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений также целесообразно внедрение в практику использования современных систем электронного мониторинга в различных его интерпретациях.

Приоритетным является ношение осужденными электронных средств контроля местонахождения в виде специальных электронных браслетов. Современное поколение электронных браслетов обеспечивает высокую точность определения местоположения, что способствует быстрому поиску осужденных в случае их уклонения от отбывания наказания. Снабжение таких электронных средств контроля местонахождения защитой от несанкционированного снятия или повреждения гарантирует, что осужденный не сможет незаметно снять или повредить браслет. Это будет являться дополнительным мероприятием по профилактике уклонения от отбывания наказания. При попытке снять браслет устройство автоматически отправляет уведомление сотрудникам ИУОТ о любых попытках воздействия. Важно отметить, что в таких браслетах подключена двусторонняя связь с осужденным, которая предоставляет возможность оперативного выяснения причин отклонения от маршрута, а также произведенного на браслет воздействия. В данных браслетах есть возможность установить определенную территорию, которую запрещено посещать осужденным. В случае пересечения этой территории – немедленно направляется уведомление в оперативно-дежурную службу ИУОТ о совершенном нарушении, что также повышает эффективность использования электронных средств контроля местонахождения осужденного.

Отметим также, что экономически нецелесообразно устанавливать такой вид мониторинга на каждого осужденного. Приоритетным является использование электронных средств контроля местонахождения в виде специализированных браслетов в отношении лиц, состоящих на профилактическом учете ИУОТ, так как велика вероятность совершения нарушений такими осужденными.

Таким образом, надзор является одним из средств обеспечения отбывания установленного порядка наказания осужденными. Организация непрерывного наблюдения за осужденными способствует предупреждению совершения ими нарушений правил внутреннего распорядка ИУОТ, а также преступлений. Использование модифицированных систем видеонаблюдения, организация тесного сотрудничества администрации ИУОТ с нанимателями организаций, в которых работают осужденные, использование современных электронных средств контроля местонахождения осужденных позволяет повысить эффективность, а также обеспечить непрерывность надзора. Применение вышеперечисленных предложений в совокупности окажет позитивное воздействие на результативность исполнения наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ.

К.С. Хомич, курсант факультета милиции общественной безопасности Академии МВД Республики Беларусь

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И НРАВСТВЕННОСТИ

Уголовная политика, как составная часть политики государства в сфере борьбы с преступностью, и ее реализация всегда находились в поле зрения ученых-юристов и практиков, что обусловлено актуальностью и социальной значимостью деятельности государства по выработке и реализации наиболее эффективных мер, направленных на предупреждение, пресечение, расследование преступных деяний, устранение причин и условий, способствующих их совершению. Уголовная политика призвана определять принципы, стратегию, основные задачи, формы и методы борьбы с преступностью и отдельными ее видами, включая преступления в сфере охраны общественного порядка и нравственности.

В отечественной уголовно-правовой доктрине было распространено понимание уголовной политики в широком смысле слова, как системы, включающей в себя всесторонние меры борьбы с преступностью. Например, в советский период развития нашего государства приводилось определение, основанное на понимании уголовной политики, как «генеральной линии, определяющей основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленной на предупреждение преступлений». В настоящее время исправительно-трудовое законодательство именуется уголовно-исполнительным, сущностью которого является исполнение уголовного наказания, а в рамках осуществления мер, направленных на предупреждение преступности, следует говорить о криминологическом (профилактическом) направлении уголовной политики.

В целом современная уголовная политика Республики Беларусь включает в себя разработку и применение уголовно-правовых норм (уголовно-правовая политика), процесс расследования преступлений (уголовно-процессуальная политика), оперативно-розыскную деятельность (политика в сфере оперативно-розыскной деятельности), исполнение наказаний и социальную реабилитацию судимых лиц (уголовно-исполнительная политика), а также меры по предупреждению и профилактике преступности (криминологическая политика).

Центральное место в структуре уголовной политики занимает уголовно-правовая политика, которая выражается «в определении уголовно-правовых методов и средств борьбы с преступностью, в разработке принципов уголовного закона и уголовной ответственности, в подходах к разработке и совершенствованию уголовного законодательства, в установлении круга преступных деяний путем выработки критериев преступного и наказуемого».

Уголовная политика в области обеспечения общественного порядка и нравственности, по нашему мнению, – это система мер, принимаемых органами государственной власти и управления для поддержания спокойствия, порядка и безопасности граждан, регулируемых уголовным законодательством, традициями и нормами поведения в обществе.

Правовую основу уголовной политики в области обеспечения общественного порядка и нравственности составляет Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК). В связи с этим целесообразно в настоящей статье сосредоточиться на рассмотрении уголовной политики в области обеспечения общественного порядка и нравственности через призму «инструментов» уголовно-правовой политики, среди которых на уровне правотворчества применяются такие основные методы, как криминализация и декриминализация, пенализация и депенализация.

Уголовная ответственность за преступления против общественного порядка и нравственности предусмотрена в гл. 30 «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» УК, систему которых в соответствии с их непосредственными объектами можно представить в следующем виде:

преступления против общественного порядка: хулиганство (ст. 339 УК); жестокое обращение с животным (ст. 339¹ УК); заведомо ложное сообщение об опасности (ст. 340 УК); осквернение сооружений и порча имущества (ст. 341 УК); организация групповых действий, грубо нарушающих общественный порядок, либо активное участие в них (ст. 342 УК);

преступления против общественной нравственности: пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 341¹ УК); пропаганда самоубийства (ст. 342¹ УК); неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий (ст. 342² УК); распространение порнографических материалов или предметов (ст. 343 УК); изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (ст. 343¹ УК); надругательство над трупом или могилой (ст. 347 УК); незаконный забор органов или тканей у умершего донора (ст. 348 УК).

Обратимся к правотворческой деятельности государства на современном этапе по совершенствованию норм уголовного закона в сфере борьбы с преступлениями, посягающими на общественный порядок и нравственность.

Так, Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» криминализировано такое общественно опасное деяние, как пропаганда самоубийства (ст. 342¹ УК), Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» были криминализированы пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 341¹ УК), неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий (ст. 342² УК).

Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» дополнена санкция ч. 2 ст. 339 УК таким альтернативным видом наказания, как штраф; увеличены сроки ограничения свободы и лишения свободы с 3 до 4 лет в санкции ч. 2 ст. 339¹ УК, и, наоборот, снижены сроки ограничения свободы и лишения свободы с 3 до 2 лет в санкции ст. 341 УК. Полагаем, что указанные изменения свидетельствуют о том, что санкции статей законодателем приведены в соответствие со степенью общественной опасности этих преступлений.

Данным законом в диспозиции ч. 2 ст. 343 УК снижен возраст потерпевшего от преступления с 18 до 16 лет, что фактически декриминализует изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера несовершеннолетнему в возрасте от 16 до 18 лет; одновременно санкция нормы усилена обязательным дополнительным наказанием в виде штрафа. В новой редакции ст. 348 УК термин «незаконное изъятие» заменен словами «незаконный забор», тем самым законодатель привел данную норму в соответствие со ст. 11 Закона Республики Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-3 «О трансплантации органов и тканей человека», в которой закреплены условия не изъятия, а именно забора органов и тканей у умершего донора.

По данным уголовной статистики, за преступления против общественного порядка и общественной нравственности в 2024 г. было вынесено 3 285 приговоров, из них: за хулиганство по ст. 339 УК – 1 996; а в 2023 и 2022 гг., соответственно, 3 183 и 3 198, из них: за хулиганство, соответственно, 2 119 и 2 309. Как видно, в последние три года наблюдается устойчивая тенденция снижения количества посягательств на общественный порядок, связанных с хулиганскими действиями.

На основе представленного анализа уголовной политики государства в области обеспечения общественного порядка и нравственности можно сделать следующие выводы.

Во-первых, законодатель криминализировал такие опасные для общественного порядка и нравственности деяния, как пропаганда самоубийства, пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий.

Во-вторых, в отношении отдельных преступлений, отличающихся относительно высокой распространенностью, в частности, хулиганство и жестокое обращение с животными применено ужесточение наказания (пенализация). Одновременно отмечается и обратный процесс (депенализация) – смягчение наказания за осквернение сооружений и порчу имущества, что свидетельствует о стремлении к соразмерности санкций тяжести таких деяний.

В-третьих, наблюдается тенденция к дифференциации уголовной ответственности, внедрению в санкции статей альтернативных видов наказания, что предоставляет суду возможность избирать меру воздействия, адекватную характеру и степени общественной опасности совершенного деяния, а также личности виновного.

В-четвертых, законодатель осуществляет совершенствование юридической техники, включающей в себя уточнение диспозиций норм в целях обеспечения единообразного понимания и применения закона.

Таким образом, вносимые в уголовный закон изменения и дополнения носят комплексный характер и направлены на оптимизацию уголовно-правового регулирования, повышение эффективности противодействия преступности, в том числе совершению преступлений против общественного порядка и нравственности.

УДК 343.3/7

К.С. Чернушевич, курсант следственного факультета Омской академии МВД России

ДИПФЕЙКИ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В условиях стремительной цифровизации общества крайне важным становится правовое регулирование, касающееся создания и использования дипфейков. На данный момент в российском законодательстве отсутствует четкое легальное определение данного феномена. В научной

литературе (В. Мамаев «Дипфейки. Ужасы искусственного интеллекта», 2025) и иных источниках дипфейки описываются как технологии «глубинного обучения» (от англ. deep learning) и подделки (от англ. fake), как синтез правдоподобных поддельных изображений, видео- и аудиоматериалов с помощью искусственного интеллекта, а также как «поддельное видео, выполненное с использованием глубоких нейронных сетей».

Дипфейки представляют собой видео-, фото- или аудиозаписи, созданные с применением искусственного интеллекта, в которых образы или голоса людей изменены так, что они выглядят и (или) звучат как реальные, хотя на самом деле таких лиц не существует.

Общественная опасность данного явления является объективной и изменяется под влиянием различных факторов. В 2023 г. в России на платформах социальных сетей было зафиксировано более 12 млн фейковых сообщений, которые собрали миллиарды просмотров. За последние пять лет преступления в киберпространстве возросли более чем вдвое, составив примерно 40 % общего числа нарушений уголовного законодательства. По данным, предоставленным на начало 2024 г., общий ущерб от таких преступлений составил 116 млрд р. Дипфейки используются для различных финансовых махинаций, вымогательства, нарушения неприкосновенности частной жизни и других правонарушений (А. Кочетова «Дипфейки и ответственность за их распространение. Что важно знать?», 2024).

Данная проблема имеет глобальный характер. Например, в социальных сетях появилось фейковое видео, в котором были использованы фрагменты интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова. Авторы этого видео с помощью нейросетей наложили совершенно неправдоподобный текст на оригинальный фрагмент из документального фильма, посвященного 25-й годовщине агрессии НАТО против Югославии. Мошенники также опубликовали фейковый видеоролик на YouTube, выдавая его за официальное выступление миллиардера Илона Маска на конференции Bitcoin-2024, где он якобы обещал бесплатное распространение различных криптовалют. В этом фейковом ролике пользователям предлагалось перевести деньги на указанный адрес, в результате чего мошенники собрали 28 586 долларов от доверчивых граждан (Moshenniki-ukrali-kriptovalyuty // Bits.media : сайт. URL: <https://bits.media/moshenniki-ukrali-kriptovalyuty-na-28-500-s-pomoshchyu-dipfeyka-ilona-mask/>). В конце января 2024 г., незадолго до праймериз в Нью-Гемпшире, тысячи местных демократов получили звонки с призывами не участвовать в голосовании. Эксперты из компании Pindrop, занимающейся кибербезопасностью, определили, что

имитация голоса Президента США была выполнена с помощью искусственного интеллекта. Офис генерального прокурора штата квалифицировал эти звонки как незаконную попытку воспрепятствовать голосованию и инициировал расследование (Интернет-ресурс РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240123/praymeriz-1922867153.html>).

Сложившаяся ситуация требует от законодателей разработки правового контроля в области создания и использования дипфейков. Например, в США Закон о национальной обороне на 2020 г. предусматривает усиление мер по регулированию использования дипфейков, а также устанавливает ответственность за их распространение. В законодательстве штата Техас предусмотрены меры ответственности за использование дипфейков, порочащих честь и достоинство кандидатов на выборах, вплоть до одного года лишения свободы и штрафа до 4 тыс. долларов. В законодательстве Китая также предусмотрена обязательная маркировка дипфейков.

В настоящее время в Верхней палате Федерального собрания Российской Федерации разрабатывается законопроект, направленный на запрет создания и распространения дипфейков, которые имитируют голос и образы людей без их согласия. Законодатели понимают необходимость предотвращения этой угрозы до того, как она станет серьезной проблемой. Данный законопроект будет содержать определение термина «дипфейк» и предложенные запреты. В зависимости от последствий использования дипфейков предполагается введение как административной, так и уголовной ответственности. Ожидается, что в ближайшее время данный законопроект будет рассмотрен Государственной Думой Российской Федерации (Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности)»).

Таким образом, широкое распространение дипфейков представляет собой потенциальную угрозу, способную нанести значительный вред общественным отношениям, что подтверждает их общественная опасность и обосновывает необходимость усиления уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым с их использованием.

Тем не менее создание отдельных уголовно-правовых норм, касающихся дипфейков, является сложной задачей по нескольким причинам. Во-первых, развитие общественных отношений в современном мире происходит с такой быстротой, что сопоставимо с предыдущими эпохами (до информационной). Уголовно-правовые нормы должны основываться на стабильном «каркасе», который не подвержен постоянным изменениям, и воздействовать на определенные социальные отноше-

ния. Однако сегодня крайне трудно предсказать направление изменений в области информационных и телекоммуникационных технологий, что затрудняет прогнозирование новых методов совершения преступлений с использованием дипфейков.

Во-вторых, создание отдельных уголовно-правовых норм, касающихся дипфейков, осложняется с точки зрения юридической техники и социальной оправданности уголовной ответственности за их создание и использование. Многие преступления могут быть совершены с применением дипфейков, и составить исчерпывающий перечень таких преступлений невозможно, поскольку невозможно точно предсказать все новые формы их использования. В этой ситуации остаются два варианта: либо ввести в существующие составы преступлений новую квалифицирующую отягчающую характеристику «с использованием дипфейков» (что потребует легального определения данного понятия и внесения изменений в значительное число статей Особенной части УК РФ); либо разработать отдельный уголовно-правовой запрет на создание и использование дипфейков (но не все случаи создания и использования дипфейков являются общественно опасными).

Таким образом, наше предложение по повышению уровня уголовно-правового воздействия на преступления, связанные с созданием и использованием дипфейков, заключается в дополнении ст. 63 «Обстоятельства, отягчающие наказание» УК РФ, пунктом следующего содержания: «совершении преступления, связанном с созданием и использованием синтезированного аудио или видео, созданного с помощью искусственного интеллекта».

УДК 343.9

А.В. Швец, студент юридического факультета филиала Российского государственного социального университета в г. Минске;

Е.А. Мельник, студент психологического факультета филиала Российского государственного социального университета в г. Минске

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Доктрина криминологического знания определяет преступность как социально-правовое явление, детерминируемое процессами, которые происходят в обществе. Посредством изучения количественно-качественных показателей преступности можно выделить наиболее

проблемные аспекты, которые сформировались в социуме. По доминирующему в социологии мнению, общество представляет собой социально-дифференцированную систему, состоящую из взаимозависимых институтов (детский сад, школа, работа, семья и т. д.). Индивид, как правило, входит в несколько институтов одновременно (либо причисляет себя к ним), выполняя при этом определенные социальные роли. Данная система не имеет статичного состояния, так как перманентно изменяется вслед за развитием общественных отношений. В силу изложенного выявление социальных связей, формирующих систему общественных отношений, способствующих существованию того или иного вида преступности, позволит повысить эффективность мер, направленных на предупреждение последней.

Результаты исследования свидетельствуют, что лицо, совершившее преступление, выступает проводником социальных связей, которые обрели негативный оттенок. Соответственно, чем больше совершается преступлений, тем больше социальных связей обретает негативный оттенок, формируя социальное напряжение, оказывающее в конечном итоге деформирующее воздействие на общественные институты. Для эффективной реализации мер уголовной ответственности правоприменитель должен владеть знаниями, в какие социальные группы входит лицо, совершившее преступление. Это позволит не просто назначить наказание, соответствующее требованиям законодательства, в том числе с учетом личности осужденного, но также выявить детерминанты, формирующие негативное поведение последнего.

Для эффективной реализации мер уголовной ответственности большое значение имеют положения об индивидуализации наказания. Вместе с тем применяемые в этом случае формулировки, в силу своей абстрактности, не позволяют в полной мере правоприменителю учесть все существенные признаки, присущие конкретному человеку. Их учет позволит выявить не просто детерминанты совершаемого преступления, а место и роль, которое индивид занимает в социуме.

В рассматриваемом аспекте следует обратить внимание на положения ст. 62 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), которые в настоящий момент являются базовыми для назначения наказания. Так, наряду с содержащимися в ч. 1 ст. 62 УК элементами принципа индивидуализации наказания, выносимого в отношении виновного лица, обязательным при назначении наказания является учет его личности. Как правило, суд берет информацию о личности лица, в отношении которого выносится приговор, из постановления о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд, где в соответствии с п. 2

ч. 2 ст. 260 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) должны содержаться сведения о личности обвиняемого. В случае если прокурор согласен с постановлением следователя, то он в соответствии со ст. 266 УПК направляет уголовное дело в суд по подсудности. Таким образом, в суд поступает информация, которая собирается следователем в процессе производства по уголовному делу. Как справедливо отмечено П.В. Тепляшиным в статье «Досудебная пробация: предпосылки институционализации в контексте принятия Федерального закона от 6 февраля 2023 года „О пробации в Российской Федерации“», в большинстве случаев она носит несистематизированный и необобщенный характер. Отсутствие полной информации существенно снижает эффективность назначаемых наказаний и иных мер уголовной ответственности, которые по своей сущности не могут оказать должного воздействия на правосознание осужденного, так как комплекс правоограничений, указанных в приговоре суда, не в полной мере соответствует личности осужденного. Это обуславливает необходимость имплементации в правоприменительную практику мероприятий по более детальному социальному изучению лиц, обвиняемых в совершении преступления.

Полагаем, эти результаты целесообразно формализовать посредством составления досудебного доклада, представляемого вместе с уголовным делом в суд. Это даст возможность выявить и систематизировать криминологически значимую информацию о личности виновного на предмет установления всех детерминант преступления. Указанный подход позволит аккумулировать полученные сведения для выработки наиболее эффективных форм и методов предупреждения, например, отдельных видов (групп) преступлений, либо адресованных определенным категориям виновных лиц.

Досудебный доклад должен состоять из нескольких частей. Во-первых, содержать анкетные данные о лице, совершившем преступление. Во-вторых, включать информацию социального характера, совокупность которой позволит выявить детерминанты преступлений. В-третьих, охватывать данные о постпреступном поведении объекта социального обследования, содержание которых характеризует общественную опасность лица, совершившего преступление. В-четвертых, содержать рекомендации для суда по определению наиболее оптимальной формы реализации уголовной ответственности в отношении обследуемого лица.

Таким образом, именно ограниченность существующих норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, их ориентация, в первую очередь, на установление факта преступления, не позво-

ляет следователю и суду в полной мере изучить личность преступника и глубинные детерминанты совершенного им деяния. Для преодоления этого системного пробела предлагается принципиально новый формат работы – комплексный досудебный доклад, призванный предоставить суду всестороннюю оценку личности обвиняемого и помочь принять решение о целесообразности применения той или иной меры уголовной ответственности. Впоследствии данную информацию можно также использовать при применении различных видов освобождения от наказания, а также для разработки мер, направленных на интеграцию осужденных в общество.

УДК 343.9

Л.Д. Шкроблик, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И МЕРАХ ПО ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Рецидивная преступность охватывает те преступления, которые совершаются лицами, уже ранее привлеченными к уголовной ответственности. Этот вид преступной деятельности признан одним из самых опасных. Уровень исходящей от него угрозы высок, поскольку свидетельствует о том, что преступник, уже понесший наказание, не намерен отказываться от своего противозаконного поведения. Это также указывает на развитие криминальных умений и асоциальных наклонностей у правонарушителя. Кроме того, наличие рецидивной преступности говорит о том, что государственные институты недостаточно эффективно работают над реабилитацией и возвращением бывших заключенных к нормальной жизни в обществе.

Угроза рецидивных преступлений для общества усиливается тем, что рецидивисты способны воздействовать на молодые, еще не сформировавшиеся умы подростков, вовлекая их в свою преступную деятельность. Исследования демонстрируют, что наиболее устойчивыми преступными организациями являются те, в которых лидирующие роли занимают рецидивисты. В таких группах новички, которые ранее не имели проблем с законом, используются в качестве исполнителей.

Следует подчеркнуть, что основные исследования по вопросам рецидива преступлений в дореволюционной уголовно-правовой теории

проводились в рамках уголовно-правовых понятий. Ученые считали, что рецидив имеет место, если происходит повторение идентичного или аналогичного преступления, при этом важно, чтобы на предшествующее правонарушение последовала реакция со стороны государства, а между двумя преступлениями существовал определенный временной интервал.

Рецидивная преступность выступает в роли индикатора социальной ситуации в стране и способствует определенной стабильности преступности как социального явления, порождая новые правонарушения. Характерной чертой рецидивной преступности является не только то, что многие правонарушители совершают повторные преступления, даже несмотря на меры наказания, но и то, что в течение сравнительно коротких промежутков времени количественные и качественные характеристики общей преступности могут варьироваться значительно, в то время как показатели рецидивов остаются относительно неизменными на протяжении десятилетий.

В ст. 43 Уголовного кодекса Республики Беларусь законодателем дано определение рецидива преступлений, а также его классификации (опасный и особо опасный), что позволяет установить конкретные правовые последствия при квалификации определенного вида рецидива. В зависимости от уровня общественной опасности рецидив делится на три категории: простой, опасный и особо опасный.

В зависимости от типа совершенных правонарушений, можно выделить два вида рецидива: общий и специальный. Общий рецидив характеризуется совершением различных (разнородных) преступлений, в то время как специальный рецидив происходит, когда индивид совершает однородные (тождественные) преступные деяния. Часто повторение одних и тех же видов преступлений наглядно свидетельствует о профессионализме правонарушителя, демонстрируя его способность заниматься незаконной деятельностью длительное время и использовать скрытые методы.

Наибольшее значение для упреждения рецидивной преступности (и для преступности в целом) будут иметь меры предупредительного характера, купирующие детерминанты рецидивной преступности еще на стадии их зарождения. Как правильно отмечается в научной литературе, предупреждение преступности является широким по своему содержанию феноменом, учитывающим реальный уровень преступности, включая круг объектов и лиц, совершающих преступления. Изложенное свидетельствует о том, что разработка мер предупредительного характера будет эффективна только в случае, если в распоряжении заинте-

ресованного субъекта будет объективная информация о количественно-качественных показателях рецидивной преступности. Это позволит выработать предупредительные меры, наиболее полно коррелирующие с уровнем и состоянием рецидивной преступности, существующей в объективной реальности.

Говоря о показателях рецидивной преступности в Республике Беларусь, на протяжении последних десяти лет удельный вес рецидивных преступлений по стране, предварительное расследование по которым окончено, неуклонно снижается. Так, по сравнению с 2014 г. удельный вес данной разновидности криминала снизился на 28,4 %, а среднестатистический показатель рецидивной преступности за последние 10 лет составляет около 38–39 % (в 1981 г. – 18,9 %, в 1985 г. – 19,5 %, в 1990 г. – 12,4 %, в 1995 г. – 26,4 %, в 2000 г. – 26,6 %, в 2005 г. – 46 %, в 2010 г. – 47,2 %, в 2014 г. – 43,4 %, в 2015 г. – 40,3 %, в 2016 и 2017 гг. – 38,4 %, в 2018 г. – 39,3 %, в 2019 г. – 38,4 %, в 2020 г. – 41,6 %, в 2021 г. – 39,3 %, в 2022 г. – 34,3 %, в 2023 г. – 33,8 %, в 2024 г. – 33,2 %). Здесь необходимо подчеркнуть, что за основу расчета удельного веса рецидивной преступности берется именно количество преступлений, предварительное расследование по которым было окончено с вынесением обвинительного приговора суда.

Важным для выработки мер предупредительного характера показателем рецидивной преступности является география рецидивной преступности. Для простоты восприятия приведем данные за три года: 2022–2024 гг. В 2022 г. по регионам страны рецидивная преступность была наиболее распространена в Минской области (38,4 % общего объема преступности), далее следовали Могилевская (36,6 %), Гомельская (34,6 %), Гродненская (33,9 %), Витебская (33,6 %), Брестская (33 %) области и г. Минск (30 %). В 2023 г. и первой половине 2024 г. территориальное распределение рецидивной преступности изменилось, но не существенно (первое место – Минская область 37,8 % (37,8 % в 2024 г.), на второе место переместилась Гродненская область, с показателем 36,0 % (35,2 % в 2024 г.), далее следуют Могилевская область 35,8 % (33,4 % в 2024 г.), Гомельская область 35,0 % (35,7 % в 2024 г.), Витебская область 33,1 % (31,4 % в 2024 г.), Брестская область 30,9 % (30,3 % в 2024 г.) и г. Минск 27,9 % (28,1 % в 2024 г.).

Проводя анализ рецидивной преступности, нельзя не остановиться на важнейшем ее показателе, которым является структура по видам преступлений. Например, по сравнению с 2022 г. в 2023 г. и 2024 г. присутствуют преимущественно незначительные колебания количественных

показателей. Так, в 2024 г. ранее судимыми было совершено 54,4 % разбоев (50,9 % – 2022 г. и 44,8 % – 2023 г.); 44,4 % грабежей (49,3 % – 2022 г. и 46,8 % – 2023 г.); 36,9 % краж (45,5 % – 2022 г. и 36,8 % – 2023 г.); 24,5 % убийств (23,4 % – 2022 г. и 22,5 % – 2023 г.); 23,6 % преступлений, связанных с причинением тяжких телесных повреждений (23,3 % – 2022 г. и 29 % – 2023 г.); 24,6 % преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (25,8 % – 2022 г. и 24,1 % – 2023 г.). Отметим сформировавшийся тренд снижения удельного веса краж, падение составило 9 %. В целом можно сделать вывод о том, что удельный вес рецидивистов, совершающих имущественные преступления, свидетельствует о профессионализации рецидивной преступности.

Таким образом, сокращение повторных преступлений является важным направлением работы для всех участников уголовного правосудия. Улучшение показателей рецидивной преступности приводит к уменьшению числа пострадавших, обеспечению безопасности общества, снижению нагрузки на правоохранительные органы и систему правосудия, а также расходов на содержание в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Вместе с этим важным элементом института пробации является своевременное выявление факторов риска, которые могут привести к повторным преступлениям после освобождения, и комплексная работа с ранее судимыми лицами как во время отбывания наказания, так и после освобождения. Внимание к этой проблеме должно быть уделено всеми участниками профилактической работы в обществе. Проведение информационных кампаний, направленных на формирование позитивного отношения к лицам, освободившимся из мест лишения свободы, и создание условий для их успешной реинтеграции в общество. Развенчание стереотипов о рецидивистах и продвижение идеи о возможности исправления и возвращения к нормальной жизни. Создание специализированных программ обучения для сотрудников правоохранительных органов, пенитенциарной системы и пробационных служб, направленных на повышение их профессиональных навыков в работе с рецидивистами. Освещать в прессе, на телевидении и в интернете истории успешной ресоциализации бывших заключенных, чтобы вдохновить других и показать, что изменение возможно. Создание полноценного института пробации в Республике Беларусь является перспективным направлением в системе мер по предотвращению преступности, учитывая индивидуальные особенности преступников.

К.А. Шустерман, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Борьба с коррупционной преступностью – важная задача любого государства. Одним из признаков коррупционной преступности является ее латентность, уровень которой препятствует выработке эффективных мер противодействия данному социально-правовому явлению. Более того, развитие информационных технологий, общественных отношений детерминирует видоизменение коррупционных моделей поведения. Коррупционеры в новых реалиях находят возможности обойти законодательные запреты, используя новые формы и методы совершения коррупционных преступлений. Данное обстоятельство ставит перед законодателем и правоприменителем новые вызовы – снижение уровня латентности совершаемых коррупционных преступлений и разработка на основании полученных фактических данных направлений предупреждения коррупционной преступности. Неизбежность разоблачения коррупционной деятельности вследствие снижения латентного характера коррупционных преступлений выступит сдерживающим фактором, формирующим у всех субъектов коррупционной активности негативное отношение к совершению преступлений с использованием должностного положения в корыстных целях. Изложенное свидетельствует о необходимости формирования механизма транспарентности (прозрачности) отношений, предполагающих коррупционные риски.

Повышение транспарентности общественных отношений, содержащих коррупционные риски, невозможно без должного содействия со стороны граждан, сталкивающихся с фактами проявления коррупции. Одним из ключевых факторов, влияющих на готовность граждан сообщать о фактах коррупции, является уровень доверия к правоохранительным органам. Поэтому повышение прозрачности в деятельности правоохранительных органов, внедрение эффективных механизмов защиты заявителей, а также обеспечение неотвратимости наказания для коррупционеров являются необходимыми условиями для формирования атмосферы доверия и стимулирования граждан к активному участию в борьбе с коррупцией. Кроме того, следует создавать благоприятные условия для сообщения о фактах коррупции. Это предполагает наличие

доступных и удобных каналов для подачи сообщений, обеспечение конфиденциальности заявителей, а также предоставление им правовой и психологической поддержки. Важно, чтобы граждане понимали, что сообщение о факте коррупции не только не повлечет для них негативных последствий, но и будет способствовать укреплению законности и справедливости в обществе.

В связи с изложенным предлагаем разработку специализированной цифровой платформы по приему и обработке сообщений о фактах коррупции. Структура цифровой платформы предполагает следующие элементы: специализированный сайт, чат-бот в телеграм-канале и приложение, которое может быть установлено на смартфон.

Основное предназначение сайта – подача сообщений о коррупции, при этом стоит допустить возможность отправки сообщения не только с указанием личных данных для получения обратной связи и защиты заявителя, но и без указания личных данных (анонимная подача). При этом важно, чтобы гражданин мог отслеживать: процедуру рассмотрения его зарегистрированного заявления, текущий статус рассмотрения (принято к рассмотрению, проводится проверка, передано в правоохранительные органы, дело передано в суд, дело закрыто), а также сроки рассмотрения на каждом этапе. По окончании рассмотрения сообщения гражданин будет получать уведомление об итогах рассмотрения своего заявления. Кроме этого, сайт должен аккумулировать нормативно-правовые акты, статистические данные, кейсы правоприменительной практики и ответы на часто задаваемые вопросы в области противодействия коррупции.

Кроме сайта, как один из элементов цифровой платформы предупреждения коррупции предлагаем разработку чат-бота, ссылка на который будет размещена на сайте. Подобная разработка уже существует и действует для повышения эффективности работы Государственной автомобильной инспекции Республики Беларусь. Мы предлагаем разработку чат-бота в мессенджере «Телеграм», целью которого станет создание удобного, анонимного и эффективного канала для приема сообщений граждан о фактах коррупции.

Наряду с сайтом представляется целесообразным также разработать мобильное приложение, которое будет иметь аналогичные сайту и чат-боту цели и выступит удобной и доступной формой подачи сообщений о фактах коррупции. Преимуществом указанного приложения будет являться постоянная доступность, находясь всегда под рукой оно будет обеспечивать возможность сообщить о коррупции в любой момент и в любом месте. Приложение, как и сайт, может позволить получить до-

ступ к нормативно-правовой базе, действующему законодательству без подключения к интернету.

Безопасность и конфиденциальность – необходимые составляющие мобильного приложения, надежная защита данных позволит гражданам не бояться сообщать о фактах коррупции и сотрудничать с правоохранительными органами. Мобильное приложение обеспечит наиболее удобную загрузку фотографий, видео и других файлов, а также сможет использовать камеру, микрофон и другие функции смартфона для сбора и подачи информации о коррупции. Пользователи смогут получать уведомления о статусе рассмотрения их обращений, а также о важных новостях и обновлениях. Приложение может содержать интерактивные элементы, такие как тесты, опросы и игры, направленные на повышение осведомленности о коррупции и способах ее предотвращения.

Меню может содержать следующие позиции: сообщение о коррупции; правовая помощь; новости и информация; информация об ответственном за ведение цифровой платформы разработчике. Форму и правила подачи сообщений о коррупции следует разместить на сайте, чтобы граждане могли четко изложить необходимую для дальнейшей работы сотрудников информацию, а также знали о возможности загрузки фотографий, видео, звукозаписей, документов. Форма подачи сообщения о коррупции может включать в себя данные, которые помогут гражданину быстрее и проще заявить о правонарушении: выбор категории преступления (дача/получение взятки, посредничество во взяточничестве, злоупотребление властью или служебными полномочиями и т. д.), описание ситуации (где, когда, кто участвовал, какие имеются доказательства), прикрепление файлов, указание контактных данных (по желанию, для получения обратной связи и уточнения информации), предупреждение об ответственности за заведомо ложный донос.

Предложив и рассмотрев возможные каналы подачи информации о фактах коррупции, необходимо задуматься о том, как замотивировать граждан их использовать. Ведь большинство будет заинтересовано в этом, только получая некую выгоду для себя. Вариантом решения предлагаем получение гражданами, чьи сообщения помогут правоохранительным органам в раскрытии коррупционных преступлений, налоговых льгот. В таком случае граждане будут заинтересованы в сообщении о фактах коррупции и сотрудничестве с правоохранительными органами. В качестве предложенных налоговых льгот могут выступать налоговые вычеты – предоставление права на уменьшение налоговой базы, а также снижение налоговой ставки – временное снижение ставки подоходного налога или налога на прибыль для граждан, сообщивших о кор-

рупционных преступлениях. Чтобы минимизировать риски ложных сообщений с целью получения налоговых льгот, необходимо предусмотреть ряд критериев для их получения:

- сообщение о фактах коррупции должно привести к раскрытию преступления и привлечению виновных к ответственности;
- информация, предоставленная гражданином, должна быть достоверной и значимой для расследования;
- должен быть возмещен ущерб, причиненный государству в результате коррупционного преступления.

Процедура получения налоговых льгот может быть следующей: гражданин, сообщивший о коррупции, подает заявление в налоговый орган с приложением документов, подтверждающих его вклад в раскрытие преступления (например, решение суда, справка из правоохранительных органов). Налоговый орган рассматривает заявление и принимает решение о предоставлении налоговой льготы.

Таким образом, подводя итог, отметим, что предупреждение коррупции должно предполагать наличие того факта, что указанное негативное социально-правовое явление является высоколатентным. Для повышения уровня транспарентности в сфере коррупциогенных общественных отношений предлагаем создать цифровую платформу, содержащую в себе завершённую экосистему подачи сообщений от граждан, столкнувшихся с фактами коррупции. Указанный шаг позволит для субъектов, ответственных за борьбу с коррупцией, получать оперативный отклик от граждан, столкнувшихся с фактами коррупции.

УДК 343.8

Н.С. Янович, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА В СИСТЕМЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ: ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Современная система исполнения наказаний сталкивается с рядом серьезных проблем, требующих незамедлительного решения. К числу основных вызовов относятся: переполненность учреждений, что приводит к ухудшению условий содержания осужденных и снижению уровня безопасности; недостаток информации, затрудняющий сбор и анализ

данных о поведении осужденных; а также вопросы, касающиеся соблюдения прав человека в условиях ограничений. Увеличение количества инцидентов внутри учреждений, включая бунты и насилие, требует более эффективных методов мониторинга и управления. Традиционные методы управления и контроля часто оказываются неэффективными в условиях быстро меняющегося общества и технологий, что подчеркивает необходимость инновационных подходов.

Введение технологии цифрового двойника может стать решением для многих из вышеупомянутых проблем, так как она позволяет осуществлять мониторинг в реальном времени, что способствует быстрому реагированию на инциденты и предотвращению конфликтов. Сбор и анализ больших объемов данных о поведении осужденных и условиях содержания позволяют выявлять закономерности и принимать более обоснованные решения. Кроме того, цифровые двойники способствуют оптимизации ресурсов, улучшению условий содержания и разработке индивидуализированных программ реабилитации для осужденных. Таким образом, внедрение цифровых технологий не только поможет решить существующие проблемы в системе исполнения наказаний, но и создаст основу для более эффективного и гуманного подхода к управлению исправительными учреждениями.

Внедрение технологии цифрового двойника в систему исполнения наказаний в Республике Беларусь представляет собой актуальную и многообещающую инициативу, способную значительно повысить эффективность управления исправительными учреждениями и улучшить условия содержания осужденных. В первую очередь необходимо обратить внимание на правовые аспекты, связанные с внедрением данной технологии. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях и Уголовно-исполнительным кодексом Республики Беларусь важнейшим приоритетом является соблюдение прав осужденных. Цифровые двойники могут способствовать повышению прозрачности процессов, улучшению контроля за условиями содержания и минимизации случаев нарушений прав человека, что подчеркивается исследованиями в области правовых технологий. В этой связи актуально адаптировать нормативные правовые акты для учета новых технологий, включая вопросы защиты персональных данных и конфиденциальности информации.

Организационные изменения в системе управления также играют ключевую роль в успешной реализации технологии цифрового двойника. Внедрение таких технологий требует пересмотра организационных структур управления исправительными учреждениями, что может включать создание новых должностей и подразделений, ответственных

за анализ данных и управление цифровыми технологиями. Исследования показывают, что интеграция цифровых технологий может повысить эффективность управления и взаимодействия между различными службами, что, в свою очередь, приведет к улучшению условий содержания осужденных.

С технической точки зрения, успешная реализация технологии цифрового двойника требует модернизации технической инфраструктуры исправительных учреждений. Это включает установку систем видеонаблюдения, биометрических систем и других сенсоров для мониторинга состояния осужденных. Научные исследования подтверждают, что применение таких технологий может снизить уровень насилия и конфликтов внутри исправительных учреждений, а также повысить безопасность как для осужденных, так и для персонала.

Этика и соблюдение прав человека должны быть приоритетными при внедрении цифровых двойников. Необходимо разработать регламенты использования собранных данных для предотвращения злоупотреблений и нарушения конфиденциальности. Создание этических комитетов для контроля за использованием технологий в исправительных учреждениях может способствовать соблюдению стандартов прав человека. Важно также отметить, что использование больших данных и аналитических инструментов на основе цифровых двойников позволяет предсказывать потенциальные риски и разрабатывать индивидуализированные программы реабилитации для осужденных. Научные исследования подтверждают, что такие подходы могут значительно снизить уровень рецидивной преступности и улучшить результаты реабилитации.

Обучение персонала является еще одним важным аспектом внедрения цифровых технологий. Для эффективного использования цифровых двойников необходимо соответствующее обучение сотрудников исправительных учреждений. Повышение квалификации в области работы с новыми технологиями будет способствовать более эффективному использованию данных инструментов. Программы обучения должны включать как технические навыки, так и аспекты этики и прав человека.

Наконец, изучение международного опыта применения технологий цифрового двойника в системе исполнения наказаний показывает положительные результаты в снижении уровня рецидивной преступности и улучшении условий содержания осужденных. Примеры успешной реализации таких проектов в странах Европы могут служить основой для разработки аналогичных инициатив в Республике Беларусь.

Как видим, внедрение технологии цифрового двойника в систему исполнения наказаний в Республике Беларусь представляет собой перспективный шаг к модернизации управления исправительными учреж-

дениями и улучшению условий содержания осужденных. Однако для успешной реализации данной инициативы необходимо осуществить комплексные меры, включающие пересмотр существующего законодательства, что обеспечит защиту прав осужденных и регламентацию использования данных. Ключевым аспектом является реформа организационной структуры исправительных учреждений, что потребует создания новых управленческих позиций и подразделений, ответственных за обработку и анализ информации. Модернизация технической инфраструктуры, включая системы видеонаблюдения и мониторинга, также является необходимым условием для повышения уровня безопасности и улучшения условий содержания осужденных. Не менее важным является разработка этических норм и регламентов, направленных на предотвращение злоупотреблений и соблюдение прав человека. Обучение персонала, а также изучение международного опыта внедрения аналогичных технологий позволят избежать возможных ошибок и повысить эффективность работы системы исполнения наказания.

Таким образом, интеграция цифровых двойников может значительно улучшить процесс реабилитации осужденных, повысить уровень прозрачности и эффективности работы исправительных учреждений, однако требует комплексного подхода и внимательного рассмотрения всех вопросов, касающихся методов управления и контроля.

УДК 343.9

С.С. Ярмоленко, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Современный спектр угроз для транспортной сферы обусловлен основными направлениями эволюции белорусского социума и экономики, формирующими общий объем потребностей и спрос на перевозки, а также учитывающими воздействие внешних факторов риска. Одновременно с этим присутствуют внутренние отраслевые барьеры, ограничивающие продуктивность железнодорожного транспорта и представляющие собой внутренние угрозы безопасности.

Исследование изменений показателей преступности на железнодорожном транспорте направлено на получение актуальной и точной оценки характеристик и мотивов преступности, выявление закономерностей ее воздействия на экономическую стабильность региона и государства в целом.

При изучении статистики зарегистрированных правонарушений выяснилось, что в течение периода с 2021 по 2024 г. на железнодорожных объектах наблюдалось уменьшение общей численности зафиксированных преступлений почти на 60 %. Динамика изменения показателей носит пульсирующий характер: периоды увеличения числа преступлений сменяются этапами уменьшения их количества. Так, после резкого всплеска уровня преступности в 2020 г. (рост составил 277 %) последовал значительный спад. Современный этап характеризуется периодом относительного снижения объемов преступности, вызванного как общими криминологическими тенденциями, так и воздействием текущих обстоятельств.

В целях повышения эффективности противодействия преступлениям в рассматриваемом сегменте криминала необходимо совершенствование деятельности транспортной милиции по следующим направлениям:

правовое – разработка рекомендаций по улучшению государственной политики в сфере организации, согласования действий и планирования работы органов внутренних дел, направленных на снижение уровня преступлений на железнодорожном транспорте; усовершенствование превентивных мер (принимаемых заблаговременно, до совершения преступления) и экстренных мер (используемых после совершения правонарушения);

экономическое – обеспечение оперативного сопровождения процесса структурно-экономической реформы железнодорожного транспорта с целью предотвращения утраты государственной собственности; подготовка предложений по предотвращению и устранению факторов, способствующих развитию криминальных явлений;

информационное – анализ состояния информационного обеспечения и взаимного обмена сведениями правоохранительных органов с организациями транспортной отрасли по предупреждению и пресечению преступлений; организация взаимодействия с представителями средств массовой информации; обмен криминологической информацией между территориальными органами внутренних дел;

техническое – формирование общей информационной и технической стратегии, отражающей особенности обработки информации в рамках деятельности правоохранительных органов на железнодорож-

ных объектах; проведение мониторинга существующих программных решений и массовое внедрение лучших из них;

организационное – определение факторов и обстоятельств, способствующих совершению преступлений, формирование предложений по оперативной передаче необходимой информации заинтересованным лицам для устранения указанных причин; регулярное проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление лиц, готовящихся совершить преступление либо совершающих попытку его осуществления; совместная работа с иными подразделениями органов внутренних дел по разработке и проведению профилактических мероприятий, обеспечивающих обнаружение и предотвращение экономических правонарушений в организациях транспортного сектора.

Учитывая вышеизложенное, незамедлительное внедрение пакета законодательных и административных мер по защите объектов железнодорожной инфраструктуры от криминальных действий выступает ключевым элементом системы национальной безопасности Республики Беларусь. Простое соблюдение базовых норм личной осторожности населением способно существенно сократить число преступлений на железнодорожном транспорте. Дополнительные меры, включающие повышенную внимательность к подозрительным лицам, укрепление взаимодействия работников вокзальных комплексов, поездных бригад и иных представителей транспортной отрасли, сотрудников правоохранительных органов, позволят минимизировать уровень преступности на объектах железнодорожного транспорта.

СЕКЦИЯ 4
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 343.98.067

В.А. Алейников, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ БОРЬБЫ
С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ И КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Исследование возможностей использования искусственного интеллекта в сфере борьбы с экономическими преступлениями и киберпреступностью предопределяется высоким уровнем развития информационных технологий и давлением глобальных технологических трендов. Последние, являясь инструментами преступности, посягающей на экономическую безопасность государства, обуславливают его острую внутреннюю потребность в разработке и внедрении эффективных инструментов противодействия ей.

Экономическая безопасность является неотъемлемым условием устойчивого развития государства и играет ключевую роль в стабильном и надежном функционировании экономической системы, способствует привлечению инвестиций, открытию новых предприятий, созданию благоприятной бизнес-среды, росту благосостояния населения. Поэтому внедрение искусственного интеллекта в правоохранительную деятельность обусловлено комплексом глобальных тенденций и реализации внутренних задач государства.

В настоящее время в научном юридическом сообществе под искусственным интеллектом (ИИ) принято понимать создаваемое с помощью группы смежных технологий программное обеспечение, функционирующее нелинейно, способное к обучению, ограниченному пониманию причинности и выполнению задач интеллектуального, эвристического характера с возможностью обучения, корректировки и уточнения за счет опыта принимаемых решений.

Обзор мировой практики борьбы с экономической преступностью показал, что уже в 1960-е гг. в правоохранительных органах создавались электронные базы данных хранения информации о финансовых опера-

циях и налоговых декларациях, что позволяло эффективнее выявлять нарушения в финансовой отчетности и схемы уклонения от уплаты налогов.

Постепенно ИИ начал внедряться во все сферы общественных отношений, в том числе и в сферу правоохранительной деятельности. Несомненно, современные технологии стали использоваться в правоохранительной деятельности в целях повышения эффективности и продуктивности работы сотрудников правоохранительных органов.

Перспективным становится внедрение современных технологий и в сферу борьбы с экономическими преступлениями. С учетом специфики выявления преступлений в сфере экономики в юридической науке выделяются следующие направления, требующие дальнейшей научной разработки и апробирования практикой на предмет использования возможностей ИИ в деятельности правоохранительных органов:

- во-первых, анализ финансовых операций предусматривает обработку и анализ больших объемов данных, связанных с бухгалтерской отчетностью, банковскими транзакциями и налоговыми декларациями;

- во-вторых, мониторинг транзакций – использование ИИ в мониторинге транзакций и автоматизации процесса отслеживания и анализа финансовых операций, осуществляемых через банковские счета, платежные системы. Таковыми могут быть денежные переводы на подозрительные счета или из стран с высоким риском, сомнительные операции с криптовалютами, существенно превышенные суммы переводов либо искусственное их дробление и перевод через несколько промежуточных счетов и т. д.;

- в-третьих, прогнозирование рисков – на основе анализа определенных факторов, включая сведения о финансовом положении проверяемых юридических и физических лиц, с учетом имеющихся данных о ранее совершенных нарушениях ИИ может моделировать различные сценарии, прогнозировать возможное развитие неблагоприятных последствий в процессе осуществления экономической деятельности;

- в-четвертых, распознавание образов – ИИ предоставляет возможность идентификации проверяемых лиц, в том числе транспортных средств, образы которых фиксируются камерами видеонаблюдения;

- в-пятых, автоматизация работы с документами – при помощи ИИ может быть упрощен процесс обработки и классификации большого количества документов, связанных с принятием судебных решений в отношении проверяемых субъектов хозяйствования; законодательных актов, регулирующих правоотношения в определенной сфере; отчетов, предоставляемых конкретными юридическими лицами, и т. д.

Помимо использования ИИ в сфере борьбы с экономическими преступлениями, он внедряется в противодействие, предупреждение и профилактику киберпреступности.

ИИ стремительно меняет ландшафт киберпреступности, выступая мощным инструментом как для защиты, так и для атаки. Его потенциал в руках злоумышленников вызывает серьезную обеспокоенность правоохранительных органов. Если раньше киберпреступники полагались на относительно примитивные методы – фишинг и вирусы, то теперь ИИ позволяет им автоматизировать и масштабировать свои действия. Это приводит к появлению более изощренных и трудно обнаруживаемых атак.

Так, например, ИИ может использоваться для создания реалистичных фишинговых электронных писем, которые идеально адаптированы к конкретной жертве. Алгоритмы машинного обучения анализируют публично доступную информацию о потенциальных жертвах – их социальные сети, профессиональную деятельность, круг общения – и генерируют персонализированные сообщения, значительно повышая вероятность успеха фишинговой атаки. Эти письма могут содержать ссылки на поддельные веб-сайты, практически неотличимые от настоящих, созданные также с помощью ИИ.

ИИ способен автоматизировать анализ огромного массива данных из открытых источников – социальные сети, форумы и новостные сайты. Это позволяет киберпреступникам собирать информацию о потенциальных жертвах, выявляя их привычки, увлечения, местоположение и другие важные детали, которые могут быть использованы для более эффективного осуществления мошеннических схем. Например, ИИ может отслеживать публикации пользователя в социальных сетях, определять его круг общения, выявлять его финансовое положение на основе публичных данных и потенциальную уязвимость в его системе безопасности. Эта информация затем используется для создания персонализированных фишинговых писем, нацеленных на конкретные слабости жертвы, повышая вероятность успешного взлома. Более того, ИИ может анализировать данные о местоположении пользователя, полученные из открытых источников, чтобы определить его текущее местонахождение и спланировать физическую атаку или целевую доставку вредоносного программного обеспечения.

Нельзя не отметить, что использование ИИ в выявлении преступлений в сфере экономики представляет собой инновационный подход в повышении эффективности деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью, обеспечении экономической безопасности государства в целом.

Посредством алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей становится возможным автоматизировать процессы анализа данных, полученных из разнообразных источников, выявлять скрытые связи, идентифицировать аномалии, необычные поведенческие модели, вскрывать потенциальные преступные схемы при отсутствии их явных признаков, предупреждать преступления на ранних стадиях совершения.

На основании вышеизложенного следует вывод о том, что использование ИИ является перспективным направлением в сфере борьбы с экономическими преступлениями и киберпреступностью. Технологии позволяют автоматизировать анализ больших данных, выявлять аномалии в финансовых операциях, прогнозировать риски и распознавать образы. Это способствует переходу от реагирования к предупреждению преступлений на ранних стадиях. Тем не менее широкомасштабное внедрение ИИ требует дальнейшего поиска ответов на комплекс юридических, этических и технических вопросов, что подчеркивает актуальность проведения научных исследований и разработки эффективного правового регулирования общественных отношений в сфере применения ИИ.

УДК 343.985.8

И.О. Анишкевич, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ

Первые упоминания, связанные с возникновением и дальнейшим развитием искусственного интеллекта (ИИ), относятся к 1950 г. и принадлежат Алану Тьюрингу. На этом этапе была заложена идея о создании машины, которая будет мыслить за человека. Математик долго думал о том, почему же компьютеры не могут решать проблемы и находить решения, как это делают люди. Начиная работать над этим, Тьюринг понял, что создать такого рода технологию будет проблематично, потому что на то время компьютеры не обладали определенными навыками, например, запоминать команды. Стоимость аренды компьютерной техники была настолько высокой, что только крупные компании или престижные университеты могли позволить себе ее использование. И только к 2000-м гг. в информационно-телекоммуникационных технологиях стал заметен прогресс. В 1997 г. произошел большой прорыв в

развитии ИИ, когда программа Deep Blue победила чемпиона мира по шахматам гроссмейстера Гари Каспарова. Это был первый матч, в котором великий шахматист проиграл компьютеру.

В настоящее время информационные технологии играют ключевую роль, выступая в качестве фундаментального инструмента для сбора, обработки и анализа информации. Их широкое и повсеместное внедрение обусловило глубинные трансформации в организационных и функциональных аспектах различных сфер жизнедеятельности общества. Деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), не стала исключением в контексте интеграции современных информационно-технических решений.

Технические возможности разрабатываемых программно-аппаратных комплексов, связанные со сбором и обработкой большого количества данных за относительно небольшой промежуток времени, позволяют значительно повысить эффективность выявления и раскрытия преступлений. В этих условиях поиск новых средств оптимизации правоохранительной деятельности приобретает особую значимость и актуальность.

Значимой предпосылкой внедрения ИИ в деятельность органов внутренних дел (ОВД) является ее информационный характер. При выполнении функций, возложенных на сотрудников оперативных подразделений, довольно часто приходится анализировать значительное количество различной информации, например, данные телефонных разговоров, диалогов в мессенджерах, финансовых транзакций, базы данных организаций и многое другое.

Следует отметить, что в настоящее время оперативные сотрудники уже используют возможности ИИ для решения повседневных задач. Так, в настоящее время на рабочих местах оперативных сотрудников установлено специальное программное обеспечение, оснащенное ИИ. Указанная передовая технология выступает в роли интеллектуального помощника, расширяющего возможности оперативного сотрудника, автоматизируя такие рутинные задачи, как процесс сбора, обработки и анализа больших объемов информации, выявление скрытых связей и закономерностей, стенограммирование голосовых и других медиафайлов, мониторинг открытых источников информации. Это в совокупности повышает эффективность проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий.

Обращаясь к международному опыту использования технологии ИИ в практике борьбы с преступностью, необходимо отметить, что, например, в Российской Федерации в целях повышения уровня обществен-

ной безопасности и обеспечения своевременного выявления и раскрытия преступлений применяется программно-аппаратный комплекс FindFace, разработанный отечественной компанией NtechLab и встроенный в городскую систему видеонаблюдения. Работа комплекса состоит из следующих действий: обнаружение на фото- и видеоизображениях лица, представляющего оперативный интерес, анализ с помощью технологий ИИ биометрических данных соответствующего гражданина, сравнение последних с данными баз биометрии Министерства внутренних дел.

В Республике Беларусь соответствующим образом действует республиканская система мониторинга общественной безопасности (РСМОБ), модуль видеоаналитики распознавания лиц которой позволяет обнаружить и определить человека в потоке в режиме реального времени, осуществить поиск похожих людей по фотографии, а также по изображению, полученному с камеры наблюдения. Аналогично действует и модуль распознавания государственных регистрационных знаков транспортных средств. Просмотр записей с камер видеонаблюдения может функционировать в режиме реального времени или архивных записей, также доступен просмотр всех событий за определенный период. При этом РСМОБ позволяет круглосуточно отслеживать общественную обстановку в многолюдных местах и своевременно реагировать на противоправные деяния. Внедрение вышеупомянутых программно-аппаратных комплексов позволило существенно увеличить количество преступлений, раскрытых по горячим следам. Таким образом, ввиду совершенствования передовых информационно-телекоммуникационных технологий, включая применение ИИ, на современном этапе в правоохранительной деятельности большая часть хищений раскрывается в течение суток с момента совершения преступления.

Анализ международного опыта по рассматриваемой проблеме также показывает, что системы современного ИИ с помощью многократного использования представленного информационного поля способны выявлять те закономерности в совершении преступлений, которые самостоятельно человек установить неспособен. Так, полиция некоторых зарубежных стран использует предиктивные модели для определения районов, где ожидаются кражи и грабежи, и направляет туда офицеров для предотвращения преступлений, используя технологию Predictive Policing (предиктивный анализ преступности) – системы анализируют исторические данные о преступлениях для прогнозирования будущих криминальных событий.

Интерес также представляет опыт Японии, где перед Олимпийскими играми в Токио полиция внедрила ИИ-системы (системы глубокого

го обучения (deep learning) для профилирования преступников), способные определять, совершены ли отдельные преступления одним и тем же лицом, путем их сравнительного анализа. Японская система имеет алгоритм, который в реальном времени совершенствуется по мере сбора новых данных, прогнозируя при этом следующий шаг преступника. В перспективе некоторые системы планируется подключать к социальным сетям для выявления конкретных областей общественных отношений или лиц, которые могут быть вовлечены в совершение преступления.

Прогнозируем, что указанные технологии ИИ могут быть использованы и в Республике Беларусь. Помимо этого ИИ может быть полезен для автоматизированного заполнения документов процессуального характера, таких как протокол осмотра, протокол допроса, протокол осмотра компьютерной информации и др. Здесь может быть использовано автоматическое проставление времени и места составления протокола, исправление грамматических, пунктуационных, орфографических ошибок, допущенных оперативным сотрудником, изложение сущности типовых видов преступных схем в содержательную часть документа, исправление стилистических неточностей, стенограммирование устной речи участников мероприятий.

Однако не стоит забывать, что любая инновационная разработка в сфере ИИ является лишь подспорьем оперативному сотруднику, ввиду чего полностью заменить его не сможет. В условиях развития ИИ формируется новая модель правоприменителя – лица, сведущего не только в правовых вопросах, но и умеющего правильно интерпретировать результаты функционирования программно-аппаратных комплексов ИИ и использовать их в своей деятельности, не нарушая при этом права и свободы, законные интересы участников процесса.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что развитие информационных технологий существенно преобразило ОРД, предоставив новые возможности для поиска, обработки и анализа больших объемов данных, а также для мониторинга и контроля преступной деятельности. Внедрение информационных технологий в оперативные подразделения – это не просто техническое обновление, а стратегическая необходимость для эффективной борьбы с преступностью. С целью качественного функционирования системы необходимы: современная техническая инфраструктура, защищенные каналы связи, квалифицированные кадры, четкая нормативная база и, что крайне важно, отлаженное межведомственное взаимодействие. Только при совокупности данных обстоятельств оперативные подразделения способны эффективно бороться с преступностью.

Т.Т. Атаев, курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА ОТ ВНЕШНИХ УГРОЗ

Современная реальность диктует повышенные требования к защите критической информационной инфраструктуры. Особенно остро эта тема стоит в финансовом секторе, где утрата конфиденциальности, целостности и доступности информации способна нанести значительный ущерб экономике и обществу. Со слов вице-президента «Лаборатории Касперского» по развитию бизнеса в странах СНГ Анны Кулашовой, количество кибератак на российский финансовый сектор в первом полугодии 2025 г. увеличилось на 13 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что делает необходимым всячески модернизировать и развивать эффективные механизмы защиты.

Федеральный закон Российской Федерации от 26 июля 2017 г. № 187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» определяет критическую информационную инфраструктуру как совокупность объектов данной системы, «а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов». В свою очередь, критическая информационная инфраструктура финансового сектора представляет собой комплекс взаимосвязанных информационных систем, сетей и технологий, обеспечивающий деятельность важнейших компонентов финансовой отрасли. Основными элементами критической информационной инфраструктуры финансового сектора можно определить автоматизированные банковские системы, основными задачами которых является обработка и хранение данных о всех финансовых операциях, системы дистанционного банковского обслуживания (мобильные приложения банков и их официальные сайты в сети Интернет), системы мониторинга информационных сетей и удаленных устройств, которые направлены на выявление и реагирование на инциденты информационной безопасности и др. Работоспособность как каждого компонента комплекса в отдельности, так и их совокупности, напрямую связана с жизнеобеспечением граждан и устойчивым функционированием экономики страны соответственно.

Внешние угрозы представляют наибольшую опасность для критической информационной инфраструктуры финансового сектора. Среди них выделяются:

1. DDoS-атаки, направленные на перегрузку сетевых ресурсов и создание отказа в обслуживании. Такая угроза способна парализовать деятельность финансовых организаций, вызывая потерю доверия к системе.

2. Социальная инженерия, в основе методологии которой лежит использование психологических приемов для получения доступа к информации. Например, фишинговые письма, телефонные звонки и сообщения, содержащие ложную информацию, могут привести к компрометации паролей и других секретных данных.

3. Использование уязвимостей программного обеспечения. Недостаточная защита приложений и операционных систем открывает возможность для проникновения злоумышленников внутрь корпоративных сетей.

4. Шпионаж, т. е. сбор конкурентами или иностранными агентствами информации о деятельности финансовых институтов с целью нанесения экономического вреда.

Для эффективного противостояния внешним угрозам необходимо использовать комплексный подход, включающий два основных компонента: правовой и организационно-технический. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Фундаментальным в вопросе защиты критической информационной инфраструктуры финансового сектора является правовой компонент, включающий в себя нормативно-правовое регулирование, механизмы ответственности и правоприменительную деятельность. Ключевым документом, регулирующим данный вопрос, следует выделить Федеральный закон Российской Федерации от 26 июля 2017 г. № 187 «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Именно он закладывает общие принципы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры, устанавливает обязанности субъектов по категорированию, обеспечению состояния защищенности, а также информированию об инцидентах. Немаловажным документом является Федеральный закон Российской Федерации от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», который регулирует функционирование платежных систем, устанавливает требования к их безопасности и устойчивости. Поскольку Банк России является основным регулятором финансового рынка, отдельное место в нормативно-правовом регулировании занимают положения Банка России, которые устанавливают конкретные требо-

вания к обеспечению информационной безопасности финансовых организаций. Говоря о механизмах ответственности при нарушении требований к защите критической информационной системы, на территории Российской Федерации предусмотрена административная (ст. 19.5.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) и уголовная (ст. 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) ответственность.

Организационно-технические меры направлены на снижение вероятности успешного проведения атаки путем создания барьеров на пути злоумышленника. Оборудование организаций критической информационной инфраструктуры камерами видеонаблюдения пропускных пунктов и охранных постов позволяет обеспечить безопасность предметов и документов от физического воздействия преступников. К виртуальным методам защиты можно отнести установление двухфакторной аутентификации, регулярное обновление программного обеспечения. Именно они отвечают за безопасность объектов критической информационной инфраструктуры финансового сектора в цифровом сегменте. Однако система обеспечения состояния защищенности идет в ногу с возникающими угрозами, потому продолжает совершенствоваться изо дня в день. Наиболее современным подходом в этом вопросе является, например, применение искусственного интеллекта. Уже сейчас ИИ-системы в режиме реального времени анализируют транзакции и выявляют аномалии в банковской сфере. Примером успешного применения данного метода является создание «Тинькофф Банком» «Вселенной ассистентов» – комплекс персональных помощников на базе нейросетей. Помимо множества развлекательных и познавательных инструментов, система включает в себя механизм выявления подозрительного поведения клиента. Так, по тысяче разных факторов искусственный интеллект способен выявить дроп, определить, что клиент находится в зоне риска и предложить дополнительное обучение. В контексте защиты банка нейросеть позволяет выявить мошенничество на этапе подтверждения заявки на кредит, тем самым сокращая риски потери денежных средств. Эффективность данного механизма подтверждают статистические данные: за 2024 г. «Тинькофф Банку» удалось сократить количество мошеннических счетов вдвое в сравнении с прошлым годом благодаря применению нейросетей в обеспечении безопасности своего банка.

Таким образом, защита критической информационной инфраструктуры финансового сектора является важнейшей задачей современного общества. Рост числа кибератак и усложнение схем нападения делают эту проблему особенно острой. Эффективная защита возможна только при применении комплексного подхода, учитывающего как правовой,

так и организационно-технический аспекты, с учетом непрерывно меняющихся процессов в цифровой среде. Важно ориентироваться на применение современных и актуальных методов в обеспечении безопасности критической информационной инфраструктуры финансового сектора.

УДК 343.985.8

А.В. Афанасенко, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В условиях развития информационных технологий повышается значение технических средств, применяемых в оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Техническая оснащенность оперативных подразделений напрямую влияет на эффективность предупреждения, выявления и пресечения преступлений, а также на качество реализации иных задач, предусмотренных Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности». Именно наличие современных технических решений позволяет своевременно получать, фиксировать и анализировать оперативно значимую информацию, обеспечивая тем самым проактивный характер работы органов внутренних дел (ОВД) и реализацию принципа наступательности.

В соответствии с указанным выше законом одним из прав органов, осуществляющих ОРД, является создание и использование баз данных (учетов), информационных систем, а также средств негласного получения (фиксации) информации. Последние представляют собой технические средства, оборудование, аппаратуру, приборы, приспособления, препараты, программные продукты и иные изделия, специально созданные, разработанные или модернизированные для негласного получения (фиксации) информации при осуществлении ОРД. Эти правовые положения закрепляют легитимность применения современных технологий в деятельности оперативных подразделений и формируют нормативную основу для их внедрения и совершенствования.

Развитие технического потенциала ОВД обусловлено необходимостью повышения оперативности реагирования, достоверности собираемой информации и эффективности документирования преступной деятельности. Современные программно-технические комплексы позволя-

ют автоматизировать рутинные процессы, интегрировать разрозненные источники данных, обеспечивать их защищенный обмен и обработку в реальном времени.

В числе наиболее значимых инструментов данной категории следует отметить автоматизированные информационные системы (АИС) оперативно-розыскного назначения, функционирующие в ОВД Республики Беларусь. Их внедрение обусловлено необходимостью систематизации информации о преступлениях и лицах, причастных к их совершению, а также возможностью оперативного обмена данными между территориальными подразделениями. АИС обеспечивают не только хранение и поиск информации, но и аналитическую обработку данных, формирование статистических и прогнозных материалов, что способствует более обоснованному планированию оперативно-розыскных мероприятий. В условиях роста объема цифровых следов такая автоматизация становится неотъемлемым элементом ОРД.

Практика адаптации различных технологий для нужд ОРД показывает, что сотрудники все активнее используют функционал мессенджера Telegram. Наиболее распространенным направлением является применение специализированных ботов, позволяющих в автоматическом режиме получать сведения о лицах, представляющих оперативный интерес. Такие инструменты обеспечивают доступ к данным из открытых источников, объем которых часто может быть достаточно большим – анкетные данные, место работы, используемые номера телефонов, аккаунты в социальных сетях, примерное место жительства и другие параметры, которые в совокупности формируют информационный профиль проверяемого лица. Telegram-боты нередко выполняют функции агрегаторов, сопоставляющих информацию из различных источников, что значительно ускоряет процесс анализа и повышает точность выводов. Подобные решения, при условии их использования в пределах, установленных законодательством, представляют собой действенное средство для организации проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий.

К категории средств негласного получения (фиксации) информации следует отнести технические средства и программные продукты, специально разработанные для скрытого наблюдения, регистрации переговоров, анализа сетевого трафика и фиксации цифровых следов преступной деятельности. Использование таких средств строго регламентировано локальными правовыми актами.

Часто технические средства, используемые в ОРД, представляют собой результат модернизации устройств, используемых в других сфе-

рах. На основании данной практики логично выделить беспилотные летательные аппараты (БПЛА) как одно из перспективных направлений модернизации технического арсенала ОРД. Изначально БПЛА массово использовались в военных, рекреационных, аграрных и коммерческих задачах. Однако их конструктивные особенности – мобильность, возможность установки дополнительного оборудования, длительность полета и оперативность развертывания – обусловили их дальнейшую адаптацию для решения задач ОРД.

Развитие технических средств, применяемых в ОРД, очевидно не ограничивается уже используемыми решениями. Опыт внедрения таких инструментов, как БПЛА и Telegram-боты, показывает, что технологическая эволюция постоянно открывает новые направления для повышения эффективности работы оперативных подразделений. В ближайшей перспективе особое значение приобретет внедрение систем искусственного интеллекта, способных не только автоматизировать процессы поиска и анализа информации, но и планировать деятельность подразделений, осуществляющих ОРД.

Математические алгоритмы и модели искусственного интеллекта могут использоваться для планирования и принятия тактических решений при проведении сложных оперативно-розыскных мероприятий. На основе многомерного моделирования и анализа больших массивов данных такие системы способны генерировать и ранжировать оперативно-розыскные версии, прогнозировать развитие ситуации при различных сценариях, оценивать риски и предлагать оптимальные варианты распределения сил и средств. Отметим, что данные системы выступают вспомогательным инструментом, но окончательные тактические решения и меры будут приниматься самими сотрудниками.

Таким образом, развитие технических средств, программных продуктов и интеллектуальных систем становится неотъемлемым условием повышения результативности ОРД ОВД. Следует понимать, что современные технологии не заменят профессиональное мастерство оперативных сотрудников, но значительно расширяют их возможности, ускоряют процесс получения и обработки информации, повышают точность и достоверность результатов. Внедрение технологий при строгом соблюдении требований законодательства и принципов ОРД способно обеспечить эффективность предупреждения, выявления и пресечения преступлений.

А.Е. Ахрамович, курсант факультета милиции
Могилевского института МВД Республики
Беларусь

КОНТРОЛИРУЕМАЯ ПОСТАВКА

В современных условиях усложнения форм и методов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, валюты и иных ценностей, контролируемая поставка приобретает особое значение как эффективное оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ). Несмотря на достаточно широкое практическое применение данного метода, его теоретико-правовое осмысление и систематизация остаются недостаточно разработанными в отечественной юридической науке.

Проводимое исследование вносит вклад в развитие теории и практики оперативно-розыскной деятельности (ОРД), способствует формированию научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования и практического применения контролируемой поставки в деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь.

Исследование правовой природы, механизмов реализации и процессуальных гарантий применения контролируемой поставки как ОРМ представляется практико-ориентированным и высокоактуальным.

Современные тенденции в развитии транснациональной организованной преступности, прежде всего в сферах незаконного оборота наркотических средств, оружия, боеприпасов и культурных ценностей, обуславливают необходимость совершенствования методов и форм ОРД. В условиях глобализации, расширения трансграничных логистических связей и активного использования преступными сообществами современных технологий традиционные методы оперативного сопровождения утрачивают былую эффективность. В этой связи особое значение приобретает такое специфическое ОРМ, как «контролируемая поставка».

В соответствии со ст. 18 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» контролируемая поставка является одним из ОРМ. В ст. 29 указанного закона дается следующее определение контролируемой поставки – перемещение гражданином, организацией предметов и документов, контролируемое должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД.

Контролируемая поставка представляет собой преднамеренное нарушение хода незаконной поставки запрещенных предметов (чаще

всего – наркотиков, оружия или иного контрабандного груза) с целью установления всей цепи участников преступной деятельности, получения доказательств, а также последующего задержания организаторов и иных ключевых фигурантов. ОРМ позволяет оперативным подразделениям выйти за пределы непосредственного факта преступления и воздействовать на структурные и иерархические уровни организованных преступных формирований, выявляя устойчивые каналы и схемы поставок.

Важной характеристикой контролируемой поставки, согласно мнению А.Ю. Шумилова, изложенному в учебнике для вузов «Курс основ оперативно-розыскной деятельности», является именно контролируемый характер перемещения незаконного груза, при котором правоохранительные органы не только не препятствуют преступной деятельности на начальном этапе, но и намеренно допускают ее продолжение с целью более глубокого и результативного оперативного проникновения в преступную структуру.

Определение, предлагаемое А.А. Чувилевым, раскрывает контролируемую поставку как особую форму оперативной разработки, акцентируя внимание на целевом и процессуальном аспектах ее проведения: «Контролируемая поставка состоит в передаче оперативными работниками или под их контролем другими гражданами каких-либо предметов, денег, валюты, ценностей лицам, в отношении которых имеется оперативно значимая информация о совершении ими преступлений, в целях их разоблачения».

Определение, данное в учебном пособии «Правоохранительные органы» А.А. Чувилевым, носит оперативно-прикладной характер и отражает практическую сущность контролируемой поставки как средства установления и изобличения лиц, вовлеченных в преступную деятельность. Несмотря на отсутствие ссылок на международно-правовые аспекты и нормативные источники, данное толкование точно передает основную цель и механизм реализации рассматриваемого ОРМ.

Есть и другие определения данного ОРМ. Так, некоторые авторы под контролируемой поставкой понимают способ получения информации путем установления контроля за поставкой, покупкой, продажей, перемещением предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо их оборот ограничен.

Особую актуальность данное ОРМ приобретает в свете:

усложнения преступных схем, в которых применяются элементы конспирации, использование подставных лиц и международных маршрутов;

необходимости правового документирования участия в преступной деятельности лиц, не связанных с непосредственной поставкой (например, организаторов, спонсоров, логистов);

ориентации уголовной политики на борьбу с организованной преступностью, в том числе на международном уровне, что требует более глубоких и долговременных оперативных разработок.

Контролируемая поставка является эффективным инструментом международного сотрудничества правоохранительных органов различных государств, поскольку предполагает согласованные действия компетентных органов как государства-отправителя, так и государства-получателя. Это делает возможным выявление и пресечение международных преступных сообществ, деятельность которых угрожает не только национальной, но и международной безопасности.

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно утверждать, что контролируемая поставка представляет собой современный, многофункциональный и правовой инструмент ОРД, обладающий высоким потенциалом в противодействии тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенным в составе организованных групп и преступных сообществ. Ее применение способствует не только выявлению преступлений, но и предупреждению совершения новых, более масштабных противоправных деяний, что соответствует общим задачам охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности.

УДК 338.1

Е.П. Боева, курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ ДАННЫХ

С 1 января 2025 г. на смену национальной программе «Цифровая экономика», утвержденной протоколом Президиума при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7, пришел преемник – национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», утвержденный протоколом Президиума при Президенте Российской Федерации

по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12пр. Этот сдвиг означает кардинальное изменение в вопросе взаимодействия хозяйствующих субъектов и новых подходов к управлению ресурсами. Одновременно с этим возникает ряд серьезных угроз, обусловленных спецификой функционирования экономики данных.

По сути, цифровая экономика стала фундаментом для постановки нынешних целей перед экономикой страны. Так, если в национальной программе «Цифровая экономика» основными задачами были создание самой цифровой системы, преобразование классических социально-экономических институтов для эффективной работы в информационной среде, то национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» предполагает фокусировку на «цифровой зрелости» в ключевых отраслях экономики, устранение правовых пробелов в области регулирования внедренных инноваций.

В настоящей действительности данные – не просто вспомогательный ресурс. Теперь они превращаются в самостоятельный объект торговли и инвестирования. Информация, в свою очередь, стала важным товаром, источником прибыли, товаров и услуг.

Экономика данных стимулирует формирование новых типов рыночных структур, главными характеристиками которых являются доступность и контроль информации. Информация концентрируется в возникших цифровых экосистемах, что вызывает опасность монополизации рынков и, как следствие, ограничивает конкуренцию и ставит под угрозу независимость малых и средних предприятий. Безусловно, это является одной из угроз в современных реалиях экономического сектора.

Действующая ранее инфраструктура также претерпевает существенные изменения. Система телекоммуникационных сетей уступает место специализированным платформам сбора и хранения данных (например, облачные сервисы). Отсутствие развитых инфраструктурных объектов, которые отвечают требованиям развивающейся экономики данных, повышает уязвимость экономик тех стран, что уделили меньшее внимание развитию цифровых технологий.

Так или иначе, наряду с очевидными преимуществами развития цифровой среды формируются новые угрозы экономическому сектору государства, а также усиливаются те проблемы, которые возникли в предыдущие этапы развития.

Первичной угрозой экономики данных можно определить несовершенство правового регулирования. Современные нормы права не всегда в полной мере успевают адаптироваться к новым реалиям. Конкретные изменения требуются в следующих вопросах:

1. Обезличивание данных – процедура удаления идентификации личности из массива информации. Данная процедура призвана в целях снижения риска нарушения конфиденциальности, но в то же время вызывает ряд вопросов. Трактовка законодательством, критерии признания данных обезличенными и сама методика обезличивания – эти и другие пробелы необходимо конкретно определить на законодательном уровне. Ввиду того что различные компании используют разные методы, невозможно объективно сопоставить данные, впоследствии чего неграмотные результаты снижают доверие граждан.

2. Регулирование вопроса интеллектуальной собственности. Современные технологии создают новые объекты интеллектуальной собственности: алгоритмы машинного обучения, программное обеспечение и большие данные, которые нуждаются в особом внимании с точки зрения законодательства. Гражданский кодекс Российской Федерации содержит ряд положений, касающихся охраны объектов интеллектуальной собственности, но по-прежнему не учитывает специфику цифровой среды (например, как защищать права на данные, которые получены в результате работы алгоритмов искусственного интеллекта).

Создание благоприятной и регламентированной нормами права экономической среды критически важно для ее развития, поскольку усиление доверия граждан привлечет дополнительные ресурсы.

Наряду с проблемой, рассматриваемой ранее, одновременно возникает вопрос в контексте этики и приватности. Сбор и обработка больших массивов данных приводят к дискуссиям относительно соблюдения норм права в вопросе частной жизни гражданина. Столь объемный сбор личной информации создает предпосылки для манипуляций поведением общества, угрожая функционированию демократических институтов и стабильности общества.

В настоящее время экономические процессы многих стран зависят от технологических решений, разработанных крупными иностранными компаниями, что ставит в определенную зависимость от зарубежных поставщиков и продуктов, снижая автономность национальных хозяйств. Классическим примером данной проблемы является использование программного обеспечения, разрабатываемого западными странами. Несмотря на то что в России продолжается активная работа в данной области, большинство компаний по-прежнему являются пользователями Windows, macOS и др. Таким образом, иностранные государства имеют возможность оказывать влияние на национальные рынки посредством контроля над технологиями и системами сбора данных.

Переход от цифровой экономики к экономике данных представляет собой новый этап эволюции мирового хозяйства, открывающий широ-

кие перспективы и несущий серьезные вызовы. Успешное преодоление возникающих трудностей позволит укрепить позиции России на мировой арене, поэтому важно проводить активную государственную политику, направленную на поддержку инноваций, укрепление внутреннего потенциала и защиту национальной экономики.

УДК 343.8

Е.М. Борисова, слушатель факультета правоохранительной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ (OSINT) В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В ст. 10 Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2025 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» говорится, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут создавать и использовать информационные системы для решения задач, возложенных на них законом. Иными словами, при проведении проверочных мероприятий, таких как «наведение справок», «опрос», оперуполномоченные могут использовать различные базы данных, которые систематизируют всю открытую информацию в сети Интернет об объекте поиска, полученные данные в дальнейшем служат фундаментом для проведения последующих оперативно-розыскных мероприятий.

Такие технологии позволяют из открытых источников информации (OSINT) получить первичные необходимые данные. Суть OSINT заключается в сборе, анализе и использовании данных, легально находящихся в публичном доступе. Это не просто чтение новостей, а стройная методология, основанная на применении специальных техник и программного обеспечения для решения конкретных оперативных задач. Основное преимущество такого подхода – его легальность и минимальные риски для оперативного сотрудника, поскольку сбор информации происходит без непосредственного контакта с объектом и без проведения активных оперативных мероприятий.

Информационная среда сегодня – это золотая жила для оперативника. Социальные сети, форумы, блоги, сайты отзывов о работодателях, государственные реестры, данные геолокации на фотографиях, архивы

интернета – все это формирует подробнейший цифровой портрет человека или организации. Преступник, скрывая свою деятельность, неизбежно оставляет цифровой след в открытом поле. Задача специалиста по OSINT – найти эти следы и увязать их в единую картину. Например, анализ друзей и подписчиков в социальных сетях может выявить ранее неизвестные связи фигуранта. Просмотр старых фотографий помогает установить круг общения, места частого пребывания или даже определить модели оружия или наркотические средства. Открытые вакансии компании могут свидетельствовать о начале нового, возможно, незаконного направления работы.

Практическое применение OSINT многогранно. При розыске скрывшихся лиц анализируются их возможные контакты, финансовые операции в публичном поле (например, продажи имущества), активность в социальных сетях родственников. В борьбе с экономическими преступлениями изучается история компаний-однодневок, биографии их руководителей, связи между юридическими лицами через открытые реестры. При профилактике экстремизма мониторятся тематические сообщества и форумы, что позволяет выявлять радикально настроенных лиц и предотвращать противоправные действия. Яркий пример – установление личности преступника по случайно попавшим в кадр отражениям в зеркалах или оконных стеклах, которые он сам же и выложил в сеть.

Однако работа с OSINT имеет и свои сложности. Главная проблема – это объем информации. Необходимо не просто собрать данные, а провести их верификацию, отделить достоверные сведения от ложных, умышленно размещенных дезинформационных вбросов. Требуются критическое мышление и умение работать с большими данными. Для этого используются специальные программы для анализа связей, картографические сервисы, средства парсинга веб-страниц. Важно помнить и о правовых аспектах – даже публичная информация при ее систематизации для оперативных целей часто требует юридического оформления в установленном порядке.

Основные инструменты OSINT: поиск в интернете, разведывательные сайты и базы данных, а также специализированные программы и платформы.

«Виток-OSINT» – инструмент проведения поисково-аналитических мероприятий, который отображает сведения по заданным параметрам из подключенных к нему источников информации.

Некоторые возможности «Виток-OSINT»:

– табличное представление данных с возможностью фильтрации, сортировки и экспортом результатов;

- построение схем с возможностью применения механизмов автоматической укладки данных, группировки и динамического расширения схемы с подключением внешних источников;

- отображение данных на карте;

- применение статистического анализа;

- мультэкранный режим отображения для применения сразу нескольких механизмов визуального анализа данных.

«Поток-М» – разработка НИИ «Восход», которая используется для мониторинга социальных сетей и выявления противоправного контента.

«Аргус» – аппаратно-программный комплекс обнаружения компьютерных атак, предназначенный для обнаружения вторжений и подозрительных воздействий.

Возможности комплекса:

- использование анализаторов сетевого трафика для глубокого исследования протоколов и выявления подозрительных активностей в сети;

- подключение в режиме Т и режиме моста с технологией bypass;

- поддержка различных стандартов, таких как Netflow;

- интеграция с HTTP-прокси и ТИ ГосСОПКА для более детального анализа трафика;

- анализ от 2 до 8 сетевых интерфейсов одновременно и обработка трафика на скорости до 1000 Мбит/с;

- тонкая настройка производительности, управление фильтрацией межсетевых экранов, гибкая настройка порогов для защиты объектов;

- механизмы для самодиагностики функциональных возможностей.

Но несмотря на положительные стороны использования технологии интеграции OSINT в оперативно-розыскные практики, существует и ряд ключевых проблем, с которым сталкиваются сотрудники при проведении первоначальных мероприятий.

Первой проблемой является информационный шум. Объем данных в открытом доступе колоссален, и значительная их часть нерелевантна. Оперативнику необходимо не просто собрать информацию, а отфильтровать ее, выделив узконаправленные, значимые для конкретного дела сведения. Без применения специальных программных комплексов для анализа больших данных эта задача становится практически невыполнимой.

В условиях анонимности интернета и массового распространения дезинформации крайне сложно установить достоверность полученных сведений. Противник может умышленно создавать цифровые миражи, подбрасывая ложные данные о своей внешности, месте нахождения или планах.

Следующая проблема связана с кадровым обеспечением. Эффективная работа с OSINT требует от сотрудника уникального набора компетенций: глубокого понимания интернет-среды, знания основ программирования, навыков аналитического мышления и правовой грамотности. Подготовка таких специалистов – длительный и ресурсоемкий процесс.

Пути решения этих проблем видятся в системном подходе. Для противодействия информационному шуму необходимы разработка и внедрение ведомственных аналитических платформ, которые агрегируют данные из множества источников и используют алгоритмы искусственного интеллекта для первичного анализа и выявления связей. Проблема верификации решается путем перекрестной проверки информации по независимым каналам. Данные из социальных сетей должны подтверждаться геолокационными снимками, сведения из государственных реестров – финансовыми транзакциями в публичном поле.

Таким образом, для минимизации правовых рисков требуются создание детальных внутренних инструкций и проведение обязательного юридического сопровождения на всех этапах сбора информации. Подготовка высококвалифицированных кадров через организацию специализированных курсов повышения квалификации и развитие межведомственного обмена опытом являются важнейшим элементом. Только такой комплексный подход позволит превратить OSINT из перспективного направления в реально работающий инструмент, значительно повышающий эффективность оперативно-розыскной деятельности.

УДК 347.518

Е.А. Борисюк, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Актуальность обеспечения информационной безопасности (ИБ) в системе органов государственного управления детерминирована процессами глобальной информатизации и становления информационного общества. Внедрение современных информационных систем, интегрированных банков данных и локальных вычислительных сетей, с одной стороны, способствовало значительному росту эффективности деятельности государственных органов, а с другой – породило новые риски, связанные с несанкционированным доступом, утечкой и целостностью информации.

ИБ понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в информационном пространстве. Ключевые задачи ИБ включают прогнозирование, предупреждение и нейтрализацию негативных воздействий, а также минимизацию возможного ущерба. В этой связи формирование компетенций в области обеспечения ИБ выступает неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки юристов.

Правовые основы обеспечения ИБ в Беларуси базируются на Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), Концепции информационной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция), утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1, и системе локальных актов, регулирующих защиту информации и персональных данных.

Конституция закрепляет фундаментальные принципы правового регулирования в области ИБ. Ст. 28 гарантирует защиту гражданина от незаконного вмешательства в личную жизнь, тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений. Ст. 34 устанавливает, что пользование информацией может быть ограничено законом в целях защиты чести, достоинства и личной жизни граждан. Ст. 59 возлагает на государство обязанность принимать меры по обеспечению реализации и защиты прав и свобод личности. Эти положения составляют основу правовой системы защиты информации и личных данных граждан.

Ключевым документом в сфере ИБ является Концепция. Цель Концепции – достижение и поддержание уровня защищенности информационной сферы, обеспечивающего реализацию национальных интересов и устойчивое развитие государства.

Концепция определяет основные направления государственной политики: формирование единой системы взглядов на вопросы ИБ, развитие методов и форм обеспечения защиты информации с учетом технологического прогресса, информирование общества о задачах государственной политики в сфере ИБ, консолидацию усилий государства и общества для защиты национальных интересов, а также интеграцию Беларуси в международные системы обеспечения ИБ на основе национальных приоритетов.

На основе Конституции и Концепции в Республике Беларусь создана нормативно-правовая база, регулирующая вопросы защиты информации. К числу основополагающих актов относятся: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации», который определяет основы государственного регулирования в сфере защиты информации и устанавливает механизмы обеспечения ее конфиденциальности, целостности и доступ-

ности; Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», регулирующий обработку персональных данных, права субъектов данных и обязанности операторов; Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», устанавливающий порядок обращения электронных документов и использование электронной подписи для подтверждения подлинности и целостности информации.

Значительную роль играет Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности», которым определено создание национальной системы обеспечения кибербезопасности. Ее элементами являются Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, Национальный центр обеспечения кибербезопасности и реагирования на киберинциденты (CERT.BY), а также иные государственные органы и организации. Указ регулирует вопросы защиты объектов информационной инфраструктуры, реагирования на киберинциденты и международного сотрудничества в области кибербезопасности.

Кроме того, важное значение имеет Указ Президента Республики Беларусь от 25 октября 2011 г. № 486 «О мерах по обеспечению безопасности критически важных объектов информатизации», который устанавливает порядок защиты информации на стратегических объектах, а также использование технических и криптографических средств защиты. Эти нормативные акты конкретизируют формы и методы защиты информации, определяют обязанности государственных органов и организаций в области обеспечения ИБ, а также порядок классификации объектов информатизации.

Вопросы ответственности за нарушения законодательства в сфере ИБ закреплены в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Республики Беларусь. Кодекс об административных правонарушениях содержит главу «Административные правонарушения в области связи и информации» (ст. 23.1–23.10), которая предусматривает ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации, разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны, нарушение законодательства о защите персональных данных и разглашение служебной тайны по неосторожности.

Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает ответственность за преступления против компьютерной безопасности (гл. 31), включая хищение путем модификации компьютерной информации (ст. 212), умышленное и неосторожное разглашение государственной тайны (ст. 373–374), умышленное разглашение служебной тайны (ст. 375). Наличие уголовной и административной от-

ветственности обеспечивает реализацию принципа неотвратимости наказания и выполняет предупредительную функцию в сфере защиты информации.

Таким образом, в Республике Беларусь сформирована целостная система правового регулирования в сфере информационной безопасности. Она включает конституционные нормы, закрепляющие основные права граждан в информационной сфере; Концепцию информационной безопасности Республики Беларусь, определяющую стратегические направления государственной политики; а также систему нормативных правовых актов уполномоченных государственных органов, конкретизирующих технические, организационные и правовые меры защиты информации. Данная система обеспечивает защиту национальных интересов, прав граждан и устойчивое развитие страны в условиях цифровизации и глобальных информационных угроз.

УДК 341.231.14

А.А. Бородин, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕОНАМИЗАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ МЕССЕНДЖЕРОВ

Мессенджеры стали неотъемлемым атрибутом социального взаимодействия и экономической деятельности. Присущая им возможность анонимного общения создала благоприятную среду для совершения противоправных деяний: от распространения сведений, порочащих честь, достоинство и репутацию до организации экстремистской и иной преступной деятельности. Данное обстоятельство в определенном смысле формирует правовую дихотомию. С одной стороны, ст. 28 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституции) гарантирует каждому право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, включая посягательство на тайну корреспонденции и иных сообщений. С другой стороны, ст. 23 и 59 Конституции возлагают на государство обязанность по защите прав и свобод других лиц, обеспечению интересов национальной безопасности и общественного порядка. Это неизбежно требует наличия механизмов установления личности правонарушителей, действующих в цифровом пространстве. На стыке этих двух фундаментальных интересов – частного права на анонимность и публичной потребности в правопорядке – приобретает актуальность проблема деонамизации пользователей мессенджеров.

Термин «деонамизация», хотя и отсутствует в действующем законодательстве Республики Беларусь, активно используется в юридической доктрине как в Республике Беларусь, так и за ее пределами для обозначения совокупности действий, направленных на установление личности пользователя сети Интернет. Сам процесс деонамизации является объективной реальностью правоприменительной практики. Его правовая основа не закреплена в одном нормативном правовом акте, представляя собой комплекс взаимосвязанных норм, рассредоточенных по различным отраслям права – от конституционного и гражданского до уголовно-процессуального. Это обуславливает необходимость комплексного анализа правовых норм, регулирующих процесс деонамизации пользователей мессенджеров.

Ст. 28 Конституции провозглашает, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его частную жизнь, включая посягательство на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений. Данная норма устанавливает презумпцию конфиденциальности любой формы межличностной коммуникации, распространяя свое действие и на общение в мессенджерах. Более того, государство не просто воздерживается от произвольного вмешательства, но и принимает на себя обязательства по обеспечению этих прав в силу части четвертой ст. 21 Конституции.

Вместе с тем конституционные права и свободы не являются абсолютными. Основной Закон предусматривает возможность их ограничения при наличии общественно значимых оснований. Ключевой в этом отношении является ст. 23 Конституции, которая допускает ограничение прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом, и исключительно в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, а также прав и свобод других лиц.

Данный принцип находит свое подтверждение и в других статьях Конституции. Так, часть третья ст. 34, гарантируя право на получение и распространение информации, одновременно устанавливает, что пользование ею может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, частной и семейной жизни граждан. Кроме того, ст. 53 возлагает на каждого обязанность уважать достоинство, права, свободы и законные интересы других лиц. В тех случаях, когда пользователь мессенджера, прикрываясь анонимностью, нарушает эту обязанность, государство приобретает легитимное право на вмешательство для восстановления нарушенного права. Так, Конституция создает правовой механизм, позволяющий ограничивать право одного лица на анонимность для защиты прав и законных интересов другого лица или общества в целом.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) предоставляет органам уголовного преследования инструментарий для сбора доказательств, ведущих к установлению личности, представляя возможность деанонимизации пользователей мессенджеров, совершивших преступление. УПК прямо закрепляет, что право на тайну сообщений может быть ограничено в порядке, установленном кодексом (ст. 13 УПК). Наиболее значимыми следственными действиями в данном контексте являются прослушивание и запись переговоров (ст. 214 УПК), позволяющие по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях с санкции прокурора получать доступ к содержанию коммуникаций, если они могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, а также осмотр компьютерной информации (ст. 204¹ УПК), направленный на исследование данных на изъятых устройствах и в облачных хранилищах. Данные действия подкрепляются возможностью проведения выемки и обыска (ст. 208, 209 УПК) для изъятия электронных носителей и правом органа уголовного преследования требовать от организаций, включая провайдеров, представления необходимой информации (ст. 103 УПК). Проблема правовой формализации цифровых следов и их последующего использования в доказывании является одной из центральных в современной уголовно-процессуальной науке, поскольку именно от соблюдения процессуальных рамок зависит допустимость доказательств, полученных в результате деанонимизации.

Механизмы деанонимизации применяются не только при расследовании преступлений, но и в рамках административного процесса, регулируемого Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). Это особенно актуально для таких составов, как оскорбление (ст. 10.2 КоАП) или распространение информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность (ст. 19.11 КоАП), часто совершаемых с использованием мессенджеров. Ключевым в данном контексте является право должностного лица органа, ведущего административный процесс, требовать от юридических лиц представления информации, имеющей значение для дела (п. 3 ч. 2 ст. 6.13 ПИКоАП). ПИКоАП признает также источником доказательств носители компьютерной информации (ст. 6.11 ПИКоАП).

Наряду с публично-правовыми механизмами законодательство Республики Беларусь предусматривает и частно-правовые способы защиты, позволяющие гражданину самостоятельно инициировать процесс установления личности правонарушителя, действующего анонимно в мессенджерах. Правовой основой выступают нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Согласно ст. 151 ГК честь, до-

стоинство и деловая репутация принадлежат гражданину, являются неотчуждаемыми и подлежат защите. Ст. 153 ГК предоставляет гражданину право требовать по суду опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если распространившее их лицо не докажет их соответствие действительности.

Поскольку истец, как правило, не имеет возможности самостоятельно получить идентифицирующие данные ответчика от представителя мессенджера, провайдера, он может воспользоваться процессуальным механизмом содействия суда в истребовании доказательств, в чем и будет заключаться деанонимизация.

Таким образом, правовые основы деанонимизации пользователей мессенджеров в Республике Беларусь представляют собой сложную, иерархическую систему норм. В ее основе лежит конституционный принцип баланса, согласно которому гарантии частной жизни и тайны сообщений могут быть ограничены в публичных интересах для обеспечения правопорядка и национальной безопасности. Реализация этого принципа осуществляется через строго регламентированные публично-правовые механизмы, предоставленные уполномоченным государственным органам, в то время как частно-правовые инструменты играют вспомогательную, но важную иницилирующую роль.

УДК 343.985.8

А.И. Васильев, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Современные вызовы, с которыми сталкиваются органы внутренних дел в ходе осуществления служебной деятельности, обусловлены ростом объема обрабатываемой информации, необходимостью оперативно реагировать на обращения граждан и эффективно анализировать накопленные сведения. В данной связи традиционные методы систематизации данных и подготовки документов становятся менее эффективными и не позволяют в полной мере использовать потенциал имеющихся информационных ресурсов.

Одним из перспективных решений данных проблем может стать внедрение в деятельность Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) больших языковых моделей (от англ. Large Language

Model) (LLM), которые способны анализировать текстовые данные, помогать в составлении документов, находить необходимые сведения и давать обоснованные ответы на вопросы, опираясь на загруженные источники. Использование таких технологий внутри МВД может облегчить работу с поступающими обращениями, ускорить подготовку процессуальных документов по аналогии с установленными образцами, а также оптимизировать работу ведомственных баз данных. Например, в ходе рассмотрения обращения сотрудник сможет формулировать запрос на основе поступившей от гражданина информации, а система найдет и обобщит информацию об имеющейся практике по аналогичным ситуациям и предоставит результат со ссылкой на конкретные нормы законодательства, на основании которых было принято решение.

В перспективе применение подобных инструментов возможно и в оперативно-розыскной деятельности, где требуется анализ больших массивов данных, сопоставление сведений и выявление скрытых связей между событиями и лицами. Однако следует понимать, что необходимость строгого соблюдения законодательства в области защиты информации и государственных секретов определяет ключевые требования к внедрению подобных решений в данную деятельность. Все процессы должны быть организованы исключительно внутри ведомственной сети МВД, исключив риск утечки данных. Это требование вытекает из положений Закона Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-3 (в ред. от 29 мая 2025 г.) «О государственных секретах», Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 (в ред. от 10 октября 2022 г.) «Об информации, информатизации и защите информации», Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 (в ред. от 7 февраля 2023 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп., вступившими в силу с 24 апреля 2024 г.), а также ведомственных нормативных актов, включая национальные стандарты по защите информации. Работа системы должна обеспечиваться надежными средствами шифрования, разграничением прав доступа сотрудников, ведением журналов учета обращений и устойчивостью функционирования.

Полагаем, что интеграция LLM должна происходить в уже существующую информационную инфраструктуру МВД. Так, новые возможности будут доступны сотрудникам через привычные рабочие места, а сама система будет интегрирована с уже существующими ведомственными ресурсами. Таким образом, искусственный интеллект станет частью привычного служебного процесса, а не отдельным и сложно осваиваемым инструментом. При этом техническая инфраструктура, необходимая для работы LLM, предполагает использование современных серверных комплексов с высокопроизводительными процессорами

ми, специализированными графическими ускорителями и достаточным объемом оперативной памяти. В данной связи внедрение описанного решения может потребовать совершенствования материально-технической базы ведомства. Полагаем, что понесенные расходы будут оправданы: внедрение LLM позволит автоматизировать ряд процессов и сократить затраты ресурсов на решение ряда задач, что в совокупности повысит эффективность функционирования ведомства.

Для корректной работы система должна регулярно обновляться. Это касается как нормативных данных, так и программного обеспечения. Необходимо предусмотреть обучение сотрудников правилам работы с новой технологией и создание подразделений, отвечающих за ее сопровождение. В качестве экспериментальной площадки для внедрения и безопасного тестирования данных систем можно рассмотреть Академию МВД, что позволит проверить их эффективность в учебно-исследовательской среде, а затем масштабировать их на практические подразделения.

Таким образом, внедрение LLM в ведомственной сети МВД открывает возможности для повышения эффективности служебной деятельности, упрощения документооборота и оптимизации аналитических процессов. Успех данного проекта будет зависеть от надежности технической инфраструктуры, строгого соблюдения требований законодательства и правильной организации процессов эксплуатации системы.

УДК 342.9

А.И. Васильев, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь;

И.В. Царенко, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

В контексте современной цифровой трансформации общественных отношений, включая сферу государственного управления, в Республике Беларусь наблюдается интенсивное интегрирование технологий искусственного интеллекта (ИИ). В частности, эволюция криминальной среды, проявляющаяся в экспоненциальном росте онлайн-платформ,

предназначенных для вербовки и торговли людьми, генерирует новые вызовы для подразделений по противодействию торговле людьми. Преодоление указанных вызовов сопряжено с увеличением используемых ресурсов и временных затрат, особенно в процессе анализа обширных массивов данных, извлекаемых из глобальной сети и данных, аккумулирующих информацию о жертвах. В этой связи целесообразно проанализировать потенциал внедрения ИИ в деятельность таких подразделений.

Инкорпорация ИИ в правоохранительную практику инициирует научную дискуссию. С одной стороны, имеется несомненный эвристический потенциал технологий для идентификации преступников и их жертв, оказания последним поддержки, с другой – имеются ассоциированные риски, что приводит к определенному балансированию между неопределенностью эффективности ИИ, с учетом этических и юридических рисков, и рекомендациями по осторожному внедрению.

В этой связи следует отметить, что недопустимость рисков агрегации и потенциальной утечки конфиденциальных данных через внешние сервисы, контролируемые иностранными субъектами, обуславливает необходимость эксклюзивного внутреннего развертывания ИИ в изолированном сегменте ведомственной сети передачи данных (ВСПД). Данный методологический подход обеспечивает контроль над информационными потоками и процедурами их обработки, а также корреспондирует с положениями Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», иных нормативных правовых актов в сфере обеспечения информационной безопасности.

Ключевым компонентом процесса внедрения ИИ выступает его нормативное правовое обеспечение, включающее детальную регламентацию применения. В условиях дефицита всеобъемлющего правового регулирования ИИ на национальном уровне, представляется стратегически обоснованной инициация пилотного проекта в сегменте ВСПД. Указанная инициатива позволит в контролируемой среде аккумулировать эмпирические данные о функционировании технологии, апробировать праксиологические аспекты ее использования в аутентичных сценариях (например, мониторинг онлайн-объявлений с индикаторами вербовки или анализ фото- и видеоматериалов из локаций содержания жертв) и сформулировать обоснованные рекомендации для последующей разработки нормативных правовых актов. Такой подход представляется наиболее верным, поскольку он способствует генерации прагматичных правовых норм, опирающихся не на абстрактные теоретические

конструкты, а на верифицированных результатах и эмпирических потребностях, ассоциированных с решением задач в сфере противодействия торговле людьми.

Для активации пилотного проекта на текущем этапе требуется санкционированное распоряжение руководства Министерства внутренних дел, легитимизирующее инициативу, а также методологические руководства, детализирующие протоколы эксплуатации системы.

Для объективной оценки эвристического потенциала разнородных алгоритмов предлагается параллельное развертывание нескольких лингвистических моделей в унифицированном сегменте ВСПД. В рамках пилотного проекта рекомендуется интегрировать не только крупномасштабные языковые модели (от англ. Large Language Model), ориентированные на обработку текстовых данных, таких как семантический анализ сообщений в социальных сетях на индикаторы вербовки жертв торговли людьми (например, ключевые лексические конструкции вроде «высокооплачиваемая работа за границей без опыта») или транскриптов допросов жертв для детекции паттернов дезинформации со стороны трафикеров, но и альтернативные архитектуры ИИ для автоматизированного анализа визуальных данных, включая изображения, видео- и фотоматериалы, ассоциированные с идентификацией жертв или преступников в контексте торговли людьми, например, распознавание лиц в онлайн-объявлениях или фото из гостиничных комплексов, где регистрируются инциденты эксплуатации, а также нейронные сети, эффективные для анализа последовательных данных, таких как временные ряды событий в цепочках вербовки и транспортировки жертв или анализ корреспонденции в сетях трафика для прогнозирования логистических маршрутов.

Лидерами в разработке указанных технологий являются международные корпорации, такие как OpenAI с моделью GPT, Google с моделями BERT и Gemini, а также российские: Yandex с YaLM и Sber AI с GigaChat. Ключевыми аспектами при анализе эффективности работы ИИ предлагается считать точность выполнения задач, скорость генерации отклика и объем контекстуальной обработки. Интегральным элементом проекта является специализированная калибровка всех развертываемых моделей на селективных массивах данных. Указанная процедура должна реализовываться с применением методик, минимизирующих «галлюцинации» ИИ, т. е. предотвращающих генерацию непроверенной, фабрикованной или недостоверной информации. Такой подход гарантирует, что выводы системы будут базироваться исключительно на верифицированных официальных данных и регламентах. Их

конкурентная эксплуатация в идентичных условиях позволит провести анализ эффективности в решении разнородных оперативных задач, таких как детекция паттернов вербовки в финансовых транзакциях или прогнозирование маршрутов трафика на основе данных из банков и правоохранительных органов.

Промедление в имплементации подобных инноваций неприемлемо, поскольку синхронизация с динамикой эволюции информационно-коммуникационных технологий является императивом. Подразделениям по противодействию торговле людьми следует ориентироваться на интеграцию ИИ в соответствии с принципом оперативной наступательности, который корреспондирует с положениями Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», что способствует оперативному и эффективному пресечению криминальной активности, спасению жизней и превенции инцидентов торговли людьми.

В заключение, полагаем, предлагаемая модель пилотного внедрения ИИ в сегменте ВСПД для подразделений по противодействию торговле людьми представляет собой актуальное решение, гармонизированное с траекторией развития информационно-коммуникационных технологий. Она позволит эмпирически апробировать технологии ИИ и сгенерировать предложения по совершенствованию нормативной правовой базы. Благодаря минимизации управленческих издержек при реализации проекта, это станет значимым этапом в консолидации принципа оперативной наступательности правоохранительных органов Республики Беларусь в условиях цифровой парадигмы, а также обеспечит качественное и эффективное разрешение задач, стоящих перед органами внутренних дел в контексте противодействия торговле людьми.

УДК 343.985.8

И.П. Волков, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОИСКА ИЗ ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКОВ (ИНТЕРНЕТ-ПОИСК) В ХОДЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях быстрого развития цифровых технологий и глобализации информационной среды общества перед правоохранительными органами Республики Беларусь предстает большое количество задач, свя-

занных с применением и адаптацией новых технических систем, способствующих борьбе с преступностью. На современном этапе развития наиболее перспективным направлением повышения эффективности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), является мониторинг информации, хранящейся в общедоступных ресурсах глобальной компьютерной сети Интернет и локальных компьютерных сетях, в том числе поиск оперативной информации с использованием программного обеспечения (интернет-поиск). Доступность и объем информации, находящейся в сети Интернет, создает необходимые условия для получения сведений, необходимых для решения различных задач ОРД, в том числе предупреждения, выявления и пресечения преступлений, а также выявления лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших.

Использование разведки из открытых источников информации OSINT (от англ. Open Source Intelligence) уже зарекомендовало себя в международной правоохранительной практике как эффективный инструмент аналитической и оперативно-розыскной работы.

В Республике Беларусь правовое регулирование данной сферы в ходе осуществления ОРД ограничено лишь указанием интернет-поиска в ведомственных локальных правовых актах, предусматривая его проведение по решению оперативного сотрудника как в рамках решения задач, возложенных на органы внутренних дел без проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), так и в ходе проведения ОРМ в соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД).

В Законе об ОРД заложены правовые основы осуществления интернет-поиска, а именно: в задачах ОРД, принципе соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД, а также в праве органами, осуществляющими ОРД, получения сведений из различных источников.

Отсутствие нормативного правового регулирования интернет-поиска в ходе осуществления ОРД не позволяет детально разграничить условия его применения не только без проведения ОРМ, но и в ходе их осуществления. Кроме этого, в настоящее время выделяют различные способы классификации методов, используемых в ходе интернет-поиска. Наиболее применяемый подход заключается в их разделении на «активные» и «пассивные». Под «активными» понимают методы, связанные с анкетированием, опросом, перехватом бесед, в свою очередь, «пассивные» методы не подразумевают под собой непосредственное контактирование с лицом, их суть заключается в мониторинге большого количе-

ства информации, используя различные поисковые системы. С учетом этого необходимо понимать и четко разграничивать, будет ли осуществляться поиск, получение и фиксация информации из открытых источников в интернете в рамках проводимого ОРМ, и если да, то, какого конкретно («сбор образцов», «контроль в сетях электросвязи», «оперативный осмотр» и др.).

Помимо этого, если использование в целях доказывания в уголовном процессе материалов ОРД, полученных в рамках интернет-поиска в ходе ОРМ, регламентировано Законом об ОРД и межведомственными правовыми актами, то использование информации, полученной в ходе мониторинга сети Интернет вне рамок ОРМ, ничем не закреплено, равно как и ее документальное оформление.

С учетом вышеизложенного полагается необходимым закрепить в Законе об ОРД определения интернет-поиска, что позволит выработать необходимые правовые инструменты и алгоритмы использования данного современного метода, общих условий его применения оперативными сотрудниками, документального сопровождения и последующего использования таких материалов. При этом целесообразно его применение разграничить проведением как в ходе проведения ОРМ, так и вне их рамок.

Представляется, что под интернет-поиском можно полагать деятельность органа, осуществляющего ОРД, направленную на поиск, сбор, анализ информации и сведений из цифрового пространства с использованием технических средств в целях решения задач ОРД. К цифровому пространству необходимо отнести веб-сайты, социальные сети, открытые реестры, публикации средств массовой информации, используемые в рамках сети Интернет с использованием технических средств, представляющих либо имеющих доступ к сети Интернет. Результаты интернет-поиска, если он проводился вне рамок ОРМ, целесообразно отражать в соответствующем оперативно-служебном документе (рапорте) с обязательным указанием всех реквизитов, предусмотренных в протоколе, в том числе, с отражением в нем хода проведения интернет-поиска, сведений, полученных в результате его проведения, с возможностью приобщения (приложения) документов и информации на материальных носителях информации, содержащих зафиксированные на них сведения. Немаловажным моментом будет и то, что в таком случае по указанному оперативно-служебному документу можно будет определить, когда и сколько потрачено времени оперативным сотрудником на мониторинг сети Интернет (при необходимости, осуществить хронометраж рабочего времени) и какое программное обеспечение использовалось.

Таким образом, правовое регулирование порядка осуществления мониторинга информации, хранящейся в общедоступных ресурсах глобальной компьютерной сети Интернет и локальных компьютерных сетях, в том числе поиск оперативной информации с использованием программного обеспечения, позволит полноценно внедрить технологию интернет-поиска, как перспективный инструмент в борьбе с преступностью, установить критерии, по которым указанная информация из открытых источников может быть признана допустимой для использования в качестве доказательств в уголовном процессе, тем самым повышая эффективность осуществления ОРД.

УДК 347.518

А.С. Вязов, студент факультета права Академии
МВД Республики Беларусь

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Право на забвение представляет собой правовую доктрину, сформировавшуюся в законодательстве о защите персональных данных ряда зарубежных стран. Ее сущность заключается в предоставлении пользователям интернет-ресурсов возможность удалить свои данные из цифрового пространства, тем самым восстанавливая контроль над циркулированием личной информации. Это право стало особенно актуальным в свете стремительного развития технологий и повсеместного распространения интернета, который предоставляет неограниченные возможности для хранения и распространения информации. Однако вопрос о том, что именно является правом на забвение, и в какой мере оно реализуется в законодательстве, порождают в среде исследователей определенные дискуссии, о чем свидетельствует проведенный анализ публикаций по указанной тематике.

Учитывая дискуссионный характер такой нормы, целесообразно ретроспективно рассмотреть международный опыт правового регулирования в данной сфере. Изначально правовое регулирование в области частной жизни базировалось на принципах пространственной (физической) неприкосновенности, таких как защита частной собственности и жилища. Однако в XX в., с развитием автоматизированных технологий работы с информацией, произошла трансформация правового подхода: акцент сместился с физической на информационную автономию личности.

Закрепление данного правового сдвига началось на международном уровне с Конвенции Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера 1981 г., которая впервые распространила принципы невмешательства в частную жизнь на сферу обработки персональных данных. Дальнейшее развитие эта нормативная парадигма получила в Директиве Европейского союза 95/46/ЕС 1995 г., установившей базовые принципы защиты персональных данных. Вследствие этого Европа стала регионом, где доктрина защиты персональных данных получила последовательное раннее развитие, оказав значительное влияние на формирование соответствующего законодательства в глобальном масштабе.

В 2014 г. в результате рассмотрения дела Google Spain SL против Agencia Española de Protección de Datos Суд Европейского союза вынес прецедентное решение, признавшее за физическими лицами право требовать удаления ссылок на информацию, утратившую свою актуальность или не соответствующую действительности, из результатов поисковых систем. Данный правовой акт закрепил ключевой принцип, согласно которому удалению подлежат данные, которые более не представляются значимыми в контексте текущей жизненной ситуации лица. Указанный судебный прецедент сыграл роль фундаментального элемента (базиса) для последующего формирования и унификации нормативно-правового регулирования, связанного с реализацией так называемого права на забвение в юрисдикции Европейского союза.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ законодательства в данной сфере показывает, что в правовых системах государств-членов Европейского союза право на забвение было инкорпорировано в общий массив законодательства о защите персональных данных. В то же время в ряде иных юрисдикций, например, в Соединенных Штатах Америки, аналогичное право не получило широкого прямого нормативного закрепления.

Республика Беларусь, благодаря изучению и применению мирового опыта и разработке собственных доктринальных подходов, успешно развивает правовой институт защиты персональных данных. До принятия Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон «О защите персональных данных») правовое регулирование в данной области преимущественно осуществлялось в рамках гражданского законодательства. Определенное значение имел также Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», который, однако, не содержал положений о праве на забвение.

Нормативной основой для реализации указанного правомочия в настоящее время служит ст. 13 Закона «О защите персональных данных», которая закрепляет за субъектом право требовать прекращения обработки и (или) удаления его персональных данных. Указанная норма является функциональным аналогом права, установленного в ст. 17 Общего регламента Европейского союза по защите данных (GDPR). К основаниям для реализации этого права белорусское законодательство относит, в частности, такие обстоятельства, как отсутствие надлежащего согласия субъекта на обработку, либо несоответствие данного согласия установленным Законом «О защите персональных данных» критериям (например, если оно не было свободным, информированным или однозначным).

Таким образом, перспективным видится исследование, направленное на развитие права на забвение в контексте национального законодательства о защите персональных данных. Полагаем, дальнейшее развитие данного института должно быть направлено на детализацию механизмов реализации этого права с учетом национальной правоприменительной практики, что создаст дополнительные гарантии защиты прав личности в информационном пространстве.

УДК 343

Е.В. Горбачёв, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Обеспечение информационной безопасности (ИБ) в XXI в. является одной из наиболее актуальных задач Республики Беларусь на фоне формирования национального и глобального информационного общества, в решении которой участвуют все государственные органы, располагающие собственными информационными и техническими средствами. Регулирование правоотношений и противодействие угрозам в сфере ИБ осуществляют специальные правоохранительные органы и их подразделения.

Решение задач обеспечения безопасности борьбы в информационной сфере не сводится только к защите каналов и средств передачи информации, охране государственной тайны, правительственной связи, информации и другим вопросам, которые принято рассматривать при

анализе совокупности угроз и системы мер по обеспечению ИБ. К вопросам ИБ в экономической сфере также относится безопасность информационных систем управления промышленностью, отраслями (включая оборонный комплекс), предприятиями, банками.

Развитие информационных технологий (ИТ) обусловило возникновение новых форм угроз ИБ. Обладание релевантной информацией и доступ к современным информационным ресурсам создают потенциал для деструктивного воздействия на социально-политические и экономические процессы на уровне личности, общества и государства. Развитие ИТ способствует формированию новых механизмов информационно-психологического воздействия на различные социальные группы. Особую уязвимость в данном контексте представляют сотрудники правоохранительных органов, которые подвергаются целенаправленному информационному воздействию как со стороны внутренних, так и внешних акторов. Результатом данных деяний становится угроза личной безопасности сотрудников, возникшая из-за развития глобальных коммуникационных сервисов и услуг, способствующих изменению методов ведения современной войны, создав информационный фронт, заменивший традиционные боевые действия, позволяя безопасно завладеть необходимой информацией с целью корыстного пользования.

В настоящее время имеется достаточное количество примеров компрометации личных данных сотрудников правоохранительных органов, последствия которых позволяли правонарушителям использовать не только личную информацию сотрудников, но и данные, составляющие государственные секреты, что создало угрозу национальной безопасности. Например, в ряде случаев раскрытие личности сотрудников вело к их компрометации и нарушению конфиденциальности служебной деятельности. В 2020 г. последствиями утечек баз данных сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь стали разглашение государственной тайны касательно личных данных более 1 тыс. сотрудников. В результате были нарушены конституционные права граждан Республики Беларусь (ст. 28 Конституции Республики Беларусь 1994 г.).

Для обеспечения ИБ правоохранительных органов в Республике Беларусь приняты: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», определяющий правовые основы регулирования общественных отношений в информационной сфере, устанавливающий права граждан на доступ к информации и закрепляющий обязанности субъектов, осуществляющих информационную деятельность; обновленная Концепция национальной безопасности Республики Беларусь от 25 апреля

2024 г., акцентирующая защиту прав граждан на информацию и развитие национального цифрового интереса; Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» (далее – Указ № 40), создающий национальную систему киберзащиты, включая республиканские органы государственного управления (ГУ) и центры реагирования на инциденты; постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь», направленное на интеграцию ИБ в цифровую экономику и защиту персональных данных и определяющая, что ИБ – состояние защищенности информационного пространства, информационной инфраструктуры и информационных ресурсов от внешних и внутренних угроз в информационной сфере. Это связано с тем, что информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Усиливается роль и влияние средств массовой информации и глобальных коммуникационных механизмов на экономическую, политическую и социальную ситуацию. ИТ нашли широкое применение в управлении важнейшими объектами жизнеобеспечения, которые становятся более уязвимыми перед случайными и преднамеренными воздействиями.

Согласно положению Концепции национальной безопасности Республики Беларусь от 25 апреля 2024 г. в информационной сфере основные усилия сконцентрированы на совершенствовании механизмов реализации прав граждан на получение, хранение, пользование и распоряжение информацией, в том числе с использованием современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В том числе уделяется особое внимание повышению качества национального белорусского контента и продукции национальных средств массовой информации как внутри государства, так и за его пределами – в сети Интернет.

Для развития рассматриваемых положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь Указ № 40 направлен на повышение уровня защиты национальной информационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз, создавая в государстве национальную систему обеспечения кибербезопасности (далее – система), координирующим органом которой является Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (далее – ОАЦ). Ссылаясь на Указ № 40, отметим, что ОАЦ координирует государственные органы и иные организации по созданию и функционированию системы и минимизацию последствий кибератак на объекты информационной инфраструктуры.

Концепция информационной безопасности Республики Беларусь направлена на развитие цифровой экономики государства, а также на

создание условий безопасного использования цифровых технологий в целях защиты персональных и государственных данных, а также противодействия киберугрозам. В документе рассматриваются основные понятия и определения ИБ, главные направления информатизации, включая развитие ГУ, улучшение коммуникации между государством, бизнесом и гражданами, модернизацию информационной инфраструктуры и внедрение ИКТ в экономику и социальную сферу, определяются цели обеспечения ИБ. Данная Концепция закладывает основы для интеграции ИБ в цифровую экономику, разъясняет важность защиты информационных данных и инфраструктуры и устанавливает стратегический курс Республики Беларусь на сочетание цифровизации и безопасности.

Подводя итог, отметим, что ИБ в Республике Беларусь в настоящее время является ключевым элементом обеспечения национальной безопасности. Глобализация и цифровизация увеличивают риски кибератак на персональные и государственные данные, что требует разработки и реализации комплексных мер защиты. ИБ правоохранительных органов остается критически важным направлением, которое требует постоянного совершенствования правовых, технических и организационных механизмов. Реализация принятых концепций и указов, в частности Указа № 40, позволяет минимизировать риски противоправных посягательств и обеспечить устойчивость информационного пространства государства.

УДК 347.7

И.А. Гриб, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь;
Д.Г. Ананян, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Одной из задач, стоящих перед органами внутренних дел (ОВД), является розыск лиц, которые считаются пропавшими без вести. Данная задача отражена в различных нормативно-правовых актах Республики Беларусь. В частности, в ст. 24 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) указано следующее: «Государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств», в том числе от похищения, незаконного удержания или иного преступления, посягающе-

го на личность и ее неприкосновенность. Розыск пропавших без вести относится к защите от противоправных посягательств. Данное направление является одним из основных в работе ОВД. Если ранее требовалось выждать определенное время, то сейчас, в эру, когда технологии связи как никогда развиты, отсутствие сведений о гражданине, а также отсутствие информации о его планах у друзей, родных и коллег могут вызвать озабоченность и указывать на то, что в отношении данного лица могло быть совершено преступление и необходимо в кратчайшие сроки сообщить о случившемся в ОВД.

Согласно ст. 15 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» розыск лиц, пропавших без вести, осуществляет криминальная милиция. В частности, деятельностью по розыску данной категории лиц занимаются подразделения уголовного розыска.

Розыск без вести пропавших лиц подразделения уголовного розыска осуществляют в рамках Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Оперативно-розыскная деятельность – деятельность, в рамках действующего законодательства, которую проводят уполномоченные государственные структуры, осуществляя ее конфиденциально, используя как открытые, так и скрытые методы, для защиты жизни, благополучия, прав и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранцев, лиц без гражданства, защиты прав и законных интересов юридических лиц, собственности от противоправных действий, способствуя общественной и государственной безопасности. Кроме этого, согласно ст. 3 Закона об ОРД одной из целей, что стоит перед органами, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, является розыск без вести пропавших (безвестно исчезнувших). В ст. 16 содержится основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий: сведения о гражданине, без вести пропавшем. Исходя из этого, можно говорить о том, что при розыске без вести пропавших сотрудники уголовного розыска могут осуществлять оперативно-розыскные мероприятия на основании информации и ситуации, в которой приходится осуществлять розыск.

Правовая регламентация розыска пропавших без вести также присутствует и в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК). Согласно ст. 167 УПК одним из оснований к заведению уголовного дела является обнаружение местонахождения лица, пропавшего без вести, в рамках оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 173. Однако важно понимать,

что оперуполномоченные начинают осуществлять розыскную работу после поступления заявления или сообщения от граждан или юридических лиц. Исходя из этого, следует отметить, что по заявлению граждан сотрудники могут осуществлять оперативно-розыскные мероприятия до момента возбуждения уголовного дела. Согласно ст. 173 УПК первоначальный трехдневный срок для проверки наличия или отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела может быть продлен до десяти суток, если это необходимо для более тщательной проверки. В дальнейшем, если решение по делу не может быть принято в течение десяти дней, прокурор имеет право продлить этот срок до одного месяца. Заявитель информируется о каждом продлении срока в течение 24 часов. П. 4 ч. 2 ст. 37 УПК предписывает органам дознания, в зависимости от вида преступления, проводить соответствующие оперативно-розыскные мероприятия и осуществлять дополнительные действия для розыска и установления местонахождения лица, без вести пропавшего.

Положения о розыске пропавших без вести дублируются и в Указе Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611 (в ред. от 19 октября 2023 г.) «Вопросы Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел». В подп. 8.4 п. 8 гл. 2 «Основные задачи Министерства внутренних дел», а также в подп. 9.7 п. 9 гл. 3 «Функции Министерства внутренних дел».

Ряд положений о розыске пропавших без вести содержатся в Инструкции Министерства внутренних дел, в которой закреплены основания розыска лица, документальное оформление, которое необходимо при возникновении такого события, а также тактика проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Немалым считаем вклад научных деятелей в рамках рассматриваемой проблемы. Так, например, П.А. Кайбелева делает выводы о том, что присутствуют проблемы во взаимодействии оперативных подразделений ОВД между собой и иными органами и организациями, что содействуют розыску пропавших без вести. По мнению автора, эти проблемы могут быть решены выработкой эффективных механизмов по действию сотрудников при получении информации о гражданине, пропавшем без вести, а также усилением контроля за деятельностью соответствующих подразделений. К таковым мерам относятся, в частности, своевременная постановка лица на учет, а также информирование иных государственных органов и организаций.

Подводя итог, следует отметить, что большинство правовых актов содержат лишь общие положения о розыске лиц, пропавших без вести, которых недостаточно для эффективного осуществления рассматриваемой деятельности. При этом Инструкция Министерства внутренних дел

содержит подробную информацию о всех стадиях розыска пропавшего без вести, в том числе основания, условия, тактику и методику, на основе которых сотрудники уголовного розыска и осуществляют свою деятельность по установлению местонахождения лица, пропавшего без вести. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что наличие прикладных проблем в сфере розыска обвиняемых во многом обусловлено несовершенством его нормативно-правового регулирования, а также наличием проблем во взаимодействии оперативных подразделений ОВД между собой и иными органами, наделенными в соответствии с Законом об ОРД правом на ее осуществление. Кроме этого, отсутствие правового регулирования в вопросах розыскной работы между ОВД и негосударственными органами и общественными организациями (например, с добровольным поисковым спасательным отрядом «Ангел») не позволяет в полной мере задействовать правоохранительным органам их возможности. Решение обозначенных проблем не только повысит эффективность розыска лиц, пропавших без вести, но и будет способствовать результативности осуществления розыскной работы в целом, а также устранил правовые пробелы в сфере законодательства.

УДК 343.985

Ф.Е. Жигарев, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, представляет собой одну из ключевых угроз экономической безопасности государства, способствует развитию коррупции и теневой экономики. Оперативно-розыскная деятельность играет важную роль в выявлении, пресечении и расследовании таких преступлений, поскольку их характер латентный, скрытный, часто сопряжен с международными финансовыми операциями.

В связи с этим эффективное противодействие легализации преступных доходов невозможно без активного применения оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, оперативно-розыскная деятельность призвана выявлять способы перемещения нелегальных средств, а также обеспечивать сбор доказательственной базы для успешного выявления подобных преступлений.

В Республике Беларусь уголовная ответственность за легализацию средств, полученных преступным путем, закреплена в ст. 235 УК. Данное преступление относится к категории тяжких или особо тяжких в зависимости от размера причиненного ущерба, что подчеркивает его высокую общественную опасность. Объективная сторона выражается в совершении финансовых операций с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными преступным путем. Под финансовыми операциями понимаются действия физических и юридических лиц по переводу, обмену, снятию денежных средств, осуществляемые в наличной или безналичной форме, с использованием счетов, ценных бумаг, цифровых знаков (токенов).

Квалифицирующие признаки рассматриваемой правовой нормы включают в себя совершение деяния организованной группой либо в особо крупном размере. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом – лицо сознает, что осуществляет операции с преступно нажитым имуществом, и желает этого. Отягчающим обстоятельством является специальный мотив – корыстная или иная личная заинтересованность.

Статистический анализ свидетельствует, что около 65 % лиц, привлекаемых по ст. 235 УК, имеют высшее экономическое или юридическое образование, что позволяет им профессионально «маскировать» противоправную деятельность под легальный бизнес. В структуре преступных групп наблюдается четкая функциональная иерархия: организаторы (10–15 % участников), обладающие связями в финансовых структурах; исполнители (40–50 %), непосредственно осуществляющие транзакции; технические специалисты (30–40 %) – бухгалтеры, программисты, юристы, обеспечивающие формальную легитимность схем. Возрастная характеристика показывает доминирование лиц 35–50 лет (70 %), обладающих необходимым профессиональным опытом и деловыми контактами.

Мотив преступной деятельности в сфере легализации отличается сложной структурой и включает несколько взаимосвязанных компонентов. Доминирующим является экономический мотив – извлечение прибыли через придание видимости легальности преступным доходам, что позволяет не только сохранить, но и приумножить капитал. Исследования показывают, что в 80 % случаев присутствует мотив интеграции в легальную экономику, когда преступные группировки стремятся легализовать свой статус через приобретение бизнеса, недвижимости, участия в престижных социальных проектах. Значительную роль играет мотив обеспечения безопасности – создание сложных корпоративных структур и офшорных схем направлено на минимизацию рисков уголовного

преследования. В 25 % случаев наблюдается мотив статусного потребления – демонстрация роскошного образа жизни, приобретение предметов искусства, элитной недвижимости как символов социального успеха.

Механизм совершения преступления включает три основные стадии: размещение (введение преступных средств в финансовую систему), расслоение (проведение множества операций для затруднения отслеживания) и интеграцию (возвращение «очищенных» средств в легальную экономику под видом законных доходов). На каждой стадии применяются специфические методы: на этапе размещения – структурирование операций (смертинг), фиктивное предпринимательство; на этапе расслоения – цепочки межбанковских переводов, операции с ценными бумагами; на этапе интеграции – инвестиции в недвижимость, приобретение действующих бизнесов, финансирование коммерческих проектов.

Подводя итог вышеизложенному, механизм совершения преступления состоит из трех стадий: размещение незаконных средств в финансовой системе, усложненное перемещение средств для затруднения контроля и интеграция «очищенных» денег в легальную экономику. Каждому этапу соответствуют специфические методы для маскировки и легализации средств.

Таким образом, совершенствование оперативно-розыскной деятельности требует разработки специализированных алгоритмов выявления признаков легализации, учитывающих региональные особенности, отраслевую специфику и новые технологические вызовы. Перспективным направлением является создание системы активного мониторинга финансовых операций на основе анализа больших данных и искусственного интеллекта.

УДК 351.74:65

П.Г. Зарожный, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

СБОР И ПЕРЕРАБОТКА АВТОМОБИЛЬНЫХ АККУМУЛЯТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Актуальность темы переработки отработанных автомобильных аккумуляторов (ОАА) в Республике Беларусь обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов: экологических, экономических, ресурсных и нормативно-политических. Эта проблема лежит на стыке национальной безопасности, экономической эффективности и экологической

устойчивости. По данным главного управления Государственной автомобильной инспекции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в республике зарегистрировано более 4 млн автомобилей и можно легко посчитать сколько ОАА образуется в процессе их эксплуатации.

Согласно законодательству Республики Беларусь и соглашениям, заключенным в рамках Таможенного союза, отработанные свинцовокислотные аккумуляторы относятся к отходам II класса опасности (высокоопасные отходы).

Их несанкционированное складирование, захоронение или неграмотная утилизация приводят к загрязнению почв и грунтовых вод. Свинец – высокотоксичный кумулятивный яд, который накапливается в живых организмах, вызывая тяжелые заболевания нервной системы, почек и крови. Серная кислота приводит к закислению почв, делая их непригодными для сельского хозяйства, опасности для здоровья людей. Риск отравления свинцом существует на всех этапах – от неправильного хранения на частных территориях до неформальной разборки в кустарных условиях.

Постоянное увеличение количества автотранспортных средств в Беларуси (как легковых, так и коммерческих) напрямую ведет к пропорциональному росту объема образующихся ОАА. Ежегодно в республике образуются тысячи тонн этого высокоопасного отхода, что создает постоянную и растущую нагрузку на экосистему.

В то же время ОАА является ценным сырьем, а не просто отходом и содержит:

свинец (60–70 %): цветной металл, дорогостоящее стратегическое сырье, которое может быть многократно переработано без потери качества;

полипропилен (5–8 %): пластик, пригодный для регрануляции и производства новых изделий;

электролит: после нейтрализации может быть преобразован в техническую воду или сульфат натрия.

Беларусь не обладает собственными месторождениями свинцовых руд. Организация эффективной системы переработки ОАА позволяет создать устойчивый источник вторичного свинца, снижая зависимость от его импорта и экономя значительные валютные средства. Это напрямую способствует экономической безопасности страны.

Развитие системы переработки ОАА полностью соответствует целям Государственной программы «Охрана окружающей среды и устойчивое использование природных ресурсов», а также основным положениям Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития.

ОАА не являются отходом в традиционном понимании, а представляют собой концентрированное вторичное сырье. Их переработка направлена на извлечение:

вторичного свинца: основной экономический драйвер процесса. Переплавленный свинец по качеству не уступает первичному и используется для производства новых АКБ, кабельной продукции и химического оборудования и необходим белорусской автомобильной промышленности для производства новых АКБ;

вторичного полипропилена: после дробления и очистки гранулируется и может использоваться в производстве новых корпусов для АКБ, товаров народного потребления, строительных материалов;

нейтрализованного электролита: после нейтрализации известью преобразуется в гипс (сульфат кальция) или техническую воду, которые применяются в промышленности.

Структура затрат на сбор и переработку ОАА включает в себя затраты на логистику (транспортировка), предварительную обработку (слив, дробление), плавку (энергоносители, флюсы), очистку выбросов, оплату труда и утилизацию образующихся отходов (шлаки).

Структура доходов формируется за счет реализации вторичного свинцового сплава (лом/слитки), вторичного полипропилена в виде гранул, возможной реализации нейтрализованных продуктов.

Экономическая эффективность предприятия по переработке напрямую зависит от масштабов производства, применяемой технологии и конъюнктуры мировых цен на свинец.

При отсутствии переработки ОАА имеются отрицательное воздействие на окружающую среду в виде загрязнения почв, грунтовых вод и атмосферы свинцом и кислотой, нанесение непоправимого ущерба экосистемам и здоровью человека.

По нашему мнению, переработка ОАА будет иметь следующий положительный экологический эффект: снижение нагрузки на природную среду и исключение попадания токсичных веществ в окружающую среду; сохранение природных ресурсов, так как каждая тонна вторичного свинца позволяет сохранить несколько тонн свинцовой руды и снизить энергозатраты на 70–80 % по сравнению с производством первичного свинца; снижение объема отходов для захоронения, поскольку переработка ОАА направляет в хозяйственный оборот более 95 % массы отхода.

Создание эффективной системы переработки ОАА обусловлено не только экологической необходимостью минимизации вреда, но и значительным экономическим потенциалом, связанным с возвратом ценных материалов в производственный цикл, что соответствует принципам циркулярной экономики.

Таким образом, анализ современного состояния переработки ОАА в Республике Беларусь позволяет констатировать наличие соответствующей нормативно-правовой базы и инфраструктуры для сбора и утилизации данного вида отходов. В стране налажена система, обеспечивающая высокий процент извлечения свинца и предотвращающая негативное воздействие на окружающую среду.

Перспективы развития сбора и переработки ОАА видятся в стимулировании населения и бизнеса (залогово-возвратная система, налоговые льготы), развитии инфраструктуры сбора, модернизации перерабатывающих мощностей, информационно-просветительской работе по информированию населения о правилах сдачи ОАА.

Реализация этих мер позволит не только укрепить экологическую безопасность страны, но и создать замкнутую экономическую модель в сфере обращения с отходами, превратив их из экологической проблемы в источник ценного вторичного сырья.

УДК 342.7

А.М. Илюшина, курсант факультета подготовки специалистов Госавтоинспекции Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Судебный контроль в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД) занимает особое место, поскольку именно он служит важнейшей гарантией соблюдения конституционных прав и свобод граждан в условиях применения скрытых и часто ограничивающих права мероприятий. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ФЗ № 144) прямо закрепляет необходимость судебного разрешения для проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий, таких как контроль и запись телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, обследование жилых помещений и других действий, затрагивающих неприкосновенность частной жизни, жилища и тайну связи (ст. 8). Именно поэтому проблема эффективности судебного контроля за действиями оперативных органов приобретает особую актуальность.

Одним из наиболее острых вопросов является ограниченность процессуальных механизмов проверки законности проведения оперативно-

розыскных мероприятий (ОРМ). Судьи рассматривают ходатайства оперативных подразделений в закрытом порядке, при этом лица, в отношении которых могут быть ограничены конституционные права, как правило, не имеют возможности участвовать в рассмотрении дела или представить свои возражения. В результате контроль часто носит формальный характер, ограничиваясь проверкой соответствия представленных материалов требованиям закона, но без реальной возможности выявить необоснованность или чрезмерность вмешательства. А.В. Иванова в научной статье «Направления совершенствования судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью» справедливо отмечает, что специфика ОРД, в основе которой лежат конспиративность и негласность, приводит к своеобразной «закрытости» судебного контроля, что негативно сказывается на его качестве.

Серьезной проблемой является отсутствие предусмотренной законом процедуры обжалования судебных решений, санкционирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на судебную защиту, однако в действующем законодательстве отсутствует возможность пересмотра или кассационного обжалования постановлений судей, дающих разрешение на проведение ОРМ. Так, в практике встречались ситуации, когда суды выносили постановления с нарушением ст. 8 ФЗ № 144, например, по делу о санкционировании снятия информации с каналов связи при расследовании преступления средней тяжести. При этом отсутствовал механизм пересмотра таких решений, что фактически лишало граждан возможности защиты своих прав. Е.Л. Никитин и И.В. Литвинова в публикации «Судебный контроль в сфере оперативно-розыскной деятельности: за и против» подчеркивают, что без введения процедуры обжалования судебного контроля рискует превратиться в формальную процедуру, а не в реальный инструмент обеспечения прав человека.

Не менее значимой проблемой является тот факт, что суды осуществляют контрольные полномочия исключительно по инициативе заинтересованных сторон – оперативных органов либо граждан, которые подают жалобы. Самостоятельно инициировать проверку законности действий оперативных подразделений суд не вправе. Это означает, что в тех случаях, когда незаконные действия не оспариваются потерпевшими, они могут оставаться без надлежащей судебной оценки. Таким образом, судебный контроль носит преимущественно реактивный, а не превентивный характер, что снижает его эффективность.

Особое внимание заслуживает вопрос о качестве материалов, представляемых оперативными органами для санкционирования ОРМ.

С.А. Спицин в статье «Некоторые особенности судебного рассмотрения материалов о проведении оперативно-розыскных мероприятий» отмечает, что нередко постановления обоснованы лишь общими соображениями о возможной причастности лица к преступлению, без конкретных данных, подтверждающих необходимость ограничения конституционных прав. Судьи, рассматривая такие материалы в условиях дефицита времени и информации, вынуждены полагаться на выводы сотрудников органов, что повышает риск злоупотреблений. Это подтверждается и судебной практикой: Верховный Суд Российской Федерации неоднократно признавал недопустимыми доказательства, полученные в ходе оперативных мероприятий с нарушением требований закона, что приводило к оправданиям и изменению приговоров.

Отдельной проблемой является недостаточная специализация судей, рассматривающих вопросы, связанные с проведением ОРМ. Как показывает практика, отсутствие углубленных знаний в области оперативной работы приводит к тому, что судьи оценивают представленные материалы лишь с формальной точки зрения, не вникая в их фактическую состоятельность. Введение института специализированных судей по вопросам ОРД могло бы повысить качество судебного контроля, поскольку такие судьи обладали бы необходимыми компетенциями и опытом для объективной оценки законности и обоснованности ходатайств оперативных органов.

Важным направлением совершенствования судебного контроля является более тесное взаимодействие суда и прокуратуры. В настоящее время прокурор не обладает правом обжаловать постановления суда, разрешающие проведение ОРМ, хотя именно он должен быть ключевым участником в системе обеспечения законности. Европейский суд по правам человека в ряде решений указывал на необходимость предоставления прокурору таких полномочий, чтобы усилить систему гарантий. Это соответствует и отечественным тенденциям развития правового регулирования, направленным на усиление роли прокуратуры в обеспечении соблюдения прав граждан.

Существенным шагом вперед стало бы законодательное закрепление конкретных критериев, которыми суд должен руководствоваться при оценке ходатайств о проведении ОРМ. К ним можно отнести наличие достаточных фактических данных о причастности лица к преступлению, соблюдение принципа соразмерности вмешательства, проверку соответствия целей оперативного мероприятия задачам, установленным законом. Указание таких критериев позволило бы унифицировать судебную практику и минимизировать риск произвольного ограничения прав граждан.

Необходимо также учитывать современные вызовы, связанные с развитием информационно-телекоммуникационных технологий. Проведение ОРМ с использованием цифровых средств связи и интернета требует от судов новых подходов к оценке представленных материалов. Судьи должны иметь возможность запрашивать дополнительную техническую документацию, проверять правомерность использования технических средств и устанавливать сроки хранения полученной информации. В условиях цифровизации задача судебного контроля значительно усложняется и требует как нормативного, так и организационного обновления.

Подводя итог, следует отметить, что судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью сегодня сталкивается с целым рядом проблем: отсутствие механизма обжалования судебных решений, ограниченность процессуальных полномочий суда, формальность представляемых материалов, недостаточная специализация судей и слабое взаимодействие с прокуратурой. Решение этих проблем возможно посредством внесения изменений в ФЗ № 144, введения процедуры обжалования судебных постановлений, расширения полномочий прокурора, законодательного закрепления критериев оценки обоснованности ОРМ и института специализированных судей. Только при комплексной модернизации правового регулирования и практики судебного контроля можно обеспечить реальную защиту конституционных прав граждан и одновременно сохранить эффективность борьбы с преступностью.

Таким образом, судебный контроль в сфере ОРД должен эволюционировать от формальной процедуры санкционирования к полноценному механизму правовой защиты. Именно это позволит соблюсти баланс между интересами государства в раскрытии и пресечении преступлений и фундаментальными правами личности, что является ключевым ориентиром в правовом государстве.

УДК 343.14

В.А. Козлов, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РАМКАХ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

Рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях с уголовно-процессуальной точки зрения представляет собой одну из стадий уголовного процесса, на которой орган уголовного преследования в связи

с поступившей информацией о совершенном, совершаемом или подготавливаемом криминальном деянии устанавливает наличие или отсутствие состава преступления. Как правило, это осуществляется посредством проведения следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), в результате чего принимается одно из решений, указанных в ст. 174 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК).

Согласно постановлению Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 8 января 2019 г. № 5 «О заявлениях и сообщениях о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях» прием заявлений (сообщений) о преступлениях является обязанностью органов внутренних дел (ОВД), что вытекает из содержания ч. 2 ст. 37 УПК. Он осуществляется оперативно-дежурными службами милиции общественной безопасности территориальных ОВД, сотрудниками службы милиции «102», иными сотрудниками при исполнении служебных обязанностей. Факт регистрации поступившего в ОВД от гражданина (юридического лица) заявления (сообщения), в том числе посредством телефонной связи, протокола устного заявления о совершенном преступлении, оперативно-служебного документа сотрудника о непосредственном обнаружении признаков криминального деяния является началом уголовного процесса.

Уголовно-процессуальная компетенция начальника ОВД как руководителя органа дознания достаточно широкая. Наряду с поручением проверки по заявлениям и сообщениям последний уполномочен возбуждать уголовные дела, лично осуществлять по ним дознание, контролировать законность действий и решений, принимаемых подчиненными сотрудниками, а также давать им указания о проведении ОРМ с целью установления наличия в деянии состава преступления.

В части оперативно-розыскной деятельности начальник ОВД является лицом, организующим работу сотрудников оперативных подразделений, в ряде случаев лично участвует в проведении ОРМ, выступает должностным лицом, утверждающим оперативно-служебные документы, и др. Его решение о необходимости проверки сведений, изложенных в заявлении (сообщении, явке с повинной и т. д.), оперативным путем является основанием для проведения ОРМ.

Необходимо отметить, что ни в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», ни в ведомственных документах не разъясняется, в какой форме начальником ОВД в таких случаях может даваться указание о проведении ОРМ. Из смысла абзаца четвертого ст. 16 указанного нормативного правового

акта можно сделать вывод, что оно предполагает письменное выражение (по аналогии с постановлением и следственным поручением). В таком случае указание приобретает свойство нормативности. Полагаем, что этот вариант является единственно верным, поскольку в таком случае становится возможным оценить законность и объективность принятого руководителем решения, например, прокурором при осуществлении надзора за деятельностью органа дознания, в том числе при даче санкции на проведение ОРМ.

Указание о проведении ОРМ, на наш взгляд, может выражаться в резолюции, наложенной:

1) на поступившем заявлении (сообщении) о преступлении, протоколе устного заявления о совершенном уголовно наказуемом деянии, явке с повинной и т. п.;

2) на оперативно-служебном документе, подготовленном сотрудником, у которого на разрешении находятся материалы проверки. Как правило, таким документом является рапорт.

В резолюции необходимо отразить: данные лица, которому поручается рассмотрение заявления (сообщения) о преступлении; перечень ОРМ, которые необходимо провести в рамках доследственной проверки; срок для проведения ОРМ; дату резолюции; подпись, фамилию руководителя ОВД.

Согласно Закону Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» по общему правилу ОРМ проводятся при наличии соответствующего дела оперативного учета (ДОУ). Однако при наличии указания начальника органа дознания по заявлению (сообщению) о преступлении последние могут проводиться вне его рамок. Это позволяет в отдельных случаях упростить для оперативных подразделений задачу по получению оперативно значимой информации, которая важна при принятии решения о наличии или отсутствии в деянии состава преступления, поскольку заведение ДОУ – процесс трудоемкий, требующий времени на подготовку необходимых документов, согласование решений с непосредственными и прямыми начальниками, и др.

Вместе с тем такие ОРМ, как «оперативный эксперимент», «проверочная закупка» или «контролируемая поставка», проводятся исключительно при наличии ДОУ, да и их осуществление при разрешении заявлений (сообщений) о преступлениях в целом вряд ли целесообразно. Это в очередной раз подтверждает тезис о том, что в резолюции начальника ОВД о проведении ОРМ необходимо отражать их названия.

Таким образом, решение о необходимости проверки изложенных в заявлении (сообщении) о преступлении сведений оперативным путем

принимается руководителем ОВД самостоятельно, исходя из обстоятельств происшедших событий, невозможности либо крайней затруднительности получения криминалистически значимой информации процессуальным путем.

Указание начальника органа дознания как основание для проведения ОРМ применимо исключительно на этапе доследственной проверки, оно должно иметь письменное выражение и содержать данные о названии ОРМ, а также о лице, которому они поручаются.

УДК 343.985.8

И.В. Козырев, выпускник факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНОЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ» С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобальной информатизации общества правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью адаптации традиционных способов проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) к современным реалиям. Это особенно актуально по отношению к ОРМ «оперативное отождествление», которое направлено на установление личности гражданина, предмета, документа или компьютерной информации, имеющих значение для выявления и раскрытия преступлений.

Анализ практической деятельности оперативных сотрудников правоохранительных органов свидетельствует о том, что традиционные методы идентификации, основанные на визуальном установлении личности, постепенно уступают место более технологичным подходам, включающим использование автоматизированных информационных ресурсов, баз данных, систем видеонаблюдения. Это связано с тем, что применение информационных технологий в процессе оперативного отождествления позволяет значительно повысить точность, скорость и масштаб анализа, а также расширить возможности оперативников в условиях ограниченного времени и ресурсов.

Довольно часто необходимость проведения ОРМ «оперативное отождествление» возникает у оперативных сотрудников в процессе вы-

явления, раскрытия преступлений при необходимости идентификации лиц, которые могут быть причастны к противоправной деятельности.

Основным инструментом здесь выступает республиканская система мониторинга общественной безопасности (РСМОБ), деятельность которой регламентирована Указом Президента Республики Беларусь от 25 мая 2017 г. № 187 «О республиканской системе мониторинга общественной безопасности». В соответствии с данным указом устанавливается перечень субъектов, имеющих право получать информацию, зафиксированную РСМОБ. К ним относятся правоохранительные органы, суды при рассмотрении конкретного дела, абоненты в части информации, полученной с объектов этих абонентов, иные лица.

РСМОБ включает в себя два модуля, которые могут быть использованы при проведении ОРМ. Модуль видеоаналитики распознавания лиц, который позволяет обнаружить и определить человека в потоке в режиме реального времени, осуществить поиск похожих людей по фотографии, а также по изображению, полученному с камеры видеонаблюдения. Модуль распознавания государственных регистрационных знаков транспортных средств, который действует аналогично. Просмотр записей с камер видеонаблюдения может функционировать в режиме реального времени или архивных записей, также доступен просмотр всех событий за определенный период.

Применительно к теме нашего исследования, научный интерес представляет модуль видеоаналитики распознавания лиц, который может способствовать выявлению круга лиц, с которыми подозреваемый взаимодействует. Это может включать не только фиксирование непосредственных контактов, но и выявление потенциальной сети отношений, например соучастников или лиц, косвенно связанных с противоправной деятельностью. Затем оперативные сотрудники могут использовать ведомственные базы данных, оперативные и справочные учеты для того, чтобы осуществить отождествление лица по изображению, полученному с РСМОБ.

Таким образом, совершенствование способов проведения ОРМ, основанных на объединении современных технологий и достижений научно-технического прогресса с традиционными формами и методами работы, необходимо прежде всего для гарантированного обнаружения максимально возможного объема информации. Цифровизация ОРМ «оперативное отождествление» не только повышает эффективность работы правоохранительных органов, но и требует формирования новых подходов к правовому регулированию. В перспективе дальнейшее развитие и совершенствование РСМОБ, а также интеграция ее с другими автоматизированными информационными системами и базами данных

могут стать основой для создания единой цифровой системы, а знание и умелое использование сотрудниками правоохранительных органов передовых технических разработок предопределяет принятие своевременных и объективных процессуально значимых решений.

УДК 336.22

А.И. Колесова, курсант факультета подготовки сотрудников полиции Уральского юридического института МВД России

НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Создание условий для безопасности и высокого качества жизни граждан является важнейшей целью общественного развития, которое невозможно реализовать без проведения грамотной фискальной и бюджетной политики государства, которое организует бюджетную деятельность.

Посредством контроля повышается уровень экономической безопасности как отдельных хозяйствующих субъектов, так и государства в целом, а также осуществляется оптимизация финансово-хозяйственной деятельности данных субъектов.

Государственный финансовый контроль позволяет ускорить экономическое и социальное развитие, выявить хищения и нарушения финансово-хозяйственной деятельности, пресечь противоправные действия, связанные с неисполнением обязательств перед бюджетом и государственными органами.

Осуществление контроля позволяет в максимально полном объеме аккумулировать денежные средства и рационально их использовать по целевому назначению, удовлетворяя потребности государства и его жителей.

Под финансовым контролем понимается контроль со стороны государственных органов, наделенных специальными полномочиями в области осуществления контрольных функций, с целью соблюдения участниками финансовых правоотношений законодательства Российской Федерации (далее – Россия, РФ), эффективного использования бюджетных денежных средств, направленных на реализацию финансовой политики государства.

В РФ функции по разработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию налоговой, бюджетной, валютной, таможенной и иных видов финансовой деятельности реализуются Мини-

стерством финансов РФ (далее – Минфин РФ), которому подчинены Федеральная налоговая служба (ФНС), Федеральная таможенная служба (ФТС) и Федеральное казначейство РФ.

Минфин РФ осуществляет внутренний бюджетный контроль за использованием бюджетных средств, их распорядителями и получателями.

ФТС осуществляет контроль в сфере таможенного дела, валютный контроль, а также налоговый контроль при операциях, связанных с ввозом товаров на территорию РФ. Полномочия таможенных органов в области налогового контроля определены ст. 34 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). Контрольные полномочия связаны с установленными правилами исчисления налогов при ввозе товаров на территорию России. Таможенные органы вовлечены в процесс создания единого механизма администрирования таможенных, налоговых и иных фискальных платежей.

Налоговый контроль является одним из пяти видов налоговых правоотношений налогообложения. Он также является необходимым институтом, позволяющим реализовать фискальную функцию налогов, без которой невозможно формирование государственного бюджета и существование государства.

Помимо государственных органов, налоговый контроль также осуществляют должностные лица организаций в рамках организации внутреннего контроля, а также аудиторы и аудиторские компании.

За исключением случаев, когда обязанности по исчислению, удержанию и перечислению налогов в бюджет возлагаются на налогового агента, уведомительного порядка уплаты налогов, физические и юридические лица обязаны самостоятельно исчислять и уплачивать налоги. В случае неисполнения обязательств по уплате налогов в адрес налогоплательщика в течение десяти дней после установления недоимки (даты вынесения решения) направляется соответствующее требование, которое вручается физическому лицу, руководителю организации или ее законному представителю лично, или заказным письмом.

Кроме того, неуплаченная сумма налога с налогоплательщика может быть принудительно изъята, вместе с пенями и штрафами, установленными в порядке НК РФ.

В случае возложения обязанностей по расчету налога на налоговый орган налогоплательщик должен быть письменно уведомлен о сумме налога за тридцать дней до срока уплаты, и уплатить налог в течение месяца, со дня получения уведомления.

Без осуществления налогового контроля невозможно выявить нарушения налогового законодательства и обеспечить поступление необходимого объема денежных средств в бюджет государства.

Налоговый контроль – это вид государственного финансового контроля за соблюдением налогового законодательства, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты налогов и других обязательных платежей, проводимый посредством форм и методов налогового контроля, предусмотренных НК РФ.

Целью налогового контроля является соблюдение налогового законодательства проверка правильности исчисления и уплаты налогов, выявление налоговых правонарушений и привлечение лиц к ответственности за налоговые правонарушения. Реализация цели налогового контроля осуществляется посредством использования форм и методов и проведения мероприятий налогового контроля.

Без надлежащего уровня организации налогового контроля невозможно эффективное функционирование финансовой системы, что приводит к уменьшению бюджетных возможностей, стагнации экономики и ухудшению социально-экономической ситуации государства.

ФНС является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением налогового законодательства, правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты налогов и сборов и применением контрольно-кассовой техники. ФНС также регистрирует юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и проводит аккредитацию филиалов и представительств иностранных юридических лиц.

ФНС осуществляет деятельность через свои территориальные органы, руководствуется Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, Указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, международными договорами РФ, нормативными правовыми актами Минфина РФ, а также Положением о ФНС РФ и взаимодействует с другими органами исполнительной власти.

Таким образом, главной задачей ФНС является осуществление налогового контроля за надлежащим исполнением обязанностей налогоплательщиков по исчислению налогов в бюджет, без которых невозможно существование современного государства.

Одной из современных проблем осуществления налогового контроля является развитие цифровых технологий, благодаря которым становится все сложнее отслеживать финансовые операции между хозяйствующими субъектами.

Другой проблемой является слишком сложная система расчетов отдельных налогов и сборов, которая подталкивает многих налогоплательщиков к ведению теневого бизнеса или его дроблению, с целью незаконного применения специальных налоговых режимов.

Недостаточный уровень квалификации сотрудников налоговых органов и необходимость внедрения новых форм и методов налогового контроля, с учетом современных реалий, также является острой проблемой.

Таким образом, с целью совершенствования налогового контроля необходимо:

- внедрение современных технологий для улучшения мониторинга и контроля налоговых обязательств;
- повышение уровня осведомленности о налоговых обязательствах и создание более прозрачной системы налогообложения;
- устранение избыточной сложности налогового законодательства для улучшения его соблюдения;
- повышение квалификации должностных лиц налоговых органов;
- разработка новых форм и методов налогового контроля;
- внедрение искусственного интеллекта для выявления нарушений налогового законодательства.

УДК 343.985

Д.Ю. Котел, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Взятничество является уголовно наказуемым деянием, подрывающим основы государственного управления и экономики. Получение взятки должностными лицами различного уровня может являться показателем системных проблем в государственном управлении и правоохранительной системе. В Республике Беларусь взяточничество рассматривается как преступление, связанное с получением должностным лицом неправомерной выгоды за действия или бездействие по службе.

Так, согласно ч. 1 ст. 430 УК получение взятки – это принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий.

Видится, что злоупотребление властью при получении взятки выражается в том, что должностное лицо, получая материальное вознаграждение для себя или близких, использует свои служебные полномочия в интересах взяткодателя. Таким образом, оно совершает акт предательства служебных интересов, злоупотребляя предоставленной властью.

В ст. 431 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) устанавливает ответственность за дачу взятки, т. е. незаконное вознаграждение должностному лицу за совершение действий (или бездействия), входящих в круг его служебных полномочий.

Ст. 432 УК предусматривает ответственность за посредничество во взяточничестве, т. е. за передачу взятки по поручению или по соглашению между дающим и получающим взятку.

Данные статьи направлены на защиту деятельности органов власти и управления, а также на предотвращение экономического ущерба, наносимого коррупционными действиями.

Для квалификации деяния, как взяточничества, необходимо наличие всех признаков состава преступления: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны.

Объектом преступления являются общественные отношения в сфере порядка осуществления власти и управления.

Объективная сторона выражается в действиях, направленных на получение, дачу или посредничество во взяточничестве. Использование должностным лицом своих служебных полномочий в интересах лица, дающего вознаграждение, заключается:

- в покровительстве по службе;
- попустительстве в интересах дающего вознаграждение;
- благоприятном решении вопросов.

Субъектом взяточничества является должностное лицо, наделенное властными или организационно-распорядительными полномочиями. Субъектом дачи взятки может быть любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, т. е. лицо осознает противоправность своих действий и желает их совершения, как правило, из корыстных побуждений.

Подводя итоги, можно отметить, что в условиях коррупции происходит деформация различных институтов общества, в том числе и экономики, а именно: расширение теневой экономики, что, в свою очередь, подрывает легальный бизнес, лишает государство налоговых поступлений. Коррупция может проявляться в деятельности предприятий, участвующих в государственных закупках и проведении аукционов по предоставлению и продаже товаров, работ и услуг.

Таким образом, взяточничество – это не просто единичное преступление, а опасное антисоциальное явление, которое деструктивно влияет на экономику государства. Особое внимание уделяется прозрачности государственных закупок, электронному документообороту, цифровизации услуг и повышению финансовой ответственности должностных лиц. Эти меры направлены на снижение рисков коррупции и повышение доверия населения.

УДК 343.985.8

П.В. Красовский, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

РОЛЬ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ВЫЯВЛЕНИИ ФАКТОВ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Взяточничество является одной из наиболее распространенных и серьезных проблем современного общества, оказывая негативное влияние на экономическую, политическую и социальную сферы жизни. Оно подрывает доверие граждан к государственным институтам, препятствует развитию бизнеса и создает почву для множества других преступлений. В настоящее время многие страны прилагают усилия к укреплению своих антикоррупционных мер, и одним из ключевых инструментов в этой борьбе становится оперативный эксперимент.

Оперативный эксперимент представляет собой оперативно-розыскное мероприятие, используемое правоохранительными органами для выявления и предотвращения преступлений, в том числе взяточничества. Он включает в себя создание искусственных условий, при которых возможно зафиксировать совершение преступления, а также осуществить задержание преступников с поличным. Данное мероприятие выступает не только как эффективное средство борьбы с коррупцией, но и как важный шаг в направлении улучшения правопорядка и уровня доверия общества к правозащитным органам.

Цели оперативного эксперимента многогранны. В первую очередь, он направлен на вызывание определенного события, что способствует выявлению конкретных фактов преступной деятельности. Специально организованные ситуации могут помочь установить случаи получения и дачи взяток, а также их масштабы. Кроме того, оперативный эксперимент служит важным инструментом для сбора доказательств, так как

оперативные сотрудники могут фиксировать преступные действия, в режиме реального времени, с помощью специальных технических средств аудио-, видеозаписи, что позволяет собрать неопровержимые улики, которые могут быть использованы в суде.

Для проведения оперативного эксперимента следует соблюсти необходимые условия, указанные в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности»: наличие заявления, сообщения гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном в отношении его или его близких менее тяжком, тяжком или особо тяжком преступлении – при условии участия в оперативном эксперименте гражданина, в отношении которого готовится, совершается или совершено преступление; наличие предварительно проверенных органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного гражданином либо группой граждан тяжкого или особо тяжкого преступления – при условии, что не имеется достаточных сведений для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и выполнение задачи оперативно-розыскной деятельности невозможно или затруднительно без проведения оперативного эксперимента. Подготовка к проведению данного оперативно-розыскного мероприятия включает в себя несколько ключевых этапов. Оперативный сотрудник собирает всю необходимую информацию в отношении интересующего лица, затем выносит постановление о проведении оперативного эксперимента с санкцией прокурора или его заместителя. Далее разрабатывается план эксперимента, в котором прописываются условия и стадии, в которых будет осуществляться имитация передачи взятки. На этой стадии необходимо учесть как юридическую сторону вопроса, так и потенциальные риски, связанные с проведением оперативно-розыскного мероприятия.

Реализация эксперимента может принимать различные формы. Самым распространенным является задержание взяткодателя и взяткополучателя после передачи денежных средств. Очень важно, чтобы все действия оперативных сотрудников были зафиксированы и документально оформлены, чтобы в дальнейшем можно было избежать неудач в уголовном процессе.

Завершение эксперимента включает в себя составление соответствующих документов для последующего предоставления в орган уголовного преследования. Оперативный эксперимент в большинстве случаев помогает не только выявить отдельные факты коррупции, но и проанализировать практику взяточничества в конкретной сфере, выявить системные проблемы и разработать меры для их устранения. Преимуще-

ства оперативного эксперимента невозможно переоценить. Во-первых, он обладает высокой эффективностью: быстрое реагирование и возможность получения доказательств значительно увеличивают шансы на немедленное выявление преступлений. Во-вторых, такой подход способствует снижению уровня коррупции, поскольку успешные задержания служат сигналом для других злоумышленников и показывают, что за подобные действия неминуема уголовная ответственность. В-третьих, активные действия правоохранительных органов в этой области могут повысить доверие общества к этим институтам, формируя положительный имидж и укрепляя правопорядок.

Оперативный эксперимент представляет собой важный инструмент в арсенале оперативных подразделений, значительно увеличивая их эффективность борьбы как с коррупцией, так и с незаконным оборотом наркотиков. Он позволяет сосредоточить ресурсы на наиболее актуальных и опасных угрозах, что особенно важно в условиях ограниченного времени. В современном мире, где криминогенная обстановка изменяется быстро и непредсказуемо, правоохранительные органы должны быть готовы оперативно реагировать на новые вызовы. Однако для достижения максимальной эффективности и соблюдения правовых норм необходимо строго следовать законодательству при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Законность является основополагающим принципом, который позволяет избежать провокационных действий в отношении граждан.

Таким образом, оперативный эксперимент требует юридически грамотного подхода, так как способствует не только раскрытию преступлений, но и служит важным механизмом предупреждения их совершения.

УДК 343.985.8

П.А. Круглик, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сеть Интернет, являясь одним из самых значимых достижений современности, несомненно, оказывает огромное влияние на жизнь общества. Она являет собой универсальную платформу для решения огромного количества задач, являясь не только местом проведения досуга, осуществления трудовой деятельности и получения определенной ин-

формации для законопослушных граждан, но и сильнейшим инструментом в руках злоумышленников, активно использующих глобальную сеть в целях сокрытия следов преступлений, уклонения от привлечения к ответственности, а в некоторых случаях она и вовсе становится местом совершения преступлений. Вышеуказанный факт обязывает сотрудников правоохранительных органов активно применять оперативно-розыскные силы, средства и методы в целях противодействия преступным проявлениям.

Повышение эффективности такого противодействия напрямую зависит не только от наличия в сети Интернет полезной для оперативно-го сотрудника информации, но и от его навыков, позволяющих вычлениать из неограниченного потока цифровой информации релевантные данные, умение анализировать которые может поспособствовать принятию грамотных решений, правильной организации и тактике проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий. Такой результат может достигаться с помощью таких технологий, как глубокий анализ трафика (DPI, Deep Packet Inspection), а также обработки распределенно хранящейся в интернете информации, объединяемой понятием «Большие Данные» (Big Data). К ней относятся сведения о доступе к ресурсам сети Интернет со средств сотовой связи и мобильных устройств, данные систем геопозиционирования, видеонаблюдения, массивы изображений на фото и видеохостингах, данные об использовании «умных вещей» (бытовых устройств, оснащенных микропроцессорами и осуществляющих обмен данными посредством компьютерных сетей). Это позволяет объединять разрозненные сведения для формирования цифрового досье (профиля) пользователя, производить его идентификацию (деанонимизацию), выявлять изменение активности фигурантов, представляющих оперативный интерес, и решать иные задачи оперативно-розыскной деятельности.

Одним из аспектов проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в сети Интернет является эффективная нейтрализация специфических приемов противодействия со стороны преступников, совершающих противоправные деяния с использованием возможностей виртуального пространства. Решение отмеченной проблемы связано со знанием способов такого противодействия. Анализ существующих высокотехнологичных способов совершения преступлений показывает, что для уклонения от привлечения к уголовной ответственности преступниками используются приемы, затрудняющие установление их личности. К ним относятся: использование теневого сегмента сети Интернет; применение средств анонимизации; привлечение к совершению преступлений посредников, не осведомленных о факте своей причастности к совершению преступлений и поддерживающих кон-

такты с организатором лишь по переписке; использование криптовалют, эмиссия которых не контролируется государственными органами, и др.

В специальной литературе выделяются некоторые ОРМ, обладающие особенностями проведения в сети Интернет («наведение справок», «контроль почтовых отправок», «наблюдение», «оперативное внедрение», «оперативный эксперимент», «оперативный осмотр», «контролируемая поставка»). Результаты проведенного В.И. Шаровым опроса (см. статью «Оперативно-розыскные мероприятия в сети Интернет») оперативных сотрудников позволяют дополнить этот перечень такими ОРМ, как снятие информации с технических каналов связи (в белорусском законодательстве – «контроль в сетях электросвязи»), сбор образцов для сравнительного исследования. А.Л. Осипенко приводит более полный перечень ОРМ, разновидности которых могут иметь место в условиях сетевого пространства, среди которых не упомянутые выше опрос (в законодательстве Республики Беларусь – «оперативный опрос»), отождествление личности («оперативное отождествление»), исследование предметов и документов, проверочная закупка, а также специфическое для российского законодательства ОРМ «получение компьютерной информации» (см. статью «Теоретические проблемы оперативно-розыскной деятельности в Интернете»).

Обобщая изложенные выше точки зрения, все возможные оперативно-розыскные действия в сети Интернет, по нашему мнению, можно разделить на две большие группы: поиск, основанный на общедоступных способах и средствах получения информации, и обладающие более высокими разведывательно-поисковыми возможностями ОРМ, адаптированные под условия сети Интернет. При этом все ОРМ имеют свои аналоги или обладают определенной спецификой, обусловленной особенностями сети Интернет.

При рассмотрении сущности конкретных ОРМ дискуссии приобретают более предметный характер. В ряде публикаций (например, «Юридическое содержание удаленного осмотра компьютерных систем или сетей») Д.Л. Харевич отстаивает позицию, согласно которой удаленный осмотр компьютерных сетей или систем представляет собой разновидность осмотра, вступая таким образом в заочную полемику с позицией исследователей, которые рассматривают данные действия как частный случай контроля в сетях электросвязи. Концептуальные подходы, основанные вышеуказанным ученым, впоследствии были имплементированы в законодательную базу, путем изменения диспозиции ст. 26 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности».

Проведение ряда ОРМ, с учетом повсеместного внедрения глобальной сети в повседневную жизнь, может так или иначе быть упрощено при использовании интернета. Так, например, при проведении «контроля почтовых отправок» по индивидуальному номеру возможно отслеживание местонахождения отправок при помощи онлайн-сервисов организаций, предоставляющих почтовые услуги. При необходимости проведения «оперативного отождествления» по фотоснимкам материалы для проведения ОРМ представляется возможным получить, например, из социальных сетей. При проведении «исследования предметов и документов» также опосредованно могут быть использованы ресурсы сети Интернет, если это, например, понадобится привлеченному к проведению ОРМ специалисту. Что касается «контролируемой поставки» и «оперативного эксперимента», то даже при невозможности непосредственного применения ресурсов глобальной сети в основной части их проведения, при подготовке к их проведению также может использоваться первичная информация, полученная из интернет-источников. Данный аспект касается всех закрепленных в действующем Законе ОРМ.

Таким образом, грамотные действия оперативных сотрудников по использованию сети Интернет при проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий безоговорочно позволят повысить эффективность противодействия преступным проявлениям как в сети Интернет, так и вне ее.

УДК 342

А.К. Кукета, студент юридического факультета
Белорусского государственного университета;

А.С. Шарунова, студент юридического факультета
Белорусского государственного университета

СТАЛКИНГ И КИБЕРСТАЛКИНГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сталкинг (от англ. to stalk – следовать, преследовать) – совокупность систематических действий, таких как слежка, нежелательные звонки, письма, сообщения, преследование с помощью сети Интернет, выведение информации о человеке и использование этих данных с целью оказать психологическое воздействие на него, причинить дискомфорт,

стресс, внушить чувство страха. В современном мире навязчивое преследование (далее – stalking) активно трансформируется в цифровую среду, где навязчивое преследование с использованием цифровых технологий и интернет-ресурсов (далее – киберсталкинг) становится все более распространенным явлением.

В данной статье анализируется феномен stalking и киберсталкинга с точки зрения действующего законодательства Республики Беларусь, обосновывается необходимость введения отдельного состава преступления.

Stalking определяется как преследование лица против его воли, что может являться основанием для привлечения к уголовной ответственности. Жертвы stalking часто вынуждены менять место жительства из-за чувства незащищенности, вызванного осознанием того, что stalker обладает информацией об их местонахождении и личной жизни.

Ключевые характеристики киберсталкинга включают в себя: осуществление действий посредством глобальной сети Интернет (использование социальных сетей, мессенджеров и электронной почты для преследования; создание фейковых профилей для обхода блокировок; использование специальных приложений для отслеживания местоположения).

Проблема stalking усугубляется сложностью доказывания. Для установления факта stalking необходимо наличие совокупности доказательств, таких как: материалы, содержащие личную информацию лица, подвергшегося преследованию, изъятые у злоумышленника (далее – stalkera); показания третьих лиц, свидетельствующих о систематическом сборе или хранении stalkerом такой информации; данные камер видеонаблюдения, фиксирующие слежку; цифровые следы, подтверждающие систематический сбор информации через интернет.

В науке выделяется две стадии stalking.

Пассивная стадия включает сбор информации о жертве из открытых и (или) закрытых источников: изучение профилей в социальных сетях; применение чат-ботов; получения сведений от близких преследуемого лица под ложными предлогами; использование GPS-трекеров и шпионского программного обеспечения для мониторинга перемещений жертвы; анализ метаданных фотографий для определения местоположения; мониторинг активности в онлайн-сервисах и приложениях.

Активная стадия отражает в себе непосредственное преследование: киберпреследование через рассылку фишинговых ссылок по электронной почте и в мессенджерах; создание фейковых аккаунтов для обхода блокировок; установка приложения-трекера на телефон через удаленный доступ к устройству; организация травли в социальных сетях с привлечением множества участников.

Считаем, что введение в белорусское законодательство права на информационную самоидентичность может помочь в заполнении правового вакуума. Право на информационную самоидентичность – это право человека самостоятельно определять, какую информацию о себе раскрывать и как она может быть использована. Это понятие было впервые сформулировано в решении Федерального конституционного суда Германии в 1983 г., которое установило, что личность человека не может быть сведена к совокупности данных о нем.

Несмотря на то что Республика Беларусь не является участницей Международной конвенции № 108 (Конвенция Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера (заключена 28 января 1981 г., Страсбург)), право на информационную самоидентичность могло бы быть признано в национальном законодательстве. Это право является логическим продолжением конституционных прав на невмешательство в частную жизнь и защиту персональных данных.

В контексте киберсталкинга это право означает, что любая активность в сети (публикация фотографий, геолокации, упоминание круга общения) не должна становиться основанием для неправомерного использования этой информации стalkerом, а само лицо, распространяющее информацию о себе, не должно подвергаться последствиям неправомерного использования его личной информации в социальных сетях.

Введение понятия информационной самоидентичности в белорусское законодательство стало бы аналогом международных стандартов в области защиты данных, что особенно актуально в условиях цифровизации общества и роста киберпреступности.

В связи с этим считаем целесообразным дополнить Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». В частности, расширить зону ответственности операторов информационных систем, которые будут обязаны, при обнаружении подозрительной активности, информировать лицо, в отношении которого были совершены неправомерные действия, о факте систематического сохранения его данных третьими лицами, при этом данные субъекта, который произвел сохранение, остаются конфиденциальными. В таком случае человек сможет своевременно принять меры по защите своих законных интересов, в том числе и сохранности персональных данных. Указанная мера позволит остановить сталкинг еще в пассивной стадии.

На наш взгляд, в настоящем времени существует необходимость введения уголовной ответственности за сталкинг и киберсталкинг, а именно статей, позволяющих предотвратить активную фазу сталкинга.

Действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает частичную ответственность за отдельные действия, входящие в состав stalking: ст. 10.1 и 10.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее – КоАП); ст. 202, 203, 203¹, 349 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее – УК).

Однако отсутствие единой нормы, объединяющей эти действия, приводит к сложностям в квалификации данного преступления. На наш взгляд, существует необходимость криминализации stalking и киберstalking как отдельного состава преступления. Предлагаем добавить соответствующие статьи в КоАП (гл. 23) и, аналогично, в УК (гл. 23). Такие меры ответственности поспособствуют стабилизации общественного порядка.

Таким образом, stalking и киберstalking представляют серьезную угрозу для психического и физического здоровья граждан. Несмотря на наличие в законодательстве Республики Беларусь норм, частично охватывающих действия stalkеров, отсутствие единого состава преступления приводит к пробелам в правоприменительной практике. Особую опасность представляет киберstalking, который использует цифровые технологии для преследования жертв и характеризуется повышенной латентностью и сложностью доказывания. Введение отдельной административной и уголовной ответственности за stalking и киберstalking, а также закрепление права на информационную самоидентичность позволят усилить защиту граждан от навязчивого преследования и соответствовать международным стандартам в области прав человека.

УДК 338(476)

А.П. Кукушкина, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ

Платежная система является относительно новым понятием, которое представляет собой совокупность участников платежной системы, оператора платежной системы, платежных инструментов и (или) средств платежа, правил платежной системы, программно-технических и телекоммуникационных средств, обеспечивающих осуществление перевода денежных средств (электронных денег) в соответствии с Законом

Республики Беларусь от 19 апреля 2022 г. № 164-З «О платежных системах и платежных услугах».

Международными являются такие системы, как Apple Pay, Google Pay, Samsung Pay, Visa и Mastercard PayPal, QIWI. На территории Республики Беларусь функционируют как свои платежные системы, так и локальные: EasyPay, WebMoney, iPay, ЮMoney, «БелКарт», «Оплати», «МТС Деньги», а также сервисы, интегрированные с АИС «Расчет» (ЕРИП), например, ArtPay и expresspay.

История электронных платежных систем (ЭПС) берет свое начало в 1871 г. Компания Western Union осуществила перевод при помощи телеграфа. Сейчас такой перевод при современных технологиях не считается электронным. Но данная операция дала толчок к развитию ЭПС по всему миру. Первая массовая карточная платежная система под названием Diners Club появилась в Америке в 1949 г. Поначалу компания раздавала свои пластиковые карты посетителям ресторанов, но впоследствии они стали распространяться через банки. Карточки были персональными, на них указывали имя клиента. Появление дебетовых карт в 1970-х гг. позволило потребителям платить напрямую со своих банковских счетов, не прибегая к кредиту. Следующим этапом развития ЭПС стали предоплаченные карты, которые предлагали практичное решение для цифровых платежей и планирования бюджета, предоставляя потребителям финансовую независимость без необходимости проверки кредитной истории или открытия банковских счетов. Предоплаченные карты получили дальнейшее развитие с появлением виртуальных предоплаченных опций, что сделало их более универсальными в цифровой экономике.

В 2000-е гг., когда развитие интернета и мобильных технологий привело к переходу платежей с пластиковых карт на смартфоны, появились такие компании, как PayPal, а вскоре системы, о которых уже шла речь. В середине 2010-х гг. открытый банкинг был признан преобразующей силой в платежной индустрии, позволяя потребителям совершать платежи напрямую со своих банковских счетов, без необходимости в традиционных посредниках.

История ЭПС в Республике Беларусь началась в 1994 г. с создания национальной системы «БелКарт» на основе микропроцессорных карт, первая операция по которой была проведена в 1995 г. Развитие шло через пилотные проекты и постепенное внедрение платежей с использованием карт за коммунальные услуги. В 2004 г. была преобразована в ЗАО «Платежная система „БелКарт“», которая затем присоединилась к ОАО «Банковский процессинговый центр» для интеграции с международными системами. Параллельно с развитием платежей с использова-

нием карт появились и другие электронные системы, такие как WebPay, «Оплати», EasyPay, iPay и «МТС Деньги».

Использование ЭПС имеет свои особенности использования. Главной целью создания стали удобство и доступность использования. Уже к 2025 г. в каждом магазине, онлайн-сервисе, организации и других можно использовать любые программы ЭПС. Они позволяют совершать денежные операции, обращаясь в соответствующие организации. Кроме этого все действия можно совершить круглосуточно, в любом месте при наличии интернет-соединения. Процесс оплаты товаров и услуг через ЭПС обычно интуитивно понятен и занимает минимум времени. Положительной стороной ЭПС является значительное усиление защиты от физической кражи. При использовании ЭПС нет необходимости носить с собой большие суммы наличных денежных средств, что снижает риск стать жертвой кражи наличных денежных средств.

Платежные системы постоянно совершенствуют методы защиты от мошенничества, такие как двухфакторная аутентификация, шифрование данных и системы обнаружения подозрительной активности. Использование электронных денежных средств также дает возможность быстрой блокировки карты или счета в случае утери или получения доступа к ним, это предотвращает несанкционированный доступ к денежным средствам. Использование ЭПС позволяет экономить время и ресурсы. Появляется возможность настройки автоматических платежей (например, за коммунальные услуги), что помогает экономить время и не забывать о сроках оплаты. Контроль расходов также является положительным результатом использования ЭПС: можно просматривать и отслеживать историю всех транзакций, что упрощает ведение бюджета и контроль расходов, а также освобождает от накопления бумажных чеков.

Преимуществом являются уведомления о транзакциях, которые благоприятно сказываются на контроле своих финансов. Использование ЭПС также оказывает положительное воздействие на ведение бизнеса и помогает индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам в расширении аудитории (обслуживание клиентов, которые предпочитают безналичную дистанционную оплату, расширяя тем самым клиентскую базу), в снижении издержек (сокращаются расходы на инкассацию, хранение наличных и обслуживание кассовых аппаратов), а также быстрая и удобная оплата способствует повышению лояльности клиентов.

Вместе с этим эпоха ЭПС проявляет и негативные тенденции. Отрицательной стороной являются зависимость от технологий, которая подразумевает под собой необходимость доступа к интернету или электро-

энергии. Сбои в работе платежных систем или банковских серверов могут привести к временной недоступности средств или невозможности совершения платежей. Использование электронной формы платежа может потребовать уплаты различных комиссий как со стороны продавца, так и покупателя. Некоторые платежные системы и банки взимают комиссии за совершение определенных операций, таких как переводы или снятие наличных, могут взимать плату за обслуживание электронного кошелька или банковской платежной карточки. Банки и платежные системы могут устанавливать лимиты на размер отдельных транзакций или общую сумму операций за определенный период.

К ограничениям использования безналичной оплаты можно отнести цифровое неравенство. Не все слои населения имеют равный доступ к технологиям и возможностям использования данного вида платежа. Некоторые люди по-прежнему предпочитают наличные деньги из-за привычки или недоверия к электронным средствам. Самой главной проблемой ЭПС является вопрос о безопасности данных операций. Несмотря на положительные аспекты, не исключены риск мошенничества, фишинга, а также уязвимость перед кибератаками.

Таким образом, по нашему мнению, использование ЭПС в Беларуси имеет как значительные преимущества, так и определенные недостатки. По мере развития технологий и повышения уровня осведомленности граждан положительные стороны ЭПС, скорее всего, будут превалировать. Важно помнить о необходимости соблюдения мер безопасности и проявлять осторожность при совершении операций с электронными деньгами. Различные органы и финансовые институты продолжают работу по совершенствованию систем защиты и повышению доступности ЭПС для всех слоев населения. Перспективами совершенствования использования ЭПС в области безопасности будут являться усовершенствование законодательства и повышение эффективности подразделений по противодействию киберпреступности.

УДК 341.231.14 + 004.77

А.В. Кухаренко, студент факультета права Академии МВД Республики Беларусь

ПРАВО НА ПРИВАТНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Право на приватность, будучи фундаментальным правом человека, гарантирует защиту сферы частной жизни от неправомерного вмешательства. Исторически его содержание ограничивалось такими аспектами, как неприкосновенность жилища, тайна корреспонденции и защита

персональных данных в их традиционном понимании. Однако в контексте глобальной цифровой трансформации наблюдается существенная эволюция и экспансия данного правового института. Современная трактовка права на приватность включает в себя обеспечение контроля индивида над его цифровыми следами, к которым относятся история поисковых запросов, геолокационные данные, сведения о потребительском поведении и иные формы цифровой активности.

Развитие информационно-коммуникационных технологий породило беспрецедентные по своим масштабам возможности для сбора, агрегации и анализа персональной информации. Деятельность социальных сетей, мессенджеров и иных онлайн-платформ сопряжена с аккумуляцией колоссальных массивов данных о пользователях. В этой связи, как обоснованно отмечает Н.В. Варламова в публикации «Цифровые права – новое поколение прав человека?», «цифровые права становятся новым поколением прав человека, требующим переосмысления традиционных юридических концепций». Указанная тенденция актуализирует необходимость разработки и совершенствования международно-правовых механизмов защиты, адекватных трансграничной природе цифровой среды.

Особую научную и практическую значимость приобретает проблема поиска баланса между интересами национальной безопасности и обеспечением права на приватность. Внедрение государствами технологий распознавания лиц, мониторинга интернет-трафика и иных инструментов противодействия преступности, по мнению А.Я. Капустина, которое изложено в статье «Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение», сопряжено с рисками «расширения полномочий правоохранительных органов в цифровой сфере..., что создает угрозу основным правам граждан». В связи с этим ключевой задачей является формирование эффективных правовых ограничителей, исключающих произвольное вмешательство в частную жизнь.

В данном контексте следует выделить проблему «цифрового неравенства», которое проявляется в дифференциации уровня цифровой грамотности среди различных социальных групп. Поведенческие паттерны, характерные для социально уязвимых категорий населения (использование простых паролей, избыточная публикация личных данных), повышают их уязвимость к кибермошенничеству и иным противоправным посягательствам.

Развитие технологий искусственного интеллекта и машинного обучения формирует новые риски для приватности. Алгоритмы, например, применяемые в системах кредитного скоринга и таргетированной рекламы, могут латентно воспроизводить и усиливать существующие в обществе предубеждения, приводя к дискриминационным последствиям. Это обуславливает потребность в создании специализированного правового

го регулирования, обеспечивающего принципы транспарентности (прозрачности) и справедливости автоматизированного принятия решений.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что право на приватность в условиях цифровой эпохи претерпело существенную содержательную трансформацию, расширившись до контроля над цифровой идентичностью и следами. Существующие правовые механизмы демонстрируют запаздывание по отношению к динамичному технологическому развитию, что порождает новые вызовы, связанные с обеспечением баланса между безопасностью и приватностью, преодолением цифрового неравенства и регулированием алгоритмических систем. В этой связи представляется, что эффективная защита права на приватность в XXI в. достижима лишь через углубление международного сотрудничества и гармонизацию национальных законодательств, направленных на создание универсальных правовых стандартов в цифровом пространстве.

УДК 336.74: 004

К.В. Мамурина, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь;

А.Д. Материнко, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВОГО БЕЛОРУССКОГО РУБЛЯ

В условиях стремительного развития цифровых технологий и трансформации финансовых систем по всему миру цифровая валюта центрального банка становится важным элементом будущей финансовой архитектуры. Республика Беларусь также не остается в стороне от глобальных трендов и предпринимает активные шаги в направлении внедрения цифрового белорусского рубля (ЦБР).

Проект по внедрению ЦБР официально стартовал в сентябре 2021 г. С этого момента Национальным банком Республики Беларусь была начата реализация стратегического проекта по определению возможности и целесообразности внедрения ЦБР. В рамках этого проекта были выработаны концептуальные подходы, определены направления деятельности на среднесрочный период, а также сформировано видение будущей архитектуры цифровой валюты. Данные разработки были одобрены Советом по финансовой стабильности. Исходя из проекта, ЦБР

можно определить, как цифровую форму белорусского рубля, законное платежное средство, выполняющее все функции денег, имеющее одинаковую ценность с наличным и безналичным белорусским рублем, являющееся прямым требованием к Национальному банку Республики Беларусь и эмитируемое им.

Одним из ключевых событий стало утверждение 31 января 2024 г. Концепции цифрового белорусского рубля, которая содержит подробную информацию о функциональной модели, принципах работы и этапах реализации. ЦБР возможно будет введен в оборот в полном объеме во второй половине 2026 г. Планируется, что изначально он станет доступен для субъектов хозяйствования, а к 2027 г. – государственным органам и физическим лицам.

Одной из задач внедрения ЦБР являются модернизация национальной платежной инфраструктуры, расширение доступа населения и бизнеса к финансовым услугам, снижение операционных затрат финансового сектора, а также создание предпосылок для осуществления международных расчетов с использованием цифровых валют центральных банков других государств.

Использование ЦБР будет иметь преимущество на всех уровнях экономической системы. Для граждан – возможность проводить расчеты даже без подключения к сети Интернет, прозрачность установленных комиссий и целенаправленное распределение мер социальной поддержки. Для предприятий – упрощение взаимодействия с контрагентами, применение автоматизированных инструментов на основе смарт-контрактов и сокращение затрат при трансграничных переводах. Для государства – рост прозрачности финансовых потоков, интеграция с международными системами расчетов и оптимизация бюджетного администрирования.

Предусматриваемая модель функционирования ЦБР сочетает в себе элементы централизованного и децентрализованного управления. При данной модели доступ пользователей к цифровым деньгам осуществляется через банки и финансово-технологические организации, при этом сохраняется существующая двухуровневая банковская система. Техническая база проекта основана на технологии распределенного реестра, обеспечивающей надежность, устойчивость и совместимость с зарубежными платформами цифровых валют центральных банков.

Однако реализация данной инициативы сопряжена с рядом вызовов. К ним относятся зависимость от решений иностранных регуляторов, риски киберугроз и высокие затраты на создание цифровой инфраструктуры. Для минимизации возможных последствий целесообразно выстроить комплексную систему регулирования, обеспечить независимость внутренних расчетных каналов и определить сферы экономики,

где использование ЦБР должно быть ограничено. Такой подход позволит сохранить финансовую устойчивость страны и обеспечить безопасное внедрение инновационных платежных инструментов.

Таким образом, внедрение ЦБР представляет собой стратегически важный этап цифровой трансформации экономики. Успех проекта будет зависеть от согласованных действий государства, регуляторов, финансового сектора и гражданского общества.

УДК 343.985.7

С.С. Маринич, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ВЛИЯНИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Неотъемлемой частью любого государства является его экономическая сфера. Возможность управления финансовыми потоками является одной из ключевых, так как позволяет обезопасить финансовый сектор экономики, рационально распределить средства и повысить уровень благосостояния граждан.

Легализация доходов, полученных преступным путем, – негативное явление, возникшее достаточно давно. Одним из первых его названий было «отмывание» денег, которое возникло благодаря чикагской мафии в 30-х гг. XX в. в США во время «сухого» закона. Во главе с Аль Капоне американские преступники создали сеть прачечных с очень низкими ценами, через которые выводили нелегальный доход, «перемешивая» его с легальной выручкой прачечных.

На современном этапе развития научно-технического прогресса произошла цифровизация всех сфер жизни общества, в том числе и экономики. Активное внедрение в жизнь цифровых технологий, введение четкой законодательной регламентации, контроль со стороны правоохранительных органов больше не позволяют преступникам вводить полученные нелегальным путем денежные средства в легальный оборот, «отмывая» их, образно говоря, в прачечных и «перемешивая» с легальной выручкой. Легализация доходов, полученных преступным путем, в последнее время перешла в цифровое пространство, что представляет угрозу для кибербезопасности, которая является одной из составных частей национальной безопасности.

Появление криптовалюты позволило преступникам «отмывать» преступные доходы через так называемые криптокошельки, которые не требуют предоставления персональных данных для совершения транзакций. Стоит отметить, что наряду с анонимностью валюты на базе блокчейна являются абсолютно прозрачными, т. е. данные о проведенных транзакциях являются доступными для всех участников сети. По этой причине необходимо совершать большое количество транзакций. Соответственно, с «переходом» преступности в цифровое пространство изменился и механизм совершения данного преступления – злоумышленники начали подстраиваться под киберпространство и разработали новые методы легализации преступного дохода.

Согласно Закону Республики Беларусь от 15 июня 2018 г. № 123-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» легализацией доходов, полученных преступным путем, является придание правомерного вида владению, пользованию и (или) распоряжению доходами, полученными преступным путем, в целях утаивания или искажения их происхождения, местонахождения, размещения, движения либо их действительной принадлежности, в том числе соотносимых с этими доходами прав. Ответственность за совершение данного деяния предусмотрена ст. 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изменениями и дополнениями).

В настоящее время не утратили своей актуальности и привычные для преступников способы легализации, однако они были усовершенствованы с учетом современных реалий. Так, по мнению О.В. Марковой, изложенному в статье «Современные способы легализации (отмывания) материальных ценностей, приобретенных преступным путем», в мире распространено отмывание криминальных денег через деятельность некоммерческих и благотворительных организаций, чьи проекты или пожертвования касаются разных аспектов жизни (образование, спорт, искусство). Во многих странах мира преступники используют схему легализации преступных доходов посредством неформальной системы перевода денежных средств (по-другому она может называться системой небанковских переводов, параллельной банковской системой и т. д.). Эта система находится за пределами обычной банковской системы и других механизмов перевода денег, хотя может пересекаться или использовать частично банковские платежи.

Таким образом, ввиду использования цифровых технологий легализация доходов, полученных преступным путем, представляет новые угрозы для экономической безопасности. Современные методы «отмывания» денег переместились в цифровое пространство, в связи с чем

представляется целесообразным совершенствование правовых и профилактических мер, включая контроль за криптовалютными операциями и международное сотрудничество. Эффективная борьба с легализацией преступных доходов возможна при комплексном подходе, включающем законодательное регулирование, развитие информационных технологий и межгосударственное взаимодействие.

Так, в силу вышеуказанных причин предлагаем усовершенствовать меры борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, в киберпространстве. Стоит начать с профилактических мер, которые позволят предотвратить придание правомерного вида денежным средствам, «отмытым» при использовании криптовалютных транзакций. В качестве таковых могут выступать контроль за транзакциями с криптовалютой и предоставление отчетности о проведенных операциях.

До настоящего времени законодательно не урегулирован вопрос выплаты заработной платы и возможности расчета за работы и услуги посредством криптовалюты, что создает благоприятные условия для легализации доходов, полученных преступным путем. Обмен международным опытом и заключение договоров в области борьбы с экономической преступностью позволят внести новые меры обеспечения экономической безопасности государства, осуществлять эффективную борьбу с коррупцией и организованной преступностью, которые порождает легализация преступных доходов.

УДК 343.985

А.Д. Материнко, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Экономическая безопасность в банковской сфере представляет собой одно из ключевых направлений обеспечения устойчивого развития экономики Республики Беларусь. Однако в условиях глобальной нестабильности, санкционного давления, роста киберугроз и внутренних структурных дисбалансов перед банками Беларуси встают значительные угрозы, подрывающие их стабильность, и, следовательно, экономическую безопасность всей страны. В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, угроза экономической безопасности – это реально существующая опасность нанесения вреда экономическим интересам Республики Беларусь.

В общем понимании финансово-экономическая безопасность банковской системы – это состояние наиболее эффективного использования финансовых ресурсов для предотвращения угроз и обеспечения стабильного функционирования банковской деятельности.

По нашему мнению, для Республики Беларусь к числу наиболее существенных угроз можно отнести:

- 1) телефонные мошенничества;
- 2) кредитные мошенничества;
- 3) мошенничества с банковскими платежными карточками.

Телефонные мошенничества в банковской сфере Республики Беларусь представляют собой угрозу для клиентов банков и финансовой стабильности. Злоумышленники используют различные методы социальной инженерии, чтобы обмануть людей и получить доступ к их банковским счетам или личным данным. Одной из наиболее популярных «схем» является осуществление звонков от «представителей банка». Мошенники представляются сотрудниками службы безопасности банка, службы поддержки или других отделов. Сообщают о «подозрительных транзакциях» по счету клиента, «попытке взлома» или «блокировке карточки». Пытаются выманить у клиента конфиденциальную информацию: номер карточки, срок действия, CVC/CVV-код, PIN-код, логин и пароль от интернет-банкинга, SMS-коды подтверждения. Иногда просят установить на телефон или компьютер «специальное программное обеспечение» для «защиты» от мошенников, которое на самом деле является вредоносным программным обеспечением.

Кредитные мошенничества в банковской сфере проявляются в различных формах, направленных на обман банков, с целью незаконного получения кредитных средств. Заемщики предоставляют фальшивые или измененные документы для получения кредита (поддельные справки о доходах, трудовые книжки, свидетельства о собственности, ложная информация о занятости, активах, обязательствах и кредитной истории), чтобы повысить шансы на получение кредита. Для того чтобы минимизировать данную угрозу, перед выдачей кредита банк проводит многоэтапную проверку заемщика. Оцениваются кредитная история, доход, занятость, залог и др.

Мошенничества с банковскими платежными карточками в наше время чаще всего осуществляются с использованием сети Интернет. Мошенники рассылают электронные письма или SMS-сообщения, представляясь сотрудниками банка или платежной системы, и просят клиента предоставить конфиденциальную информацию под предлогом обновления данных, решения проблем с безопасностью или участия в акции. Некоторые пользователи не обращают внимания на возможные грамматические ошибки в данных сообщениях или неправильные адре-

са электронной почты, тем самым переходят по ссылкам, а мошенники получают доступ к их персональным данным и физическим картам.

С целью сокращения числа угроз экономической безопасности видится целесообразным использовать следующие меры:

1. Повышение финансовой грамотности населения: проведение информационных кампаний, направленных на повышение осведомленности граждан о банковских продуктах и услугах, угрозах и способах защиты от мошенничества.

2. Технические меры защиты: внедрение систем обнаружения и блокировки подозрительных звонков и SMS-сообщений; использование многофакторной аутентификации при доступе к интернет-банкингу и мобильному банкингу; обеспечение безопасности мобильных приложений банков.

3. Активное взаимодействие с правоохранительными органами: налаживание тесного сотрудничества банков с правоохранительными органами для расследования случаев телефонного мошенничества и привлечения виновных к ответственности.

Создание устойчивой и адаптивной модели банковской деятельности с акцентом на долгосрочную стабильность, инновации и управление угрозами позволит Беларуси обеспечить экономическую безопасность в условиях нестабильного внешнего окружения и сохранить финансовую устойчивость как базовый элемент национального суверенитета.

УДК 338.1

А.А. Мишина, курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Современный этап развития мировой экономики характеризуется стремительным внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества. Формирование цифровой экономики, основанной на данных, интеллектуальных системах и автоматизации, становится на сегодня ключевым фактором конкурентоспособности государств и обеспечения

их экономической безопасности. В связи с этим отставание в области разработки и внедрения технологий цифровой экономики приобретает характер серьезной угрозы, способной негативно повлиять на устойчивость и динамику развития страны, ее положение на мировой арене. Одним из главных достижений в области цифровой экономики является искусственный интеллект.

Возрастающая зависимость экономической безопасности от уровня развития и применения цифровых технологий становится актуальной на сегодня.

Искусственный интеллект признан в России одним из стратегических приоритетов технологического развития. Государство декларирует амбициозные цели, направленные на вхождение страны в число мировых лидеров в этой сфере. Однако, несмотря на определенные успехи и активную работу ведущих технологических компаний, широкое и эффективное внедрение искусственного интеллекта в Российской Федерации сталкивается с рядом существенных проблем и вызовов. Рассмотрим некоторые из них.

1. Нормативно-правовое регулирование:

– отставание законодательства: правовая база часто не успевает за развитием технологий искусственного интеллекта. Неурегулированы вопросы ответственности за ошибки искусственного интеллекта, этические аспекты его применения (например, в системах распознавания лиц), стандартизации и сертификации ИИ-решений;

– сложные процедуры согласования и внедрения новых технологий в государственном секторе и крупных корпорациях могут тормозить пилотные проекты и масштабирование успешных решений на базе искусственного интеллекта.

2. Кадровый дефицит и «утечка мозгов»:

– нехватка специалистов: существующие образовательные программы не всегда успевают за стремительным развитием технологий и потребностями рынка;

– отток специалистов: высококвалифицированные российские специалисты в области искусственного интеллекта востребованы на глобальном рынке и часто выбирают работу в зарубежных компаниях, предлагающих более привлекательные условия труда, высокую оплату и доступ к передовым исследованиям и ресурсам.

3. Недостаточное финансирование и инвестиционная активность:

– ограниченность государственного финансирования: несмотря на наличие национальных стратегий, объемы реального государственного финансирования НИОКР и внедрения искусственного интеллекта часто недостаточны по сравнению с мировыми лидерами (США, Китай);

– низкая инвестиционная привлекательность: частные инвестиции в ИИ-стартапы и проекты в Российской Федерации остаются на сравнительно низком уровне. Инвесторы могут опасаться регулярных рисков, недостаточной защиты интеллектуальной собственности и общей экономической нестабильности.

4. Технологическое отставание и зависимость:

– зависимость от импортного оборудования и программного обеспечения: разработка и функционирование сложных ИИ-систем требует мощной вычислительной инфраструктуры (серверы, графические процессоры) и специализированного программного обеспечения. Российская Федерация во многом зависит от импорта этих компонентов, что усугубляется санкционными ограничениями и создает риски для технологического суверенитета;

– недостаток собственных разработок: в Российской Федерации научным школам не всегда удастся эффективно коммерциализировать разработки и создавать конкурентоспособные на мировом уровне продукты и платформы искусственного интеллекта.

5. Проблемы с данными:

– доступность и качество данных: эффективность искусственного интеллекта напрямую зависит от объема и качества данных для обучения моделей. В Российской Федерации существует проблема фрагментации данных, закрытости данных многих ведомств и компаний, недостатка качественных, размеченных датасетов для специфических задач;

– конфиденциальность и безопасность: сбор и использование больших объемов данных, необходимых для искусственного интеллекта, поднимают острые вопросы защиты персональных данных и коммерческой тайны. Необходим четкий баланс между возможностями искусственного интеллекта и правами граждан и организаций.

Для успешного развития и широкого использования искусственного интеллекта в Российской Федерации необходимо комплексное решение накопившихся проблем.

Для этого необходимо разработать более точное нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации, создать национальные стандарты, федеральные законы, у каждого предприятия должно быть свое положение о применении искусственного интеллекта и назначено ответственное лицо за допущенные ошибки алгоритмами робота.

Следует углубиться в изучение вопроса о развитии кадрового потенциала и образования. Важно актуализировать и расширять программы подготовки специалистов в области искусственного интеллекта на всех

уровнях. Важно делать акцент не только на фундаментальных знаниях (информатика, математика), но и на прикладных навыках работы с современными инструментами и методами машинного обучения, анализа данных. Необходимо повышать общий уровень понимания искусственного интеллекта и его возможностей не только среди технических специалистов, но и среди менеджеров, государственных служащих и населения в целом для более эффективного внедрения и использования технологий.

Для успешного развития искусственного интеллекта важно стимулировать исследование и разработки, следует наращивать объемы государственного и частного финансирования фундаментальных и прикладных исследований в области искусственного интеллекта, особенно в приоритетных направлениях. Важно создать стимулы для разработки российских программных платформ, библиотек и аппаратных решений для искусственного интеллекта, способных конкурировать с зарубежными аналогами и снизить технологическую зависимость.

Необходимо также обеспечить доступ к данным инфраструктуры, что будет подразумевать под собой формирование и поддержку открытых, качественных наборов данных для обучения и тестирования ИИ-моделей в различных отраслях, обеспечение доступа исследователей и разработчиков к современным высокопроизводительным вычислительным мощностям (суперкомпьютерам, облачным платформам), разработку четких правил сбора, хранения, обработки и обмена данными, обеспечивающих баланс между необходимостью использования данных для искусственного интеллекта и защитой, конфиденциальность.

В целом вышеперечисленное можно назвать комплексным и системным подходом к решению проблем, связанных с применением искусственного интеллекта. Реализация предложенных направлений позволит не только преодолеть существующие барьеры, но и создать прочную основу для технологического лидерства страны, повышения эффективности экономики и улучшения качества жизни граждан за счет разумного и ответственного применения возможностей искусственного интеллекта.

Преодоление существующего отставания требует немедленных, комплексных и системных мер со стороны государства, бизнеса и научного сообщества. Реализация предложенных направлений развития технологий искусственного интеллекта является критически важной задачей для ослабления угроз экономической безопасности и обеспечения Российской Федерации достойного места в формирующейся глобальной цифровой экономике.

Е.А. Немытьков, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЯХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Современные экономические преступления характеризуются высокой степенью латентности, использованием цифровых технологий и сложных финансовых схем. В таких условиях выявление экономических преступлений становится возможным при получении достоверной информации от негласных источников или путем тщательного анализа различной информации с целью установления многочисленных косвенных признаков преступлений. Данный процесс анализа тесно взаимосвязан с изучением информации о хозяйственных операциях, отраженной в первичных документах учета и отчетности. В связи с этим развитие информационных компетенций сотрудников правоохранительных органов по проведению анализа различных источников информации становится важным фактором их аналитической деятельности. Эти компетенции выражаются во владении современными инструментами обработки и анализа данных, в умении выявлять закономерности и скрытые связи между финансовыми операциями, что позволяет своевременно обнаруживать признаки противоправной деятельности и с высокой эффективностью выявлять экономические преступления.

Информационные компетенции включают в себя совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для поиска, анализа и обработки различных данных. Они обеспечивают эффективное выявления экономических преступлений на основе полученной информации. Этот процесс осуществляется посредством построения аналитических моделей, выявления закономерностей и связей между финансовыми операциями, использования различных видов анализа (документального, бухгалтерского, экономического) экономически значимой информации.

В настоящее время правоохранительные органы обладают большим инструментарием программного обеспечения для выявления экономических преступлений. Они позволяют обрабатывать большое количество данных, схематизируют и визуализируют информацию, что позволяет сотруднику правоохранительных органов принимать необходимое управленческое решение. В качестве примера такого программного

обеспечения можно привести Power Query – надстройка для табличного процессора Microsoft Office Excel. На базе Excel оно позволяет обрабатывать большие массивы различных данных, фильтровать и сортировать информацию по заданным критериям и пр., и в результате углубленно изучить информацию, сопоставить ее с различными источниками и построить неочевидные связи.

В современных условиях информация чаще всего проходит обработку на нескольких уровнях, например, после ее обработки в Power Query, информацию можно использовать для работы в программах визуальной аналитики (IBM i2 Analyst's Notebook). Она позволяет строить наглядные схемы связей между различными объектами анализа (банковская информация, информация от операторов сотовой связи и др.). Программное обеспечение облегчает анализ сложных схем мошенничества, «отмывания» денежных средств и уклонения от уплаты налогов, предоставляя аналитикам возможность выявлять аномальные и подозрительные действия. Данное программное обеспечение позволяет работать с данными в ручном режиме, а визуальное представление значительно облегчает процесс анализа и выявления паттернов, что является затруднительным при работе с данными в необработанном виде.

После ручной обработки информации она может быть использована для последующего анализа методами машинного обучения (CatBoost). Это современная библиотека машинного обучения, разработанная компанией «Яндекс», предназначенная для автоматического анализа больших массивов данных и построения моделей прогноза. Основным преимуществом использования CatBoost в правоохранительной деятельности является возможность обработки категориальных данных, т. е. способность автоматически обрабатывать категориальные признаки без необходимости их предварительного кодирования или преобразования в числовые значения. Используя CatBoost, не будут упущены текстовые данные, различные описания событий, места происшествий и др. В дополнение к этому информация обрабатывается в реальном времени и может быть актуализирована с учетом изменений в любой момент, что повышает точность прогнозирования и может быть использовано для выявления еще готовящегося или планируемого преступления. Однако для эффективной работы данного программного обеспечения необходимы большие объемы данных, приведенных к единообразному виду, а также опыт и определенные навыки работы с методами машинного обучения сотрудниками правоохранительных органов.

Обучение сотрудников правоохранительных органов аналитическим и информационным умениям представляет собой сложный, многоплановый процесс, требующий сочетания знаний в области экономики, фи-

нансов, информационных технологий и криминалистики. Основные проблемы в процессе обучения – быстрое развитие цифровых технологий, необходимость в материальном обеспечении необходимым оборудованием и программным обеспечением, высокая сложность освоения аналитических навыков.

Повышение эффективности противодействия экономическим преступлениям в современных условиях требует комплексного развития информационной компетенции сотрудников правоохранительных органов. Это требует умения работать с современными инструментами обработки данных, большими объемами данных, а также высокого уровня аналитических навыков. Такой комплексный подход обеспечивает высокую эффективность аналитической работы, позволяет своевременно выявлять сложные преступные схемы, анализировать большие массивы информации, а также предсказывать потенциальные угрозы.

УДК 343.985

А.А. Ницололев, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ СИТУАЦИИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В МЯСОМОЛОЧНОЙ ОТРАСЛИ

Взятничество в мясомолочной отрасли Республики Беларусь является одной из острых проблем, оказывающих негативное влияние на экономику и социальную стабильность государства. Наиболее часто такие преступления совершаются в форме дачи и получения взяток (ст. 430 и 431 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)), а также посредничества во взяточничестве (ст. 432 УК), связанных с преступным сговором между должностными лицами субъектов хозяйствования и лоббированием интересов определенных коммерческих структур, участвующих в процедурах закупок, сопровождающимся фальсификацией документов. Эти действия не только подрывают доверие граждан к государственным институтам, но и создают серьезные препятствия для ведения законного бизнеса, снижают качество и безопасность продукции, что приводит к значительным экономическим потерям.

Для эффективного противодействия взяточничеству в мясомолочной отрасли осуществляется оперативно-розыскная деятельность, важным звеном которой является всесторонний анализ типичных оперативно-

розыскных ситуаций, позволяющих систематизировать информацию о преступлениях и разработать тактически грамотную последовательность действий оперативного сотрудника. Это позволяет выявить связи между лицами, совершающими преступления, а также прогнозировать дальнейшие последствия, планировать оперативно-розыскные мероприятия по пресечению общественно опасных деяний и предотвращать аналогичные факты взяточничества.

В теории оперативно-розыскной деятельности оперативно-розыскную ситуацию рассматривают многие отечественные и зарубежные ученые. Так, например, В.Н. Крюков в статье «Оперативно-розыскная ситуация: понятие и виды» рассматривает ее в качестве «совокупности фактических данных и условий, характеризующих конкретный момент оперативно-розыскной деятельности и определяющих выбор способов и средств ее реализации». По мнению П.Ф. Теплева, изложенному в учебном пособии «Основы оперативно-розыскной тактики», оперативно-розыскная ситуация – это динамическое состояние оперативной обстановки, отражающее взаимодействие субъектов и объектов ОРД и требующее принятия решений по сбору и обработке информации о преступлении.

Сходная научная категория также встречается в криминалистике, именуемая как следственная ситуация, однако по отношению к оперативно-розыскной ситуации прослеживается ряд отличий. Как отмечает Р.А. Халилов в статье «Соотношение оперативно-розыскной и следственной ситуаций в раскрытии преступлений», оперативно-розыскная ситуация может формироваться на стадии не уголовно-процессуальной, когда информация носит вероятностный характер и требует проведения оперативно-розыскных мероприятий для ее проверки, а также впоследствии документирования преступных действий, и служит тактической основой для будущего расследования. В этой связи следственная ситуация возникает после возбуждения уголовного дела, когда уже собраны доказательства.

Исходя из вышеуказанного, оперативно-розыскная ситуация – это не просто набор сведений о преступлении, а системное отражение оперативной обстановки, включающее: информацию о событиях, действиях и лицах, причастных к преступлению; внешние и внутренние факторы, влияющие на развитие ситуации; степень осведомленности оперативных подразделений; оценку возможных последствий и направлений оперативного реагирования.

Немаловажным фактором упорядочения оперативно-розыскных ситуаций при выявлении взяточничества в мясомолочной отрасли выступает их классификация. В научной литературе понятие классификации оперативно-розыскных ситуаций рассматривается как разделение си-

туаций по определенным признакам для выработки оптимальных тактических решений. Как отмечает в своей статье «Тактика оперативно-розыскной деятельности: теоретические основы и правовое регулирование» А.С. Александров, классификация оперативно-розыскных ситуаций – это «упорядоченная система научных категорий, позволяющая выстраивать алгоритм действий в типовых условиях оперативной деятельности». Анализ научной литературы показывает, что наиболее распространенные основания классификации оперативно-розыскных ситуаций включают в себя: 1) степень осведомленности оперативных подразделений: а) определенная (когда известны преступники, механизм и мотив преступления), б) неопределенная (информация неполная или противоречивая); 2) характер развития событий: а) стабильная (ситуация контролируется), б) динамическая (развивается быстро, требует немедленных решений); 3) содержание информации: а) разведывательная – направлена на сбор данных о готовящихся преступлениях; б) контрмерная – на пресечение уже совершаемых преступлений.

Необходимо также отметить, что для формирования классификации оперативно-розыскных ситуаций при выявлении взяточничества в мясомолочной отрасли важным составляющим является выделение исключительно типичных ситуаций, которые наиболее часто встречаются в практической деятельности. Это позволяет в ходе формирования классификации оперативно-розыскных ситуаций придать им не только научно-теоретический, но и прикладной характер.

Изученные мнения ученых, а также проведенный анализ практики выявления фактов взяточничества в мясомолочной отрасли позволяют нам прийти к выводу, что в основе классификации необходимо использовать критерий осведомленности оперативного сотрудника об участниках преступной деятельности, способах ее совершения, с учетом предварительной уголовно-правовой квалификации действий указанных участников (ст. 430–432 УК). В этой связи можно выделить следующие оперативно-розыскные ситуации, возникающие при выявлении взяточничества в мясомолочной отрасли:

1) получение взятки должностным лицом (ст. 430 УК). Характеризуется наличием информации о корыстных мотивах определенного должностного лица и способе совершения преступления. Акцент при осуществлении оперативно-розыскной деятельности делается на фиксацию передачи средств или имущественных выгод и установление связи между передачей и конкретными действиями (бездействием) по службе;

2) дача взятки представителем коммерческой структуры (ст. 431 УК). Характеризуется наличием информации о личной заинтересованности в благоприятном решении вопроса определенного представителя коммерческой структуры и способе совершения преступления. Акцент при

осуществлении оперативно-розыскной деятельности смещен на взяткодателя – представителе коммерческой структуры, выявлении инициаторов подкупа и документировании схемы подготовки передачи взятки;

3) посредничество во взяточничестве (ст. 432 УК). Характеризуется наличием информации о третьих лицах и способе совершения преступления, в рамках которого обеспечивается контакт между сторонами – взяткодателя и взяткополучателя. Акцент при осуществлении оперативно-розыскной деятельности смещен на посреднике и его роли, документировании его действий.

Приведенная нами классификация типичных оперативно-розыскных ситуаций при выявлении взяточничества в мясомолочной отрасли будет отличаться комплексом проводимых оперативно-розыскных и иных мероприятий, а также тактикой их проведения, особенностями реализации материалов оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, противодействие системному взяточничеству в мясомолочной отрасли является стратегической задачей, требующей применения специальной оперативно-розыскной тактики. Дифференцированный подход, основанный на глубоком анализе типичных оперативно-розыскных ситуаций, их классификации, позволяет разрабатывать целенаправленные и эффективные комплексы оперативно-розыскных мероприятий для каждого этапа коррупционной схемы в мясомолочной отрасли. Решение этой задачи позволит нанести удар по самой основе криминализации рассматриваемой отрасли, обеспечит не только минимизацию экономических потерь и безопасность продукции, но и восстановит честную конкуренцию, повысит доверие граждан к государству и создаст условия для устойчивого развития одного из ключевых секторов экономики страны.

УДК 343.985.8

К.С. Новиков, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «НАВЕДЕНИЕ СПРАВОК»: СУЩНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) в Республике Беларусь представляет собой одну из ключевых форм обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод личности, а также охраны собственности. Закон Республики Беларусь от 15 июля

2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) определяет цели, задачи, принципы и правовые основания ее осуществления. В рамках реализации задач ОРД проводятся оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), направленные на предупреждение, выявление и пресечение преступлений, а также на установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Поскольку отдельные из таких мероприятий могут затрагивать права граждан, их проведение строго регламентировано Законом об ОРД и сопровождается системой правовых гарантий, включая прокурорский надзор.

Одним из предусмотренных законодательством ОРМ является «наведение справок», имеющее прикладное значение для получения сведений, необходимых для решения задач ОРД. Согласно ст. 22 Закона об ОРД «наведение справок» заключается в направлении гражданину или организации письменного запроса с целью получения информации, связанной с профессиональной деятельностью лица либо сведений, которыми располагает организация, если такие сведения необходимы для выполнения задач ОРД. Приведенный в законодательстве термин сходен по своему содержанию с определениями, предложенными в научной литературе. Так, А.В. Рясов и А.И. Мещерин в своей публикации «О проведении оперативно-розыскного мероприятия „наведение справок“» высказывают мнение о том, что наведение справок – это ОРМ, заключающееся в получении информации, имеющей значение для решения задач ОРД, посредством направления запросов в государственные органы, органы местного самоуправления, организации, физическим лицам, располагающим или могущим располагать таковой, либо ее получение путем непосредственного ознакомления с соответствующими материальными носителями, в том числе посредством использования оперативных, криминалистических и иных учетов, информационных систем и других источников.

Рассмотрение различных вариантов определения указанного ОРМ позволяет отметить его схожесть с процессуальным действием, закрепленным в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК). Примером такого процессуального действия может послужить запрос органа, ведущего уголовный процесс. В специальной литературе отмечается, что отличить ОРМ «наведение справок» от указанного процессуального действия с точки зрения их содержания видится проблематичным. Полагаем, что данное разделение возможно по формальному критерию. Помимо правового регулирования они различаются: в субъектах проведения; целях проведения; в возможности проведения ОРМ негласно. Следует отметить, что результаты процессуаль-

ного действия являются источником доказательств по уголовному делу. Результаты ОРМ в соответствии со ст. 101 УПК могут быть признаны источниками доказательств только после проверки и оценки в установленном порядке.

Практическая направленность ОРМ «наведение справок» заключается в получении достоверных и документально подтвержденных сведений, необходимых для проверки оперативной информации, выдвижения и уточнения оперативных версий, а также определения дальнейшего направления работы по делу оперативного учета. В зависимости от конкретной оперативно-розыскной ситуации в ходе ОРМ могут запрашиваться данные о профессиональной деятельности, имущественном положении, окружении лица, банковских транзакциях, транспортных средствах, объектах недвижимости и других фактах, имеющих значение для решения задач ОРД. Полученные сведения нередко становятся основой для проведения последующих ОРМ или передачи материалов в органы, осуществляющие предварительное расследование, для принятия решения в порядке, установленном УПК.

Особое значение при проведении ОРМ «наведение справок» соблюдение правовых гарантий граждан, закрепленных в Конституции Республики Беларусь. Исходя из этого, в соответствии с частью второй ст. 22 Закона об ОРД проведение наведения справок требует санкции прокурора в тех случаях, когда получение информации связано с ограничением конституционных прав человека или предполагает доступ к сведениям, составляющим охраняемую законом тайну. Установленный порядок санкционирования обеспечивает дополнительную проверку обоснованности проведения ОРМ и служит важнейшей правовой гарантией законности деятельности органов, осуществляющих ОРД.

Рассматривая организационную составляющую проведения исследуемого ОРМ, следует отметить, что современный этап развития информационно-коммуникационных технологий привел к активному внедрению электронного документооборота в практику его проведения. Все больше запросов формируется и направляется в цифровом формате, что значительно упрощает взаимодействие между подразделениями органов внутренних дел и внешними организациями. Данная форма документооборота позволяет оперативно направлять запросы в банки, операторам электросвязи, транспортные и иные государственные структуры, сокращая сроки обработки и исключая потери информации на промежуточных этапах. Вместе с тем при использовании электронных средств обмена информацией должны соблюдаться требования законодательства о защите персональных данных и служебной информации, а также принцип конспирации, закрепленный в Законе об ОРД.

В заключение целесообразно отметить, что ОРМ «наведение справок» обеспечивает достоверность, полноту и документальное подтверждение сведений, необходимых для предупреждения, выявления и пресечения преступлений. Развитие технологий электронного документооборота уже сегодня существенно повышает эффективность проведения данного ОРМ, сокращая сроки обмена информацией. Полагаем, что в перспективе развития ОРД можно прогнозировать переход наведения справок в полностью электронный формат.

УДК 330

В.М. Пальникова, курсант факультета подготовки сотрудников для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**ВОПРОСЫ ЗАКОННОСТИ СБОРА,
АНАЛИЗА БОЛЬШИХ МАССИВОВ ДАННЫХ
ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ АНОМАЛИЙ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ**

В современном мире, характеризующемся усилением геополитической нестабильности и глобальной конкуренции, обеспечение экономической безопасности становится ключевым приоритетом для любого государства. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 определяет понятие экономической безопасности: «Экономическая безопасность – это состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации». Для противодействия этим угрозам государству необходимо осуществлять постоянный мониторинг и оценку состояния экономической безопасности, что предполагает сбор и анализ огромных объемов информации. Этот период больших данных открывает широкие возможности для исследований и инноваций, но он также вызывает серьезные этические и правовые проблемы.

Стратегия экономической безопасности прямо указывает на необходимость формирования системы управления рисками, основными зада-

чами которой являются выявление и оценка существующих и потенциальных вызовов и угроз экономической безопасности. Данный процесс основывается на анализе данных официального статистического наблюдения и иной информации, предоставляемой органами государственной власти и другими организациями. Это создает предпосылки для использования технологий анализа больших данных, включая фактологический и семантический анализ больших массивов текстов для выявления в них сообщений о рисках, угрозах и их характеристиках. Однако по мере того, как исследователи и государственные органы используют возможности больших данных, им приходится ориентироваться в сложной сфере этических соображений, чтобы обеспечить ответственные и эффективные исследования.

Одной из главных сложностей в этой сфере является обеспечение конфиденциальности и анонимности данных. С увеличением объемов и разнообразия источников информации исследователям приходится активно искать способы защиты частной жизни людей и сохранения их сведений в тайне. Хотя для этого часто применяют методы деидентификации, т. е. удаляют или шифруют личные данные, это не дает стопроцентной гарантии. Проблема в том, что даже такая обработка не всегда обеспечивает полную анонимность. Как справедливо отмечает Н.В. Кузнецов в своей статье «Проблемы формирования системы мониторинга состояния экономической безопасности на федеральном уровне»: «В некоторых случаях так называемые «анонимизированные» данные можно повторно идентифицировать с помощью умных методов связывания данных или путем объединения их с другой доступной информацией». Это, в свою очередь, создает реальную угрозу праву граждан на неприкосновенность частной жизни.

Не менее сложным вопросом является получение информированного согласия. Если раньше оно было обязательной основой для любых этических исследований, то в условиях работы с большими данными применять его становится проблематично. Основная причина кроется в пассивном характере сбора информации, ведь часто люди даже не подозревают, что их данные собирают и анализируют. Например, информация о посещенных сайтах, активности в социальных сетях или данные о местоположении часто накапливаются без какого-либо прямого взаимодействия с человеком. Это ставит под сомнение эффективность традиционных моделей получения согласия и заставляет искать новые подходы, которые бы строились на принципах прозрачности и информирования пользователей.

Помимо этических проблем, существуют строгие правовые ограничения, регулирующие сбор и обработку данных. основополагающим

документом в этой сфере является Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», целью которого является: «Обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну». Данный закон устанавливает четкие правила обработки персональных данных, требуя наличия законных оснований для их сбора и использования. Кроме того, Федеральный закон Российской Федерации от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» и Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» создают дополнительный уровень правовой защиты для различных категорий сведений.

Это создает серьезное противоречие: с одной стороны, государство для обеспечения экономической безопасности должно анализировать большие объемы информации, а с другой – существуют законы, которые эту информацию и права граждан защищают. Когда для выявления аномалий и потенциальных угроз начинают использовать большие данные, неизбежно возникает риск нарушения прав обычных людей. Например, алгоритмическая предвзятость может приводить к дискриминации. Такая предвзятость возникает по разным причинам, но часто проблема кроется в самих данных. Если в исходной информации какие-то социальные группы представлены непропорционально, то и выводы, сделанные на основе такого анализа, будут несправедливыми и могут навредить этим группам.

Таким образом, хотя большие данные и являются полезным инструментом для мониторинга экономической безопасности, их использование порождает серьезные правовые и этические вопросы. Ключевой задачей становится поиск баланса между необходимостью защищать государственные интересы и обязанностью соблюдать права человека на частную жизнь и защиту его данных. Пути решения этой проблемы включают в себя дальнейшее совершенствование законодательства, создание понятных и прозрачных механизмов контроля за сбором информации, а также повышение ответственности тех, кто с этими данными работает. Соблюдение этических принципов позволяет направить возможности больших данных на пользу обществу, а не во вред. Только при условии строгого следования закону и этике можно быть уверенным, что технологии анализа данных будут служить целям устойчивого и справедливого развития, а не станут инструментом для контроля и нарушения прав граждан.

А.С. Пузанова, курсант Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

В условиях всесторонней цифровизации процессов вопросы решения проблем визуализации доказательств на судебной стадии уголовного судопроизводства остаются актуальными и в настоящее время. Правоохранительная деятельность подвержена серьезной модернизации в связи с необходимостью применять все существующие технологии в «ногу со временем». Следует разобрать как конкретную стадию приведенного производства, так и возможность использования технологий виртуальной реальности, 3D-сканирования, голографической записи, а также определить возможные перспективы развития применения высоких технологий в уголовно-процессуальной деятельности.

Стадия судебного производства характеризуется представлением и исследованием доказательств в соответствии с ч. 5 ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Главным участником доказательной деятельности, которая является основополагающим средством «обеспечения законности и обоснованности, поддерживаемого в судебном разбирательстве уголовных дел, государственного обвинения». Однако процесс исследования и представления доказательств имеет особенности, например, при поддержании государственного обвинения с участием присяжных заседателей. Данные участники могут не иметь профессиональных качеств и навыков, для исключения труднодоступности понимания отдельных доказательств, в отличие от прокурора, деятельность которого априори строится на наличии таких качеств и навыков.

Вопрос о том, какие технологии демонстрации необходимо применять в случае возникновения подобных неясностей и их минимизирования, активно обсуждается в рамках всесторонних исследований.

В аспекте применения высоких технологий, конкретно технологии VR, прародителем которой является Чарльз Уинстон, создавший стереоскоп, для реконструкции места преступления (МП) в научной литературе представлено большое количество исследований. VR (виртуальная реальность) – технология, которая создает полноценную искусственную цифровую среду, погружение в которую возможно с использовани-

ем специальной аппаратуры, очков и шлемов виртуальной реальности. Милитаризованной деятельности виртуальная реальность коснулась в 1961 г., после разработки компанией PHILCO устройства HEADSIGHT, принцип которого строился на наличии двух видеоз экранов, связанных между собой, с камерой замкнутого контура, что позволяло военным удаленно следить за событиями, происходящими на поле боя.

Например, исследование Университета Южной Австралии освещает опрос группы респондентов, в количестве 15 человек, из которого следует, что при применении технологий виртуальной реальности проявляется наиболее успешное построение причинно-следственной связи.

Данная технология заключается в воссоздании иллюзии присутствия человека в определенном МП, исходя из материалов уголовного дела, находящегося на рассмотрении. С помощью VR возможно воссоздать по набору фотографий со всевозможных ракурсов трехмерную модель МП (квартира, лес и т. д.). При применении такой модели у присяжных появляется, пусть и искусственная, возможность проанализировать само МП и конкретных участников, имеющих значение для судебного производства.

Наибольшее распространение в работах различных авторов получил пример подачи ходатайства о применении VR-технологии для рассмотрения уголовного дела с участием присяжных в США, штат Флорида, 2022 г.

Адвокат подсудимого, обвиняемого в попытке наезда на соседа, ходатайствовал перед судом, с целью применить VR-очки, обосновав это тем, что у присяжных появится возможность оказаться на МП, и они смогут увидеть воссозданную картину происшедшего. Однако председатель судебной коллегии отклонил данное ходатайство, указав, что присяжные увидят различную картину происшедшего, если развернут головы в разные стороны, а обеспечить «синхронный» просмотр такой модели представляется невозможным. Следует отметить, что в последующем апелляционный суд поддержал инициативу адвоката использовать технологии виртуальной реальности в ходе защиты своих клиентов.

Затрагивая проблемы, возможные при применении VR-технологий в уголовном судопроизводстве, необходимо отметить материальную сторону данного вопроса. Физические выезды присяжных заседателей на МП – нередкое явление, а с помощью применения альтернативных способов появляется возможность сократить расходы, а также решить проблемы, когда этот выезд по различным обстоятельствам невозможен.

Существует также перспектива возникновения сканирования МП, которая минимизирует расходы государства на обеспечение выезда

следственно-оперативной группы (расходы на бензин для служебного автомобиля).

В Российской Федерации активно развивается процесс цифровизации, а именно активно применяются технологии видеоконференцсвязи. Данный вид присутствия на судебном заседании отражен в ст. 241.1 УПК РФ, введенной от 29 декабря 2022 г. ФЗ № 610-ФЗ. Рассматривая положения данной статьи, касательно участников уголовного судопроизводства, подсудимый имеет право участвовать в заседании суда при удовлетворении его ходатайства, в связи с наличием обстоятельств, исключающих возможность его присутствия. Суд также вправе принять решение об участии подсудимого, который находится под стражей, по ходатайству любой из сторон, при рассмотрении тяжких и особо тяжких преступлений.

Таким образом, следует выделить несколько выводов, которые возникли в ходе исследования. Законодательным органам Российской Федерации, а также судам высших инстанций следует проработать вопрос о правомерности и возможности применения VR-технологий непосредственно в суде. Органам и подразделениям, обеспечивающим техническую сторону обеспечения судебного заседания, нужно рассчитать все материальные риски и преимущества использования высоких технологий.

При осуществлении активного международного сотрудничества присутствует перспектива заимствования новейшего передового оборудования, существует перспектива успешного развития и применения данной технологии в уголовной и иной отрасли права, а также ее внедрения в иные сферы жизни Российского государства.

УДК 343.985

Я.О. Сазановец, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь;

Д.Ю. Котел, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РЕЦИДИВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Повторное совершение экономических преступлений может препятствовать развитию экономики и социальной сферы государства, что указывает на наличие глубоких социально-экономических предпосы-

лок, провоцирующих ранее судимых лиц вернуться к противоправной деятельности в экономической сфере. Существенное влияние на повторное совершение преступлений данного вида оказывают социально-экономические условия, в том числе в период после освобождения из исправительных учреждений лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Рецидивисты обладают знаниями о пробелах (слабые места) в законодательстве, что делает их опасными. Проблема усугубляется латентностью преступлений и недостатком эффективных мер реабилитации.

Видится, что социально-экономический контекст играет существенную роль в формировании предрасположенности к рецидиву. Неравенство доходов, недостаток образования, отсутствие работы и социальная изоляция – все это увеличивает вероятность возвращения к противоправной деятельности. Преступники, освобожденные из мест лишения свободы, нередко сталкиваются со стигматизацией, что затрудняет их реинтеграцию в общество и доступ к легальным средствам существования.

Стигматизация – это формирование негативного отношения к отдельному человеку или группе людей на основании каких-то психологических, физических, интеллектуальных и других особенностей. Процесс ведет к социальному неодобрению и может способствовать дискриминации. Стигматизация проявляется в навешивании ярлыков и негативных стереотипов, что приводит к социальной изоляции и ограничению возможностей для реабилитации. Ранее осужденным сложно было найти работу, жилье и наладить личные отношения из-за предубеждений работодателей, арендодателей и окружающих.

Гл. 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь (от 9 июля 1999 г. № 275-3) (далее – УК) установлен перечень преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. При этом особую опасность представляет рецидив экономических преступлений. Понятие рецидива содержится в ч. 1 ст. 43 УК и представляет собой совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление. Рецидивная преступность является одной из наиболее опасных разновидностей преступности. Лица, допустившие рецидив преступлений, обладают преступным опытом, определенными навыками и нередко отработанными способами совершения преступлений. Чтобы избежать наказания, они тщательно готовятся к совершению преступлений. По статистике, основную массу деяний, совершенных рецидивными преступниками, составляют корыстные и корыстно-насильственные преступления.

По данным диссертационного исследования «Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение», проведенного М.В. Гончаровой,

корыстные рецидивисты преимущественно являются представителями бедных слоев населения: до осуждения имели крайне низкие доходы, которых хватало на оплату минимального набора продуктов и услуг. К тому же после освобождения от наказания ранее осужденные в большей степени, чем законопослушные граждане, испытывают негативное влияние трудностей экономической ситуации в стране. Осужденным и освобожденным намного труднее устроиться на работу. При этом работодатели неохотно принимают их на работу (недостаточная квалификация, злоупотребление алкоголем, наличие судимости и социально-бытовых проблем). «Еще до осуждения из-за низкого образования и трудовой квалификации корыстные рецидивисты испытывали сложности в поиске работы. Низкая квалификация ранее судимых и, как следствие, низкая заработная плата, отпугивает их от зарабатывания легальных средств к существованию; корыстные рецидивисты предпочитают более простой, выгодный и привычный способ самообеспечения – совершение краж, мошенничеств, гораздо реже присвоений или растрат».

Экономические преступления, в отличие от насильственных, часто связаны с рациональным расчетом выгоды и риска. Рецидивисты, имеющие опыт совершения преступлений данного вида, могут считать, что повторное наказание не является препятствием для совершения преступления.

По нашему мнению, для эффективной борьбы с рецидивом экономической преступности целесообразно применять комплексный подход, включающий в себя совершенствование законодательства, повышение квалификации правоохранительных органов, разработку программ реабилитации, социальной адаптации, психологической поддержки, переподготовки, трудоустройства и др.

УДК 343.985

А.С. Сазонова, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ РЫНКОВ СБЫТА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Экономическая безопасность является основополагающим элементом устойчивого развития любого государства, представляющая собой состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому

развитию Республики Беларусь. В условиях геополитической нестабильности, сужения внешнеэкономических связей и внешнего давления расширение рынков сбыта приобретает стратегическое значение. Для Республики Беларусь, находящейся в условиях внешних ограничений и санкций, поиск и освоение новых торговых направлений становятся важнейшим механизмом компенсации экономических потерь и поддержания стабильности. В современных геополитических условиях Беларусь и Россия сделали ставку на углубленную промышленную кооперацию. И она приносит свои плоды. В странах активно развиваются совместные импортозамещающие производства, которые позволяют сохранять и приумножать технологический суверенитет. Несмотря на сложную внешнеэкономическую обстановку, экономика страны демонстрирует признаки восстановления, а динамика роста экспорта подтверждает эффективность выбранного курса. На сегодня промышленность и сельское хозяйство вносят ощутимый вклад в рост ВВП.

Важным направлением в обеспечении экономической безопасности на ближайшую перспективу может стать развитие торговой инфраструктуры как на внутреннем, так и на внешнем рынках. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы поставлены конкретные задачи, среди которых: уменьшение региональной дифференциации уровня потребления товаров и услуг за счет улучшения торгового и сервисного обслуживания в малых и средних городах, а также в сельской местности; расширение ассортимента, удобство графика обслуживания и оказание дополнительных услуг; обеспечение максимальной территориальной доступности товаров путем активного развития дистанционной торговли и сервисов доставки. Кроме того, значительное внимание уделяется повышению ценовой доступности продукции белорусских товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках. В этих условиях укрепление позиций отечественных предприятий является не только внутренней задачей, но и частью внешнеэкономической стратегии.

В более долгосрочной перспективе экономическая безопасность может обеспечиваться за счет повышения информационной открытости и цифровой трансформации торговой сферы. Расширение каналов информирования населения о доступной инфраструктуре торговли и бытовых услуг (в том числе через визуализацию объектов на картах и публикацию данных на интернет-платформах) направлено на повышение прозрачности и эффективности рыночной среды. Важную роль в этом процессе играет цифровизация торговли. В предстоящем пятилетии Беларусь планирует активно внедрять информационно-телеком-

муникационные и цифровые технологии. Среди ключевых направлений – создание системы цифровой каталогизации белорусских товаров с использованием 3D-моделей и цифровых двойников, развитие систем маркировки, идентификации и прослеживаемости продукции на всех этапах цепочки поставок. Для этого планируется использовать современные стандарты товарной нумерации, штрихового кодирования и электронный документооборот.

Несмотря на снижение темпов сотрудничества с рядом традиционных партнеров, Беларусь оперативно адаптировалась к новым условиям. Принят комплекс мер по наращиванию производства и активному продвижению белорусской продукции в других регионах. Ежемесячный рост экспорта подтверждает правильность выбранного подхода. Отдельно стоит отметить сельское хозяйство, где зафиксирован рекордный урожай зерновых культур, а также промышленность, объемы производства которой стабильно растут.

Для эффективного решения задачи нахождения новых рынков сбыта Республика Беларусь может применять целый ряд системных мер:

1. Возможно активизировать внешнеэкономическую дипломатию и участие в интеграционных проектах с государствами Евразийского экономического союза, Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

2. Допустимо создание межгосударственных торговых соглашений и зон свободной торговли, позволяющих белорусским предприятиям выходить на зарубежные рынки с минимальными барьерами.

3. Целесообразно формировать позитивный имидж белорусской продукции за рубежом, принимать участие в международных выставках, развивать национальный бренд.

Таким образом, по нашему мнению, расширение рынков сбыта становится не просто возможностью увеличения доходов, но и необходимым условием обеспечения экономической устойчивости государства. Беларусь демонстрирует способность адаптироваться к внешним вызовам, используя внутренние ресурсы, технологический потенциал и политическую волю. Целенаправленное продвижение на новые внешние рынки, цифровая модернизация торговли и систем управления, развитие логистической инфраструктуры и стимулирование внутреннего спроса формируют устойчивую базу для дальнейшего роста и укрепления экономической безопасности страны.

С.С. Тараева, слушатель факультета правоохранительной деятельности Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Создание и внедрение научно обоснованной и действенной государственной антинаркотической политики в России представляет собой одну из ключевых задач для государства в борьбе с наркопреступностью. Осуществление данной политики осуществляется различными государственными органами, должностными лицами и общественными организациями, а также органами внутренних дел. Эти структуры применяют все доступные ресурсы, средства и методы для предупреждения преступности, включая и скрытые способы.

Согласно статистическим данным, представленным на сайте «Госвеб», по состоянию на 2024 г. количество наркозависимых в Российской Федерации около 6 млн человек. 60 % – это молодые люди 16–30 лет, 20 % составляют школьники 9–13 лет. Периодически потребляют наркотики больше 18 млн человек. Каждый день количество наркоманов увеличивается на 250 человек, умирает ежедневно от наркотиков в России 80 человек. По информации официального представителя МВД России Ирины Волк, с 2022 г. количество наркопреступлений в подростковой среде выросло в 1,8 раза, при этом сбыт запрещенных веществ увеличился в 2,4 раза. Исходя из представленных данных, можно сделать вывод, что потребление наркотических средств, психотропных веществ среди молодежи представляет серьезную угрозу для здоровья, социальной жизни и будущего общества.

А.С. Гребенникова, С.В. Поройский, Е.Б. Сысуев, авторы статьи «Наркомания и молодое поколение», опубликованной в научном журнале «Успехи современного естествознания», отмечают, что потребление наркотиков – одна из наиболее серьезных молодежных проблем, которая наносит существенный ущерб обществу и личности.

В современной России проблема потребления наркотиков молодежью и подростками приобрела масштабы национальной катастрофы. Еще 5–7 лет назад наркомания среди молодежи была редкостью, сегодня подростки составляют третью часть всех наркозависимых, обра-
ща-

ющихся за медицинской помощью. Согласно статистическим данным, 70 % потребителей наркотиков в стране – подростки и молодежь. Примерно 56 % юношей и 20 % девушек хотя бы раз в жизни пробовали наркотические или токсикоманические вещества, а продолжают их потребление 45 % мальчиков и 18 % девочек. Эти цифры свидетельствуют о глубоком системном кризисе, поразившем самые молодые и уязвимые слои населения.

Корни данной проблем кроются в социальных, психологических и экономических причинах. Подростковый возраст – период эмоциональной неустойчивости, становления личности и обостренного любопытства. В этом возрасте молодые люди стремятся быстрее стать взрослыми, самоутвердиться в компании сверстников, нередко находя ложные идеалы и пути для подражания. Одной из ключевых причин является влияние ближайшего окружения – друзей и компании. Часто первый прием наркотика происходит «за компанию» на дискотеке, в клубе или даже в школе, провоцируемый более опытными сверстниками.

Подросток, испытывающий трудности в общении с родными, может ошибочно воспринимать таких «друзей», как понимающих и близких по духу людей, способных заменить ему семью и школу. Другой пространственной причиной является бегство от реальности. Личные проблемы, отсутствие радости жизни, недовольство окружающей обстановкой, конфликты в семье, депрессия и чувство одиночества заставляют подростка искать спасения в запрещенных веществах, которое он по незрелости воспринимает как «средство от проблем». Семейное неблагополучие играет в этом процессе главную роль. Отсутствие внимания со стороны родителей, эмоциональная холодность, гиперопека или, наоборот, полное отсутствие контроля, асоциальный образ жизни старших членов семьи – все это создает почву для будущей зависимости.

Немаловажную роль играет и повсеместная доступность психоактивных веществ. Наркотики сегодня продаются довольно открыто, в том числе через интернет, где через мессенджеры молодежь может легко их заказать. Отдельную угрозу представляет собой стремительный рост популярности синтетических наркотиков, таких как «соли» и «спайсы», которые отличаются по составу, крайней токсичностью и высоким риском передозировки, способной привести к летальному исходу даже после первого приема.

Исследователи подчеркивают, что наркомания – это тяжелое, практически неизлечимое заболевание, внесенное в Международную классификацию болезней (МКБ-10). Оно приводит к тотальному разрушению личности, причем деградация при употреблении наркотиков наступает в

10–15 раз быстрее, чем от алкоголя. Говоря о профилактике потребления наркотических средств, стоит отметить, что Главное управление по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ГУНК МВД России) играет важную роль в информировании населения и борьбе с преступлениями, связанными с наркотическими средствами и психотропными веществами, путем использования оперативно-розыскных мер. Так, на примере отдельных субъектов Российской Федерации можно рассмотреть меры, направленные на профилактику наркомании среди молодежи.

В Воронежской области сотрудники полиции проводят активную профилактическую работу в образовательных организациях в виде бесед, лекций с несовершеннолетними, в ходе которых разъясняют ответственность и иные последствия немедицинского потребления наркотиков. В регионе для проведения антинаркотической пропаганды снят документальный фильм «Я скажу: „НЕТ!“», который размещен в сообществе «Воронежское антинаркотическое движение».

На территории Республики Дагестан участковыми уполномоченными полиции и инспекторами по делам несовершеннолетних совместно с Министерством по делам молодежи Республики Дагестан, администрациями муниципальных образований, общественными и молодежными объединениями проводятся оперативно-профилактические мероприятия по выявлению и пресечению фактов нелегальной торговли «Насвая», жевательного табака «Снюса».

УНК УМВД России по Приморскому краю ежегодно организует и проводит мероприятия, направленные на выявление и ликвидацию на объектах инфраструктуры надписей, несущих информацию об интернет-ресурсах, посредством которых осуществляются продажа наркотиков и рекрутинг закладчиков. В ходе таких мероприятий имели место факты выявления лиц, наносящих наркограффити. В частности, сотрудниками полиции ОМВД России по г. Уссурийску был задержан гражданин, который способом распыления аэрозольной краски осуществлял размещение электронного адреса интернет-магазина по продаже наркотиков на фасаде заброшенного здания. В отношении данного гражданина составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Сотрудниками полиции Воронежской области проводится значительная работа по ограничению доступа к сайтам пронаркотического характера. В частности, по инициативе Главного управления МВД России по Воронежской области направляются заявки на блокировку сай-

тов, используемых для организации сбыта наркотиков и вовлечения молодежи в наркопреступность. В регионе также осуществляется практика борьбы с «трафаретной рекламой» на фасадах зданий и тротуарах с указанием интернет-ресурсов, через которые осуществляется сбыт наркотиков.

Таким образом, оперативные подразделения МВД России активно борются с молодежной наркоманией через специальные профилактические программы. Важное направление их работы – вовлечение подростков в спорт и общественную жизнь. Совместно со школами и вузами они информируют педагогов и родителей о методах выявления и предотвращения беды. Такие меры создают более безопасную среду и помогают снизить уровень наркозависимости.

УДК 343.9

М.А. Тукишев, курсант следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Угрозы экономической безопасности Республики Беларусь носят комплексный и взаимосвязанный характер. Некоторые из них могут одновременно воздействовать на состояние экономической безопасности по нескольким направлениям.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь экономической безопасностью признается состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию Республики Беларусь.

Подобными факторами угрозы являются коррупционные проявления в агропромышленном комплексе Республики Беларусь (далее – АПК).

АПК является важным структурным элементом экономики государства, обеспечивающим продовольственную безопасность и экспортный потенциал. Учитывая, что экономика и АПК тесно связаны, противоправные деяния часто носят экономический характер, и их значительную часть составляют коррупционные преступления.

АПК и большая часть подотраслей данной сферы многофункциональны. Кроме «обыденного» растениеводства и животноводства, сюда также относятся машиностроение сельскохозяйственной техники, само-

ходных машин, ремонт и обслуживание техники, производство удобрений, микробиологическая промышленность, ветеринарная медицина, процессы по заготовке, переработке и продаже продукции и т. д.

Можно привести несколько примеров проявлений коррупции в АПК:

1. Производство специальной техники – «лоббирование интересов иностранных компаний на МТЗ, взятка заместителю генерального директора завода, 9 апреля 2024 г.».

2. Сельскохозяйственный процесс – «лоббирование интересов организации руководителем сельскохозяйственного предприятия в Любанском районе, взятка директору, 21 мая 2025 г.».

3. Производство продовольствия, переработка и реализация продукции – «лоббирование интересов организации руководителем сельскохозяйственного предприятия в Лепельском районе, взятка сотруднице, 15 июля 2024 г.».

4. Производственно-техническое обслуживание – «хищение деталей трактора на сельскохозяйственном предприятии в Бельничском районе, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, 6 мая 2025 г.».

5. Реализация конечного продукта – «хищение комбикормовой продукции скотником на сельскохозяйственном предприятии в Смоленском районе, 20 мая 2025 г.».

Отдельным риском в деятельности АПК является процедура государственных закупок. Несоблюдение порядка проведения конкурсов, процедур закупок, отдания предпочтения интересам третьих лиц – детерминанты, создающие среду для совершения коррупционных преступлений.

Актуальным вопросом для животноводства и в целом АПК является проблема сокрытия падежа скота. Ответственность по сокрытию реальной смертности скота возложена на должностных лиц сельского хозяйства, в частности на районных ветеринаров, зоотехников, бригадиров. Как показывает практика, наиболее распространенный способ проявления коррупции в АПК – нелегальная реализация животных на убой или продажу третьим лицам и последующее списание данного скота на естественный падеж путем оформления от имени работников-животноводов фиктивных документов (заявлений, актов на выбытие большого скота, товарно-транспортных накладных) о его падеже.

Обращаясь к Уголовному кодексу Республики Беларусь от 9 июля 1999 г., данные преступления относятся к преступлениям против интересов службы, преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности, например: хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210), злоупотребление властью или

служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2, 3 ст. 424).

Описанная проблема носит системный и комплексный характер, а также наносит ущерб экономической безопасности государства. Одним из способов решения данной проблемы является разработка Указа Президента Республики Беларусь, который будет регулировать деятельность АПК в области животноводства контрольно-надзорными органами.

Угрозой экономической безопасности является также недостаточная управленческая роль соответствующих комитетов и министерств, курирующих сферу АПК. Например, при Министерстве сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь существует комиссия по противодействию коррупции, однако, обращаясь к статистике коррупционных преступлений, предоставленной Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, следует отметить, что указанные деяния все еще остаются проблемой в борьбе с преступностью. Формализм и отсутствие эффективного контроля порождают, в свою очередь, условия для коррупции со стороны руководства АПК, наиболее часто проявляющиеся:

- в оказании должностным лицом при подготовке и принятии решений неправомерного предпочтения интересам третьих лиц;

- использовании должностным лицом служебного положения при решении вопросов, затрагивающих его личные, групповые и иные внеслужебные интересы;

- нарушении должностным лицом установленного актами законодательства порядка проведения конкурсов, аукционов, процедур закупок; хищении путем злоупотребления служебными полномочиями;

- и других противоправных деяниях, предусмотренных положениями Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией».

С целью недопущения возникновения указанных негативных последствий и их нейтрализации считаем целесообразным обозначить критерии безопасности АПК, к которым можно отнести обеспечение устойчивого функционирования АПК, укрепление и дальнейшую разработку мер, направленных на противодействие коррупционным нарушениям, развитие контрольно-надзорных процедур в деятельности АПК, в том числе в сфере государственных закупок, проведение профилактических мероприятий по недопущению проявления коррупционных проявлений, добросовестный отбор руководящих кадров, привлечение общественного внимания к проблематике коррупционных проявлений, например в средствах массовой информации, полное, точное и систематическое исполнение действующего антикоррупционного законодательства всеми субъектами хозяйствования АПК.

С.Е. Фидеенков, слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

ОПЕРАТОРЫ КРИПТОПЛАТФОРМ В СФЕРЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Широкое распространение интернета привело к росту киберпреступлений. Ключевой тенденцией стал переход злоумышленников от традиционных банковских схем к криптовалютам. Их привлекательность для преступников обусловлена:

- анонимностью кошельков;
- отсутствием централизованного контроля;
- сложностью отслеживания из-за использования множества кошельков.

Чтобы защитить граждан и предотвратить использование криптовалют в противоправной деятельности, 17 сентября 2024 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Указ № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», запрещающий физическим лицам покупку и продажу токенов без резидентов Парка высоких технологий (ПВТ).

Однако преступники адаптировались, используя аккаунты, зарегистрированные на подставных лиц (дропов), чьи данные были получены либо обманным путем, либо приобретены за денежное вознаграждение. В результате, несмотря на усилия государства, криптовалюты по-прежнему активно используются для отмывания денежных средств, полученным преступным путем.

Например, в криптообменнике Whitebird, являющемся резидентом ПВТ, максимальный размер разовой операции для платежных карт и расчетных счетов – 39 950 белорусских рублей. Однако разовая операция в размере от 19 900 белорусских рублей и до 40 000 белорусских рублей осуществляется по запросу на увеличение лимита, через форму обращения в службу поддержки и без дополнительных подтверждений. Дополнительное подтверждение, с предоставлением источника происхождения средств, осуществляется при обмене разово или суммарно в месяц свыше 80 000 белорусских рублей, а также для лиц от 18 до 21 года и старше 60 лет, если сумма обмена разово или суммарно в месяц равна или превышает 20 000 BYN. Служба финансового мони-

торинга сервиса Whitebird может запрашивать у пользователя дополнительные подтверждения по своему усмотрению без объяснения причин.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что злоумышленнику для осуществления криптовалютно-обменных операций необходимо большое количество профилей, с целью избегания внимания со стороны службы финансового мониторинга сервиса Whitebird и предоставления дополнительной информации об источнике происхождения средств. Считаем целесообразным инициирование предоставления дополнительной информации о происхождении средств и получения токенов во всех случаях совершения криптовалютно-обменных операций. Республика Беларусь заинтересована в противодействии использованию токенов в киберпреступлениях. Действующее законодательство в области противодействия киберпреступности соответствует современным тенденциям, однако требует усовершенствования в области международного сотрудничества и устранения возникающих в процессе его применения в практике.

Стоит отметить, что действующее административное и уголовное законодательство не предусматривает ответственность за продажу профилей Whitebird (далее – Компания). В соответствии со ст. 12.35 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях административная ответственность предусмотрена за незаконное предоставление из корыстных побуждений находящихся в законном владении реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам, электронным или виртуальным кошелькам. Практически идентичную диспозицию содержит и ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь с поправкой на субъекта. Согласно договору публичной оферты ЗАО «Уайт Бёрд» от 5 мая 2025 г. учетная запись (аккаунт) – это часть информационной системы Компании, содержащая совокупность данных о верифицированном клиенте, позволяющая реализовать интерактивную частичную демонстрацию функционала информационной системы Компании без ее непосредственного использования, а также непосредственно использовать функционал информационной системы Компании в полном объеме. В вышеуказанном документе фигурирует также фраза «электронный счет», являющийся неотъемлемой частью информационной системы Компании, используемая для учета, хранения и использования токенов, принадлежащих клиенту. При этом электронный счет не является ни банковским счетом, ни виртуальным кошельком и предназначен для покупки либо обмена криптовалюты, т. е. с использованием указанного счета невозможно совершать покупки и

оплачивать услуги. Клиенты Компании непосредственного доступа к управлению электронным счетом не имеют, но при помощи него на счета, в электронные и виртуальные кошельки, указанные клиентом зачисляются средства, электронные деньги и цифровые знаки (токены).

В практической деятельности сотрудников по противодействию киберпреступности нередко доводится иметь дело с лицами, которые оформили учетную запись и продали ее третьим лицам. При этом никакой конкретной меры воздействия ни административным, ни уголовным законодательством не предусмотрено. Считаем, что в описанных выше обстоятельствах имеются значительные проблемы, требующие корректировки действующих специальных норм административного и уголовного законодательства. Целесообразно ч. 1 ст. 12.35 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, а также ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса Республики Беларусь после слова «кошелькам», дополнить словами «а также учетным записям, при помощи которых осуществляются операции с токенами и электронными деньгами».

УДК 343.9

В.С. Цыва, курсант уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь

ВЛИЯНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Организованная преступность представляет собой одну из наиболее существенных проблем для экономической безопасности и социальной стабильности мирового сообщества. Ее деятельность подрывает стабильность финансовой системы, способствует росту теневой экономики, а также создает предпосылки для таких негативных явлений, как наркомания, коррупция, вымогательство, проституция и насилие.

Вопросы противодействия организованной преступности в настоящее время наиболее актуальные. Вместе с тем, несмотря на наличие научных исследований и концептуальных подходов в данном направлении, основное внимание обращается, как правило, на устранение отрицательных последствий этой деятельности, а не на ликвидацию причин и условий ее осуществления.

В настоящее время в мире продолжается рост преступности из-за отсутствия должных мер социально-правового контроля криминализации

общественных отношений. Уникальность современной организованной преступности заключается в ее способности адаптироваться к изменяющимся условиям, а также в оказании существенного влияния на политическую и экономическую ситуации в стране.

Понятие «организованная преступность» закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 27 июня 2007 г. № 244-З «О борьбе с организованной преступностью». Под данной дефиницией понимается общественно опасное социальное явление, выражающееся в создании организованных групп, включая банды, преступных организаций, осуществляющих преступную деятельность, характеризующихся признаками, определенными Уголовным кодексом Республики Беларусь. Кроме того, организованную преступность можно охарактеризовать как деятельность преступных объединений или группировок, созданных на финансовой основе. Выгода извлекается посредством предоставления незаконных услуг и реализации запрещенных к обороту товаров.

Организованная преступность – особое социальное явление, имеющее определенные криминальные последствия своего существования, ее следует рассматривать как систему социальных связей и отношений, сложившихся по поводу извлечения незаконной прибыли. Противоправная деятельность, осуществляемая организованными преступными группами, влечет за собой тяжкие последствия, создающие атмосферу неуверенности граждан в своей безопасности и неспособности государственной власти ее обеспечить.

Исследование организованной преступности целесообразно проводить всесторонне и объективно, изучать причины и условия ее возникновения, факторы, способствующие ее проявлению. При недостаточном противодействии организованной преступности существует вероятность возникновения ситуации, в которой преобладающим окажется влияние различных преступных групп, способствующих криминализации общественного сознания, государственной власти, экономических отношений.

Криминальные группировки, используя пробелы в законодательстве, маскируют свою незаконную деятельность под легальную. В связи с этим борьба с данным явлением требует комплексного подхода, включающего правовые, экономические, политические и организационные меры. Реализация таких мер государственными и общественными институтами должна быть направлена на подавление преступной активности и сдерживание ее распространения в обществе.

По нашему мнению, организованную преступность следует рассматривать как одну из существенных угроз для безопасности государства,

что требует повышенного внимания к ее противодействию. В связи с этим видится целесообразным внедрять действенные меры не только внутри страны, но и в рамках международного взаимодействия, учитывая трансграничный характер этой проблемы. Успешность борьбы с организованной преступностью во многом определяется слаженной работой правоохранительных структур разных государств. Поэтому крайне важно развивать и регулярно обновлять законодательную основу для международного сотрудничества, а также оптимизировать его механизмы и способы реализации.

УДК 343.985.8

Я.В. Шестириков, курсант факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

РОЛЬ ПРИНЦИПА КОНСПИРАЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Любая наука и любая практическая деятельность опираются на определенные принципы – основополагающие положения, которые направляют развитие теории и определяют содержание практических действий. Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) не является исключением. Принципы в этой сфере формируют ее идейную, правовую и организационную основу, обеспечивая внутреннюю согласованность и законность действий оперативных подразделений. Именно через систему принципов раскрывается сущность ОРД как особого вида государственной деятельности, направленного на защиту общества и государства от преступных посягательств.

Понятие принципа (от лат. *principium* – начало, основа) – это ключевое исходное положение, определяющее основные правила, методы и направления деятельности. В юриспруденции принципы – это закрепленные в законах и признанные обществом руководящие идеи, отражающие суть правового регулирования.

Принципы ОРД – это нормативно закрепленные и научно обоснованные руководящие положения, определяющие содержание, формы и методы деятельности оперативных подразделений. Они служат гарантом законности и эффективности ОРД, выступая своеобразным ориентиром для всех ее субъектов. Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об

ОРД) прямо закрепляет, что данная деятельность осуществляется с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно, что подчеркивает исключительное значение принципа конспирации. Уже в самом легальном определении отражена его роль как системообразующего начала, обеспечивающего безопасность сотрудников, защиту оперативной информации и эффективность выполнения задач оперативных подразделений. Одним из специальных принципов ОРД является конспирация. В узком смысле – это методы тайной организации для сокрытия деятельности и участников. В широком – просто сохранение тайны. Конспирация в ОРД и преступной деятельности – это противоположные способы сохранения тайны, используемые в противоборстве. Конспирация дает свободу и бесконтрольность в реализации замыслов, защищая свои секреты от противника и посторонних лиц посредством правил, направленных на сохранение тайны.

Стоит также отметить, что принцип конспирации – ключевой в ОРД, имеющий теоретическое обоснование. Он является методологической основой всех рекомендаций ОРД и должен отражаться в теории как частные принципы, связанные с реализацией ОРМ и средств. Таким образом, оперативно-розыскные мероприятия на всех этапах должны соответствовать принципу конспирации и его частным положениям, разработанным для оперативно-розыскной тактики.

Как отмечают в своей публикации «Философская основа оперативно-розыскной деятельности» И.А. Климов и Н.И. Сазонова, принципы ОРД основаны на научном осмыслении опыта борьбы с преступностью, теоретических разработках в области ОРД и философских взглядах общества. Большинство исследований конспирации в ОРД рассматривают ее как явление, а не как сущность, что характерно для оперативно-розыскной тактики. Принцип конспирации также отражает разведывательный характер. Конспирация предполагает законное использование приемов, позволяющих скрывать действия правоохранительных органов от преступников и окружающих. ОРД осуществляется тайно, как от лиц, причастных к преступлению, так и от других граждан.

В научной литературе принято различать общие и специальные принципы ОРД. К общим относят принципы законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также защиты прав и законных интересов организаций. Они обеспечивают правовую и нравственную основу всей оперативно-розыскной работы. Специальные принципы, напротив, отражают особенности специфических методов и форм негласной деятельности. Именно через данные принципы прояв-

ляется уникальный характер ОРД как деятельности, требующей особого режима секретности и правового регулирования.

Принцип конспирации занимает особое место среди специальных принципов ОРД. Он обеспечивает сохранение в тайне сведений об организационной структуре, тактике, силах и средствах, а также информации о лицах, участвующих в решении задач ОРД. Конспирация является тем условием, которое делает возможным проведение большинства оперативно-розыскных мероприятий, особенно негласных. Таким образом, соблюдение принципа конспирации представляет собой системное требование, пронизывающее всю структуру ОРД. При этом важно подчеркнуть, что конспирация в ОРД носит легальный характер и направлена не на укрытие противоправных действий, а на защиту интересов государства, общества и личности. В отличие от преступной конспирации, служащей сокрытию следов преступления, оперативная конспирация – это инструмент обеспечения законности и результативности деятельности правоохранительных органов.

Сущность принципа конспирации состоит в защите сведений, составляющих оперативную тайну, а также в законном сокрытии от преступной среды самой деятельности органов, осуществляющих ОРД. Он выражает разведывательный характер ОРД, позволяя реализовывать ее задачи в условиях противоборства с преступными элементами.

Нормативное закрепление принципа конспирации в Законе об ОРД придает ему статус обязательного организационно-правового начала. Закон об ОРД прямо указывает, что ОРД осуществляется с сохранением в тайне сведений об организации, силах, средствах, методах и планах ее проведения. К числу сведений, подлежащих защите, относятся данные о сотрудниках, участвующих в оперативных мероприятиях, о гражданах, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, о формах и результатах взаимодействия с организациями, а также о конкретных оперативных комбинациях и технических средствах, используемых в работе. Такое детализированное законодательное закрепление не только подчеркивает масштаб значимости принципа конспирации, но и создает прочный правовой фундамент для охраны сведений, составляющих оперативную тайну.

Анализ положений Закона об ОРД позволяет сделать вывод, что принцип конспирации выступает гарантом как эффективности ОРД, так и безопасности ее участников. Защита сведений о силах и средствах ОРД препятствует утечке информации, которая могла бы быть использована преступниками для противодействия правоохранительным органам. Кроме того, сохранение в тайне данных о гражданах, оказыва-

ющих содействии на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, обеспечивает защиту их жизни и здоровья, предотвращая возможные акты мести со стороны преступных группировок. Таким образом, конспирация не ограничивается сугубо техническими или организационными аспектами. Она выступает элементом правовой безопасности государства и механизмом сохранения доверия граждан к органам, ведущим оперативную работу.

Практическое значение принципа конспирации особенно ярко проявляется при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Так, при оперативно-розыском мероприятии «оперативное внедрение» соблюдение конспирации имеет первостепенное значение: от него напрямую зависят жизнь и здоровье сотрудника или лица, оказывающего содействие на конфиденциальной основе. Малейшая утечка информации способна не только повлиять на ход и результаты оперативно-розыскного мероприятия, но и привести к расшифровке личности внедренного сотрудника, что может повлечь за собой тяжкие последствия. Не менее важна конспирация и при проведении других мероприятий, связанных с получением информации негласным способом. Успех таких действий зависит от того, насколько незаметно они осуществляются и насколько тщательно соблюдена конспирация при планировании, организации и проведении оперативно-розыскного мероприятия. Даже косвенное раскрытие сведений об используемых технических средствах, местах наблюдения или тактике может позволить преступникам выявить слежку и принять меры для противодействия ей.

Таким образом, принцип конспирации представляет собой не формальное требование, а жизненно важное условие эффективной и безопасной работы оперативных подразделений. В современных условиях, когда преступная среда активно использует информационно-коммуникационные технологии, цифровую анонимизацию и методы контрнаблюдения, значение конспирации многократно возрастает. Она требует постоянного совершенствования методов ее обеспечения, внедрения современных технических решений и строгого соблюдения установленных правовых режимов. Недооценка данного принципа способна привести к срыву оперативных комбинаций, компрометации граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, и угрозе безопасности сотрудников, что подтверждает его ключевое значение в системе принципов ОРД.

Компьютерная верстка в программе InDesign. Расширение .pdf.
Доступно для Windows, macOS, Linux.

Технический редактор *А.В. Мозалевская*
Корректор *М.С. Прушак*

Дата подписания к использованию 02.03.2026.

Объем издания: 5.37 МБ.

Издатель:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.